АП
С-109
459/183-22

Отъ автора.

ЯЗЫКОВСКІЙ АРХИВЪ.

Выпускъ 1-й.

Письма Н. М. Языкова къ роднымъ

за дерптскій періодъ его жизни

(1822—1829).

Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями

Е. В. Пѣтухова.

ИЗДАНІЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1913.

ЯЗЫКОВСКІЙ АРХИВЪ.
Выпускъ 1-й.

PG3337
MC .I4
Z53

Письма Н. М. Языкова къ роднымъ

за дерптскій періодъ его жизни

(1822—1829).

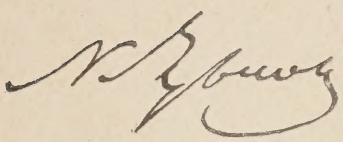
Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями

Е. В. Пѣтухова.

ИЗДАНІЕ
Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь. 1913. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pismanmiazykovak00iazy

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

1. Дерптскій періодъ въ жизни Н. М. Языкова (1822—1829). Біографическія замѣтки . . . . . 1—26

[Тутъ напечатано: Письмо М. Н. Дириной къ Н. М. Языкову, изъ Дерпта, отъ 11 мая 1839. С. 25—26].

2. Письма Н. М. Языкова:

1820.

I. Матери. 27 Февраля. [1820. Петербургъ] 3
II. А. М. Языкову. [27 Февраля, 1820. Петербургъ]. . . . . —

1822.

III. П. М. Языкову. 24 Марта 1822 [Петербургъ] 5
IV. П. М. Языкову. 31 Марта 1822 [Петербургъ] 7
V. П. М. Языкову. [Мартъ, 1822 Петербургъ] 8
VI. П. М. Языкову. 1822 [Мартъ. Петербургъ] 10
VII. П. М. Языкову. [Мартъ, 1822. Петербургъ] 11
VIII. А. М. Языкову. Дерптъ, 6 Ноября [1822] 12
IX. А. М. Языкову. Дерптъ. 13 Ноября, 1822 15
X. А. М. Языкову. Дерптъ [Ноябрь, 1822] 17
XI. А. М. Языкову. 19 Ноября [1822, Дерптъ] 20
XII. П. М. Языкову. Дерптъ, 19 Ноября [1822] 22
XIII. А. М. Языкову. Дерптъ, Декабрь 1822 23
XIV. А. М. Языкову. 12 Декабря 1822 [Дерптъ] 25
XV. А. М. Языкову. 17 Декабря [1822. Дерптъ] 27
XVI. А. М. Языкову. Дерптъ. 20 Декабря [1822] 29
XVII. А. М. Языкову. 27 Декабря 1822 [Дерптъ] 34

1823.

XVIII. А. М. Языкову. 6 Января 1823 [Дерптъ] 37
XIX. А. М. Языкову. 10 Января 1823 [Дерптъ]. 38
XX. А. М. Языкову. 17 Января [1823. Дерптъ] 40
XXI. А. М. Языкову. 17 Января 1823 [Дерптъ]. 41
XXII. А. М. Языкову. 21 Января 1823 [Дерптъ]. 42
XXIII. А. М. Языкову. 26 Января 1823 [Дерптъ] 44
XXIV. А. М. Языкову. 29 Января 1823 [Дерптъ]. 46
XXV. А. М. Языкову. 5 Февраля 1823 [Дерптъ]. 47
XXVI. А. М. Языкову. 11 Февраля 1823 [Дерптъ] 49

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Стран.

XXVII. А. М. Языкову. 13 Февраля 1823 [Дерптъ] 50
XXVIII. А. М. Языкову. Февраль 1823 [Дерптъ]. 52
XXIX. А. М. Языкову. 25 Февраля 1823 [Дерптъ] 54
XXX. А. М. Языкову. 5 Марта 1823 [Дерптъ]. 55
XXXI. Обоимъ братьямъ. 11 Марта 1823 [Дерптъ] 57
XXXII. Обоимъ братьямъ. 21 Марта [1823. Дерптъ]. 59
XXXIII. А. М. Языкову. 23 Марта [1823. Дерптъ] 60
XXXIV. Обоимъ братьямъ. 1 Апрѣля [1823. Дерптъ]. 62
XXXV. Обоимъ братьямъ. 4 Апрѣля [1823. Дерптъ]. 63
XXXVI. П. М. Языкову. 10 Апрѣля [1823. Дерптъ] 64
XXXVII. Обоимъ братьямъ. [Апрѣль, 1823. Дерптъ] 66
XXXVIII. Обоимъ братьямъ. 29 Апрѣля [1823. Дерптъ] 67
XXXIX. А. М. Языкову. 2 Мая [1823. Дерптъ]. 68
XL. Обоимъ братьямъ. 6 Мая [1823. Дерптъ] 69
XLI. А. М. Языкову. 13 Мая 1823 [Дерптъ] 70
XLII. А. М. Языкову. 20 Мая [1823. Дерптъ] 72
XLIII. Обоимъ братьямъ. 23 Мая [1823. Дерптъ]. 74
XLIV. Обоимъ братьямъ. 2 Іюня [1823. Дерптъ] 75
XLV. Обоимъ братьямъ. 16 Іюня [1823. Ревель]. 79
XLVI. Обоимъ братьямъ. 25 Іюля [1823. Дерптъ] 80
XLVII. Обоимъ братьямъ. 1 Августа [1823. Дерптъ]. 81
XLVIII. Обоимъ братьямъ. 5 Августа [1823. Дерптъ]. 83
XLIX. Обоимъ братьямъ. 12 Августа [1823. Дерптъ] 84
L. Обоимъ братьямъ. 22 Августа [1823. Дерптъ] 86
LI. Обоимъ братьямъ. 29 Августа [1823. Дерптъ] 87
LII. Обоимъ братьямъ. 5 Сентября [1823. Дерптъ] 90
LIII. Обоимъ братьямъ. 9 Сентября [1823. Дерптъ] 91
LIV. А. М. Языкову. 15 Сентября [1823. Дерптъ]. 93
LV. Обоимъ братьямъ. 26 Сентября [1823. Дерптъ] 95
LVI. А. М. Языкову. 3 Октября 1823 [Дерптъ]. 97
LVII. Обоимъ братьямъ. 10 Октября [1823. Дерптъ]. 99
LVIII. Обоимъ братьямъ. [Ноябрь 1823. Дерптъ]. 101
LIX. Матери. 16 Декабря [1823. Дерптъ] 103
LX. Обоимъ братьямъ. 18 Декабря [1823. Дерптъ]. 104

1824.

LXI. А. М. Языкову. 15 Января 1824 [Дерптъ]. 110
LXII. А. М. Языкову. 3 Февраля 1824 [Дерптъ]. 111
LXIII. Сестрѣ П. М. Языковой. 19 Февраля 1824 [Дерптъ] 113
LXIV. А. М. Языкову. 19 Февраля 1824 [Дерптъ] 115
LXV. Обоимъ братьямъ. 2 Марта 1824. Дерптъ 117
LXVI. Обоимъ братьямъ. 23 Марта [1824. Дерптъ]. 121
LXVII. Обоимъ братьямъ. 6 Апрѣля [1824. Дерптъ]. 123
LXVIII. А. М. Языкову. 12 Апрѣля 1824 [Дерптъ]. 127
LXIX. А. М. Языкову. 16 Апрѣля [1824. Дерптъ] 130
LXX. Обоимъ братьямъ. 20 Апрѣля [1824. Дерптъ] 131
LXXI. Обоимъ братьямъ. 27 Апрѣля [1824. Дерптъ] 132
LXXII. Обоимъ братьямъ. 11 Мая [1824. Дерптъ]. 134
LXXIII. А. М. Языкову. 24 Мая [1824. Дерптъ]. 135
LXXIV. А. М. Языкову. 1 Іюня [1824. Дерптъ] 136
LXXV. А. М. Языкову. 13 Іюня [1824]. Петербургъ. 138

Стран.

1825.

LXXVI. Роднымъ — въ Симбирскъ. 9 Января 1825. [Петербургъ]. 140
LXXVII. А. М. Языкову. 25 Января 1825. [Дерптъ] 142
LXXVIII. Сестрѣ П. М. Языковой. 25 Января 1825. Дерптъ 143
LXXIX. А. М. Языкову. 28 Января 1825. [Дерптъ] 145
LXXX. А. М. Языкову. 1 Февраля 1825. Дерптъ . . . . . —
LXXXI. А. М. Языкову. 4 Февраля 1825. Дерптъ 146
LXXXII. А. М. Языкову. 11 Февраля 1825. Дерптъ. 148
LXXXIII. Матери. 15 Февраля 1825. Дерптъ 150
LXXXIV. А. М. Языкову. 15 Февраля 1825. Дерптъ. 151
LXXXV. А. М. Языкову. 18 Февраля 1825. Дерптъ. 152
LXXXVI. Сестрѣ П. М. Языковой. 20 Февраля 1825. Дерптъ. 153
LXXXVII. П. М. Языкову. 20 Февраля 1825. Дерптъ. 154
LXXXVIII. А. М. Языкову. 24 Февраля 1825. Дерптъ. 156
LXXXIX. А. М. Языкову. 29 Февраля 1825. Дерптъ. 157
XC. П. М. Языкову. 11 Марта 1825. Дерптъ. 159
XCI. А. М. Языкову. 11 Марта 1825. Дерптъ. 160
XCII. А. М. Языкову. 18 Марта 1825. Дерптъ. 162
XCIII. А. М. Языкову. 22 Марта 1825. Дерптъ. 163
XCIV. А. М. Языкову. 1 Апрѣля 1825. Дерптъ. 165
XCV. А. М. Языкову. 5 Апрѣля 1825. Дерптъ. 166
XCVI. П. М. Языкову. 5 Апрѣля 1825. Дерптъ. 168
XCVII. А. М. Языкову. 7 Апрѣля 1825. Дерптъ. 169
XCVIII. Сестрѣ П. М. Языковой. 7 Апрѣля 1825. Дерптъ. 171
XCIX. П. М. Языкову. 8 Апрѣля 1825. Дерптъ. 172
C. А. М. Языкову. 14 Апрѣля 1825. Дерптъ 174
CI. А. М. Языкову. 22 Апрѣля 1825. Дерптъ 176
CII. А. М. Языкову. 26 Апрѣля 1825. Дерптъ 178
CIII. Сестрѣ П. М. Языковой. 26 Апрѣля 1825. Дерптъ 180
CIV. А. М. Языкову. 3 Мая 1825. Дерптъ 181
CV. А. М. Языкову. 10 Мая 1825. [Дерптъ]. 183
CVI. А. М. Языкову. 10 Мая 1825. Дерптъ. 184
CVII. А. М. Языкову. 19 Мая 1825. Дерптъ. 185
CVIII. А. М. Языкову. 24 Мая 1825. Дерптъ. 186
CIX. А. М. Языкову. 30 Мая 1825. Дерптъ. 188
CX. А. М. Языкову. 3 Іюня 1825. Дерптъ. . . . . —
CXI. П. М. Языкову. 7 Іюня 1825. Дерптъ. 189
CXII. А. М. Языкову. 7 Іюня 1825. Дерптъ. 190
CXIII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 17 Іюня. Петербургъ. . . . . —
CXIV. А. М. Языкову. 26 Іюля 1825. Дерптъ 191
CXV. А. М. Языкову. 2 Августа 1825. Дерптъ 192
CXVI. П. М. Языкову. 2 Августа 1825. Дерптъ 194
CXVII. А. М. Языкову. 9 Августа 1825. Дерптъ 195
CXVIII. А. М. Языкову. 16 Августа 1825. Дерптъ. 196
CXIX. А. М. Языкову. 19 Августа 1825. Дерптъ. 198
CXX. П. М. Языкову. 27 Августа 1825. Дерптъ. 200
CXXI. А. М. Языкову. 27 Августа 1825. Дерптъ. 201
CXXII. Сестрѣ П. М. Языковой. 27 Августа 1825. Дерптъ. 202
CXXIII. А. М. Языкову. 2 Сентября 1825. Дерптъ. 203
CXXIV. А. М. Языкову. 12 Сентября 1825. [Дерптъ]. 205
CXXV. А. М. Языкову. 20 Сентября 1825. Дерптъ 206

Стран.

CXXVI. П. М. Языкову. 4 Октября 1825. Дерптъ 208
CXXVII. Сестрѣ П. М. Языковой. 4 Октября 1825. Дерптъ. 209
CXXVIII. А. М. Языкову. 4 Октября 1825. Дерптъ 210
CXXIX. А. М. Языкову. 17 Октября [1825. Дерптъ] 211
CXXX. А. М. Языкову. 23 Октября 1825. Дерптъ. 213
CXXXI. А. М. Языкову. 26 Октября 1825. Дерптъ. 215
CXXXII. А. М. Языкову. 1 Ноября 1825. Дерптъ. 216
CXXXIII. А. М. Языкову. 8 Ноября 1825. Дерптъ. 217
CXXXIV. А. М. Языкову. 14 Ноября 1825. Дерптъ 220
CXXXV. А. М. Языкову. 18 Ноября 1825. Дерптъ 221
CXXXVI. А. М. Языкову. 29 Ноября 1825. Дерптъ 223
CXXXVII. П. М. Языкову. 2 Декабря 1825. Дерптъ 224
CXXXVIII. А. М. Языкову. 6 Декабря 1825. Дерптъ 226
CXXXIX. А. М. Языкову. 13 Декабря 1825. Дерптъ . . . . . —
CXL. А. М. Языкову. 16 Декабря 1825. Дерптъ. 227
CXLI. Сестрѣ П. М. Языковой. 16 Декабря 1825. Дерптъ 229
CXLII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 25 Декабря 1825. [Петербургъ] 231
CXLIII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 29 Декабря 1825. Петербургъ. 232
CXLIV. Сестрѣ П. М. Языковой. 30 Декабря 1825. Петербургъ 234
CXLV. Сестрѣ П. М. Языковой [Конецъ 1825] 235

1826.

CXLVI. Е. П. Языковой. 22 Января 1826. Петербургъ 236
CXLVII. П. М. Языкову. 22 Января 1826. Петербургъ 237
CXLVIII. А. М. Языкову. 14 Февраля 1826. Дерптъ. 238
CXLIX. А. М. Языкову. 28 Февраля 1826. Дерптъ. 241
CL. А. М. Языкову. 17 Марта 1826. Дерптъ. 243
CLI. Роднымъ — въ Симбирскъ. 4 Апрѣля 1826. Дерптъ. 244
CLII. Матери. 7 Апрѣля 1826. Дерптъ 246
CLIII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 25 Апрѣля 1826. Дерптъ 247
CLIV. А. М. Языкову. 5 Мая 1826. Дерптъ 248
CLV. А. М. Языкову. 12 Мая 1826. Дерптъ. 250
CLVI. А. М. Языкову. 21 Мая 1826. Дерптъ. 252
CLVII. П. М. Языкову. 9 Іюня 1826. Дерптъ. 254
CLVIII. П. М. Языкову. 23 Іюня 1826. Тригорское. 255
CLIX. Матери. 28 Іюля 1826. Дерптъ. 256
CLX. П. М. Языкову. 11 Августа 1826. Дерптъ 257
CLXI. П. М. Языкову. 2 Сентября 1826. Дерптъ 260
CLXII. Матери. 14 Сентября 1826. Дерптъ. 261
CLXIII. П. М. Языкову. 23 Сентября 1826. Дерптъ 262
CLXIV. А. М. Языкову. 17 Октября 1826. Дерптъ. 264
CLXV. А. М. Языкову. 29 Октября [1826. Дерптъ] 266
CLXVI. А. М. Языкову. 3 Ноября 1826. Дерптъ. 268
CLXVII. А. М. Языкову. [1826, Августъ — Ноябрь. Дерптъ]. 270
CLXVIII. А. М. Языкову. 10 Ноября 1826. Дерптъ 278
CLXIX. А. М. Языкову. 18 Ноября 1826. Дерптъ 280
CLXX. А. М. Языкову. 28 Ноября 1826. Дерптъ 281
CLXXI. А. М. Языкову. 5 Декабря 1826. Дерптъ 282
CLXXII. А. М. Языкову. 19 Декабря 1826. Дерптъ. 284
CLXXIII. П. М. Языкову. 22 Декабря 1826. Дерптъ 285
CLXXIV. А. М. Языкову. 22 Декабря 1826. Дерптъ 286

Стран.

CLXXV. А. М. Языкову. 26 Декабря 1826. Дерптъ 287
CLXXVI. П. М. Языкову. 29 Декабря 1826. Дерптъ 289

1827.

CLXXVII. А. М. Языкову. 2 Января 1827. Дерптъ 292
CLXXVIII. А. М. Языкову. 5 Января 1827. Дерптъ 294
CLXXIX. А. М. Языкову. 16 Января 1827. Дерптъ 296
CLXXX. А. М. Языкову. 20 Января 1827. Дерптъ 297
CLXXXI. А. М. Языкову. [Январь 1827. Дерптъ] 299
CLXXXII. А. М. Языкову. [Январь 1827. Дерптъ] 300
CLXXXIII. А. М. Языкову. 30 Января 1827. Дерптъ 301
CLXXXIV. П. М. Языкову. 2 Февраля 1827. Дерптъ 303
CLXXXV. А. М. Языкову. 2 Февраля 1827. Дерптъ 304
CLXXXVI. П. М. Языкову. 5 Февраля 1827. Дерптъ 305
CLXXXVII. А. М. Языкову. Февраль 1827. [Дерптъ] 306
CLXXXVIII. А. М. Языкову. 14 Февраля 1827. Дерптъ 308
CLXXXIX. А. М. Языкову. 20 Февраля 1827. Дерптъ 310
CXC. П. М. Языкову. 23 Февраля 1827. Дерптъ 312
CXCI. А. М. Языкову. 2 Марта 1827. Дерптъ 314
CXCII. А. М. Языкову. 31 Марта 1827. Дерптъ 315
CXCIII. Матери. 5 Апрѣля 1827. Дерптъ 316
CXCIV. А. М. Языкову. 6 Апрѣля 1827. Дерптъ 317
CXCV. А. М. Языкову. 13 Апрѣля 1827. Дерптъ 318
CXCVI. А. М. Языкову. 21 Апрѣля 1827. Дерптъ 319
CXCVII. А. М. Языкову. 2 Мая 1827. Дерптъ 320
CXCVIII. Матери. 2 Мая 1827. Дерптъ 321
CXCIX. А. М. Языкову. 6 Мая 1827. Дерптъ 322
CC. А. М. Языкову. 17 Мая 1827. Дерптъ 323
CCI. Матери. 19 Мая 1827. Дерптъ 324
CCII. П. М. Языкову. 19 Мая 1827. Дерптъ 325
CCIII. А. М. Языкову. 1 Іюня 1827. Дерптъ 326
CCIV. А. М. Языкову. 1 Іюня 1827. Дерптъ 328
CCV. А. М. Языкову. 12 Іюня 1827. Дерптъ . . . . . —
CCVI. Матери. 18 Іюня 1827. Дерптъ 332
CCVII. А. М. Языкову. 20 Іюня 1827. Дерптъ 333
CCVIII. А. М. Языкову. 22 Іюня 1827. Дерптъ . . . . . —
CCIX. Матери. 7 Іюля 1827. Дерптъ 335
CCX. А. М. Языкову. 19 Августа 1827. Камби [близъ Дерпта] 336
CCXI. Матери. 1 Сентября 1827. [Камби, близъ Дерпта] 338
CCXII. А. М. Языкову. 1 Сентября 1827. Камби [близъ Дерпта] 339
CCXIII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 14 Сентября 1827. [Дерптъ] 341
CCXIV. П. М. Языкову. 4 Октября 1827. Дерптъ 342
CCXV. А. М. Языкову. 20 Ноября 1827. Дерптъ 343
CCXVI. А. М. Языкову. [Начало Декабря 1827. Дерптъ] 344
CCXVII. А. М. Языкову. 19 Декабря 1827. Дерптъ . . . . . —

1828.

CCXVIII. А. М. Языкову. 4 Января 1828. [Дерптъ] 347
CCXIX. А. М. Языкову. 10 Января 1828. Дерптъ 348
CCXX. А. М. Языкову. 18 Января 1828. Дерптъ . . . . . —

Стран.

CCXXI. А. М. Языкову. 25 Января 1828. Дерптъ 350
CCXXII. А. М. Языкову. 13 Февраля 1828. Дерптъ 351
CCXXIII. А. М. Языкову. 4 Марта 1828. Дерптъ . . . . . —
CCXXIV. А. М. Языкову. 7 Марта 1828. Дерптъ 353
CCXXV. А. М. Языкову. 21 Апрѣля 1828. Дерптъ 354
CCXXVI. А. М. Языкову. 27 Апрѣля 1828. Дерптъ . . . . . —
CCXXVII. А. М. Языкову. 5 Мая 1828. Дерптъ 355
CCXXVIII. А. М. Языкову. 12 Мая 1828. Дерптъ. 357
CCXXIX. А. М. Языкову. 18 Мая 1828. Дерптъ. 358
CCXXX. А. М. Языкову. 27 Мая 1828. Дерптъ. 360
CCXXXI. А. М. Языкову. 6 Іюня 1828. Дерптъ 362
CCXXXII. А. М. Языкову. 26 Іюня 1828. Дерптъ 363
CCXXXIII. А. М. Языкову. 5 Іюля 1828. Дерптъ 364
CCXXXIV. А. М. Языкову. 22 Іюля 1828. Дерптъ. 366
CCXXXV. Обоимъ братьямъ. 4 Августа 1828. Дерптъ. 367
CCXXXVI. А. М. Языкову. 15 Августа 1828. Дерптъ 368
CCXXXVII. П. М. Языкову. 20 Сентября 1828. Дерптъ 370
CCXXXVIII. П. М. Языкову. 26 Сентября 1828. Дерптъ 371
CCXXXIX. А. М. Языкову. 6 Ноября [1828] Дерптъ 373
CCXL. Обоимъ братьямъ. 8 Ноября 1828. Дерптъ. 374
CCXLI. Матери. 20 Ноября 1828. Дерптъ. 375
CCXLII. А. М. Языкову. 20 Ноября 1828. Дерптъ 376
CCXLIII. Обоимъ братьямъ. 29 Декабря 1828. Дерптъ. 378

1829.

CCXLIV. А. М. Языкову. 29 Января 1829. Дерптъ 379
CCXLV. А. М. Языкову. 6 Февраля 1829. Дерптъ 380
CCXLVI. Роднымъ — въ Симбирскъ. 9 Марта 1829. Дерптъ 381
CCXLVII. Роднымъ — въ Симбирскъ. 12 Марта 1829. Дерптъ. 383
CCXLVIII. А. М. Языкову. 20 Марта 1829. Дерптъ. 384
CCXLIX. Роднымъ — въ Симбирскъ. 2 Апрѣля 1829. Дерптъ. 385
CCL. Роднымъ — въ Симбирскъ. 24 Апрѣля 1829. Дерптъ 386
CCLI. А. М. Языкову. 30 Мая 1829. Москва. 387
CCLII. Сестрѣ П. М. Языковой. Зима 1829. Симбирскъ 388

[Помѣщенныя въ письмахъ стихотворенія Н. М. Языкова:

1. Не съ мечемъ, не въ бронѣ — я летѣлъ на конѣ... (13).
2. Смотрите: онъ летитъ надъ бѣдною вселенной... (61).
3. Къ халату. Какъ я люблю тебя, халатъ!... (108).
4. Муза. Богиня струнъ пережила... (137).
5. Краса полуночной природы... (143).
6. Корчма. Несется тройка удалая... (147).
7. Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта... (152. 155)
8. На петербургскую дорогу... (158).
9. Какимъ восторгомъ ты пылаешь... (166. 169).
10. Напрасно я любви Свѣтланы... (167).
11. Элегія. Она меня очаровала... (169. 173).
12. Дерптъ. Моя любимая страна... (170. 171).
13. Не часто ль тягостною мукой... (175).
14. Элегія. Свободенъ я: уже не трачу... (178).
15. Элегія. Я зналъ живое заблужденье... (178. 180).

Стран.

16. Прощайте миленькія бредни... (179. 180).
17. Довѣрчивой, простосердечной... (182).
18. Когда, гремя и пламенѣя... (186).
19. Прекрасно озеро Чудское... (197).
20. Поэтъ. Искать ли славнаго вѣнца... (217).
21. Элегія. Прощай, прелестница моя!... (218).
22. Къ Вульфу. Скажу ль тебѣ, кого люблю я?... (219).
23. Къ А. А. Воейковой. Забуду ль васъ когда-нибудь... (222).
24. Элегія. Меня любовь преобразила... (225).
25. Присяга. Потупя очи, къ небесамъ... (227. 230).
26. Вчера, какъ сумраки по небу... (229).
27. Вторая присяга. Когда печальная отъ страха... (239).
28. Къ Шепелеву. Ты мой пріятель задушевной... (240).
29. Къ Вульфу. Мой другъ, учи меня рубиться... (242).
30. Не въ первый разъ мой добрый Геній... (245).
31. Къ Шепелеву. Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья... (252).
32. Тригорское. Въ странѣ, гдѣ вольные живали... (270).
33. Къ Пельцеру. Свободны, млады, въ цвѣтѣ силъ (288).
34. По градамъ и селамъ, съ мечемъ и огнемъ... (299).
35. Всему человѣчеству... (311).
36. Невольный гость Петрова града... (315).
37. Д. Н. Свербееву. Во имя Руси, милый братъ... (330).
38. Ночь. Померкла неба синева... (337).
39. Ручей. Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей... (340).
40. На скамейкѣ (въ Камби). Служи тоскѣ уединенной... (342).
41. А. М. Языкову. Ты правъ, мой другъ: давно пора... (360).
42. А. Н. Вульфу. Прощай! Неси на поле чести... (372).
43. А. М. Языкову. Вотъ вамъ Наумовъ — мой предтеча... (376)].

3. Приложенія:

I. Воспоминанія А. Н. Татаринова о Н. М. Языковѣ (1855) 393
II. Письмо В. Ѳ. Ѳедорова къ Н. М. Языкову (1829) 400
III. Письмо М. М. Лунина къ Н. М. Языкову (1829) 403
IV. Н. М. Языковъ (Начало статьи Д. Н. Садовникова). 406
V. Изъ писемъ Н. М. Языкова къ А. Н. Вульфу (1827—1829) 411
VI. Объ альбомахъ съ автографами стихотвореній Н. М. Языкова 414
VII. Изъ библіографіи о Н. М. Языковѣ за дерптскій періодъ 431
VIII. Изъ родословной Языковыхъ. 433

4. Примѣчанія къ письмамъ Н. М. Языкова 435

[Академическая коллекція переписки Н. М. Языкова. — Коллекція Пушкинскаго Дома. — Правописаніе Языкова; пріемы настоящаго изданія въ этомъ отношеніи. — Портретъ Н. М. Языкова. — Примѣчанія, среди которыхъ, между прочимъ, помѣщены: Аттестатъ Н. М. Языкова изъ Горнаго Корпуса (1819). С. 441; Прошенія П. А. Кикина о братьяхъ Языковыхъ (1816—1819). С. 441—442); Прошеніе Н. М. Языкова Директору Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія (1819). С. 442—443; Свидѣтельство отъ Симбирскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. С. 443; Отрывокъ изъ письма Д. Н. Свербеева къ А. М. Языкову (1820). С. 443; Три отрывка изъ писемъ А. М. Языкова къ брату П. М. Языкову (1822). С. 445—446; Письмо проф. В. М. Перевощи-

Стран.

кова о фонъ-деръ-Боргѣ (1826). С. 447; Выписка изъ диплома на званіе студента, выданнаго Языкову (1823). С. 453—454; Письмо А. Л. Гофмана къ А. М. Языкову (1825). С. 472; Письмо Е. А. Языковой къ Н. М. Языкову (1826). С. 478; Посланіе Вас. Мызникова къ Н. М. Языкову (1827). С. 484; Записка А. Тютчева къ Н. М. Языкову (1827). С. 485; Отрывокъ изъ письма А. М. Языкова къ В. Д. Комовскому (1828). С. 490; Аттестатъ, выданный П. И. Прейсу изъ Дерптской Гимназіи (1838). С. 492; Отрывокъ изъ письма Н. Д. Киселева къ Н. М. Языкову (1829). С. 494; Письмо Е. Аладьина къ Н. М. Языкову (1829). С. 496; Письмо П. А. Осиповой къ Н. М. Языкову (1829). С. 496; Отрывки изъ писемъ Н. М. Языкова къ роднымъ 1830 года, изъ Москвы. С. 497; Записки профессоровъ В. Ф. Клоссіуса, Г. В. Еше и В. М. Перевощикова о слушанныхъ у нихъ Н. М. Языковымъ лекціяхъ (1829). С. 498].

5. Указатель личныхъ именъ. 499

6. Фототипическія приложенія:

Портретъ Н. М. Языкова (въ началѣ книги).—Снимокъ съ почерка Н. М. Языкова (с. 12).

Дерптскій періодъ жизни Н. М. Языкова

(1822—1829).

Біографическія замѣтки.

1.

Двѣ половины поэтической жизни Языкова. — Дерптскій періодъ и его значеніе въ біографіи Языкова. — Обращеніе къ письмамъ Языкова со стороны его біографовъ. — Первоначальное обученіе Языкова и пріѣздъ его въ Петербургъ. — Горный Кадетскій Корпусъ и Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія. — Возвращеніе въ Симбирскъ и вторичный отъѣздъ въ Петербургъ. — Рѣшеніе уѣхать въ Дерптъ.

Печатаемыя нами письма Н. М. Языкова изъ Дерпта къ роднымъ, извѣстныя до сихъ поръ лишь въ самой незначительной своей части и въ общихъ чертахъ, являются важнымъ матеріаломъ для жизнеописанія и изученія поэтической дѣятельности этого въ свое время весьма извѣстнаго писателя.

Поэтическая жизнь Языкова, считавшаго поэзію единственнымъ смысломъ и главнѣйшей цѣлью своего существованія, распадается на двѣ половины: первая, начавшаяся робкими пробами пера въ годы ученья въ Петербургѣ, нашла себѣ опредѣленное и до извѣстной степени законченное развитіе въ Дерптѣ, въ пору пребыванія его, въ теченіе семи лѣтъ (1822—1829), въ Дерптскомъ университетѣ; вторая падаетъ на остальныя 17 лѣтъ жизни (ум. 26 дек. 1846), проведенныя имъ то въ Москвѣ, то въ своей Симбирской деревнѣ, то за-границей, гдѣ Языковъ тщетно искалъ исцѣленія отъ своей мучительной болѣзни. Въ первую половину онъ является „поэтомъ радости и хмѣля“, пѣвцомъ „разгула и свободы“, обращаясь иногда, впрочемъ, къ историческимъ сюжетамъ и разрабатывая ихъ въ краткой формѣ съ преобладаніемъ лирическаго элемента; во второй онъ отдается то изображенію природы, преимущественно заграничной, то темамъ религіознаго и народно-патріотическаго содержанія, становясь въ ряды московскихъ славянофиловъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка.

Обладая небольшимъ, но несомнѣннымъ и искреннимъ, поэтическимъ дарованіемъ, Языковъ, по результатамъ своей поэтической работы, можетъ занимать въ ряду представителей русской поэзіи первой половины прошлаго столѣтія лишь второстепенное мѣсто. Однако, нѣкоторыя

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

подробности его литературнаго развитія представляютъ оригинальныя черты, цѣнныя для историка. Въ этомъ смыслѣ особенно интересной является именно первая, дерптская, половина поэтической жизни Языкова.

Въ первую четверть XIX вѣка и отчасти въ послѣдующіе полтора или два десятка лѣтъ старый Дерптъ представлялъ собою своеобразный уголокъ, гдѣ билъ живой родникъ научной мысли и литературнаго движенія. Конечно, эти литературные и научные интересы шли почти исключительно изъ Германіи, но они культивировались здѣсь въ особыхъ условіяхъ тихой провинціальной обстановки, патріархальныхъ нравовъ и своего рода мѣстнаго культурнаго и умственнаго консерватизма. По праву пользуясь въ то время репутаціей серьезной научной школы, Дерптскій университетъ временъ Паррота-старшаго и Эверса привлекалъ въ свои стѣны немалое число и русскихъ юношей, именами которыхъ пестрятъ относящіяся къ тѣмъ годамъ страницы университетскаго „Album Academicum“. Служба въ Дерптскомъ университетѣ, въ качествѣ профессоровъ, А. Ѳ. Воейкова (1814—1820) и В. М. Перевощикова (1820—1830), пребываніе въ Дерптѣ В. А. Жуковскаго (1815—1817), появленіе въ немъ Ѳ. В. Булгарина (1828), обученіе въ 20-хъ годахъ русскихъ свѣтскихъ офицеровъ геодезіи у проф. Ф. В. Струве, основаніе (1828) въ Дерптѣ „Профессорскаго Института“ съ исключительно русскимъ составомъ, наконецъ, вслѣдствіе этого, наѣзды многихъ русскихъ въ Дерптъ по своимъ родственнымъ и дѣловымъ отношеніямъ создали въ Дерптѣ въ указанное время наличность кружка русскихъ образованныхъ людей, нечуждыхъ литературѣ и наукѣ, учившихся, много читавшихъ или просто благоговѣвшихъ передъ источникомъ нѣмецкаго просвѣщенія и отдѣльными носителями того философско-рамантическаго настроенія, которое было такъ популярно въ Россіи въ эти годы вліянія на нее нѣмецкой поэзіи и философіи. Языковъ попалъ въ Дерптъ какъ разъ въ это особенное время, и потому письма его изъ Дерпта имѣютъ двойной интересъ — не только по отношенію лично къ нему, но и къ тогдашней русской колоніи въ Дерптѣ, наконецъ и вообще къ тогдашней русской общественной и литературной жизни, со многими представителями которой Языковъ лично или письменно поддерживалъ живыя, а иногда и тѣсныя связи.

Не вдаваясь въ подробную разработку біографіи Языкова, мы остановимся лишь на издаваемыхъ нами письмахъ, поскольку они являются матеріаломъ для знакомства съ жизнью и дѣятельностью поэта, съ окружавшей его въ дерптскую эпоху ближайшей и болѣе отдаленной средой.

На письма эти уже было обращено должное вниманіе біографами Языкова. Первымъ изъ нихъ желавшимъ дать нѣчто большее, чѣмъ то, что говорили о Н. М-чѣ некрологи и дружескія воспоминанія (М. П. Погодина, Шевырева, кн. П. А. Вяземскаго, С. Николаевскаго и др.), былъ Ѳед. Вас. Чижовъ[1]). Связанный съ Языковымъ единствомъ славянофильскихъ симпатій въ мо-

---

1) „Насъ обоихъ [т. е. Чижова и П. В. Кирѣевскаго] соединяла братская дружба съ покойнымъ Языковымъ... Мы встрѣтились [съ г-жей Свербеевой] у покойнаго нашего поэта Языкова, съ которымъ я жилъ братски и котораго за его жизнь, нравственную чистоту и ангельское незлобіе души всѣ мы истинно считали праведникомъ“. Воспоминаія *Ѳ. В. Чижова*. Историческій Вѣстникъ 1883, № 2, с. 257. 258.

сковскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ, Чижовъ хотѣлъ написать его подробную біографію и съ этой цѣлью взялъ его письма и другіе матеріалы отъ родственниковъ поэта, но, отвлеченный другими дѣлами, не выполнилъ этой задачи; послѣ смерти Чижова (1877) всѣ эти рукописи были возвращены роднымъ Языкова и хранились въ Симбирскомъ имѣніи (с. Анненковѣ) племянника поэта, Павла А-ровича Языкова. Осенью 1882 года біографіей Языкова заинтересовалось другое лицо, связанное съ нимъ узами земляческихъ отношеній; это былъ поэтъ и этнографъ, симбирскій уроженецъ, Дим. Ник. Садовниковъ (1846—1883); ему переданы были родными поэта для пользованія „всѣ бумаги покойнаго поэта — большой ящикъ, въ которомъ заключалось болѣе пуда литературной переписки“ [1]). Садовниковъ съ увлеченіемъ принялся за эту работу; въ короткое время успѣлъ снять копіи съ значительнаго числа писемъ Языкова, начать даже вчернѣ обработку его жизнеописанія, но судьбѣ угодно было прервать и этотъ трудъ въ самомъ его началѣ; былъ напечатанъ лишь изготовленный для этой біографіи портретъ Языкова [2]). Послѣ смерти Садовникова (19 дек. 1883) бумаги его долгое время оставались въ неизвѣстности относительно мѣста ихъ нахожденія, и только въ самое недавнее время, благодаря акад. Н. А. Котляревскому, были найдены и водворены въ составѣ имущества Пушкинскаго Дома, въ Академіи Наукъ [3]). Наконецъ, болѣе или менѣе воспользовался перепиской Языкова въ интересахъ его біографіи покойный В. И. Шенрокъ [4]), но не обставилъ это пользованіе ни историко-литературными объясненіями, ни хронилогическими указаніями, и извлекъ изъ предоставленной въ его распоряженіе переписки лишь самую незначительную часть ея фактическаго содержанія.

Наше собраніе писемъ открывается двумя письмами 1820 года изъ Петербурга; одно обращено къ матери, а другое къ брату Александру; конечно, это только случайно сохранившіеся отрывки изъ даннаго года, такъ какъ переписка Языкова за это время и даже болѣе раннее, съ 1819 года, была въ рукахъ Д. Н. Садовникова; она, вмѣстѣ съ пятью напечатанными у насъ письмами 1822 года, до переѣзда Языкова въ Дерптъ, могла бы освѣтить наиболѣе темную часть жизнеописанія Языкова — годы ученья до университета и первые шаги въ литературѣ. Чтобы ясна была переписка Языкова съ родными изъ Дерпта, мы должны сказать нѣсколько словъ объ его жизни до этого времени.

Во всѣхъ біографическихъ работахъ, посвященныхъ Языкову, время его рожденія указывается 4 марта 1803 года. Садовниковъ въ своемъ едва начатомъ трудѣ ставитъ дату 4 марта 1804 года [5]). Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы по этому вопросу между собою расходятся: аттестатъ, выданный Языкову изъ Комитета Горнаго Кадетскаго Кор-

---

1) *Д. Садовниковъ.* Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Историческій Вѣстникъ 1883, № 12, с. 520.

2) Историческій Вѣстникъ 1884, № 5.

3) Начало біографическаго труда Д. Н. Садовникова объ Языковѣ помѣщено нами въ Приложеніяхъ къ настоящему изданію, № 4, с. 406—411.

4) Николай Михайловичъ Языковъ. Вѣстникъ Европы 1897, №№ 11. 12.

5) Приложеніе № 4, с. 410.

пуса 21 августа 1819 года, свидѣтельствуетъ, что Языковъ имѣлъ тогда „отъ роду 15 годъ“, и, т. о., предполагаетъ какъ будто даже 1805 годъ рожденія поэта, между тѣмъ какъ въ прошеніи самого Языкова, писанномъ лишь недѣлю спустя (28 августа 1819), прямо говорится: „отъ роду имѣю 16 лѣтъ[1]), т. е. предполагаетъ годъ рожденія 1803. Однако, вопросъ этотъ находитъ себѣ совершенно опредѣленное рѣшеніе, въ смыслѣ вѣрности даты 4 марта 1803 года, въ свидѣтельствѣ, выданномъ, Симбирской Духовной Консисторіей 22 апрѣля 1841 года А-ру Мих. Языкову, съ выпискою изъ метрическихъ книгъ Симбирской Вознесенской Церкви за 1803 годъ. Послѣдняя гласитъ такъ, подъ № 16: „У отставного гвардіи прапорщика Михаила Петрова сына Языкова сынъ Николай родился и крещенъ 4 числа Марта мѣсяца. Воспріемникомъ ему былъ статскій совѣтникъ Александръ Ермолаевъ; молитвовалъ и крещеніе совершалъ приходскій священникъ Миссаилъ Бадеряновскій, при діаконѣ Александрѣ Ивановѣ, дьячкѣ Никифорѣ Григорьевѣ и пономарѣ Сергіѣ Андріановѣ“ [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Первоначальное образованіе Языковъ получилъ дома; по опредѣленію Садовникова, оно было „незавидное“; на 12 году отправленъ былъ въ Петербургъ. О годахъ петербургскаго ученья въ существующихъ біографіяхъ Языкова господствуютъ самыя сбивчивыя и неясныя представленія. Въ настоящее время, при помощи публикуемыхъ нами архивныхъ данныхъ, на мѣсто ихъ можно поставить гораздо болѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Языковъ поступилъ 9 октября 1814 года въ Горный Кадетскій Корпусъ полупансіонеромъ, а съ 1 января 1816 года принятъ былъ и въ пансіонеры этого учебнаго заведенія, гдѣ обучались также и два другіе брата его, Петръ и Александръ; въ судьбѣ ихъ въ Петербургѣ живое участіе принималъ родственникъ ихъ, статсъ-секретарь по принятію прошеній на Высочайшее имя П. А. Кикинъ. Но порядки въ Корпусѣ были не по душѣ мальчику, не привыкшему дома къ строгой дисциплинѣ; къ тому же онъ рано сталъ писать стихи, для чего пансіонская жизнь не представляла ни достаточныхъ удобствъ, ни свободы. Въ Горномъ Корпусѣ Языковъ курса не кончилъ, пройдя только „нижніе“ и отчасти „средніе“ классы, учился тамъ посредственно, и въ августѣ 1819 года, по прошенію, былъ уволенъ изъ этого учебнаго заведенія безъ права „воспользоваться высочайше дарованными нынѣ сему корпусу преимуществами“. Черезъ недѣлю по полученіи отъ Горнаго Корпуса довольно посредственнаго аттестата, Языковъ подалъ, 28 августа 1819 года, прошеніе о принятіи его въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, но и тутъ природная лѣнь, непривычка къ регулярнымъ [занятіямъ и нерасположеніе къ математическимъ наукамъ сдѣлали свое дѣло: Языковъ былъ исключенъ изъ Института за нехожденіе въ классы. Къ этому времени недолгаго ученья въ Институтѣ относятся два письма его, у насъ напечатанныя (№№ I и II), изъ которыхъ въ послѣднемъ, къ брату Александру, отъ 27 февраля 1820, онъ выражаетъ надежду, что ему „дадутъ петлички“. Когда эти разсчеты на успѣхъ не оправдались, и Языкову пришлось

1) Настоящ. изд., с. 443.

Институтъ противъ воли оставить, онъ отправился — повидимому, весною или лѣтомъ 1820 года — въ деревню. Здѣсь провелъ онъ осень, а на зиму переѣхалъ въ Симбирскъ и предался тутъ, живя въ родномъ домѣ, провинціальнымъ развлеченіямъ, праздной жизни и стихамъ. По словамъ Садовникова, Н. М. написалъ за это время „много стиховъ, писалъ ихъ всякому, кто ни попроситъ“; объ общемъ же вліяніи на Языкова провинціальной жизни онъ замѣчаетъ: „Симбирская суета грозила также скрутить молодого Языкова, какъ чуть не скрутила молодого Карамзина“. Весной 1821 года Языковъ, по настоянію братьевъ, изъ которыхъ Петръ, окончивши курсъ въ Горномъ Корпусѣ, занимался научными изслѣдованіями по минералогіи и химіи, а другой служилъ въ Канцеляріи статсъ-секретаря П. А. Кикина въ Петербургѣ, пріѣхалъ снова въ столицу; онъ опять думаетъ о продолженіи образованія и готовится къ поступленію, по экзамену, въ Петербургскій университетъ, учится по-латыни и по-нѣмецки. Между тѣмъ въ это время Петербургскій университетъ, только что начавшій свою дѣятельность (1819), подвергся большимъ испытаніямъ, достаточно извѣстнымъ въ исторіи нашего высшаго образованія: со вступленіемъ въ должность попечителя, въ іюнѣ 1821 года, Д. П. Рунича, начавшаго дѣйствовать въ томъ же духѣ, какъ и М. Л. Магницкій въ Казани, для университета наступила эпоха разгрома, и это естественно путаетъ намѣренія Н. М-ча. О поступленіи въ университетъ нечего было и думать. Тогда мысль его, по совѣту братьевъ и родственниковъ, обращается на западъ: сначала думали о какомъ-нибудь университетѣ въ Германіи, но въ концѣ концовъ остановились на Дерптѣ. Такъ рѣшена была на нѣсколько лѣтъ дальнѣйшая участь Языкова.

Можно предполагать, что въ этомъ рѣшеніи самъ Н. М-чъ не принималъ особенно дѣятельнаго участія: испытавъ неудачу въ двухъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, онъ, конечно, могъ надѣяться получить въ университетѣ большій просторъ своимъ интересамъ въ другихъ областяхъ знанія, но его все-таки главнымъ образомъ влекло къ себѣ стихотворство. Литературныя симпатіи его на сторонѣ романтизма; онъ безгранично увлекается Байрономъ, читая его въ русскомъ переводѣ, и пишетъ, 21 октября 1821 года, отсутствовавшему изъ Петербурга брату Александру: „Большая часть времени моего проходитъ въ сочиненіи стиховъ. Проклятая страсть къ поэзіи! Я чувствую, что она много у меня отнимаетъ хорошаго, и, можетъ быть, и всегда будетъ то же. Но что дѣлать, пусть это такъ и останется. Справедливо сказалъ Шиллеръ, что страсть къ поэзіи сильна и пламенна, какъ первая любовь. Не знаю, какова первая любовь, но совершенно чувствую справедливость этого выраженія“ [1]). Къ этому времени Языковъ, какъ стихотворецъ, успѣлъ уже выступить и въ печати [2]).

Н. М. Языковъ пріѣхалъ въ Дерптъ 5 ноября 1822 года.

---

1) Приложеніе № 4, с. 411.

2) Посланіе къ К[улибин]у. Труды Выс. утв. Вольнаго Общества Любителей Росссійской Словесности [Соревнователь], ч. VI. 1819, с. 90—93. Подъ строкой слѣдующее примѣчаніе редакціи: „Общество въ поощреніе возникающихъ дарованій молодого поэта, воспитанника Горнаго Кадетскаго Корпуса, помѣщаетъ стихи сіи въ своемъ Журналѣ“.

2.

Прибытіе въ Дерптъ. — Семейство К. фонъ-деръ-Борга; отношеніе къ нему Языкова. — Подготовка къ поступленію въ студенты. — Языковъ, какъ студентъ; отношенія къ профессорамъ и товарищамъ. — Причины неудачнаго исхода намѣреній Языкова окончить университетскій курсъ. — Матеріальныя осложненія и душевное томленіе Языкова. — Отъѣздъ изъ Дерпта.

Языковъ пробылъ въ Дерптѣ приблизительно шесть съ половиной лѣтъ, съ осени 1822 по весну 1829 года.

Выборъ Дерпта для Языкова, какъ можно предполагать, состоялся не только потому, что Петербургскій университетъ, куда хотѣлъ первоначально поступить Языковъ, переживалъ тяжелую эпоху своего существованія и что Дерптъ пользовался солидной репутаціей, какъ источникъ высшаго образованія, но также и благодаря совѣтамъ А. Ѳ. Воейкова, который былъ тамъ недавно профессоромъ и съ которымъ уже познакомился Н. М-чъ въ Петербургѣ, помѣщая въ его „Новостяхъ Литературы“ первые свои опыты въ поэзіи[1]). Оба старшіе брата смотрѣли на Дерптъ какъ на такое мѣсто, которое своими условіями жизни поставитъ слабовольнаго и не привыкшаго къ самодѣятельности Н. М-ча въ необходимость серьезно приняться за науку и довести не разъ уже начатое дѣло до конца[2]).

По пріѣздѣ въ Дерптъ, Языковъ явился прежде всего, по рекомендаціи Воейкова, къ К. Ф. фонъ-деръ-Боргу, занимавшему тогда должность секретаря Дерптско-Верроскаго окружнаго суда. Петербургскій уроженецъ и воспитанникъ Дерптскаго университета, Боргъ былъ человѣкъ молодой, весьма образованный, съ поэтическими наклонностями и любитель русской литературы; въ 1820 году вышелъ уже первый томъ его замѣчательнаго по тому времени сборника переводовъ произведеній русской поэзіи на нѣмецкій языкъ „Poëtische Erzeugnisse der Russen“, и готовился второй томъ, вышедшій въ 1823 году; этотъ трудъ былъ начатъ Боргомъ, еще въ бытность его студентомъ, подъ руководствомъ и покровительствомъ Воейкова. На первое время для Языкова въ незнакомомъ и чуждомъ ему Дерптѣ знакомство съ домомъ Борга представляло важныя преимущества: въ самомъ Боргѣ Н. М-чъ нашелъ умнаго и пріятнаго собесѣдника, а въ его женѣ, родственникахъ и знакомыхъ, посѣщавшихъ домъ Борга и принадлежавшихъ къ мѣстному нѣмецкому обществу, практику нѣмецкаго языка и общеніе съ людьми, которые могли быть интересны и полезны русскому юношѣ, пріѣхавшему издалека и попавшему въ непривычныя для него условія жизни.

Первыя впечатлѣнія были очень пріятны и радостны: „Благодарю Воейкова, что онъ рекомендовалъ меня въ домъ такихъ людей, съ коими быть мнѣ чрезвычайно пріятно и которыхъ характеръ меня возхищаетъ“

---

1) 1822, № XV, с. 29—31: Посланіе къ А. Н. Оч[ки]ну; 1822, № XXIII, с. 156—158: Къ Я. М. А. [т. е. Александру Михайловичу Языкову], съ такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Сердечно благодаримъ молодого Поэта за сей прекрасный подарокъ отечественной публикѣ. Предсказываемъ ему блистательные успѣхи на поприщѣ Словесности. *Издатели*“.

2) Н. изд., с. 446.

(с. 16); „[Боргъ] меня принялъ какъ родного, и я нашелъ въ немъ человѣка совершенно удовлетворяющаго требованіямъ вкуса во всѣхъ отношеніяхъ; онъ полюбилъ меня, я полюбилъ его — и дѣло въ шляпѣ. Я живу здѣсь вовсе по-нѣмецки“ (с. 22). Сначала Языковъ поселился отдѣльно, недалеко отъ квартиры Борга (с. 21), и просилъ братьевъ прислать для услугъ ему крѣпостного мальчика изъ деревни; вскорѣ онъ перебрался на другую квартиру со своей мебелью (с. 28), „тоже подлѣ Борга“: „комнатка очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ“ (с. 39); но потомъ, не позднѣе февраля 1823, онъ поселился въ квартирѣ у Борга, пользуясь у него столомъ (распредѣленіе дня Языкова въ это время см. на с. 55). За свое содержаніе у Борга, вмѣстѣ съ теоретическими уроками нѣмецкаго языка, но не считая квартиры, Языковъ платилъ 1200 р. въ годъ (с. 16).

Ближайшей цѣлью Языкова, по пріѣздѣ въ Дерптъ, было, конечно, поступленіе въ университетъ. Тогда поступали въ Дерптскій университетъ или по экзамену, или по аттестату отъ предыдущаго учебнаго заведенія; у Языкова былъ такой аттестатъ, выданный ему изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса (Прим. къ с. 3, № 1). Но между пріѣздомъ Языкова въ Дерптъ и поступленіемъ въ студенты прошло болѣе полугода. Это время, вѣроятно по совѣту Борга и по собственному сознанію пользы дѣла, Н. М-чъ употребилъ на усвоеніе нѣмецкаго языка, необходимаго тогда для слушанія лекцій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усердно занимался съ Боргомъ же и латинскимъ языкомъ, при нѣкоторомъ содѣйствіи профессора русской литературы В. М. Перевощикова, которому его тоже рекомендовалъ Воейковъ. Включеніе (имматрикуляція) Языкова въ студенты Дерптскаго университета состоялось 17 мая 1823 года, и именно на философскій факультетъ, который совмѣщалъ въ себѣ тогда нынѣшніе два, историко-филологическій и физико-математическій. Въ оригиналѣ имматрикуляціонной книги Дерптскаго университета [№ 1767] родъ занятій Языкова официально обозначенъ: Philosophie (Humaniora) [Архивъ Юрьевскаго университета]. Въ дипломѣ на латинскомъ языкѣ, выданномъ по этому случаю Языкову на званіе студента (Studiosus, Philosophiae cultor), были подробно, въ восьми пунктахъ, обозначены главнѣйшія его обязанности общаго характера (Н. изд., с. 453—454). По тогдашнимъ порядкамъ преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ, Языкову была предоставлена полная свобода слушанія тѣхъ или другихъ предметовъ; имѣя въ виду личные общеобразовательные интересы, которые влекли его, главнымъ образомъ, къ исторіи, эстетикѣ и философіи, и слѣдуя, очевидно, совѣтамъ факультета, а въ частности профессора Перевощикова, Н. М-чъ слушалъ многіе курсы по разнымъ отдѣламъ исторіи, философіи, праву, русской литературѣ, эстетикѣ, исторіи искусствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ выданный ему при оставленіи Дерпта аттестатъ, помѣченный 12 сентября 1830 года[1]).

Непосредственныя отношенія Языкова къ университету складывались по двумъ направленіямъ: съ одной стороны — къ профессорамъ, а съ другой—къ студентамъ и къ общественной жизни дерптскаго студенчества.

Дерптскій студентъ того времени стоялъ отъ своихъ профессоровъ

---

1) *Alex. Rosenberg.* Ein russischer Sänger des alten Dorpat, N. M. Jarykow. Baltische Monatsschrift. B. 60 (1905), S. 318—319.

довольно далеко, и соприкосновеніе между этими двумя сторонами въ частной жизни не было явленіемъ очень обыкновеннымъ. Тѣмъ болѣе это трудно было для Языкова, отдѣленнаго отъ своихъ наставниковъ принадлежностью къ другой національности, языкомъ, привычками, вкусами и своей природной застѣнчивостью.

Онъ восхищается преподаваніемъ Паррота-старшаго и Эверса, отдаетъ дань уваженія уму и краснорѣчію Паррота-младшаго, скептически отзывается о Моргенштернѣ, интересуется географическими лекціями Морица Энгельгардта, хвалитъ ученость Неймана и пр., но онъ не знаетъ и не пытается узнать ихъ поближе. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ смыслѣ является для него В. М. Перевощиковъ, читавшій въ университетѣ курсы исторіи русской литературы. Не смотря на то, что въ Перевощиковѣ видѣлъ Языковъ сторонника устарѣлыхъ литературныхъ вкусовъ, самолюбиваго педанта и человѣка безъ особыхъ дарованій, онъ былъ очень радъ сблизиться съ этимъ профессоромъ—русскимъ по языку и происхожденію и во всякомъ случаѣ близкимъ къ той области, которая дорога была самому Языкову. Онъ часто бывалъ у Перевощикова на его домашнихъ пріемахъ, много бесѣдовалъ и спорилъ съ нимъ о русской литературѣ, и въ свою очередь пользовался большимъ вниманіемъ со стороны этого профессора: Перевощиковъ дорожилъ Языковымъ не только какъ русскимъ, которыхъ среди его слушателей было немного, но и какъ даровитымъ начинающимъ поэтомъ, много обѣщавшимъ въ будущемъ; онъ цѣнилъ и внимательно отмѣчалъ присутствіе на своихъ лекціяхъ Языкова и нерѣдко давалъ или рекомендовалъ ему тѣ или иные сюжеты для поэтической обработки. Въ письмѣ 2 марта 1824 Языковъ писалъ братьямъ: „Перевощиковъ ко мнѣ чувствуетъ особенное благоволеніе послѣ прочтенія моего отрывка изъ Баяна: даже на лекціяхъ не начинаетъ говорить, покуда я не приду; даже въ глаза говоритъ мнѣ, что я имѣю истинный талантъ, совѣтуетъ написать поэму или трагедію“ (с. 119).

Со студентами мѣстнаго происхожденія—въ огромномъ большинствѣ тогда нѣмцами—Языковъ не имѣлъ сколько-нибудь тѣсныхъ сношеній. Онъ могъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ въ домѣ Борга, съ другими по указанію Воейкова, а съ иными въ университетѣ, но этими знакомствами въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ пользовался лишь для практики въ нѣмецкомъ языкѣ: „студенты, коимъ я рекомендовался отъ Воейкова, люди болѣе свѣтскіе, нежели образованные, и вовсе не поэтическіе; съ ними невесело“ (с. 19). Впослѣдствіи, оставивъ домъ Борга и живя отдѣльно, онъ принялъ къ себѣ на житье одного нѣмецкаго студента (А. Н. Татариновъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, предположительно называетъ его Гартманомъ: Прил. № 1, с. 393), платя ему опредѣленное жалованье и пользуясь отъ него уроками по древнимъ языкамъ и нѣмецкой литературѣ, но изъ этого совмѣстнаго житья ничего хорошаго для Н. М-ча не вышло: студентъ только мѣшалъ его занятіямъ и въ сильнѣйшей степени злоупотреблялъ его добродушной довѣрчивостью. Хотя Языковъ не состоялъ членомъ ни въ одной изъ нѣмецкихъ корпорацій, однако считалъ своимъ долгомъ и сначала находилъ даже удовольствіе участвовать въ разныхъ студенческихъ развлеченіяхъ: былъ членомъ студенческой

„Муссы“, посѣщалъ „фехтбоденъ“, участвовалъ въ „коммершахъ“ и не оставался позади другихъ въ товарищескихъ попойкахъ. На первыхъ порахъ это стоило немалыхъ денегъ, траты времени и возбудило даже опасенія братьевъ, которымъ Языковъ писалъ обо всемъ этомъ съ полной откровенностью. Но вскорѣ подобныя забавы, потерявъ интересъ новизны, стали надоѣдать Языкову, и уже въ февралѣ 1824 года онъ писалъ брату А. М-чу, что эти „студентскія приключенія“ его почти не привлекаютъ: „Мнѣ при началѣ моего вступленія въ университетъ было гораздо труднѣе самостоятельствовать, чѣмъ теперь: тогда нужно было наблюсть большую политику, не удаляться и не очень приближаться къ студентамъ; теперь же они меня любятъ, но узнали, что мнѣ не такъ то нравятся ихъ пьяныя забавы и проч. Говорятъ, что у меня характеръ слишкомъ тихъ для участвованія въ полной мѣрѣ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Короче, я умѣлъ— и это вещь важная—поставить ихъ отъ меня въ почтительномъ отдаленіи. При семъ помогла мнѣ нѣсколько и молва о моихъ поэтическихъ талантахъ: такъ, напр., часто то, за что съ другимъ была бы дуэль, мнѣ извиняется какъ поэту, съ которымъ званіемъ, они думаютъ, сопряжены обыкновенно нѣкоторыя странности“ (с. 112). Литературная извѣстность Языкова, какъ она была ни скромна въ эту пору, и его поэтическій талантъ помогали ему выдѣляться изъ общей студенческой массы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не только мнѣніемъ студентовъ, но и профессоровъ: пріѣзжалъ ли въ Дерптъ кто-либо изъ членовъ царствующей фамиліи или министръ А. С. Шишковъ, и изъ студентовъ формировалась почетная стража или депутація для выраженія привѣтствій, Н. М-чъ, по указанію университетскаго начальства, занималъ въ этомъ обыкновенно видное мѣсто и бралъ на себя активную роль.

Какъ извѣстно, прямая цѣль пребыванія Языкова въ Дерптѣ не была имъ достигнута: онъ не рѣшился приступить къ экзаменамъ и уѣхалъ изъ Дерпта „бездипломнымъ студентомъ“, не получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и права на „чинъ“, который для многихъ дворянскихъ дѣтей того времени былъ важнѣйшимъ побужденіемъ къ обученію ихъ въ высшей школѣ.

Біографами Языкова выставлялись до настоящаго времени разныя причины, объясняющія неудачный исходъ его намѣренія окончить университетскій курсъ въ Дерптѣ — то злоупотребленіе виномъ, то предосудительную болѣзнь, то природную лѣнь и полное отсутствіе интереса къ научнымъ занятіямъ. Издаваемыя нами письма даютъ для отвѣта на этотъ вопросъ богатый матеріалъ; они указываютъ на то, что къ неудачному результату привелъ Языкова цѣлый рядъ условій его дерптской жизни, совокупно дѣйствовавшихъ на эту слабовольную, недисциплинированную, хотя и весьма одаренную, натуру.

Прежде всего, Языковъ явился въ Дерптъ недостаточно подготовленнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій, которыя у большинства профессоровъ того времени носили строго научный характеръ. Вынесенныя Языковымъ изъ Горнаго Корпуса познанія исчерпывались обрывками разныхъ частей логики, поэзіи, всеобщей и русской исторіи, ботаники и зоологіи, физики и математики, римскаго и русскаго права, статистики, двухъ новыхъ языковъ и нѣкоторыхъ искусствъ; Институтъ Путей

Сообщенія прибавилъ къ этому лишь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ геометріи (с. 60). Свою недостаточную подготовку сознавалъ и самъ Языковъ, но затруднительность положенія усугублялась еще тѣмъ, что въ отношеніи университетскаго курса у него не было поставлено опредѣленной цѣли въ смыслѣ извѣстной, избранной имъ, спеціальности. Не стремясь ни къ какой опредѣленной профессіи, но интересуясь весьма многимъ, Языковъ, вступивъ въ составъ студентовъ, не сдѣлалъ ни какихъ шаговъ къ тому, чтобы поставить свои занятія въ опредѣленныя рамки; господствовавшая въ университетѣ свобода обученія сослужила ему плохую службу: онъ не могъ сосредоточиться и разбросался. Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Дерптъ Языковъ писалъ брату А. М-чу: „Едва ли я останусь въ Дерптѣ цѣлые 3 или 4 года: я пріѣхалъ сюда почти не затѣмъ, чтобы учиться...; мнѣ нужно было гораздо болѣе: научиться учиться — ето главное“ (с. 40—41). Юноша умный и любознательный, Языковъ, даже и при этой скромной цѣли, понималъ необходимость и дѣйствительно хотѣлъ, по пріѣздѣ въ Дерптъ, засѣсть за подготовительныя занятія для усвоенія тѣхъ наукъ, которыя намѣревался слушать въ университетѣ, но онъ учился одновременно — то математикѣ, то древнимъ и новымъ языкамъ, то нѣмецкой литературѣ. Кромѣ того, съ самаго же начала эти усилія нашли себѣ серьезную помѣху въ томъ убѣжденіи Языкова, не лишенномъ основанія, что онъ рожденъ именно для литературныхъ и поэтическихъ занятій, въ которыхъ наука должна играть лишь служебную роль: „Въ головѣ моей — писалъ онъ 21 янв. 1823 — собирается много надеждъ и мыслей [литературныхъ], смѣю сказать — новыхъ, но вся эта милиція смиренно ожидаетъ искуснаго генерала — науки, чтобы упоительнѣе выступить на поприщѣ славы“ (с. 43). Въ началѣ онъ былъ въ восторгѣ и отъ нѣмецкаго общества, и отъ языка, и отъ нѣкоторыхъ профессоровъ. „Поздравьте меня съ преображеніемъ, любезный братецъ— писалъ онъ 19 ноября 1822 брату Петру: я теперь покоенъ, почти доволенъ собою, умнѣе, прилежнѣе и вообще перемѣнился въ существо совершенно новое, лучшее, и сохранилъ прежняго только одинъ тѣлесный характеръ“ (с. 22); „Нѣмецкій языкъ есть истинно алмазный ключъ къ прекрасному и высокому“, пишетъ онъ брату Александру 5 февраля 1823 (с. 48), а 29 августа того же года, т. е. въ началѣ своего перваго студенческаго полугодія, когда онъ началъ регулярно посѣщать лекціи, такъ передавалъ свои впечатлѣнія отъ чтеній одного изъ популярнѣйшихъ профессоровъ, читавшаго русскую исторію: „Всѣхъ болѣе изъ профессоровъ меня восхищаетъ Еверсъ; его лекціи составляютъ самую пріятную, можно сказать амврозическую пищу моего ума: читаетъ просто, ясно и необыкновенно выразительно; его искусство выражать характеры людей очень сильно“ (с. 88). Языками — не только латинскимъ и нѣмецкимъ, но и греческимъ — усердно занимается онъ и послѣ своей имматрикуляціи, пренебрегая для этого, за недостаткомъ времени, даже гимнастикой и отказываясь отъ „занятій сладчайшихъ“, т. е. писанія стиховъ (с. 91—92. 95); изъ описанія его учебнаго дня (с. 116) ясно видно, что почти всѣ рабочіе его часы до шести вечера были заполнены самыми сухими, не интересными для него занятіями, пользу которыхъ онъ вполнѣ признавалъ.

Постепенно втягиваясь въ работу, которую онъ прерывалъ иногда

служеніемъ своей Музѣ, Языковъ весной 1824 года выразилъ братьямъ— отъ которыхъ, какъ младшій, зависѣлъ въ денежномъ отношеніи и съ которыми, особенно съ Александромъ, охотно совѣтовался во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей дерптской жизни — мысль перейти отъ Борга на отдѣльную квартиру и жить самостоятельно. Мотивомъ служило то, что часто семейная обстановка жизни у Борговъ отнимала у него слишкомъ много времени и вообще стѣсняла его свободу. „При всѣхъ возможныхъ добрыхъ качествахъ пансіонерской жизни — писалъ онъ братьямъ 6 апр. 1824 — она не вовсе уже удовлетворяетъ моимъ потребностямъ и даже мѣшаетъ моимъ занятіямъ. Въ теперешнемъ моемъ положеніи, составляя въ нѣкоторомъ, хотя и въ хорошемъ, смыслѣ часть семейства моихъ хозяевъ, я необходимо долженъ участвовать во всѣхъ ихъ радостяхъ и печаляхъ, которыя меня вовсе не радуютъ и мало печалятъ, какъ дѣла все-таки чужія моему сердцу; долженъ сообразоваться и время-препровожденіемъ досуговъ съ ними; въ угоду имъ говорить пустяки въ то время, когда могъ бы дѣлать что нибудь лучшее; знакомиться съ ихъ знакомыми, потому что они имъ знакомы; приноравливаться къ мѣсту и времени моими выходами и приходами; наконецъ — не имѣть возможности оставить у себя ученаго товарища въ то время, когда пора имъ обѣдать или чай пить, или ужинать. Все это можно дѣлать или, лучше, должно дѣлать, когда нужно или необходимо, но все это не очень пріятно, когда излишне“ (с. 125; ср. с. 134). И у Языкова зарождается мысль поселиться съ кѣмъ либо изъ нѣмецкихъ студентовъ; онъ ищетъ въ товарищи себѣ подходящаго „уединеннаго мыслителя“, „ученаго и добраго птенца“ (с. 132) и среди пріобрѣтенныхъ имъ знакомствъ (ср. с. 24) находитъ такого въ лицѣ бывшаго студента университета, учившаго до тѣхъ поръ Языкова греческому языку; имени его Языковъ не сообщаетъ (см. выше сообщеніе А. Н. Татаринова), но характеризуетъ его съ наилучшей стороны: „онъ человѣкъ съ вѣрными добрыми правилами и не украдетъ, не обманетъ“ (с. 133). Пока шла переписка объ этомъ съ братьями, наступило лѣто, и въ іюнѣ 1824 Н. М-чъ уѣхалъ изъ Дерпта на лѣтнія вакаціи въ Симбирскъ, откуда вернулся, черезъ Москву и Петербургъ, лишь въ концѣ января 1825 года, пропустивъ цѣлое учебное полугодіе, уже прямо на новую квартиру. Въ новыхъ условіяхъ Языковъ хотѣлъ устроиться какъ большинство другихъ студентовъ. Живя нѣкоторое время отдѣльно, а потомъ у Борга, онъ имѣлъ собственнаго крѣпостного слугу, „кухаря Ивана“, посланнаго ему братьями для мелкихъ услугъ и посылокъ и прибывшаго въ Дерптъ 4 августа 1823 (с. 83); съ переходомъ на отдѣльное житье, этотъ слуга такъ же оказался не нуженъ, какъ онъ въ сущности не нуженъ былъ и раньше; обѣдъ Языковъ бралъ для себя, своего товарища и Ивана въ „трактирѣ“. Однако Иванъ попрежнему оставался при своемъ баринѣ, и только почти черезъ четыре года Языковъ рѣшился отпустить слугу, объясняя это рѣшеніе въ письмѣ брату Александру (1 іюня 1827) такимъ образомъ: „напредки онъ мнѣ вовсе не нуженъ — мнѣ, который по возвращеніи отъ тебя [Н. М. хотѣлъ съѣздить этимъ лѣтомъ въ Петербургъ] долженъ будетъ оставить всю холь жизни и предаться душой и тѣломъ, денно и нощно, одной мысли поскорѣе кончить, наконецъ, мои томленія въ Дерптѣ“ (с. 326).

Впрочемъ, самостоятельное житье Языкова, вмѣстѣ съ товарищемъ—нѣмцемъ, принесло ему большія огорченія и было причиной весьма непріятнаго эпизода въ его дерптской жизни.

Сначала все шло, повидимому, очень гладко; въ письмахъ къ роднымъ Языковъ ничего не говоритъ о своемъ сожителѣ ни хорошаго, ни дурного; онъ упоминаетъ только о перемѣнѣ квартиры: поселившись сначала гдѣ-то вблизи университета (с. 142), Языковъ потомъ перешелъ, вмѣстѣ со своимъ сожителемъ, на новую квартиру уже „далеко отъ университета“, съ цѣлію избавиться отъ „ненужныхъ посѣтителей“; занятія „по части языковъ и литературы иноземной“ идутъ у него хорошо; на слушаніе лекцій употребляетъ онъ не болѣе трехъ утреннихъ часовъ — и то кромѣ субботы, которую цѣликомъ посвящаетъ стихотворству (письмо отъ 14 февраля 1826: с. 238—239). Но въ теченіе этого года (1825) сожитель Языкова успѣлъ въ сильной степени злоупотребить его беззаботностью и довѣріемъ, такъ что въ началѣ второго полугодія 1826 года Языковъ вынужденъ былъ поселиться совершенно одинъ въ „маленькой квартирѣ, свѣтлой, уютной, благообразной, высокопотолочной — и вообще прекрасной“: „это — прибавляетъ Языковъ въ письмѣ къ матери 28 іюля 1826 — для большей возможности заниматься плотнѣе и для несравненно большей возможности же писать стихи“ (с. 257). Самую же причину такого рѣшенія онъ объясняетъ въ двухъ письмахъ къ брату Петру. Въ первомъ (изъ Тригорскаго, гдѣ тогда гостилъ Языковъ, у П. А. Осиповой, отъ 23 іюня 1826) онъ обращается къ старшему брату, распоряжавшемуся денежными дѣлами, съ просьбой прислать весьма значительную сумму для уплаты долговъ: „возьми, напримѣръ, 1000 рублей (или больше, смотря по твоему уваженію къ моему таланту, братству, откровенности и памяти моего сердца), прибавь еще столько, да полстолько, да четверть столько, да еще разъ первое столько, и тогда — о, тогда ты не превзойдешь моего ожиданія!“ (с. 256). Во второмъ письмѣ (отъ 11 августа 1826, изъ Дерпта) онъ даетъ слѣдующее объясненіе своихъ долговъ: „Вотъ причины долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ. Самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года передъ симъ, мысль пожить это время съ Нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностію его исполнить и съ пріятными надеждами, взялъ я къ себѣ существо ето, съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1000 руб. въ годъ (уроковъ было 4 въ день, латинскаго и нѣмецкаго). По части учебной до конца и съ начала во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что, кромѣ пользы, мною пріобрѣтаемой отъ моего сожительника, я дѣлаю еще другое доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку, въ этомъ нуждающемуся и этого достойному. Онъ укрѣплялся болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, становился постепенно безпечнѣе о самомъ себѣ и о моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ большаго обращенія, возимѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостію моего имени у купцовъ — и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и перемѣнить даже собственное мое житье-бытье... Это главное

отдѣленіе долговъ моихъ; прочія извинительнѣе, благороднѣе, напр. моя двукратная болѣзнь въ продолженіе того времени, нѣкоторые посторонніе уроки, вспоможеніе постоянное, мною оказываемое одному здѣшнему студенту, которой сдѣлаетъ честь русскому имени, какъ филологъ, что при настоящей разсудительности дѣлъ моихъ и не важно, чѣмъ могу гордиться, и въ чемъ, вѣрно, ты не упрекнешь меня — не такъ ли? Прибавь къ етому еще мое неумѣніе обходиться и съ людьми, и съ деньгами“ (с. 258—259). Нѣтъ основанія заподозрить въ данномъ случаѣ правдивость и искренность Языкова, равно какъ и его желаніе, выраженное въ томъ же письмѣ, воспользоваться на будущее время назидательностью этой печальной „исторіи“. Однако П. М. Языковъ не торопился высылкой брату столь значительной суммы, которую тотъ просилъ помимо обычнаго его бюджета, а этотъ послѣдній — по предположенію А. Н. Татаринова — простирался до 6000 р. въ годъ. И Н. М-чъ, въ письмѣ отъ 22 декабря 1826, повторяетъ брату свою просьбу, признаваясь, что происшедшее съ нимъ „превозходитъ все несносное и непонятное въ состояніи людей, не умѣющихъ жить“; онъ уже пишетъ ему болѣе опредѣленно: „сдѣлай милость, сбери свои всѣ силы нынѣ и пришли мнѣ въ январѣ же [1827] круглымъ числомъ тысячъ пять; ето необходимо, болѣе, нежели необходимо для спокойствія моего приготовленія къ экзамену; ето первый и послѣдній случай тебѣ сдѣлать добро твоему брату“ (с. 285—286). Въ концѣ января слѣдующаго года Н. М-чъ увѣдомляетъ брата Александра, что „на конецъ концовъ Петръ умилостивился“ и обѣщалъ выслать пребуемыя деньги, которыя, въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ и прибыли, такъ что Языковъ могъ написать А. М-чу 2 февраля 1827: „наконецъ я расплатился съ моими заимодавцами: они успокоились — и вновь спокойна и свѣтла моя житейская дорога; теперь ничто не можетъ препинать ходъ моихъ занятій“ (с. 304). Впрочемъ, жизненнымъ урокомъ этимъ, поскольку онъ вытекалъ изъ его собственной оплошности и слабости воли, Языковъ воспользовался очень мало; правда, онъ жилъ уже съ этого времени одинъ и даже успѣлъ переменить еще разъ квартиру на „свѣтлѣйшую и благообразнѣйшую“ прежней (с. 328), но совершенно не могъ справиться со своимъ несложнымъ хозяйствомъ и весьма достаточнымъ бюджетомъ, такъ что, рѣшивъ оставить Дерптъ безъ экзаменовъ, въ письмѣ къ роднымъ 9 марта 1829, требовалъ высылки восьми тысячъ рублей: „у меня волосы дыбятся написать оное число роковое; боязнь, страхъ и Богъ знаетъ что тревожитъ мою надежду — замѣчу мимоходомъ, вообще съ нѣкотораго времени очень пугливую“ (с. 382). Наконецъ, оказалось, что и этихъ денегъ недостаточно для полной ликвидаціи старыхъ и новыхъ долговъ, такъ что Языковъ вынужденъ былъ оставить Дерптъ подъ порукой своимъ кредиторамъ Наумова, своего земляка и товарища, которому и просилъ братьевъ, въ письмѣ изъ Москвы, отъ 30 мая 1829, выслать еще 2.800 руб. (с. 388). Конечно, и это требованіе Языкова было исполнено.

Неопытность Языкова и даже неспособность его устроить внѣшнюю сторону своей жизни были лишь одною изъ причинъ, приведшихъ къ неудачному исходу все его, довольно продолжительное, пребываніе въ Дерптѣ. Письма даютъ намъ матеріалъ для сужденія и о другихъ причинахъ, б. м. еще болѣе важныхъ, и вообще о Языковѣ за этотъ періодъ

его жизни, когда окончательно складывался его характеръ, образовывались навыки и выяснялось до извѣстной степени его міровоззрѣніе.

Живая любознательность Языкова къ историческимъ, литературнымъ и отчасти политическимъ наукамъ и самыя лучшія намѣренія его достойнымъ образомъ приготовиться и хорошо окончить университетскій курсъ въ Дерптѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Онъ не только аккуратно ходилъ на лекціи и терпѣливо изучалъ нѣмецкій языкъ, литературу и древніе языки — особенно въ первую половину своего студенчества —, но и много читалъ. Въ своихъ письмахъ онъ называетъ много книгъ, которыя или уже прочиталъ или желалъ прочесть и просилъ объ ихъ присылкѣ брата Александра. Текущія литературныя новости получалъ онъ отъ самихъ издателей, напр. Воейкова и Аладьина; много иностранныхъ книгъ выписывалъ черезъ рижскаго книгопродавца Гартмана или петербургскаго Грефе, при чемъ особенно интересовала его лифляндская и русская исторія, изъ области которыхъ онъ усердно подбиралъ книги для своихъ будущихъ поэтическихъ трудовъ; по смерти проф. Лампе (1823) онъ очень интересовался возможностью купить часть книгъ изъ его библіотеки съ аукціона и жалѣлъ, что „не излишне богатъ деньгами“ для этого (с. 96); когда товарищъ Языкова Степановъ, по окончаніи курса, уѣзжалъ изъ Дерпта за-границу (1828), то онъ купилъ у него книгъ рублей на 500 („классиковъ“: с. 357). Не смотря на любезный и участливый пріемъ, оказанный Языкову въ семьѣ Борга, онъ съ самаго же начала чувствовалъ себя въ Дерптѣ какъ на чужбинѣ, и въ грустную минуту, вскорѣ послѣ пріѣзда, въ декабрѣ 1822, такъ писалъ о себѣ брату Александру: „Я не могу представить себѣ человѣка всегда веселаго, особливо тамъ, гдѣ онъ окруженъ людьми, вовсе ему чуждыми и раздѣляющими съ нимъ только житье и пойло“ (с. 35); потомъ, пріобрѣтя новыя знакомства, онъ нѣсколько привыкъ и освоился со своимъ положеніемъ, но его постоянно тянуло изъ Дерпта на родину. 18 января 1827 года, т. е. черезъ семь учебныхъ полугодій послѣ вступленія въ университетъ, онъ вышелъ изъ состава студентовъ, пересталъ ходить на лекціи и остался въ Дерптѣ для приготовленія къ экзаменамъ. Планъ будущей жизни представлялся ему въ слѣдующихъ чертахъ: „Выдержавъ здѣсь кандидатскій экзаменъ — писалъ онъ П. М. Языкову 29 декабря 1826 —, я съѣзжу на нѣсколько мѣсяцевъ къ вамъ въ Симбирскъ, откуда возвращусь въ Петербургъ, гдѣ прослужу отечеству только время, потребное для полученія чина... Послѣ этого начнется мое бытіе торжественное, поэзія моей жизни: я переѣду навсегда, навсегда жить въ деревню, съ книгами, съ пылкимъ желаніемъ и крѣпкими силами далѣе просвѣщаться, буду проводить время въ занятіяхъ великодушныхъ, въ жертвахъ ученію и Музѣ, совершенно свободной, не имѣющій обстоятельствъ, приличій, забывающій все, кромѣ высокаго и прекраснаго“ (с. 289—290).

Но это были только прекрасныя мечты. Съ самаго же начала подготовка къ экзаменамъ пошла неустойчиво и вяло, и, какъ бы предвидя неодолимую для него трудность серьезныхъ занятій, Языковъ пишетъ брату Петру въ февралѣ 1827: „Я не могу навѣрное сказать напередъ, когда наступитъ для меня счастливый день возможности навсегда покинуть Дерптъ, который, не смотря на всю свою ученость и на привольную

и беззаботную въ цѣломъ жизнь студентскую, мнѣ уже надоѣлъ“ (с. 303), и въ другомъ письмѣ, 5 февраля 1827, ему же: „На меня нашла теперь сильная, но, къ несчастію, неотвратимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть, что голова вянетъ; вообще науки, въ которыхъ меня пытать станутъ, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ Парнасскому. Чтожъ дѣлать? Надобно покориться нуждѣ и общественному мнѣнію, и духу времени“ (с. 305—306). Въ послѣдующихъ письмахъ къ братьямъ Языковъ на разные лады повторяетъ эту мысль о трудности подготовки къ экзаменамъ; онъ то ободряется, то снова падаетъ духомъ, дѣлаетъ перерывъ въ работѣ все длительнѣе и чаще, мечтаетъ о родинѣ, о свободномъ занятіи любимой поэзіей; отъ времени до времени сообщаетъ братьямъ, что изъ его товарищей то тотъ, то другой оканчиваютъ экзаменъ и оставляютъ Дерптъ, а онъ вынужденъ „добиваться чего то такого“, что — говоритъ онъ — „въ моемъ смыслѣ мнѣ вовсѣ ненужно, зане чувствую себя вовсе способнымъ существовать для одной поэзіи и одной поэзіей“ (с. 334). Въ іюлѣ 1828 у Языкова вспыхиваетъ послѣдній разъ надежда одолѣть благополучно трудности подготовки („и у меня водворяется что-то похожее на порядокъ; занятія мои идутъ благополучно“: с. 366), но къ концу этого года окончательно созрѣваетъ продиктованное безсиліемъ справиться съ собою желаніе Языкова „покинуть эту жизнь глупую, совершенно пустую, постыдную, обидную человѣку“ (с. 378). Окончательную формулировку этому рѣшенію онъ даетъ въ письмѣ къ брату Александру 29 января 1829: „Сообразивъ и то и се, прошедшее, настоящее и будущее, усмотрѣвъ, къ нещастію, что второе все-таки разительно похоже на первое и что послѣднее мнѣ ничего хорошаго не предвѣщаетъ, ежели я еще дольше останусь въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ все и всѣ надоѣло и надоѣли, гдѣ жизнь моя, такъ сказать, гніетъ въ тинѣ бездѣйствія, обстоятельствъ глупыхъ и глупостей ежедневныхъ, гдѣ, наконецъ, убѣдился я въ невозможности порядочно приготовиться къ екзамену, rebus sic stantibus, а кое-какъ не хочу я выдержать, — я, нижеподписавшійся, рѣшился спастись отсюда въ Симбирскъ, гдѣ мѣсяца въ два могу надѣяться кончить оное, ежели нужно, приготовленіе благополучно и экзаменоваться, напримѣръ, хоть въ Казани. Кромѣ того, что здѣсь духъ мой упалъ до точки замерзанія, что я чѣмъ дольше здѣсь, тѣмъ дальше отъ цѣли, — еще и мое здоровье требуетъ большой поправки, возможной только въ благорастворенiи воздуха, при хорошемъ движеніи, при образѣ жизни порядочномъ“ (с. 379). Разъ принявъ это рѣшеніе, Языковъ почувствовалъ значительное душевное облегченіе; послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Дерптѣ онъ провелъ „какъ ребенокъ“, по его собственному опредѣленію, въ мечтахъ о своей будущей жизни и поэтическихъ трудахъ, въ прощальныхъ визитахъ къ знакомымъ, и оставилъ, наконецъ, сначала милый, но подъ конецъ ненавистный ему городъ въ первой половинѣ мая 1829 года. Вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда, кончились и всѣ заботы Языкова объ экзаменахъ и наукахъ, въ жертву которымъ, насилуя свою природу, онъ безполезно и съ глубокимъ душевнымъ томленіемъ приносилъ живую потребность къ поэтическому труду и мечты о славѣ.

3.

Поѣздки Языкова въ Петербургъ и на родину. — Отношенія его къ русскимъ студентамъ въ Дерптѣ; помощь его русскимъ товарищамъ. — Связи Языкова съ русскими писателями, пріѣзжавшими въ Дерптъ. — Жуковскій и Пушкинъ въ дерптской жизни Языкова. — Взглядъ Языкова на поэтическую дѣятельность Пушкина. — Литературная дѣятельность Языкова въ Дерптѣ. — А. А. Воейкова и М. Н. Дирина, вдохновительницы Языкова.

Хотя подготовка Языкова къ университетскимъ экзаменамъ и связанныя съ нею отношенія къ разнымъ лицамъ и вопросамъ составляли главное содержаніе его дерптской жизни, однако она не поглощала его всецѣло. Въ силу особенностей своего характера, Н. М-чъ трудно сживался съ чуждой ему обстановкой и условіями дерптской жизни того времени, и его постоянно тянуло на родину или вообще въ „Россію“; въ Дерптѣ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ завязывалъ и поддерживалъ знакомство съ русскими студентами или вообще пріѣзжими изъ внутреннихъ губерній, дѣятельно сносился, лично и письменно, съ русскими писателями и своей собственной литературной работой непрестанно питалъ и поддерживалъ эти естественныя симпатіи и связи.

Для характеристики этой стороны жизни Языкова, которую онъ считалъ для себя самой отрадной и значительной, въ издаваемыхъ нами письмахъ также имѣется обильный и интересный матеріалъ.

Живя учебное время въ Дерптѣ, Языковъ иногда пользовался вакаціями для свиданія съ братьями, особенно съ Александромъ Михайловичемъ, котораго онъ очень любилъ, высоко цѣнилъ и которому, какъ онъ самъ не разъ говорилъ (см. напр. с. 49), очень любилъ писать и еще болѣе получать отъ него письма (с. 23). Въ первое же лѣто (1823) онъ предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, побывавъ по дорогѣ туда въ Ревелѣ. Въ Ревель его сопровождалъ Вл. М. Княжевичъ и профессоръ В. М. Перевощиковъ; изъ этого города онъ написалъ братьямъ (16 іюня 1823) письмо съ краткимъ описаніемъ города и своихъ личныхъ ощущеній (с. 79—80); послѣднія нашли себѣ выраженіе также въ стихотвореніи „Чувствительное путешествіе изъ Дерпта въ Ревель“, написанномъ въ шутливомъ и легкомъ тонѣ и посвященномъ М. Н. Дириной. Въ Петербургѣ Языковъ на этотъ разъ пробылъ не долго, спѣша, какъ только что имматрикулированный студентъ, къ началу лекцій, и уже 25 іюля писалъ изъ Дерпта братьямъ письмо, въ которомъ извѣщалъ о своихъ занятіяхъ и о томъ, что онъ „восхищенъ до крайности Еверсомъ“ (с. 80—81). Лѣто, осень и часть зимы 1824 года, какъ уже упомянуто, онъ провелъ въ Симбирскѣ: это была самая продолжительная отлучка Языкова изъ Дерпта и единственная поѣздка оттуда на родину. Послѣ того онъ ѣздилъ въ Петербургъ еще дважды — лѣтомъ и въ декабрѣ 1825 года. Во вторую половину своей жизни въ Дерптѣ Языковъ ни въ Петербургъ, ни въ Симбирскъ не ѣздилъ, хотя, напр., въ 1827 году очень думалъ о поѣздкѣ въ сѣверную столицу, но сборы такъ и остались сборами: извѣстную роль въ этомъ играли денежныя затрудненія Языкова, т. е. необходимость, при накопившихся долгахъ, просить у брата Петра особыхъ денегъ на поѣздку, и желаніе сохранить больше времени для занятій,

хотя этотъ послѣдній мотивъ былъ совершенно призрачнымъ, и слѣдованіе ему не доставило Языкову никакого реальнаго удовлетворенія. Лѣтомъ 1826 года Н. М-чъ ѣздилъ въ Тригорское къ А. Н. Вульфу и его матери П. А. Осиповой, ознаменовавши эту поѣздку памятнымъ для Языкова знакомствомъ и дружбой съ Пушкинымъ; въ 1827 году онъ провелъ конецъ лѣта въ имѣніи генерала Кнорринга Камби, въ 19 верстахъ отъ Дерпта, а въ іюнѣ 1828 года ѣздилъ со своимъ товарищемъ Наумовымъ въ Печеры, близъ Пскова. Изъ братьевъ былъ въ Дерптѣ у Н. М-ча только Алекс-ръ Михайловичъ, въ апрѣлѣ 1828 года, и это посѣщеніе доставило Языкову, осѣвшему въ Дерптѣ для безуспѣшной и непріятной работы, большое удовольствіе (с. 354). Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что Языковъ не обладалъ достаточной подвижностью для поѣздокъ, даже короткихъ; въ лѣтніе мѣсяцы, когда такія путешествія были всего болѣе удобны, онъ обыкновенно страдалъ отъ жары. Изъ ближайшихъ окрестностей Дерпта, кромѣ Камби, куда онъ первый разъ ходилъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ Княжевичемъ и Перевощиковымъ, для посѣщенія А. А. Воейковой (въ маѣ 1823: с. 76), онъ былъ еще въ имѣніи Куриста, въ 23 верстахъ отъ Дерпта, вмѣстѣ съ Боргомъ и его женой на Рождествѣ 1822 года (с. 37). Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, Языковъ въ маѣ 1828 года посѣтилъ мѣстечко Оденпе, верстахъ въ 40 отъ Дерпта, гдѣ нѣкогда былъ старинный замокъ: главное впечатлѣніе отъ этой поѣздки было то, что путешественника „распекло жаромъ, засыпало пылью дороги горной и пещаной, слѣдственно скучной до чрезвычайности, а видѣть было почти нечего“ (с. 358). И тутъ Языковъ остался вѣренъ самому себѣ: его интересовало только родное, а другими мѣстами, изъ Прибалтійскаго края, интересовался онъ лишь въ силу той мысли, что въ будущемъ имѣлъ въ виду воспѣвать въ стихахъ историческіе подвиги рыцарей „Ливоніи“; конечно, мысль эта оказалась лишь налетомъ увлеченія его въ Дерптѣ нѣмецкой романтикой, въ соотвѣтствующей обстановкѣ книжныхъ и отчасти реальныхъ впечатлѣній, но какъ только, по оставленіи Дерпта, эти впечатлѣнія смѣнились другими, мечта о „Ливоніи“, какъ источникѣ поэтическихъ сюжетовъ, исчезла безслѣдно.

Въ Дерптѣ Языковъ поддерживалъ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ цѣлымъ рядомъ русскихъ молодыхъ людей, учившихся въ университетѣ; особенно близко сошелся онъ съ А. Н. Вульфомъ, А. Н. Татариновымъ, А. И. Тютчевымъ и А. Н. Шепелевымъ; изъ другихъ можно назвать здѣсь Петерсона, Хрипкова, Наумова, Виленскаго, Вронченко, Степанова, Ѳедорова. Объ этихъ лицахъ онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей переписки, но въ одномъ письмѣ къ брату Александру (22 іюля 1828) соединяетъ многихъ изъ нихъ вмѣстѣ: „Общество, которое ты собственноглазно здѣсь у меня видѣлъ и знаешь, теперь примѣтно поправилось въ нравственномъ смыслѣ; всѣ отъ мала до велика принялись за работы учебныя. Наумовъ списываетъ, переписываетъ тетрадки, ходитъ на лекціи; Татариновъ тоже ходитъ на лекціи, тоже списываетъ тетрадки, сверхъ того — занимается исторіею вмѣстѣ съ Виленскимъ по вечерамъ, у себя дома, гдѣ, по сказанію сосѣдей и Наумова, его сожителя во время оно, бываетъ такой крикъ, шумъ и гамъ, что хоть святыхъ вонъ выноси! Тютчевъ соревнуетъ мнѣ въ приготовленіи къ экзамену и, такъ

какъ я, никуда не выходитъ по части суетъ мірскихъ и никого не принимаетъ по части друзей и пріятелей. Петерсонъ живетъ въ деревнѣ, 40 верстъ отсюда, Оденпе — тоже полный желанія предстать скорѣе къ Іисусу... Хрипковъ рисуетъ" (с. 366). Нѣкоторые изъ нихъ, явившись въ Дерптъ позже Языкова, окончили курсъ при немъ и уѣзжали въ разныя стороны, сопровождаемые его дружескими, иногда стихотворными, пожеланіями, а иные, какъ Тютчевъ, покидали Дерптъ „бездипломными", подобно Языкову (с. 383). Изъ не-русскихъ ближе другихъ сошелся Н. М-чъ съ К. Пельцеромъ, служившимъ потомъ, по окончаніи курса (1828), въ военной службѣ; подъ конецъ пребыванія въ Дерптѣ Пельцера, Языковъ, повидимому, хотѣлъ даже взять его къ себѣ на квартиру, чтобы въ этомъ видѣ оказать ему матеріальную помощь, но это не состоялось, и передъ отъѣздомъ Пельцера на службу въ Молдавію русскіе товарищи его, при дѣятельномъ участіи Языкова, собрали ему между собою 200 р. на дорогу (с. 355); высказанное нѣкоторыми біографами предположеніе, что Пельцеръ былъ именно тѣмъ лицомъ, которое злоупотребило довѣріемъ Языкова и надѣлало на его имя столько долговъ (ср. выше, с. 12), очевидно, должно быть отвергнуто. Вообще Языковъ, руководимый природной добротою сердца, охотно помогалъ русскимъ, попадавшимъ въ затруднительное положеніе на чужбинѣ: кромѣ упомянутой уже постоянной помощи одному студенту-филологу, имени котораго Языковъ не называетъ (ср. выше, с. 13), онъ помогъ прибывшему въ Дерптъ изъ заграницы, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, М. В. Остроградскому, впослѣдствіи знаменитому математику-академику, пробиравшемуся тогда въ Петербургъ (с. 356). Чувствуя и цѣня въ себѣ прежде всего поэта, Языковъ особенно дорожилъ въ Дерптѣ сношеніями съ людьми изъ литературнаго міра.

Нѣкоторыя изъ этихъ знакомствъ были завязаны еще въ Петербургѣ, напр., съ Очкинымъ, Воейковымъ, Аладьинымъ, Дельвигомъ; съ ними поддерживалъ Н. М-чъ и изъ Дерпта, лично или черезъ брата Александра, живыя сношенія по литературнымъ и инымъ вопросамъ. Другія — съ Княжевичемъ и Илличевскимъ — пріобрѣтены имъ въ Дерптѣ.

Весною 1823 года А. Д. Илличевскій, извѣстный лицейскій товарищъ Пушкина и незначительный стихотворецъ, проѣзжалъ черезъ Дерптъ заграницу, остановившись на нѣкоторое время въ „Ливонскихъ Аѳинахъ". Языковъ познакомился съ нимъ и вскорѣ довольно тѣсно сблизился (с. 56. 62), такъ что при отъѣздѣ Илличевскій оставилъ Языкову въ рукописи всѣ свои произведенія „съ правомъ ихъ печатать и даже поправлять": „я хочу воспользоваться только первымъ", прибавляетъ Языковъ къ этому въ письмѣ брату Александру, 13 мая 1823 (с. 72). Съ В. М. Княжевичемъ Языковъ познакомился также весной 1823 года (с. 60) и по этому поводу писалъ брату Александру, 23 марта 1823: „Онъ, кажется, хорошій и образованный малый. Мнѣ теперь гораздо веселѣе прежняго: часто вижусь съ Илличевскимъ; смѣемся, споримъ и разсуждаемъ" (с. 62); брату Петру 10 апрѣля 1823 года писалъ: „Можетъ быть, я пріѣду къ вамъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ, съ которымъ очень близко подружился я: вмѣстѣ дѣлаемъ визиты, гуляемъ и проч., хотя очень рѣдкіе и очень рѣдко, но все-таки вмѣстѣ; онъ очень добрый человѣкъ и довольно образованный" (с. 65).

А. Ѳ. Воейковъ въ извѣстномъ смыслѣ игралъ видную роль въ дерптской жизни Языкова. Послѣдній нуженъ былъ ему главнымъ образомъ какъ стихотворецъ и сотрудникъ его изданій. Связанный съ Дерптомъ болѣе ранними и прочными узами, чѣмъ Языковъ, онъ бывалъ тамъ у своей тещи Е. А. Протасовой, и еще чаще живала тамъ его жена, А. А. Воейкова, предметъ восхищенія и вдохновительница многихъ стихотвореній Языкова, которыми мужъ ея, со свойственной ему практичностью, пользовался, помѣщая ихъ въ своихъ „Новостяхъ Литературы“ [1]). Въ іюлѣ 1823 Воейковъ былъ въ Дерптѣ, и Языковъ писалъ братьямъ (25 іюля этого года): „Воейковъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, пригласилъ къ себѣ обѣдать каждой день, обласкалъ какъ нельзя лучше“ (с. 81), а въ слѣдующемъ письмѣ (1 авг. 1823): „Воейковъ меня ласкаетъ до чрезмѣрности; я почти каждый день у него обѣдаю, и ты можешь судить о удовольствіи потомка грѣшного Адама быть нѣсколько часовъ сряду въ присутствіи прекрасного [т. е. жены Воейкова] (с. 82). Въ 1828 году Языковъ познакомился въ Дерптѣ съ Ѳ. В. Булгаринымъ (с. 354) и съ С. А. Соболевскимъ, проѣзжавшимъ черезъ Дерптъ заграницу („московскій юноша, пріятель, обожатель, бирючъ и Gastfreund Пушкина“: отъ 8 ноября 1828, с. 374).

Особое мѣсто въ числѣ литературныхъ знакомствъ Языкова въ дерптскій періодъ занимаютъ Жуковскій и Пушкинъ.

Жуковскій былъ связанъ, какъ извѣстно, съ Дерптомъ очень тѣсными узами [2]). 25 февраля 1823 Языковъ писалъ брату Александру: „Третьяго дня прибыла сюда Воейкова; съ ней и Жуковскій. Я необходимо долженъ познакомиться съ обоими“ (с. 54). Дѣйствительно, въ слѣдующемъ письмѣ, 5 марта 1823, онъ сообщаетъ: „Я очень хорошо познакомился съ Жуковскимъ; онъ меня принялъ съ отверстыми объятіями (въ обоихъ смыслахъ), полюбилъ какъ роднаго... Онъ мнѣ совѣтуетъ, даже требуетъ, чтобъ я учился по-гречески; говоритъ, что онъ самъ теперь раскаивается, что не выучился, когда могъ, и что это обстоятельство очень сильно дѣйствовало на его стихотворенія... Жуковскій очень простъ въ обхожденіи, въ разговорѣ, въ одеждѣ, такъ что, кланяясь съ нимъ, говоря съ нимъ, смотря на него, никакъ не можно предположить то, что мы читаемъ въ его произведеніяхъ... Жуковскій совѣтовалъ мнѣ никогда не описывать того, чего не чувствую или не чувствовалъ; онъ почитаетъ это главнымъ недостаткомъ новѣйшихъ нашихъ поэтовъ; итакъ, я хорошо дѣлалъ, что не слѣдовалъ твоему предложенію стихотворствовать о любви“ (с. 56). На этотъ разъ Жуковскій былъ весьма короткое время въ Дерптѣ, но черезъ нѣсколько дней ему неожиданно пришлось снова сюда пріѣхать по весьма горестному для него поводу — смерти М. А. Мойеръ; Языковъ на этотъ разъ, повидимому, лишь мелькомъ видѣлся съ поэтомъ, но уже настолько сблизился душою съ семьей Воейковыхъ, что и самъ написалъ по поводу этой смерти (19 марта 1823) сти-

---

1) Первое стихотвореніе Языкова помѣченное Дерптомъ (23 ноября 1822), „Моя родина“, было напечатано въ этомъ журналѣ: 1822, № XXVI, с. 204—205.

2) Подробно объ этомъ изложено въ моей работѣ: „В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815—1817)“: Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ 1903, с. 45—89.

хотвореніе (с. 61—62). Послѣдующіе кратковременные пріѣзды Жуковскаго въ Дерптъ (въ 1823, 1824 и 1827 годахъ) не оставили въ письмахъ Языкова особенно значительныхъ слѣдовъ, и даже нельзя точно установить, видѣлся ли онъ въ эти пріѣзды съ Жуковскимъ. Уѣхавши въ 1822 году въ Дерптъ, Языковъ не зналъ Пушкина лично, но конечно зналъ его и интересовался имъ какъ поэтомъ. Въ области литературныхъ понятій Языковъ стоялъ на консервативной точкѣ зрѣнія, и даже въ 1826 году, когда Пушкинъ уже успѣлъ показать всю широту своего геніальнаго дарованія, Н. М-чъ въ письмѣ къ брату Александру писалъ, по поводу болѣзни Карамзина и Жуковскаго: „Дай Богъ имъ поправленія и возстановленія; что ни говори, а все-таки безъ нихъ у насъ въ литературномъ поприщѣ хоть шаромъ покати, такъ не встрѣтишь никого, даже равнаго имъ заслугами“ (с. 250); очевидно, при этомъ Пушкинъ ему совершенно не приходилъ въ голову, и онъ не усматривалъ въ его дѣятельности особенно важнаго значенія. При скептическомъ взглядѣ на Пушкина въ цѣломъ остался Языковъ въ сущности и до конца, хотя не разъ восхищался отдѣльными моментами его поэтической дѣятельности: Пушкинъ былъ для Языкова слишкомъ радикаленъ въ своихъ поэтическихъ пріемахъ, слишкомъ новъ и необъятенъ неожиданностью и глубиной своего творческаго захвата; Пушкина Языковъ просто не понималъ, а только иногда чувствовалъ непосредственностью своего поэтическаго чутья. Несомнѣнное воздѣйствіе на сужденія Языкова о Пушкинѣ оказалъ и профессоръ В. М. Перевощиковъ, литературные взгляды котораго отставали отъ времени, были поверхностны и отзывались педантствомъ. Между тѣмъ это былъ первый профессоръ литературы, съ которымъ сблизился Языковъ и авторитетъ котораго ставилъ очень высоко. Черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Дерптъ, Языковъ писалъ (12 дек. 1822) брату Александру: „Перевощиковъ человѣкъ очень ученый по литературѣ, а особливо по философіи... Я съ нимъ хорошо познакомился. Онъ говоритъ про Пушкина, что въ его поэмахъ видно большое дарованіе, но что они не имѣютъ полнаго, естетическаго достоинства; что въ поэзіи такъ же, какъ въ сапожномъ искусствѣ, труднѣе скроить вѣрно, чѣмъ сдѣлать хорошій рантъ. Я надѣюсь многимъ отъ него попользоваться“ (с. 26). Языковъ не замѣчалъ, что Перевощиковъ, котораго онъ самъ назвалъ позднѣе „человѣкомъ самаго сухого темперамента“, судилъ въ данномъ случаѣ о Пушкинѣ буквально „какъ сапожникъ“. Однако личныя отношенія Языкова къ Пушкину имѣли нѣсколько иной характеръ. Какъ уже отмѣчено выше, онъ познакомился съ нимъ черезъ посредство своего дерптскаго товарища А. Н. Вульфа, и лѣтнее пребываніе Языкова въ 1826 году въ Тригорскомъ осталось ему памятно на всю послѣдующую его жизнь; сношенія поэтовъ отмѣчены съ обѣихъ сторонъ не только письмами, но и неоднократными стихотворными посланіями, которыя достаточно извѣстны. Послѣ поѣздки въ Тригорское Языковъ остался подъ глубокимъ обаяніемъ личности Пушкина, и писалъ братьямъ объ этомъ эпизодѣ своей жизни „довольно подробно“, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Петру Мих. Языкову отъ 11 авг. 1826 года (с. 259); къ сожалѣнію, этого описанія до насъ не дошло. Впрочемъ, это личное знакомство имѣло сравнительно мало вліянія на сужденія Языкова о произведеніяхъ Пуш-

кина: послѣ мимолетнаго указанія въ письмѣ къ брату Петру (29 дек. 1826) о томъ, что „Борисъ Годуновъ“ — „подвигъ знаменитый“ (с. 290), Н. М—чъ снова говоритъ лишь изрѣдка и довольно холодно о творческой дѣятельности своего геніальнаго друга. Всѣ упоминанія Языкова о Пушкинѣ въ печатаемыхъ нами письмахъ его къ братьямъ старательно собраны были Д. Н. Садовниковымъ, при чемъ захвачены были и тѣ письма, которыя выходятъ за хронологическія рамки дерптскаго періода жизни Языкова, вплоть до смерти Пушкина[1]).

Изъ другихъ современныхъ Языкову русскихъ поэтовъ онъ, внѣ личнаго знакомства съ ними, очень высоко ставилъ Грибоѣдова (с. 203. 208), не любилъ князя П. А. Вяземскаго (с. 113. 122. 137); изъ иностранныхъ восхищался французскими „классиками“, особенно Корнелемъ (с. 17), но въ то же время благоговѣлъ передъ Шиллеромъ (с. 50. 53. 69) и, нѣсколько позднѣе, считалъ своимъ „любимымъ поэтомъ“ Кальдерона (с. 289).

Наконецъ, главнымъ органомъ внутренней связи Языкова съ родиной и русской жизнью вообще была его литературная дѣятельность. Обладая лишь среднимъ, довольно одностороннимъ дарованіемъ — преимущественно въ области лирической — и недостаточной глубиной литературнаго пониманія, Языковъ однако же твердо вѣрилъ въ свое поэтическое призваніе; дѣятельность поэта казалась ему не только самой пріятной, но и такой, въ которой онъ всего болѣе могъ быть полезенъ. Хвалить Языкова и поощрять его стихотворную дѣятельность начали еще въ Петербургѣ. Было уже указано (выше, с. 5), что еще 16 лѣтъ отъ роду онъ могъ видѣть свое произведеніе на страницахъ органа, являвшагося выраженіемъ вкусовъ цѣлаго общества знатоковъ и любителей литературы; безмѣрно ухаживалъ за нимъ, въ своихъ видахъ, Воейковъ, такъ что братъ Александръ Мих—чъ находилъ нужнымъ даже предостерегать Языкова отъ слишкомъ большой вѣры въ эти похвальные отзывы; строгія сужденія самого А. М. Языкова, впрочемъ, не были ему непріятны: „я во всемъ съ тобою согласенъ; знаю, что моя Муза еще такъ молода, что часто завирается“, писалъ онъ ему вскорѣ послѣ пріѣзда въ Дерптъ, 17 дек. 1822 (с. 28). Поэтическій талантъ Языкова, въ пору его дерптской жизни, признавали не только ученый и литературно-образованный педантъ Перевощиковъ, но также Жуковскій и Пушкинъ; его поэтическаго сотрудничества усердно искала большая часть тогдашнихъ лучшихъ „альманашниковъ“ и журналистовъ, осаждая его личными просьбами и письмами. При молодости и недостаткѣ уравновѣшивающихъ литературныхъ познаній все это могло сбить съ толку Языкова. Не подлежитъ сомнѣнію, что кое въ чемъ это и вредило правильному развитію его дарованія, но во всякомъ случаѣ было естественно Языкову хранить въ себѣ вѣру въ свое поэтическое назначеніе, почерпнутую имъ изъ глубины его непосредственнаго самосознанія. Въ письмахъ его есть немало мѣстъ, отражающихъ эту вѣру, но тутъ довольно привести одинъ примѣръ. Въ отвѣтъ на совѣты П. А. Кикина, переданныя ему Н. Д. Киселевымъ, бросить стихотворство, Языковъ такъ писалъ братьямъ 6 апрѣля 1824: „Вздоръ!

---

1) Отзывъ современниковъ о Пушкинѣ (Къ матеріаламъ для его біографіи). Историческій Вѣстникъ 1883, № 12, с. 520—542.

Я скорѣе брошу въ жизни все, что̀ можно бросить, чѣмъ писать стихи. Хороши ли, худы ли они — только я счастливъ, когда пишу ихъ, пишу много — слѣдственно, часто бываю счастливъ, а этого и довольно для меня. И неужели славолюбіе, благороднѣйшая изъ страстей человѣческихъ, не должно занимать надежду того, кто уже чувствуетъ, что можетъ быть достойнымъ славы? А польза — развѣ поэзія, чистѣйшее изъ удовольствій, не есть польза?“ (с. 124; ср. с. 191. 214. 306. 336).

Въ письмахъ Языкова имѣется значительное количество его стихотвореній, которыя онъ сообщаетъ то сестрѣ, то обоимъ братьямъ; изъ нихъ въ особенности Александръ Мих—чъ принималъ живое участіе въ развитіи поэтической дѣятельности брата. Между этими стихотвореніями одни интересны по своей новизнѣ, какъ нигдѣ до сихъ поръ не опубликованныя, а другія — по наличности въ нихъ любопытныхъ варьянтовъ или по заполненію пропусковъ, сдѣланныхъ въ печатныхъ текстахъ по цензурнымъ причинамъ. Мы въ данномъ случаѣ не входимъ въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ стихотворныхъ элементовъ въ письмахъ Языкова; такое разсмотрѣніе могло бы послужить сюжетомъ для совершенно особой работы, въ связи съ будущимъ изданіемъ стихотвореній Языкова и съ присоединеніемъ сюда однороднаго матеріала, помѣщеннаго нами въ Приложеніяхъ № VI.

Лирика Языкова вообще и дерптскаго періода въ особенности исполнена личными элементами и обращеніями къ тѣмъ лицамъ, о которыхъ имѣются частыя упоминанія въ печатаемыхъ нами письмахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ — особенно товарищахъ Языкова по университету — мы уже говорили. Но внѣ этого круга имѣются два женскихъ имени, которыя не разъ упоминаются въ письмахъ Языкова и съ носительницами которыхъ связаны были тѣ или иные моменты его дерптской жизни; объ отношеніяхъ къ нимъ Языкова, поскольку они выясняются изъ писемъ, мы должны сказать нѣсколько словъ. Это были А. А. Воейкова и М. Н. Дирина.

Александра Андреевна Воейкова, племянница Жуковскаго и жена А. Ѳ. Воейкова — лицо, слишкомъ извѣстное въ литературной хроникѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы о немъ нужно было говорить здѣсь вообще. Будучи знакомъ съ ея мужемъ, Языковъ однако же не зналъ лично Александры Андреевны въ Петербургѣ; въ Дерптѣ она часто бывала и подолгу живала съ матерью и сестрой Маріей Андреевной, вышедшей въ январѣ 1817 года замужъ за профессора Дерптскаго университета И. Ф. Мойера.

Въ Дерптѣ Языкова встрѣтили слухи о необыкновенно привлекательныхъ качествахъ Воейковой. Черезъ полтора мѣсяца послѣ своего пріѣзда (20 дек. 1822) Языковъ пишетъ брату Александру: „Она [Воейкова] скоро сюда будетъ, я опишу ее тебѣ съ ногъ до головы; говорятъ, что всякой, кто ее видѣлъ хоть разъ вблизи, непремѣнно въ нее влюбляется“ (с. 32). Совершенно въ тонѣ этого ожиданія Языковъ писалъ брату и 10 янв. 1823: „Сюда ожидаютъ скоро жену Воейкова; она цѣлыхъ три мѣсяца будетъ соблазнять дерптскихъ жителей, слѣд., и я грѣшный могу надѣяться собрать довольно красокъ съ ея лица и характера для доставленія тебѣ полнаго отчета о такомъ членѣ прекраснаго пола, которому Нѣмцы приписываютъ очень, очень много разныхъ достоинствъ,

который они хвалятъ съ восторгомъ и которому удивляются разиня ротъ“ (с. 39). Очевидно, ожиданія относительно Воейковой были обострены у Языкова до крайней степени, но онъ пока надѣялся воспользоваться ихъ осуществленіемъ лишь какъ матеріаломъ для своихъ писемъ; ожиданія эти стали получать даже нѣсколько легкомысленный, фривольный характеръ, вытекавшій, вѣроятно, изъ молодости Языкова и свойства тѣхъ слуховъ, совершенно произвольныхъ, которые доходили до него о Воейковой. Наконецъ, Воейкова пріѣхала, и Языковъ познакомился съ ней 23 февраля 1823, но лишь бѣгло; вскорѣ произошла смерть М. А. Мойеръ, въ домашнемъ кругу Воейковой всѣ были поглощены этимъ несчастіемъ, и лишь въ іюнѣ 1823 Языковъ сообщаетъ о ней свои впечатлѣнія братьямъ: „Это такая женщина, какой я до Дерпта не видывалъ; прекрасно образована, а лице — какого должно искать съ фонаремъ между потомками ребра Адамова“, и далѣе идетъ нескромное замѣчаніе по адресу „волочащихся молодцовъ“, которымъ напрасно было ждать благосклонности Воейковой (с. 77). Въ дальнѣйшемъ Языковъ сообщаетъ о своей „весьма сильной дружбѣ“ съ Воейковой (с. 89), а въ февралѣ 1824 прямо говоритъ о большомъ вліяніи на него Воейковой; по поводу высказаннаго ею желанія, чтобы Языковъ поскорѣе, къ назначенному дню, окончилъ своего „Баяна“, Н. М—чъ пишетъ: „Я увѣренъ, что употреблю все стараніе исполнить требованіе особы во всѣхъ смыслахъ прекрасной. Не знаю, успѣю ли въ этомъ, но ты самъ согласишься, что существуютъ такія уста и такая очаровательность взгляда, которымъ ни въ чемъ настоящемъ и будущемъ отказать невозможно“ (с. 116). Въ послѣдующихъ письмахъ 1824 года Языковъ называетъ Воейкову „божественной“ и „возвышенной“ (с. 121. 138), но съ 1825 года его отношенія къ Воейковой рѣзко мѣняются: наступаетъ разочарованіе въ ней и даже цѣлый рядъ холодныхъ и циничныхъ отзывовъ (с. 162. 164. 167. 168. 174—175. 176), ничѣмъ ею, повидимому, не заслуженныхъ, не дѣлающихъ чести Языкову и объясняемыхъ только его молодостью и неосновательными ожиданіями: быть можетъ, Языковъ вздумалъ включить себя въ число тѣхъ самыхъ „молодцовъ“, о которыхъ раньше отзывался съ пренебреженіемъ, и потерпѣлъ неудачу. Далѣе Языковъ прочно установилъ — очевидно, на этой личной почвѣ — холодно-насмѣшливое отношеніе къ Воейковой, хотя и не отрицалъ продолжающагося вліянія ея на оживленіе его творчества: „[Воейкова] имѣетъ полное право называться пробудительницею, звѣздою моего таланта поэтическаго, ежели онъ у меня есть“ (с. 201); но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ досадой указывалъ на то, что она не воспользовалась подлежащимъ образомъ этимъ своимъ вліяніемъ: „мнѣ на нее даже досадно; она могла изъ меня все сдѣлать, могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная!“ (с. 183). Плодомъ разочарованія Языкова въ Воейковой является и примѣчаніе, сдѣланное имъ въ письмѣ брату Александру отъ 18 ноября 1825 и относящееся къ одному изъ лучшихъ и задушевнѣйшихъ обращеній Языкова къ Воейковой („Забуду-ль васъ когда-нибудь я, вами созданный?...“): „сдѣлай милость, не толкуй въ любовную сторону причины этихъ стиховъ: здѣсь одна комплиментика“ (с. 223). Конечно, это было невѣрно, что доказывается, между прочимъ, рядомъ позднѣйшихъ указаній Языкова въ пись-

махъ на продолжающееся увлеченіе Воейковой и вліяніе ея на его поэтическую мысль: „надѣюсь — пишетъ онъ въ маѣ 1826 — что по пріѣздѣ оной особы моя поэзія пріободрится и явится въ прежней силѣ и славѣ“ (с. 253) и т. д. (с. 285. 293. 319. 326. 369). Извѣстіе о смерти Воейковой (16 февр. 1829) застало Языкова передъ самымъ отъѣздомъ изъ Дерпта; онъ отозвался на него въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Дерпта, 24 апрѣля 1829, слѣдующими лаконическими и фактически не совсѣмъ точными словами: „Воейкова скончалась въ Ниццѣ и погребена въ Ливорно“ (с. 387), но нѣсколько позднѣе его мысль вернулась къ предмету своего юношескаго увлеченія въ стихотвореніи „Воспоминаніе объ А. А. Воейковой“ (1831). Здѣсь онъ съ большимъ чувствомъ и искренностью вспоминаетъ о своей дерптской жизни, рисуетъ сильными и вмѣстѣ торжественными чертами привлекательный образъ Воейковой и въ концѣ говоритъ:

„Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно,
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла;
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ, есть цѣлый міръ труда,
И въ немъ надеждъ и помысловъ отвага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ...
Она всего поэта понимала —
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое благотворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались въ хоръ созвучныя слова;
Какъ ѳиміамъ, горѣло вдохновенье [1]).

Отношенія Языкова къ Маріи Николаевнѣ Дириной были гораздо проще и легче. М. Н. Дирина была молодая, красивая и привлекательная дѣвушка, жившая въ Дерптѣ со своей матерью, вдовой полковника, А. С. Дириной. Языковъ былъ очень хорошо принятъ въ ихъ домѣ, вмѣстѣ съ другими русскими студентами [2]). Слегка ухаживая за М. Н—ой, Языковъ писалъ стихи въ ея альбомы столь же усердно, какъ и въ альбомы Воейковой [3]), но она не имѣла и не могла имѣть даже и малой доли того вліянія на Языкова и его поэтическую природу, какъ А. А. Воейкова.

О Маріи Николаевнѣ Языковъ говорилъ братьямъ, повидимому, лѣтомъ 1823 года, когда былъ въ Петербургѣ, потому что первое упоминаніе о ней, въ письмѣ 29 августа 1823, облечено въ такую форму: „Съ буквою Д., которая столь часто вопросна въ вашихъ письмахъ, все

---

1) Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I, с. 223—224.

2) Объ этомъ — записки въ стихахъ Н. М. Языкова къ А. С. Дириной, опубликованныя *И. А. Бычковымъ* въ Русской Старинѣ 1903, № 3, с. 477—483.

3) См. Приложенія № VI.

идетъ по прежнему; теперь я живу отъ нее очень близко, но, слѣдуя совѣту Василія Васильевича:

Отъ дѣвушекъ скройся,
Въ бѣду чтобы тамъ
У нихъ не попасться... и т. д.

и тебѣ, Александръ, повторившему этотъ золотой урокъ для юности, я не чаще бываю тамъ у нихъ. И точно предвижу, что таковыя обстоятельства могутъ завести мое сердце въ темной лабиринтъ и совратить мой умъ съ учебной дороги" (с. 89—90). Дирина дѣйствовала на него только въ отсутствіе Воейковой: „Что касается до меня — пишетъ онъ 19 февраля 1824 — по части сердечныхъ чувствованій, то вотъ что я самъ въ себѣ замѣтилъ: въ то время, когда здѣсь нѣтъ Воейковой, я охотно посѣщаю Дирину, пишу даже ей стихи и вообще чувствую что-то ни на что не похожее; но Воейкова пріѣзжаетъ сюда всякой разъ для меня торжественно; при ней все прежнее исчезаетъ во мнѣ, какъ снѣгъ передъ лицемъ солнца... (с. 116); играя своимъ чувствомъ къ Дириной, онъ въ стихахъ, писанныхъ въ ея альбомы, „изъяснялъ свои центробѣжныя чувства" по отношенію къ „важнѣйшей своей прельстительницѣ", т. е. Воейковой (с. 176). Обѣ эти дамы какъ бы соперничали между собою относительно Языкова, по крайней мѣрѣ въ полученіи наибольшаго количества его стиховъ въ свои альбомы; иногда онъ писалъ какое-либо стихотвореніе въ альбомъ той и другой дамы одновременно, напр. „Присяга" (с. 227). Съ братомъ Дириной, Петромъ Николаевичемъ, Языковъ послалъ въ январѣ 1827 письмо брату Александру, прося его радушно принять этого „молодого человѣка, благообразнаго подобно Іосифу" (с. 292). Въ маѣ 1827 года М. Н. Дирина вышла замужъ за профессора Дерптскаго университета А. фонъ-Рейца; Языкова, вмѣстѣ съ другими его товарищами-студентами, звали на эту свадьбу въ Старую Руссу (с. 320), но онъ не поѣхалъ (см. Приложенія № V, с. 413). Съ того времени, въ издаваемыхъ нами письмахъ Языкова нѣтъ упоминанія о Маріи Николаевнѣ, но — по словамъ ея внучки, Нат. Фед. Юкельсонъ[1]), — М. Н. любила и въ старости вспоминать о своей дерптской жизни и о знакомствѣ съ Языковымъ. Въ бумагахъ Языкова сохранилось одно письмо ея къ поэту, отъ 11 мая 1839 года, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ оставленія Дерпта Языковымъ. Мы приведемъ его здѣсь какъ интересное дополненіе къ исторіи знакомства Языкова съ особой, на которой онъ не разъ и пристально останавливалъ свое поэтическое и сердечное вниманіе:

„Пишу къ вамъ, пользуясь снисхожденіемъ одной любезной соотечественницы, пишу къ вамъ, чтобъ испытать память вашу, старой, доброй знакомой мой Николай Михайловичъ; пишу къ вамъ не даромъ, вы должны мнѣ отвѣчать, я въ концѣ письма и адресъ свой приложу, но того мало, что вы должны мнѣ отвѣчать, вы еще должны прислать мнѣ *непремѣнно* что-нибудь вашего сочиненія des vers en prose ou de la prose rimée, какъ хотите, но должно быть писано вашею рукою,— теперь скажу

1) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 12 октября 1910 года, изъ Екатеринослава.

вамъ по какому случаю: здѣсь есть одна русская дама, имя ей — но зачѣмъ вамъ знать его? — она хочетъ похитить у меня одинъ изъ тѣхъ листковъ, которыми во время оно вы меня награждали; на это я не могу согласиться, и вотъ почему прошу васъ написать что-нибудь; я, отдавъ вами присланное моей милой дамѣ, тѣмъ сохраню въ цѣльности маленькое собраніе вашихъ, частію неизданныхъ сочиненій (большимъ собраніемъ вы не подумали меня подарить!). Написавъ вамъ довольно длинное письмо, забавно было бы оставить васъ въ неизвѣстности, отъ кого оно, но я, [будучи?] доброй христіанкою, не хочу вводить васъ въ грѣхъ позабывать своихъ старыхъ друзей, и скажу вамъ, что я никто иная, какъ Марія Николаевна Рейцъ, урожденная Дирина, дочь Анны Сергеевны Дириной; сію послѣднюю вы, можетъ быть, не забыли и при ея имени авось вспомните и ту, которая такъ бѣгло умѣла читать почеркъ вашъ и которая, желая вамъ сердечно всего лучшаго, остается доброжелательною вамъ и всегда преданной

Марія ф. Рейцъ.

P. S. Такъ какъ я болѣе двѣнадцати лѣтъ про васъ ничего не слыхала, слѣдовательно и не знаю вашего настоящаго чина, то и пишу на адресѣ тотъ, который вы во время нашего знакомства всѣмъ прочимъ предпочитали.

Дерптъ 839. Май 11/23 [1]).

Изложенными данными не исчерпывается, конечно, все содержаніе печатаемыхъ писемъ Н. М. Языкова. Будущій біографъ соберетъ въ нихъ обильный матеріалъ для характеристики поэта-студента Дерптскаго университета, его литературно-критическихъ, общественныхъ и политическихъ воззрѣній, книжныхъ интересовъ, личныхъ сношеній, условій и обстоятельствъ внѣшней и внутренней его жизни, наконецъ — эпохи и мѣстныхъ своеобразныхъ особенностей, нашедшихъ себѣ въ этихъ письмахъ живое и довольно полное отраженіе. Разработка этихъ матеріаловъ не лежала въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ нашей задачи; мы хотѣли только подчеркнуть, путемъ извѣстной группировки, нѣкоторые отдѣльные факты и обстоятельства, чтобы нагляднѣе выставить литературно-историческую и біографическую цѣнность издаваемой части писемъ Языкова, представляющей въ извѣстномъ смыслѣ законченное цѣлое.

Считаю своей пріятной обязанностью выразить здѣсь мою глубокую признательность за сочувствіе и помощь при веденіи настоящаго изданія М. Н. Поливановой и В. Н. Поливанову, а также И. А. Бычкову, І. І. Змигродскому, В. М. Истрину, Н. А. Котляревскому, Б. Л. Модзалевскому, В. И. Саитову, П. К. Симони, Вс. И. Срезневскому, А. А. Шахматову.

Е. Пѣтуховъ.

1 Мая 1913.
Юрьевъ-Ливонскій.

---

1) Адресъ — таковъ: Его Высокоблагородію Николаю Михайловичу Языкову, студенту въ отставкѣ. Confiée aux bons soins de Mademoiselle de Lopouchine. [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

ПИСЬМА Н. М. ЯЗЫКОВА.

1820.

I.

Матери.

27 Февраля [1820, Петербургъ].

Любезная Маминька!

Письмо ваше отъ 3 Февраля имѣли удовольствіе получить и сердечно радуемся, что оно оставило васъ здоровыми. Вы увѣрены[1]), что братецъ давно къ вамъ отправился, а въ корпусѣ все еще экзаментъ не былъ: итакъ, онъ поѣдетъ[2]) весною[3]); теперь здѣсь начинается слякоть. У насъ въ Институтѣ на Святой недѣлѣ[4]) будетъ экзаментъ. Карповъ на дняхъ отправляется въ Симбирскъ; онъ здѣсь накупилъ мебели и совсѣмъ убралъ свою квартиру, а теперь все продаетъ за безцѣнокъ. Я думаю, мнѣ лучше теперь жить съ братцомъ, нежели у Дмитрія Николаевича; хотя это будетъ и подальше отъ Института, но ему одному скучно.

Засимъ остаюсь послушный сынъ вашъ Н. Языковъ.

II.

А. М. Языкову.

[27 Февраля, 1820. Петербургъ].

Любезный братецъ!

Мы уже начинали васъ ждать, а теперь опять надолго должны лишиться етой надежды[5]). Братецъ къ вамъ поѣдетъ весною[6]), а вы къ намъ,

---

1) Въ *П.* уверены.
2) Въ *П.* поедетъ.
3) Въ *П.* вѣсною.
4) Въ *П.* неделѣ.
5) Въ *П.* надѣжды.
6) Въ *П.* то же, что и въ предыдущемъ письмѣ: поедетъ, вѣсною.

вѣроятно, къ лѣту [1]). Въ Горномъ Корпусѣ экзаментъ послѣ Святой недѣли. На этихъ дняхъ я съ Кулибинымъ отыскали Василевскаго: онъ живетъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ генерала Макарова; теперь еще вы успѣете съ нимъ завести пере[пи]ску. Онъ все еще нигдѣ не служитъ и живетъ по философски: одна маленькая, на двѣ перегороженная, комната, въ которой едва можно поворотиться [2]) двоимъ и въ цѣлой. Онъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и сожалѣетъ, что вы такъ долго не можете здѣсь быть. Говорятъ, что Батюшковъ умеръ: онъ пошелъ смотрѣть изверженіе Везувія и оттуда не возвратился въ Неаполь. Въ Институтъ ѣдутъ изъ Парижа новые [3]) учители. Лукинъ вамъ кланяется; онъ хочетъ отправить письмо къ вамъ съ Карповымъ. Мы готовимся къ екзамену; можетъ быть, мнѣ дадутъ петлички [4]), а Лукинъ глядитъ въ подпорутчики: они уже не будутъ учиться [5]), а ихъ разошлютъ по дорогамъ.

Остаюсь засимъ братъ вашъ Н. Языковъ.

Семеновъ вамъ кланяется.
Шемановскій вамъ кланяется.
Сестрицамъ и братцу мое почтеніе.

---

1) Въ *П.* лету.
2) Въ *П.* поворотится.
3) Въ *П.* новыя.
4) Въ *П.* петьлички.
5) Въ *П.* учится.

1822.

III.

П. М. Языкову.

24 Марта, 1822 [Петербургъ].

Поздравляю васъ, любезнѣйшій братецъ, съ наступающимъ праздникомъ воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и желаю вамъ провесть его весело.

Мы уже давно ожидаемъ отъ васъ писемъ и, кажется, теперь имѣемъ полное право роптать на ваше молчаніе, совершенно незаслуженное нашею ревностію въ отношеніе къ перепискѣ; особливо Василій химикъ сильно недоволенъ вашимъ невниманіемъ къ его вопросительнымъ посланіямъ къ вамъ о голубцѣ; ибо, въ ожиданіи отвѣтовъ вашихъ, онъ хотя и тщетно трудится на етомъ поприщѣ, однакожъ ревность его не уменьшается, а, кажется, еще возрастаетъ при видѣ погубляемаго раствора мѣди: попрежнему ежедневно онъ у насъ работаетъ надъ голубцомъ, который столь нечувствителенъ къ стараніямъ мастера, что еще ни разу ему не показывался, и поступаетъ совершенно вопреки Василью: послѣдній смачиваетъ осадки, въ надеждѣ получить етотъ вожделѣнный голубецъ, а вмѣсто желаемаго получается что-то зеленое, чему едва можно, не покрививъ душою, дать и названіе яри, что-то не похожее даже на краску, черноватозеленое, какъ будто Василью нужно было въ семъ случаѣ доказывать только безсиліе своихъ средствъ, а не искуство технолога.

Секретъ — секретомъ остается,
Но химикъ нашъ не утомлёнъ:
Надъ известью смѣется онъ,
Хоть голубецъ надъ нимъ смѣется.

Уже почти пять недѣль, какъ Василій трудится, но и до сихъ поръ еще не перестаетъ слагать вину на матеріялы и думать, что скоро добьется[1]) надлежащей ему чести усовершенствователя вашего открытія: говоритъ, что къ наступающему празднику голубецъ будетъ представленъ директору; впрочемъ, можно утвердительно полагать, что ето пророчество имѣетъ такую же вѣроятность, какъ и предсказанія Мартына Задеки — дай Богъ, однакожъ, чтобъ и тѣ и другія сбылись. Васильевъ, чтобъ избавить насъ отъ скуки, проводитъ время въ единообразномъ и, можно сказать, зады повторяющемъ съ нимъ бесѣдованіи, а послѣднія если сбудутся, то въ Европѣ произойдетъ столь же щастливая перемѣна, какъ и съ нами по совершеніи первыхъ.

Дмитр[ій] Ив[ановичъ] Соколовъ приглашается въ Университетъ здѣшній на кафедру екстраординарнаго професcора минераллогіи и скоро займетъ оную; въ Корпусѣ публичной екзаменъ, говорятъ, будетъ въ маѣ или еще позже.

Лукинъ здѣсь въ большихъ разъѣздахъ, безпрестанно посѣщаетъ свое знакомство, особенно разширившееся по пріѣздѣ[2]) его изъ Симбирска; онъ привезъ рекоменда[те]льное письмо къ Смирновой, у которой дочери славятся красотою въ нашемъ околоткѣ, и хочетъ обработать связь свою съ ними: да пошлетъ Провидѣніе успѣхъ ему въ семъ предпріятіи! Онъ малой знатной и, вѣроятно, достоинъ етаго, по словамъ его, лакомаго кусочка для любовниковъ.

Прощайте, будьте здоровы — и пишите больше, гораздо больше прежняго, т. е. хоть сколько-нибудь пишите.

Вашъ покорнѣйшій братъ Н. Языковъ.

Александру Дмитріевичу мое почтеніе.

Далѣе слѣдуетъ приписка къ матери:

И я честь имѣю поздравить васъ, Любезная Маминька, съ прошедшими праздниками и съ наступающею весною. Весьма жалѣю, что мнѣ неизвѣстно, что писалъ на мой щетъ Грудевъ къ Крылову, и что не могу посему на сей же почтѣ представить вамъ полнаго оправданія. Впрочемъ, я навѣрное полагать могу, что обо мнѣ Грудевъ, кромѣ вздору, ничего написать не могъ, а любезный А[лександръ] Д[митріевичъ] всегда съ охотою повто-

1) Въ *П.* добьеться.
2) Въ *П.* пріѣздѣ.

ряетъ глупыя росказни, особливо о тѣхъ, коихъ почтеніе къ нему основано только на весьма нетвердыхъ родственныхъ связяхъ. У насъ приготовлено много покупокъ, кои съ братцемъ А[лександромъ] М[ихайловичемъ] долженствуютъ быть къ вамъ отправлены. Засимъ, желаю вамъ сдоровья и всякаго благополучія и остаюсь послушный сынъ вашъ

Н. Языковъ.

Катушу цѣлую, Пирушу тоже.

Приписка другой рукой:

При семъ и я имѣю честь свидѣтельствовать, Милостивая Государыня Екатерина Александровна, усерднѣйшее[1]) свое почтеніе милой кумушкѣ[2]); цалую ея ручки.

IV.

П. М. Языкову.

1822, Марта 31 [Петербургъ].

Письмо ваше, любезный братецъ, отъ 14 сего мѣсяца мы имѣли удовольствіе получить и радуемся, что вы, по свидѣтельству А. А., нашли деревенское хозяйство не такъ разстроеннымъ, какъ можно было предполагать.

На сихъ дняхъ возвратился сюда Грудевъ, однакожъ отъ него мы ничего не узнали о дѣлахъ симбирскихъ, хотя и надѣялись услыхать много и лишняго. Онъ ѣхалъ отъ Москвы 17 сутокъ до Петербурга, и потому неудивительно, что языкъ его не успѣлъ еще придти въ прежнее сильное движеніе — можетъ быть потому, что претерпѣлъ много неудовольствій отъ своихъ костяныхъ сосѣдей, которые въ продолженіе етой несносной, по словамъ Грудева, дороги были весьма обезпокоиваемы.

Здѣсь носятся слухи о новой исторіи, случившейся въ Лейбъ-Егерскомъ полку. При осматриваніи онаго Княземъ Николаемъ, онъ взялъ, вѣроятно въ припадкѣ безумной ревности къ солдатскимъ обрядамъ, за воротникъ капитана Норова, коего вы, можетъ быть, видали у Свербѣева; оный капитанъ и всѣ офицеры его роты требовали отъ Его Высочества отставокъ, и за сіе разогнаны тѣми же чинами въ армію, подъ предлогомъ предполагаемаго комплота со стороны Норова.

Вотъ еще новость. Извѣстный вамъ Каратыгинъ былъ посаженъ въ крѣпость за несоблюденіе, будто бы, приличій благопристойности передъ

---

1) Въ *П.* усерднѣйшѣе.

2) Въ *П.* кумушки.

Шаховскимъ, который нынѣ совсѣмъ[1]) не служитъ при театрѣ и по порядку дѣлъ не могъ бы требовать поклоновъ отъ лицъ, ему уже чуждыхъ; но не такъ случилось: Каратыгинъ, говорятъ, не видавъ Шаховскаго, не всталъ передъ нимъ, когда оный проходилъ мимо; сіе было донесено Милорадовичу въ противномъ видѣ, и сей посадилъ Каратыгина въ крѣпость Св. Петра. Въ етой исторіи всѣхъ лучше поступилъ одинъ квартальной, которому поручено было отвезти Карат[ыгина] въ крѣпость: квартальной вызвалъ его изъ дому подъ другимъ предлогомъ, и потомъ объявилъ ему, что его повезетъ въ крѣпость, и потому совѣтуетъ ему взять съ собою денегъ. Каратыгинъ ему повѣрилъ и хотѣлъ возвратиться[2]) домой, чтобъ исполнить совѣтъ его, но его не пустили, и онъ принужденъ былъ зайти къ знакомому и оттуда написать домой записку, въ слѣдствіе которой и получилъ 120 рублей денегъ и бѣлье. Квартальной, увидавъ, что его арестантъ можетъ доставить пищу его корыстолюбію, сказалъ Каратыгину, что онъ напрасно беретъ съ собою деньги, ибо ихъ въ крѣпости обираютъ, и что лучше будетъ ихъ оставить ему на сохраненіе. Каратыгинъ оставилъ у него 100 рублей, а прочія взялъ съ собою и, по освобожденіи, узналъ, что денегъ въ крѣпости не обираютъ и что квартальной провелъ его въ свою пользу. Не правда ли, что сей постунокъ достоинъ и самыхъ искустнѣйшихъ англійскихъ мошенниковъ?

NB. Зубовъ недавно былъ посаженъ въ карцеръ отъ Великаго Князя Николая за непокорность законамъ военнаго регламента, и такимъ образомъ мы торжествуемъ — мы, предлагавшіе ему не вступать въ сію школу и пророчившіе ему тиранію. Послѣднее тайна.

Вашъ покорнѣйшій братъ Н. Языковъ.

Ивану Ивановичу мое почтеніе.

V.

П. М. Языкову.

[1822. Петербургъ].

И на прошлой почтѣ мы не получили отъ васъ, любезный братецъ, писемъ и начинаемъ удивляться столь продолжительному вашему молчанію; думаемъ о причинѣ, произведшей сію намъ непріятную остановку перу вашему; предполагаемъ и то и то, и проч. и проч., но какое-то тайное душъ

1) Въ *П.* совсемъ.
2) Въ *П.* возвратится.

нашихъ убѣжденіе принуждаетъ насъ сваливать вину, можетъ быть собственно вашу, на неисправность почтъ и даже на инквизиціонную привычку сего министерства распечатывать и читать письма: такъ намъ пріятнѣе, гораздо пріятнѣе думать, что вы къ намъ пишете много противуправительственнаго, и что потому вашихъ писемъ мы не получаемъ, нежели предполагать, что вы совсѣмъ къ намъ не пишете [1]), нежели искать причины сему слишкомъ бы насъ недостойному молчанію во внутреннемъ человѣкѣ.

Очень радуюсь, что вы сами увидите въ газетахъ объявленіе о избраніи васъ въ члены М[осковскаго] Общ[ества] Исп[ытателей] Пр[ироды], и торжественно поздравляю васъ съ исполненіемъ нашего желанія, съ званіемъ, которое дѣлаетъ честь нашей крови и, кажется, достойно вашей привязанности къ наукамъ. Василій В[асильевичъ], избранный также въ члена сего Общества, уже заготовляетъ благодарственное письмо къ Фишеру и новую теорію громовъ хочетъ отправить въ Запискахъ сего общества для напечатанія. Дай Богъ здоровья его до сихъ поръ нездравому разсудку! Е. И. Спасскій совѣтуетъ вамъ послать туда же какое-нибудь изслѣдованіе по минераллогіи или вообще что-нибудь ученое.

Мы довольно часто бываемъ въ театрѣ, возхищаемся Семеновой и можемъ сказать, что видѣли Медею и весь тартаръ. Недавно въ театрѣ случилось нещастное приключеніе съ Сушковымъ: (съ захлопнутыми очками) онъ пришелъ въ кресла, исполненный Бахуса, и завелъ такую хлопотню руками и такой крикъ изустной, что его на другой день отправили въ крѣпость святыхъ Петра и Павла; при семъ случаѣ онъ публично (и даже неблагопристойно) разбранилъ въ театрѣ одного чиновника министерства инквизиціи и Ц. Фам. и, какъ говорятъ, за ето именно будетъ находиться [2]), впредь до повелѣнія Высочайшаго, подъ спудомъ. Вел. кн. съ жен[ой] былъ тутъ.

Что вы не напишете ничего рѣшительнаго о переѣздѣ сюда Маминьки? Намъ теперь очень нужно знать утвердительное ваше опредѣленіе: мы стали бы сообразно тому распоряжаться при отысканіи квартеры и во многомъ другомъ, имѣющемъ тѣсную связь съ симъ обстоятельствомъ. Боже сохрани мечя отъ мысли, что ваша безотвѣтность по сему предмету показываетъ отвѣтъ отрицательной: нѣтъ, вы сами етаго желаете, не правда ли? Вы молчите оттого, что обдумываете, какъ бы скорѣе и удобнѣе учинить переѣздъ сей, и потому молчите долго, что давно уже объ етомъ думаете. Скорѣе, скорѣе! Напишите намъ рѣшеніе, которое мы уже предвидимъ, по-

---

1) Въ *П.* въ обоихъ случаяхъ: пишите.
2) Въ *П.* находится.

лагаясь на ваше къ намъ доброжелательство и на убѣжденіе собственныхъ душъ нашихъ.

Вашъ покорнѣйшій братъ Н. Языковъ.

VI.

П. М. Языкову.

[1822. Петербургъ].

Давно мы не получаемъ отъ васъ писемъ, любезный братецъ, хотя сами давно уже принялись за перья и неутомимо продолжаемъ писать къ вамъ.

Причиною таковому вашему молчанію мы полагаемъ разъѣзды ваши по деревнямъ и надѣемся, что, по приведеніи въ порядокъ хозяйственныхъ дѣлъ, вы не будете такъ худо награждать нашу письменную добродѣтель.

Въ нами занимаемую теперь квартеру скоро переѣзжаетъ новый хозяинъ етаго дома, и потому, найдя неудобною имъ намъ предложенную другую квартеру, мы начинаемъ смотрѣть на афишки, прибиваемыя у домовъ, имѣющихъ свободныя отъ жильцовъ комнаты. Теперь у насъ большая остановка въ разсужденіи величины и мѣстоположенія искомой квартиры. Не получая ни отъ Маминьки, ни отъ васъ, господинъ Фабій-медлитель, рѣшительнаго положенія о переѣздкѣ сюда, мы не знаемъ, что дѣлать въ теперешнемъ положеніи. Сдѣлайте одолженіе, напишите намъ что-нибудь вѣрное о семъ предметѣ, а оставлять насъ въ нерѣшимости значитъ разстраивать нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ людей. Притомъ, признаюсь вамъ отъ чистаго сердца, что я никакъ по простотѣ своей не предвижу той скуки, которую вы обѣщаете Маминькѣ по переѣздѣ ея сюда; мнѣ даже кажется, что таковая причина неодобренія[2]) сего переселенія съ вашей стороны прикрываетъ только нехотѣніе ваше играть роль человѣка семейнаго въ продолженіе сего, разумѣется не шестидневнаго, путешествія. Прошу извинить меня за послѣднее изрѣченіе: виноватъ, что, можетъ быть, оскорбляю, но что дѣлать: я таковъ родился, короче сказать — я на правду чортъ.

Химикъ Василій теперь сильно занятъ наступающимъ екзаменомъ въ Корпусѣ и по сей причинѣ не писалъ къ вамъ на прошлой недѣлѣ. Онъ получилъ уже дипломъ отъ Московскаго Общества Испыт[ателей] Природы на званіе члена и заготовляетъ письмо къ Фишеру, котораго, потому что Спасскій не помѣстилъ его статью о желѣзодѣлкѣ въ своемъ журналѣ, не-

---

1) Въ *П.* пишите.
2) Въ *П.* неодобрѣнія.

щадно бранитъ и называетъ дрянью. Какъ же назвать самого Василья, если Фишеръ дрянь?

Лукинъ уже отъ насъ уѣхалъ на дорогу, оставивъ здѣсь очень много льстящаго его жаждѣ къ наслажденіямъ. Долго Лукинъ противился судьбѣ, гнавшей его отсюда[1]), но, наконецъ, получилъ приказъ отъ Бетанкура выѣхать въ 24 часа изъ Петербурга — и съ сокрушеннымъ [сердцемъ] прянулъ въ дорожную бричку. Сколько щастливыхъ связей, сколько интригъ любовныхъ онъ долженъ былъ разорвать! Кажется, онъ намѣренъ оставить свою придорожную службу и жить въ Симбирскѣ частнымъ человѣкомъ. Дай ему Боже успѣха въ этомъ намѣреніи: оно мнѣ по сердцу! Пусть умножаются день отъ дня наша братья бездѣльники: тогда и я найду нѣкоторое оправданіе моей безчинной жизни, въ заключеніи отъ большаго къ меньшему.

Вашъ покорный братъ Н. Языковъ.

Александру Дмитріевичу мое почтеніе. Что онъ забылъ насъ? что онъ не пишетъ къ намъ?

Погода у насъ теперь стоитъ райская, дай Богъ и вамъ такую же; мы почти забыли, что здѣсь не было зимы, ибо теперь вдругъ наступило лѣто, за которое съ придачею можно бы уступить и наилучшую зиму.

VII.

П. М. Языкову.

1822 [Петербургъ].

Не стану упрекать васъ, любезный братецъ, въ неотвѣтности на письма наши, ибо теперь совершенно увѣрился въ напрасности таковаго труда; не стану просить васъ писать хоть по немногу къ намъ, ибо недѣйствительностію многихъ прошеній по сей части убѣжденъ, что вы не умилостивились бы и тогда, когда бы я втрое болѣе потерялъ крови, досадуя на ваше единому Всевѣдцу постижимое молчаніе, и чернилъ, изливая на бумагу чувствованія, и мнѣ совсѣмъ непріятныя. Богъ да разсудитъ насъ въ семъ случаѣ, и я надѣюсь, что на вѣсахъ правосудія мы получимъ преимущество: на нашей сторонѣ будетъ лежать огромной пукъ писемъ, а на вашей только одно письмо (если можно назвать симъ именемъ каталогъ сѣмянъ[2]) и каталоговъ).

Какъ ни мало у насъ новостей и какъ ни желаю я вамъ сообщать оныя, но всегда, начиная писать къ вамъ, забываю ихъ, думая только о

1) Въ *П.* отъ сюда.
2) Въ *П.* семянъ.

томъ, что пишу къ такому мужу, который не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ моихъ письмахъ и, можетъ быть, по выраженію Тредьяковскаго, относитъ ихъ куда слѣдуетъ.

Цѣлыя двѣ недѣли мы искали квартеры и почти было совершенно отчаялись, ибо никто не отдаетъ квартиръ на два или на три мѣсяца, а мы непремѣнно должны были искать таковой: поелику, не имѣя чести читать вашихъ писемъ и не зная, что вы думаете, когда молчите, мы не надѣялись получить отъ васъ отрицательнаго мнѣнія о переѣздкѣ сюда Маминьки. Наконецъ, новый хозяинъ дома, намъ квартеру доставляющаго, согласился на нашу просьбу и позволилъ еще прожить въ немъ — впредь до вашего повелѣнія. Сдѣлайте же первую въ 1822 году намъ милость: избавьте насъ отъ нестерпимаго состоянія нерѣшимости. Ахъ, я было и забылъ, что вы не будете отвѣчать и на ето письмо!

На прошлой почтѣ мы отправили къ вамъ большой ящикъ со всѣмъ [1]), что вы прислать повелѣвали: знакъ, что мы точно исполняемъ ваши приказанія, не смотря на то, что вы не пишете [1]) къ намъ, хотя ето бы вамъ ничего не стоило во всѣхъ смыслахъ. Грибъ тоже къ намъ не пишетъ: видно, вы научили его етому собственно вамъ принадлежащему худу. Вотъ каковъ свѣтъ нынѣшній! Небось, онъ не перенялъ у васъ похвальной способности думать годъ о томъ, что и въ одинъ день обдумать можно (ибо мы отъ него не требовали глубокихъ соображеній о переѣздкѣ, вамъ извѣстной), а молчанію легко научился: знать, худое и грибы перенимаютъ скоро — таковъ свѣтъ нынѣшній!

Даже химикъ Василій перестаетъ писать къ вамъ, наскучивъ продолжительнымъ ожиданіемъ вашихъ отвѣтовъ. Царю цареви, кесарю Кесареви (sic) — вы сами ни къ кому не пишете, такъ кто же и къ вамъ, кромѣ насъ, писать станетъ?

Прощайте. Будьте здоровы.

Братъ вашъ покорнѣйшій Н. Языковъ.

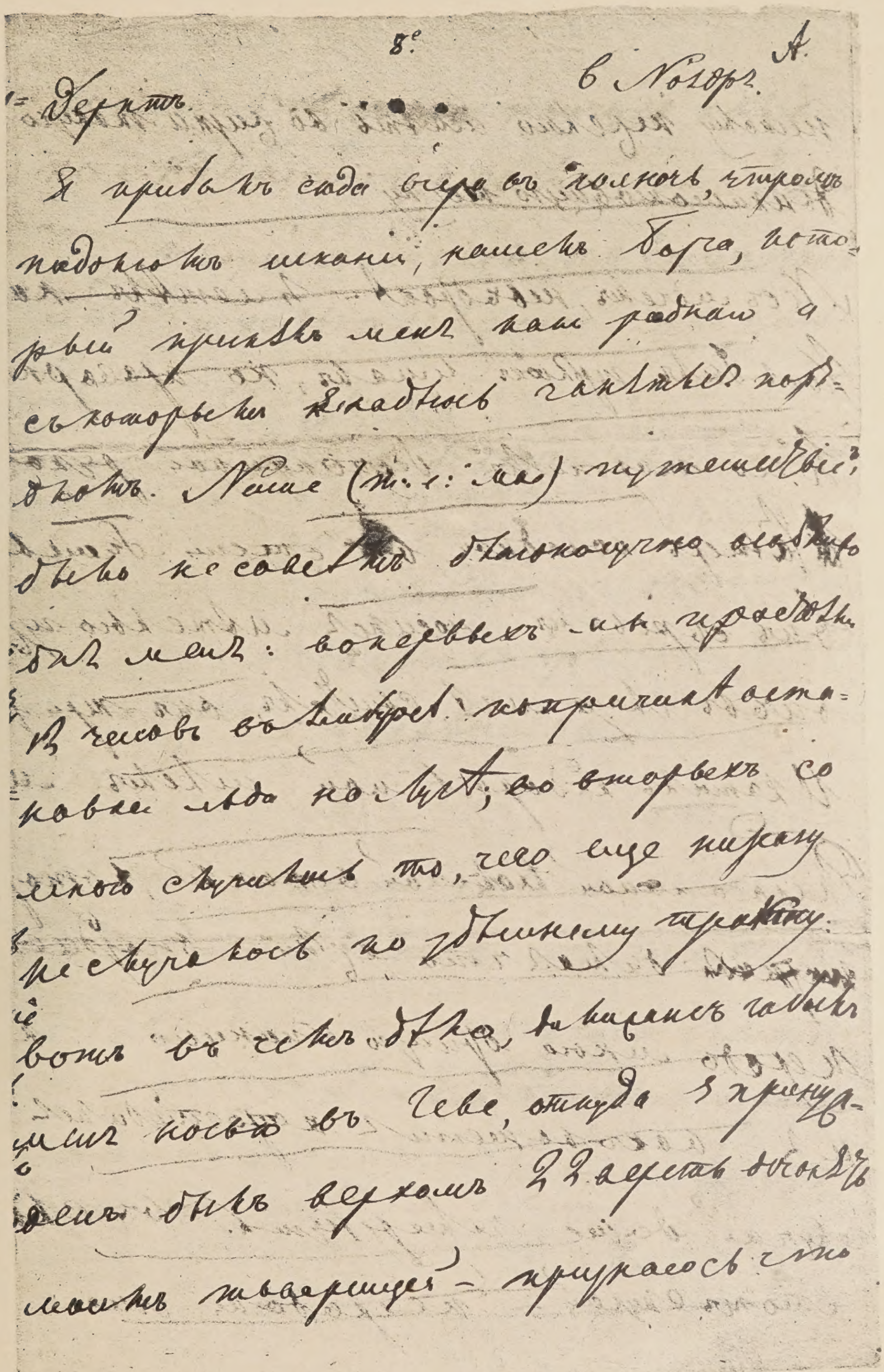
VIII.

А. М. Языкову.

Дерптъ, 6 Ноября [1822].

Я прибылъ сюда вчера въ полночь; утромъ, по долгомъ исканіи, нашелъ Борга, который принялъ меня какъ роднаго и съ которымъ я надѣюсь за-

1) Въ *П.* всемъ.



8е

Дерптъ. 6 Ноябр. А.

Я прибылъ сюда вчера въ полночь, [illegible]
подобною [illegible], нашелъ Борга, кото-
рый принялъ меня какъ родная и
съ которымъ я сладкое чаепитіе пор-
[illegible]. Наше (т. е. мое) путешествіе
было не совсѣмъ благополучно особенно
для меня: во первыхъ мы простояли
[illegible] часовъ въ [illegible] по причинѣ оста-
новки льда на рѣкѣ; во вторыхъ со
мною случилось то, чего еще никогда
не случалось по [illegible] тракту:
[illegible] въ [illegible], [illegible]
[illegible] въ Чеве, откуда я принуж-
денъ былъ верхомъ 22 версты [illegible]
[illegible] — [illegible]

няться порядкомъ. Наше (т. е. мое) путешествіе было не совсѣмъ благополучно, особливо для меня: во-первыхъ, мы простояли 12 часовъ въ Ямбургѣ по причинѣ остановки льда на Лугѣ; во-вторыхъ, со мною случилось то, чего еще ни разу не случалось по здѣшнему тракту. Вотъ въ чемъ дѣло. Дилижансъ забылъ меня ночью въ Геве, откуда я принужденъ былъ верхомъ 22 версты догонять моихъ товарищей; признаюсь, что никому не желаю имѣть въ жизни такую донкишотовскую ночку.

Не съ мечемъ, не въ бронѣ — я летѣлъ на конѣ;
Конь былъ трясокъ и малъ, но проворно бѣжалъ,
Я его торопилъ безпокойной рукой;
Вѣтеръ холодной (sic) въ степи бушевалъ:
Онъ съ ревомъ носился мятелью густой,
Онъ въ глаза мнѣ свисталъ, онъ три раза срывалъ
И каталъ по дорогѣ мой шлемъ мѣховой.

Передо мной ѣхалъ мой вожатый, которой весьма торопилъ своего коня, думая, что если опоздаемъ, то ему достанется еще ѣхать передо мною другую станцію; но, слава Богу, ето кончилось благополучно, и я, какъ кажется, не простудился, не смотря на то, что имѣлъ хорошій случай даже замерзнуть. Въ слѣдующихъ письмахъ опишу подробнѣе етотъ случай: не правда ли, что eventus stultorum magister!

Можетъ быть, вы почтете ето произшествіе за выдумку: жаль! Но если бы вы были теперь со мною, то я представилъ бы вамъ очевидные [1]) аргументы на ногахъ моихъ и на лицѣ Булгарина.

Я еще не уговорился съ Боргомъ; на слѣдующей почтѣ напишу вамъ объ етомъ. Сдѣлайте [милость], пришлите мнѣ книгъ, напр. Блера или Лагарпа, и Корнеля съ примѣчаніями. Ето много по почтѣ, но мнѣ здѣсь очень нужно какое-нибудь развлеченіе; всего нужнѣе Новыя образцовыя стихотв[оренія], Шильонскій и Кавказскій плѣнники, ибо ими интересуется Боргъ: онъ хорошо знаетъ поруски, но говоритъ какъ я по Нѣмецки.

Кажется, я скоро научусь здѣсь по Нѣмецки: все семейство Борга говоритъ только на семъ языкѣ и сильно желаетъ говорить со мною. Можетъ быть, мнѣ здѣсь нуженъ будетъ свой человѣкъ, то я напишу къ вамъ на слѣдующей почтѣ, ибо теперь еще ничего не рѣшено.

Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* очевидныя.

NB. Сдѣлайте милость, сходите къ Воейкову и поблагодарите его отъ меня за письмо, которое доставило мнѣ истинное щастіе; если сіе послѣднее состоитъ въ надеждѣ, отдайте ему мои стишки, находящіеся[1]) въ столикѣ у синяго дивана, и скажите, что я не нахожу словъ выразить чувства мои вразсужденіи его особы. Я нашелъ Гамса и пойду сегодня къ нему, также къ Перевощикову и матери Воейкова. Къ Погожеву буду писать на слѣдующей почтѣ, теперь только кланяюсь ему.

Если вы узнали, какъ отправляютъ сюда посылки изъ П[етер]б[у]р[га], то пришлите мнѣ книгъ много, и нельзя ли купить хотя романы Вальтера Скота; етимъ меня крайне обяжете. Что касается до моихъ учебныхъ латинскихъ книгъ, то ихъ, кажется, очень можно достать и здѣсь. Не знаю, какъ потерялъ я дорогой мой перстень; пожалуйте, пришлите мнѣ письмо, запечатанное гербомъ: я здѣсь закажу другой. Ежели жъ у васъ пойдетъ дѣло на пересылку, то пришлите мнѣ и мою холодную шинель; здѣсь погода, какъ я вижу, еще перемѣнчивѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, слѣдственно и проч.

Пожалуйте, пишите ко мнѣ больше и чаще; за отвѣтами дѣло не станетъ. Заставляйте писать Грудева, которому я свидѣтельствую мое почтеніе, о театральныхъ произшествіяхъ и представленіяхъ: мнѣ очень пріятно будетъ читать письма о томъ, что составляло важнѣйшее и почти единственное мое удовольствіе въ Петерб[ургѣ]—не такъ ли? Матеріаловъ для писемъ у меня будетъ вдоволь. Здѣсь совершенно другой міръ, другіе люди, даже наружность людей инаковая: все нѣмецкое; табакъ и кофе, какъ я уже успѣлъ замѣтить, составляютъ главное лакомство здѣшнихъ обывателей; за то какой табакъ они курятъ! крѣпкой и непріятной даже моему обонянію; впрочемъ, и къ етому можно привыкнуть: нужда заставитъ ѣсть[2]) калачи, говорятъ старые люди.

Адресъ мой: Его Высо[ко]благородію Г. Карлу фонъ Боргу, Господину секретарю Дерптско-Верровскаго крейсъ-герихта[3]). Въ Дерптъ. А васъ прошу и проч.

Прощайте. Будьте здоровы и пишите больше.

Прилагаемое здѣсь письмо отошлите въ Симбирскъ.

Кланяюсь: Гофману, Очкину, Вас[илію] Васильевичу и проч.

---

1) Въ *П.* находящіяся.
2) Въ *П.* есть.
3) Въ *П.* крейскъ-герихта.

IX.

А. М. Языкову.

Дерптъ. 13 Ноября, 1822.

Я уже начинаю привыкать къ Нѣмецкому образу жизни и, какъ бы то ни было, говорю по Нѣмецки. На прошлой почтѣ писалъ я вамъ о книгахъ, мнѣ здѣсь нужныхъ, въ число коихъ не включалъ учебныя, ибо надѣялся ихъ найти здѣсь; но не такъ случилось. У здѣшнихъ книгопродавцевъ я не нашелъ ни однаго даже французско-нѣмецкаго словаря, ни разговоровъ, и потому мое языкоученіе пріостановилось[1]) въ самомъ началѣ. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ какъ можно скорѣе мои *Латинскіе лексиконы*, *Латинск*[ую] *грамматику Каменскаго*, *Нѣмецкіе лексиконы* (*хотя Аделунга*), *Нѣмецкую граммат*[ику] *Шумахера*, и нельзя ли (хотя послѣ) *Французскіе лексиконы* и *Геймовъ карманный съ Нѣмецкаго на Русс*[кій]; сверхъ того, необходимо (тоже хотя послѣ) *Цвѣтъ латинскаго языка*, *соч. Серафима* (въ стѣнномъ шкафѣ). Книги, кои я просилъ прислать прежде, могутъ подождать благопріятнѣйшаго времени, а теперь желалъ бы получить: Образцовыя новыя соч[иненія], одни стихи, *Корнеля* и *обѣ поемы Пушкина—для Борга*. Очень жалѣю, что теряю еще время; кромѣ практики въ разговорѣ по Нѣмецки съ моими хозяевами, я почти не пріобрѣтаю[2]) никакихъ познаній. Присылайте скорѣе мои книги, скорѣе и скорѣе. Чуть было не забылъ вещь весьма важную въ теперешнемъ моемъ положеніи: мнѣ необходимо нужны *Нѣмецкіе разговоры*, пришлите и ихъ при первой посылкѣ.

Воейковъ сильно мнѣ покровительствуетъ: онъ предварительно извѣстилъ о мнѣ своихъ здѣшнихъ знакомыхъ и родню, которыя меня принимаютъ съ разверстыми объятіями. На сей почтѣ я пишу къ Погожеву и посылаю ему новое свое стихотвореніе; ежели вы найдете оное достойнымъ печати, то скажите Погожеву или сами потрудитесь отнести къ Воейкову и засвидѣтельствовать ему мою глубочайшую благодарность.

Мой хозяинъ уже познакомилъ меня со всею своею роднею и со всѣмъ своимъ знакомствомъ; изъ числа сихъ господъ почти никто не говоритъ по русски и одинъ только по французски: итакъ, съ кѣмъ бы ни заговорилъ я, все польза, все практика. Теперь только дай мнѣ Богъ здоровья, а я, кажется, пошелъ на стать — вотъ что значитъ дѣйствовать рѣшительно, — и

---

1) Въ *П.* приостановилось.
2) Въ *П.* приобрѣтаю.

я увѣренъ, что тотъ (т. е. я), кто былъ въ состояніи побѣдить тѣлеснаго человѣка и побѣдилъ его, имѣетъ полное право ласкаться блестящею надеждою на будущее: не такъ ли? не такъ ли? О, я теперь почти совершенно щастливъ! Сердечно благодаренъ всѣмъ, кои подали мнѣ смѣлую мысль перемѣнить мою жизнь, вялую и унижающую внутренняго человѣка, на дѣятельную, благородную и прекрасную блестящими видами будущаго! Я чувствую въ себѣ большое преображеніе и радуюсь, что оно произошло въ Дерптѣ:

Здѣсь человѣку нѣтъ цѣпей,
Здѣсь умъ божественный не скованъ,
И геній ласками страстей
И нѣгой чувствъ не очарованъ!

Жена Борга очень хорошая женщина, тѣлесно и нравственно; по вечерамъ я съ ней играю въ пикетъ (сдѣлайте милость, не забудьте Нѣмецкіе разговоры), и опять благодарю Воейкова, что онъ рекомендовалъ меня въ домъ такихъ людей, съ коими быть мнѣ чрезвычайно пріятно и которыхъ характеръ меня возхищаетъ. Мое пребываніе въ семъ домѣ и ученіе Нѣмецкому языку (не разговорное) стоитъ только 1200 руб. въ годъ. Еще не знаю, что будетъ брать за билетъ мой учитель латини; даже не знаю, у кого я буду брать уроки, однакожъ надѣюсь — у Перевощикова, хотя до сихъ поръ не могъ застать его дома, но сегодня непремѣнно увижу (воскресенье). Вразсужденіи финансоваго устава для меня, я предоставляю вамъ опредѣлить количество моихъ разходовъ, которые[1]), повидимому, не должны превозходить прежніе, и списаться о семъ предметѣ съ нашимъ симбирскимъ квесторомъ.

Къ маминькѣ на сей почтѣ не пишу, потому что на прошлой, кажется, довольно писалъ.

Прощайте, пишите ко мнѣ чаще.

Н. Языковъ.

Каково идетъ ваша Нѣмчизна? и какъ вы одни поживаете?
Гофману мое почтеніе, Шемановскому тоже.
В[асилію] Васильевичу глубочайшее почтеніе.
Не возвратился ли Свербѣевъ? и что о немъ слышно?

---

1) Въ *П.* которыя.

X.

А. М. Языкову.

Дерптъ [Ноябрь, 1822].

(Не знаю числа)[1]).

Завтра (воскресенье) приходитъ сюда петербур[г]ская почта: я надѣюсь получить мои учебныя книги и впередъ благодарю тебя. Онѣ совершенно обезпечатъ мои занятія, усилятъ мой языкъ въ разговорахъ и, что всего лучше, объяснятъ нѣкоторыя мѣста въ стихотвореніяхъ Кёрнера, котораго я уже и теперь читаю съ большимъ удовольствіемъ, а тогда буду даже переводить нѣкоторыя пьесы — разумѣется, стихами — и присылать тебѣ для доставленія куда слѣдуетъ. Къ статѣ: когда будешь[2]) ко мнѣ посылать что-нибудь значительно большое, то, сдѣлай одолженіе, пришли Корнеля: во что бы ни стало и какъ бы то ни было, а я рѣшился перевесть Радогуну; мнѣ тутъ будетъ практика, а Богъ дастъ — и сѣдящая на высотѣ. Я постараюсь всѣмъ тѣломъ и душою исполнить твои благонамѣренные совѣты: сильно займусь латинью и Нѣмецкимъ, и тогда давай Богъ чернилъ и перьевъ! Вотъ мой планъ (а мои планы походятъ на хамелеона): когда укрѣплюсь въ етихъ языкахъ, то рѣшительно оставлю Дерптъ и поѣдемъ въ чужеземію. Здѣсь студенты живутъ очень весело, занимаются болѣе танцами и фантами, и часто звонъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи; при томъ между ими царствуетъ какое-то глупо-военное честолюбіе, которое даетъ право на пьянство и буянство и не къ добру морочитъ бѣдныхъ насѣкомыхъ. Признаюсь, что я почти опасаюсь, чтобъ изъ меня не сдѣлалось то же, чему теперь я вовсе не хочу уподобляться: не правда ли, что ето вещь очень возможная, особливо со мною, которой еще не имѣетъ твердаго характера? Впрочемъ, объ етомъ поговоримъ тогда, какъ буду въ состояніи быть студентомъ.

Я очень зналъ и прежде письма твоего, что стихи, посланные къ Погожеву, не имѣютъ души и проч. и проч., но ето была только одна піитическая хитрость, которою хотѣлъ я завлечь Погожева къ перепискѣ и присылкѣ мнѣ его произведеній, — и вѣрно успѣю въ моемъ намѣреніи. Однакожъ онъ ко мнѣ еще не писалъ; знаетъ ли онъ мой адресъ? Грудевъ тоже не отвѣчаетъ; что съ нимъ сдѣлалось? Бывало, когда его о чемъ спросишь, то онъ не молчитъ, а теперь ни гугу; скажи ему, что я ему не кланяюсь на сей почтѣ и впредь не буду, ежели не удовлетворитъ онъ моего

1) Эти слова тоже написаны рукой Н. М. Языкова.

2) Въ *П.* будешъ.

письма порядкомъ. Геннадій и б. . ди[1]) — рифмы, которыя никакъ нельзя назвать бѣдными и худыми: пусть спроситъ онъ любаго изъ поэтовъ; ето то же, что рѣкой-громобой, и проч. Можетъ быть, онѣ ему не нравятся совсѣмъ по другой причинѣ, тогда виноваты не рифмы. Не такъ ли? О состояніи крестьянъ соч. Грибовскаго я, кажется, отдалъ Плавильщикову, а ежели нѣтъ, то — у С. М. Семенова; у него же три части Прогулки за границу.

Пиши ко мнѣ о театрѣ: я очень желаю знать, что дѣлается тамъ, гдѣ я находилъ лучшее изъ удовольствій. Каратыгинъ, какъ помнится, очень хорошъ въ Сынѣ Любви. Да и вообще, кажется, онъ въ мѣщанскихъ трагедіяхъ превозходитъ игрою свое собственное лице въ героическихъ. У него точно много таланта; жаль только, что природа не вовсе образовала его для театра: у него лице не героическое, обыкновенное, незначительное — а ето важная вещь для актера, да сверхъ того глаза малы, а Ларивъ совѣтуетъ артисту театральному имѣть глаза большіе и быстрые: ими, по его замѣчанію, можно всего сильнѣе дѣйствовать на зрителей; ето, кажется, довольно доказываетъ и Семенова. Кто жъ будетъ учить Каратыгина, когда Катенинъ запрещенъ въ столицахъ? Едва ли онъ сыщетъ другаго, столь же ревностнаго, наставника; дай Богъ, дай Богъ ему Гнѣдича!

Нравы здѣшніе мнѣ очень мало извѣстны; когда узнаю покороче, то не премину тебѣ сообщить мои замѣчанія. Вчера я былъ на праздникѣ рожденія у однаго изъ родныхъ моего Борга; главная черта здѣшнихъ собраній есть трубка и пиво. Мнѣ особливо нравятся Нѣмецкія жены: онѣ чрезвычайно любятъ мужей своихъ и всѣ хорошія хозяйки (изъ тѣхъ, разумѣется, кого я знаю), образованы, веселы, и я еще ни одной не видалъ, о которой можно было бы сказать, что она или теперь нехороша собою, или была. Вотъ каково!

Боргъ готовитъ къ изданію вторую часть своихъ переводовъ изъ Рус[скихъ авторовъ]. Сдѣлай одолженіе, когда-нибудь при случаѣ не забудь прислать Озерова и Руслана. Что дѣлается съ Благонамѣреннымъ? Будетъ ли А. Очкинъ рѣшительнымъ его наполнителемъ и надругателемъ? Увѣдомляй меня о литературныхъ новостяхъ; здѣсь ничего объ Руси не слышно, журналовъ нигдѣ не видать, а Нѣмцы никогда почти не говорятъ о своихъ добрыхъ сосѣдяхъ.

Погожева, сдѣлай одолженіе, убѣди писать ко мнѣ; ето даже невѣжливо: человѣкъ къ нему написалъ письмо оттуда, гдѣ имѣлъ полное право забыть его, а онъ не хочетъ ни строчкой отвѣтить! O tempora, o mores!

---

1) Точки вмѣсто буквъ поставлены нами.

Барону Дельвигу мое почтеніе. Я уже прямо пишу въ Симбирскъ — и писалъ къ брату о мальчикѣ; не знаю, что будетъ. Большіе нѣмецкіе и маленькіе французскіе лексиконы мнѣ необходимы, но ихъ можно прислать не иначе, какъ съ фурами: итакъ, надобно подождать; я доволенъ и тѣмъ, что прислано. Вальтеръ Скоттъ мнѣ очень нравится; въ его романахъ есть что-то новое, необыкновенное и много занимательнаго; онъ мнѣ служитъ лакомствомъ; но я прошу прислать прочіе томы не прежде, какъ я самъ того потребую: не хочу ѣсть конфекты прежде обѣда; итакъ, дай мнѣ достаточно перекусить Нѣмецкимъ языкомъ — тогда и проч.

Къ етому письму прилагается мое новое стихотвореніе; если ты найдешь его хотя немного достойнымъ бога, которому жертвуютъ поэты, то отдай Воейкову, а въ противномъ случаѣ оставь безъ уваженія, даже не показывай Погожеву, ни Грудеву и проч., ибо тогда я хотѣлъ [бы], чтобъ ты не читалъ его вовсе. Вотъ что надобно замѣтить объ етомъ произведеніи. 1. Заглавіе Моя Родина, кажется, ему неприлично: итакъ, перемѣни какъ угодно, ежели bene. 2. Не должно разумѣть меня самого подъ етимъ пѣвцомъ, ибо нѣтъ никакой въ етомъ необходимости; то же самое можетъ отвѣчать всякій Русскій стихотворецъ. Скажи, какъ тебѣ показалась Пѣснь Регнера, и какъ ты ее щитаешь pro и contra печати — твоя полная власть. Скажи мнѣ свое мнѣніе объ теперь посылаемыхъ стихахъ: я знаю, что ты не очень любишь свою родину — полюбишь ли мою? Только признаюсь, что я сочинялъ ее съ большимъ удовольствіемъ — не знаю, отъ чего. Причины етому могутъ объясниться послѣ, а теперь довольно и однаго удовольствія. Ты совѣтуешь мнѣ сочинить что-нибудь поважнѣе; я самъ давно объ етомъ думалъ и уже началъ пьесу, къ которой приложу полное стараніе и (можетъ быть, не скоро) представлю тебѣ етотъ оселокъ для моихъ дарованій; тогда ты прочтешь и скажешь мнѣ откровенно, кто я? Заглавіе етому больщему изъ моихъ піитическихъ дѣтей Гаквинъ: будетъ нѣчто скандинавское; нѣсколько строфъ готовы и ожидаютъ только переправки; впрочемъ, главное, напр. планъ, содержаніе — уже есть.

Студенты, коимъ я рекомендовался отъ Воейкова, люди болѣе свѣтскіе, нежели образованные, и вовсе не піитическіе; съ ними невесело. Гамсъ собирается въ Генварѣ въ Петербургъ; съ нимъ я пришлю письмо, и, думаю, можно будетъ что-нибудь ко мнѣ переслать поважнѣе, напр. даже денегъ, кои тогда будутъ нужны; онъ доброй, даже знатной малой; я съ нимъ познакомлюсь короче. Гофману почтеніе.

До слѣдующей почты прощай.

Твой братъ Н. Языковъ.

Погожеву, Очкину, В[асилію] Вас[ильевичу], Спаскому и женѣ его почтенія.

XI.

А. М. Языкову.

19 Ноября [1822, Дерптъ].

Письмо твое отъ 15 сего мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить; оно меня чрезвычайно обрадовало: во-первыхъ потому, что я уже начиналъ думать, что мое письмо не достигло Петербурга, а во-вторыхъ потому, что мнѣ весьма пріятно получать вѣсти оттуда, гдѣ мнѣ было нескучно. Вотъ вамъ всѣмъ, о мнѣ заботящимся, причина, по которой я отсталъ отъ дилижанса: я вошелъ одинъ въ избу станціоннаго смотрителя и сидѣлъ спокойно, дожидаясь перекладки лошадей; вдругъ вошелъ туда же кто-то, мнѣ и теперь неизвѣстной, и расположился спать на близъ[1]) стоящемъ диванѣ; я его принялъ, на бѣду, за однаго изъ моихъ спутниковъ и, подобно ему, заснулъ, окаянный. Вотъ въ чемъ вся штука! Ужасно, даже несносно было мнѣ скакать на тряской лошади, ночью, въ степи — и съ самою плохою надеждою: ибо мнѣ сказывали на станціи, что дилижансъ уже съ часъ, какъ уѣхалъ до тѣхъ поръ, какъ я проснулся, но слава Богу и лошади — я догналъ моихъ товарищей и благополучно прибылъ къ цѣли моихъ желаній. Подробное описаніе всего моего путешествія — дѣло не очень легкое даже и мнѣ: многое я уже имѣлъ удовольствіе забыть, многое слишкомъ обыкновенно и могло бы только отнять нѣсколько золотыхъ минутъ у меня и читателя, а главное уже описано, и теперь дополнительныя свѣдѣнія[2]) извѣстны.

Благодарю, тысячу разъ благодарю за присланныя книги; но, сдѣлай милость, не слушай меня, когда буду впередъ просить французскихъ книгъ: я хочу имѣть еще болѣе причинъ заниматься Нѣмецкимъ языкомъ; итакъ, время, употребленное на чтеніе Вал[ь]тера Скотта, досталось бы по необходимости Нѣмцамъ. Еще мѣсяца два, три, четыре, но не болѣе, и я буду уже выписывать книги Нѣмецкія: вотъ каково!

Заранѣе благодарю тебя за присылку моихъ учебныхъ книгъ: Лексиконовъ нѣм[ецкаго] и лат[инскаго] и особенно Разговоровъ; все ето мнѣ теперь такъ же[3]) необходимо, какъ воздухъ, какъ пища, какъ становая жила!

---

1) Въ *П.* близь.
2) Въ *П.* свѣденія.
3) Въ *П.* также.

Большую часть дня я занятъ, и потому начинаю чувствовать драгоцѣнность времени; чуть мнѣ увернется свободной вечеръ, и я тотчасъ обращаюсь къ моему любимому предмету, къ поэзіи. Къ етому письму прилагается небольшая пьеса; я читалъ исторію Даніи Маллета и почерпнулъ оттуда заглавіе етимъ стихамъ. Батюшковъ сдѣлалъ больше: его Пѣснь Гаральда Смѣлаго почти переводъ одной пѣсни, находящейся въ сей книгѣ [1]). Доставь, пожалуй, мое новое дитя Воейкову: я бы самъ прямо могъ посылать ему стихи мои, но не знаю, какъ сочинить благодарственное письмо.

Грудеву мое почтеніе; я писалъ къ нему на прошлой почтѣ и жду отвѣта; пусть опишетъ мнѣ подробно причины изгнанія изъ столицъ Катенина, и почему Семенова приняла сторону Каратыгина: ето, вѣрно, очень извѣстно ему. Я радуюсь, душевно радуюсь послѣднему произшествію: ето дѣлаетъ честь Семеновой и сдѣлаетъ славу нашему театру! Не вѣрь тому, что писалъ я къ Грудеву: ето посланіе сочинено въ первый день моего пребыванія въ Дерптѣ; теперь я вполнѣ спокоенъ.

Вотъ моя топографія: я живу въ домѣ, находящемся [2]) возлѣ того, гдѣ живетъ Боргъ съ своимъ семействомъ; но ето скоро кончится, и мое положеніе улучшится близостію къ особамъ, которыхъ я очень уважаю и коимъ буду обязанъ величайшимъ удовольствіемъ читать Нѣмцевъ — мало того, что читать — буду говорить по Нѣмецки, и браво, браво! Грудевъ справедливо спросилъ: нѣтъ ли въ домѣ Борга какой-нибудь прелестной? Хозяйка дома женщина очень прелестная и образованная и даже молодая, веселая, но, кажется, она еще не успѣла подѣйствовать на меня такъ сильно, чтобы подозрѣвать во мнѣ что-нибудь похожее на то, что разумѣлъ Грудевъ, говоря свой вопросъ. Любовники ничего не помнятъ, кромѣ своей любезной, а я пишу къ моимъ роднымъ и знакомымъ, пишу много, пишу стихи и не упоминаю о сердечныхъ чувствованіяхъ: не правда ли?

Мое здѣшнее знакомство весьма ограничено; я не стараюсь разпространить его, ибо дорожу временемъ и не скучаю въ уединеніи; однакожъ я былъ у Гамса, былъ у Вебера, но послѣдняго не видалъ: онъ былъ подъ карауломъ на гауптвахтѣ — видно, знатный студентъ.

Когда ты будешь отправлять ко мнѣ книги съ фурами (учебныя уже посланы по почтѣ: ихъ нужно скорѣе), то не забудь прислать басни Крылова; Боргъ готовитъ вторую часть своихъ переводовъ изъ Рускихъ, и ему нуженъ Крыловъ. Онъ перевелъ пѣсню Пушкина: Черная шаль;

---

1) Въ *П.* книги.
2) Въ *П.* находящимся.

я пришлю ее тебѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. Прощай до слѣдующей почты.

Барону Дельвигу, Погожеву, В[асилію] Васильевичу, Очкину, Гофману и проч. и проч. мои почтенія.

Н. Языковъ.

XII.

П. М. Языкову.

Дерптъ, 19 Ноября [1822].

Поздравьте меня съ преображеніемъ, любезный братецъ: я теперь покоенъ, почти доволенъ собою, умнѣе, прилежнѣе и вообще перемѣнился въ существо совершенно новое, лучшее, и сохранилъ прежняго только одинъ тѣлесный характеръ,— короче: я въ Дерптѣ, живу между Нѣмцами, говорю, учусь по Нѣмецки, и надѣюсь много, очень много хорошаго и даже славнаго отъ моихъ занятій. Воейковъ — вотъ что значатъ стихи мои — рекомендовалъ меня въ домъ къ одному извѣстному литтератору, фонъ-Боргу; оный Боргъ знаменитъ въ Германіи своими прекрасными стихотворческими переводами Русскихъ поетовъ; онъ меня принялъ какъ роднаго, и я нашелъ въ немъ человѣка, совершенно удовлетворяющаго[1]) требованіямъ вкуса во всѣхъ отношеніяхъ; онъ полюбилъ меня, я полюбилъ его — и дѣло въ шляпѣ. Я живу здѣсь вовсе по Нѣмецки; мнѣ очень нравится жизнь, и я не опасаюсь скуки, не смотря на малое число знакомыхъ.

Я теперь нахожусь здѣсь безъ служителя, и потому мнѣ хотѣлось бы имѣть при себѣ какого-нибудь мальчика порасторопнѣе; прошу васъ удружить мнѣ въ етомъ случаѣ: вы, какъ слышно, по зимнему пути возвратитесь въ Петербургъ, то онаго мальчика можно привезти[2]) съ собою, а въ противномъ случаѣ можно съ кѣмъ-нибудь переслать до Петербурга, а оттуда уже братъ А. М. {уже} знаетъ, какъ ко мнѣ доставить. Вотъ — почти все, въ чемъ я здѣсь нуждаюсь и что, при теперешнемъ образѣ моихъ мыслей, почитаю прихотью. Сдѣлайте милость, удовлетворите хорошенько мою просьбу: она единственная, но тѣмъ болѣе должны вы стараться ее исполнить — не въ службу, а въ дружбу!

Мой адресъ: его Высо[ко]благородію Г. Карлу фонъ-Боргу, секретарю Дерптско-Верровскаго Крейсъ-Герихта, а васъ прошу доставить Н. Яз.

---

1) Въ *II.* удовлетворяющего.
2) Въ *II.* привести.

Алек[сандру] Дмитр[іевичу] мое почтеніе; когда улучу времени, то начну съ нимъ переписку, и большую, частую, и надѣюсь — скоро; цѣлую его и его малютокъ.

Вашъ покорный братъ Н. Языковъ.

XIII.

А. М. Языкову.

Дерптъ, Декабря (не знаю котораго) [1]) 1822.

Видно, ты не такъ часто ко мнѣ пишешь, какъ обѣщался: на сегодняшней почтѣ я не получилъ письма твоего. Видно, Погожевъ и Грудевъ, съ которыми я имѣлъ непредусмотрительность начать переписку, рѣшились оставить безъ вниманія мою вызовку — Богъ съ ними: я уже пересталъ ожидать ихъ отвѣтовъ и буду платить имъ тою же монетою, по Старому Завѣту. Однакожъ какъ бы то ни было, а я очень жалѣю, что во все время моего пребыванія въ Петербургѣ не заслужилъ ихъ благосклонности на столько, чтобъ они посвятили мнѣ хотя нѣсколько почерковъ пера и двѣ или три капли чернилъ. Письма твои составляютъ мое единственное удовольствіе; сдѣлай милость, не прерывай его. Пиши ко мнѣ такъ же часто, какъ я пишу къ тебѣ — письмо за письмо, и довольно.

На етой недѣлѣ я сдѣлалъ великую глупость: забывъ, что просилъ уже тебя прислать басни Крылова, я послалъ къ Слёнину 25 рубл., чтобъ онъ ихъ мнѣ доставилъ съ Истор[іей] Русск[ой] Лит[ературы] Греча. Боргу ети [2]) книги теперь очень нужны, а Боргъ мнѣ теперь очень нуженъ, то я и рѣшился поступить вышесказанно, чтобъ не увеличивать твоихъ издержекъ, посылокъ и трудовъ. Боргъ переводитъ теперь басни изъ Крылова; онъ перевелъ сказку Глинки «Трудъ и бѣдность», сказки Дмитріева и скоро приступитъ къ печати второй части своего собранія. Къ стати: одинъ Нѣмецъ (не помню теперь фамиліи) переводитъ на свой языкъ Исторію Рус. Лит. соч. Греча; ето напоминаетъ басню Крылова Свинья. Сдѣлай милость, сходи къ Слёнину, и если онъ еще не услалъ мнѣ вышеупомянутыхъ книгъ, то останови Басни Крыл[ова]: пусть онъ пришлетъ ихъ на французск[омъ] и еще что-нибудь по твоему усмотрѣнію, напр. Исторію Всеоб-

1) Тоже рукой Н. М. Языкова.
2) Въ *П.* етѣ.

щ[ую] Кайданова или что-нибудь на французскомъ поновѣе и мнѣ понеизвѣстнѣе[1]).

Вотъ еще просьба: пришли мнѣ поскорѣе Исторіи Карамзина сокращ[еніе] Таппе, для переводовъ на Нѣмецк[ій]; здѣсь и етаго нельзя достать. Мое ученіе идетъ порядочно, и я начинаю быть довольнымъ собою и надѣяться отъ себя чего-нибудь хорошаго, ежели fatum не воспрепятствуетъ; но тогда я не виноватъ и буду спокоенъ душею. Признаюсь, что иногда, разумѣется отъ непривычки, моя голова кружится послѣ ночныхъ бдѣній, но ето пройдетъ и ничего не значитъ передъ пользою моральною, которая должна торжествовать надъ физическою. Не правди ли? Скоро я привыкну заниматься съ такою же ревностію, какъ прежде отвыкалъ — и тогда давай Богъ ноги на Парнасъ, за сѣдящею на высотѣ!

Напиши мнѣ, что предпринимаетъ братъ Петръ? Неужели онъ рѣшительно объявилъ себя недостойнымъ высокаго мнѣнія, которое мы имѣли объ его страсти къ наукамъ? Жаль, ежели разстрига-попъ его внѣшней церкви уговорилъ нашего Петра, на которомъ могла бы основаться цѣлая колонна храма рускаго просвѣщенія, служить Мамонѣ и забыть истиннаго Бога свѣта. Я желалъ бы теперь его видѣть и поговорить съ нимъ: думаю, ето совсѣмъ не тотъ Петръ, который открылъ голубецъ; ето какой-нибудь Петръ Петровичъ Бабкинъ, Потѣхинъ и т. д. По крайней мѣрѣ, послѣ етаго поступка позволительно воображать его такимъ животно-растеніемъ[2]).

Вотъ тебѣ новость объ способѣ моего ученія. Я познакомился съ однимъ Нѣмцемъ, который ни слова не знаетъ поруски, а хочетъ научиться,— итакъ, мы сговорились вотъ что сдѣлать: онъ будетъ учить меня по Нѣмецки, а я его, какъ могу, по Русски; не знаю, какъ для него, а мнѣ ето будетъ очень полезно, сверхъ того — ничего не будетъ стоить. Разумѣется, что ето не помѣшаетъ урокамъ, кои даетъ мнѣ Боргъ, — слѣдственно, новая прибавка къ моимъ занятіямъ, новый путь къ цѣли и новая странность въ моей жизни! Етотъ Нѣмецъ человѣкъ очень образованный, добрый и молодой человѣкъ; мнѣ можно будетъ отъ него многимъ попользоваться, а для разговорной практики въ Нѣмецкомъ языкѣ ето истинное сокровище для нашего брата. Итакъ, вотъ тебѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ; въ слѣдующихъ письмахъ ты получишь понятіе о прочихъ; ихъ немного: всего-то на всево столько, сколько пальцевъ на обѣихъ рукахъ, ежели на одной предположить шесть.

---

1) Слова «Сдѣлай милость... понеизвѣстнѣе» помѣщены, въ видѣ примѣчанія, внизу страницы.

2) Въ *П.* животно-растѣніемъ.

Одинъ изъ здѣшнихъ студентовъ, тоже кліентъ Воейкова, Киселевъ нашелся человѣкомъ не совершенно мнѣ чуждымъ по крови и свѣтскимъ познаніямъ: онъ часто, по словамъ его, бывалъ у Кикиныхъ, видалъ Свербѣева, Норова Сумарокова и вообще знаетъ все, что нужно знать, чтобъ знать Свербѣева. Самъ онъ человѣкъ прозаическій и здѣсь въ большемъ кругу свирѣпствуетъ.

Благодарю тебя за присылку басенъ Крылова и гр[амматики] Шумахера. Какъ идетъ твоя собственная Нѣмчизна? доволенъ ли ты Польнеромъ и что читаете? Рекомендую тебѣ Кёрнера; его легко понимать и пріятно понимать (Leyer und Schwert). Я бы написалъ тебѣ еще больше на сей почтѣ, да ты самъ виноватъ — понимаешь? Сдѣлай милость, пиши ко мнѣ порядкомъ и не присылай бѣлой бумаги: ето или лишнее, или доказательство, что тебѣ писать нечего, а, кажется, ни тебя, ни меня нельзя упрекнуть етимъ недостаткомъ. Мнѣ хочется получать отъ тебя столько же писемъ, сколько ты получаешь; не оставайся въ долгу; воображай, читая каждое письмо мое, что берешь взаймы сумму денегъ, и поступай какъ честный человѣкъ: плати вполнѣ и во время, а не продолжай долгу процентами. Пиши же о театрахъ, какъ обѣщалъ: часто ли ты видишь Семенову? и какъ идетъ у ней съ Каратыгинымъ? За что запретили Катенина? и на долго ли? Не вышелъ ли изъ печати его Цидъ? Если да, то пришли мнѣ.

Прощай до слѣдующей почты.

Твой братъ Н. Языковъ.

Гофману, Вас[илію] Вас[ильевичу] мои почтенія. Что же В. Вас. не пишетъ? или отдумалъ? Стыдно колебаться, желая сдѣлать доброе дѣло. Очкину поклонъ. Погожеву и Грудеву не кланяюсь. Кончилась ли ссора Греча съ В[ѣстникомъ] Е[вропы] или еще первому достается? Пиши мнѣ и о литтературныхъ произшествіяхъ — сколько матеріаловъ и какихъ еще! Ну!

XIV.

А. М. Языкову.

12 Декабря 1822 [Дерптъ].

Наконецъ, я получилъ письмо твое, и радуюсь, что всѣ мои непріятныя предположенія вразсужденіи тебя не исполнились. Ей Богу, я не зналъ, что о тебѣ думать, двѣ недѣли не получая твоихъ писемъ. Неожиданныя неудовольствія, столь частыя въ нашемъ семействѣ, позволяли мнѣ предполагать много худого; но теперь все кончилось — сдѣлай милость, не подвергай меня впередъ такимъ размышленіямъ: здѣсь, гдѣ никто не принимаетъ во

мнѣ живаго участія, удовольствіе знать, что ты думаешь и каково состояніе твоего духа, есть одна отрада моему внутреннему человѣку.

Напрасно вы (какъ видно изъ письма, что не одинъ ты) думаете, что я влюбился: совсѣмъ нѣтъ. Развѣ всякой, кто хвалитъ знакомую женщину, есть любовникъ етой женщины? Къ статѣ, вотъ одна черта характера здѣшняго прекраснаго пола. На сихъ дняхъ былъ въ Дерптѣ ужасный пожаръ; полиція, само собою разумѣется, очень мало заботилась объ етомъ; сгорѣло три человѣка и въ томъ числѣ два почти грудныхъ младенца; ето очень жалостно; я видѣлъ, какъ цѣлое собраніе женщинъ плакало, когда одна изъ нихъ разсказывала объ етомъ нещастіи. Каково?

Видѣлъ ли ты, какое великолѣпное примѣчаніе сдѣлалъ Воейковъ къ моему стихотворенію? Ей Богу, ето мнѣ очень непріятно; его родня и знакомые мучатъ меня привѣтствіями слишкомъ лестными. Когда узнаю ихъ, т. е. знак[омыхъ] Воейкова, короче, то опишу тебѣ впечатлѣнія, ими во мнѣ произведенныя. Сюда скоро будетъ и жена его; здѣсь говорятъ объ ней какъ о явленіи необыкновенномъ; посмотрю и напишу же.

Перевощиковъ человѣкъ очень ученый по литературѣ, а особливо по философіи; въ послѣднемъ даже и нѣмцы отдаютъ ему справедливость. Я съ нимъ хорошо познакомился. Онъ говоритъ про Пушкина, что въ его поэмахъ видно большое дарованіе, но что они не имѣютъ полнаго, естетическаго достоинства; что въ поэзіи такъ же, какъ въ сапожномъ искуствѣ, труднѣе скроить вѣрно, чѣмъ сдѣлать хорошій рантъ. Я надѣюсь многимъ отъ него попользоваться.

Ежели ты хочешь развлечь нѣсколько мою скуку, то подпишись на Вѣстникъ Европы. Воейковъ пишетъ Боргу, что будетъ мнѣ присылать съ слѣд[ующаго] года свои листки и пришлетъ за прошлой. Каково? Прощай. Некогда писать, пора на почту.

Н. Языковъ.

Поблагодари отъ меня Гамса за благорасположеніе, которымъ я отъ него пользуюсь въ Дерптѣ. Онъ обѣщался взять отъ тебя посылки ко мнѣ: сдѣлай милость, увеличь какъ можно одолженіе, которое хочетъ онъ мнѣ сдѣлать. Пришли мнѣ черной (старой хотя) фракъ, комлотовую шинель и закажи черныхъ пару брюкъ, ежели будешь въ состояніи. Также Романы Вальтера Скотта — теперь можно.

Прощай, будь здоровъ.

Твой братъ Н. Языковъ.

12 Декабря.

На послѣдней страницѣ письма, послужившей конвертомъ: Александру Михайловичу Языкову. У Конюшеннаго моста, въ домѣ княгини Волхонской.

XV.

А. М. Языкову.

Декабря 17 [1822, Дерптъ].

Напрасно требуешь ты отъ меня описанія жены Борга; ето математическая невозможность, въ полномъ смыслѣ невозможности. Вотъ почему: я еще не такъ хорошо знаю моихъ хозяевъ; но еслибы и зналъ, то не рѣшился бы описывать такой предметъ, который, можетъ быть, выше моего описанія; притомъ же похвалы, необходимыя въ етомъ случаѣ, дали бы новое орудіе читателямъ моихъ писемъ противъ меня, совершенно невиннаго въ сердечныхъ чувствованіяхъ. Ежели бы я въ нее влюбился, то, конечно, ето сдѣлало бы большую честь моему вкусу, но было бы похоже на покушенія Отрокова достать люстру зубами. Слѣдовательно, я свободенъ во всѣхъ смыслахъ; слѣдовательно, прошу критиковъ перемѣнить свои предположенія вразсужденіи состоянія моего сердца и проч. Правда, что здѣсь очень много прекрасныхъ дѣвъ и женщинъ: я могу смотрѣть на нихъ съ такою же жадностію, какъ лисица на виноградъ; но не хочу, противъ собственнаго убѣжденія, говорить, что онъ незрѣлъ, но набьетъ оскомину, — а вы, господа, думаете, что я уже влюбился, почитая мои похвалы слѣдствіемъ любви. Жаль, что здѣсь нѣтъ Амплія Очкина: я увѣренъ, что онъ подосадывалъ бы на Бога, зачѣмъ оный далъ ему одно сердце и одно орудіе райскаго удовольствія. Но довольно о прекрасномъ полѣ.

Погожевъ началъ со мною переписку и на первый случай прислалъ свои стихи Уединеніе; ето—въ полномъ смыслѣ уединеніе, не только отъ людей, но отъ Музъ и, можетъ быть, отъ здраваго смысла. Онъ, будь сказано тебѣ на ухо, чрезмѣрно силится подражать Пушкину и Баратынскому и только что повторяетъ ихъ слова съ нѣкоторою перестановкою. Ежели не ошибаюсь, то его Муза похищаетъ нѣсколько и у моей Музы; есть выраженія, собственно мнѣ принадлежащія — хороши ли онѣ или худы, ты самъ знаешь —, которыя онъ вшиваетъ въ прорѣхи одѣянія своей богини. Можетъ быть, онъ присвоилъ себѣ право заимствовать, потому что убѣжденъ въ своемъ достоинствѣ и знаетъ, что

На Парнасѣ, такъ какъ въ мірѣ:
Богатымъ только можно красть.

Ты ошибаешься, думая, что твои строгія сужденія о стихахъ моихъ мнѣ непріятны — совсѣмъ нѣтъ: я во всемъ съ тобою согласенъ; знаю, что моя Муза еще такъ молода, что часто завирается. Перевощиковъ точно то же говоритъ мнѣ о моихъ сочиненіяхъ; говоритъ, что у меня не все свое, но что есть много и собственно мнѣ принадлежащаго, что онъ надѣется отъ меня и того, и того, и того — дай Богъ, чтобъ ети надежды не остались только надеждами! Не ожидай моего Гаквина — я не продолжаю писать ети стихи: причина очень важная, потому что не имѣю карты Скандинавіи. Маллетъ къ своей Исторіи приложилъ только чертежъ новой Швеціи, не знаю зачѣмъ. А мнѣ необходимо нужно было знать географическое положеніе мѣстъ, о коихъ должно было говорить, ибо въ противномъ случаѣ меня назвали бы невѣждою.

Я уже просилъ тебя прислать мнѣ денегъ для нѣкоторыхъ необходимостей: вѣрь, что я здѣсь не такъ, какъ въ Петербургѣ — очень скроменъ въ издержкахъ, можетъ быть потому, что некуда дѣвать денегъ; покуда книгъ мнѣ не нужно много, главная и почти единственная покупка моя есть табакъ. Я скоро перейду на другую квартиру, гдѣ нужно будетъ имѣть мебель свою, а купить оную всего лучше на ярманкѣ; и такъ какъ скоро получишь генварскую присылку, то пришли мнѣ прежде Гамса, ибо въ противномъ случаѣ опоздаешь. Ты необходимо долженъ оставлять нѣкоторое количество изъ мнѣ причастныхъ денегъ у себя на покупки книгъ, кои можно получать не иначе, какъ отъ тебя. Напримѣръ, при первой денежной возможности ты пришлешь мнѣ Исторію Карамзина. Съ Гамсомъ, сверхъ прочаго, пришли Сокр[ащенную] Русск[ую] Исторію Строева — она есть у насъ — и какую-нибудь Логику, хотя Якоби; также три первыя части Математики Лакруа, хотя на Русскомъ или въ подлинникѣ — все равно; ты знаешь, зачѣмъ ето мнѣ нужно. Также Всеобщую Исторію Кайданова.

Чуть было не забылъ вещь весьма важную: пришли мнѣ такую же рисовальную машинку, какую ты отправилъ для Катуши: ето для Борга, которой хочетъ учить дѣтей своихъ. Ты вѣрно скажешь—для жены Борга: пусть такъ, только пришли.

Вторая часть переводовъ Борга скоро выдетъ. Представь себѣ: онъ ее продалъ одному книгопродавцу за 400 рубл. — только—и то уже послѣ того, какъ его 1 часть расхвали[ли] въ журналахъ Нѣм[ецкихъ], а прежде и даромъ не брали. Жаль, что ето случилось прежде моего съ нимъ знакомства. Я бы могъ ему помочь, ибо душевно его уважаю и люблю уже.

Каратыгинъ глупо сдѣлаетъ, ежели сойдетъ съ театра: онъ етимъ не

досадитъ дирекціи, которая не безпокоится о усовершенствованіи нашей сцены. Ежели онъ сотворенъ актеромъ, то ничто не должно останавливать его генія; поэтъ, который пересталъ писать стихи отъ того, что его не награждали, никогда не былъ истиннымъ поэтомъ. Какъ ты объ етомъ думаешь? Пиши о театрахъ — часто ли ты видишь Семенову и въ чемъ?

Прощай до слѣдующей почты.

Твой Н. Языковъ.

Очкину, Вас[илію] Вас[ильевичу], Гофману и проч. кланяюсь.

Спасскому и супругѣ его почтенія.

XVI.

А. М. Языкову.

Дерптъ, 20 Декабря [1822].

Какъ часто пишу!

Благодарю, благодарю: ты начинаешь вполнѣ отвѣчать на мои письма.

Напрасно думаешь ты, что похвалы Воейкова могутъ испортить меня: я имъ вовсе не вѣрю, ибо знаю, что такое Воейковъ вообще и что въ особенности журналистъ, который нуждается въ матеріялахъ. Даю тебѣ душевное обѣщаніе не писать впередъ піитическихъ предъувѣдомленій — и вѣрно сдержу свое слово, хотя вовсе не раскаиваюсь въ моихъ чувствованіяхъ къ старинѣ Русской; я ее люблю и не согласенъ съ тобою въ томъ, что она весьма бѣдна для поэта; гдѣ же искать вдохновенія, какъ не въ тѣхъ вѣкахъ, когда люди сражались за свободу и отличались собственнымъ характеромъ? Притомъ же воспѣвать старинные подвиги Русскихъ — не значитъ перелагать въ стихи древнюю нашу исторію; историческое основаніе не помѣшаетъ поету творить, а, напротивъ, придаетъ еще нѣкоторую особенную прелесть его вымысламъ, усиливаетъ его идеи: вотъ какъ я думаю — можетъ быть, ошибаюсь. Твоя власть опровергать; я еще темный человѣкъ въ естетикѣ и сужу о поэзіи только по инстинкту.

Итакъ, у тебя есть теперь мои неожиданныя деньги; вотъ на нихъ и порученія: купи и пришли Исторію Карамзина (кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно: я стану пѣть дѣла отцовъ) и, если достанешь, то Нестора, пер. Языкова. Я хочу написать небольшую повѣсть въ стихахъ, которой содержаніе будетъ взято изъ древ[ней] Руск[ой] ист[оріи]. Перевощиковъ мнѣ совѣтуетъ исполнять мои піитическія обѣщанія — итакъ, впередъ моя Муза! Что-нибудь одно: либо панъ — либо пропалъ; въ моемъ

ремеслѣ посредственность не годится; испытаю свои силы и если увижу, что я не въ состояніи догнать славу, то брошу поэзію и буду — не знаю чѣмъ... Ты оцѣнишь мою Музу; вѣрь, что я тебѣ вѣрю. Ежели до сихъ поръ я не написалъ чего-нибудь такого, по чему ты могъ бы судить о мнѣ пространнѣе, то ето единственно отъ недостатка терпѣнія, а отнюдь не отъ того, что будто меня удовлетворяютъ и тѣ похвалы, которыя получаю за мелочи. Буду писать нѣсколько мѣсяцовъ для практики и не печатать, даже ты не получишь продолженія родовъ моей Музы; жди лучше чего-нибудь важнѣйшаго, чѣмъ повторяй мнѣ при каждой оказіи, что тебя не удовлетворяютъ мои піитическія дѣти. Останови, если успѣешь, печатаніе Моей Родины: я согласенъ съ тобою, слѣдст[венно] и проч. Почему Погожевъ ничего не печатаетъ изъ своихъ собственныхъ произведеній? Я уже начиналъ было кое-что переводить изъ Кёрнера, но, ей Богу, не могу — и вотъ почему: когда я хочу выразить мысль чужую, то мнѣ въ ту же минуту представляется собственная, и я уже думаю о своей. Можетъ быть, ты етому не повѣришь — и я ничѣмъ не могу тебѣ доказать справедливости моихъ словъ, кромѣ того, что ты не получилъ ни однаго [1]) моего перевода, даже изъ Кёрнера, который меня возхищаетъ и вѣрно бы заставилъ подражать своимъ прекраснымъ твореніямъ, ежели бы было возможно.

Не знаю, за что Свербѣевъ прославлялъ Киселёва, какъ остряка; въ немъ столь же мало остроумія, какъ говядины въ здѣшнихъ супахъ. Правда, что онъ (скажу словами критиковъ, разсуждающихъ о Римскихъ консулахъ: какъ щастливъ Каммиллъ!) имѣетъ претенцію на остроту, но болѣе етой претенціи ничего особеннаго не имѣетъ. Можетъ быть, ето совсѣмъ не тотъ Киселевъ, про коего повѣствовалъ Сверб[ѣевъ]; Киселёвыхъ на Руси много — такъ, можетъ быть, которому-нибудь изъ нихъ удалось сострить когда-либо, но едва ли етому: онъ доброй малой, но худой острякъ; занимается только танцами и фантами, прекрасно рисуетъ, говоритъ о пустякахъ и чрезвычайно безпокоится о своемъ туалетѣ: не правда ли, что ето дѣла вовсе не студенческія; всему есть свой чередъ.

Ты удивляешься, почему Дерптскія красавицы не возбудили во мнѣ ни одной страстной пьесы? Итакъ, вотъ тебѣ новое доказательство свободы моего сердца: ежели влюблюсь, то, вѣроятно, ето будетъ имѣть вліяніе на мои стихи; но покуда еще не испыталъ ни наслажденій, ни печалей любовныхъ, то не хочу притворяться любовникомъ: ибо притворство было бы слишкомъ явно, а ето особливо въ стихахъ очень худо, несносно — не такъ ли?

---

1) Въ *П.* не однаго.

Благодарю на перемѣну, которую ты сдѣлалъ въ посылкѣ Слѣнина; я давно получилъ басни Крылова, и Боргъ перевелъ уже изъ нихъ нѣсколько: онъ теперь не имѣетъ времени перевесть все, что хотѣлъ бы, ибо самъ переписываетъ свою книгу; онъ хочетъ послѣ издать особо выборъ изъ Крылова; его переводы чрезвычайно близки; я пришлю тебѣ 5 экземпляровъ 1-ой части, а когда выдетъ — и второй, для распространенія славы Борга, которой онъ весьма достоинъ. Еще пришлю тебѣ на нѣмецк[омъ] книгу о Русскомъ законодательствѣ, только что вышедшую; въ ней ты увидишь, что Нѣмцы читаютъ Рускихъ: замѣчанія Куницына на сводъ зак[оновъ] и отвѣтъ Розенканфа и отвѣтъ перваго переведены. Послѣдній будетъ во второй части. Мой Боргъ прежде моего пріѣзда зналъ много о Куницынѣ и говоритъ объ немъ съ большимъ уваженіемъ. Одинъ изъ здѣшнихъ жителей собираетъ подписку на имъ сочиненную Исторію Петра I въ 6 том. Онъ, какъ говорятъ, хвалится тѣмъ, что имѣлъ не одни иностранные матеріялы, но читалъ Голикова. Я бы подписался на ето сочиненіе, но въ моемъ карманѣ нѣтъ теперь большой возможности удовлетворять всѣмъ моимъ желаніямъ. Къ стати, объ исторіи. Говорятъ, вышла Исторія Малоросіи Каменскаго; пришли мнѣ ее при случаѣ. Вотъ еще что: не вышли ли Древнія Рускія стихотворенія Цертелева? Мнѣ ихъ будетъ нужно, даже изданіе оныхъ Калайдовича, но все ето въ свое время. Пришли поскорѣе Цида и Альманахъ: мнѣ весьма и тотъ и другой любопытны. А книги, о конхъ я писалъ на прошлой почтѣ, необходимо требуютъ скорой присылки. Впрочемъ, ты не долженъ баловать, какъ говоритъ Вяземскій, языка болтливаго Свербежъ (sic). Что жъ ты не присылаешь мнѣ Таппе сокр. Карамз[ина]; мнѣ ето очень нужно, необходимо—поторопись, сдѣлай милость; тутъ откладывать— значитъ останавливать мои успѣхи. Какія негодныя у меня чернила, но дѣлать нечего: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не забудь же рисовальную машинку, пожалуста не забудь.

На прошлой почтѣ у меня началась переписка съ Погожевымъ; показываетъ ли онъ тебѣ мои письма? Только ты не долженъ платить ему всегда тою же монетою — понимаешь? Къ стати, о словѣ «не долженъ». Мнѣ чрезвычайно не нравятся его стихотворенія — можетъ быть, ето зависть: ни однаго новаго, собственнаго выраженія, даже слова, ни одной не пережеванной мысли; все передразниваніе Пушкина и Баратынскаго, которыхъ совсѣмъ нельзя передразнивать безъ скуки читателямъ. Читалъ ли ты новую пьеску Пушкина Къ войнѣ? Стихосложеніе, какъ всегда, довольно хорошо: за то ни начала, ни средины, ни конца — нѣчто чрезвычайно романтическое; но вѣрно въ Петербургѣ ее хвалятъ, и особливо Погожевъ, потому что онъ

обыкновенно хвалитъ то, что хулятъ люди съ познаніями и вкусомъ. Я читалъ ее у г-жи Протасовой, которая очень сильно обо мнѣ безпокоится.

Не знаю, что хочетъ со мной сдѣлать Воейковъ: онъ во всякомъ письмѣ къ своимъ роднымъ меня разхваливаетъ. Видно, ты не имѣешь сильнаго желанія съ нимъ познакомиться: правда, что въ его знакомствѣ нѣтъ ничего интереснаго, кромѣ его жены — съ етимъ согласенъ и Боргъ. Она скоро сюда будетъ, я опишу ее тебѣ съ ногъ до головы; говорятъ, что всякой, кто ее видѣлъ хоть разъ вблизи, непремѣнно въ нее влюбляется. Ежели надо мной исполнится ето прорицаніе, то ты увидишь таковую перемѣну моего духа только изъ слога моихъ писемъ, а не иначе: смотри же, смотри въ оба. Прощай, кажется — довольно. Пиши же о театрахъ. Кто играла въ Цидѣ Шимену? неужели Семенова?

Нѣтъ, мало! Едва ли Очкинъ можетъ, при теперешнемъ моемъ положеніи, достать отъ меня стиховъ въ Благон[амѣренный]. Я почти ими не занимаюсь и долго, можетъ быть, не буду печатать. При томъ же, неужели онъ меня такъ дорого цѣнитъ, что почитаетъ необходимымъ мое содѣйствіе при поднятіи на заднія ноги сего борова (какъ выр[азился] од[инъ] критикъ)? Скоро ли онъ своею собственною особою явится въ Петербургъ и что къ тебѣ пишетъ? Адресъ мой можно, и даже должно, сократить такъ: Его Благ. Ник. Языкову — въ квартирѣ Карла Федоровича Борга, секретаря крейсъгерихта. Скажи ету новость и Погожеву. Грудевъ ко мнѣ писалъ разъ: онъ ѣдетъ въ деревни Уварова — вѣрно, ето для тебя новость. Кланяйся П. Очкину, Погожеву, Гофману, Бахтину и проч. Григ[орію] Ивановичу и его супружницѣ — мои почтенія. Къ Василію Васильевичу пишу; не знаю, что писать: вѣрно, ты его надоумилъ? Разбираешь ли ты мои руны?

Послѣдующія строки представляютъ собою какъ бы приложеніе къ письму отъ 20 декабря 1822, являющееся отвѣтомъ на спеціальный вопросъ брата А. М-ча о книгахъ, взятыхъ Н. М. Языковымъ изъ библіотеки В. А. Плавильщикова и не возвращенныхъ до отъѣзда его изъ Петербурга въ Дерптъ, а также о деньгахъ, не уплоченныхъ Н. М-чемъ за книги, взятыя изъ магазина Плавильщикова.

Учебная книга 3 ч. Вотъ въ чемъ дѣло: когда еще не всѣ части вышли, то у меня были три, а когда вышли, то я взялъ у Плав[ильщикова] еще четвертую и еще всѣ четыре для Параши, и деньги всѣ сполна заплатилъ; онъ самъ вѣрно ето помнитъ.

Разсужд[енія] о нач. физ[ики] и химіи возвращены; ето листочекъ Акта Моск[овскаго] универ[ситета].

Таблица Лат[инской] Гр[амматики] Кошанскаго — вѣрно у меня въ столѣ или въ шкапѣ въ стѣнѣ. Нѣсколько листковъ гдѣ-нибудь въ книгѣ.

Басни Лобысевича—не помню, отдалъ ли; за нихъ посылаю деньги.

Полная система домоводства. Отдана и стоитъ у Плавильщикова на правой рукѣ между окошками.

Учебн[ая] кн[ига] Моск[овскаго] ун[иверситета] — у меня въ шкапѣ.

Извѣстій академіи 8-я отдана.

Курсъ Лит. слога — въ шкапѣ, въ желтой оберткѣ.

Исторія для народ[ныхъ] уч[илищъ] 1788—или у Бахтина, или отдана.

Вѣстникъ Европы 5 — отдана.

Цидъ — отданъ. Пусть посмотритъ Плавильщиковъ у себя.

Выборъ изъ Байрона — кажется, я отдалъ деньги, но прилагаю здѣсь ихъ; я его подарилъ Больдауеру.

О предохраненіи отъ молніи — у Любарскаго.

Описаніе животныхъ — отданы или куплены, ежели подписано Яз.

О воздушныхъ камняхъ — у Любарскаго.

Начертанія гербовѣденія никто не бралъ: вѣрно, ето ошибка.

Соревнов[ателя] отданы всѣ нумера; ихъ при отдачѣ, какъ журналы, Плавильщиковъ не вычеркивалъ.

Описаніе водъ — отдано.

Соч. Державина 1 томъ — не 1 а 5, который отданъ.

За Земледѣльч[ескій] жур[налъ] за прошлой 1821, за два экземпляра заплочено, а 1, 2 и 1 (sic) номера отданы.

Животный магнет[измъ] у Петра въ переп.; отданы деньги.

За портретъ Яковлева заплочено. За опис. карт. заплочено.

Исторія Рихтера — вѣрно у Бахтина или отдана.

За Соч. Озерова посылаю деньги. Пришли мнѣ ихъ. Боргъ хочетъ перевесть Димитрія Донскаго.

За Ботанику Вильденова[1]) — д[еньги] отданы. За переплетъ все заплачено.

Часто бывало принесешь къ Плавильщикову книги, когда у него много просителей, то скажешь, чтобъ онъ ихъ вычеркнулъ, и самъ уйдешь. Всѣ книги брата Петра, на коихъ подписана его Фамилія, куплены и деньги отданы. Объ тѣхъ книгахъ, кои я пропустилъ здѣсь, напишу на слѣд. почтѣ къ Очкину; онъ долженъ знать, гдѣ они и отданы ли.

---

1) Въ *П.* Гильденова.

Ежели ты будешь въ состояніи прислать мнѣ денегъ, то пришли мнѣ поскорѣе: съ 7 Генв. здѣсь начинается ярмонка; мнѣ нужно будетъ купить мебель для комнаты: я перейду скоро въ другую, а въ етой все чужое и не Боргово.

XVII.

А. М. Языкову.

27 Декабря 1822. (Печатай письма гербомъ). [Дерптъ].

Мнѣ кажется, что мои письма очень слабо дѣйствуютъ на тебя: ты пишешь вовсе несоотвѣтственно имъ ни пространствомъ, ни содержаніемъ. Не такъ поступилъ со мной Погожевъ: онъ — зубъ за зубъ отвѣчаетъ мнѣ, и я благодарю перо его.

Книги отъ тебя я получилъ — и теперь вовсе спокоенъ въ разсужденіи лингви[сти]ческихъ занятій, кромѣ хорошаго Нѣмецкого Лексикона: пришли, какой можешь, съ Гамсомъ. Былъ ли у тебя хотя Веберъ? Я далъ ему письмо къ тебѣ. Сида я тоже получилъ; переводъ, какъ кажется, ничѣмъ не лучше Есфири; я вооружился всѣмъ моимъ терпѣніемъ, чтобы прочесть его два раза и—передъ Богомъ—нашелъ только 11 стиховъ, достойныхъ Корнеля, и то предполагая ихъ близкими къ подлиннику; за то, сколько истинной тредьяковщины, сколь противуязычія, даже странностей въ словоковерканіи? Можетъ быть, ты его не читалъ самъ, а только судишь по слуху въ театрѣ, но если прочтешь... нѣтъ, лучше не читай, лучше проспи эти полчаса. Жаль, что теперь не имѣю Корнеля: я бы перевелъ что-нибудь изъ Сида для спора съ Катенинымъ; мнѣ жаль етаго благороднаго рыцаря, когда онъ изъясняется слогомъ Василія Кириловича. И къ чему выбралъ Катенинъ Сида, а не другую трагедію? Лучше бы перевесть Цинну, Поліекта или Радогуну, ежели ужъ нельзя было удержаться отъ стихобѣсія: по крайней мѣрѣ, на сценѣ они были бы лучше Сида—не правда ли?

Книгъ пришли, что заблагоразсудишь; можно, даже должно не присылать всего, что будетъ мнѣ полезно по утвержденіи въ Нѣмецкомъ языкѣ и по вступленіи въ университетъ. Только не забудь учебныя, это необходимо; между ими и Географію хотя Арсеньева, а прочія ты знаешь. Пришли съ Гамсомъ пару черныхъ галстуковъ: знаешь, съ пряжками, у Гезе, и подгалстушникъ 1. Вотъ все, въ чемъ я буду, можетъ быть скоро, нуждаться, а впрочемъ совершенно во всѣхъ частяхъ спокоенъ.

За что ты прогнѣвался на слово скука въ письмѣ моемъ: при всей веселости моего характера и при всемъ воображеніи, которое ты мнѣ припи-

сываешь, я не могу представить себѣ человѣка всегда веселаго, особливо тамъ, гдѣ онъ окруженъ людьми, вовсе ему чуждыми и раздѣляющими съ нимъ только житье и пойло. Грѣхъ пожаловаться, чтобъ я скучалъ много и часто; притомъ же и въ минуты скуки, оная никогда не заставляетъ меня разкаяваться въ моей[1]) переѣздкѣ сюда и въ томъ, что дѣлаю—слѣдств[енно], я здѣсь все-таки веселѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ никогда не былъ доволенъ собою и старался быть веселымъ вопреки внутреннему человѣку. Но теперь

Онѣ прошли и не придутъ,
Лѣта безпечности и лѣни.

Пришли съ Гамсомъ Опытъ о Рускомъ стихосложеніи, Востокова; послѣ ты, можетъ быть, узнаешь — зачѣмъ, а теперь желаю скрывать отъ тебя до времени мои литтературныя намѣренія, затѣмъ чтобъ не обманывать твоихъ ожиданій.

Погожевъ пишетъ ко мнѣ, что Воейковъ сбирается прислать мнѣ длинное письмо; ожидаю, что будетъ и чего онъ отъ меня хочетъ; ты узнаешь всѣ подробности етой новой моей кореспонденціи.

Я свелъ тѣсную [дружбу?] съ Перевощиковымъ; бываю у него довольно часто и доволенъ имъ совершенно; вмѣстѣ съ нимъ читаю любопытнѣйшее изъ Русскихъ журналовъ, и разговоры наши всегда объ литературѣ. Ето мнѣ чрезвычайно полезно; онъ человѣкъ ученый по части нашей и особенно Нѣмецкой словесности; жаль только, что принимаетъ, по собственному его сказанію, за образецъ слога руской прозы Шишкова и ему подражаетъ въ тяжеломъ расположеніи словъ; ето единственная въ немъ странность, но мнѣ она вовсе не вредитъ. Онъ чрезвычайно доволенъ даже переводомъ Тасса, и хотя не знаетъ по италіянски, но вѣритъ, что оный вѣренъ, и, не знаю изъ чего, находитъ въ Шишковомъ (sic) Тассѣ все великолѣпіе и всю силу выраженій пѣвца Іерусалима.

По латини я учусь еще безъ учителя: Перевощиковъ не имѣетъ времени; за то онъ чрезвычайно облегчилъ мои занятія, давъ мнѣ Cours de latinité, par Vanière; ето для меня золото.

Теперь Нѣмцы очень веселятся; я, сколько могу, участвую[2]) въ праздникахъ моихъ хозяевъ. Пришли же рисовальную машинку—не забудь.

Слѣнинъ, кажется, только сегодня прислалъ мнѣ книги. Истор[ія] Ли-

1) Въ *П.* моемъ.
2) Въ *П.* учавствую.

т[ературы] Греча опоздала: Боргъ уже выписалъ изъ етой книги всё, для него нужное; я нашелъ ее у Перевощикова. Не забудь также Исторію Русск[ую] Строева. Сегодня я получилъ письмо изъ Симбирска: пишутъ, что ты рѣдко туда пишешь, и мнѣ та же пѣсня: не знаю, часто ли писалъ ты по моемъ отъѣздѣ, а я уже четвертое письмо отправлю сегодня. Петръ ни гугу: впрочемъ, изъ письма видно, что онъ тамъ находится. Ну, какъ онъ еще долго не выѣдетъ и не вышлетъ тебѣ денегъ? Ето меня въ нѣкоторомъ смыслѣ подкуситъ. Впрочемъ, можетъ быть все къ лучшему. Прощай до слѣдующей почты.

Твой бр[атъ] Н. Языковъ.

В[асилію] Вас[ильевичу] мое почтеніе. Какъ ты проводишь святки? и какъ идутъ лекціи Вас. Вас.? Его курсъ метталлургіи и проч.? Я къ нему писалъ на прошлой почтѣ.

Спасскому и супружницѣ его — мое почтеніе.

1823.

XVIII.

А. М. Языкову.

6 Генваря, 1823. [Дерптъ].

На прошлой почтѣ я не писалъ къ тебѣ вотъ почему: меня не было въ Дерптѣ. Боргъ, его жена и я путешествовали встрѣчать новый годъ къ одному изъ родственниковъ второй, въ деревню за 23 версты отъ Дерпта. Я провелъ тамъ пять или шесть дней довольно весело. Ета деревня принадлежитъ потомкамъ Вильбуа, знаменитаго во время Петра Великаго; комнаты, въ коихъ я квартировалъ, носятъ печать тогдашняго великолѣпія, хотя не очень велики. Семейные портреты древняго сего дома хозяина и его современниковъ показываютъ состояніе живописи въ Россіи въ то время. И вообще, тамъ много рѣдкаго и любопытнаго для патріота-наблюдателя, но меня всего болѣе удивляло то, что я находился въ семъ домѣ. Платья я получилъ и благодарю. Какъ же Воейковъ напечаталъ мои стихи (Пѣвецъ)? Вѣрно, Погожевъ соблазнилъ Дельвига, которому я очень благодаренъ за стараніе о цѣнности моей славы. Останови, если можешь, ради Бога, печатаніе Пѣсни Регнера: я переведу ее вполнѣ, и тогда она, конечно, будетъ достойнѣе твоего чтенія и печати. Я купилъ Нѣмецкіе Лекс[иконы] Моцина и очень ими доволенъ; рекомендую тебѣ ихъ, ежели ты не имѣешь еще лучшихъ. Деньги 1000 р. я имѣлъ истинное удовольствіе получить; пришли же мнѣ Исторію Карамзина и, если можно, собраніе Русскихъ сказокъ Чулкова: ето важная вещь[1]) для меня, не такъ ли? Да не такъ, скажешь ты. Но оставимъ до поры споръ объ Руской старинѣ, которая такъ не по нутрю твоей филантропіи.

---

1) Въ *П.* вещъ.

Посылай книгъ Парашѣ[1]); я радъ какъ можно больше участвовать въ етомъ благородномъ подвигѣ. Процессъ съ Плавильщиковымъ не остановился: я уже давно писалъ объ етомъ къ П. Очкину, который, конечно, уже объяснилъ тебѣ всѣ темныя мѣста въ реест[р]ѣ книгъ, котораго копію я имѣю. Видишь ли, что я совсѣмъ не хочу отвертѣться кое-какъ отъ отвѣта на твои справки. Прощай! На слѣдующей почтѣ напишу предлинное письмо, ибо видишь, какія у меня чернила-замогванцы[2]). Завтра куплю новыхъ — и проч.

Кланяйся кому угодно.

Твой бр[атъ] Н. Языковъ.

XIX.

А. М. Языкову.

1823, Января 10. [Дерптъ].

Три дни тому назадъ я имѣлъ удовольствіе получить отъ тебя книги; благодарю за Лакруа и за удивленіе, которымъ ты оканчиваешь письмо свое. Впрочемъ, я долженъ признаться тебѣ, что не собственная моя привязанность къ сухощавой Музѣ Математики, а почти одна необходимость имѣть нѣкоторое понятіе о пустынной ея области для екзамена заставила меня выписать такую книгу, которую буду читать, какъ дѣти учатъ азбуку, когда имъ обѣщаютъ конфектъ за знаніе, котораго пользы онѣ не понимаютъ. Я вполнѣ уважаю всѣ вообще науки, но какъ волка ни корми, а онъ все къ лѣсу смотритъ. Полярная Звѣзда мнѣ очень понравилась: ето большое похищеніе у журналистовъ наступившаго 1823 года; только не по нутрю мнѣ сужденіе Бестужева о русской литтературѣ; онъ присвоилъ себѣ право судить объ томъ, что, кажется, гораздо выше градуса его познаній, какъ ни притворяется заслуженымъ воиномъ сей бирючъ[3]) нашей прозы и поэзіи; но изъ подъ его новомодной фурашки, надѣтой на бекрень, виденъ лобъ еще рекрутской. Не правда ли? Я думалъ найти въ Полярной Звѣздѣ нѣсколько лучей славы Погожева; но, видно, его самолюбивая богиня все еще дичится типографіи. Скажи ему, что его скромность на дорогѣ къ Парнассу заставляетъ краснѣть мою Музу, которая, забывая свою молодость, не стыдится показываться въ полной наготѣ всѣмъ читателямъ Инва-

---

1) Въ *П.* Параши.

2) Все это письмо написано чрезвычайно блѣдными и расплывающимися чернилами.

3) Въ *П.* бирючь.

лида. Сюда ожидаютъ скоро жену Воейкова; она цѣлыхъ три мѣсяца будетъ соблазнять дерптскихъ жителей; слѣд., и я грѣшный могу надѣяться собрать довольно красокъ съ ея лица и характера для доставленія тебѣ полнаго отчета о такомъ членѣ прекраснаго пола, которому Нѣмцы приписываютъ очень, очень много разныхъ достоинствъ, который они хвалятъ съ восторгомъ и которому удивляются, разиня ротъ. Жди чего-нибудь любопытнѣе прежнихъ общихъ мѣстъ въ моихъ письмахъ.

Я живу теперь на другой квартирѣ, тоже подлѣ Борга, только съ другой стороны (скажи ето Гамсу и Веберу). Комнатка очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ; въ мои двери не прошелъ бы даже плашмя Н. А. Чимодуровъ, а лѣстница совершенно піитическая: узка и крючковата, какъ дорога къ Парнассу. Мнѣ очень нравится мое уединенное жилище; заглядѣться некуда: окно на дворъ, заставленный дровами, а загуляться по комнатѣ даже невозможно, ибо надобно было бы поворачиваться послѣ каждыхъ двухъ шаговъ. Ярманка здѣсь уже началась. Ето одно названіе. Новыхъ кущовъ пріѣхало (нынѣ слава Богу, говорятъ Нѣмцы) такъ много, что я увѣренъ, что ежели бы они ѣхали сюда безъ товаровъ, то могли бы занять цѣлый дилижансъ. Я куплю себѣ только одно маленькое бюро и запасъ табаку: перваго здѣсь прежде ярманки не могъ я найти, а второй теперь дешевле. Если ты еще не все прислалъ мнѣ, что хотѣлъ я имѣть, то вложи при случаѣ въ одну изъ отправляемыхъ книгъ портреты Державина (не старческой) и Семеновой (не тогъ, который въ нашемъ Танкредѣ: онъ облитъ); ето будетъ висѣть на стѣнѣ моей комнаты и развеселять мои уединенныя занятія. Вотъ еще просьба: машинку рисовальную еще одну для Перевощикова — тоже при случаѣ, а не къ спѣху. Покуда прощай! Не пріѣхалъ ли Амплій? Ежели да, то поклонись ему отъ меня и скажи что хочешь.

Твой братъ Н. Языковъ.

Вас[илію] Вас[ильевичу] мое почтеніе; поздравляю его съ новымъ годомъ и съ его Василіемъ: онъ, кажется, имянинникъ бываетъ вмѣстѣ съ годомъ. Очкину поклонъ, Гофману поклонъ и почтеніе.

Приписка на верху первой страницы письма:

Спасскому съ супругою мои почтенія.

Пришли, при случаѣ, мой альбомъ, попросивъ Погожева написать туда Али-Пашу.

XX.

А. М. Языкову.

Января 17 [1823, Дерптъ].

Ты справедливо жалуешься[1]) на сухость и пустоту моихъ писемъ: я и самъ ето чувствовалъ, чувствую, предчувствую и едва ли силенъ чѣмъ бы то ни было оживить ихъ принужденное состояніе. Не знаю, почему тебѣ менѣе не нравятся мои письма къ Лукину: въ нихъ еще болѣе насилованныхъ мыслей и чувствованій, необходимыхъ слѣдствій головной пустоты; а тогда голова моя была гораздо пуще[2]), нежели нынѣ: въ ней не было даже тѣхъ Нѣмецкихъ словъ, которыми теперь она имѣетъ честь наполняться; а острота, другъ мой (прости выраженіе Лукина), есть дѣло случайное и часто только побочная дочь разума. Не то время, не то мѣсто, другія обстоятельства,— а ты знаешь, какъ сильно дѣйствуетъ етотъ самовластный тріумвиратъ даже на мысли и выраженія. Моя жизнь никогда не бывала такъ однообразна, какъ теперь (боюсь сказать, что скука есть дочь однообразія: «а твое воображеніе!» воскликнешь ты). Я могу вѣрно предсказывать, что буду дѣлать въ такой-то день, въ такомъ часу, что буду пить и ѣсть тогда-то,—а ты хочешь, чтобъ я шутилъ въ письмахъ, когда занятъ и озабоченъ не на шутку. Нѣтъ, любезный! Одно воображеніе, даже мое, не въ состояніи замѣнить мнѣ человѣка (дѣло не въ родствѣ), которому я могъ бы повѣрять внезапныя желанія и чувствованія, часто ни къ селу, ни къ городу врывающіяся въ мою душу. «Опять общія мѣста», скажешь ты, прочитавъ слова «желанія и чувствованія»... und mit Recht! Мы всѣ, отъ Адама Еговича до дѣтороднаго...[3]) Амплія-литтератора, желаемъ и чувствуемъ. Желаемъ лучшаго, чувствуемъ что попалось въ пять пальцовъ нашего наружнаго человѣка. Ты знаешь, чего желаю, но не узнаешь, что я чувствую: потому что твоя космополитность стала бы упрекать меня въ такъ называемыхъ предразсудкахъ человѣка необразованнаго.

Я получилъ Исторію Карамзина — и благодарю тебя за усердіе къ моей пользѣ во всѣхъ смыслахъ; я покупаю ее и на Нѣмецкомъ (только 2 тома) и буду дѣлать съ нею то, что дѣлалъ Демосѳенъ съ твореніемъ Фукидида, чтобы благословенный языкъ Нѣмецкій сильнѣе вкоренился въ мою голову. Едва ли я останусь въ Дерптѣ цѣлые 3 или 4 года: я пріѣхалъ

---

1) Въ *П.* жалуешся.

2) Т. е. пустѣе.

3) Три буквы замѣнены нами точками.

сюда почти не затѣмъ, чтобъ учиться (ето можно бы и дома, еслибъ не...); мнѣ нужно было гораздо болѣе: научиться учиться—ето главное, не такъ ли?

Вчера получилъ я письмо изъ Симбирска. Пишутъ, и онъ самъ, что братъ П[етръ] послѣ новаго года отправляется къ тебѣ: давай Богъ! Я удивляюсь, отчего [1]), какъ видно изъ письма Мам[еньки], Карповы мирволятъ Валуеву; пишутъ, что сваточное его дѣло едва ли не кончится [2]) въ пользу мужеска пола. Каково?

Описывай мнѣ Свербѣева подробнѣе: человѣкъ, странствовавшій по чужеземіи и, можетъ быть, нюхавшій табакъ на Стразбургской колокольнѣ, есть важное, рѣдкое явленіе въ кружечкѣ нашего знакомства. Я, съ моей стороны, постараюсь тебѣ платить тѣмъ же родомъ риторическихъ фигуръ: стану и самъ описывать. Предъувѣдомляю тебя, что мои описанія не будутъ столь интересны, какъ твои: Нѣмцы, меня окружающіе, имѣютъ очень мало особеннаго, необыкновеннаго, а Свербѣевъ — новость, даже рѣдкость, золото для хорошаго пера, предметъ, и въ отдаленіи занимавшій наше любопытство. Смотри же, не ударь лицемъ въ грязь, описывая нашего Телемака. Вѣрно, Свербѣевъ, возвратившись изъ края, гдѣ даже мужики говорятъ по французски, такъ далекъ обхожденіемъ, языкомъ, мыслями и одеждою отъ нашей братьи простачковъ Русскихъ, какъ сѣверный полюсъ отъ южнаго: тѣмъ подробнѣе, яснѣе долженъ ты живописать его. Не присылай Исторію Малороссіи: она есть у Перевощикова. Я теперь совершенно устроился: имѣю все нужное для занятій, и давай Богъ ноги, куда слѣдуетъ. Гамсъ, я думаю, уже здѣсь, но я еще не видалъ его. Прощай до слѣд. почты.

Твой братъ Н. Языковъ.

Поклонъ Дел[ь]вигу и Погожеву.

Воейковъ еще не присылаетъ мнѣ прибавленій къ Инв[алиду]; впрочемъ обѣщалъ—и вѣрно сдержитъ слово.

XXI.

А. М. Языкову.

17 Января, 1823 [Дерптъ].

Рекомендую тебѣ подателя письма сего: онъ недавно возвратился изъ Германіи, кажется—говоритъ по французски, да и по Нѣмецки ты, вѣрно, уже понимаешь. Онъ долженъ быть родня Боргу—итакъ, прими его, обласка[й]

---

1) Въ *П.* отъ чего.

2) Въ *П.* кончиться.

и угости. Познакомь, ежели хочешь, съ Гофманомъ, который свободнѣе можетъ слушать его разсказы. Его фамилія Жоке — впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь.

Здѣсь прилагаю письмо [1]), которое хотѣлъ отправить къ тебѣ съ почтою.

Пріѣхалъ ли братъ Петръ и что намѣревается дѣлать? Если онъ уже съ тобою, то поблагодари его отъ меня за стараніе о мальчикѣ, котораго онъ для меня приготовлялъ. Почтеніе мое Гофману, Любарскому, Очкину и всѣмъ вообще почтеннымъ [2]).

XXII.

А. М. Языкову.

21 Января, 1823 [Дерптъ].

Наконецъ, я отыскалъ Гамса; онъ мнѣ доставилъ твое письмо и посылки—благодарю за то и другія.

Ты спрашиваешь, когда я вступлю въ Университетъ? Когда утвержусь въ Нѣмецкомъ языкѣ; а етого я не могу сказать навѣрно; вспомни слова Суворова: назадъ не отставай, а впередъ не суйся. Мнѣ главное — языкъ Нѣмецкой, а прочее все легко пріобрѣсть съ однимъ етимъ руководителемъ. Впрочемъ, ежели Богъ поможетъ, я надѣюсь быть студентомъ въ Іюнѣ; знаю только, что не прежде [3]), а дальше ничего не знаю. Я очень радъ, что моего Пѣвца даже Бахтинъ погладилъ по головѣ: ето много, очень много и вовсе мною не ожидано. Ты требуешь отъ меня стиховъ — сдѣлай милость, впередъ не требуй: твое жаланіе можетъ меня заставить усердно приняться за Музу и на время забыть

И долгъ свой разумъ просвѣщать,
И діалектъ гораціянской.

Я ето знаю изъ опытовъ. Буду ждать, когда Муза моя сама вырветъ, на нѣсколько минутъ, Нѣмецкій лексиконъ изъ рукъ моихъ, — и только тогда ты получишь стихи. Я отъ Погожева давно не получаю писемъ. Одно посланіе уже у меня, но оно не ко мнѣ адресовано; сочинитель мнѣ часто непонятенъ: говоритъ съ жаромъ о какой-то философіи глубокой,

---

1) Очевидно, предыдущее—№ XX.

2) Въ виду того, что это письмо было послано вмѣстѣ съ предыдущимъ, на немъ нѣтъ подписи Н. М. Языкова, хотя оно сплошь писано его рукою.

3) Въ *П.* преждѣ.

Располагающей мой (т. е. его) умъ
Къ высокимъ таинствамъ творенья,

о Тацитѣ, о Сенекѣ. Первой я, да {и} вѣроятно и онъ не понимаетъ; второго я еще не читалъ, и онъ вѣрно также, а третій только рифма къ «человѣку». Жду новаго посланія, и ежели въ немъ будетъ что-нибудь особенное, то пришлю къ тебѣ. Ты думаешь, что етотъ замокъ не внушилъ мнѣ ничего піитическаго: нѣтъ, любезный! Ахъ, если бы ты зналъ всѣ мои литературные планы! Но они, по большой части, такъ значительны, что моя Муза еще не смѣетъ за нихъ вполнѣ приняться, чтобы не испугать прилежанія[1]), которое придаетъ ей новыя силы. Въ головѣ моей собирается много надеждъ и мыслей, смѣю сказать — новыхъ; но вся эта милиція смиренно ожидаетъ искуснаго[2]) генерала — Науки, чтобы уповательнѣе выступить на поприщѣ славы. Не правда ли, что ето терпѣніе похвально?

Я получилъ переводъ Исторіи Карамзина — Гау[е]ншильда; онъ обманулъ мои ожиданія: переводчикъ часто растягиваетъ выраженія автора и, такъ сказать, вялитъ его мысли; сверхъ того, какъ замѣчаетъ Боргъ, онъ иногда не понималъ подлинника. Очень радъ, что тебѣ нравятся переводы Борга; ето во-первыхъ доказываетъ то, что ты ихъ понимаешь, а во-вторыхъ и то, что я человѣкъ не вовсе для тебя безполезный. Мнѣ кажется только, что выборъ пьесъ не весьма хорошъ; но етому вина — Воейко́въ, руководствовавшій моего Борга въ семъ случаѣ. Завидую тебѣ въ удовольствіи видѣть представленіе Танкреда; кто игралъ заглавіе пьесы? Грудевъ писалъ мнѣ, что Каратыгинъ послѣ своего бенефиса оставитъ театръ. Правда ли ето? Получай Вѣстникъ Европы: я его читаю у Перевощикова, которому Каченовскій пишетъ, что прошедшій годъ онъ не могъ довольно заниматься своимъ изданіемъ, будучи озабоченъ дѣлами домашними, а что съ нынѣшняго вовсе свободенъ для литтературы. Посмотримъ, что выдетъ.

Получилъ ли ты письмо отъ меня съ Нѣмцемъ Жоке? Какъ онъ на тебя подѣйствовалъ? Ты сильно возстаешь на Полярную Звѣзду. Мнѣ кажется, въ ней есть и хорошее, напримѣръ—большая часть стиховъ Жуковскаго, Гнѣдича; а проза далеко отстала отъ поэзіи, особливо дрянь Письма Греча: ни мыслей, ни интересу, ни даже порядочного слога! Не забудь же прислать мнѣ Исторію Кайданова и Географію Арсеньева; ето необходимо.

Прощай до слѣдующей почты.

Tuus Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* прилѣжанія.
2) Въ *П.* искустнаго.

Петру Семеновичу мое почтеніе и желаю веселаго пути на полѣ литературы.

Любарскому, Гофману, Очкину мои почтенія.

Н. И. Бахтину почтеніе и благодарность; первое я всегда чувствовалъ, а послѣдняя — онъ знаетъ за что.

Приписка на верху первой страницы письма:

Вчера я былъ въ концертѣ; опишу тебѣ, что видѣлъ, какъ могу.

XXIII.

А. М. Языкову.

26 Января, 1823 [Дерптъ].

Письмо твое отъ 20 янв. я имѣлъ удовольствіе получить — и ожидаю, вслѣдствіе[1]) твоего обѣщанія, чего-нибудь важнѣйшаго, пространнѣйшаго по части нашей переписки.

Мое здѣшнее знакомство нѣсколько разширилось: здѣсь живетъ съ двумя сыновьями-студентами и съ обширнымъ семействомъ нѣкто Тютчевъ, человѣкъ очень добрый, хорошо образованный и, не смотря на старость (ето рѣдкое явленіе), великой либералъ; я провожу съ нимъ время довольно весело и даже часто. Сюда ожидаютъ нашу знаменитую писательницу Бунину; я непремѣнно познакомлюсь съ нею и опишу тебѣ ее во всѣхъ смыслахъ. Воейкова еще не бывала; говорятъ, что у нее боленъ сынъ въ Пет[ербургѣ], и отъ того-то, можетъ быть, удовольствіе ее видѣть теперь отложено впредь до неизвѣстнаго[2]) времени.

Вотъ тебѣ возможно подробное описаніе жены Борга. Представь себѣ женщину молодую, прекрасную; глаза черные, живые и сильно дѣйствующіе (ты знаешь — на что?); полный румянецъ щёкъ; ротикъ мало чѣмъ больше минутной стрѣлки моихъ часовъ; а ножка чуть ли не войдетъ въ большой палецъ моей перстчатки... Нѣтъ, лучше вообрази дѣвицу, которая еще не вкусила грѣха райскаго, но уже готова и жаждетъ испытать наслажденія ей новыя и тѣмъ пріятнѣйшія: такова-то особа, которой описанія ты давно отъ меня требовалъ. Я увѣренъ, что только лежа . . . . . или лучше . . . . .[3]) можно догадаться, что она не дѣвица: такъ натурально сохранилась вся живость и очаровательность юности и все (разумѣется, выключая свя-

---

1) Въ *П.* въ слѣдствіе.

2) Въ *П.* нѣизвѣстнаго.

3) Точки, вмѣсто четырехъ словъ, поставлены нами.

тую святыхъ), все, что многія прекрасныя теряютъ послѣ первой смычки. Ей только 23 года: она очень недавно Madame (не прочти Ma Dame). Сверхъ всѣхъ тѣлесныхъ достоинствъ, весьма хорошо образована; знаетъ и преслѣдуетъ Нѣмец[кую] лит[ературу] [1]) какъ нельзя лучше, довольно остроумна и всегда весела, хорошая хозяйка и не только прекрасная женщина, но прекрасная и жена (сколько я могъ замѣтить). Никогда не забуду патріархальныхъ картинъ, составляемыхъ щастливымъ семействомъ, которому я нѣсколько принадлежу: ето для меня что-то новое, очаровательное. Самого Борга опишу въ другомъ письмѣ; въ немъ также много особеннаго, даже страннаго и піитическаго. Хорошенькаго по немногу, подожди же.

Наша ярмонка завтра кончается. Въ продолженіи етихъ [2]) трехъ недѣль Нѣмцы веселились и въ хвостъ и въ голову. Киселевъ свирѣпствуетъ на всѣхъ балахъ: ето его факультетъ, и Дерптскіе критики замѣчаютъ, что здѣсь балъ безъ Киселева то же, что Киселевъ безъ бала: ничего не значитъ.

Процессъ съ Плавильщиковымъ ты можешь отложить до моего пріѣзда; точно, я имѣлъ (а, можетъ быть, и имѣю и буду имѣть) большую, непростительную глупость — одолжать встрѣчнаго и поперечнаго. Впередъ должно быть осторожнѣе: pensare amicos ex factis — не такъ ли?

Какимъ образомъ попалъ ты въ пуб[личное] собраніе Рус[ской] Академіи? Погожевъ ко мнѣ давно уже писалъ; если увидишь его, то понукни. Ты просишь описать мѣрнымъ языкомъ мою обитель: первое, что я буду писать стихами, ето будетъ ето. Давно уже я не бралъ въ руку пера литературы, и самъ удивляюсь моему терпѣнію, очень долгому; мнѣ теперь не видать Музы за грамматиками и лексиконами, за то надѣюсь, что, по разогнаніи етой непріятной толпы, богиня явится въ новомъ блескѣ и съ новою силою: послѣ великого поста ѣдимъ апетитнѣе скоромную пищу. Неужели Вас[илій] Вас[ильевичъ] ничего не читалъ своего на публич[номъ] собр[аніи] Минер[алогическаго] Общ[ества]? Пиши мнѣ все, что съ нимъ дѣлаютъ и что онъ дѣлаетъ, гонясь за сѣдящею на высотѣ. Исторію Малороссіи купи, но не присылай мнѣ; прочти — ето очень любопытная вещь, по словамъ Перевощикова. Ист[орія] Кайд[анова] и Геогр[афія] Арсеньева? Здѣсь даетъ концерты пріѣхавшій изъ чужеземіи Берманъ: онъ ѣдетъ въ Пет[ербургъ]: послушай его; онъ весьма сладко играетъ на кларнетѣ. Vale in biduum!

1823. 28 Января [3]). Н. Языковъ.

---

1) Т. е. слѣдитъ за нѣмецкой литературой.

2) Въ *П.* етѣхъ.

3) Эта вторая дата, очевидно, показываетъ, что письмо было окончено на третій день послѣ своего начала.

XXIV.

А. М. Языкову.

29 Января, 1823 [Дерптъ].

На прошлой почтѣ я было приготовилъ письмо къ тебѣ, да позабылъ отправить; итакъ, первой листъ сего конверта есть оно.

Вотъ тебѣ современная политическая новость Дерпта. Здѣсь есть двѣ Муссы (то же, что клубы): одна занимается здѣшними гражданами, а другая преимущественно студентами, ибо послѣднихъ не пускаютъ въ первую. Сюда (какъ ты видѣлъ изъ прежняго письма) пріѣхалъ кларнетистъ Берманъ, который хотѣлъ дать концертъ въ пользу бѣдныхъ; вслѣдствіе етого въ городѣ родился вопросъ, въ которой Муссѣ долженъ быть данъ етотъ концертъ; обѣ желали присвоить себѣ ету честь и быть побѣдителемъ въ такомъ важномъ дѣлѣ; долго спорили, шумѣли, не соглашались. Еслибы концертъ былъ въ Гражд[анской] Муссѣ, то бѣдные бѣдные (sic) очень мало получили бы, ибо студенты здѣсь составляютъ важнѣйшую часть всякихъ собраній, а студентовъ въ ету Муссу не пускаютъ. Не смотря на послѣднюю неудобность, Гражданская Мусса твердо желала у себя слушать концертъ; однакожъ студенты побѣдили.

Вчера былъ я въ маскарадѣ. Нѣмцы чрезвычайно величаются великолѣпіемъ и множествомъ масокъ, а ихъ было очень немного: всѣ можно бы сощитать на десяти пальцахъ, не безпокоя оныхъ въ другой разъ. Какія рѣдкія фигуры представлялись моимъ глазамъ во время танцовъ (разумѣется, мужскія). Здѣсь мужской полъ далеко отсталъ отъ женскаго въ тѣлесномъ образованіи: большая часть Нѣмцевъ имѣютъ какую-то особенно странную, характерно-смѣшную физіогномію, притомъ же танцуютъ вообще какъ-то уродливо; ходятъ въ польскомъ съ важно-комическою осанкою и тихо, какъ гуси, а вальсируютъ въ скачь. Мнѣ кажется, что самимъ Нѣмцамъ очень скучно въ таковыхъ собраніяхъ; большая часть только зрители: стоятъ повѣся носы (а многимъ изъ нихъ есть, что повѣсить), смотрятъ разиня ротъ, потому что непрестанно зѣваютъ, нюхаютъ табакъ и говорятъ, что имъ очень весело. Между сими перспективными зрителями шныряютъ студенты; они чрезвычайно вѣжливы, особливо съ незнакомыми и еще особливѣе съ иногородцами. Очень часто, даже непрестанно слышишь вокругъ себя извиненія, потому что непрестанно видишь, какъ толкаютъ нечаянно другихъ, и чувствуешь, какъ тебя толкаютъ. Гамсъ и Веберъ — охотники танцовать; я имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ жертвоприношеніе Терпсихорѣ—

и хорошо, хоть куда; никому изъ Дерптянъ не уступятъ, а въ усердіи по сей части превзойдутъ многихъ, многихъ, въ томъ и другомъ случаѣ выключая Киселева, который слыветъ здѣсь первымъ танцоромъ по элегансу ногъ своихъ и по искусному непропущенію ни одного бала. Я не участвую ни въ балахъ, ни въ собраніяхъ, ни въ танцахъ, ни въ фантахъ; мнѣ кажется, что, танцуя, вытрехаешь умъ изъ головы: етому примѣровъ очень много и здѣсь, и на всякомъ мѣстѣ танцорскомъ.

Погожевъ совершенно замолчалъ со мною: не знаю — почему, за что и ради чего? На сихъ дняхъ я получилъ письмо изъ Симбирска отъ 16 января; Петръ самъ приписываетъ, что онъ еще тамъ, ибо я спрашивалъ, гдѣ онъ: слѣдственно, твои ожиданія не исполнились. Сдѣлай милость, пошли при случаѣ Катушѣ отъ меня хорошенькую куклу: она собственноручно проситъ отъ меня Нѣмецкой куклы, но здѣшнія — самыя худыя, итакъ и проч. Прощай до слѣдующей почты.

Totus tuus Н. Языковъ.

Вас[илію] Вас[ильевичу] мое почтеніе. Погожеву, Дельвигу тоже по почтенію.

Петру Семеновичу поклонъ.

Не пріѣхалъ ли Степ[анъ] Мих[айловичъ]? и гдѣ Свербѣевъ?

XXV.

А. М. Языкову.

5 Февраля 1823 [Дерптъ].

Благодарю тебя за письмо твое отъ 26 Января. Точно, Нѣмецъ Жоке виноватъ въ томъ, что одну почту ты не получилъ отъ меня письма: онъ ѣхалъ отсюда въ почтовой день и уговорилъ меня отдать ему письмо, которое было готово для отправки на почту. Жаль, что онъ не исполнилъ своего обѣщанія: ето очень мнѣ досадно; етимъ перерывается ходъ нашей переписки, которая должна быть хранима тщательно для современниковъ и для потомства. Не правда ли? Такъ, при свиданіи нашемъ мы расположимъ соотвѣтственно и хронологически мои и твои письма; послѣ будетъ самимъ пріятно видѣть, что̀ мы думали и чувствовали во время нашей разлуки.

Видно, письма мои тебя не удовлетворяютъ, т. е. не даютъ тебѣ понятнаго понятія о состояніи моего духа, что ты такъ сильно желаешь лично увидѣть меня и, такъ сказать, собственнымъ термометромъ узнать мой внутренній жаръ или холодъ. Не знаю, буду ли я въ состояніи, безъ вреда

моимъ занятіямъ, пріѣхать къ вамъ хотя къ Святой недѣлѣ. А что касается до вашего желанія посѣтить меня, то я на ето отвѣчаю откровенно точно то же, что ты писалъ къ Свербѣеву, когда онъ, отправляясь въ Пет[ербургъ], хотѣлъ у тебя квартировать: Nego — потому, какъ бы пріятно ни было мнѣ ваше посѣщеніе, но, но, но и то и то и то... понимаешь?

Мнѣ очень любопытно знать, что̀ разскажетъ тебѣ новаго обо мнѣ Погожевъ. Впрочемъ, я предъувѣдомляю тебя, что свѣденія, которыя Воейкову доставляютъ отсюда его родные, не могутъ быть вѣрны въ отношеніи ко мнѣ, который имъ очень мало извѣстенъ, рѣдко у нихъ бывалъ, бываетъ и будетъ бывать. Опиши мнѣ все, что обо мнѣ услышишь, какое бы оно ни было, и ежели найдешь что-нибудь тебѣ непонятное или странное въ разсказѣ Погожева, то требуй отъ меня объясненій; я постараюсь показать тебѣ, что могу быть самымъ точнымъ и безпристрастнымъ комментаторомъ моихъ поступковъ и даже стихотвореній.

Дай Богъ здоровья вздохамъ Погожева за Дальоко (sic): видно, онъ непрестанно о ней думаетъ, потому что забылъ пріятеля, которой тоже далеко, но вѣрно ближе къ нему мыслями. Воейкова еще не пріѣхала; говорятъ, что у ней болитъ сынъ; но впрочемъ на етихъ дняхъ ее ждутъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ, т. е. съ истребленіемъ отчаянія выучиться Нѣмецкому языку; ето точно большой праздникъ и вѣрно стоитъ Воскресенія Свѣтлаго. Бодрствуй же, братъ возлюбленный: Нѣмецкій языкъ есть истинно алмазный ключъ къ прекрасному и высокому. Я еще не вовсе могу пользоваться етимъ ключемъ; читаю, т. е. не перевожу, очень мало. Мы съ Боргомъ переводимъ на Нѣм[ецкій] изъ Исторіи Карамзина; сверхъ того у меня остается мало времени, потому что занимаюсь еще Латинскимъ, исторіею (покуда не прислалъ ты Кайданова — Русскою Строева) и даже математикою; впрочемъ, одной надежды на будущее наслажденіе Нѣмецкою литературою довольно для укрѣпленія моихъ занятій. Помоги Господи только найти вѣрный путь къ Парнасу, а етотъ вѣрной путь Нѣмчизна,— и тогда... о, тогда много, очень много, можетъ быть, прекраснаго меня ожидаетъ: ибо самая прекрасная вещь для стихотворца — сѣдящая на высотѣ!

Ищешь ли ты и нашелъ ли мамзель для Параши? Въ Симб[ирскѣ], кажется, очень въ ней нуждаются.

Tuus Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ знакомымъ.

Скажи Вас[илію] Вас[ильевичу], что я варю имбирное пиво съ женою Борга. Почтеніе мое Вас[илію] Вас[ильевичу].

XXVI.

А. М. Языкову.

11 Февраля, 1823 [Дерптъ].

Ты, видно, рѣшился заплатить мнѣ съ большими процентами за мое неумышленное и кратковременное молчаніе: вотъ уже полторы недѣли, какъ я не получаю твоихъ писемъ. Сдѣлай милость, успокойся по етой части: ты увидишь, какъ исправно, какъ значительно, какъ славно, какъ удивительно и, наконецъ, просто какъ заглажу я етотъ недостатокъ, хотя не отъ меня лично произшедшій; но я принимаю на себя всю вину чужую, ибо хочу показать тебѣ, что могу вполнѣ наполнять Фіалъ нашей переписки и какъ люблю писать къ тебѣ.

Поблагодари отъ меня Дельвига за сонетъ, ко мнѣ адресованный; я видѣлъ его въ Соревнователѣ у Пер[евощикова]. Скажи почтеннѣйшему барону, что я постараюсь отвѣтить тою же, хотя не одинакой, низшей пробы, монетою на его сонетъ, хотя оный и не вопросительной. Къ стати, любезный братъ, готовься получить отъ меня и на твое имя, можетъ быть, два посланія. Знаю, что они еще не удовлетворятъ твоего вкуса и не достойны incognito, но ты самъ (въ послѣднемъ письмѣ), позволивъ мнѣ отложить высокое и прекрасное до будущаго времени моего литтературнаго глагола, просилъ стиховъ; ето нѣсколько ободрило мой талантъ, давно уже зарытый въ лексиконы: итакъ, жди, готовь терпѣнія, а, можетъ быть, и времени, потому что здѣсь рѣдкость моихъ стихотворныхъ упражненій придаетъ сильную ревность моей Музѣ, и я пишу гораздо больше, нежели прежде, въ сравненіи малаго времени, теперь мною употребляемаго въ Музу, съ настоящими стихами и прежняго большаго съ прежними.

Сюда, можетъ быть, уже пріѣхала Воейкова; съ ней ждали и Жуковскаго. Я постараюсь познакомиться покороче съ послѣднимъ, и опишу тебѣ всѣ обстоятельства етой пріятной новости, а Воейкову ты знаешь, какъ я опишу тебѣ подробно по наружнымъ и внутреннимъ (разумѣется, только характернымъ, характера) признакамъ; постараюсь узнать ее и въ хвостъ, и въ голову и сообщить исторію впечатлѣній, которыя получитъ моя тѣлесная и нравственная часть отъ етаго предмѣта (замѣть для практики въ этимологіи, что послѣднее слово за скобкою написано черезъ ѣ: ето потому, что въ этомъ случаѣ мнѣ лучше хотѣлось произвесть его отъ мѣ́чу, а не отъ мечу̀, какъ обыкновенно дѣлаютъ).

Не знаю, чему приписать то, что ты такъ долго не присылаешь мнѣ

книгъ, которыя мнѣ вовсе необходимы (Ист[орію] Кайд[анова] и Геогр[афію] Арс[еньева]); я никакъ не могу сообразить етой медленности съ прежнимъ твоимъ усердіемъ. Къ стати: я теперь только началъ читать романы В. Скотта, присланные съ Гамсомъ; мнѣ кажется, что они скоро могутъ наскучить всегда однообразнымъ способомъ автора изображать характеры и приготовлять издалека неожиданныя произшествія. Пришли мнѣ Ламартина: онъ, кажется, есть въ моемъ шкафѣ. Торжественно и радостно объявляю тебѣ — что бы ты думалъ? Вѣрно, какое-нибудь новое произведеніе неугомонной Музы твоего поэта-молокососа? Нѣтъ! Вѣрно вступленіе въ университетъ (замѣть мимоходомъ — ето теперь невозможно)? Нѣтъ! Вѣрно, то и то и то? Не то, не то, и не то! Что же? А вотъ въ чемъ дѣло: ето стоитъ дороже, ето важнѣе, пріятнѣе и восхитительнѣе для меня всѣхъ моихъ настоящихъ и прошедшихъ произведеній, всѣхъ возможныхъ вступленій въ университетъ, всѣхъ степеней ученыхъ... ето, ето — я читаю Донъ Карлоса, Донъ Карлоса!

Я жду съ нетерпѣніемъ Свербѣева въ Петербургъ: его духовное и всяческое состояніе сильно занимаетъ мое любопытство, ибо я надѣюсь, что ты исполнишь обѣщаніе описать мнѣ етотъ интересной предметъ.

Прощай до слѣдующей почты, т. е. Vale in biduum!

Твой Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ, желающимъ отъ меня поклоновъ.

XXVII.

А. М. Языкову.

Февраля 13, 1823 [Дерптъ].

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо твое отъ 7 сего мѣсяца—и самое длиннѣйшее изъ твоихъ писемъ. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ, слишкомъ строго обсуживаешь самого[1]) себя и не въ мѣру много приписываешь мнѣ преимуществъ во всѣхъ отношеніяхъ передъ тобою. Я не хочу, не могу, не долженъ вѣрить таковымъ словамъ твоимъ: не хочу — потому что ето противъ моего желанія и надежды; не могу — ибо твердо знаю, что̀ ты, хотя еще не знаю, что такое я самъ. Я даже не понимаю, что заставляетъ тебя такъ убійственно воевать съ собою: ей, ей ето — предубѣжденіе и са-

1) Въ *П.* самаго.

мое опаснѣйшее! Главное дѣло рѣшиться, хорошенько подумавши, а послѣ даже то, что теперь тебѣ кажется невозможнымъ, превратится въ нетрудное; ето я самъ почти испытываю. Сдѣлай милость, уважь самого себя на нѣсколько мѣсяцевъ, даже притворись, ежели не можешь побѣдить своего предубѣжденія: тогда... о, тогда ты самъ будешь смѣяться надъ теперешнимъ состояніемъ твоего духа и надъ истинно Шемякиными мнѣніями объ самомъ себѣ!

Благодарю тебя за присылку сонета баронова. Не знаю, въ состояніи ли я теперь отвѣтить на оной такъ, какъ ты предлагаешь: настоящее положеніе моихъ душевныхъ способностей, охладившихся отъ занятій болѣе, такъ сказать, механическихъ Нѣмецкимъ и Латинскимъ языками, едва ли, едва ли позволятъ мнѣ стихотворствовать такъ, какъ я хочу и, можетъ быть, могу. Впрочемъ, попробую, но предъувѣдомляю тебя, что ежели ты въ предполагаемомъ стихотвореніи не найдешь удовлетворительнаго для твоего вкуса, то вини не мою Музу, а поэта, ее насиловавшаго.

Погожевъ ко мнѣ еще все не пишетъ и давно, очень давно не писалъ, хотя и говоритъ тебѣ вовсе противное; видно, онъ мѣряетъ время на свой аршинъ, на вѣчность, и потому ему кажется, что, не писавъ ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ, полтора мѣсяца, можно сказать, что писалъ недавно: что значитъ ето время передъ вѣчностію?

Очень жалѣю, что общій нашъ литтераторъ Амплій имѣетъ столь раздражительныя любовныя способности, и радуюсь, что онъ не застрѣлился. Вотъ какова госпожа любовь! Я никогда не думалъ, что Амплій, литературный Амплій, механическій Амплій способенъ къ таковому раболѣпству дѣтородной поэзіи своего тѣла, но не такъ вышло: видно, самодержавный признакъ мужества, или лучше зрительная трубка любви земной, смычекъ наслажденія — у Амплія иногда сильнѣе разсудка: ибо въ противномъ случаѣ онъ не влюбился бы въ роднію (sic) и не заряжалъ бы пистолета для застрѣленія своего наружнаго человѣка. Скажи ему, когда увидишь, что я совѣтую ему утѣшаться двумя послѣдними стихами Пироновой оды къ Пріяпу.

Благодарю за совѣтъ учиться танцовать, фехтовать и проч., но надѣюсь, что мнѣ позволительно отложить исполненіе оного до будущаго времени, ибо теперь вовсе некогда[1]) заниматься чѣмъ-либо не до головы касающимся. Я завидую тебѣ въ удовольствіи, въ щастіи видѣть на сценѣ

1) Въ *П.* нѣкогда.

Семенову; не знаю, когда дождусь и я етого времени, или лучше—не знаю, когда мое время етаго дождется. Можетъ быть, что я буду въ состояніи, ничего духовнаго не теряя, пріѣхать въ Петерб[ургъ] хотя къ Святой или послѣ, и увѣряю тебя торжественно, что мнѣ очень хочется тебя лично видѣть, такъ хочется, какъ Амплій хотѣлъ видѣть подъ собою родную цѣль своего причиннаго поршня. Благодарю впередъ за Ар[сеньева], Кайд[анова] и рисовальныя стекла; ты меня крайне обязываешь присылкою особенно послѣднихъ.

Прощай покуда, пора на почту.

Твой Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ почтеннымъ.

Пришли, хоть черезъ Слёнина, Софійской Временникъ.

XXVIII.

А. М. Языкову.

1823. Февраля (не знаю которого)[1] [Дерптъ].

Наконецъ я получилъ Кайданова и Арсеньева — и благодарю; извини, что я тебѣ такъ часто писалъ о присылкѣ етихъ книгъ и удивлялся медленности твоей въ исполненіи етаго, можетъ быть важнѣйшаго, изъ моихъ порученій. Вотъ въ чемъ дѣло: посылка цѣлыя двѣ недѣли лежала въ здѣшнемъ почтамтѣ; въ Дерптѣ не разсылаютъ повѣстокъ печатныхъ или письменныхъ къ имѣющимъ получить что-либо на тяжелой почтѣ, а вмѣсто етаго приходитъ почтальонъ и только сказываетъ, что есть посылка; почталіонъ приходилъ и сказывалъ объ етомъ Боргу, а Боргъ забылъ, и такимъ образомъ я получилъ сіи книги только вмѣстѣ съ шинелью. Благодарю и за послѣднюю; я уже начиналъ въ ней чувствовать нужду: здѣсь оттепель, грязь, дождь и всѣ вообще марательныя предтечи весны.

Что же свѣдѣнія обо мнѣ, полученныя отъ Погожева? Замѣть Дельвигу, что въ его сонетѣ, мнѣ адресованномъ, есть ошибка, важная въ етомъ родѣ стихотвореній: одинъ стихъ (именно 8-й) короче прочихъ одною стопою. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю печатной фамиліи Погожева и удивляюсь, какъ онъ, прежде столь застѣнчивый и даже неумолимый для печати, теперь рѣшился выступить на скользкое поприще извѣстности. Дай ему богъ Аполлонъ веселаго пути; дай Богъ, чтобъ сѣдящая на высотѣ

---

1) Тоже рукою Н. М. Языкова: см. выше № XIII.

посадила и его на сію же высоту и пронесла по вселенной, а не гнала бы только какъ голубя, какъ нашу братью и твоего брата.

Перевощиковъ ничего не знаетъ о произшествіяхъ въ Казанскомъ университетѣ, но говоритъ, что можно вѣрно предполагать въ ономъ важную революцію: ибо уже мѣсяцъ, какъ его постоянная переписка съ тамошними остановилась со стороны Казани. Сдѣлай милость, напиши подробнѣе объ етомъ все, что знаешь или узнаешь, и въ чью пользу произходитъ ета перемѣна Библіи или наукъ.

Не знаешь ли ты, какую поэму Тассову перевелъ Батюшковъ (я ето прочелъ на театральной афишкѣ, въ кою ты завернулъ посылку)? и правда ли, что онъ вообще перевелъ ее? Освѣдомься у Дельвига и повѣсти мнѣ.

Очень радъ, что тебѣ понравился Нѣмецъ Жоке; онъ примѣчателенъ тѣмъ, что пріѣхалъ въ Россію въ дилижансѣ вмѣстѣ съ Буту: вѣрно, онъ самъ тебѣ ето сказывалъ. Черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ, я буду рекомендовать брату Петру одного изъ здѣшнихъ студентовъ (брата жены Борга); онъ отправится кругомъ свѣта съ Коцебу, какъ минералогъ, и по етой то части долженъ имѣть отношеніе къ Петру, могущему многое ему показать въ кабинетѣ Г[орнаго] К[орпуса]. Скоро ли Петръ пріѣдетъ въ Петерб[ургъ]? и чего онъ надѣется и что будетъ дѣлать?

Знаешь ли, какое дѣйствіе надо мной произвелъ даже одинъ еще Донъ Карлосъ Шиллера? Я рѣшился быть трагическимъ поэтомъ; напишу одно явленіе и пришлю тебѣ на пробу: ты скажешь мнѣ или ну, или стой— первое толкнетъ меня впередъ, а послѣднее совершенно своротитъ мою піитическую телѣгу[1]) съ шос[с]е трагедіи. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ славъ поэта слава поэта-трагика яснѣе, блистательнѣе и обширнѣе и даже едва ли сидитъ на высотѣ не выше всѣхъ прочихъ, выключая епопеи.

Прощай покуда; я что-то сегодня не въ духѣ для переписки, какъ уже вѣрно ты замѣтилъ: ета часть литературы имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, должна имѣть свою Музу, слѣд. предъидущее.

Totus tuus Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ моимъ и нашимъ общимъ пріятелямъ. Спасскому и супружницѣ его мое почтеніе.

---

1) Въ *П.* телегу.

XXIX.

А. М. Языкову.

25 Февраля, 1823 [1] [Дерптъ].

Ты обѣщаешь мнѣ дубовый вѣнокъ по части нашей переписки. Не знаю, буду ли и есмь ли я достоинъ оного дѣйствительно; по крайней мѣрѣ, ты всегда будешь собственноглазно видѣть, какъ ревностно добиваюсь я и добивался награды рукописной доблести.

Погожевъ на прошлой почтѣ прислалъ ко мнѣ письмо; онъ мнѣ очень (говорю тебѣ на ухо) надоѣдаетъ непрестанными комплиментами: твердитъ о моей будущей славѣ, о моемъ настоящемъ геніѣ, объ его и всѣхъ знатоковъ ожиданіи отъ меня многаго высокаго и прекраснаго; ты не можешь представить себѣ, какъ ето мнѣ докучаетъ, тѣмъ болѣе что не вѣрю искренности того, что мнѣ пишетъ Погожевъ, а въ слѣдствіе етаго и тому, что влагаетъ онъ въ уста другихъ. Мнѣ очень трудно отвѣчать ему; писать вовсе не объ чемъ, стиховъ посылать къ нему у меня нѣтъ и не будетъ, и я рѣшился платить ему тою же монетою: хвалю стихи его, сколько достаетъ бумаги. Ты, вѣрно, читалъ уже или, лучше скажу, вѣрно Погожевъ читалъ тебѣ его ко мнѣ посланіе. Мнѣ кажется, что сочиненія Погожева весьма хорошо можно назвать бѣглою поэзіею: въ нихъ все чужое — слова, выраженія и мысли, когда случаются (къ сожалѣнію, послѣдняго нельзя сказать объ етомъ посланіи: оно безъ мыслей просто). Я читалъ ето новое произведеніе юницы-музы Погожева вмѣстѣ съ Боргомъ; вотъ что сказалъ мнѣ послѣдній по окончаніи чтенія, которое отняло у насъ болѣе часа времени, потому что мы старались понять посланіе: «я не люблю стихотворцевъ, которые заставляютъ читателя думать, для того чтобы онъ узналъ, что авторъ не думалъ».

Третьяго дня прибыла сюда Воейкова; съ ней и Жуковскій. Я необходимо долженъ познакомиться съ обоими. Вотъ тебѣ описаніе первой: представь себѣ женщину... нѣтъ, лучше не представляй ничего — я Воейкову видѣлъ мало, вскользь, говорилъ съ нею мало — и потому прошу подождать до слѣдующей почты; завтра, нѣтъ — лучше сегодня, иду къ ней, гдѣ познакомлюсь и съ Жуковскимъ. Ты узнаешь много новаго по многимъ частямъ моихъ писемъ, которыя сдѣлаются для тебя гораздо интереснѣе; я уже горжусь ихъ будущимъ содержаніемъ и наперед торжественно объ-

1) Эта дата выставлена Н. М. Языковымъ на верху послѣдней страницы письма.

являю себя твоимъ побѣдителемъ — разумѣется, только въ предметахъ для писемъ. О Боргѣ буду писать тебѣ послѣ, когда уже дамъ тебѣ понятіе о Воейковой, ибо ети два предмета должны имѣть нѣкоторую связь при ихъ описаніи; все ето ты узнаешь скоро — только прошу помнить, что пишу, писалъ и буду писать письма на твое имя, только тебѣ одному.

Получай мнѣ ново-имѣющій издаваться Журналъ изящныхъ искуствъ; прочитывай самъ и потомъ присылай мнѣ. Пришли при первой оказіи IX томъ Ист[оріи] Карамз[ина] на французскомъ, и вотъ еще что: Поученія новой паствѣ Филарета въ Москвѣ; ето очень интересуетъ Перевощикова, да и мнѣ любопытно. Жалѣю, что Воейковъ не печатаетъ стиховъ Погожева; я постараюсь здѣсь дѣйствовать въ пользу послѣдняго у родни перваго.

Очень радъ бы принять тобою мнѣ предлагаемый планъ жизни и занятій, но ето невозможно при зависимости отъ моихъ хозяевъ, и вотъ какъ ведется моя жизнь: встаю такъ же, какъ ты, до 12 занимаюсь, до 1 обѣдаю, до 3-хъ или ничего не дѣлаю, или читаю что-нибудь (покуда Вальт[еръ] Скотта: мнѣ дала Воейкова Monastère), до 5 занимаюсь съ Боргомъ Нѣмец[кимъ] или Лат[инскимъ], отъ 5 до 6 пью чай (Нѣмцы въ етомъ обстоятельствѣ очень медлительны: разговариваютъ, разсуждаютъ, курятъ, нюхаютъ табакъ — и я тоже, кромѣ нюхаютъ), отъ 9 до 10 ужинаю и проч., до 12 или до 1 учу слова и приготовляю переводы. Видишь ли, что я сплю (можетъ быть, только въ прямомъ смыслѣ) менѣе твоего, а гулять вовсе не гуляю.

Прощай до слѣдующей почты.

Totus tuus Н. Языковъ.

Сдѣлай милость, узнай подробнѣе о Казанскомъ университетѣ.

Кланяйся всѣмъ вообще, выключая незнакомыхъ.

XXX.

А. М. Языкову.

5 Марта, 1823 [Дерптъ].

Наконецъ, торжественно поздравляю тебя съ пріѣздомъ Петра и удивляюсь, видя несправедливость моихъ предположительныхъ мнѣній объ нашемъ будущемъ славномъ агрономѣ: такъ, видно, благотворный геній наукъ не потухъ въ немъ даже отъ тлетворнаго дыханія деревенской жизни — честь и слава обоимъ!

Я очень хорошо познакомился съ Жуковскимъ (о Воейковой буду писать въ слѣдующемъ письмѣ); онъ меня принялъ съ отверстыми объятіями (въ обоихъ смыслахъ), полюбилъ, какъ роднаго; хвалилъ за то, что я не вступилъ въ университетъ въ началѣ текущаго года, ибо (по словамъ его, а я имъ вѣрю) чѣмъ дольше пробуду въ Дерптѣ, тѣмъ больше и проч. Онъ мнѣ совѣтуетъ, даже требуетъ, чтобъ я учился по-гречески; говоритъ, что онъ самъ теперь раскаивается, что не выучился, когда могъ, и что ето обстоятельство очень сильно дѣйствовало на его стихотворенія. Какъ ты объ етомъ думаешь? Скажи, присовѣтуй, что дѣлать. Впрочемъ, мнѣ кажется, что по вступленіи въ университетъ у меня останется довольно времени и для етого — говорятъ, очень труднаго — языка:

Гдѣ побѣдить легко, тамъ не славна побѣда!

Жуковскій очень простъ въ обхожденіи, въ разговорѣ, въ одеждѣ, такъ что, кланяясь съ нимъ, говоря съ нимъ, смотря на него, никакъ не можно предположить то, что мы читаемъ въ его произведеніяхъ. Замѣть: онъ совѣтовалъ мнѣ (то же, что ты — каково?) не вѣрить похваламъ, доколѣ мое образованіе не докажетъ мнѣ, что онѣ справедливы. Ахъ, любезный! далеко кулику до Петрова дни! Однакожъ, какъ ты могъ замѣтить изъ, такъ сказать, запора моей Музы, я, кажется, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не полагался на восклицанія[1]) Воейкова, ибо, въ противномъ случаѣ, Муза моя сдѣлалась бы гораздо плодороднѣе, а теперь ничего не производитъ, даже не мучится родами. Жуковскій совѣтовалъ мнѣ никогда не описывать того, чего не чувствую или не чувствовалъ: онъ почитаетъ ето главнымъ недостаткомъ новѣйшихъ нашихъ поэтовъ; итакъ, я хорошо дѣлалъ, что не слѣдовалъ твоему предложенію стихотворствовать о любви. Впрочемъ, можетъ быть, скоро буду писать стихи, вдохновенные етой поэзіей жизни, но увѣряю тебя, что тогда не измѣню предъидущему замѣчанію Жуковскаго. Онъ завтра или послѣзавтра ѣдетъ въ Петербургъ; Воейкова остается здѣсь мѣсяца на два или на три — вотъ мнѣ содержаніе для писемъ, и хвала за то Провидѣнію, ибо ето не будетъ общимъ мѣстомъ.

Сюда еще пріѣхалъ одинъ, ежели не поэтъ, то большой стихотворецъ: кто бы ты думалъ? Илличевскій. Я съ нимъ или, лучше скажу, онъ со мной познакомился; ѣдетъ въ чужеземію и остался здѣсь, какъ говоритъ, дожидаться перваго пути. Онъ знатной малой! Очень радовался, когда я сказалъ ему, что Боргъ перевелъ одну его епиграмму. По нѣмецки знаетъ не-

1) Въ *П.* возклицанія.

много, плохо, чуть-чуть; въ етомъ онъ самъ признается, но говоритъ, что Дельвигъ еще меньше его знаетъ: едва ли ето возможно. Я думаю, что не етоть ли недостатокъ заставилъ его сюда заѣхать и дожидаться лучшаго пути въ Германію. Мнѣ съ нимъ довольно весело; онъ говоритъ много, просто, иногда остроумно, и я съ нимъ ратоборствую въ послѣднемъ: ето мнѣ первый случай поговорить то, что думаю, и сказывать что̀ хочу и какъ хочу въ здѣшней вовсе нѣмецкой сторонушкѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я отвѣчу на вопросъ твой: могу ли пріѣхать къ вамъ прежде Іюня? Объ етомъ надобно подумать. Не пришлешь ли ты мнѣ когда-нибудь, хотя не скоро, Исторію Сегюра и какую-нибудь хорошую географическую карту, лучше атласъ; шляпку, объ коей писано въ предъидущемъ письмѣ: мужскую, маленькую, кучерскую.

Totus tuus Н. Языковъ.

Петра цѣлую и почитаю.

На первой страницѣ вверху приписано:

Дм[итрію] Ник[олаевичу] мое почтеніе и поздравленіе съ возвратомъ.

Пришли съ Сегюромъ Стар[инныя] Руск[ія] Стих[отворенія], изд. Калайдовичемъ.

XXXI.

Обоимъ братьямъ.

11 Марта, 1823 [Дерптъ].

Я получилъ, мои любезные, ваше письмо отъ 3 сего мѣсяца и радуюсь, что наконецъ вы вмѣстѣ и вмѣстѣ ко мнѣ пишете.

Вижу ваше сильное желаніе увидѣть меня собственноглазно и скорѣе; но я думаю, что ваше отправленіе въ Сим[бирскъ] позволитъ мнѣ пріѣхать къ вамъ и послѣ Святой: вѣрно, весна, какая продолжается до етого праздника и нѣсколько недѣль послѣ, замедлитъ отъѣздъ вашъ. А мнѣ гораздо лучше, удобнѣе, скромнѣе будетъ пріѣхать тогда, когда я всяческими глазами буду видѣть, что ничего черезъ ето не потеряю, ибо, кажется, труднѣе потерять прошедшее. Итакъ, прошу извѣстить меня рѣшительно о времени вашей отправки, ибо во всякомъ случаѣ я намѣренъ принять свои мѣры къ исполненію вашего желанія: нельзя, кажется, не должно разъѣхаться намъ такъ надолго безъ порядочного свиданія — тѣмъ болѣе, что, мнѣ кажется, необходимо нужно разсудить въ общемъ совѣтѣ о моихъ будущихъ намѣреніяхъ по части ученія и о многомъ, что сильнѣе можно выразить изустно[1]).

1) Въ *П.* изъустно.

Скоро получишь ты мои литтературныя замѣчанія о Воейковой. Теперь еще здѣсь Жуковскій, и я, находившись у нея[1]) въ присутствіи послѣдняго, не имѣлъ времени (потому что рыбакъ рыбака и пр.) вникнуть въ етотъ, столько даже и для тебя, ей незнакомаго, занимательный предметъ. По части наружной (внутри я еще не бывалъ — подожди) точно можно назвать, какъ ты, копіею съ Венеры, хотя вопросная особа имѣетъ много преимуществъ передъ всякою вообще копіею, потому что послѣдняя въ собственномъ смыслѣ не можетъ имѣть столь сильного дѣйствія на всю пятерицу чувствъ человѣческихъ, а тутъ — чего хочешь, того просишь и чего просишь, того хочешь.

Зачѣмъ мой процессъ съ Плав[ильщиковымъ] только затрудняетъ ваше книгочтеніе? Ежели необходимо удовлетворить его во всѣхъ отношеніяхъ, то развѣ нельзя, развѣ не должно заплатить недоимки изъ моихъ денегъ? Мнѣ очень непріятно, что за мою неосмотрительность терпите[2]) вы, имѣя даже, сверхъ моихъ денегъ, мое искреннее согласіе разквитаться съ нимъ порядкомъ: ибо рано ли, поздно ли — все одно.

Неужели тебѣ, брату Петру, непремѣнно должно оставить службу для исполненія твоихъ техническихъ намѣреній? Или ты какъ-нибудь постараешься[3]) соединить и то и другое? Каковъ къ тебѣ Мечниковъ и можетъ ли онъ о[тъ] тебя чего-либо надѣяться по своей части? Отвѣчай мнѣ на ети, сильно меня интересующіе, вопросы.

Я воображаю васъ очень веселыми: все, что могло собраться въ Петербургъ для вашихъ танцовъ и фантовъ, собралось. Жаль, что я не могу раздѣлить съ вами ничего, кромѣ бумаги, и то черезъ почту. Но дѣлать нечего: терпи козакъ — атаманъ будешь!

Прощайте до слѣдующей почты. Ау! Ау! Писалъ бы больше, да ей Богу некогда. Иду обѣдать къ Пар[р]оту: ему рекомендовалъ меня Жуковскій.

Вашъ Н. Языковъ.

Погожеву поклонъ, если увидишь. Жук[овскій] его не знаетъ. Вас[илію] Вас[ильевичу] мое почтеніе. Дмитрію Николаевичу нѣсколько почтеній.

Спасскому и супружницѣ поклонъ.

Послалъ ли ты рисов[альныя] машинки?

---

1) Въ *П.* нее.
2) Въ *П.* терпѣте.
3) Въ *П.* постараешся.

XXXII.

Обоимъ братьямъ.

21 Марта [1823, Дерптъ].

Видно вы, мои почтеннѣйшіе, пропустили одну почту; я сдѣлалъ то же, но у меня есть на ето причина; здѣсь случилось произшествіе непріятное почти цѣлому городу: умерла отъ родовъ сестра Воейковой, жена профессора Мойера. Признаюсь съ гордостію, что я былъ въ тотъ день не въ состояніи ничего написать, кромѣ безсмыслицы; она была женщина чрезвычайно хорошо образованная и совершенно щастливая; всѣ, кто ее знали, любили, уважали ее — и вдругъ и проч.; остались маленькія дѣти, отча[я]нный [1]) мужъ, мать и сестра. Не правда ли, что етакіе случаи заставляютъ думать объ томъ, что почти всегда нами забыто? Я пишу стихи на ея смерть, но, можетъ быть, одни вы будете ихъ видѣть и читать: причину етому найдете въ ихъ точкѣ зрѣнія. Вѣрно, Жуковскій сюда опять пріѣдетъ.

Благодарю тебя за присылку портретовъ, рис[овальныхъ] машинокъ и особливо шляпки: ибо послѣднею ты одолжилъ не меня самого, а что-то гораздо лучшее, и ты можешь епиграфировать меня въ етомъ случаѣ стихомъ:

Der bráve Mann denkt an sich selbst zuletzt!

Въ вышеупомянутой причинѣ моего недолгаго молчанія заключается и невозможность описать тебѣ Воейкову; итакъ, пожди до... не знаю чего. Итакъ, не сердись на сухость моихъ будущихъ (нѣсколькихъ?) писемъ: fatum! fatum! Мнѣ надобно теперь непремѣнно имѣть предъ глазами что-нибудь божественное, чтобы не писать общихъ мѣстъ, а его нѣтъ — и письма мои не въ своей тарелкѣ. Вѣроятно, что сухость и однообразіе моихъ занятій дѣйствуетъ и на первыя. Великое дѣло обстоятельства! Скоро ли мои дѣла учебныя пойдутъ шагами исполинскими и пойдутъ куда слѣдуетъ? Теперь онѣ еще не могутъ догнать моихъ желаній, хотя и торопятся; теперь онѣ должны колесить отъ пути ко храму Аполлона. Ты все ето понимаешь, потому что ты доставлялъ мнѣ книги, черезъ которыя долженъ я вступить въ университетъ. Признаюсь, что мнѣ очень надоѣдаетъ муза математики; нѣтъ, лгу—ето не муза: при всей увѣренности въ необходимости притворяться влюбленнымъ въ ето худощавое, муміальное существо, при

1) Т. е. пришедшій въ отчаяніе отъ горя.

всемъ желаніи заслужить благосклонность его, весьма легкую, но тѣмъ болѣе скучную, ибо въ етой побѣдѣ нѣтъ вовсе славы, — при всемъ етомъ, я желалъ вычеркнуть минуты, проведенныя въ такихъ занятіяхъ изъ послужнаго списка моей жизни. Но дѣлать нечего: скрѣпляюсь духомъ и черчу геометрическія фигуры; еще слава Богу, что въ моей памяти сохранилось кое-что отъ Института Путей Сообщенія: нѣтъ худа безъ добра, за то и нѣтъ добра безъ худа. Сколько мыслей, сколько стиховъ отнимаетъ и отняла уже богиня чиселъ и прочаго математическаго! Богъ съ ней: я думаю, она и сама не рада бесѣдовать съ человѣкомъ, который не радъ ей.

Не знаю, почему ты ко мнѣ рѣже писать сталъ: прежде у тебя была отговорка — нѣтъ матеріаловъ, а теперь все любопытное для насъ вообще и для меня особо съѣхалось, такъ сказать, подъ остріе пера твоего. Одинъ Дм[итрій] Ник[олаевичъ], который собственными глазами видѣлъ Ауслandію и собственными ногами ходилъ по землѣ конституціонной, есть истинной кладъ для нашей братьи жаждущихъ движенія воды въ своихъ письмахъ. Погожевъ пересталъ писать ко мнѣ: я думаю, что онъ сердитъ на меня; я началъ было къ нему посланіе и неосторожно послалъ ему первые стихи оного, потому что продолжать не хотѣлъ; ето могло оскорбить его — и, вѣрно, оскорбило.

Сюда пріѣхалъ, кажется младшій, Княжевичъ; я съ нимъ познакомился. Пришли мнѣ когда-нибудь Handbuch der Deutschen Dicht- und Redekunst, von K. L. Schaller. Wien 1817. Перевощиковъ подстрѣкаетъ меня переводить изъ сей естетики для Благонамѣренного; она въ письмахъ и весьма удобна для журнала.

Прощай до слѣд[ующей] почты.

Н. Языковъ.

Кланяйся...

XXXIII.

А. М. Языкову.

23 Марта [1823, Дерптъ].

Тебѣ очень справедливо кажется, что ты давно не писалъ ко мнѣ, и причины етому, тобою представляемыя, меня вовсе не удовлетворяютъ: лѣнь и увѣренность, что мнѣ весело; первой мнѣ не хотѣлось бы предполагать въ тебѣ для переписки со мною, а вторая — не понимаю, откуда взята тобою. Ты опасаешься, чтобы кто бы то ни было не отвлекъ меня отъ моихъ занятій на темную дорогу любви платонической (другой со мной и при томъ, или лучше при той, случиться не можетъ), чтобъ електрическая

искра ея не растопила еще нетвердой цѣпи моихъ предпріятій; опасайся, если хочешь; но прошу еще до времени не приписывать сухости моихъ писемъ постороннему вліянію: легче невлюбленному притвориться влюбленнымъ, чѣмъ послѣднему первымъ; такъ мнѣ кажется, распроси объ етомъ у ветерановъ любовныхъ. Неужели прежде я писалъ къ тебѣ не такъ же, какъ теперь — сухо, пусто, коротко и даже неясно? Сюда опять пріѣхалъ Жуковскій; не знаю, надолго ли? я еще не видалъ его. Смерть сестры Воейковой совершенно разстроила здѣсь многое, многихъ и, можетъ быть,... нѣтъ, лучше угадай. Точно жаль, что рокъ слѣпъ и что онъ безпрестанно и повсюду доказываетъ ето. Вотъ что было хотѣлъ я написать на смерть етой особы, которой я никогда не забуду, потому что въ первый разъ видѣлъ въ женщинѣ столько доброты, познаній — вообще великолѣпную совокупность. Ето начало пьесы, которая не должна быть кончена и не будетъ; прочти изъ любопытства:

Смотрите: онъ летитъ надъ бѣдною вселенной.
Во прахъ, невинные, во прахъ!
Смотрите, вонъ кинжалъ въ рукѣ окровавленной
И пламень тартара въ очахъ!
Увы! сія рука не знаетъ состраданья,
Не знаетъ промаха ударъ!
Кто онъ, сей врагъ людей, сей ангелъ злодѣянья,
Посолъ неправыхъ неба каръ?
Всего прекраснаго безжалостный губитель,
Любимый сынъ владыки тьмы,
Всемощный, вѣковой — и нашъ міроправитель!
Онъ Рокъ; его добыча — мы.
Злодѣйству онъ даетъ торжественныя силы
И Геній творческій для бѣдъ,
И медленно его по крови до могилы
Проводитъ въ лаврахъ черезъ свѣтъ.

* * *

Но ты, минутное творца изображенье,
Невинность, вѣкъ твой не цвѣтётъ:
Полюбишь ты добро, и Рокъ въ остервенѣньѣ
Съ земли небесное сорвётъ
Иль броситъ блѣдную въ бунтующее море,

Закроетъ небо съ края въ край,
На парусѣ твоемъ напишетъ: горе! горе!
И ты при молніяхъ читай!

Я познакомился съ Княжевичемъ: онъ, кажется, хорошій и образованный малой. Мнѣ теперь гораздо веселѣе прежняго: часто вижусь съ Илличевскимъ; смѣемся, споримъ и разсуждаемъ.

Я непремѣнно пріѣду къ вамъ — даже, можетъ быть, къ Святой Недѣлѣ, и книги могутъ подождать меня; только сдѣлай милость, поскорѣе какъ можно пришли Филарета Жизнь Сергія, ибо я обѣщалъ ее доставить Перевощикову, а онъ уже давно ждетъ съ нетерпѣніемъ.

Я получилъ твои посылки со шляпкою и вторично благодарю тебя. Петру буду писать на слѣдующей почтѣ, черезъ три дни, особое письмо, а теперь ей Богу некогда: пора на почту.

Прощай!

Твой братъ Н. Языковъ.

Кланяйся Дмитр[ію] Ник[олаевичу]. Что же ты объ немъ не пишешь?

Вас[илію] Вас[ильевичу] мое почтеніе.

Я теперь читаю Шиллерову Исторію Тридцатилѣтней Войны; читалъ ли ты ее?

XXXIV.

Обоимъ братьямъ.

1 Апрѣля [1823, Дерптъ].

Вы ожидаете отъ меня большого[1]) письма — и обманулись: первое Апрѣля! Сегодня хотѣлось мнѣ самому обмануть кого-нибудь, и вотъ почему мнѣ хотѣлось етого: я необыкновенно, сильно обмануть женою Борга. Сегодня поутру получаю записку, въ которой меня зоветъ къ себѣ Илличевскій, пиша, что нѣкто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ пріѣхалъ сюда и ждетъ меня: иду — и проч. У него я сегодня обѣдаю, дабы отплатить тою же монетою моей прелестной хозяйкѣ, которая, вѣрно, будетъ ждать меня домой. Много, очень много буду писать къ вамъ на слѣдующей почтѣ и клянусь всѣмъ, что есть для меня священнѣйшаго (чѣмъ же или лучшекѣмъ? угадайте-ка!), что сдержу ето обѣщаніе.

---

1) Въ *П.* большаго.

Прошу извинить мою почти невольную неустойку въ прежнемъ обѣщаніи написать брату Петру особое письмо: я не зналъ, что сегодня день обмановъ — впрочемъ, все исправлю.

Прощайте.

Н. Языковъ.

Пишу отъ Илличевского.

XXXV.

Обоимъ братьямъ.

4 Апрѣля [1823, Дерптъ].

Вы что-то долго молчите, мои почтеннѣйшіе; разъ, двѣ, три, четыре почты не получаю я отъ васъ писемъ. Не знаю, что принуждаетъ васъ къ таковому неправедному поступку на аренѣ нашей кореспонденціи—ужъ не говѣете ли вы? Я, право, теперь въ состояніи предположить даже послѣднее обстоятельство, только бы найти хотя какую-нибудь причину таковой неустойки со стороны вашей. Матеріаловъ пропасть, почта ходитъ какъ прежде, а отъ васъ нѣтъ и того даже, что прежде было. Не знаю также, чѣмъ бы можно было разбудить въ васъ хотя прежнюю дѣятельность по сей части: писать самому еще чаще было бы не объ чемъ, а иногда даже и невозможно — не такъ ли? Я, какъ и вся наша братья, люди въ Мексикѣ и въ Абиссиніи, въ Европѣ и Азіи, завишу отъ обстоятельствъ, которыхъ, смѣю похвастать, для меня въ Дерптѣ больше, нежели для васъ во Петрополѣ. Примѣры многочисленны, и ихъ гораздо приличнѣе сказать изустно, нежели описывать письменно.

Илличевскій здѣсь поселился не[1]) на шутку — учится по нѣмецки у учителя и вообще, тѣлесно и нравственно, добивается етого языка. Мнѣ съ нимъ большая практика въ стихотворствѣ: вмѣстѣ переводимъ Нѣмецкіе стихи и уже перевели нѣсколько епиграммъ Пфеф[ф]еля. За то, съ другой стороны, я потерялъ очень много — и со стороны важнѣйшей. Въ домѣ и душѣ той особы, объ которой уже было писано, водворилась глубокая печаль, и даже моя коммуникація порѣдѣла въ слѣдствіе первой. Жуковскій здѣсь, тоже чрезвычайно тоскуетъ: онъ, какъ говорятъ нѣкоторые критики, былъ влюбленъ въ покойницу и, вѣрно, напишетъ стихи на смерть ея. Я его рѣдко вижу; онъ еще съ недѣлю пробудетъ здѣсь. Моя Муза теперь въ совершенномъ бездѣйствіи — ни гугу! Погода скверная, все чужбинщина и и проч. и проч.; все ето худо впечатлѣвается на Музѣ и заграждаетъ уста

1) Въ *П.* ни.

пера моего. Еще мнѣ скучаетъ весьма — что бы ты думалъ? — исполненіе обѣщанія моего переводить для Перевощик[ов]а естетику Шиллера: дѣло мнѣ вовсе новое и даже, увѣренъ я, для и не новичка въ письменахъ нѣсколько трудное; впрочемъ, тутъ мнѣ великая польза. «А польза», скажешь ты, «слѣдственно и проч.!».

Я къ вамъ къ Святой Недѣлѣ не могу пріѣхать, но въ началѣ мая непремѣнно; причины етому вы увидите[1]) изъ моихъ разсказовъ, а не на письмѣ, потому что онѣ очень многочисленны и на бумагѣ не интересны, ибо я предполагаю, что бумага не для того выдумана, чтобы на ней писать все, что говорится, а только то, что нужно и необходимо знать прежде устнаго изъясненія, въ которомъ я почитаю себя сильнѣе меня самого на письмахъ.

Съ Княжевичемъ я познакомился очень хорошо и коротенько; онъ добрый малой и здѣсь проживетъ еще съ мѣсяцъ. Къ Погожеву не осмѣливаюсь писать, думая, что онъ на меня въ претензіи, и до его отповѣди не возьму пера въ руки для корреспонденціи продолженія! Что подѣлываетъ нашъ знаменитый Вас[илій] Васильевичъ? Что же его курсъ метталургіи? и каково онъ съ Петромъ, pro или contra?

Прощайте покуда, до слѣдующей почты.

Н. Языковъ.

Кланяйтесь Дм[итрію] Ник[олаевичу] и засвидѣтельствуйте ему мое прежнее почтеніе.

Я принужденъ былъ приличіемъ общества подписаться на сочиненія Буниной — и получилъ ихъ: дрянь, ни дать ни взять, не лучше Хвостова. Она скоро сюда будетъ.

XXXVI.

П. М. Языкову.

10 Апрѣля [1823, Дерптъ].

Благодарю тебя, любезный Петръ, за послѣднее письмо ваше, которое по всей справедливости должно называться твоимъ. Очень жалѣю, что Погожевъ тебя такъ мучаетъ своими стихами, но его поступокъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе: стиховъ его не печатаютъ, такъ надобно какъ-нибудь удовлетворить своей метроманіи, а въ такомъ случаѣ нашъ братъ-стихотворецъ не разбираетъ лицъ, которымъ старается передать свои мысли и чувствованія:

---

1) Въ *П.* увидѣте.

И станетъ про[мы]шлять онъ скукой рукописной.

Онъ, вѣрно, читалъ тебѣ свои баллады и романсы, но я, предполагая, что ты слушалъ ихъ, какъ слушаютъ обыкновенно то, чего не хотятъ слышать, не спрашиваю отъ тебя сужденія о его произведеніяхъ. Жаль, что меня теперь еще нѣтъ въ Петербургѣ: я бы раздѣлилъ съ Погожевымъ его музолюбіе и терпѣливо слушалъ бы стихи, въ которыхъ ежели нѣтъ ничего новаго и все бѣглое, по крайней мѣрѣ есть любопытное для меня, странствующаго по тому же полю.

Въ прошломъ письмѣ вы читали, когда я надѣюсь или, лучше, могу быть у васъ; для нашей и вашей братьи, христіанъ нехристолюбивыхъ, все равно, когда бы я ни[1]) пріѣхалъ — къ Святой или послѣ, только бы пріѣхалъ, а вы, какъ мнѣ писано, прежде конца Мая не выѣдете: слѣдственно и проч. Можетъ быть, я пріѣду къ вамъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ, съ которымъ очень близко подружился я: вмѣстѣ дѣлаемъ визиты, гуляемъ и проч., хотя очень рѣдкіе и очень рѣдко, но все-таки вмѣстѣ; онъ очень добрый человѣкъ и довольно образованный.

Передъ Пасхою у студентовъ здѣшняго университета ежегодно бываетъ самое воинственное время: то и дѣло рубятся; каждый день можно говорить въ правду: вчера была дуель, сегодня есть и завтра будетъ. Рѣдкость, кто изъ нихъ не носитъ на лицѣ доказательствъ рыцарской чести: ибо, по замѣчанію опытныхъ людей, почти всегда удары приходятъ въ картинки; ето, кажется, доказываетъ или небольшое искуство ратоборное, или чрезвычайно смѣлую голову. Вотъ какой духъ, какой ангелъ здѣсь свирѣпствуетъ. Вчера я былъ у Жуковского; онъ необыкновенно печаленъ въ слѣдствіе смерти г-жи Мойеръ, проживетъ здѣсь еще съ мѣсяцъ: итакъ, я надѣюсь иногда проводить ето время довольно пріятно; онъ со мной обходится очень дружественно, и я даже не знаю, чѣмъ заслужилъ такую его благосклонность. Къ стати: читалъ ли ты мое послѣднее стихотвореніе? Я не знаю, почему Воейковъ подпечаталъ подъ нимъ мое имя; ети стихи были посланы къ нему безъ всякого письма, безъ подписи и не моей рукой переписанные: такова судьба моя — мнѣ уже нельзя никакъ зарыть въ землю моего таланта! Вчера получилъ я письмо отъ почтеннѣйшаго Василія Васильевича; онъ меня съ головы до ногъ осыпалъ комплиментами. Говоритъ, что у тебя, Петръ, все еще отложено — неужели все еще? Я ему буду отвѣчать на слѣдующей почтѣ: теперь нѣтъ времени, а между тѣмъ прошу поблагодарить его за незабвеніе одного изъ своихъ почитателей.

1) Въ *П.* не.

Видно, онъ сильно занятъ: пишетъ, что (собственныя его слова) онъ бьется и лбомъ, и затылкомъ объ утесъ техники — дай Богъ, чтобъ въ етой бойнѣ досталось послѣднему! Что ты подѣлываешь для Григорія Ивановича? Скажи ему и его супружницѣ мое почтеніе; скажи, что я скоро буду готовъ переводить для него съ Нѣмецкаго и что ето составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ надеждъ моихъ.

Ты же, братъ Алекс[андръ], очень мало ко мнѣ начинаешь писать — и не присылаешь Филарета, а Перевощиковъ безпрестанно пристаетъ ко мнѣ. Поздравляю тебя съ новымъ случаемъ критиковать стихи мои; напиши, что подумаешь.

Твой totus Н. Языковъ.

Всѣмъ, кромѣ незнакомыхъ, мои почтенія.

XXXVII.

Обоимъ братьямъ.

[Апрѣль, 1823, Дерптъ].

Христосъ воскресъ, любезнѣйшіе! Вы меня чрезвычайно забываете: вотъ уже двѣ недѣли, какъ отъ васъ ни гугу, а я все-таки мужествую въ письмахъ по прежнему, хотя бы холодъ вашего молчанія и долженствовалъ охлаждать мое усердіе къ перепискѣ.

Желаю вамъ весело встрѣтить наступающіе праздники всего христіанскаго міра; здѣсь они не такъ ощу[ти]тельны, какъ въ нашей матушкѣ истинной Россіи. Не знаю, какъ, скоро ли, тихо ли, пройдутъ они у меня: знакомыхъ немного, да и то большая часть шляпныхъ; не то было бъ, если бы я случился съ вами, не то — да дѣлать нечего: терпи казакъ, атаманомъ будешь. Не знаю, долго ли мнѣ до атамановъ, а въ казакахъ я уже давно — пожду.

У васъ много новостей въ Петербургѣ, а вы тѣмъ менѣе меня помните, которому, по обязанности соотвѣтствія, должны бы сообщать оныя подробно. Напишите мнѣ, правду ли говорятъ объ путешествіяхъ за границу многихъ столповъ Царства Русскаго? и по какимъ причинамъ случилась ета необыкновенная перемѣна? и къ лучшему ли?

Сей разъ я пишу только для того, чтобъ показать, что не забываю писать къ вамъ, хотя нѣтъ матеріаловъ. Прощайте до слѣдующей почты: на теперешнюю пора.

Н. Языковъ.

Григорію Ивановичу и супружницѣ его Христосъ воскресъ!

Всѣмъ вообще знакомымъ[1]) мои почтенія.

---

1) Въ *П.* знакомыхъ.

XXXVIII.

Обоимъ братьямъ.

Апрѣля 29 [1823, Дерптъ].

Что съ вами сдѣлалось, мои почтеннѣйшіе: цѣлый мѣсяцъ отъ васъ ни строчки! Я пишу къ вамъ, кажется, совсѣмъ нерѣдко, даже чаще прежняго; и не знаю, что предполагать объ васъ, которые прежде хоть одинъ разъ въ двѣ почты радовали меня своими письмами. Прошу объяснить мнѣ ваше столь долгое молчаніе, ибо въ головѣ моей не находится ни одной причины благовидной къ таковому необыкновенному, даже неблагодарному поступку со мною. Получаете ли вы мои письма? Ежели и нѣтъ, то все ето не поводъ къ молчанію — тѣмъ болѣе, что вамъ извѣстно, что теперь особливо, и сверхъ сердечныхъ чувствованій моихъ, моя финансовая система требуетъ вашего вспоможенія.

Я провелъ четыре первые дни праздниковъ очень, очень скучно, посреди Нѣмцовъ, въ деревнѣ, и притомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было писать стиховъ, а ето важное лѣкарство отъ скуки для автора, хотя нерѣдко надъ читателемъ производитъ противное. Къ стати вамъ опишу одинъ анекдотъ изъ исторіи метроманіи. Вотъ что: графъ Хвостовъ прислалъ Боргу свои сочиненія съ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что, пользуясь наступающими праздниками, онъ спѣшитъ его (вовсе незнакомаго) съ оными поздравить и предложить ему перевесть изъ его стихотвореній. Каково? Не знаю, что сдѣлаетъ Боргъ съ етимъ предложеніемъ. Хвостовъ предоставилъ ему выборъ пьесъ, и потому Боргъ долженъ будетъ прочесть всѣ четыре тома — новыя сочиненія Хвостова, а ето не шутка, и едва ли мой почтенный хозяинъ дойдетъ до второй пьесы.

Вотъ вамъ епиграмма Илличевскаго:

По чести попрекнуть нельзя
Красавицъ дерптскихъ недостаткомъ:
У каждой изъ носу, друзья,
Два носа выкроишь съ остаткомъ.

Ето правда. Напишите мнѣ, за что произошло сверженіе Гурьева съ мѣшка финансовъ? и правда ли, что Сперанскій отставленъ?

Прощайте покуда; писалъ бы болѣе, да право невесело писать къ безотвѣтнымъ: таковы вы дѣйствительно!

Вашъ братъ Н. Языковъ.

XXXIX.

А. М. Языкову.

Маія 2 [1823, Дерптъ].

Письмо твое отъ 23 Апрѣля (видно, пущенное съ заднимъ числомъ: ибо оно дошло ко мнѣ 1 Маія; почта изъ Петербурга сюда ходитъ гораздо скорѣе) я имѣлъ удовольствіе или, лучше, новость получить. Вы мѣсяца съ полтора ко мнѣ не писали, и я уже вовсе не удивляюсь столь долгому вашему молчанію, будучи извѣщенъ тобою, что вы сами не вѣдаете причины оного; итакъ, прочь матерія объ вашей неустойкѣ въ перепискѣ со мною: она уже сдѣлалась общимъ мѣстомъ въ моихъ письмахъ, и, конечно, не я виноватъ въ етомъ. Мнѣ теперь, какъ и всегда, здѣсь не очень весело, хотя и не вовсе скучно; но вы должны быть теперь самые щастливые люди, ежели вѣрить словамъ Шиллера: das Schweigen ist der Gott der Glücklichen!

Не знаю, какіе изъ моихъ стиховъ такъ сильно не понравились вамъ—критикамъ: у Воейкова въ журналѣ теперь должны быть двое моихъ дѣтей. Впрочемъ, прошу поискать тщательнѣе; въ которыхъ-то изъ оныхъ должно быть стиха два или три, или четыре такихъ, за которые даже твоего одобренія и ободренія я было надѣялся; не знаю также, которое изъ моихъ стихотвореній ты относишь къ безсмыслицѣ: я уже привыкъ отъ тебя довольно часто получать отзывы очень строгіе объ моей Музѣ, но еще никогда не читывалъ подобного; у меня дыбомъ волосы стали, когда я прочелъ ето слово.

Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли твердъ и мудръ все[г]да?

Не принимай етого на свой щетъ. Я, еще не зная, какіе именно стихи мои вы осудили на опалу, уже раскаиваюсь въ ихъ напечатаніи, потому что совершенно и отъ чистаго сердца вѣрю твоему критическому правописанію. Меня еще больше огорчаетъ и увѣряетъ въ справедливости твоего и мудраго Дельвига замѣчаній то, что Погожевъ за меня заступается: ето значитъ, что я написалъ что-нибудь въ его родѣ, а его родъ — уродъ. У меня кончилась, кажется, съ нимъ переписка: ни ему ко мнѣ да, конечно, и мнѣ къ нему писать нечего.

Ты просишь прислать тебѣ что-нибудь изъ переводовъ моихъ вмѣстѣ съ Илличевскимъ, предполагая, что мы перевели что-нибудь значительное; ето ложной слухъ: десятка два или болѣе епиграммъ Пфеффеля и Тюммеля—вотъ и все, и все ето не стоитъ пересылки, потому что большая часть не

стоила бы и перевода, но мы дѣлали ето отъ бездѣлья, слѣдст[венно] и проч. Также ложно думаешь ты, что перевожу для Перевощикова изъ Шиллера; надобно знать совершенно языкъ Нѣмецкой и даже свой, чтобы рѣшиться на ето; подожди—не знаю, долго ли. Благодарю тебя за покупку Шиллера: я здѣсь купилъ его, но очень худое изданіе, съ чрезвычайно многими опечатками; не такое ли и ты (Reutlingen in Comptoir der deutschen Classiken 1820)? Фракъ оставь до меня: я здѣсь вовсе не занимаюсь таковою суетою.

Жуковскій скоро отсюда ѣдетъ (онъ говоритъ, что издастъ свое путешествіе по Швейцаріи, которымъ Перевощиковъ возхищается). Воейкова остается здѣсь на все лѣто. Итакъ, Бахтинъ, столь много импровизировавшій противъ путешествій за границу, не выдержалъ характера своихъ мнѣній. Жду его съ нетерпѣніемъ: вѣрно, онъ привезетъ мнѣ тьму новостей, анекдотовъ и того, объ чемъ вы ко мнѣ не хотите писать.

Не знаю, когда Княжевичъ отправится; впрочемъ, теперь и мнѣ торопиться нечего, даже можно отложить путешествіе къ вамъ до ваканціи (sic) университетской: тогда будетъ мнѣ гораздо удобнѣе по многимъ отношеніямъ, которыя вы узнаете послѣ нашего свиданія.

Прощай покуда. Ау, ау!

Дмитрію Николаевичу мое почтеніе, глубочайшее швейцарскихъ пропастей.

Что же хочетъ дѣлать братъ Петръ? Видно, еще ничего не рѣшено! Не поколебался ли хотя нѣсколько и Мечниковъ въ слѣдствіе винительнаго падежа Гурьева? [1])

XL.

Обоимъ братьямъ.

6 Маія [1823. Дерптъ].

Я думаю, мои почтеннѣйшіе, что не всѣ мои письма къ вамъ надлежащимъ образомъ доходятъ, и вотъ почему думаю такъ: помнится, недѣли двѣ назадъ тому, какъ писалъ я вамъ, чтобъ вы, мои квесторы и критики, прислали мнѣ денегъ, которыя уже сегодня должно бы вручить Боргу, а вы еще медлите — итакъ, прошу поспѣшить оживленіемъ моего здѣшняго положенія.

---

1) Подписи подъ этимъ письмомъ нѣтъ; подобно другимъ письмамъ, оно сплошь писано рукой самого Н. М. Языкова.

Вчера вечеромъ или, лучше, около полночи происходило здѣсь необыкновенное явленіе, котораго и я былъ свидѣтелемъ. Вотъ что. У здѣшнихъ студентовъ есть обыкновеніе кричать торжественно виватъ профессорамъ, оставляющимъ университетъ и заслужившимъ любовь ихъ. Ето сдѣлалось такъ: въ 10 часовъ вечера собралась почти вся команда студентовъ въ черныхъ фракахъ, при многочисленныхъ факелахъ, при музыкѣ (шелъ сильный дождь), и строемъ шла по городу къ дому профессора Ертмана; по пришествіи туда, остановилась и отрядила нѣсколько человѣкъ послами къ отъѣзжающему профессору, для засвидѣтельствованія ему благодарности за пользу, имъ принесенную, и печали объ его удаленіи; онъ вышелъ на крыльцо, сказалъ собранію чувствительную, краткую рѣчь и (ето—обыкновеніе) повелъ къ себѣ пословъ для питія шампанскаго; между тѣмъ, гремѣла музыка и раздавалось громкое виватъ. Тоже было и другому профессору; за то третьему, вѣроятно нелюбимому студентами, не оказано было сихъ знаковъ уваженія, а онъ, какъ говорятъ, надѣясь получить то же, уже было приготовилъ шампанскаго, да грибъ съѣлъ.

Кругъ моего знакомства значительно съуживается: Жуковскій завтра ѣдетъ, Илличевскій тоже завтра отправится въ чужестранію. Одинъ Княжевичъ пробудетъ здѣсь еще довольно для раздѣленія моихъ литературныхъ плановъ и восторговъ.

Здѣсь носится теперь слухъ, что Сперанскій сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: правда ли? Дай Богъ, чтобъ да.

Прощайте, пора на почту. Къ этому письму приложено другое, предъидущую почту не заставшее.

Вашъ Н. Языковъ.

Кланяйтесь.

XLI.

А. М. Языкову.

13 Маія, 1823. [Дерптъ].

Бахтина, Аониды и письмо твое (отъ 8 Маія) я имѣлъ удовольствіе получить и, уже не ожидая на сей почтѣ другого послѣдняго, отвѣчаю вотъ что: вы, т. е. ты и Петръ, очень худо дѣлаете, думая, что потому не надобно отвѣчать на письма, что ето обыкновеніе уже старое; многія, очень многія старыя вещи весьма хороши: напримѣръ, старая словесность, старинное гостепріимство и даже многіе старые люди, даже старые Нѣмцы; я полагаю, что приличнѣе уподобить было бы переписку етакимъ предме-

тамъ[1]), и лучше поступать хорошо по старинѣ, нежели худо по новому. Правда, что почти каждое письмо отъ васъ есть для меня сюрпризъ, но, клянусь отъ души, что съ большою придачею промѣнялъ бы я таковые сюрпризы на постоянныя письма — такъ, какъ промѣниваютъ кукушку на ястреба: ибо рѣдкость вашихъ писемъ дѣлаетъ ихъ содержанія очень однообразными; извиненія въ пропускѣ многихъ почтъ и благодарность за неподражаніе вашей системѣ — вотъ почти все, что вы пишите ко мнѣ, въ награду моей письменной бдительности.

Не[2]) шутя скажу, что я непремѣнно увижу васъ до отъѣзда вашего, хоть не очень скоро: во-первыхъ потому, что мои обстоятельства требуютъ еще нѣкотораго здѣсь пребыванія, чтобъ имѣть удовольствіе полное васъ видѣть; во-вторыхъ, я знаю, каково собирается Петръ куда бы то ни было, и, въ-третьихъ, тоже знаю, что вы не иначе поѣдете, какъ совокупно.

Благодарю за присылку Филарета и проч. (поблагодари отъ меня предваритель[но] П[етра] С[еменовича] за доставленіе его достохвальныхъ трудовъ). Я читалъ его разсужденіе объ отношеніяхъ князей Русскихъ къ ханамъ: кажется, ничего нѣтъ новаго, по крайней мѣрѣ для меня, который непрестанно читаетъ Карамзина и имѣетъ любопытное въ свѣжей памяти. Я постараюсь сдѣлать то, о чемъ ты предлагаешь съ етимъ произведеніемъ новаго рекрута въ аріергардѣ словесности, когда познакомлюсь съ Евсомъ; только едва ли онъ похвалитъ его, а дай Богъ, чтобъ похвалилъ: ето будетъ чрезвычайный сюрпризъ для Перевощикова и меня.

Бахтинъ почти ничего новаго не разсказалъ мнѣ: итакъ, ты худо сдѣлалъ, что предоставилъ его устамъ долгъ пера твоего. Онъ говоритъ, что его путешествіе съ Нарышкинымъ можетъ составить прибавленіе къ разпредѣленію Стерна: оно — гастрономическое. Нарышкинъ знаетъ, чѣмъ какой городъ по етой части славится, засылаетъ всегда впередъ повара и питается самыми лучшими произведеніями Кома. Такимъ образомъ, Бахтинъ будетъ знать по опыту наилучшія блюда твердой земли нашей части свѣта, а, можетъ быть, и Англіи. Илличевскій уже уѣхалъ отсюда съ какимъ-то Нѣмцемъ, взявшимъ его съ собою въ чужеземію. (Доставь здѣсь прилагаемое письмо Каменскому и попроси доставить отцу его, т. е. Илличевского).

Въ Аонидахъ выборъ пьесъ, кажется, тоже плохой, да онѣ и очень малы; признакъ, что наша словесность родитъ по етакому кусочку порядочныхъ стиховъ въ годъ, есть признакъ неплодородія.

---

1) Въ *П.* предмѣтамъ.

2) Въ *П.* это Н написано Языковымъ, по его обычаю, какъ N латинское, но съ пометкой; къ этому мѣсту онъ дѣлаетъ подъ строкой примѣчаніе: «Ето N или Н».

Бахтинъ говоритъ, что Свербѣевъ—или лучше Дмитрій Николаевичъ—весьма улучшился въ чужихъ краяхъ, а ты писалъ, что онъ возвратился тѣмъ же, чѣмъ поѣхалъ; первый утверждаетъ, что онъ теперь солиднѣе, разсудительнѣе, характернѣе и вообще стоитъ на высшей степени (зарапортовался!) на высшей степени той лѣстницы, по которой идетъ. Онъ же говоритъ, что Петръ Андреевичъ начинаетъ почитать Любарскаго глупымъ — правда ли ето? и чѣмъ обнаружился характеръ нашего любезнаго химико-механико-физико-агрономо-техника? Ето весьма любопытная матерія для моего любопытства, и дай Богъ ее твоему письму.

Благодарю за присылку денегъ. Жаль что вы прислали не болѣе 600 рублей: я Боргу плачу по 3 р. за урокъ Латинскій (три раза въ недѣлю); итакъ, прося у вашего квесторства индулгенціи въ новой просьбѣ четвертаго слова сей страницы [1]), благодарю впередъ за скорое исполненіе оной.

Скажи Дельвигу, что Илличевскій на него въ сильной претензіи за ненапечатаніе въ Соревнователѣ его перевода съ перевода изъ Лузіады, что онъ даже (будь сказано между вами) подозрѣваетъ почтеннѣйшаго барона въ желаніи запереть хотя нѣсколько потокъ его стихотвореній. Онъ, т. е. Илличевскій, оставилъ мнѣ всѣ свои произведенія съ правомъ ихъ печатать и даже (каково!) поправлять ихъ; я хочу воспользоваться только первымъ.

Прощайте до слѣдующаго письма вашего, не ближе: я хочу хоть етакъ изнасиловать ваши руки.

Вашъ Н. Языковъ.

Поклоны Дмитр[ію] Ник[олаевичу], Петру Семеновичу, Вас[илію] Вас[ильевичу] и вообще всѣмъ, которые мнѣ кланялись въ письмахъ вашихъ и въ Петербургѣ. Гдѣ Амплій?

XLII.

А. М. Языкову.

20 Маія [1823, Дерптъ].

Твое послѣднее письмо, братъ Алекс[андръ], меня удивило своимъ несходствомъ, очень почтеннымъ, съ прежними, и благодарю, а Петръ, видно, по прежнему отъигрывается отъ моихъ вопросовъ молчанкою. Отвѣчаю на оное по пунктамъ:

---

1) Т. е. слова «денегъ», которое дѣйствительно стоитъ четвертымъ на страницѣ въ подлинникѣ.

1) Бахтинъ былъ у меня очень недолго, въ слѣдствіе чего я не могу описать тебѣ разговоръ его, потому что въ такихъ случаяхъ оный обыкновенно бываетъ общими мѣстами.

2) Деньги 600 р. я имѣлъ удовольствіе получить и отдать Боргу для впредь будущаго времени.

3) На вопросъ твой, рѣшился ли я вступить въ университетъ, отвѣчаю: смотри на концѣ сего письма.

4) Напрасно думалъ ты, что мое путешествіе отложится: нѣтъ, вотъ планъ мой. Послѣ 6 Іюня (прежде нельзя) ѣду я съ Перевощиковымъ въ Ревель, оттуда къ вамъ, отъ васъ опять въ Ревель и проч. — слѣдственно, прошу васъ взять въ соображеніе ети обстоятельства, отправляя конвертъ съ деньгами ко мнѣ. Ето путешествіе мнѣ будетъ, кромѣ удовольствія ѣхать и разсуждать съ Перевощиковымъ, весьма полезно практически для языка Нѣмецкаго и пріятно: говорятъ, что Ревель очень хорошій городъ; при томъ же не худо начинать знакомиться съ нашимъ отечествомъ, объѣзжая его; сверхъ того, тоже говорятъ, что Ревель преисполненъ красавицъ (статья до меня не касающаяся, но и то хорошо видѣть), хотя и замѣчаютъ при томъ, что оныя почти всѣ глупы: вотъ игра природы!

Очень хотѣлось бы видѣть мнѣ новый Журналъ Изящныхъ Искусствъ; судя по тому, что объ немъ пишутъ другіе журналисты, онъ долженъ быть хорошъ, но не всякому слуху вѣруйте: есть бо духъ Божій и духъ льстечъ. И кто такой его издатель? Фамилія вовсе неизвѣстная и участвуетъ ли въ ономъ Кошанскій — спроси у Погожева. Я хотѣлъ было возобновить съ послѣднимъ переписку, да уже поздно; надѣюсь скоро его увидѣть собственноглазно и обнимать собственноручно.

Здѣсь теперь чрезвычайно жарко: отъ етаго-то сіе письмо мое такъ нескладно, жаръ хуже холода: послѣдній не разслабляетъ духа и тѣла, а тотъ — и тотъ и другое.

Прошу отвѣтить мнѣ на ето письмо рѣшительно и какъ можно скорѣе, ибо оно очень важно для моего плана, особливо натуральнымъ исполненіемъ важнѣйшаго пункта.

Студентъ Н. Языковъ.

NB. Слышно, что Пушкинъ написалъ новую поэму: Братоубійца. Слышалъ ли ты объ етомъ? и какъ похваляютъ ее критики?

Напиши рѣшительно, когда вы точно отправитесь въ Симбирскъ.

Я откладывалъ мое къ вамъ путешествіе, потому что мнѣ не хотѣлось быть съ вами въ прежнемъ моемъ видѣ.

XLIII.

Обоимъ братьямъ.

Маія 23 [1823, Дерптъ].

Я очень радъ, что наконецъ вступилъ въ университетъ, что наконецъ труды мои, въ коихъ, какъ говоритъ Карамзинъ, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе, кончились. Теперь начинается для меня новое поприще, новый кругъ дѣйствій и вообще новое. По возвращеніи отъ васъ и изъ Ревеля начну учиться фехтовать и верхомъ ѣздить, а танцовать едва ли буду: я здѣсь, пользуясь правомъ поэта, освобожденъ моими знакомыми отъ нѣкоторыхъ, какъ я гдѣ-то выразился, «законовъ моды беззаконной»; на меня смотрятъ совсѣмъ иными глазами, говорятъ объ иномъ, требуютъ иного и вообще предоставляютъ мнѣ вольности въ обращеніи, словахъ и проч. и проч., какими мои товарищи — люди прозаическіе — не пользуются и даже не смѣютъ пользоваться. Очень выгодно, хотя только въ етомъ отношеніи, быть поэтомъ!

Здѣсь теперь чрезвычайные, ливійскіе жары; я не имѣю никакой лѣтней одежды, и потому въ потѣ лица переношу дни: ничего не могу дѣлать, ни думать. Только нѣсколько часовъ ранняго утра позволяютъ заниматься: ей Богу, жаръ гораздо хуже холода — по крайней мѣрѣ для насъ, сыновъ сѣвера; зимой какъ-то все бодрѣе и душа и тѣло: не такъ ли у васъ жарко? Мои окошки или, лучше, мое окошко въ лице восходящему солнцу; смерть отъ 9 часовъ утра часовъ до 6 вечера, а послѣ 6 тоже ни къ чему дѣлаешься неспособнымъ: борьба съ борющимъ жаромъ такъ утомитъ тѣло и распаритъ умственныя силы, что хоть брось. Закажите мнѣ холодной сертукъ (не свѣтлого цвѣта и не зеленой) и нѣсколько холодныхъ брюкъ — широкихъ, не нанковыхъ.

Хочешь ли ты, братъ Алекс[андръ], имѣть истинное понятіе о моемъ теперешнемъ положеніи? Сдѣлай вотъ что: повяжи черный платокъ, надѣнь черный суконный жилетъ, суконный фракъ или, еще яснѣе, сертукъ, суконныя узкія брюки и сядь[1]) передъ лексиконами, противъ окошка, сквозь которое жаритъ солнце — и еще занимайся; мнѣ невозможно сидѣть и одѣться иначе: причиною перваго то, что окошко, какъ ни мало оно, но совершенно занимаетъ солнечнымъ свѣтомъ мою комнату, а причина втораго прописана выше.

---

1) Въ *П.* сять.

Вотъ вамъ до моего пріѣзда вкратцѣ планъ, которому я намѣренъ слѣдовать и которому должны, если можно, быть сообразны мои финансовыя издержки. Каждый день я буду брать урокъ частный, кромѣ университетскихъ, за кои также платятъ, еще не знаю по скольку; буду учиться по гречески, по латынѣ, фехтовать, верхомъ ѣздить. Послѣдніе два не много стоятъ, кажется 120 коп. за урокъ; сверхъ того, хоть разъ въ недѣлю по французски, чтобъ не забыть и того, что знаю — какъ ни мало, но все лучше, чѣмъ ничего.

Вы ко мнѣ можете не писать послѣ 4 числа Іюня, ибо 7 мы выѣдемъ, и я начну вамъ описывать мое путешествіе; говорятъ, въ Ревелѣ много любопытнаго. Мнѣ очень нужно знать, когда вы именно хотите отправиться изъ Петербурга: ибо ежели не слишкомъ скоро, то я изъ Ревеля могу пріѣхать вмѣстѣ съ Княжевичемъ, въ противномъ случаѣ одинъ — въ первый разъ въ жизни и въ Чухляндіи!

Видѣлъ ли ты, Алекс[андръ] (Петръ, вѣрно, не видалъ), представленіе Федры? Каковъ переводъ и каково разъиграна? Возвратился ли Амплій? Что думаетъ Петръ и почему опять не пишетъ ко мнѣ?

Теперь у меня время самое свободное, какое могло быть со мной въ Дерптѣ, а не могу написать ни стиха: жаръ отгоняетъ и музу, и перо изъ рукъ роняетъ. Прощайте до слѣдующей почты. До отъѣзда моего отсюда я буду (и уже начинаю) писать къ вамъ по два раза въ недѣлю, чтобъ больше приготовить васъ къ принятію меня самого.

Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи денегъ и письма остаюсь вашъ

Н. Языковъ.

Спасскому и супружницѣ, Погожеву и его Музѣ, Очкинымъ вообще и всѣмъ вообще мои почтенія. Петру поклонъ и тоже самое. Вас[илію] Вас[ильевичу] почтеніе.

XLIV.

Обоимъ братьямъ.

2 Іюня [1823, Дерптъ].

Благодарю за деньги; я ихъ получилъ съ большимъ удовольствіемъ, и, кажется, ихъ достанетъ на путешествіе до Петербурга, хотя по уплаченіи долга въ университетъ (при вступленіи платятъ) я имѣю почти только 300 рубл. Благодарю и за письмо отъ 30 Маія; я начиналъ было думать, что вы опять принялись за старую методу — молчать до нельзя.

Я не писалъ къ вамъ цѣлую недѣлю. Етому причиною вотъ что: на предпрошлой почтѣ я готовъ былъ отправить письмо, но оное опоздало, а на прошлой или, лучше, во время прошлой почты я имѣлъ удовольствіе быть въ деревнѣ у Воейковой. Мы, т. е. Перевощ[иковъ], Княжевичъ и я, ходили туда пѣшкомъ (отсюда 19 верстъ) взадъ[1]) и впередъ. Ето путешествіе чрезвычайно разстроило мою физическую природу и особенно ноги, не привыкшія проходить по 38 верстъ въ день; дни два я не могъ порядочно ступать, безчисленныя мозоли и онѣмѣлость[2]) орудій ходкости обезсилили меня какъ нельзя больше; теперь, слава Богу, все по прежнему. Замѣть, что мы вышли отсюда въ 5 часовъ утра и пришли туда въ 12 (Перевощиковъ ходитъ тихо, очень тихо); жаръ былъ тѣмъ несноснѣе, что было совершенное безвѣтріе, а дорога лежитъ мѣстами безлѣсными, но я не могу даже теперь не удивляться, какъ дошелъ. Пить было нечего, ибо питье въ придорожныхъ корчмахъ столь худо, нечисто, кисло, какъ кислота самая кислая, что, не смотря на утомленіе и жаръ ливійской, я не могъ выпить нигдѣ даже пробного пріема: ето прокислое подражаніе Русскому квасу. Я былъ въ отчаяніи, самъ не свой, весь мокрой, весь (скажу, какъ часто говоритъ Глинка) утомленіе и, клянусь Фебомъ, что если бы мнѣ во время такого жаркого положенія принесли, какъ Александру Великому, воды, то я, грѣшный, поступилъ бы въ семъ случаѣ вовсе не такъ, какъ оный завоеватель, и проч.

За нѣсколько дней передъ симъ мои хозяева и ихъ знакомые, въ числѣ коихъ и я, провели вечеръ въ одномъ изъ загородныхъ домовъ. Было довольно весело; мы играли въ горѣлки[3]): Нѣмцы, особенно Нѣмки или лучше Нѣмочки (не правда ли, что лучше?) любятъ сію, кажется Русскую, игру; бѣгаютъ прытко, легко и увертливо. Ето заключилось пѣшеходнымъ возвращеніемъ въ Дерптъ.

Я сегодня, знаю — почему, всталъ довольно поздно, уже тогда, какъ въ моей комнатѣ жарко, какъ въ печи Халдейской: такъ прошу извинить бѣглость руки моей, дрожащей отъ жару и торопящейся кончить письмо, которое должно быть длиннѣе обыкновенныхъ моихъ писемъ, потому что идетъ за два.

У Воейковой было намъ нескучно, но мы такъ худо разочли наше странствованіе, что, пришедши туда, не могли уже гулять, и просидѣли все

---

1) Въ *П.* въ задъ.
2) Въ *П.* онемѣлость.
3) Въ *П.* горелки.

время въ комнатѣ: ето жаль, потому что мѣстоположеніе прекрасное. Къ статѣ или не кстатѣ — о Воейковой: ето такая женщина, какой я до Дерпта не видывалъ; прекрасно образована, а лице — какого должно искать съ фонаремъ между потомками ребра адамова. Мнѣ кажется, что въ ней есть одинъ только недостатокъ, и то только для волочащихся молодцовъ, — недостатокъ тотъ самый, какой имѣютъ Русскіе глаголы, тотъ, что она не имѣетъ сослагательного наклоненія.

Въ будущее шестимѣсячіе Перевощиковъ будетъ читать Естетику и Исторію Русской Словесности; я етому очень радъ: его познанія и вѣрный, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, вкусъ ручаются за пользу, которую онъ доставитъ своимъ, конечно очень малочисленнымъ, слушателямъ. Тутъ мнѣ будетъ еще другая польза: я буду тогда понимать вовсе Нѣмецкихъ естетиковъ, которыхъ теперь началъ было читать съ грѣхомъ пополамъ. Къ статѣ, вотъ что онъ думаетъ или, лучше, говоритъ объ Исторіи Карамзина, какъ о сочиненіи литературномъ: что онъ не усумнится поставить оную на ряду съ Титомъ Ливіемъ, Робертсономъ и проч., но не съ Тацитомъ и Миллеромъ; что онъ въ ней находитъ два недостатка: 1) то, что она не представляетъ вѣрной картины нравовъ тѣхъ вѣковъ и 2) что авторъ судитъ о намѣреніяхъ лицъ только по ихъ послѣдствіямъ, а не по ихъ истинному достоинству, и что въ его Исторіи успѣхъ или неуспѣхъ дѣйствій приписывается то Року, то Судьбѣ, то Провидѣнію. Потолкуемъ объ етомъ пространнѣе по пріѣздѣ моемъ къ вамъ. Сверхъ того, Перевощиковъ называетъ Карамзина единственнымъ въ искуствѣ представлять и располагать картины такъ, чтобъ онѣ сильнѣе дѣйствовали на читателя. О послѣднемъ я не могу судить самъ до поры до времени, а теперь представлю тебѣ примѣръ, могущій хотя нѣсколько подтвердить вышеозначенное мнѣніе. Вотъ въ чемъ дѣло: мы переводимъ съ Боргомъ изъ Исторіи Карамзина; однажды, читая изъ 9 тома о казни (не помню—кого), онъ прослезился: не правда ли, что ето много?

Вы хотите ожидать отъ меня любопытныхъ писемъ изъ Ревеля; едва ли ето ожиданіе исполнится: во-первыхъ, потому что я пробуду тамъ сколько можно будетъ меньше; во-вторыхъ, и тамъ должны быть такіе же, какъ здѣсь, жары, а съ ними нельзя ничего дѣлать хорошаго (вы, я думаю, видите ето изъ моихъ текущихъ писемъ). Княжевичъ здѣсь, Владиславъ. Жалѣю, что Илличевскаго отрывокъ изъ Лузіады не можетъ быть напечатанъ: а онъ, какъ помнится, имъ величался. Да если бы онъ и не прошелъ сквозь тиски критики почтенного барона, то уже какъ новость, какъ первый опытъ октавъ епическихъ въ нашей литературѣ, имѣетъ нѣкоторое право на трудъ на-

борщиковъ. Хвостовъ сильно осаждаетъ Борга: прислалъ ему полное собраніе своихъ стихотвореній и даже назначаетъ самъ пьесы для перевода, между прочими даже изъ Русскихъ мореходцовъ. Боргъ въ великомъ затрудненіи: не знаетъ, какъ приняться переводить стихи, въ которыхъ почти всегда нѣтъ смыслу, не только что мыслей. Онъ написалъ Хвостову, что, къ сожалѣнію своему, уже не можетъ помѣстить переводовъ изъ его стиховъ во 2 части, но что въ третьей (замѣтимъ мимоходомъ, которая не имѣетъ быть выдана и составлена) не преминетъ передать Германской публикѣ нѣсколько листковъ лаврового вѣнца его музы; етакая лесть, которую всякой не Хвостовъ почелъ бы за насмѣшку, чрезвычайно понравилась графу, и теперь почти каждая почта привозитъ Боргу или письмо, или стихи Хвостова. Былъ ли ты въ торжественномъ собраніи соревнователей? Мы имѣемъ (тоже Хвостовъ прислалъ) списокъ пьесъ, тамъ читанныхъ: кажется, довольно интереснаго и новаго. Самые стихи Хвостова на сей случай (прислано нѣсколько екземпляровъ) довольно хороши, потому что послѣдній изъ нихъ — хоть бы кому другому.

Я благодаренъ, какъ нельзя больше, тебѣ[1]) за желаніе уменьшить мой жаръ присылкою лѣтнихъ брюкъ. (Тутъ кстатѣ замѣчу, что мы выѣдемъ отсюда не прежде 10 Іюня, слѣдств[енно] и проч.). Обстоятельство, поставленное въ скобкахъ, меня очень огорчаетъ и досаждаетъ мнѣ: ежели мы будемъ стакъ торопиться, то наконецъ я уѣду прямо въ Петерб[ургъ], безъ кривизны черезъ Ревель, которой хочу видѣть потому только, что ето пріятно человѣку, мною уважаемому. Дорога въ Ревель, какъ говорятъ, очень скучна: пить нечего, а ѣзда дни три.

Виноватъ передъ Погожевымъ, но теперь уже поздно начинать продолженіе нашей переписки; при свиданіи мы установимъ для оной новыя правила, и я постараюсь хотя разсказами наполнить ему промежутокъ оной. Что онъ не печатаетъ стиховъ своихъ? Неужели вовсе разлюбилъ свою Парническую Музу? Грѣхъ ему, ежели такъ! Не закапывай таланта въ землю — послѣ самъ раскаишься, видя, какія выгоды получаютъ отдавшіе его въ ростъ.

По полученіи сего письма вы можете уже и не писать ко мнѣ, а я напишу еще къ вамъ хотя разъ. Разпростирайте объятія для нашего торжественнаго свиданія: вскорѣ послѣ половины сего мѣсяца я представлюсь лично взорамъ вашимъ.

Вальтера Скота едва ли можно будетъ мнѣ взять съ собою; а я вотъ

---

1) Въ *П.* тѣбѣ.

что хочу по сей части сдѣлать: отдать его переплесть, а Боргъ послѣ перешлетъ въ Петербургъ.

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ покорнѣйшій Н. Языковъ.

Петръ ни гугу! Кланяюсь ему и не благодарю за молчаніе.

Дельвигу и Погожеву мои почтенія.

Всѣмъ, ожидающимъ меня съ отверстыми объятіями, поклоны, почтенія и прочее.

XLV.

Обоимъ братьямъ.

16 Іюня [1823, Ревель].

Я въ Ревелѣ, мои почтеннѣйшіе, и другого письма отсюда не ждите, ибо прежде слѣдующей почты надѣюсь выѣхать. Городъ старинной, улицы узкія, замаранныя и маркія — я даже могу сказать, чѣмъ онѣ пахнутъ; много хорошихъ видовъ, мало даже порядочныхъ домовъ: все старье и старье самое вѣтхое. Жителей много Русскихъ. Мы живемъ за городомъ, на берегу моря; видъ восхитительной: передъ окошкомъ отлогая длинная равнина, далѣе безконечность морская — итакъ, я вижу то, чего еще ни одинъ изъ настоящей нашей фамиліи не видывалъ. Близко отъ насъ морскія купальни; мы, т. е. я и Княж[евичъ], купаемся по два раза въ день въ Бальтійской купели; ето очень пріятно. Перевощ[иковъ] теперь уѣхалъ осматривать уѣздныя училища; между прочимъ, онъ будетъ въ городкѣ Бальтисъ-портъ; ето мѣсто достойно примѣчанія тѣмъ, что въ немъ окончилъ дни свои Ванька-Каинъ. Я непремѣнно съѣздилъ бы туда, еслибъ было время.

Дорога наша досюда была очень, очень скучна: сторона чухонская, изрѣдка гдѣ встрѣтишь жилище — и то замаранная корчма, гдѣ ни стать, ни сѣсть, ни пить, ни ѣсть [1]). Мы же ѣхали на долгихъ: каждую ночь ночевали и не спали, по причинѣ господъ комаровъ и госпожъ мошекъ. По етой дорогѣ только и заняло нѣсколько насъ, что старинный замокъ или, лучше, развалины Пайды или Вейссенштейна; кажется, тутъ убитъ въ сраженіи знаменитый Малюта Скуратовъ. Осталось очень мало: нѣсколько обломковъ стѣнъ и почти цѣлая башня, служившая тюрьмою у рыцарей; она сажень 8 вышины съ наружи, и подъ ней выкладена тюрьма. Мы не могли

1) Въ *П.* есть.

осмотрѣть подробно, ибо въ ету башню нѣтъ и не было ходу съ земли, а надобно влѣзать[1]) въ окно, довольно высоко, а лѣстницы не было съ нами. Показываютъ бастіонъ, на коемъ Иванъ Васильевичъ сжегъ коменданта замка. Онъ, какъ помнится, сдѣлалъ то же со всѣми жителями сего города, раздраженный смертію своего любимца.

Мнѣ, я думаю, придется ѣхать одному въ полномъ смыслѣ слова; можетъ быть, еще и найду попутчиковъ изъ студентовъ: давай Богъ — было бы веселѣе! Притомъ же, мнѣ такая поѣздка въ диковинку. Вотъ еще что замѣтить нужно: я не могу долго пробыть у васъ; къ 15-му Іюня возвращусь въ Ревель, чтобы снова отправиться съ Пер[евощиковымъ] въ Дерптъ и тамъ съ нимъ же заблаговременно[2]) распорядить мои будущія занятія; лекціи въ университетѣ начнутся съ 23, слѣдственно и проч.

Мы еще не успѣли подробно осмотрѣть Ревель. Говорятъ, что здѣсь много достопримѣчательнаго, но объ етомъ я уже буду вамъ изустно разсказывать; правда, что здѣсь много прекрасныхъ женщинъ, особенно дѣвъ — и послѣднее въ натурѣ вещей, какъ кажется: дѣвы — новинка въ мірѣ, а женщина уже существо обдержаное.

По пріѣздѣ моемъ, у насъ долженъ составиться воинской совѣтъ, которому должно разсуждать о моихъ будущихъ планахъ образованія: ето — дѣло не шуточное, приготовьтесь духомъ!

Прощайте, до свиданія.

Писать больше нечего, затѣмъ чтобъ послѣ не было нечего разсказывать.

Н. Языковъ.

XLVI.

Обоимъ братьямъ.

25 Іюля [1823, Дерптъ].

Благодарю васъ, мои почтенные, за деньги, которыя я получилъ съ необычайнымъ удовольствіемъ: ибо въ понедѣльникъ, заплативъ въ университетъ за лекціи, я остался съ однимъ осмигривенникомъ. Я уже началъ посѣщать лекціи — и восхищенъ до крайности Еверсомъ: онъ нынѣ читаетъ Рускую исторію отъ Іоанна 4 и Римскую. Кромѣ етого, я буду слушать вотъ что еще: политическую экономію и физику; ето занимаетъ довольно времени и оставляетъ также довольно для собственно моихъ занятій, т. е. греческаго и латинскаго языковъ, что начнется съ будущей недѣли.

---

1) Въ *П.* влезать.

2) Въ *П.* заблаговремѣнно.

Воейковъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, пригласилъ къ себѣ обѣдать каждой день, обласкалъ какъ нельзя лучше и проч. и проч. Приходилъ ли къ вамъ Дерптскій фурманъ? Я его встрѣтилъ дорогой и далъ къ вамъ адресъ. Вы съ нимъ можете отправить. Онъ примѣчателенъ тѣмъ, что я квартирую въ его домѣ; зовутъ его Данебергъ.

Купи мнѣ, Алекс[андръ], на деньги, которыя изъ моихъ, кажется, остались, Записки Манштейна, пер[еводъ] лучшій.

Я пріѣхалъ отъ васъ въ Стрельну около 12 часовъ ночи, и товарищи не разсердились, ибо были навеселѣ. Мы ѣхали оченъ благополучно; только я не желалъ бы въ другой или, лучше, въ третій разъ ѣхать на перекладныхъ, ибо, не смотря на краткость пути, я разбитъ такъ, что до сихъ поръ не могу порядочно ни стать, ни сѣсть — точно шельной. Мы пріѣхали сюда въ прошлую субботу ночью, отъ того что одинъ изъ насъ (не я) забылъ на станціи деньги и ворочался за ними — разумѣется, по пустякамъ.

Объявите отъ лица моего всѣмъ желающимъ со мною переписываться, а особливо Амплію, что я готовъ имъ соотвѣтствовать и словомъ, и дѣломъ: только стоитъ имъ начать.

Напишите мнѣ, когда можете надѣяться выѣхать изъ Петербурга: ужели не прежде свѣжепросольныхъ[1]) груздей?

Нельзя ли подарить кухарю Моисею мои серебряные часы: я ихъ обѣщалъ ему, но забылъ сказать вамъ объ етомъ.

Прощайте, на слѣдующей почтѣ получите больше. Пришли какъ-нибудь Шиллера. Гамсъ и Веберъ кланяются тебѣ, Алекс[андръ].

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Кланяюсь и почтеніе свидѣтельствую П. С. Наумову, Г. И. Спасскому и его супружницѣ, Очкинымъ обоимъ. Барону мое почтеніе. Ходитъ ли къ вамъ Погожевъ? Ежели да, то пусть начинаетъ со мной переписку.

Глубочайшая благодарность Николаю Викторовичу и таковое же почтеніе.

XLVII.

Обоимъ братьямъ.

1 Августа [1823, Дерптъ].

Я что-то рѣдко начинаю писать къ вамъ, мои почтеннѣйшіе, но уповаю, что ето недолго продолжится[2]); теперь я чрезвычайно развлеченъ:

1) Въ *П.* свежепросольныхъ.
2) Въ *П.* продолжиться.

ибо порядокъ моихъ занятій еще не установился, потому что не всѣ профессора, которыхъ я намѣренъ слушать, съѣхались; когда же все ето устроится надлежащимъ образомъ, то уста пера моего будутъ по прежнему говорливы.

Дни три тому назадъ былъ такъ называемый фуксъ-комерсъ у студентовъ, на которомъ и я имѣлъ честь и обязанность присутствовать. Дѣло было за городомъ на дачѣ[1]); собрались вечеромъ часовъ въ 8, пили и пѣли до 2 часовъ утра. Чтобъ имѣть какое-нибудь понятіе объ етомъ явленіи, здѣсь весьма обыкновенномъ[2]), представь себѣ человѣкъ болѣе 90 пьяныхъ, вмѣстѣ шумящихъ и вмѣстѣ возвращающихся мыслетинищами ночью въ городъ.

Вотъ вамъ новость по части моего домашняго состоянія. У Борга на сихъ дняхъ началъ жить еще одинъ Русской — фамилія Чебашевъ, изъ Петербурга, тоже по покровительству Воейкова. Онъ живетъ не въ одной со мной комнатѣ: итакъ, я попрежнему пользуюсь свободою уединенія — и ето лучше, особливо для моей Музы; притомъ же, етотъ содомникъ[3]) мой еще не студентъ и имѣетъ худую репутацію по части наукъ отъ Гамса и Вебера, кои помнятъ его у Муральта.

Жуковскій вчера отправился въ Петерб[ургъ] и скоро надолго опять сюда пріѣдетъ; Воейковъ меня ласкаетъ до чрезмѣрности: я почти каждый день у него обѣдаю, и ты можешь судить о удовольствіи потомка грѣшного Адама быть нѣсколько часовъ сряду въ присутствіи прекраснаго.

Сегодня покупаю (благодарю за деньги) для тебя, Алекс[андръ], Еверса и въ слѣдующее воскресенье вышлю его вмѣстѣ съ В. Скоттомъ; ты ужаснешься, увидя, въ какомъ состояніи нашелъ сего послѣдняго, которого почти весь женскій полъ Дерпта читалъ безъ всякой для меня отъ того пользы и удовольствія; ты простишь мнѣ ету погрѣшность, потому что она произошла такъ, какъ и много великого и прекрасного произсходитъ, отъ потомковъ ребра адамова.

Вы ко мнѣ, какъ видно, еще не начинали писать, хотя я и думалъ, что наша теперешняя переписка будетъ гораздо постояннѣе прежней. Скоро ли вы можете надѣяться выѣхать изъ Петербурга? и каково идутъ дѣла ваши вообще и особенно Петра?

Благодарю за Томаса Мура. Особенно мелодіи его мнѣ нравятся и вовлекаютъ меня въ соблазнъ сдѣлать тоже для русскихъ пѣсенъ. Приходилъ ли

---

1) Въ *П.* дачи.

2) Въ *П.* обыкновеннымъ.

3) Т. е. живущій въ одномъ домѣ.

къ вамъ Дерптскій фурманъ, которому я далъ записку дорогой объ мѣстѣ вашего жительства.

На сихъ дняхъ начну учиться по гречески; не знаю еще, что будетъ ето стоить, но думаю, что немного. Объ всемъ буду писать къ вамъ впередъ подробнѣе, а теперь некогда[1]): иду обѣдать къ Воейкову.

Н. Языковъ.

Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ.

XLVIII.

Обоимъ братьямъ.

5 Августа [1823, Дерптъ].

Вы, видно, еще не начинали со мною переписки, и что заграждаетъ уста перьевъ вашихъ?

Вчера прибыли ко мнѣ кухарь и книги въ вожделѣнномъ[2]) здравіи; благодарю за того и другія. Жаль только, что въ настоящей моей квартирѣ нѣтъ мѣста для столь многихъ книгъ, и я любуюсь на нихъ только взорами, глядя на ящикъ, въ которомъ, кажется, еще съ мѣсяцъ имъ пробыть придется. Кухарь привезъ мнѣ извѣстіе, что у васъ еще и слыхомъ не слыхать объ отъѣздѣ; итакъ, начинайте же со мною переписку еще изъ Петербурга, а матеріяловъ — особенно у тебя, Алекс[андръ] — теперь должно быть вдоволь. Объясни мнѣ, что дѣлаетъ или чего не дѣлаетъ Петръ, и когда можемъ надѣяться окончанія его дѣлъ или бездѣлія?

На сей, кажется[3]), почтѣ, т. е. сегодня, посылаю Вальтера Скотта; я думаю, ты уже получилъ письмо мое, въ коемъ я просилъ простить его худобу, и теперь уже не прошу объ етомъ, зная, что ужъ она извинена. Еверса пришлю, но не теперь, именно при лучшемъ состояніи моего кармана. (Вотъ тебѣ прошлой щетъ моихъ явныхъ издержекъ до сего дня: 60 р. въ универс., 50 р. на комерсъ, объ коемъ я писалъ тебѣ, 100 рубл. на шинель, ибо прежняя послѣ вояжа оказалась неспособною; а у меня при началѣ сего щета было только 400: изъ нихъ должно еще сверхъ прежняго купить греческіе лексиконы и платить за уроки до Ноября — слѣдственно, мои гимнастическія упражненія отложены до будущаго, и еще долженъ 100 р. Тютчеву, который еще сюда не прибылъ). Я теперь въ тупикѣ! Надобно

1) Въ *П.* нѣкогда.

2) Въ *П.* вожделенномъ.

3) Къ этому выноска Н. М. Языкова: «Ето неправда: иду обѣдать къ Воейкову, и не успѣю».

также имѣть Физику Паррота, а она стоитъ 50 р., и ето можетъ осушить вовсе мои финансы. Скажи, присовѣтуй, что дѣлать? Я никакъ не думалъ, что буду здѣсь находиться[1]) въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, ета критика произошла, кажется, болѣе отъ меня самого: береги[2]) я въ Петерб[ургѣ] мою 1000, то теперь не былъ бы, такъ сказать, на лыкахъ — опять пословица: eventus stultorum magister; она что-то часто со мною сбывается!

До сихъ поръ я еще ни отъ кого не получилъ ни строки: видно, всѣ меня начинаютъ забывать — и вы, мои почтенные, и Амплій, тожъ почтенный, и проч. и прочіе.

Прощайте до слѣд[ующей] почты. Жду писемъ отъ васъ и отъ другихъ, которымъ затѣмъ не кланяюсь.

Н. Языковъ.

Благодарю за приписку тебя, Петръ! Вотъ что отвѣчаю тебѣ на вопросъ, какое дѣйствіе произвела на Б[орга] моя посылка: мы поступили неосторожно при отправкѣ; они нашли въ ящикѣ бумажку, на коей была написана наша фамилія; ето наша ошибка: должно бы все, могущее открыть истину, удалить изъ посылки. Итакъ, я не могъ сказать ни одного комплимента М[адамъ?] Б[оргъ][3]); впередъ будемъ искуснѣе. Я уже распустилъ здѣсь новость о платинѣ. Нѣмцы слушаютъ объ етомъ разиня ротъ. Напиши, сдѣлай одолженіе, когда назначена ваша отправка въ Симбирію.

Н. Языковъ.

Я написалъ еще стихи; ты увидишь ихъ у Воейкова въ журналѣ, ежели цензоръ позволитъ. Для послѣдняго Воейковъ сдѣлаетъ много глупыхъ примѣчаній. Ежели не пропустятъ, то пришлю вамъ рукопись.

XLIX.

Обоимъ братьямъ.

12 Августа [1823, Дерптъ].

Я получилъ письмо ваше отъ 7-го сего мѣсяца; благодарю васъ обоихъ за готовность отвѣчать мнѣ и еще болѣе буду благодаренъ за слѣдствія послѣдняго существительнаго въ семъ періодѣ.

---

1) Въ *П.* находится.

2) Въ *П.* переги.

3) См. объ этомъ ниже, письмо № L.

Ты напрасно, любезный Ал[ександръ], предохраняешь меня отъ очарованій любви стихомъ Любарского: я и прежде, и послѣ письма твоего и стиха сего не пускался и не пускаюсь ни душою, ни тѣломъ, ни мечтаніями, ни желаніями въ сей лабиринтъ, потому что и не имѣю, какъ кажется, довольно терпѣнія блуждать по его извилинамъ и потому что еще не надѣюсь, чтобы въ нашъ вѣкъ можно было найти тамъ не только саму Аріадну, но и нить ея. Я не понимаю, какъ могъ ты подумать, что я каждодневно хожу по 36 верстъ для удовольствія быть въ присутствіи прекрасного: ето противно всякому разсудку и въ особенности моему корпуленству и цѣли моего здѣсь пребыванія. Впередъ мнѣ должно быть осторожнѣе и описывать мои обстоятельства и дѣла съ самою мелочною точностію, чтобы не было на меня напраслины. Итакъ, въ добавокъ къ письму, изъ котораго ты вывелъ свое заключеніе о моемъ 36-верстномъ и ежедневномъ пѣшеходствѣ, скажу тебѣ то, что и прежде должно было быть тебѣ ясно: въ то время Воейкова жила здѣсь, т. е. въ Дерптѣ, и слѣдст[венно] не такъ далеко, какъ ты клеплешь на меня, невиновнаго въ такомъ дальномъ пѣшеходствѣ. При томъ же, мои посѣщенія не могли разстроить даже моихъ учебныхъ занятій: у Воейковой обѣдалъ я въ 1 и просиживалъ до 4 (разумѣется, все ето пополудни), а у меня лекціи по утру отъ 8 до 12, а вечеромъ отъ 4 до 5; итакъ, время, которое я — употреблю слово, тобою вѣрно здѣсь любимое — терялъ, и безъ того проходило бы не иначе: ибо послѣ обѣда я, грѣшный человѣкъ, пріучаюсь нѣсколько спать, чтобы ранѣе вставать и позже ложиться. Сообрази, сдѣлай милость, мною теперь написанное, и ты перестанешь безпокоиться о несвободѣ моего, напримѣръ, хоть сердца.

И кухаря, и книги я получилъ въ надлежащемъ здравіи. Сегодня отправляю тебѣ В. Скотта — и съ фурманомъ, тѣмъ же, которой привезъ мнѣ вашу посылку, для того чтобы доставить вамъ удовольствіе, довольно рѣдкое, слышать что-нибудь обо мнѣ отъ человѣка посторонняго: ибо, какъ видно изъ письма Петра, вы уже не преминули при первой оказіи потолковать съ нимъ обо мнѣ и что ето вамъ очень любопытно: итакъ, вотъ еще случай.

Я теперь въ критическомъ положеніи на щетъ моихъ финансовъ: у меня осталость только 150 р., а изъ нихъ нужно отдать 100 Тютчеву, который на сихъ дняхъ будетъ; что же буду платить я за греческіе уроки и проч. до Ноября 1? Нельзя ли какъ-нибудь вамъ сообразить ето и прислать мнѣ въ щетъ будущей присылки хоть что-нибудь; впрочемъ, ежели я прошу невозможного, то нечего и приниматься за его исполненіе. Можетъ быть, и здѣсь мнѣ откроются средства перевернуться; однакожъ ето можетъ быть основано только на томъ, что я не знаю будущаго.

Напишите мнѣ, почему нельзя вамъ написать ко мнѣ: мы скоро ѣдемъ. Благодарю Петра за приписку; мои письма относятся къ вамъ обоимъ.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Что Ам[плій] Очкинъ ко мнѣ не пишетъ? Понукните его. Петру Оч[кину] поклонъ, Дельвигу тоже.

L.

Обоимъ братьямъ.

Августа 22 [1823, Дерптъ].

Вотъ вамъ отвѣтъ на два письма ваши (отъ 14 и отъ 16), которыя по одной цѣли и одной въ нихъ господствующей мысли требуютъ и одного отвѣтствія.

Напрасно и очень несправедливо думаете вы, что мои нынѣшнія разходы произошли отъ моей безпечности по части финансовъ и (какъ выражается Ал[ександръ]) отъ важныхъ занятій и отъ славы; многими лѣтами доказано и утверждается доселѣ всѣми студентами здѣшними, что въ первый семестръ обыкновенно издерживается больше денегъ, нежели въ прочія. Причины ясны: послѣ сего времени уже не бываетъ нужно участвовать денежно въ пирушкахъ студентскихъ, публичныхъ и частныхъ, рѣдкихъ и частыхъ, и проч. Сверхъ того, вамъ еще не извѣстны многіе мои разходы: напримѣръ, курсъ греч. Якоба, за членство Муссы 30, фу[р]ману 45 р., на фехтбоденъ и проч. и проч. Впрочемъ, я увѣряю васъ, что, получивши присланные вами 200 р.[1]), я буду въ состояніи безпрепятственно въ занятіяхъ и прочемъ просуществовать до Ноября, и что буджетъ, составленный въ Петербургѣ, совершенно удовлетворителенъ для моихъ занятій.

Отчего ты не благодаришь меня, Алекс[андръ], за Музеумъ Раупаха? Получилъ ты его? и какъ обсуживаешь? Изъ чего заключили вы, что я написалъ къ вамъ лишнюю страницу о 36 верстахъ серьозно? Мнѣ удивительно, какъ я тогда же не догадался, что упрекъ, сдѣланный мнѣ тобою, Алек[сандръ], о моемъ ежедневномъ пѣшеходствѣ, была фантасмагорія! Впередъ буду осторожнѣе при чтеніи и отвѣтахъ на твои письма.

Какъ запла бумажка съ нашею фамиліей въ ящикъ съ конфетами, отправленный къ Боргу, ето ясно: мы укладывали ихъ съ кухаремъ и утверждали помадныя банки безъ разбору всякими бумажками, какія только

1) Къ этому выноска Н. М. Языкова: «Сегодня получу».

попадались; такимъ образомъ и открылась въ немъ — кажется, конвертъ съ письма — наша тайна.

Видно, у Измайлова въ журналѣ великій постъ: Княжевичъ Владиславъ проситъ у меня позволенія напечатать мое Путешествіе въ Ревель, но я боюсь, чтобъ оно не слишкомъ поддержало прежній характеръ Благонамѣреннаго, и притомъ что оно мнѣ не принесетъ никакой чести въ литтер[атурѣ], потому что не все то достойно вниманія публики, что пишется для одного дома и что можетъ быть даже оного не достойно.

Стихи, кои вы получили въ прошломъ письмѣ моемъ, очень понравились Боргу: онъ перевелъ ихъ на Нѣмецкій — хотите[1]) ли получить сей переводъ?

Сегодня мои хозяева переѣзжаютъ на другую квартиру. Тамъ для меня комната такая, которой вовсе не прилично описаніе моего прошедшаго уединенія: есть мѣсто для всѣхъ книгъ, до сихъ [поръ] пребывавшихъ еще въ ящикѣ. Тамъ я начну вполнѣ заниматься.

Вчера я слышалъ лекцію, достойную Казанскаго университета: Перевощ[иковъ], разсуждая о памятникахъ Рус[ской] словесности во время Владиміра, коснулся до христіанской вѣры, до философіи и пр.; ето его слабая струна!

Николая Викторовича цѣлую. Самая чувствительная благодарность за пивцо: ето здѣсь будетъ для меня деликатесъ и большая новость.

На будущей почтѣ напишу больше. Переѣзжаемъ.

Н. Языковъ.

Всѣмъ кланяюсь.

LI.

Обоимъ братьямъ.

29 Августа [1823, Дерптъ].

Моя переборка на новую квартиру задержала мой отвѣтъ на ваше письмо. Вотъ вамъ нѣкоторое понятіе объ новомъ моемъ мѣстопребываніи: оно въ лучшей части города, два окна на площадь, комната свѣтла, опрятная, не на чердакѣ, и я въ ней разположился очень удобно и совершенно въ своей тарелкѣ; главная же выгода ея въ томъ, что она весьма близко отъ университета, потому что въ теперешнее осеннее время и въ скоробудущее мнѣ случалось бы очень часто и довольно далеко странствовать для слушанія лекцій.

---

1) Въ *П.* хотитѣ.

Петръ меня спрашиваетъ: какъ читаетъ лекціи Паротъ? Ето человѣкъ необыкновенной учености, сильно любящій свою науку; говоритъ весьма точно, и весьма пространно, потому что такъ знаетъ; часто возвышается даже до поэзіи, и тогда его выраженія поражаютъ сильною живостію и производятъ въ слушателѣ самое чу[в]ство профессора; при всякой оказіи дѣлаетъ опыты; жаль только, что ихъ видятъ изъ 150 человѣкъ не болѣе 30: для етого сдѣлана въ физическомъ кабинетѣ маленькая загородочка, и когда обступятъ его кругомъ (а студентовъ большая часть длинныхъ), хоть брось глаза, такъ ничего не видишь, ежели не успѣлъ сперва соскочить съ лавки. Онъ сидитъ во время лекціи весьма торжественно: на высокой довольно катедрѣ, подъ бюстомъ Невтона, и при всякой оказіи обращается къ нему съ вопросомъ, съ сильными выраженіями. Мнѣ весьма понравились его уроки; я Петру обѣщаюсь прислать сюрпризомъ его Разговоры о физикѣ; въ слѣдующій семестръ онъ, кажется, будетъ читать физику земли: говорятъ, что ето чрезвычайно любопытно.

Всѣхъ болѣе изъ профессоровъ меня восхищаетъ Еверсъ; его лекціи составляютъ самую пріятную, можно сказать амврозическую пищу моего ума: читаетъ просто, ясно и необыкновенно выразительно; его искуство выражать характеры людей очень сильно. Когда онъ говорилъ объ Годуновѣ, то я признаюсь, что до тѣхъ поръ никогда не думалъ, чтобъ можно было такъ подѣйствовать на мое воображеніе разсказомъ очень простымъ. Достойно замѣчанія, что онъ признаетъ Димитрія 1 Іоанновича самозванцомъ. Теперь я вижу, что епоха самозванцовъ можетъ служить богатымъ предметомъ для историка, и жду съ нетерпѣніемъ Карамзина; ета же епоха можетъ дать хорошіе матеріялы для романиста исторического, потому что нравы сего времени необыкновенно ясны въ русской исторіи, а произшествія самые романтическія. Одно суевѣріе рускихъ во всякого нового самозванца—можетъ быть, изображающее ихъ даже любовь и почитаніе къ царской крови—есть уже сокровище для искустнаго пера.

Перевощиковъ читаетъ исторію Русской словесности (а не естетику, какъ слухъ носился прежде), и очень хорошо: онъ человѣкъ копоткой (sic), разсказываетъ всю подноготную ясно и даже иногда краснорѣчиво. Языкъ рускій—по крайней мѣрѣ, на словахъ—знаетъ очень хорошо и никогда ни на шагъ не отдаляется отъ своего предмета (кромѣ той лекціи, о которой я писалъ въ прошломъ письмѣ); ето онъ перенялъ у Нѣмцовъ. Онъ меня избавилъ добровольно отъ двухъ лекцій въ недѣлю, когда онъ занимается съ студентами переводами на рускій съ Нѣмецкого, и переводами довольно мѣлочными, и для того, чтобы я лучше занимался въ ето время стихотворе-

ніями, онъ мнѣ даже далъ тему на некоротенькое сочиненіе: ето—представить Баяна на развалинахъ Владиміра во время Татаръ (а почему же Владиміра?), мечтающаго о прежней славѣ Россіи, сѣтующаго о настоящемъ горестномъ ея положеніи и, наконецъ, во снѣ видящимъ ея будущую славу. Онъ предлагаетъ мнѣ подражать въ семъ случаѣ Грею, которой написалъ въ етакомъ же случаѣ Барда, и не взялъ его съ собою въ храмъ безсмертія, по суду критиковъ,—и мнѣ подражать етому утопленнику въ Летѣ! Я подумаю хорошенько, потому что мнѣ не хочется и отвергнуть предложенія Перев[ощикова] изъ личного къ нему уваженія и желанія ему угодить, и не хочется острамиться избраніемъ предмета весьма реляціоннаго и въ которомъ нельзя сдѣлать никакого изображенія, потому что, по совѣту Перевощикова, тутъ должны быть изображены характеры просто, съ историческою, съ математическою точностію, а ето выдетъ въ стихахъ (хотя бы и возможно лучшихъ) краткая Русская исторія. Я понимаю намѣренія етого совѣта: почтенному профессору хочется принудить меня возхититься принятіемъ христіанской вѣры Владимиромъ[1]), между тѣмъ какъ етотъ предметъ теперь еще великъ для моего воображенія и слишкомъ широкъ для времени. Есть слухъ, что ему не слишкомъ нравятся мои, въ его смыслѣ, либеральныя мысли во время Татарскаго ига и оттого то, вѣрно, предпринимаетъ обратить меня на дорогу прославленія Христовой и монархической крови. Спросите Дельвига, какъ онъ думаетъ объ предложеніи: не слишкомъ ли оно прозаическо и критическо?

У меня съ Воейковой теперь весьма сильная дружба, и не знаю, почему именно теперь ето случилось: не отъ того ли, что ближе съ нею познакомился во время бытности здѣсь ея мужа? Я ей показываю и даже вписываю въ альбомъ мои стихи.

Съ буквою Д.[2]), которая столь часто вопросна въ вашихъ письмахъ, все идетъ по прежнему; теперь я живу отъ нее очень близко, но, слѣдуя совѣту В[асилія] В[асильевича]:

Отъ дѣвушекъ скройся,
Въ бѣду чтобы тамъ
У нихъ не попасться;
Вѣдь, знаешь ли ты,
Что съ ними вязаться
Лишь грѣхъ, суеты!

1) Въ *П.* Владімиромъ.
2) Тутъ разумѣется М. Н. Дирина.

и тебѣ, Ал[ександръ], повторившему етотъ золотой урокъ для юности, я не чаще бываю тамъ у нихъ. И точно предвижу, что таковыя обстоятельства могутъ завести мое сердце въ темной лабиринтъ и совратить мой умъ съ учебной дороги. Въ такихъ размышленіяхъ я рѣшился скопить мое воображеніе на нѣкоторое время и тѣмъ скопить оного побольше для будущаго: дай Богъ мнѣ успѣть въ етомъ спасительномъ намѣреніи!

Благодарю за выписку изъ письма В[асилія] Афанас[ьевича]: его похвала для меня очень лестна; но зачѣмъ выписалъ ты одну вторую часть его періода, которой долженъ, повидимому, весь относиться ко мнѣ, ибо начинается союзомъ раздѣлительнымъ: а стихи его, что заставляетъ предполагать меня еще что-нибудь обо мнѣ сказанное, и что для меня было бы также любопытно.

Объ моихъ занятіяхъ и хозяйственныхъ разпоряженіяхъ напишу́ на слѣдующей почтѣ: теперь уже довольно.

Нельзя ли прислать мнѣ слѣдующія книги, которыхъ нельзя достать здѣсь: Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirthschaftslehre von Ludwig Jakob, zweite Auflage. Charkow, Halle und Leipzig 1809, и прислать два екземпляра; можно безъ переплета. Еще—разумѣется, не для меня—Сто четыре священныя исторіи. И узнать, скоро ли выйдетъ Нѣмецкій словарь Ольдекопа? И ежели не затр[удн]итъ васъ финансовая необильность ваша, то Русскую Антологію Сенъ-Мора. Кстати о книгахъ: въ ящикѣ, присланномъ съ фурманомъ, не нашелъ я 8-го тома Конверсаціонсъ-Лекси[кона]; онъ не могъ потеряться дорогой, потому что ящикъ полученъ мною въ совершенномъ здравіи; еще забыли вы Повѣсть о самозванцахъ.

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Кланяйтесь В[асилію] Афан[асьевичу].

Николаю Викторовичу мое почтеніе и всѣмъ моимъ знакомымъ.

Пришли мнѣ Братьевъ-разбойниковъ и замѣчанія цензора на стихи Олина: я тебя отблагодарю за ето неожиданною присылкою запрещеной книги.

LII.

Обоимъ братьямъ.

5 Сентября [1823, Дерптъ].

Письмо ваше отъ 31 Августа я имѣлъ удовольствіе получить: оно, видно, отправлено прежде полученія моего необыкновенно длиннаго письма, потому что содержитъ отвѣтъ на запрошлое, а не на прошлое письмо мое.

Сегодня не могу писать много, потому что и пора на почту, и жду отъ васъ отповѣди. Посылаю вамъ переводъ Борговъ моей пѣсни; еще не знаю, отъ чего онъ именно ету перевелъ: ето была его воля! А я согласенъ съ братомъ Петромъ въ мнѣніи объ моемъ послѣднемъ произведеніи.

Не присылай, ежели еще можешь, мнѣ Антологію Русскую Сенъ-Мора: мнѣ прислалъ ее Воейковъ; а вотъ чѣмъ можешь ты меня чувствительно обязать и разодолжить: пришли хорошенькія воланы; здѣсь нельзя ихъ достать, а мнѣ очень хочется играть въ нихъ съ Боргою (sic) и для моціону, и для вообще—пожалуй, пришли: ето вещь важная.

Конверс[аціонсъ]-Лекс[иконъ] — золото. Я очень тебѣ благодаренъ за него: чего хочешь, того просишь; я уже нѣсколько статей прочелъ, и очень доволенъ. Что же вы не отвѣчаете мнѣ о 8 томѣ онаго? Вотъ что удивительно: здѣсь онъ не запрещенъ; продается только подороже, нежели ты купилъ, ежели покупать по одиначки, а не гуртомъ нѣсколько экземпляровъ.

Греческіе мои уроки начались, и еще ничего не могу сказать тебѣ объ нихъ важнаго, потому что начало обыкновенно бываетъ сухо. Впрочемъ, трудъ все преодолѣваетъ, говорили мудрецы: слѣдст[венно] и проч.

Главный фурманъ—тотъ, который у васъ былъ—остался за болѣзнію въ Петербургѣ: слѣдст[венно], оказія прислать вамъ кое-что и еще нѣчто (?) близь васъ.

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Стихи мои переписаны рукою М. Боргъ: не лучше ли вы разберете ея нѣмецкой шрифтъ, нежели мой?

LIII.

Обоимъ братьямъ.

9 Сентября [1823, Дерптъ].

Я начинаю или, лучше,продолжаю писать къ вамъ часто и благодарю васъ за соотвѣтствіе мнѣ по етой части.

Я отложилъ мое гимнастическое образованіе до слѣдующаго полугодія, и вотъ причины: теперь мнѣ очень, особенно очень нужно время, а ѣзда верхомъ и проч., разумѣется ежели производить оное порядкомъ, отниметъ довольно времени, которое теперь мнѣ тѣмъ нужнѣе, что въ моей головѣ основывается великое зданіе греческого языка. Признаюсь, что етотъ языкъ въ тысячу разъ труднѣе и Латинского и Нѣмецкого вмѣстѣ: все особенное

и новое — мнѣ по крайней мѣрѣ; однакожъ я принялся за него довольно сильно, не смотря на вовсе сухое занятіе онымъ, ибо пока еще не выучу грамматики, а она длиннѣе и труднѣе всякой другой, дотолѣ не приступлю къ занятіямъ занимательнѣйшимъ. Ето — правило Нѣмцевъ; оно довольно трудно и чрезвычайно скучно, за то, имѣя въ головѣ правила, самому будетъ пріятнѣе послѣ понимать совершенно ежели не значенія словъ, то ихъ разстояніе, окончанія и проч.: тогда одинъ шагъ къ точному разумѣнію языка — лексиконъ, въ которомъ уже буду умѣть рыться; тогда почти не нуженъ и приватной учитель, можно будетъ ходить въ университетъ.

Я думаю, что тебѣ не нужно, Алекс[андръ], имѣть точное понятіе о состояніи моего бѣлья: ты имѣешь составить для меня полную систему онаго, не обращая вниманія на то, что я имѣю, ибо ето не стоитъ того. Больше всего у меня недостатка въ шейныхъ бѣлыхъ платкахъ и манишкахъ, которыя (послѣднія, раз[умѣется]) желалъ бы я имѣть совокупными съ рубашками, какъ у Петра видѣлъ съ удовольствіемъ.

Я получилъ сегодня письмо отъ Владис[лава] Княжевича; дѣло кончено. Измайловъ уже тискаетъ мое Путешествіе въ Ревель, которое будетъ еще хуже послѣ, какъ пишутъ, многихъ переправокъ цензора. Княжевичъ извиненія проситъ, что отдалъ на просьбу Измайлова въ печать то, что писано не для печати, и лукаво разхваливаетъ мнѣ мои стихи, которыхъ безцѣнность я самъ знаю: таково время, въ которое мы живемъ.

On prend à toutes mains dans le siècle où nous sommes,
Et repuser n'est plus le vice des grands hommes.

Что бы [ты] сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ? Дѣлать ровно нечего. Впрочемъ, ето хорошій урокъ мнѣ для впредьбудущаго: опять eventus — magister! Должно быть чрезвычайно осторожну въ нашемъ мірѣ, особенно въ мірѣ поэтовъ; журналистъ, какой Измайловъ, подобно пауку Тебѣкина,

На ловъ
Всегда готовъ.

Посылаю вамъ еще одну мою пьесу. Предвижу судъ вашъ, но лучше хочу, чтобъ вы хулили стихи мои, нежели чтобъ говорили съ улыбкою марковскою: нѣтъ искренности! Въ ето шестимѣсячіе я ничего порядочнаго написать не надѣюсь, потому что такое дѣло можетъ остановить мои успѣхи въ Еллинизмѣ, а етого мнѣ очень не хочется; итакъ, не ожидайте отъ меня

стихобороженія, даже не пишите ко мнѣ: стиховъ, стиховъ! ибо ваши просительныя восклицанія такого рода могутъ меня отвлечь отъ Греческой и Латинской грамматикъ и заставить взять, вмѣсто пера словъ, перо словесности, а тогда прощай усердіе къ сухимъ занятіямъ, и прощай многое! Я написалъ еще около десятка студентскихъ пѣсенъ: онѣ, ей Богу, не стоютъ ни переписанія, ни вѣсовыхъ денегъ, какъ ни малозначительны послѣднія. Впрочемъ, ежели вамъ любопытно видѣть мою музу и въ бархатной шапкѣ, съ дубовою вѣтвію, то напишите только: пришли — и пришлю.

Подписаться на однѣ Прибавл[енія] къ Инв[алиду] нельзя; Воейковъ уже шлетъ оныя ко мнѣ; да, кажется, въ нихъ и нечему быть такому, въ нынѣшнемъ по крайней мѣрѣ году, что могло бы разглашать мое имя въ Симбирскѣ, а прежнія тамъ будутъ.

Пришли, сдѣлай великое одолженіе, воланы.

Вашъ покорнѣйшій братъ Н. Языковъ.

Петру Степановичу мое почтеніе: видно, его процессъ съ Корнил[овичемъ] пошелъ въ завязку.

Дельвигу почтеніе. Очкинымъ тоже.

На прочіе запросы отвѣчу на слѣд[ующей] почтѣ.

LIV.

А. М. Языкову.

15 Сентября [1823, Дерптъ].

Не дай Богъ злому Татарину попасться подъ перо твое, почтеннѣйшій Алекс[андръ]: ты отдѣлалъ Перевощикова — хоть брось, и мнѣ самому нѣсколько досталось за вопросъ мой, сочинять ли или нѣтъ его предложеніе. Впередъ не буду такъ неостороженъ. Справедливо еще давніе критики Лукинъ и Зубовъ замѣтили, что въ нашей квартирѣ нельзя слова сказать, чтобъ его не осмѣяли или не перевернули въ смѣхъ.

Я видѣлъ уже Сенъ-Морову Антологію; можетъ быть, етотъ екземпляръ принадлежитъ мнѣ: ето основывается на словахъ, кажется, Воейковой, которая еще не пріѣхала сюда, но еще не подтверждено натурою. Кажется, переводы — больше сочиненія, нежели переводы, и очень похожи на выборъ изъ басней Крылова, который ты знаешь: вездѣ вмѣсто двухъ словъ подлинника — четыре или пять, изъ которыхъ часто ни одно не выражаетъ выраженія автора. Впрочемъ, лучше какая-нибудь погода,

нежели совсѣмъ никакой. Говорятъ въ журналахъ, что Плѣнникъ Пушкина переведенъ на Нѣм[ецкій] и напечатанъ. (? — во) (sic).

Я могу теперь сказать то же, что говаривалъ Адамъ Адамовичъ Цее: «худо быть умнымъ человѣкомъ: всякой заводитъ переписку, а ты плати за полученіе писемъ». Илличевскій пишетъ ко мнѣ изъ чужеземи, и пишетъ общія мѣста, а я плачу за письма по шести рублей, совсѣмъ не желая терять деньги на пустяки. Онъ не нашелъ въ Женевѣ Свербѣева. Я, кажется, не рѣшусь ему отвѣчать, по недостатку желанія и платить дорого за письмо, и писать, не имѣя чего писать.

Съ Княжевичемъ у меня завелась тоже переписка. Онъ съ вами познакомиться хочетъ; примите его въ свое благорасположеніе: малой — доброй, простой, читавшій кое-что и знающій порядочно по Нѣмецки. Итакъ, видно, судьба непремѣнно хочетъ, чтобы наша фамилія знакомствовалась съ Княжевичами: пусть будетъ такъ! При томъ я тебя предъувѣдомляю, что етотъ Княж[евичъ] человѣкъ, кажется, хоть чуть по тебѣ, Ал[ександръ]: любитъ толковать о важныхъ матеріяхъ, о министерствахъ, о посольствахъ и о проч.

Мой Греческій языкъ идетъ довольно хорошо; только признаюсь, что его грамматика труднѣе всякой и стоитъ многихъ трудовъ, особливо мнѣ; впрочемъ, одна надежда читать въ подлинникѣ Греческую литтературу достаточна для самого долговременного терпѣнія. Латинскій и Нѣмецкій языки тоже идутъ своимъ порядкомъ. Итакъ, у меня все теперь въ своей тарелкѣ, кромѣ французского языка, для изученія которого я назначаю въ будущемъ шестимѣсячіи время, ибо тогда мнѣ не столько оно будетъ нужно: главное основаніе въ Греч[ескомъ] получу къ тому времени и буду, слѣдственно, спокойнѣе онымъ заниматься.

Къ стати: я прилагаю здѣсь письмо Мам[иньки] ко мнѣ, чтобы дать вамъ понятіе о состояніи тамошнихъ дѣлъ и мнѣній. Мнѣ кажется, Мам[инька] очень справедливо жалуется на безучастіе наше въ образованіи сестеръ: всѣ способы есть, и, кажется, уже давно пора бы, особливо вамъ, мои почтеннѣйшіе, объ етомъ подумать дѣйствительнѣе, неотлагательно. Особливо Парашино время достойно сожалѣнія; надобно поспѣшить доставить хоть то, что еще можно успѣть: поздно, когда опоздаемъ. Притомъ же, время скоро въ етомъ случаѣ можетъ показать кукишъ, за которымъ останется причина необразованности Параши — непріятное чувствованіе! Подумайте объ етомъ хорошенько: особливо теперь еще лучше будетъ можно ето устроить вамъ подъ своими глазами.

Жду съ нетерпѣніемъ посылокъ — и благодарю за нихъ впередъ ваши попечительныя ко мнѣ чувствованія.

Прощайте до слѣдующей почты: я что-то сегодня не въ духѣ для переписки. 20 числа новый комерсъ; я опишу вамъ его подробнѣе прежняго, потому что тогда не имѣлъ возможности его хорошенько разсмотрѣть и замѣтить.

Вашъ бр[атъ] Н. Языковъ.

Петру Семеновичу мое почтеніе; у него съ Корниловичемъ не на шутку: боюсь, чтобъ у нихъ не дошло скоро ad absurdum, ибо они толкуютъ кто въ лѣсъ, кто по дрова!

LV.

Обоимъ братьямъ.

26 Сентября [1823, Дерптъ].

Двѣ почты сряду я не писалъ къ вамъ, и причины етого необыкновенного молчанія, признаюсь, не дѣлаютъ мнѣ чести: первый разъ отложилъ я до слѣдующей почты, а вторую, случившуюся въ воскресеніе, проспалъ послѣобѣденнымъ сномъ, которому обѣщавъ посвятить нѣсколько минутъ въ обширномъ смыслѣ, не исполнилъ своего обѣщанія; но вы сами знаете могущество такового сна, и, вѣрно, чаще моего случается съ вами послѣднее обстоятельство. Итакъ, я предвижу ваше извиненіе моему молчанію и хочу теперь же натурою замѣстить порожнее мѣсто въ нашей перепискѣ.

Я теперь чрезвычайно занятъ все-таки язычными занятіями. Ежедневно имѣю два урока приватныхъ по сей части, т. е. либо греческой и латинской, либо греческой и нѣмецкой, такъ что у меня остается не болѣе двухъ часовъ въ день на занятія сладчайшія, не смотря на то, что ложусь довольно поздно и встаю рано. Все время проходитъ въ ученіи словъ, грамматикъ и приготовленій переводовъ. Стиховъ писать вовсе некогда, и я уже давно вовсе ихъ [не] писалъ — вотъ каково! Къ стати: Воейковъ перепечаталъ въ своихъ листкахъ мою Пѣсню Регнера, съ припискою къ его супругѣ; ета приписка, какъ онъ ко мнѣ пишетъ, имъ самимъ очень худо переправлена въ концѣ — какъ кажется, по причинѣ слова божественный, тамъ бывшаго и нынѣ запрещенного. Итакъ, мои почтеннѣйшіе, прошу васъ не приписывать мнѣ худые стихи, тамъ могущіе въ слѣдствіе предъидущаго случая встрѣтиться. Я еще не видалъ етого листка, но тамъ должно быть что-нибудь не слишкомъ мнѣ пріятное, судя по незапному письму Воейкова и по его сильному возстанію на самого себя за поправку. Вы уже, вѣрно, видѣли тиснутое въ Благонамѣренномъ мое Путеш[ествіе] изъ Д. въ Р. Оно напечатано съ примѣчаніемъ издателя и, вѣрно, его Ахъ! относится ко мнѣ. Въ безлюдіи и Фома дворянинъ, говоритъ пословица: въ та-

комъ смыслѣ и ети стихи не испортятъ журнала, искони наполняемого пустотою стиховъ и прозы. У меня приводится теперь въ исполненіе мысль, долженствующая нѣсколько удовлетворить ваше любопытство по части моей литтературы: я переписываю всѣ мои сочиненія нынѣшняго года въ книжку, и черезъ нѣсколько дней пришлю вамъ; тутъ вы увидите и Путешествіе въ Ревель — ежели не въ лучшемъ, то по крайней мѣрѣ въ настоящемъ видѣ — и студентскія пѣсни.

Жаль, что я теперь не излишне богатъ деньгами. Здѣсь представляется прекрасный случай купить дешево хорошихъ книгъ на многихъ языкахъ: черезъ нѣсколько дней будетъ аокціонъ (sic) библіотеки въ прошломъ мѣсяцѣ умершаго профессора Лампе; онъ былъ человѣкъ чрезвычайно ученый по юридической части и оставилъ множество самыхъ лучшихъ книгъ по всѣмъ частямъ. Я постараюсь какъ-нибудь перевернуться къ сему случаю; ето точно рѣдкая аказія: помоги мнѣ, Господи, хоть немного!

Недавно читалъ я книжку очень любопытную и запрещенную: до сихъ поръ мы и не знали, что въ Польшѣ въ 1816 году былъ заговоръ, имѣвшій цѣлію низвергнуть съ престола К[онстантина] П[авловича] и востановить республику; дѣло шло хорошо, но открылось точно такъ же[1]), какъ заговоръ Катилины. Одинъ изъ заговорщиковъ блудилъ дочь русского полковника; ета вывѣдала у него тайну и сказала отцу въ тотъ самый вечеръ, когда должна была быть объявлена свобода и К. схваченъ. Етотъ полковникъ тотчасъ же отправился съ вооруженною рукою предупредить возстаніе; окружилъ загородный домъ, гдѣ собрались въ послѣдній разъ заговорщики. Они стали защищаться оружіемъ и всѣ были побиты — кромѣ четырехъ, кажется, въ числѣ коихъ находился и сочинитель сей книжки, бѣжавшій во Францію. Я началъ было списывать для васъ ети около 100 страницъ, но не успѣлъ, потому что етой книжки одинъ только екземпляръ здѣсь, и то у Ректора, который давалъ оную за тайну одному изъ знакомыхъ на самое короткое время; впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего особенного. Жаль, что теперь не помню ея заглавія: можетъ быть, и въ Петерб[ургѣ] вы ее достали бы.

Здѣсь теперь происходитъ большое кровопролитіе: нѣсколько сватьбъ вдругъ — и дѣвицы самыя прекраснѣйшія. Здѣсь также, видно проѣздомъ изъ Ревеля, находится Болугіянская съ дочерьми, которыхъ красота здѣсь прославляется; онѣ остановились въ трактирѣ, противъ оконъ которого каждый вечеръ стоитъ мно[го]численная толпа студентовъ, желающихъ насладиться хотя зрѣніемъ ихъ прелестей; тутъ бываетъ довольно...[2])

---

1) Въ *П.* также.

2) Конца этого письма въ *П.* не имѣется.

LVI.

А. М. Языкову.

3 Октября, 1823 [Дерптъ].

Наконецъ, получилъ я и книги и воланъ, и благодарю тебя, Алек[сандръ], за тѣ и другой; жаль только, что его форма не такая, какой ожидалъ и желалъ я; но въ етомъ ты не виноватъ: мнѣ должно бы подробнѣе объясниться. Лучше было бы, еслибъ онъ имѣлъ видъ обыкновенный, дощечки: етакимъ и играть легче, и я мастеръ по етой части, а въ румку гораздо труднѣе и такъ трудно, что вся наша компанія до сей поры не можетъ сряду поймать двадцать разъ. Особенно благодарю за Манштейна: я его прочту съ большимъ удовольствіемъ. У меня есть намѣреніе, по опростаніи нѣсколько моего времени, заняться поплотнѣе рускою исторіею — и для етого, при первой бытности въ Петербургѣ, начну закупать много старья.

Видно, грамматика Греча уже напечатана и продается: ее получилъ Перевощиковъ, и мнѣ завидно. Не видалъ ли ты ее — такъ скажи, какова? И не имѣешь ли ты желанія одолжить меня оною?

Твое предложеніе мнѣ писать къ сестрѣ о какомъ-нибудь предметѣ ея образованія имѣетъ слѣдствіемъ вопросъ, сдѣланный мною самому себѣ: могу ли еще теперь объ чемъ бы то ни было разсуждать и писать основательно и даже дѣлать понятнымъ то другому, что хотя самъ понимаю? Для такого подвига должно бы {пожить} болѣе пожить въ Дерптѣ и болѣе, нежели я имѣю времени, заниматься етими предметами. Впрочемъ, ежели ето хотя чуть-чуть можетъ быть полезно сестрѣ, я рѣшусь сказывать ей сегодня то поруски, что вчера читалъ на Нѣмецкомъ и даже рускомъ. Таковыя письма тѣмъ труднѣе, что ихъ должно будетъ, какъ говоритъ Любарскій или П. Сумароковъ, разцвѣчать шутками и прибаутками: ибо въ противномъ случаѣ онѣ будутъ скучнѣе книги, мѣсто которой заступать должны. Итакъ, ежели ты думаешь, что и на такихъ условіяхъ могу я исполнить твой вызовъ, то скажи: да будетъ тако! и назначь время, когда начать; лучше бы въ то время, когда ты самъ тамъ будешь. Для поэзіи можно взять для примѣра какую-нибудь Нѣмецкую естетику, а для исторіи довольно и Еверса — и далѣе Константинова. Ета переписка можетъ быть и мнѣ самому нѣсколько полезна, потому что заставитъ думать о кой-чемъ такомъ, что еще не об[д]умано и не узнано мною въ подробности и въ ясности.

Изъ рускихъ Парашѣ я предлагаю читать хотя Карамзина, Жуков-

ского повѣсти, Каченовского и даже Литтературныя Прибавленія къ Сыну Отечества, потому что въ нихъ почти всѣ повѣсти съ Нѣмецкого и многихъ хорошихъ авторовъ. Здѣсь носится слухъ, что новое изданіе стиховъ Жуковского скоро кончится печататься — такъ ето бы и купить для ней. Прошу тебя, займи ее особенно Крыловымъ: ето такой авторъ, котораго нельзя довольно хвалить и который всѣхъ настоящихъ и прошедшихъ поэтовъ рускихъ умнѣе. Пусть она учитъ его наизусть: ето придать можетъ ея мыслямъ и выраженіямъ особенную замысловатость и крючливость, а нѣтъ ничего божественнѣе женщины, имѣющей сіи качества — не такъ ли? Впрочемъ, ты долженъ ей показать все, что есть примѣчательнаго и хорошаго въ нашей словесности, безъ всякого предубѣжденія[1]) въ пользу другихъ литтературъ, которымъ въ нѣкоторыхъ родахъ поэзіи мы ничуть не уступаемъ, ежели не превосходимъ ихъ, напр. въ баснѣ, въ одѣ, и Французовъ и Нѣмцовъ, а въ легкой поэзіи — послѣднихъ, сколько я читалъ доселѣ и какъ говоритъ самъ Боргъ о Фюжитивномъ родѣ, которого его соотечественники почти вовсе не обработали. Сверхъ етого, я жду отъ тебя инструкціи, какъ писать письма къ сестрѣ, пространно или кратко: напр., въ поэзіи упоминать ли объ авторахъ, прославившихся въ такомъ родѣ? въ исторіи говорить объ законахъ, нравахъ, одеждѣ[2]), литтературѣ, гдѣ случится — обрядахъ и пр. нашихъ предковъ?

Поблагодари отъ меня Княжевича и Амп[лія] Очкина за удовольствіе, доставленное мнѣ ихъ письмами, и скажи, что черезъ три дни они получатъ благодарственные отвѣты отъ меня. Теперь, ей Богу, некогда[3]): ты видишь, какъ тороплюсь.

Благодари также П. С. Наумова за сію книгу: я ему, сверхъ благодарности, какъ знакомый, благодаренъ еще какъ любитель Руской словесности: онъ перевелъ очень хорошо очень добрую книгу, которая, не смотря на приложеніе цензора, все-таки имѣетъ большую цѣну и достойна уваженія.

На будущей почтѣ получите и книгу съ моими стихами, гдѣ найдете и нѣчто доселѣ вамъ неизвѣстное; прошу помнить при чтеніи, что большая часть етихъ пѣсенъ написана скоропостижно и не для Парнаса, и что предметъ оныхъ мнѣ вовсе не нравится и не занимаетъ меня такъ сильно, чтобы доходило дѣло до вдохновенія — слѣдст[венно] и проч.

На слѣдующей почтѣ напишу болѣе.

Братъ Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* предубежденія.
2) Въ *П.* одѣждѣ.
3) Въ *П.* нѣкогда.

Поздравить ли тебя, Петръ, съ благополучнымъ окончаніемъ описанія? И скоро ли въ дорогу?

LVII.

Обоимъ братьямъ.

10 Октября [1823, Дерптъ].

Я получилъ и Вальтера Скотта и.....[1]), и уже началъ читать послѣдняго: онъ — бравой малой, какъ кажется; благодарю, но думаю, что онъ слишкомъ нагъ для того, чтобъ я позволилъ себѣ давать читать его части прекрасныхъ моихъ знакомокъ.

Погожевъ приложилъ въ книгахъ свое маленькое письмецо и стихи Пушкина: поблагодарите его отъ меня, если увидите, и скажите, что на будущей почтѣ онъ получитъ отъ меня большое начало продолженія нашей переписки.

Я не виноватъ, что ты нашелъ, Ал[ександръ], въ моей припискѣ къ Воейковой противорѣчіе: оно произошло единственно отъ поправки Воейкова, какъ ты увидишь черезъ недѣлю въ почти готовой для васъ книжкѣ моихъ стиховъ. Сдѣлай милость, не думай, что ихъ будетъ тамъ много: напротивъ — только что̀ я написалъ въ Дерптѣ, а ето небольшая вещь; притомъ я надѣюсь, что вы не будете судить строго, какъ должно, мои пѣсни, писанныя, такъ сказать, на живую нитку: ето такое дѣло моей Музы (?), на которомъ я не хотѣлъ, а, можетъ быть, не могъ основать ничего похвальнаго самому себѣ. Простите вы даже изрѣдка въ нихъ случающуюся неблагопристойность противъ многаго: ето дань моя духу моего времени и настоящимъ обстоятельствамъ бытія моего. И помните, что «не всякому слуху вѣруйте: есть бо духъ божій и духъ льстечь». Я самъ недоволенъ етими[2]) пѣснями, писалъ ихъ только для моціона пера моего и не писалъ бы, еслибъ имѣлъ побольше времени для чего-нибудь лучшаго или не столь худого. Такъ сдѣшніе студенты во время десяти минутъ между лекціями выходятъ на крыльцо и говорятъ вздоръ.

Я уже кое-что, т. е. чуть-чуть, понимаю погречески; меня бы крайне одолжилъ тотъ благодѣтельный мыслитель, кто прислалъ бы изъ переводовъ Мартынова хотя одного Езопа, которого сталъ бы я читать почти одинъ, т. е.

---

1) Одно слово не разобрано. М. б. «Гирея», подъ которымъ Языковъ могъ разумѣть поэму А. С. Пушкина «Бахчисарайскій Фонтанъ», оконченную поэтомъ въ августѣ 1823 года и напечатанную въ 1824 году; здѣсь могла разумѣться рукописная копія этого произведенія: см. ниже письма отъ 2 марта и 12 апрѣля 1824 года, №№ LXV и LXVIII.

2) Въ *П.* етѣми.

стороною отъ уроковъ съ учителемъ, а ето-то главное. Главная трудность т. е. грамматика, начинаетъ мнѣ покоряться[1]); скоро останется только великая громада словъ, но и ее можно облегчить пріятностію понимать какого-нибудь генія.

Пушкинъ, какъ слышно здѣсь, написалъ еще двѣ или три поэмы; пришли мнѣ ихъ имена, и какъ объ нихъ судятъ хотя его кліенты? Замѣчу вамъ мимоходомъ и на ухо, что я, грѣшный, не понялъ въ отрывкѣ изъ Пушкина, присланномъ мнѣ Погожевымъ[2]), что значитъ стихъ: гдѣ подъ вліяніемъ луны; не можете ли вы какъ-нибудь, проселочною дорогою, узнать, что выражается етою романтико-темною загадкою? Только, пожалуйте, ни гугу, что я ето желаю знать: ибо тогда мои самозванные пѣстуны причислятъ меня къ школѣ старовѣровъ и могутъ лишить своего благорасположенія, которое, какъ ни малозначительно для моихъ стиховъ, но все-таки пусть лучше останется въ своей силѣ.

Вотъ вамъ моя нужда: я замѣчаю, что часто простужаюсь и отъ того кашляю. Ето вещи[3]) пустяшныя и плевыя, но мнѣ бы хотѣлось избавиться отъ етого, а для того прошу потрудиться прислать мнѣ шерстяной платокъ, могущій отъ холода закрывать мою грудь, не закрываемую по нынѣшней модѣ ни жилетомъ, ни сертукомъ.

Книгу стиховъ не посылаю на сей почтѣ за неимѣніемъ (ты, вѣрно, думаешь денегъ) иглы, а M. Borg нѣтъ дома; впрочемъ, три дни ничего не значатъ въ сравненіи съ вѣчнымъ владѣніемъ[4]), въ каковое отдается вамъ сія книга. Ампл[ій] Очкинъ ознаменовалъ меня письмомъ, но я, грѣшный, до сихъ поръ ему не отвѣчаю; увѣрьте его, что ето не въ примѣръ будущему; притомъ же мнѣ хочется написать къ нему посланіе и начать стиховно нашу переписку, какъ того требуетъ мое изрядное къ нему уваженіе и многое тому подобное.

Вы, видно, изрѣдка пописываете въ Симбирскъ: вотъ уже два письма отъ Маминьки сряду, изъ коихъ видно, что ваше молчаніе не вчера родилось, какъ говоритъ пословица.

Прощайте; на слѣдующей почтѣ напишу гораздо больше.

Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* покорятся.
2) Въ *П.* Погожевомъ.
3) Въ *П.* вѣщи.
4) Въ *П.* владеніемъ.

LVIII.

Обоимъ братьямъ.

[Около половины Ноября, 1823, Дерптъ].

Не знаю, на чемъ основываете вы свои обвиненія нижеподписавшагося въ рѣдкости и краткости писемъ; какъ моимъ очамъ кажется, я и теперь пишу, какъ писалъ прежде: довольно часто и по возможности много. Притомъ же мои письма идутъ изъ уединенія студента, а не изъ города, какъ ваши: слѣдственно, имъ очень естественъ недостатокъ и матеріяловъ, и даже сердечныхъ чувствованій, которыя не имѣютъ времени являться на бумагѣ во всемъ пространствѣ, будучи сильно останавливаемы и тѣмъ, и тѣмъ и проч.

Недавно видѣлъ я одного изъ моихъ Петербургскихъ товарищей въ корпусѣ — и сокрушился духомъ о пустотѣ его духа. Ето былъ Бемъ. Мнѣ онъ, право, жалокъ: видно, что ничего не зналъ, что ничего не читаетъ, и даже было бы противу разсудка надѣяться, что будетъ что-либо знать и читать. Онъ теперь служитъ въ которомъ-то морскомъ полку, находящемся[1]) здѣсь; непрестанно жалуется на худое общество офицеровъ, на ихъ необразованность, а между [тѣмъ] отличается отъ нихъ единственно только наружностію неармейскою. Онъ сидѣлъ у меня довольно долго и надоѣлъ мнѣ какъ нельзя больше и какъ въ Дерптѣ мнѣ еще никто не надоѣдалъ. Сверхъ своей пустоты и незначительности во всѣхъ хорошихъ смыслахъ, онъ кажется, пустился въ занятія, даже не одобряемыя и самою снисходительною моралью: напримѣръ, играетъ въ карты, скоро можетъ сдѣлаться пьяницею, ежели будетъ такъ же, какъ теперь, жить безъ присмотру и между людьми, которыхъ образованіе столь низко, что подобно его собственному: ибо, какъ я замѣтилъ, у него нѣтъ ни довольно разсудка и ни малѣйшаго желанія отличаться хоть чѣмъ-нибудь отъ безграмотныхъ и не жить какъ скоты. Етакой посѣтитель могъ бы, конечно, доставить мнѣ много непріятныхъ, т. е. пустыхъ, часовъ, но слава Провидѣнію, обо мнѣ пекущемуся: онъ черезъ два [дня?] выступаетъ отсюда — итакъ, не будетъ болыпе безпокоить ни моихъ занятій, ни мыслей! Самыя тѣлесныя прежнія его достоинства теперь въ худомъ состояніи: лице какъ-то опустилось, обрюзгло и скоро будетъ похоже на Марковское! Онъ безъ умолку лжетъ и хвастаетъ, не умѣя притомъ связать двухъ словъ и вовсе не думая. Вотъ вамъ, мои

---

1) Въ *П.* находящимся.

почтеннѣйшіе, то, что мнѣ явилось здѣсь, гдѣ я вовсе не ожидалъ имѣть случая почувствовать отвращеніе къ худому и даже мерзкому въ моей комнатѣ! Низкая жизнь можетъ умертвить и большія душевныя силы, а надъ Бемомъ она произвела такое пагубное дѣйствіе, что едва ли не всѣ теперешнія мысли головы его должно причислять къ флотиліи Фонъ-Дезина!

Пора кончать переписку объ стихахъ, которые давно обѣщалъ я прислать вамъ, а не посылаю, и прошу позволенія не посылать ихъ, потому что давно уже позналъ истинную незначительность и право ихъ на плаваніе въ Лету. Знаете ли, что̀ я избралъ было для нихъ епиграфомъ въ то время, какъ сообразилъ, что они мнѣ сами нравились нѣкогда и что̀ они дѣйствительно суть? Вотъ онъ: И сотвори Богъ вся гады земли по роду ихъ... и виде Богъ, яко добро (кн. Быт., г. 1., пер. Скор.). Теперь я уже истребилъ ети произведенія сумашествія моей Музы, и меня самого недостойныя, и смѣю надѣяться, что вы, любя и мои дарованія піитическія, и законы вкуса вообще, и меня самого въ особенности, не будете упрекать ближняго въ несдержаніи слова, котораго, какъ видите изъ предъидущаго, я и самъ не далъ бы никому, еслибы не былъ тогда въ заблужденіи. Мнѣ хочется, чтобы до васъ доходили только тѣ изъ моихъ стихотвореній, которыя хотя чѣмъ-нибудь да заслужить могутъ ваше вниманіе, а соръ пусть остается во тьмѣ неизвѣстности: ето сообразно и съ вашимъ обо мнѣ попеченіемъ, и съ моимъ самолюбіемъ авторскимъ.

Объ нашей литературѣ и до меня доходитъ мало свѣденій, а моя собственная теперь вовсе безъ движенія. Говорятъ, что Жуковскій посылается государемъ въ Италію, вмѣстѣ съ живописцемъ, для снятія прекрасныхъ видовъ (етотъ живописецъ — тотъ, которого картинки я послалъ Парашѣ).

За что вы, мои почтеннѣйшіе, такъ нападаете на нашего общого пріятеля Грудева? Въ его письмѣ мнѣ понравилась особенно мысль объ угнетеніи крестьянъ крестьянами же, а что касается до смысла вообще, то, кажется мнѣ, одна капля здраваго разума, особливо въ Грудевѣ, можетъ заставить забыть цѣлой колодецъ безсмыслицы, какъ рѣдкость. У меня нѣтъ переписки съ Погожевымъ, да и не къ чему. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ А. Д. Валуева, изъ Петербурга, гдѣ онъ объявляетъ, что при первомъ пути непремѣнно пріѣдетъ посмотрѣть меня; я отвѣчу ему, что ето не нужно, потому что что̀ мнѣ въ етомъ? Прощайте покуда; на слѣдующей почтѣ будетъ письмо предлинное — замѣна многаго и большая!

Вашъ братъ Н. Языковъ.

LIX.

Матери.

16 Декабря [1823, Дерптъ].

Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, любезная Маминька! Надѣюсь, что вы оный проведете веселѣе проходящаго. Я, какъ кажется, на праздники опять уѣду къ тому помѣщику, у котораго проводилъ прошлого года и ихъ, и Святую Недѣлю; теперь мнѣ не будетъ у него такъ скучно, какъ прежде, когда я понималъ понѣмецки съ пятаго на десятое слово и говорилъ только да да нѣтъ.

Я хотѣлъ сегодня же начать писать къ братьямъ и къ Парашѣ, но лучше подожду ихъ писемъ и, уже посовѣтовавшись съ ними, начну, можетъ быть, переписку и съ Парашей, потому что ето дѣло очень важное и для меня вовсе новое. Видно, братья долго находятся въ дорогѣ, что я до сихъ поръ не имѣю отповѣди о ихъ пріѣздѣ въ Симбирскъ, а по всѣмъ разсчетамъ моимъ они ужъ тамъ.

Братъ Александръ писалъ мнѣ, чтобъ отыскалъ здѣсь для него нѣкоторыя книги: скажите ему, что я уже приступилъ къ дѣлу и, при первой оказіи, послѣ ихъ полученія отправлю къ нему. Понукните его писать ко мнѣ; у меня есть много кой-чего сказать ему, но все ето должно не прежде явиться на письмѣ, какъ по полученіи извѣстія, что онъ на мѣстѣ. Къ статѣ о немъ: ему бы гораздо способнѣе и приличнѣе было преподавать Парашѣ поэзію; онъ болѣе меня, вѣрно болѣе, читалъ объ ней и знаетъ, а мнѣ до сихъ поръ мои язычныя занятія не позволяли дѣльно заняться ею. Впрочемъ, ежели ето необходимо нужно и для вниманія Параши, и для времени Алекс[андра], которой обѣщаетъ заниматься съ нею и другими предметами, то я охотно начну мои письма объ естетикѣ — разумѣется, послѣ того, какъ спишусь съ нимъ по етой части.

На слѣдующей почтѣ пришлю я вамъ мои стихи, недавно написанные: теперь некогда переписать ихъ. У насъ свободное время будетъ отъ 18 Дек. до 15 Января; тутъ я надѣюсь посвятиться стихамъ и буду присылать ихъ вамъ порядочно и подробно. До сихъ поръ я ничего не могъ написать значительнаго, будучи ежедневно занятъ и лекціями въ университетѣ, и частными уроками; праздники-то и хочется мнѣ провести съ Музою; надѣюсь, что она, послѣ своего долготерпѣнія, будетъ очень благосклонна ко мнѣ. Къ статѣ о мнѣ: имѣете ли вы мой портретъ отъ брата Алек[сандра]? Похожъ ли? По крайней мѣрѣ, всѣ говорили, что похожъ.

Что дѣлаетъ теперь Параша? читаетъ ли Вальтера Скотта? Пусть читаетъ: ето самое интересное дѣло. Кажется, его привезли ей съ собою братья. Въ день коронаціи, 12 Декабря, здѣсь передъ университетомъ сдѣлалъ иллюминацію профессоръ химіи Озанъ; студенты кричали ура государю, и все было торжественно. Впрочемъ, самая иллюминація была плохая.

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ покорнѣйшій сынъ Н. Языковъ.

Братьевъ и сестрицъ цѣлую. Послѣ завтра напишу и къ нимъ, ибо надѣюсь завтра получить ихъ письма.

LX.

Обоимъ братьямъ.

18 Декабря [1823, Дерптъ].

Я обѣщалъ вамъ, мои любезные, написать длинное письмо въ замѣну, кажется, болѣе, нежели мѣсячнаго, молчанія — и вотъ оно.

Начну отъ яицъ Адамовыхъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ случилось въ здѣшнемъ мірѣ произшествіе рѣдкое и особенно важное для нашей братьи студентовъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ студенческой Муссѣ (клубъ) былъ большой обѣдъ въ память основанія оной; человѣкъ двѣсти, и по большой части студентовъ, обѣдало въ одной комнатѣ; были нѣкоторые и профессора; пили здоровьевъ десятка два и кричали ура громогласно и торжественно. Первой разъ въ жизни — и съ удовольствіемъ, вовсе для меня новымъ — видѣлъ я ету живую и разнообразную картину, хотя самъ, какъ дѣйствующее лице въ оной, и не былъ уже въ состояніи вѣрно судить о ней. Представь себѣ довольно пространную залу, въ которой за длиннымъ столомъ сидитъ вышеозначенное число пьяныхъ: они всѣ говорятъ всякой свое, никто не слушаетъ и не слушается, звѣнятъ стекломъ, стучатъ ногами въ жару питія здоровій, и наконецъ всѣ языки и всѣ ноги соединяются въ одинъ общій шумъ. Я сидѣлъ на возвышеніи (сдѣланномъ для музыкантовъ) съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей и, слѣдственно, могъ вполнѣ наслаждаться зрѣлищемъ етого единственнаго торжества. Обѣдъ кончился часу въ шестомъ вечера, и все было спокойно; начали уже разходиться. Одинъ студентъ, разумѣется пьяный, отправился домой во рту съ цыгаркою — а ето запрещено; часовой остановилъ его, а оный,

Не стерпѣвъ привѣтствія такова,
Задѣлъ его въ лице, не говоря ни слова.

Ето было недалеко отъ караула на площади. Солдатъ закричалъ, и къ нему на помощь прибѣжала цѣлая команда, человѣкъ двадцать, ежели не болѣе; студента схватили и повели, но етимъ не кончилось: ихъ плѣнный, проводимый возлѣ Муссы, гдѣ еще находилось довольно[е] число его товарищей, закричалъ: Burschen, heraus!, и они всѣ высыпали, караул[ь]ному офицеру дали под...ника[1]), и онъ убѣжалъ во свояси; у солдатъ отняли ружья и, прибивши ихъ, отпустили, а студента отняли (одинъ солдатъ даже ранилъ студента — щастливо, что попалъ вскользь, въ щоку). Полицмейстеръ, который былъ тогда въ Муссѣ, не могши никакъ остановить раздраженныхъ защитниковъ студента и слыша отъ нихъ однѣ ругательства, тотже часъ поскакалъ за ректоромъ; ректоръ явился въ Муссу — и нашелся! Утверждалъ, что онъ никакъ не вѣритъ, что ето были студенты, что точно знаетъ, что дрались мастеровые. Когда онъ говорилъ ето, то выступилъ одинъ изъ присутствующихъ и сказалъ: «какъ не студенты? я самъ билъ солдатъ — а я студентъ!» Ректоръ велѣлъ его вывести въ другую комнату, говоря, что етотъ господинъ не въ своемъ умѣ, потому что пьянъ. Такимъ образомъ все дѣло и кончилось. А могла бы выдти исторія очень важная, потому что прибить часовыхъ не шутка. Такимъ образомъ, благодаря присутствію духа и благоразумію Еверса, здѣшній университетъ спасся на етотъ разъ отъ худой славы буянства, и нѣкоторые студенты отъ строгаго наказанія.

Еще приключеніе. На сихъ дняхъ убитъ одинъ студентъ на дуели. Ето тоже хотѣли было скрыть, но оставшійся въ живыхъ его соперникъ такъ размучился совѣстію, что пришелъ самъ въ совѣтъ университета и объявилъ, что онъ убійца; оный совѣтъ передалъ его на осужденіе уголовному суду, и еще неизвѣстно, что съ нимъ будетъ. Онъ чрезвычайно мраченъ и, говорятъ, близокъ къ сумашествію. Дуель былъ на сабляхъ, но какъ-то случилось, что рана пришлась въ плечо и такъ сильно, что была смертельная. Сначала было распустили слухъ, что онъ упалъ на Каменномъ мосту и вывихнулъ себѣ руку въ плечѣ до такой степени, что умереть долженъ, но послѣ его признанія и совѣтъ университета, при всемъ своемъ желаніи не доводить такихъ приключеній до свѣдѣнія[2]) высшихъ инстанцій, долженъ

1) Три буквы замѣнены нами точками.
2) Въ *П.* сведѣнія, какъ и еще два раза въ этомъ же письмѣ.

былъ донести о семъ по командѣ. Причина етой дуели, какъ и большой части ихъ здѣсь, была та, что одинъ толкнулъ другого на улицѣ — поссорились, подрались и проч. Точно какъ въ Германскихъ универс[итетахъ], рѣдкой день проходитъ здѣсь безъ драки на сабляхъ или пистолетахъ, и рѣдко студентъ не носитъ на лицѣ памятника своего школьническаго героизма. Трудно, можетъ быть даже невозможно истребить етотъ духъ рыцарства въ здѣшнемъ университетѣ, но должно бы, потому что много, очень много времени проходитъ у студентовъ въ приготовленіяхъ къ дуелямъ, въ нихъ самихъ и, наконецъ, въ сужденіяхъ о достоинствѣ того или того подвиговъ по сей части; когда двое дерутся, тогда вѣрно пятдесятъ стоятъ и смотрятъ, а дерутся каждый день; послѣ дуели сражавшіеся мирятся, пьютъ, пьянствуютъ, гуляютъ, и, слѣдственно, во всѣхъ сихъ обстоятельствахъ теряютъ время, ровно ничего не пріобрѣтая, кромѣ имени нетруса между людьми, которыхъ сужденіями не дорожатъ люди, дорожащіе своею пользою.

Вотъ что случилось примѣчательнаго въ политикѣ Дерпта.

Сегодня начинаются наши праздники до 15 Генваря. Въ ето время мнѣ хочется предаться Музѣ, съ коею я такъ давно путемъ не бесѣдовалъ, ибо стихи, посылаемые мною на сей почтѣ, написаны совсѣмъ не для сѣдящей на высотѣ, а только для альбома Дириной. Къ статѣ о моихъ стихахъ. Полно, посылать ли вамъ книгу, о которой такъ много было мною писано? Въ ней, кромѣ студентскихъ пѣсенъ, которыя мнѣ не совѣтуютъ посылать черезъ почту, ничего для васъ новаго быть не можетъ. Впрочемъ, если и то, что можно будетъ безопасно отправить и черезъ казенныя руки, т. е. то, что вы уже знаете, для васъ нужно въ совокупности, то я вышлю мою книгу при первой оказіи послѣ вашего соизволенія.

Благодарю васъ, мои почтенные, за попеченіе о мнѣ и заочно. Третьяго дня получилъ я, видно отъ Буту, цѣлую пару послѣдней моды платья; оно мнѣ не было бы необходимо, не все-таки не лишнее: рядиться никогда не лѣнь, сказалъ справедливо Пушкинъ. Какой франтовской жилетъ! Господи, твоя воля! Бархатной, малиновыя и черныя полосы!

Еще разъ спрашиваю твоего совѣта, Алекс[андръ]: писать ли мнѣ письма къ Пирушѣ хотя бы объ естетикѣ? Ей Богу, я по етой части имѣю еще самыя плохія свѣдѣнія, и все, что могу написать, не иное что быть можетъ, какъ переводъ — и то изъ одного какого-нибудь Шиллера. А ты, мой почтеннѣйшій, кажется, имѣешь большое собраніе книгъ такого рода и, вѣрно, читалъ ихъ — и, слѣдственно, можешь съ большею увѣренностію въ пользѣ твоихъ преподаваній приступить къ дѣлу, въ которомъ я теперь могу выказать только свое безсиліе! Сверхъ того, во мнѣ теперь созрѣла охота осо-

бенно заняться драмматургіею: буду читать больше по етой части, чтобы имѣть истинное, возможно совершенное понятіе о такомъ родѣ поэзіи, которому мнѣ хотѣлось бы посвятить мой талантъ. При первой возможности буду читать Софокла, и надѣюсь имѣть оную хотя къ великому посту будущого 1824 года. Напиши мнѣ свои мысли о томъ и другомъ.

Вотъ что намѣренъ я слушать въ будущій семестръ:

1. У Перевощикова продолженіе Исторіи Русской Литтературы.

2. У Паррота продолженіе Физики.

3. У Morgenstern Römische Alterthümer; ето должно быть очень любопытно и мнѣ особенно полезно.

4. У Еверса a) Geschichte des Mittelalters и b) Uebersicht des gegenwärtigen Zustandes aller Europäischen Staaten.

5. У Ledebour Botanik nach de Candolle's und Sprengel's — вотъ каково, Петръ! И я не вовсе чуждаюсь твоей части и хочу имѣть понятіе о растеніяхъ, чтобы нѣкогда задавать то же передъ[1]) Петромъ!

6. У Франка Горація объясненіе.

Вы замѣтите, что въ выборѣ моихъ слушаній царствуетъ самая піитическая свобода и большое попеченіе о поэзіи, господѣ-богѣ моемъ. Такъ и быть должно съ человѣкомъ, котораго всѣ желанія, основанныя на надеждахъ, обращаются около Парнасса! Не правда ли, мои мыслители?

Я еще, кажется, не писалъ къ Вамъ, что теперь гоститъ у моей хозяйки[2]) ея сестра, дѣвица очень прекрасной наружности (благодарю за пряжку!); съ ней у меня большая практика въ разговорномъ языкѣ Нѣмецкомъ, и я очень радъ такому удобному случаю по части, объ которой еще мало и знаю, и еще того менѣе говорилъ по Нѣмецки. Вышеозначенная особа лѣтъ 17, и я могу сказать теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ латинскую пословицу: docendo docemur — уча учимся! Вы меня поймете, мои почтенные! Жаль, впрочемъ, что мое разговорное удовольствіе должно скоро кончиться, ибо въ началѣ будущаго мѣсяца она отбываетъ. Не критикуйте строго стиховъ, при семъ письмѣ прилагаемыхъ: они имѣютъ нѣкоторую цѣну по мѣсту, для котораго писаны, т. е. въ альбомѣ Д.; они же мой первый опытъ въ пятистопныхъ ямбахъ — въ размѣрѣ, употребляемомъ нѣмецкими трагиками и, какъ слышно, самомъ способнѣйшемъ для трагедіи; въ немъ то и хочется мнѣ натарѣть. Ето отрывокъ изъ цѣлаго, нигдѣ не существующаго и существовать не имѣющаго, — но что дѣлать? Нужно

1) Въ *П.* задавать передъ то же.

2) Въ *П.* хозяйкѣ.

было проселочной дорогой сказать то, что еще и стыдно, и непозволительно говорить прямо. Ети стихи понравились очень сильно особѣ, для которой писаны — слѣдственно, достигли своей цѣли, и довольно!

У моего кухаря нѣтъ рубашекъ; какъ поступить мнѣ въ етомъ случаѣ — здѣсь ли купить (послѣ) или вы пришлете? Кажется, лучше первое. Благодарю же за бѣлье, мнѣ присланное, и за конфекты. Книги для тебя, Алекс[андръ], отыскиваются, и есть надежда, что доставятся въ скоромъ времени. Будь спокоенъ по сей части: твои порученія для меня священны— и какъ долгъ истиннаго моего почтенія къ тебѣ, и какъ долгъ просто.

Я обѣщалъ вамъ сообщать все, даже шалости моей Музы. Вотъ стихи Къ халату:

Какъ я люблю тебя, халатъ!
Одежда праздности и лѣни,
Товарищъ тайныхъ наслажденій
И поэтическихъ отрадъ!
Пускай служителямъ Арея
Мила ихъ тѣсная ливрея;
Я воленъ тѣломъ, какъ душой.
Отъ вѣка нашего заразы,
Отъ жизни бранной и пустой
Я изцѣленъ — и миръ со мной!
Царей проказы и приказы
Не портятъ юности моей —
И дни мои, какъ я въ халатѣ,
Стократъ плѣнительнѣе дней
Царя, живущаго не къ статѣ.

* * *

Ночнаго неба президентъ,
Луна сіяетъ золотая;
Уснула суетность мірская—
Не дремлетъ мыслящій студентъ:
Окутанъ авторскимъ халатомъ,
Презрѣвъ слѣпаго свѣта шумъ,
Смѣется онъ, въ восторгѣ думъ,
Надъ современнымъ Геростратомъ;
Ему не видятся въ мечтахъ
Кинжалы Занда и Лувеля,

И наша слава-пустомеля[1])
Душѣ возвышенной — не страхъ.
Простой чубукъ въ его устахъ;
Предъ нимъ, уныло догорая,
Стоитъ свѣча невосковая;
Небрежно, гордо онъ сидитъ
Съ мечтами Генія живова —
И терпѣливаго портнова
За свой халатъ благодаритъ!

Если есть въ Симбирскѣ Благонамѣренный, то вы найдете въ немъ мои Пѣсни Баяна; онѣ плохи, напечатаны безъ моего согласія и инкогнито; но вы примите ихъ къ свѣдѣнію. Стихи посылаются особымъ письмомъ для уменьшенія и безъ того великой толстоты письма сего. Какъ то они вамъ покажутся — дайте голосъ!

Итакъ, вотъ вамъ огромное начало новой переписки! Надѣюсь, что ты, Алек[сандръ], не отстанешь отъ прежняго правила соотвѣтственно писать ко мнѣ. Да и Петръ, кажется, обѣщалъ изъ Симбирска быть поаккуратнѣе въ письмахъ — а теперь онъ въ Симбирскѣ: ну же, ну, Петръ! Напиши мнѣ о твоихъ планахъ и надеждахъ по части жизни: я до сихъ поръ еще ничего не знаю, какъ ты будешь, что будешь и гдѣ постоянно будешь. Прощайте; пишите же! Буду ждать вашего письма для продолженія моихъ.

Гдѣ Грибъ? Кланяйтесь ему, если близко.

1823. Декабря 18[2]).

---

1) Въ *П.* пустомѣля.

2) Это письмо лишено подписи — очевидно, по забывчивости автора; подобно другимъ, оно сплошь писано рукою Н. М. Языкова.

1824.

LXI.

А. М. Языкову.

1824, Января 15. [Дерптъ].

Ты на меня сильно сердишься, любезный Алекс[андръ], за однообразіе, какъ ты говоришь, 5 моихъ писемъ; надѣюсь, что теперь ето воспламененное состояніе твоего духа усмирилось по полученіи огромнаго письма моего, моихъ стиховъ и еще длиннаго письма. А ты самъ (подумай, вспомни хорошенько!) много ли писалъ ко мнѣ по пріѣздѣ въ Симбирскъ? Мое же молчаніе и однообразіе произойти могли единственно отъ незнанія, пріѣхалъ ли ты, выѣхалъ ли и проч.

Я предполагалъ, что напишу много стиховъ во время праздниковъ, но не такъ вышло; моя муза вовсе почти безмолствовала, и етому есть своя причина, о которой пространнѣе напишу на слѣдующей почтѣ: теперь некогда. Вспомни латинскую пословицу: homo sum, humani nihil a me alienum puto. Впрочемъ, не предполагай ничего худаго на мой щетъ: по чемъ знаешь, чего не знаешь — говаривалъ Лукинъ.

Скоро будутъ продавать аукціонно книги одного профессора; много хорошихъ—и я буду очень радъ, если получу къ тому времени деньги, которыя у меня истощились и уже въ малѣ по причинѣ, о которой написать хочу, какъ выше сказано, подробнѣе на будущей почтѣ, потому что надѣюсь тогда быть болѣе въ духѣ для откровенности. Впередъ для будущаго и настоящаго письма моего посылаю тебѣ пословицу: всякой Еремей про себя разумѣй!

Съ Погожевымъ у меня давно прекратилась переписка — и я не жалѣю: ему ко мнѣ писать нечего, мнѣ тоже, комплименты да комплименты— скука да скука. Съ Княжевичемъ у меня идетъ переписка. Съ Очкинымъ тоже: онъ, кажется, займетъ мѣсто Никитина въ Г[орномъ] Корпусѣ и въ

пансіонѣ Г. Зонъ мѣсто Клокова; хвала ему и слава: вѣрно ужъ не будетъ хуже перваго! Въ литературѣ онъ, кажется, оплошалъ теперь. И я давно уже не видалъ его пьесъ въ Благонамѣренномъ, кромѣ Ватравіомахіи—его и Федорова объ театрѣ. Заведи съ нимъ переписку: его письма мнѣ доставляютъ удовольствіе; онъ, право, доброй малой und hat Kopf — не такъ ли?

Благодарю тебя еще разъ и за фракъ, и за пряжку, и конфекты, ежели уже не благодарилъ. Езоповы басни я получилъ давно и едва ли тоже не извѣщалъ тебя благодарно объ етомъ. Я намѣренъ купить всѣ переводы съ греч[ескаго] Мартынова: они, какъ кажется, очень близки къ подлинникамъ и, слѣдственно, могутъ быть мнѣ очень полезны. Державинъ съ примѣчаніями и неимѣніе оного до сихъ поръ у меня подстрѣкаютъ мое желаніе подписаться при возможности.

Хорошо, если Зубовъ прибудетъ въ Симбирскъ. Дай Богъ тебѣ туда же еще Лукина: въ такомъ случаѣ ты будешь проводить много веселыхъ часовъ въ сообществѣ етихъ почтенныхъ людей и мужей. Ты все-таки мнѣ ничего почти не пишешь о намѣреніяхъ и надеждахъ для жизни брата Петра: сдѣлай милость, распространись объ етомъ предметѣ, столь для меня важномъ и давно занимающемъ[1]) мое любопытство.

Ты хорошо сдѣлаешь, ежели выпишешь себѣ книги отъ Грефа; здѣсь трудно, потому что въ лавкахъ не можно найти ученыхъ книгъ—больше романы: такъ, я долженъ выписать изъ Пет[ербурга] Исторію Ср[еднихъ] Вѣк[овъ] Рюса и Статистику Гасселя. Еверсъ по нимъ читаетъ, а ихъ все-таки никогда нѣтъ въ лавкахъ.

Прощай до слѣдующаго письма, которое уже не будетъ имѣть достоинства таинственности.

Твой братъ Н. Языковъ.

Петру поклонъ и почтеніе: не написать ли ему ко мнѣ?

LXII.

А. М. Языкову.

3 Февраля, 1824 [Дерптъ].

Письмо, которое ты получилъ теперь, раздѣляется на двѣ части: первую можно читать всѣмъ, желающимъ знать статистику моего духа; вторая же такой важности, что прошу не читать ея въ такомъ мѣстѣ, гдѣ

---

1) Въ *П.* занимающимъ.

бы кто-нибудь, кромѣ моихъ родныхъ братьевъ, могъ замѣтить остроумно: хотя впрочемъ однакожъ! Итакъ, держи ухо востро!

Ты меня сильно заинтересовалъ, любезный Алекс[андръ], началомъ твоего письма: тысяча предположеній и догадокъ родилось въ головѣ моей, и признаюсь, что нѣкоторая часть ихъ вертится около храма Гименеева. Въ прошлыхъ двухъ письмахъ и я отплачивалъ тебѣ тою же монетою, еще не зная, что получу отъ тебя такую же фантасмогорію. Но смотри 2-ю часть.

Вы напрасно ужасаетесь при чтеніи описанія моего студентскихъ приключеній: онѣ на меня не имѣютъ почти никакого вліянія. Мнѣ при началѣ моего вступленія въ университетъ было гораздо труднѣе самостоятельствовать, чѣмъ теперь: тогда нужно было наблюсть большую политику, не удаляться и не очень приближаться къ студентамъ; теперь же они меня любятъ, но узнали, что мнѣ не такъ то нравятся ихъ пьяныя забавы и проч. Говорятъ, что у меня характеръ слишкомъ тихъ для участвованія[1]) въ полной мѣрѣ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Короче, я умѣлъ (и ето вещь важная) поставить ихъ отъ меня въ почтительномъ отдаленіи. При семъ помогла мнѣ нѣсколько и молва о моихъ поэтическихъ талантахъ: такъ, напримѣръ, часто то, за что съ другимъ была бы дуель, мнѣ извиняется какъ поэту, съ которымъ званіемъ, они думаютъ, сопряжены обыкновенно нѣкоторыя странности. Итакъ, они приписываютъ часто особенному характеру моего характера (sic) то, что иногда дѣлается по разсужденію. Не знаю, возможно ли истребить вовсе етотъ духъ дуелизма, но вижу, что ето трудно, и думаю, что онъ продолжится до нельзя. Правда, что такія исторіи могутъ имѣть худыя послѣдствія на устройство университета вообще, но видно, что дѣлать нечего покуда. Впрочемъ, здѣшніе старожилы говорятъ, что теперь еще слава Богу, и то ли было прежде!

Воейкова теперь въ Петерб[ургѣ] и, какъ слышно, долго не возвратится въ Дерптъ. Здѣсь прилагается еще записочка Воейкова, присланная мнѣ съ полнымъ собраніемъ всѣхъ Прибавленій къ Инвалиду. Не прислать [ли] его вамъ съ тѣхъ поръ, какъ у васъ онъ есть? Напишите, сколько вы его имѣете, и я пришлю съ радостію. Говорятъ, что меня расхвалилъ до небесъ Булгаринъ въ своихъ литтературныхъ листкахъ; жаль, что я еще не видалъ ихъ, а то бы сдѣлалъ для васъ выписку. Измайловъ мнѣ уже началъ присылать Благонамѣренный; онъ пустъ какъ безвоздушное пространство[2]); за то, какъ говоритъ Очкинъ, сколько бумаги для подтирки!

---

1) Въ *П.* учавствованія.
2) Въ *П.* прострастно.

Ты напрасно спрашиваешь отъ меня извѣстій о нашей литературѣ: я объ ней почти ничего новаго не знаю; прислалъ бы Пирушѣ Полярную Звѣзду — но, вѣрно, она уже есть у васъ. Я едва ли не подпишусь при возможности и на Мнемозину, что въ Москвѣ издаетъ съ кѣмъ то Кюхельбекеръ.

Слышно, что у Булгарина откроется война съ Вяземскимъ: ибо послѣдній (каналья!) въ біографіи Дмитріева предпочитаетъ его Крылову; ето безбожно и безвкусно, какъ мнѣ кажется, и можетъ быть сказано только однимъ Вяземскимъ, который Дмитріеву или кумъ или сватъ. Крыловъ, какъ тоже слышно, написалъ нѣсколько новыхъ басенъ и отдалъ ихъ въ Соревнователь — имѣй ето въ виду. Здѣсь носится слухъ, будто нашимъ куратором будетъ Великой князь Михаилъ: едва ли ето не шутка, впрочемъ — въ нашемъ вѣкѣ дѣло возможное!

Прощай покуда.

Твой братъ Н. Языковъ.

Сегодня я пишу не столько, сколько могъ бы и желалъ, да у меня такая большая переписка, что Господи упаси: съ Очк[инымъ], съ Княж[евичемъ], съ Грудевымъ — кромѣ васъ, мои почтенные!

LXIII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

1824, Февраля 19 [Дерптъ].

Я виноватъ передъ тобой во всемъ смыслѣ слова: давно, очень давно обѣщался писать къ тебѣ — и дождался, наконецъ, что ты сама начала со мною переписку. Извини, сдѣлай милость на етотъ разъ только, мою оплошность; надѣюсь, что впередъ не буду имѣть нужды въ твоемъ извиненіи, т. е. все дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ. Увѣряю тебя, что не желаніе не писать къ тебѣ столь долго замедлило [1]) мое письмо — нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, а у людей нашего десятка существуетъ съ начала до конца привычка все отлагать до будущаго и ничего не дѣлать въ настоящемъ; я еще не вовсе свободенъ отъ етой, иногда, даже рѣдко небезполезной, но часто, и почти всегда не туда, куда слѣдуетъ, ведущей привычки.

«Лучше поздно, нежели никогда», говорятъ старые люди, а молодые не должны имъ не вѣрить въ етомъ случаѣ: итакъ, начнемъ хоть теперь съ Божьею помощію переписку. Смотри, не отставай въ отвѣтахъ на мои

1) Въ *П.* замѣдлило.

письма, а я... мнѣ стоитъ только начать — а тамъ пошла писать! Спроси у братьевъ, каковъ неутомимъ я на полѣ перьевъ!

Во-первыхъ, прошу тебя, не пиши, говоря со мною, Вы: ето слово годится только между людьми, не знающими другъ друга, которые, чтобъ не обидѣть одно лице, ихъ слушающее, хотятъ увеличить его, такъ сказать, и употребляютъ изъ осторожности число множественное. Вы — ето какъ-то слишкомъ модно, слишкомъ вѣжливо, не кстатѣ, непріятно, странно между, напримѣръ, тобою и мною, гдѣ не должно быть комплиментовъ и принужденности, гдѣ должно писаться только то, [что] чувствуется, просто и открыто, слѣдственно — безъ увеличенія какъ предметовъ письма, такъ и лица, къ которому оное адресуется. Притомъ же, сама посуди, къ чему ведутъ всѣ ети Вы въ разговорахъ людей ближнихъ и родныхъ: одна vanitas vanitatum (суета суетъ), а вреда отъ нихъ много; мысли дѣлаются принужденнѣе, слова длиннѣе (ето ясно; ты — видъ очень простой, а Вы что-то крючковатое), выраженія чопорнѣе и все вообще какъ-то вяло и не въ надлежащемъ видѣ. Итакъ, ты не пиши ко мнѣ Вы — ей Богу, выдетъ лучше! Я самъ ето испыталъ во многомъ и со многими. Тебѣ же вовсе нечего сказать противъ етой страницы: она права и ясна, какъ свѣтъ Божій.

Я очень радъ, что ты занимаешься и читаешь; прочти и выучи наизусть слѣдующіе стихи, чтобы хоть еще годъ или два ихъ помнить и по нимъ поступать:

Travailler est le los et l'honneur d'un mortel.
Le repos est, dit-on, le partage du ciel.
Je n'en crois rien du tout: quel bien imaginaire
D'être les bras croisés pendant l'éternité?
Est ce dans le néant qu'est la félicité?
Dieu serait malheureux s'il n'avait rien à faire;
Il est d'autant plus Dieu qu'il est plus agissant.

Ето — истина, и не вѣрить ей можетъ тотъ, кто не чувствуетъ различія между собою и господами четвероногими. Трудъ.....[1]) для тебя лучше; занятіе есть уже наслажденіе, даже безъ мысли о будущемъ. А что бываетъ плодомъ его — золото, чистое золото! Напримѣръ и особливо въ Симбирскѣ: говоришь — и всѣ слушаютъ тебя, потому что не могутъ говорить того же, спрашиваешь — и тебѣ не отвѣчаютъ, и ты самъ отвѣчаешь: удо-

1) Одно слово не разобрано.

вольствіе двойное и нерѣдкое только въ странахъ, гдѣ образованіе рѣдкость. Въ нашъ вѣкъ пора Русскимъ хотя начинать думать больше о головѣ, нежели о головныхъ уборахъ, больше о душѣ своей, нежели о душахъ и духахъ, короче — пора думать. Спроси братьевъ, ежели мнѣ не вѣришь: они сами того же мнѣнія и могутъ служить примѣромъ благодѣтельного дѣйствія электрической силы просвѣщенія. Особливо у насъ на Руси должно учиться, потому что польза наукъ распространяется какъ выхухоль и также долговѣчна и потому что безъ ученія человѣкъ и въ нашей сторонѣ скоро будетъ очевиденъ, какъ бѣльмо [1]) въ глазу.

Ты, вѣрно, уже получила мой маленькой подарокъ; извини, что картинокъ такъ мало; впрочемъ, онѣ, какъ многимъ кажется, не вовсе дурны. Книжка совсѣмъ незавидная и приложена единственно для большого покоя первыхъ во время долгаго странствованія. Не испортились ли онѣ? Прощай, цѣлую тебя. Пиши же: уговоръ лучше денегъ.

Твой братъ Н. Языковъ.

Мои поклоны и почтенія всѣмъ роднымъ.

LXIV.

А. М. Языкову.

1824, Февраля 19 [Дерптъ].

На прошлой почтѣ не вполнѣ отвѣтилъ я на письмо твое, любезный Алекс[андръ]; извини и теперешнее небольшое замедленіе [2]) письма моего: ты, вѣрно, самъ знаешь изъ моей съ тобою корреспонденціи, что для письма нужны не одни чернила, бумага, перо и деньги — нужно еще хорошее расположеніе духа, безъ котораго особенно въ немъ не можетъ быть ни живости, ни того и прочаго.

Молю Господа Бога, Спасителя, Пречистую Дѣву Марію и всѣхъ угодниковъ Божіихъ, чтобы амурное дѣло Петра рѣшилось въ нашу пользу; мнѣ, которой силится познакомиться съ древними классиками и породниться [3]) съ древнею Музою, будетъ пріятно и сладостно причислить себя въ родню особѣ классической. Видно, Петръ ist geschmack-voll; такой выборъ дѣлаетъ великую честь его естетической способности и вообще его Я, а соот-

1) Въ *П.* бельмо.
2) Въ *П.* замѣдленіе.
3) Въ *П.* познакомится, породнится.

вѣтственность вопросной особы сдѣлаетъ тоже самое и намъ грѣшнымъ. Ежели еще дѣло не прошло всѣ любовныя инстанціи, то напомни Петру (хотя для шутки) стихъ мой «женитьба, милой мой, не шутка» и прибавь:

Drum prüfe, wer sich ewig bindet,
Ob sie das Herz zum Herzen findet!
Der Wahn ist kurz, die Reu ist lang.

Что касается до меня по части сердечныхъ чувствованій, то вотъ что я самъ въ себѣ замѣтилъ: въ то время, когда здѣсь нѣтъ Воейковой, я охотно посѣщаю Д[ирину], пишу даже ей стихи и вообще чувствую что-то ни на что не похожее; но Воейкова пріѣзжаетъ сюда всякой разъ для меня торжественно; при ней все прежнее исчезаетъ во мнѣ, какъ снѣгъ передъ лицемъ солнца, и я дѣлаюсь частымъ ея зрителемъ и посѣтителемъ. Мнѣ кажется, что ети[1]) два обстоятельства доказываютъ только то, что раздражительность моихъ чувствованій ничего не доказываетъ, и что я могу сравнить себя съ мыслителемъ, которой довольствуется и тѣмъ, что имѣетъ, но не пропускаетъ случая пользоваться и лучшимъ, когда выбирать можетъ. Вчера былъ я у В[оейковой], и она взяла съ меня обѣщаніе кончить моего Баяна къ 17 Маію; я увѣренъ, что употреблю все стараніе исполнить требованіе особы во всѣхъ смыслахъ прекрасной. Не знаю, успѣю ли въ етомъ, но ты самъ согласишься, что существуютъ такія уста и такая очаровательность взгляда, которымъ ни въ чемъ настоящемъ и будущемъ отказать невозможно. Довольно: ета матерія повела бы меня далеко и, можетъ быть, такою же странною дорогою, какъ огненный столпъ народъ Израильскій.

Мои занятія идутъ хорошо; черезъ недѣлю начну читать Гомера — и скажу тебѣ, что нового почувствую во время етаго наслажденія. Къ статѣ замѣтить: мнѣ жаль, что я имѣю очень мало времени для знакомства съ Нѣмецкою литературою; представь себѣ: отъ 8 утра до 1 ч. въ университетѣ, отъ 3 до 4 урокъ Латинск. или Нѣмецк. (не чтеніе, а письмо на Нѣмецкомъ), отъ 4 до 5 опять въ универс[итетѣ], отъ 5 до 6 Греческой (четыре раза въ недѣлю); итакъ, мнѣ почти каждой день должно приготовляться къ двумъ урокамъ — вечеромъ къ одному, а утромъ къ другому: когда же читать много? когда же думать о томъ, что читаемъ? И наконецъ (ето вамъ покажется маловажнымъ, но у меня идетъ за главное) когда писать стихи, безъ которыхъ—что я такое? и для которыхъ, какъ ни говори, а я самъ чувствую,

1) Въ *П.* етѣ.

непремѣнно нуженъ большой навыкъ — не то они будутъ и не плавны, и трудноплавки?

Воейкова привезла сюда извѣстіе, что X и XI томы Исторіи Карамзина скоро выдутъ (я уже подписался), что сочиненія Жуковскаго, новое изданіе, тоже почти готовы; ты хорошо поступишь, если выпишешь послѣднія для Параши, а о первыхъ и говорить нечего: они для всякого и любопытны, и нужны — слѣдственно и проч.

Ты, вѣрно, видѣлъ въ Нов[остяхъ] Литтер[атуры] на нынѣшній уже годъ мои элегіи; онѣ писаны были во время худшаго состоянія моей ненужной болѣзни — слѣдственно и проч.

Прощай покуда.

Твой братъ Н. Языковъ.

Съ Погожевымъ у меня царствуетъ молчаніе — и, я думаю, вовсе не краснорѣчивое. Въ концѣ прошлаго года онъ писалъ, что явится въ свѣтѣ въ Полярной Звѣздѣ, да, видно, ни тутъ то было.

LXV.

Обоимъ братьямъ.

2 Марта, 1824. Дерптъ.

Ты сильно негодуешь, любезный Алекс[андръ], и на нечастость, и на незанимательность моихъ писемъ; ты даже говоришь, что намъ писать не объ чемъ. Твоя святая воля — а не вижу, даже въ твоихъ письмахъ (ибо ты то особенно и часто жалуешься на недостатокъ матеріяловъ), послѣдняго предположенія, вѣроятно единственно моимъ грѣшнымъ упрекомъ противъ твоей (я виноватъ: ошибся) несоотвѣтственности произведенного! [1]). Что я пишу не часто — ето дѣло возможное, потому что мало имѣю времени писать много; а что мои письма незанимательны — дѣло не новое: не такъ ли? И ты, вѣрно, всегда то же думалъ и прежде, ихъ читая, да только теперь изъяснился открыто о томъ, что скрывалъ доселѣ, видя, сколь старался я хотя многочисленностію замѣнять истинную пустоту содержанія моихъ писемъ. Итакъ, прости и прошлой, и, можетъ быть, настоящій, и будущій

1) Этой нѣсколько запутанной фразой Языковъ хочетъ, повидимому, сказать, что по крайней мѣрѣ въ письмахъ Александра Михайловича онъ не видитъ доказательствъ того, что имъ писать другъ другу нечего, и объясняетъ это замѣчаніе брата лишь тѣмъ, что несправедливо упрекалъ его въ недостаточной аккуратности и усердіи его отвѣтовъ на свои (т. е. Н. М.) письма.

недостатокъ не пера, а духа моего, — и будемъ писать какъ прежде, какъ можемъ, не укоряя другъ друга въ томъ, что дѣлать — не наше дѣло — и не требуя невозможнаго. Лучше какая-нибудь погода, нежели никакой. И да будутъ епиграфомъ нашей будущей (ежели ты не вовсе хочешь ее развялить и изсушить) переписки ети стихи Вяземскаго:

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ
Иль безпорядкомъ — все равно!

Я читалъ въ спискѣ весь Бахчисарайскій Фонтанъ Пушкина: ета поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ; есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ то вялы, невыразительны и даже не такъ гладки, какъ въ прочихъ его стихотвореніяхъ. Что-то каковъ будетъ его романъ въ стихахъ Евгеній Онегинъ? Его тоже, какъ и Бахчис[арайскій] Фонтанъ, впередъ разхваливаютъ: чтобы также не обмануться! Читалъ ли ты новую басню Крылова Кошка и соловей? Прелесть: видно, что его воображеніе не охладѣло отъ лѣтъ, не такъ какъ у Дмитріева (знаешь ли, что коротенкія басенки въ листкахъ Воейкова и въ Полярной Звѣздѣ, подъ коими подпечатываются три звѣздочки, принадлежатъ Ивану Ивановичу?). Ты писалъ мнѣ, что тебѣ кажется нынѣшняя Полярная Звѣзда хуже прошлогодней, — да и въ той что же было слишкомъ хорошаго? Естьли у тебя съ собой Шиллеръ, то сравнивалъ ли ты переводъ Жуковского изъ 4 дѣйствія Орлеанской Дѣвы? Русскіе стихи прекрасны, сильны и живы, но все не то, что Шиллеровскіе, въ которыхъ видно гораздо болѣе вдохновенія и поэзіи высочайшей, напримѣръ въ концѣ етого монолога. Стихотворенія Жуковского, говорятъ, скоро явятся; говорятъ, въ нихъ будетъ много новаго, вѣрно тоже переводнаго; Ивановъ вечеръ напечатанъ подъ именемъ Дунканова. Пишетъ Княжевичъ, что теперь цензура сдѣлалась еще глупѣе и строже прежняго; вотъ примѣръ: для Литтерат[урныхъ] Прибавленій переведена была повѣсть изъ Голдшмита, въ которой только что упоминалось объ какихъ-то актерахъ, худо игравшихъ; етой повѣсти не пропустили, потому что запрещено писать о театрахъ въ Петербургѣ. Вотъ каково, мой почтеннѣйшій! Что дѣлать нашей братьѣ авторамъ? Молчать или говорить вяло и пусто. Какъ кстатѣ здѣсь примѣнить можно прекрасную басню Крылова «Кошка и соловей»: подлинно сказать —

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Дай Богъ тебѣ благаго успѣха въ твоемъ благомъ намѣреніи, почтенный или, скажу лучше, достопочтеннѣйшій Петръ! Я отъ души радъ буду быть твоимъ трубадуромъ: мнѣ не въ диковинку писать для прекраснаго пола; здѣсь я писалъ, напримѣръ, для Воейковой, и тогда мои стихи были живы и сильны, что́, надѣюсь, судя по предмету будущихъ стиховъ для тебя, будетъ имѣть мѣсто и въ твоемъ случаѣ. Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для другихъ красавицъ, но онѣ рѣдко меня понимаютъ или совсѣмъ меня не понимаютъ и всегда хвалятъ, между тѣмъ какъ я чувствую, что онѣ не чувствуютъ — и тогда я не трубадуръ, а труба-дуръ! Перевощиковъ ко мнѣ чувствуетъ особенное благоволеніе послѣ прочтенія моего отрывка изъ Баяна: даже на лекціяхъ не начинаетъ говорить, покуда я не приду; даже въ глаза говоритъ мнѣ, что я имѣю истинный талантъ, совѣтуетъ написать поэму или трагедію — и теперь же; ето очень много отъ человѣка самого сухого темперамента, скромного, осторожного въ словахъ и вообще отъ Перевощикова.

Но, мои почтеннѣйшіе, я чувствую, что мнѣ рано приниматься за трудъ славной. У меня есть въ головѣ планъ для небольшой или, можетъ быть, большой поэмы: ето именно — Баянъ; начало вы читали; за нимъ должно слѣдовать сраженіе: герой поэмы — пѣвецъ и воинъ — остался раненый на полѣ битвы; его берутъ въ плѣнъ, везутъ въ Византію; онъ служитъ въ греческомъ войскѣ Императору, сражается въ Сициліи, въ Италіи и возвращается послѣ, вѣнчанный славою, въ Кіевъ, гдѣ находитъ свою любезную измѣнницею, онъ бросается въ Днѣпръ — и конецъ! Можетъ быть, етотъ планъ покажется вамъ слишкомъ простымъ или слишкомъ романтическимъ, но мнѣ хотѣлось бы описать нравы тогдашнихъ Грековъ, Сициліи и проч.; ето прекрасный предметъ для хорошей Музы, но для етаго надобно бы прочесть цѣлого Лебо и Гиббона, что могъ бы я здѣлать во время прошедшихъ праздниковъ Рождества, но болѣзнь, государи мои, отняла у меня надолго ето удовольствіе. Итакъ, буду ждать новаго свободного времени, и не знаю — докуда! Теперь же могу написать только одно сраженіе и, кажется, напишу, ибо етого желаетъ существо, рѣдкое въ Дерптѣ и природѣ — Воейкова. Между тѣмъ жду съ нетерпѣніемъ X и XI томовъ Карамзина: въ нихъ то, судя по IX, долженъ явиться[1]) онъ въ полномъ блескѣ: одинъ Годуновъ есть уже предметъ, достойный пера краснорѣчивѣйшаго, а самъ Перевощиковъ говоритъ, что краснорѣчіе есть свойство Карамзина. Что мнѣ за дѣло до ошибокъ противъ лѣтописей: я могу возхищаться его слогомъ,

1) Въ *П.* явится.

его картинами — и для поэта довольно! Къ статѣ, мнѣ вовсе не нравится разборъ Ист[оріи] Гос[ударства] Рос[сійскаго] Лелевеля: онъ, ей Богу, не стоитъ по силѣ, по остроумію писемъ Кіевского жителя Каченовского; притомъ же, тонъ Лелевеля слишкомъ самоувѣренъ и учительской. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ здѣшній профессоръ Перевощиковъ и нѣкоторые другіе, напр. Еверсъ. Въ етихъ двухъ томахъ — богатой источникъ для драмматической поэзіи. Едва ли не можно изъ Годунова сдѣлать трагедію, подобную Валленштейну Шиллерову. О, Господи! какъ бы мнѣ поскорѣе кончить изученіе греческого и латинского языковъ, прочесть Шекспира, Кальдерона и Гете и еще разъ Шиллера! «Ich will kein Dichter seyn, wenn ich kein grosser Dichter werden kann», сказалъ. ....[1]) — и я съ гордостію говорю то же. Или все — или ничего, мои почтеннѣйшіе! Въ поэзіи всего несноснѣе посредственность; веселѣе читать Хвостова — тогда по крайнѣй мѣрѣ смѣешься — но читать какого-нибудь Плетнева, Туманского и многихъ другихъ — ето скучно какъ нельзя больше: что называется ни молока, ни шерсти — ни большого ума, ни большой глупости!

Очень радъ, что Лукинъ, вѣрно, заѣдетъ[2]) меня посмотрѣть: отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ! Впрочемъ, мнѣ странно, почему его перевели въ Рижской округъ — вѣрно, противъ воли. Я опишу вамъ наше свиданіе въ подробности; Лукинъ для насъ вообще интересная персона; вы же, такъ какъ я, давнымъ давно его не видали. Нѣтъ ли слуховъ о Зубовѣ? иль тетеревъ его до смерти заклевалъ? Погожевъ не пристаетъ ко мнѣ больше письмами. Вышелъ переводъ Пустынника Даленкурова; кажется, Погожевъ въ немъ участвовалъ, а его бранятъ въ С. О. и въ хвостъ и въ голову, т. е. и переводчиковъ, и автора. На прошлой недѣлѣ уѣхалъ отсюда мой пріятель Киселевъ; онъ кандидатъ, т. е. 10 класса, по новой привиллегіи здѣшняго университета. Онъ будетъ разпространять мою славу въ старопрестольномъ бѣлокаменномъ градѣ, гдѣ она еще, конечно, будетъ новинка.

Вотъ вамъ письмо довольно длинное, по крайней мѣрѣ да не упрекаете меня въ лѣности, а ежели оно незанимательно и доказываетъ, что мнѣ писать нечего, не я виноватъ. Дѣлаю, что могу.

Прощайте до слѣдующаго письма вашего.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

---

1) Одно слово не разобрано.
2) Въ *П.* заѣдитъ.

У меня есть довольно важной матеріялъ для слѣдующаго письма: нѣчто о мнѣ самомъ по части мѣстоположенія моего. Теперь некогда распространиться, пора на почту.

Маминькѣ и сестрамъ мои почтенія. Парашу благодарю еще разъ за письмо; я уже отвѣчалъ ей и жду ея отвѣта для нового моего отвѣта!

LXVI.

Обоимъ братьямъ.

23 Марта [1824, Дерптъ].

На прошлой почтѣ я обѣщалъ вамъ, мои почтеннѣйшіе, письмо длинное, но отлагаю етотъ важный подвигъ пера моего до будущаго, которое скоро будетъ — и вотъ почему отлагаю. Во-первыхъ, мнѣ надобно о многомъ написать вамъ и о важномъ, и о рѣшительномъ, а при теперешнемъ, т. е. сегодняшнемъ, положеніи головы моей ето дѣло невозможное: она болитъ и вся вообще, и кромѣ того одинъ изъ костяныхъ сторожей ея сильно меня безпокоитъ своимъ недугомъ; во-вторыхъ, еще надобно подумать предварительно и подумать да подумать, и собрать свѣденія по тому многозначительному предмету, о которомъ ты, Алекс[андръ], съ такимъ жаромъ меня вопрошаешь, и которой по истинѣ долженъ весьма занимать и мои мысли, и надежду. Вы понимаете, объ чемъ здѣсь ведется слово!

На сихъ дняхъ проѣхалъ здѣсь достопочтенный Лукинъ въ Ригу, гдѣ представляется обширное поприще его строительному Генію: должно удержать плотиною напоръ цѣлой Бальтики! Онъ цѣлый день услаждалъ меня своею бесѣдою: досадовалъ на васъ, что вы къ нему не заѣхали, ѣхавши въ Симбирскъ прошлою осенью; говорилъ мнѣ о планахъ головы своей вразсужденіи вышерѣченнаго удержанія моря, воспомнилъ старину; скрытно показывалъ неудовольствіе на моего Валдайскаго узника, котораго читалъ у Головинскаго; обѣщался начать изъ Риги со мной переписку, — и мы разстались какъ старинные пріятели, умилительно: такъ разстаются два земляка въ чужеземіи, не зная, когда снова судьба непонятная позволитъ имъ удовольствіе видѣть другъ друга.

Теперь для меня наступило время самое благопріятное по части ученія: мои знакомые рускіе разъѣхались въ разные края Имперіи; оставалась одна божественная, отвлекательная отрада мнѣ грѣшному — Воейкова, и та вчера отправилась. Слѣдственно, ничто развлекать не можетъ моего уеди-

ненного мышленія. Къ стати, я замѣтилъ за собою одну странность: какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь я пользуюсь любовію всѣхъ моихъ знакомыхъ, между тѣмъ какъ вовсе не люблю ихъ; послѣднее особенно истинно вразсужденіи моихъ бранныхъ товарищей студентовъ: до сихъ поръ мнѣ не случалось чувствовать отъ нихъ ни одной непріятности, что здѣсь очень рѣдко и для осторожнѣйшихъ; они ко мнѣ даже ходятъ иногда, говорятъ со мною, но обходятся какъ-то почтительнѣе, и я для нихъ — какъ будто священная особа!

Читали ли вы жизнь Дмитріева И. И., написанную Вяземскимъ для нового изданія его сочиненій? Объ жизни и объ характерѣ Дмитріева все-таки мы ничего не знаемъ и теперь; новаго только то, что Вяз. предпочитаетъ только чисто написанныя басни своего патрона несравненнымъ, геніальнымъ и классическимъ баснямъ Крылова. Въ етой же біографіи такъ сказано о нашей общей родинѣ: Симбирскъ отличался всегда предъ прочими губернскими городами успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности. Сдѣлай милость, распроси у старожиловъ, правда ли ето? Ежели правда, то что же за дрянь ети прочіе губернскіе города?

Вчера получилъ я X и XI томы Исторіи Карамзина и теперь съ жадностію читаю ети[1]) любопытства полныя дозакательства великого таланта нашего Ливія. Дай Богъ, чтобъ онъ сколько можно продолжалъ писать Рускую Исторію, хотя бы до смерти Петра; впрочемъ, Еверсъ говоритъ здѣсь, что онъ самъ слышалъ отъ Карамзина, что послѣдній намѣренъ кончить свой трудъ началомъ Романовыхъ дома; жаль, да и почему бы, кажется, не писать ему и первыхъ двухъ царствованій етой вѣнчанной фамиліи? XII томъ тоже долженъ быть чрезмѣрно любопытенъ: время самозванцевъ и междуцарствіе, довольно долгое.

Измайловъ предлагаетъ мнѣ сдѣлаться членомъ разныхъ такъ называемыхъ ученыхъ обществъ: онъ меня всячески холитъ — видно, хочетъ заманить вовсе въ свой литтературный кабакъ; въ послѣднемъ успѣть ему невозможно; впрочемъ, я буду поддерживать его ко мнѣ благорасположеніе разными мелочами[2]) моей Музочки: оно все-таки не лишнее; а справедливо замѣчаетъ Бестужевъ, что хорошихъ произведеній не надобно вывозить на большую дорогу для ихъ извѣстности; слѣдственно, и въ случаѣ, еслибы я отдалъ Измайлову и что-нибудь значительное, то все таки — слава моя. Очкинъ проситъ у меня чего-нибудь большаго для торжественнаго прочтенія въ Обще-

1) Въ *П.* етѣ.
2) Въ *П.* мѣлочами.

ствѣ Соревнователей; жаль, что у меня теперь нечего дать нашему общему пріятелю для выказки полной его важности литтературной.

Что же дѣло Петра по части амура или даже Гимена — видно, пошло въ завязку? Валуевъ пишетъ мнѣ, что Е[лизавета] П[етровна] совершенно пара для Петра, но что она не годилась бы для тебя, Алекс[андръ]: какъ вы думаете или, лучше, подумаете объ етомъ замѣчаніи нашего Честерфильда?

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Маминькѣ напишу на слѣдующей почтѣ: теперь, ей Богу, нечего! Парашу и Катушу цѣлую.

LXVII.

Обоимъ братьямъ.

6 Апрѣля [1824, Дерптъ].

Извините, мои почтеннѣйшіе и снисходительнѣйшіе, что такъ поздно пишу къ вамъ давно обѣщанное длинное письмо. Обстоятельства — какъ то: говѣніе, постъ и благочестивое состояніе моего духа во время страстной недѣли — лишили меня удовольствія въ пору отвѣчать на письма ваши. Начнемъ съ начала. Я уже отправилъ къ Дельвигу небольшую пьесу съ посвященіемъ Е[лизаветѣ] П[етровнѣ] И[вачевой]; она, ежели поспѣетъ, будетъ, вѣроятно, напечатана въ вышенаименованномъ Альманахѣ, а ежели онъ ужъ вышелъ въ свѣтъ, то въ какомъ-нибудь журналѣ. Жаль только, что посвящаемое едва ли похоже цѣнностію на того, кому посвящено; дѣлать нечего: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; надѣюсь впередъ принести значительнѣйшую жертву существу, столь достойному поклоновъ Аполлоновыхъ. Стихи, о которыхъ здѣсь ведутся слова, составляютъ предисловіе къ еще не существующей повѣсти о Ливонскихъ рыцаряхъ; ее напишу, когда будетъ у меня болѣе времени, и напишу непремѣнно. Я хотѣлъ вамъ послать теперь же и ето маленькое новорожденіе моей Музы, но раздумалъ — и вотъ почему: пусть оно будетъ для васъ, такъ сказать, сюрпризнѣе, явившись какъ новость и смысломъ, и мѣстопребываніемъ. Теперь занимаюсь чтеніемъ Ливонскихъ исторій, чтобъ поближе познакомиться съ нравами и обыкновеніями рыцарей, долженствующихъ явиться въ свѣтъ руской литтературы въ стихахъ моей Музы. Жаль, что не имѣю Исторіи крестовыхъ походовъ Мишо: въ ней, вѣрно, могъ бы я найти много для меня теперь нужного, а ея нѣтъ въ здѣшней университетской библіотекѣ. Впрочемъ, мой первый опытъ по части рыцарства какъ-нибудь обойдется и безъ

дальнихъ околичностей, а послѣ... что будетъ послѣ того, никто не вѣдаетъ, какъ будущее.

Вчера читалъ я переводъ Жуковского Орлеанской Дѣвы; ето важный и рѣдкій подарокъ нашей бѣдной литературѣ: стихи Жуковского и смысломъ и звучностію возможно близки къ Шиллеровымъ и служатъ новымъ, хотя уже не нужнымъ, доказательствомъ, что первый могъ бы и самъ произвести что-нибудь оригинальное и классическое на томъ полѣ, куда онъ такъ хорошо пересаживаетъ красоты чужія. Совѣтую тебѣ, Алекс[андръ], купить для Параши ето изданіе стиховъ Жуковского: оно гораздо больше содержитъ, гораздо лучше (прекрасно) напечатано, чѣмъ прежнія. При томъ же, для одной Орлеанской Дѣвы можно имѣть и прочія части тому, кто не можетъ изъ подлинниковъ почувствовать всю красоту поэзіи Шиллеровой — сильной и возвышенной! Мнѣ Жуковскій досадилъ въ етомъ переводѣ только тѣмъ, что употребляетъ нѣкоторыя иностранныя слова — и притомъ все такія, которымъ въ нашемъ языкѣ есть совершенно равносильныя: напр. армія, партія, нація, маршъ; хотя онѣ нисколько не мѣшаютъ вѣрности перевода, но что въ нихъ, когда есть свои и благозвучнѣйшія: воинство, сторона, народъ, ходъ? Въ етомъ же изданіи находятся и всѣ въ прежнихъ не бывшія его переводы и сочиненія, рассѣянныя по журналамъ, и сверхъ того переводъ цѣлой второй пѣсни Енеиды (етаго я еще не читалъ). Дай Богъ, чтобъ онъ ее всю перевелъ! Ето трудъ, достойный его дарованій и даже безсмертія въ какой бы то ни было словесности: ибо Жуковскій, вѣрно, переведетъ хорошо.

У меня завелась переписка съ Киселевымъ, съ мѣсяцъ назадъ отсюда уѣхавшимъ кандидатомъ въ Петербургъ. П. А. Кикинъ говорилъ ему, что писать стихи безполезно[1]), и потому совѣтуетъ мнѣ ихъ бросить. Вздоръ! Я скорѣе брошу въ жизни всё, что можно бросить, чѣмъ стихи. Хороши ли, худы ли они — только я щастливъ, когда пишу ихъ, пишу много — слѣдственно, часто бываю щастливъ, а етого и довольно для меня. И неужели славолюбіе, благороднѣйшая изъ страстей человѣческихъ, не должно занимать надежду того, кто уже чувствуетъ, что можетъ быть достойнымъ славы? А польза — развѣ поэзія, чистѣйшее изъ удовольствій, не есть польза? Да я же знаю, что разумѣетъ П[етръ] А[ндреевичъ] подъ етимъ словомъ: садоводство, куроводство, скотоводство и проч. и проч., а я для етакихъ вещей[2]) не чувствую въ себѣ ни малѣйшей способности. Пускай

---

1) Въ *П.* безполѣзно, какъ ниже: полѣзнѣе.

2) Въ *П.* вѣщей, какъ и въ слѣдующей строкѣ.

всякой идетъ, куда ему кажется лучше: ето въ порядкѣ вещей и не дѣлаетъ безпорядка въ обществѣ, гдѣ лучше и полезнѣе не имѣть никакого мѣста, нежели быть не на своёмъ!

Теперь слѣдуетъ важное дѣло, о которомъ давно хотѣлъ и обѣщалъ я посовѣтоваться съ вами. Мнѣ очень хорошо и покойно, и удобно жить у Борга, и я не знаю, гдѣ бы могъ быть я здѣсь лучше, но ето все еще только то, въ чемъ я нуждался до сихъ поръ — теперь мнѣ нужно гораздо болѣе. При всѣхъ возможныхъ добрыхъ качествахъ пансіонерной жизни, она не вовсе уже удовлетворяетъ моимъ потребностямъ и даже мѣшаетъ моимъ занятіямъ. Въ теперешнемъ моемъ положеніи, составляя въ нѣкоторомъ, хотя и въ хорошемъ, смыслѣ, часть семейства моихъ хозяевъ, я необходимо долженъ участвовать [1]) во всѣхъ ихъ радостяхъ и печаляхъ, которыя меня вовсе не радуютъ и мало печалятъ, какъ дѣла все-таки чужія моему сердцу; долженъ сообразоваться и времяпрепровожденіемъ досуговъ съ ними; въ угоду имъ говорить пустяки въ то время, когда могъ бы дѣлать что-нибудь лучшее; знакомиться съ ихъ знакомыми, потому что они имъ знакомы; приноравливаться къ мѣсту и времени моими выходами и приходами; наконецъ — не имѣть возможности оставить у себя ученаго товарища въ то время, когда пора имъ обѣдать или чай пить, или ужинать. Все ето можно дѣлать или, лучше, должно дѣлать, когда нужно или необходимо, но все ето не очень пріятно, когда излишне. Короче скажу: у меня родилась мысль оставить мое теперешнее мѣстопребываніе и начать жить съ какимъ-нибудь студентомъ, ученымъ и чуждымъ предразсудковъ студент[ст]ва; ето будетъ едва ли не полезнѣе для меня тѣмъ, что буду чаще говорить о предметахъ для меня нужныхъ, съ нимъ вмѣстѣ заниматься и имѣть полную свободу во всѣхъ смыслахъ. Такого уединеннаго мыслителя, съ которымъ я бы жить желалъ, здѣсь найти можно — особливо между бѣдными студентами, которые, что очень естественно, обыкновенно ученѣе и благомысленнѣе богатыхъ; слѣдственно, кромѣ пользы, которая очень ясна въ етомъ случаѣ, тутъ есть еще случай дѣлать добро человѣку, его достойному. Для столь важной и рѣшительной перемѣны въ моемъ положеніи мнѣ необходимо нужно ваше обдуманное согласіе. Ежели вы опасаетесь, что полная свобода жизни можетъ имѣть вредныя дѣйствія на мое нравственное или тѣлесное достоинство, то уже поздно, мои почтеннѣйшіе! И до сихъ поръ я могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ въ етакихъ смыслахъ, потому что не живу подъ началомъ, а имѣю особенную комнату, въ своихъ рукахъ деньги, и окруженъ тѣми же

1) Въ *П.* учавствовать.

студентами, которые и послѣ будутъ мнѣ товарищами, но не сдѣлался ни пьяницей, ни дуелистомъ, ни и проч. Мнѣ нужно больше уединенія, больше бесѣдованій съ человѣкомъ, которому бы я могъ повѣрять мои литтературныя тайны и намѣренія и притомъ изустно (письменно я уже имѣю етакихъ людей — не правда ли?), потому что нельзя же вѣдь всего писать, что думаешь: етакъ не достанетъ ни у мени времени на письма, ни у получающихъ ихъ на чтеніе. Итакъ, разсудите, подумайте, сообразите всѣ обстоятельства — и пришлите мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Ето важный матеріялъ и для длиннаго письма, и для долгого размышленія!

Благодарю тебя, Петръ, за приписку: радуюсь твоему теперешнему состоянію — въ кислотворѣ. Для меня оно вовсе еще неизвѣстно, хотя я уже стихотворствовалъ кое-что объ немъ, — но гдѣ поэты не лжецы? Они могутъ очень хорошо чувствовать и за другихъ, а часто сами не чувствуютъ и за себя при удобномъ случаѣ. Говорятъ, что истинная любовь есть праздникъ, которой одна душа даётъ другой: воображаю, каково должно быть ето время!

Вчера получилъ я письмо отъ Лукина изъ Риги: онъ уже дѣлаетъ планъ для той важной плотины, объ которой писалъ я вамъ прежде; замѣчаетъ, что городъ Рига хуже Петербурга; что жить гораздо дешевле и, между прочимъ, хвалитъ для вечернихъ прогулокъ какой-то пловучій мостъ: «туда, говоритъ онъ, собираются въ прекрасную погоду всѣ прекрасныя Риги»; «ходишь, продолжаетъ онъ, заговариваешь, разговариваешь съ красавицами, уговариваешь ихъ, а потомъ и проч.». Онъ хвалитъ также тамошній театръ; говоритъ, что поживаетъ хорошо и начинаетъ обживаться: «впрочемъ», такъ оканчиваетъ онъ письмо свое, «впередъ напишу больше, теперь ѣду осматривать».

Получила ли Параша письмо мое? Чтожъ она мнѣ [не] отвѣчаетъ? Я жду ея продолженія для моего продолженія переписки съ нею. Ежели только я буду писать къ ней, а она отвѣчать мнѣ не станетъ, то выдетъ не переписка, какъ у насъ условлено было.

Поздравляю васъ съ сегоднишнимъ[1]) великимъ Праздникомъ; желаю вамъ для веселья и хорошей погоды: здѣсь стоитъ сама мокрая и маркая — то снѣгъ, то дождь, слѣдственно — грязь и вода. Прощайте покуда: мнѣ пора идти съ поздравленіями и христосоваться. На етотъ разъ, кажется, довольно; другое важное дѣло для письма оставляю до слѣдующей почты. Всѣмъ вамъ: Христосъ воскресе! и всѣхъ цѣлую.

Вашъ Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* сегоднишнемъ.

LXVIII.

А. М. Языкову.

12 Апрѣля, 1824 [Дерптъ].

Благодарю тебя, Алекс[андръ], за благодарность за два письма мои. Я не понимаю, отъ чего вы ихъ получили вмѣстѣ, и соглашаюсь навсегда оставить сухую матерію о малописаніи; и безъ того во многоглаголаніи нѣсть спасенія, слѣдственно — тѣмъ менѣе, когда оное ведется о чемъ-нибудь или малозначущемъ[1]) или недостойномъ даже оного. Сегодня у насъ кончаются праздники, и завтра снова начнется пѣшешестіе[2]) въ университетъ. Къ статѣ — объ университетѣ. Помнишь ли, какъ хвалилъ Гофманъ здѣшняго професора филологіи Моргенштерна? Я его уже три мѣсяца слушаю; предметъ очень любопытный — римскія древности, но онъ такъ скучно, такъ вяло, такъ педантически и притомъ несвязно (часто начнетъ періодъ — и не кончитъ, заговоритъ объ Фомѣ, а кончитъ объ Еремѣ) читаетъ, что, ей Богу, очень, очень трудно постоянно его слушать; видно, что его ученость — обширнѣйшая, но еще виднѣе, что онъ не умѣетъ ее хорошо употреблять и, чего совершенно нельзя ожидать на лекціяхъ, слишкомъ занятъ собою: причесывается какъ Іисусъ Христосъ, выговариваетъ слова какъ то на разпѣвъ и чрезвычайно многословенъ, при всей начитанности древнихъ, столь чуждыхъ етого порока. Еверсъ теперь читаетъ намъ исторію среднихъ вѣковъ — и читаетъ въ прямомъ смыслѣ слова по Дрешу, котораго я имѣю. Видно, что въ етихъ лекціяхъ онъ, такъ сказать, не господинъ своего дѣла — не то, что въ русской исторіи прошлаго года; тогда его слушали съ жадностію, и комната была какъ полная чаша, а нынѣче чуть хороша погода — того и гляди, что сидятъ передъ нимъ человѣкъ десятка два. Статистика его очень любопытна, но только тамъ, гдѣ онъ самъ разсуждаетъ о политическомъ состояніи государствъ, а въ прочихъ частяхъ — одна диктовка, и довольно скучная: гдѣ сколько родится картофелю, гдѣ какіе чины — все ето для нашего брата-поэта не сочная пища! Въ нынѣшнемъ семестрѣ мнѣ очень нравятся лекціи Географіи пр. Енгельгарда: тутъ дѣло идетъ не о городахъ, моряхъ, рѣкахъ и болотахъ, а объ нравахъ, обыкновеніяхъ, вѣрѣ и пр.; не знаю, что будетъ дальше: до сихъ поръ все продолжается объ Азіи. Етотъ профессоръ есть одинъ изъ ученѣйшихъ въ Дерптѣ и — что и здѣсь, какъ вездѣ, рѣдко — уменъ.

---

1) Въ *П.* малозначущимъ.
2) Въ *П.* пешешествіе.

Я уже получилъ отъ Сленина Бахчисарайскій Фонтанъ (какое глупое предисловіе!). Прежде читалъ я его въ спискахъ, и при етомъ женскихъ, а женщины не знаютъ ни стопосложенія, ни вообще грамматики—и тогда стихи показались мнѣ, большею частію, не дальняго достоинства; теперь вижу, что въ етой поэмѣ они гораздо лучше прежнихъ, уже хорошихъ. Жаль, что Пушкинъ мало или, лучше сказать, совсѣмъ не заботится о планахъ и характерахъ и приводитъ много положеній совсѣмъ ненужныхъ и лишнихъ: напр., за чѣмъ сидитъ Гирей? за чѣмъ такъ много разсказывать объ Евнухѣ? за чѣмъ купаются жены Гирея? При томъ, характеръ нѣсколько ясный только одинъ — Маріи, а важнѣйшія лица, самъ Ханъ и Зарема, одинъ вовсе не изображенъ, а другая чуть-чуть, а етого мало для полнаго прекраснаго цѣлаго! Впрочемъ, какая красота въ описаніяхъ, какая живость красокъ! Перевощиковъ замѣчаетъ, что у етой поэмы голова преогромная, а туловище съ ноготокъ. И, сверхъ того, онъ уже замѣчаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Пушкина онъ видитъ, что онъ самъ не имѣетъ характера и постоянныхъ правилъ нравственности, приводя латинскую пословицу: Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit!

Очень радъ, что у тебя есть Путешествіе въ Тавриду Мур[авьева] Ам[урскаго]; я прочту его, когда пріѣду къ вамъ: въ немъ должно быть много остроумія и истинной учености. Жуковскій подарилъ мнѣ новое изданіе своихъ стихотвореній; я очень радъ: ето доказываетъ нѣчто для меня нехудое и сохраняетъ въ моемъ карманѣ тридцать рублей денегъ. Слѣпецъ Козловъ сочинилъ новую и очень длинную балладу Венгерскій лѣсъ; она здѣсь ходитъ по рускимъ рукамъ, писаная; женщины ею возхищаются, а мнѣ кажется (не смотря на женщинъ), что ето просто дрянь: разсказъ вялъ и слишкомъ подражателенъ Жуковскому; впрочемъ, есть нѣсколько довольно сильныхъ стиховъ. Я бы прислалъ вамъ ее, но вѣрно скоро напечатается; притомъ же, она не стоитъ труда переписывать и благодарности. Я еще написалъ нѣчто для Сѣверныхъ Цвѣтовъ Дельвига и отправляю ему сегодня; посылаю и вамъ, ежели останется времени переписать. Теперь я буду составлять планъ для моей повѣсти о ливонскихъ рыцаряхъ; я въ Симбирскѣ, т. е. въ деревнѣ, займусь его исполненіемъ: тамъ, вѣрно, буду имѣть болѣе предметовъ и причинъ для вдохновенія. Здѣсь, ей Богу, никакъ нельзя даже въ такъ называемые праздники хорошенько заняться Музою: студенты гуляютъ ежечасно[1]), и поминутно заходятъ къ негуляющимъ — и радъ или не радъ, а принимай, говори съ ними о пустякахъ; правда, они обыкно-

1) Въ *П.* ежечастно.

венно сидятъ недолго, но за то ихъ много, за то довольно и одного гостя не во время (который хуже Татарина), чтобъ прогнать расположеніе къ стихображенію на цѣлый день. Теперь у студентовъ идетъ великая перебранка съ офицерами здѣсь стоящаго полка. Время грязное, тротуары узкіе; встрѣтятся студентъ и офицеръ, первый сталкиваетъ послѣдняго въ грязь, послѣдній спрашиваетъ фамилію столкнувшаго, сей объявляетъ оную вѣрно: офицеръ жалуется ректору — и виновнаго сажаютъ въ карцеръ; ето повторяется почти ежедневно. Офицеры поставили себѣ за правило не принимать вызововъ на дуель отъ студентовъ, а жаловаться въ случаяхъ оскорбленія; ето то еще болѣе заставляетъ и подстрекаетъ удалыхъ служителей Музъ и толкать, и бранить, и всячески досаждать офицерамъ.

Важнѣйшее дѣло къ концу; вотъ вамъ отвѣтъ на вопросъ вашъ, пріѣду ли я къ вамъ на лѣто. Братъ Петръ поѣдетъ въ Петербургъ въ Маіѣ (какъ самъ пишетъ), вѣрно не прежде половины: потому, вѣдь, не шутка разстаться съ предметомъ любимымъ даже и на время; въ такихъ случаяхъ обыкновенно отлагаютъ далѣе и далѣе; итакъ, я осмѣливаюсь думать, что въ началѣ Іюня еще найду его въ Петербургѣ, а въ противномъ случаѣ прошу его: нельзя ли принаровить ему свой пріѣздъ къ етому времени. Меня едва ли (по всѣмъ справкамъ) можетъ отпустить Ректоръ прежде законного срока, особенно теперь, потому что въ прошломъ семестрѣ былъ ему выговоръ отъ куратора за то, что нѣсколько студентовъ недѣлею прежде конца лекцій были отпущены; притомъ же, зачѣмъ не дослушать начатаго, когда и съ етимъ я могу быть у васъ вдоволь. Пріѣду къ вамъ въ Іюнѣ и возвращусь осенью, когда угодно Вамъ — и съ тобою, Алекс[андръ], какъ было предполагаемо: не все ли равно, что въ началѣ или въ концѣ лекцій ихъ не слушать? Лучше же сдѣлать послѣднее, потому что оно возможнѣе. А не пріѣхать было бы мнѣ и стыдно, и непозволительно, и безчестно! При отъѣздѣ изъ Симбирска должно будетъ взять свидѣтельство о болѣзни у какого-нибудь доктора — и дѣло въ шляпѣ! Сверхъ того, для етакого важного, торжественного, рѣдкаго и возхитительнаго случая можно бы и потерять времени, еслибъ ето необходимо было: вѣдь мнѣ все равно, что полгодомъ прежде или послѣ оставлю университетъ; есть, мои почтеннѣйшіе, есть люди, которые столь щастливы, что еще при полномъ здравіи зрѣнія умственного видятъ всю суету и чиновъ, и знаменитости, на ихъ только основанной — я осмѣливаюсь причислять себя съ нѣкоторого времени къ етимъ благомыслителямъ. Ахъ! какъ мнѣ хочется увидать все наше вмѣстѣ! Надѣюсь, что вы постараетесь соотвѣтствовать дѣйствіями своими къ совершенію пріятнѣйшаго изъ моихъ желаній, а мнѣ одному ѣхать

такую даль и скучно, и слишкомъ тряско. Что хочетъ сдѣлать Петръ съ своею службою? Я совѣтую ему ету мірскую суету: предъ Музою во прахъ! Валуевъ А. Д. пишетъ, что онъ радуется щастію Петра какъ истинный родной и печалится какъ гражданинъ! У меня съ нимъ началась добрая переписка; мы его, кажется, увидимъ еще въ Петербургѣ, ежели мой планъ сбудется. Обдумайте же милостиво мое предположеніе и отвѣчайте мнѣ немедленно, чтобъ я могъ приготовиться къ такому дальному путешествію и духомъ, и тѣломъ!

Я читаю теперь Емилію Галотти Лессинга и критику на нее Енгеля; та и другая мнѣ чрезвычайно нравятся: читалъ ли ты ее, Алекс[андръ]?

Радуюсь твоему щастію, Петръ, и какъ родной и какъ негражданинъ: жизнь безъ любви есть тѣло безъ души, говорятъ критики, а съ нею нѣчто райское и торжественное, особливо когда она истинная, чистая — слѣдственно, ты и проч.

Прощайте до слѣдующей почты. Парашѣ напишу черезъ три дни, теперь пора на почту. Къ Маминькѣ тоже напишу: радуюсь и благодарю Бога за ея выздоровленіе.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

Благодарю за халаты: они прекрасны и здѣсь рѣдкость[1]).

LXIX.

А. М. Языкову.

16 Апрѣля [1824. Дерптъ].

Посылаю тебѣ стихи, о которыхъ шла рѣчь въ двухъ предъидущихъ моихъ письмахъ; я не утерпѣлъ удержать ихъ у себя, покуда выдутъ Сѣверные Цвѣты: ето и авторское самолюбіе, и желаніе доказать, впрочемъ уже доказанную вамъ, откровенность моей Музы.

21 Апрѣля здѣсь торжествуютъ студенты, всѣ вмѣстѣ, день основанія нашего университета. Я буду долженъ участвовать въ етомъ дѣлѣ и опишу вамъ подробно.

Пишу мало, но вѣдь ето не въ щетъ и не письмо, а болѣе посылка.

Еще нѣмецкіе стихи для Петра:

Beglückt, beglückt, wer die Geliebte findet,
Die seinen Jugendtraum begrüsst,

1) Эта приписка сдѣлана наверху первой страницы письма.

Wenn Arm um Arm und Geist um Geist sich windet,
Und Seel' in Seele sich ergiesst!

и проч.

Спишись же со мною, Петръ, о нашемъ путешествіи[1]).

LXX.

Обоимъ братьямъ.

20 Апрѣля [1824. Дерптъ].

Вы поступаете со мною безчеловѣчно, мои почтеннѣйшіе; вамъ непростительно не писать ко мнѣ даже три почты сряду, а пять, шесть почтъ... жаль, что сіе прилагательное не имѣетъ, кажется, превосходной степени, а здѣсь она была бы очень кстатѣ. Не знаю, какою гипотезою оправдать столь долгое ваше молчаніе: на запрошлой, на прошлой, на сей почтѣ ждалъ я отъ васъ писемъ и не получилъ ни на той, ни другой, ни на третьей; слѣдственно, всѣ возможныя гипотезы уже истощились въ головѣ моей для прошедшаго, а теперь не знаю, что и думать. Я пишу къ вамъ довольно часто, а вы не хотите писать ко мнѣ даже и рѣдко, даже разъ въ три недѣли, въ шесть почтъ; не хотите платить мнѣ однимъ горчишнымъ зерномъ за четверики мои, наполненные плодами моего усердія на каменистомъ и песчаномъ полѣ. Ежели вамъ нечего (здѣсь можно поставить знакъ вопроса) писать ко мнѣ, то отправляйте ко мнѣ хоть бѣлую бумагу, хоть одни куверты: тогда я буду видѣть, что вы меня хотя помните, буду знать — гдѣ вы, а теперь ни вижу первого, ни знаю второго.

Я ѣду на наступающіе праздники къ тому же Нѣмцу въ деревню, у котораго встрѣчалъ новый годъ — и ѣду wieder wider Willen: отказаться отъ етой поѣздки, гдѣ, конечно, найду еще менѣе удовольствія, чѣмъ нашелъ бы оставшись здѣсь, было бы невѣжливо и даже мнѣ самому непріятно, ибо безпокоить тѣхъ, кому я столь многимъ обязанъ, есть прибавлять новый упрекъ для моей совѣсти; итакъ, я долженъ теперь оставить всѣ мои планы, составленные вкупѣ съ Княжевичемъ для проведенія праздниковъ во славу Божію! Мы надѣялись, что они пройдутъ для насъ довольно весело, распредѣливъ время оныхъ по всѣмъ общимъ нашимъ знакомымъ, которыхъ хотя мало, но достало бы на семь дней. Вотъ какова судьба людей подлунныхъ: ты положишь, а Богъ переложитъ. Впрочемъ, можетъ быть, все къ лучшему, потому что нѣтъ худа безъ добра.

---

1) Это письмо безъ подписи автора.

Не знаю, что сказать вамъ о моемъ путешествіи въ Петербургъ; оно, кажется, непрѣменно совершится, ежели также, какъ и многія мои прекраснѣйшіе планы, не встрѣтитъ какого-нибудь новаго препятствія, всегда возможнаго для того, кто, можетъ быть, еще не зависитъ отъ своей воли — для меня. Впрочемъ, чтобы остановить совершеніе моего желанія васъ видѣть, для етого надобно мнѣ что-нибудь весьма необыкновенное, а ето послѣднее со мной нерѣдко. Пришлите мнѣ сколько угодно (только не менѣе 600 р.) денегъ, ибо 6-го Маія я долженъ отдать Боргу означенное количество за будущее полугодіе. Пришлите на его имя, потому что етакъ полученіе для меня во сто разъ легче.

Я послалъ Воейкову еще одно стихотвореніе, гдѣ старался изобразить мою обитель и состояніе моего духа: прочтите оное въ Инвалидѣ и напишите мнѣ — каково? Каково бы ни было, не правда ли, что моя Муза теперь не такъ плодородна, какъ бывало прежде, и ето отъ того только, что мнѣ нѣтъ времени съ ней путемъ заниматься; можетъ быть, ето охлаждаетъ ея ко мнѣ благосклонность, но по крайней мѣрѣ не охладитъ моего усердія сдѣлаться оной достойнымъ.

Кланяйтесь отъ меня Погожеву; скажите ему, что я скоро начну продолжать съ нимъ переписку, и началъ бы на сей почтѣ, если бы имѣлъ времени столько, сколько имѣю разкаянія въ моемъ съ нимъ поступкѣ: кто бывалъ всегда мудръ? и не б..довала[1]) ли сама богиня Мудрости, а мы грѣшные и поготово!

Прощайте, пишите же; мнѣ, ей Богу, скучно уже писать къ безотвѣтнымъ.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

LXXI.

Обоимъ братьямъ.

27 Апрѣля [1824. Дерптъ].

Я жду отъ васъ, мои почтеннѣйшіе, отвѣтовъ на многозначительные мои вопросы, но видно, что письма, ихъ заключающія, еще не дошли къ вамъ. Впрочемъ, я уже почти приступилъ къ дѣлу по части перемѣны моей резиденціи въ Дерптѣ, пріискавъ для себя ученого и доброго[2]) птенца; онъ знаетъ по гречески, по латини, ровно ничего не имѣетъ, былъ прежде студентомъ — и до сихъ поръ моимъ учителемъ въ Греческомъ; я его лично и

1) Двѣ буквы замѣнены нами точками.
2) Въ *П.* доброга.

хорошо знаю, и радуюсь, что онъ согласенъ существовать со мною въ одномъ мѣстѣ. Квартерку для насъ мы сыщемъ теперь, потому что послѣ не найдемъ; здѣсь такой обычай: отъѣзжающіе студенты заблаговременно приготовляютъ свои жилища для будущаго полугодія — слѣдственно и проч. Я впередъ возхищаюсь красотами моей будущей жизни! Будемъ вмѣстѣ заниматься, разсуждать, спорить — и все польза! Притомъ же, и моей Музѣ будетъ тамъ гораздо привольнѣе. Теперь часто мое вдохновеніе прерывается временемъ обѣда, ужина, чаю и проч.: пойдешь, потому что не можешь перемѣнить чужихъ обыкновеній, и воротишься съ одною досадою о потерѣ рѣдкой минуты поэтической — а ета досада очень досадна! При отъѣздѣ я оставлю моему будущему товарищу денегъ для задатка, для покупки вещей нуждныхъ въ обыкновенномъ быту домашнемъ; онъ человѣкъ съ вѣрными добрыми правилами и не украдетъ, не обманетъ. Описаніе студентскаго праздника по случаю дня основанія университета оставляю до будущаго письма: теперь нѣтъ у меня ни мѣста, ни времени для подробностей, требующихъ нѣкотораго распространенія въ ихъ описаніи.

Прилагаю письмо Воейкова и имъ мнѣ присланную басню Измайлова [1]). Вы, я думаю, знаете, что Булгаринъ критиковалъ или, лучше, бранилъ Измайлова, что послѣдній отвѣчалъ тою же монетою, и что Булгаринъ отвѣчалъ же самою ругательною критикою съ епиграфомъ: Чѣмъ тебя я огорчила? Ети произшествія дали поводъ къ сочиненію посылаемой басни.

На сихъ дняхъ видѣлся и познакомился я съ Кеппеномъ. Онъ возвращается изъ Германіи, классикъ по части старинныхъ надписей [2]) и монетъ и прочаго. Человѣкъ, кажется, очень доброй и умной, но холоденъ, какъ предметы его занятій. Познакомился въ Германіи почти со всѣми знаменитыми учеными и писателями и очень любопытенъ въ своихъ повѣствованіяхъ.

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ Н. Языковъ.

Парашу и Катушу цѣлую. Петръ, поздравляю тебя! Мнѣ пишетъ А. Д. Валуевъ, что твое дѣло по части Гимена кончилось въ нашу пользу.

Маминькѣ буду писать на слѣдующей почтѣ; желаю скорѣйшаго переѣзда въ деревню.

---

1) Этихъ приложеній при *П.* не имѣется.

2) Въ *П.* написей.

LXXII.

Обоимъ братьямъ.

11 Мая [1824. Дерптъ].

Извините, почтеннѣйшіе, что я давно, кажется, не писалъ къ вамъ; за то прежніе мои письма были такъ обширны во многихъ смыслахъ, что надѣюсь на прощеніе ваше въ тепершнемъ малословіи.

Дѣло мое объ переходѣ на другую квартиру уже окончательно кончено: я пріискалъ себѣ сожителя, зачуровалъ квартиру — и теперь жду только денегъ для полноты сего важного и, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженствующаго имѣть благодѣтельное вліяніе на мою особу дѣла. Повара мнѣ вовсе не нужно: я буду жить, какъ живутъ здѣсь всѣ студенты; кушанье изъ трактира будетъ и дешевле, и беззаботнѣе, а для услуги мнѣ довольно и теперешняго кухаря. Не знаю, почему я до сихъ поръ не получилъ денегъ: письмо, въ [которомъ] ты, Алекс[андръ], пишешь, что оныя посылаются, давно у меня. Теперь нѣтъ мнѣ ни времени, ни мѣста подробно говорить о достоинствахъ моего будущего житія на свободѣ и о непріятностяхъ жизни пенсіонной, которая, не смотря на то, что я думалъ объ ней при началѣ моего поля въ Дерптѣ, теперь для меня неудовлетворительна и въ физическомъ, и въ духовномъ смыслѣ. При свиданіи мы переговоримъ обо всемъ подробно и, надѣюсь, согласимся.

Вчера пріѣхалъ сюда Жуковскій и съ нимъ Батюшковъ; послѣдній будетъ здѣсь лѣчиться. Дай Богъ ему возврата на прежній путь, а есть надежда: здѣсь медики знатные; недавно уѣхалъ отсюда здоровымъ тоже сумасшедшій — одинъ флигель-адъютантъ Государя, Анрепъ.

Посылаю тебѣ письмо ко мнѣ Очкина: въ немъ найдешь нѣчто любопытное.

На сихъ дняхъ случилось здѣсь произшествіе, которое, вѣрно, будетъ имѣть разрушительныя слѣдствія[1]) для здѣшняго университета. Партія студентовъ (не та, къ которой я нѣсколько принадлежу), возвращаясь съ праздника назадъ — разумѣется пьяная, съ трубками, была задержана карауломъ солдатъ для отнятія трубокъ; студентовъ было съ полсотни, солдатъ только 9. Началась драка; солдатъ прибили, какъ говорится, не на животъ; имъ на помощь пришла цѣлая рота, студенты обратились въ бѣгство, троихъ схватили. На другой день выбили рамы и окна у Полицемейстера. Его произ-

1) Въ *П.* слѣдствіи.

шествіе не можетъ быть утаено, потому что слишкомъ явно во всѣхъ отношеніяхъ; притомъ, генералъ здѣсь стоящаго полка горячо принялся за ето дѣло, и должно быть что-нибудь важное — по крайней мѣрѣ, для дѣйствовавшей партіи. O tempora! o mores! почтеннѣйшій. Къ статѣ объ етомъ: я описалъ стихами тотъ праздникъ студентовъ, о которомъ давно писалъ къ тебѣ; описаніе привезу съ собою.

Поблагодари Ел[изавету] П[етровну] за приписку ко мнѣ: я, братъ, угадалъ подлогъ твой, смотря испытательнымъ взоромъ филолога на два шрифта, въ оной записочкѣ встрѣчающіеся. Вѣрно, братъ Петръ теперь уже скоро будетъ въ Петербургъ: распоряди письмами твоими такъ, чтобъ онѣ не приходили сюда позже 7 Іюня, а я буду писать до самого моего отъѣзда.

Твой Н. Языковъ.

LXXIII.

А. М. Языкову.

24 Маія [1824. Дерптъ].

Я полагаю, что братъ Петръ скоро прибудетъ въ Петерб[ургъ], и жду съ нетерпѣніемъ его повѣстки о его мѣстопребываніи. 7 Іюня — разумѣется, ежели буду знать, гдѣ живетъ въ Петер[бургѣ] Петръ — я выѣзжаю отсюда и, слѣдственно, 9 тамъ. Буду стараться какъ можно торопить нашего кунктатора: знаю, какъ онъ медлителенъ[1]) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ должно торопиться.

Въ ходѣ нашего просвѣщенія много новостей. Знаешь ли ты, что Голицынъ отлученъ отъ Министерства Пр[освѣщенія] и оставленъ при одной почтѣ? что на мѣсто его — кто бы ты думалъ? Шишковъ! Тутъ едва ли одно не хуже другаго; впрочемъ, говорятъ критики, что все-таки ето лучше, ибо есть надежда, что министерство Шишкова не можетъ быть долговѣчно по причинѣ его тѣлесной дряхлости и многолѣтія, а Голицынъ де живущъ до крайности. Впрочемъ, Рускому царству — дураковъ не занимать. Говорятъ, что Магницкій составилъ заговоръ съ Аракчеевымъ и митрополитомъ противъ Гол[ицына], дѣйствовалъ давно уже и, наконецъ, успѣлъ! Къ сему относится одна, хотя не весьма благопристойная, но весьма любопытная подробность: именно то, что будто бы Государь призывалъ къ себѣ извѣстного содомита Бантыша-Каменскаго и приказалъ ему составить списокъ всѣхъ ему знакомыхъ по сей части, что Б.-К. представилъ таковой списокъ,

1) Въ *П.* мѣдлителенъ.

начавъ оный Министромъ Просвѣщенія, потомъ стоялъ канцлеръ и такъ далѣе, что онъ имѣлъ еще послѣ етого аудіенцію у Государя и удостовѣрилъ его клятвенно въ истинѣ[1]) своего донесенія.

Новостей лит[ературныхъ] я мало знаю. Слышно, что Пушкинъ прислалъ въ Петер[бургъ] 1 часть своей поемы, въ родѣ Шильдгарольда и Донъ Жуана — Онегина, что оная заключаетъ описаніе Крыма и Бессарабіи. Цвѣты Дельвига разцвѣтутъ для публики съ будущаго года. Рылѣевъ кончилъ своего Войнаровскаго и скоро напечатаетъ. Знаешь ли, что Лордъ Байронъ умеръ? Я недавно читалъ его трагедію Сарданапалъ — и отъ нее въ восторгѣ. Читалъ также[2]) и Каина, но онъ на меня не сильно подѣйствовалъ. Здѣсь теперь Жуковскій, онъ завтра ѣдетъ въ Петерб[ургъ]. Батюшковъ же отправляется въ Германію, въ Зонненштейнъ, гдѣ какой-то извѣстный лѣкарь имѣетъ цѣлый пансіонъ сумасшедшихъ и ихъ вылѣчиваетъ. Здѣшніе медики отказались отъ него. Воейкова прислала мнѣ прекрасную бѣлую книгу для стиховъ моихъ: ее возьму съ собою и буду пополнять въ Симб[ирскѣ], гдѣ надѣюсь ревностнѣе заняться моею Музою. Теперь собираю для нее фриштыкъ: правда, что мнѣ очень скучно читать Лифлян[д]скія лѣтописи: языкъ старинный, съ трудомъ понятный, но дѣлать нечего: если взялся за гужъ — не говори, что недюжъ. Дѣлаю выписки, предполагая, что у васъ есть Карамзинъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Твой Н. Языковъ.

LXXIV.

А. М. Языкову.

1 Іюня [1824. Дерптъ]

Въ послѣдній разъ въ етомъ шестимѣсячіи пишу къ тебѣ отсюда. Я уже имѣю извѣстіе о пріѣздѣ брата Петра въ Петербургъ; все благополучно; я даже знаю, гдѣ онъ остановился. Все ето сообщилъ мнѣ Ал. Дм. Валуевъ: самъ Петръ, видно, слишкомъ занятъ своими дѣлами и не слишкомъ занятъ нашею братьею отсутствующими мужеска пола — такова любовь, мой почтеннѣйшій!

Я совершенно готовъ къ отъѣзду. Всѣ дѣла мои приведены въ порядокъ; выписки изъ Ливонскихъ лѣтописей оканчиваются и поѣдутъ со мною къ вамъ, гдѣ Муза моя, опираясь на нихъ, надѣется сочинить повѣсть. Я

---

1) Въ *П.* истиннѣ.
2) Въ *П.* такъ.

привезу тебѣ давно тобою требованную книгу Биньона: Народы и Кабинеты; прочихъ здѣсь теперь нѣтъ, но ихъ пришлютъ мнѣ въ Симбирскъ: теперь онѣ выписываются изъ Риги; книгопродавецъ, съ которымъ я теперь по сей части познакомился, человѣкъ очень доброй и продаетъ книги не смотря на запрещеніе; впередъ можно имъ воспользоваться позначительнѣе.

Вотъ тебѣ стихи мои, подъ заглавіемъ: Муза; объ нихъ идетъ рѣчь въ письмѣ Очкина, здѣсь прилагаемомъ[1]); они написаны давно уже, и едва ли я не посылалъ ихъ тебѣ и прежде—однакожъ на всякой случай вотъ:

Богиня струнъ пережила
Боговъ и грома, и булата:
Она прекрасныхъ рукъ въ желѣзы не дала
Вѣкамъ тиранства и разврата;
Они пришли: повсюду смерть и брань,
Въ вѣнцѣ разкованная Сила;
Ея безсовѣстная длань
Алтарь изящнаго разбила;
Но съ праха рушенныхъ громадъ,
Изъ тишины опустошенья
Возсталъ—величественъ и младъ—
Безсмертный Ангелъ вдохновенья!

Не знаю, за что ихъ не пропускаютъ! 7 непремѣнно я выѣзжаю—слѣдственно 9 въ Петербургѣ; надѣюсь какъ можно меньше пробыть тамъ: итакъ, оставляю все, что я могъ бы написать теперь къ Маминькѣ и къ тебѣ, до нашего свиданія.

Прощай.

Твой Н. Языковъ.

Парашу и Катушу цѣлую.

Къ Маминькѣ я писалъ на прошлой почтѣ; изъ Петербурга напишу больше—о состояніи духа брата Петра, о состояніи моего духа и проч. и проч.

Честь и слава Мих. Дмитріеву. Вяземскій—и невѣжда, и подлецъ, и дуракъ: все ето ясно видно изъ теперешнихъ его споровъ.

---

1) Этого письма при *П.* не имѣется.

LXXV.

А. М. Языкову.

13 Іюня. Петербургъ [1]) [1824].

Вотъ уже недѣля, какъ я здѣсь. Жизнь моя въ етомъ случаѣ очень похожа на сонъ: жары ливійскіе, выходить невозможно, всѣ душевныя силы ослабѣли—и я самъ не свой! Я желаю, какъ нельзя больше, скорѣе ускакать отсюда, и Петръ, конечно, того же хочетъ, но отъѣздъ нашъ, по словамъ его, будетъ имѣть мѣсто не прежде 20 сего мѣсяца. Мы поѣдемъ на перекладныхъ—ой, тряско! Но дѣлать нечего: все лучше, чѣмъ ѣхать съ Валуевымъ въ дормезѣ, гдѣ поѣдетъ духота несносная, поѣдутъ нян[ь]ки и мамки, и въ ночь не поѣдутъ.

Вчера познакомился я съ братомъ поэта Пушкина и съ Баратынскимъ, завтра отправляюсь посѣтить Воейкову въ Царское Село: ето будетъ важнѣйшій подвигъ моего тѣла въ теперешнее мое пребываніе въ Петерб[ургѣ], и признаюсь, мой почтеннѣйшій, одна только ета возвышенная особа можетъ дать мнѣ силу бороться побѣдно съ настоящею горячею температурою.

Всего болѣе здѣсь мнѣ надоѣдаетъ—ибо мухъ и комаровъ, къ щастію моего тѣла, немного — Погожевъ: ежедневно пріѣзжаетъ, читаетъ свои стихи безъ умолку, и такимъ образомъ еще болѣе паритъ меня, и безъ него разпареннаго!

Дельвиговы Цвѣты выдутъ еще въ Январѣ будущаго года; онъ хвалится множествомъ прекрасныхъ стиховъ, для нихъ приготовленныхъ: дай Богъ!

Кланяйся отъ меня съ почтеніемъ Елизаветѣ Петровнѣ; я видѣлъ у Петра портретъ ея и, по всѣмъ соображеніямъ, причислилъ подлинникъ къ классической поэзіи прекрасного пола. Жаль, что мнѣ теперь такъ жарко: жаръ воздуха охолаждаетъ жаръ души—не то бы уже началась у меня стиховная комплиментика съ предметомъ, съ которымъ всего приличнѣе говорить языкомъ боговъ, мой почтеннѣйшій!

Прощай; извини, что пишу мало: жаръ несносный.

Твой Н. Языковъ.

---

1) Петербургъ — приписано другой рукою.

Маминькѣ мое почтеніе; все, что могъ бы написать къ ней, оставляю до свиданія, ибо тогда буду выражаться сильнѣе и могу говорить больше, а теперь и то и другое невозможно: причина въ воздухѣ!

Парашу цѣлую; мы скоро пойдемъ къ Грефу по дѣлу книгъ для нея. Катушу цѣлую.

Въ концѣ письма слѣдующая приписка:

Скоро ли ты сюда пріѣдешъ, любезный Діонъ? Что ты теперь въ Симбирскѣ дѣлаешъ? На эти вопросы не надѣюсь однако же получить отвѣтъ отъ тебя; за то надѣюсь, что любопытство мое удовлетворится письмами.....[1]). Впрочемъ, трудъ мой все таки не напрасенъ: по крайней мѣрѣ, эти строки напомнятъ тебѣ

объ А. Очкинѣ.

---

1) Одно слово не разобрано.

1825.

LXXVI.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

9 Января, 1825 [Петербургъ].

Мы опять[1]) пишемъ къ вамъ одно общее письмо, привыкнувъ не раздѣлять васъ, а болѣе для того, чтобъ не раздроблять матеріи и не повторять однаго и того же разъ, два, три, четыре, что̀ весьма скучно въ Исторіи, какъ извѣстно! Оставляя Симбирскъ, гдѣ ничего не знаютъ, и проѣзжая Москву, гдѣ все знаютъ — но на выворотъ, съ прибавленіями, — мы думали, что найдемъ здѣсь однѣ развалины, однѣ выжимки Сѣверной Пальмиры (напримѣръ, въ Москвѣ мы слышали, что Биржу принесло на дворцовую площадь, что дома большею частію развалились, что Кронштата какъ не бывало и проч. и проч.)[2]), мѣсто для колоніи, — и, напротивъ, нашли все то же, что было; вода въ городѣ нигдѣ не подъималась выше перваго етажа, она прибывала постепенно (отъ чего жители Кронштата успѣли остеречься и спастись, перейдя въ верхнія жилья), и что вообще сіе наводненіе сдѣлало больше пользы, нежели вреда потерпѣвшимъ (объ купцахъ ни слова: они свое возьмутъ съ нашей братьи не утопшихъ): утонувшимъ — потому что имъ тамъ гораздо спокойнѣе и лучше, нежели здѣсь; не утопшимъ страдальцамъ — потому что имъ дали больше того, что они имѣли; нѣкоторымъ — хоть и новый потопъ черезъ годъ, такъ въ ту же пору, ибо въ етомъ случаѣ, какъ и во всякомъ, явился новый родъ промышленниковъ, мнимо потерпѣвшихъ страдальцевъ, которые, говорятъ, довольно удачно пользуются симъ рѣдкимъ случаемъ опустошенія. Перетонуло не такъ много, какъ говорили у насъ на низу: видно, что никто етаго

1) Болѣе ранняго письма отъ обоихъ братьевъ вмѣстѣ не сохранилось.

2) Взятое въ скобки помѣщено въ *П.* въ видѣ подстрочной вставки на первой страницѣ письма.

не щиталъ, или сочтено — да не сказано! Впрочемъ, дурно тонуть, а утонуть, можетъ быть, не дурно, ибо

Есть міръ, есть лучшій міръ: изъ тлѣнія — въ нетлѣнье!

Разсматривая же сіе наводненіе съ религіозно-нравственно-политической точки и находя, что люди, которыхъ дѣла и общее мнѣніе обрекали бы на потопленіе, укрываясь во второмъ и высшихъ етажахъ, остались на лице, полагаемъ, что сей валъ-разрушитель былъ посланникъ бурнаго случая или слѣпаго урагана, а не дѣло карающаго Провидѣнія, которое, при всемірномъ потопѣ, намѣтило къ жизни однаго праведнаго Ноя съ его семействомъ. Впрочемъ, и то сказать: судьбы Божія неисповѣдимы, дивенъ Господь творяй чудеса! Всего болѣе потерпѣли Гавань, Коломна и низкія окрестности Петербурга; дача П[етра] А[ндреевича], какъ онъ говоритъ, не слишкомъ испорчена. Мы будемъ лично обозрѣвать всѣ мѣста[1]), отлично опустошенныя, и увѣдомимъ васъ о томъ, что увидимъ собственными глазами, даже о дачѣ Петра Анд[реевича]. Всѣ анекдоты, которые будутъ намъ попадаться, будемъ сообщать вамъ постепенно, ясно и удовлетворительно.

Яковлевъ пользуется уваженіемъ Карнѣева: членъ горнаго совѣта — и вообще въ большемъ ходу. Василій же не успѣлъ еще снюхаться съ новымъ начальникомъ, хотя и извѣстно, что оселъ осла погоняетъ, рыбакъ рыбака видитъ изъ далека и, наконецъ, что мѣринъ мѣрина лижетъ (ето для брата, а кто прочелъ — такъ тому и быть). Очкинъ не утонулъ и провелъ время наводненія довольно пріятно. Онъ шелъ въ департаментъ, вода его догоняетъ — куда дѣваться? что начать? Входитъ во второй етажъ — находитъ тамъ милую толпу емигрантокъ изъ магазина Курта, бросаетъ посохъ, проводитъ тамъ все время прилива, далѣе, т. е. до утра, и признавался намъ чистосердечно, что жалѣлъ объ отливѣ!

Канкрину дали аренду въ 8300 р. серебромъ, на 50 лѣтъ, за которую ему даютъ полтора миліона! Исполненіе коммисій, на насъ возложенныхъ, идетъ успѣшно. Изъ Москвы отправлено вамъ Талія, Старина и проч.; отсюда ѣдетъ сегодня табакъ для П[етра] М[ихайловича], Сѣверные Цвѣты и проч. Часы Е[лизаветы] П[етровны] отданы въ починку.

Отдѣльную переписку начнемъ каждый отъ себя со слѣдующей почты; я скоро отправлюсь въ Дерптъ.

Вашъ Н. Языковъ.

А. Языковъ.

---

1) Въ *II.* места.

Приписка въ концѣ письма, сдѣланная рукой А. М. Языкова:

Мы пріѣхали сюда 7-го поутру. Вятскаго губерн[атора] Здобринскаго отдали подъ судъ (Долгорукій ревизовалъ тамъ) и отрѣшили всю земскую и гражданскую полицію.

LXXVII.

1825 года, Января 25 [Дерптъ].

Я перешелъ на свою квартиру; она очень покойна, тепла, близка къ университету и моимъ знакомымъ; мое хозяйство началось благополучно; обѣдъ я беру въ трактирѣ; онъ такъ хорошъ и такъ дешевъ, что мой Иванъ едва ли не напрасно занимался поваренымъ искуствомъ: въ мѣсяцъ для двоихъ (меня и моего товарища), и въ томъ числѣ для Ивана, стоитъ 40 рубл., а я не думаю, чтобъ менѣе вышло денегъ, ежели бы готовить дома — не такъ ли?

Я все еще не получилъ мундира, почему и не хожу на лекціи; слава Богу, намъ позволено носить и форменные сертуки; я закажу себѣ здѣсь: ето все-таки сноснѣе мундира.

Теперь я сильно занимаюсь Ливонскою исторіею: читаю, выписываю, справляюсь и, кажется, скоро буду въ состояніи писать о Меченосцахъ, какъ господинъ своего предмета. У меня готовъ планъ для одной повѣсти, и между главными достоинствами его есть и то, что не надобно видѣть мѣста, гдѣ было произшествіе, т. е. Вендена, ибо замокъ, котораго развалины тамъ еще живы, построенъ уже гораздо позже героя моей повѣсти.

Моя Муза — слава Богу: еще на прошлой почтѣ послалъ я Бестужеву мое первое чувство по прибытіи въ Дерптъ — Амплій вѣрно читалъ его — и теперь посылаю Бестужеву же отрывокъ изъ повѣсти «Разбойники»: пусть она никогда существовать не будетъ цѣликомъ, но мнѣ легче было написать нѣсколько стиховъ къ началу, сдѣланному въ Симбирскѣ, чѣмъ писать вовсе новые; притомъ же, мнѣ хочется поскорѣе начать вышеупомянутое. Етотъ отрывокъ ты почти знаешь, однакожъ снесись съ Ампліемъ: у него вѣрно есть или подлинникъ, или списокъ.

Ты меня крайне обяжешь, ежели пришлешь мнѣ Лербергoвы Разысканія на рускомъ, пер. Языкова. Я купилъ для тебя очень хорошую книгу Peter der Grosse als Mensch und Regent, и пошлю послѣзавтра, ибо мнѣ хочется самому прочесть ее: она еще не вся напечатана, продолженіе и конецъ скоро выдутъ. Еверсъ ее очень хвалилъ еще прошлаго года: сказалъ, что она лучше всего, что было писано о Петрѣ. Присовѣтуй перевесть

Наумову[1]). Histoire de la regéneration de la Grèce мнѣ скоро пришлютъ изъ Риги, вмѣстѣ съ Ласкаромъ; если первой ты еще не купилъ, то не покупай: я пришлю непремѣнно.

Скажи Амплію, что я жду отъ него начала нашей переписки.

У меня въ хозяйствѣ недостатокъ только одинъ: нѣтъ разливной ложки — нельзя ли прислать кокосовую?

Прощай, пиши.

Totus tuus Н. Языковъ.

Кланяйся Василью Афанасьевичу, Гофману, Очкинымъ и пр. и пр.; къ Погожеву я пишу на сей почтѣ.

Встаю рано: у меня часы съ будильникомъ и будятъ прекрасно.

LXXVIII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

25 Января, 1825. Дерптъ.

Вотъ тебѣ, любезная Пируша, мои первые стихи изъ Дерпта; ето — нѣчто о моемъ пребыванiи въ Симбирскѣ:

Краса полуночной природы,
Любовь очей — моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихiя непогоды,
Твои лѣса, твои луга
И Волги пышные брега,
И Волги радостныя воды —
Все мило мнѣ, какъ жаръ стиховъ,
Какъ жажда пламенная славы,
Какъ шумъ прибережной дубравы
И разъигравшихся валовъ.

* * *

Всегда люблю я, вѣчно живы
На крѣпкой памяти моей

1) Послѣдняя фраза помѣщена въ *П.* подъ строками, въ видѣ дополнительной приписки.

Предметы юношескихъ дней
И сердца первые порывы:
Когда волшебница мечта
Краснорѣчивыя мѣста
Мнѣ оживляетъ и рисуетъ,
Она свѣжа, она чиста,
Она блеститъ, она ликуетъ.

* * *

Но тамъ, гдѣ руская природа,
Какъ славы дѣдовской лѣта,
И величава, и проста,
И благодатна, какъ свобода —
Тамъ вяло дни мои лились,
Тамъ не внимаютъ вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью!

(Такъ и далѣе, будетъ напечатано въ Полярной Звѣздѣ).

Вотъ начало нашей переписки. Смотри, не заставляй меня, какъ прежде, часто просить у тебя отвѣтовъ на мои письма: переписка, какъ и многое въ мірѣ, поддерживается и оживляется взаимностію. Не измѣняй же своему слову, бери примѣръ съ меня — хотя только въ етомъ случаѣ (въ другомъ не совѣтую), и я буду тебѣ сильно благодаренъ.

Со мной случилась бѣда великая (я пишу къ тебѣ объ ней, какъ о тайнѣ). Ты знаешь, что достопочтеннѣйшая Прасковья Ивановна Руднева была ко мнѣ такъ много благосклонна и снисходительна, что дала мнѣ письмо къ Перевощикову: ето-то письмо я потерялъ, окаянный! Долго не зналъ, что со мною безъ него будетъ; думалъ, что для меня уже всё кончилось; но теперь, славу Богу, уже не чувствую ни малѣйшей жалости о сей важной потерѣ. Прощай, пиши же.

Твой Н. Языковъ.

Поклоны Петровнѣ, Иванушкѣ, Якову.

LXXIX.

А. М. Языкову.

1825. 28 Января [Дерптъ].

Я получилъ уже Словарь Рос[сійской] Акад[еміи], началъ читать и — даже я — нахожу въ немъ много пропусковъ, несообразностей, необразованности и проч. Не забудь подписаться и для меня на новое изданіе Соч[иненій] Державина. Я купилъ здѣсь на ярмонкѣ нѣсколько портретовъ, которые, съ прежде у меня бывшими, отправляются къ тебѣ для положенія основанія нашему общему Альбому.

Рисунковъ къ соч. Шиллера я уже здѣсь не нашелъ: проданы. Мундиръ, кажется, получу сегодня, ибо, какъ говорятъ, на почтѣ есть ко мнѣ посылка; я сошью себѣ здѣсь другой, попроще и пошире, а въ сертукѣ, намъ позволенномъ, нехорошо, ибо онъ слишкомъ похожъ на провіянтской.

Я совершенно расположился; мои занятія начались — и слава Богу — какъ то живѣе, сильнѣе: какъ будто послѣ бездѣйствія душевныя силы крѣпнутъ.

На всякой случай скажи при случаѣ Грефу, чтобъ онъ выписалъ Liefländische Chronik von Arndt; я теперь ее читаю и увидалъ, что она необходима для моихъ поэтическихъ плановъ.

Прощай; ето письмо не въ зачетъ.

Ивановы, здѣсь прилогаемыя, грамотки разпоряди по принадлежностямъ.

На прошлой почтѣ я отправилъ 8 листовыхъ писемъ — ето не шутка: мнѣ хотѣлось показать, что я всѣхъ вспомнилъ и по пріѣздѣ въ Дерптъ.

Твой Н. Языковъ.

LXXX.

А. М. Языкову.

1 Февраля, 1825. Дерптъ.

Благодарю тебя, любезный братъ, за все, что ты мнѣ присылаешь: особенно меня плѣнили гравюры къ Мишо. Мундиръ я получилъ вчера; воротникъ не годится: впрочемъ, къ послѣзавтра мнѣ пришьютъ другой — и все славу Богу. Письмо отъ Ал[ександра] Дм[итріевича] къ Ел. Фил. нашлось у меня; послать его нельзя съ сею почтою: я не разсудилъ за благо, потому что на слѣдующей и дешевле и умѣстнѣе поѣдетъ оно съ книгами.

Мнѣ присылаютъ Московскій Телеграфъ: слогъ дубовой, и, кажется, ничего важнаго не выдетъ. Булгаринъ сдержалъ свое слово — и я радъ: Сѣвер[ный] Арх[ивъ] заключаетъ въ себѣ много любопытнаго и дѣльнаго. Впрочемъ, ети[1]) присылки имѣютъ для меня ту невыгоду, что за нихъ должно платить стихами, а у меня едва ли скоро будетъ что-нибудь журнальное, мѣлкое: я рѣшился непремѣнно написать повѣсть — ето будетъ первый опытъ моей Музы въ етомъ родѣ. Ренуаромъ я доволенъ: въ немъ есть почти все, что мнѣ нужно было знать прежде сочиненія повѣсти, а остальное въ Real-Encykl[opädie].

Отъ Погожева я не получилъ посланія — видно, не кончано, какъ ты замѣтилъ. Не знаю, скоро ли буду въ духѣ отвѣтить Пушкину; благодарю Амплія за разпространеніе моихъ и меня касающихся стиховъ. Видно, онъ не на шутку познакомился съ Киселевымъ. Мнѣ хотѣлось бы знать, что говоритъ Амплій о Кис[елевѣ]; попроси его написать объ етомъ ко мнѣ; послѣ етаго я спрошу у Киселева объ Амплiѣ и тебѣ доставлю: етимъ, вѣрно, укрѣпится ихъ знакомство.

Клейна, я думаю, отыщу — и пришлю вмѣстѣ съ Ласкаромъ. Здѣшнія книжныя лавки замѣчательны особенно тѣмъ, что въ нихъ мало книгъ, кромѣ романовъ и тѣхъ, по коимъ читаютъ лекціи.

Я пришлю къ тебѣ у меня оставленныя Илличевскимъ его стихотворенія — для доставленія его брату: ибо ты, какъ помнится, его знаешь, и у васъ въ канцеляріи служитъ кто-то близкій знаменитому Епиграмматику.

Totus tuus Н. Языковъ.

Кланяйся Амплію и проч. Къ первому я писалъ на прошлой почтѣ — что жъ онъ?

LXXXI.

А. М. Языкову.

Февраля 4. 1825. Дерптъ.

Ты вѣрно не знаешь, любезный братъ, что я въ прошломъ годѣ, оставляя Дерптъ, обѣщалъ — окаянный! — извѣстной Маріи описать стихами мое путешествіе; теперь она требовала исполненія — я отвѣчалъ, что его нѣтъ, но, по просьбѣ ея, долженъ былъ написать хоть что-нибудь въ етомъ уродливомъ родѣ. Вотъ отрывокъ изъ поѣздки отъ Д[ерпта] въ Пе[тербургъ]:

---

1) Въ *П.* етѣ.

Корчма.

Несется тройка удалая,
Бренчатъ колеса; пыль столбомъ,
Изъ подъ телѣги вылетая,
Бѣжитъ за пыльнымъ сѣдокомъ.
Очамъ отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумитъ передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово — но зачѣмъ оно?
Его сберетъ Чухонецъ сонной
И промѣняетъ на вино!
Налѣво зрѣлище иное:
Какъ оживленное стекло,
То млечное, то голубое —
Волнами Озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
Меня палитъ несноснымъ жаромъ:
«Вези въ корчму — я пить хочу».
Такъ я извощику ворчу,
Неоскорбительнымъ ударомъ
Къ его притронувшись плечу.
Онъ понялъ, плеткою лихою
Коней задумчивыхъ стегнулъ —
И я отраднѣе вздохнулъ
Передъ булыжною корчмою.
Вхожу въ нее — она полна;
Не милы лица, одѣянья
Сего незнатнаго собранья:
Здѣсь видѣнъ и плохой Чухна,
И некрасивая Чухонка,
И бѣдный жидъ — съ нимъ два жидёнка,
И грязная его жена,
И православные солдаты,
И трое нищихъ, и одинъ —
Знать арендаторъ, знать богатый —

Въ сафьяной шляпѣ господинъ.
Я пить спросилъ — рукой немытой
Хозяйка кружку мнѣ дала,
Вода нечистая была:
Душа питья не приняла,
И я съ поспѣшностью сердитой
Корчму покинулъ и лечу.
Несносный жаръ! я пить хочу!

Пошли ети стихи Парашѣ [1]).

Дай обсудить ето Амплію, и если онъ не произнесетъ veto для печати, то пусть поскорѣе доставитъ въ Сѣверную Пчелу, ибо, въ противномъ случаѣ, Воейковъ можетъ у себя напечатать: Дир[ина], вѣрно, пошлетъ ето къ женѣ его. Если же Амплій не пропуститъ, то да останется етотъ отрывокъ у тебя доказательствомъ, что моя Муза о сю пору не перестала служить суетѣ мірской:

Мудрецъ — народовъ просвѣтитель —
Бывалъ ли твердъ и мудръ всегда?

Другія прежнія новыя произведенія мои въ Дерптѣ, вѣрно, уже тебѣ извѣстны черезъ Амплія.

LXXXII.

А. М. Языкову.

1825. 11 Февраля. Дерптъ.

Извини меня, любезный братъ, что я не послалъ тебѣ стиховъ, отправленныхъ въ Полярную Звѣзду; будь увѣренъ, что причиною етому было совсѣмъ не желаніе скрывать отъ тебя мои произведенія, а только увѣренность въ Ампліевомъ всезнаніи нашей современной литтературы. Амплій, вѣрно, не приложилъ и малѣйшаго старанія узнать, что сдѣлала моя Муза: въ противномъ случаѣ, конечно, ни малѣйшая малость не скрылась бы отъ его проницательнаго взора.

Благодарю за Лерберга. Я не знаю, почему не получилъ ты до сихъ поръ книгу Peter der Grosse als Mensch und Regent: я отправилъ ее еще на предъпредъидущей почтѣ. Г. Меркель — тотъ самый, котораго Жанъ-

1) Послѣднія четыре слова помѣщены, въ видѣ выноски, наверху четвертой страницы письма.

Поль сравнилъ съ собаченкою, обыскивающею прекрасныя зданія — [1]) кажется, не вовсе справедливъ въ сужденіи объ этой книгѣ: она еще только началась издаваться — вышло 2 части, должно выдти еще 4. Какъ же говорить, что авторъ не исполнилъ заглавія, когда не знаемъ всего сочиненія, и когда должно ожидать его сужденій о характерѣ Петра, конечно, не прежде повѣствованія его подвиговъ!

Впрочемъ, историческая вѣрность сего сочиненія кажется несомнительна, и чтобъ ни было дальше, не глядя на заглавіе, все-таки его будутъ читать съ пользою желающіе видѣть въ связи все царствованіе Петра.

Моя повѣсть начата и благополучно продолжается, но вы не прежде получите сужденіе объ ея характерѣ, какъ по окончаніи первой пѣсни. Напрасно Амплій разпространилъ объ ней славу прежде времени; я помню басню Крылова «Синица» и вовсе не имѣю глупаго самолюбія думать, что могу производить только прекрасное.

Я поступилъ смѣлѣе твоего при начатіи переписки съ Ел[изаветой] Петр[овной], т. е. первое письмо между нами выѣхало изъ Дерпта; я до того хочу простереть мою комплиментику, что готовлю посланіе въ стихахъ къ Ел. П. Ето дань семейственнымъ отношеніямъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ дѣйствовать въ мою пользу въ области мнѣній нашей новой родни. Не такъ ли?

Замѣтилъ ли ты, что въ Сл[оварѣ] Рос[сійской] Ак[адеміи] есть много словъ вовсе не объясненныхъ. Вотъ какъ ето случается: стоитъ одно слово, отъ него посылается читатель къ другому — а етого не находитъ, напр. слово вассалъ; многихъ словъ вовсе нѣтъ, напр. благодатный. Я началъ читать словарь по порядку; ето очень полезно [2]), и ты увидишь въ моей повѣсти нѣсколько мною возобновленныхъ словъ.

Мой портретъ ты получишь даже въ теченіи текущаго поста: я уже отыскиваю живописца. Нельзя ли и тебѣ заплатить мнѣ въ етомъ случаѣ тою же монетою?

Я очень доволенъ моимъ товарищемъ; онъ принесетъ мнѣ много пользы: каждой день даетъ мнѣ уроки въ Лат[инскомъ] и Нѣм[ецкомъ], а съ слѣдующей недѣли начнутся и Греческіе. Кромѣ того, что самое всегдашнее нахожденіе его вмѣстѣ со мною увеличиваетъ мою практику говорить по нѣмецки, мы еще читаемъ съ нимъ вмѣстѣ по вечерамъ разныя

---

1) Послѣдняя фраза помѣщена въ подлинникѣ, въ видѣ выноски, на первой страницѣ письма.

2) Въ *П.* полѣзно.

разности — напримѣръ, теперь повѣсти Тика: ето прекрасныя вещи; рекомендую тебѣ ихъ, а особенно современно сатирическую Die Reisenden.

Кланяйся Василью Афанасьевичу и Свербѣеву, ежели пишешь къ нему.

Прощай покуда.

Твой Н. Языковъ.

Я читалъ Бурсака, соч. Нарѣжнаго: жаль, что онъ не имѣетъ вкуса.

Мнѣ присылаютъ и Сынъ Отечества — итакъ, я всѣ лучшіе[1]) рускіе журналы получаю даромъ.

LXXXIII.

Матери.

15 Февраля, 1825. Дерптъ.

Я все еще не получилъ ни одного письма отъ васъ, любезная Маминька, и всѣ, кому писалъ я въ Симбирскъ, до сихъ поръ еще не удостоили меня своими отвѣтами. Етого не ожидалъ я ни отъ Александра Дм[итріевича], ни отъ Ел[изаветы] Петровны и даже отъ Параши; но пусть будетъ, что будетъ — я свое сдѣлалъ: началъ переписку — продолженіе зависитъ отъ нихъ, потому что я, не получая отвѣтовъ, имѣю полное право думать, что со мною не хотятъ переписываться. На слѣдующей почтѣ отправлю къ Ел[изаветѣ] Петровнѣ книги для нее — Шиллеровы стихотворенія — и для Параши Театръ Шенье; я давно обѣщалъ имъ ето сдѣлать, но переплетчикъ необыкновенно долго продержалъ ихъ — итакъ, да простятъ мнѣ ету медленность, какъ погрѣшность невольную и нѣкоторымъ образомъ не мою.

Вчера причащался я; здѣсь говѣть не шутка: кромѣ худой икры и такой же рыбы, нечего ѣсть — да и то достать не легко.

Не забыла ли Параша обѣщаніе прислать мнѣ свой портретъ, и Елизавета Петровна тоже?

Прощайте.

Вашъ покорнѣйшій сынъ

Н. Языковъ.

Мои почтенія Ел[изаветѣ] Петровнѣ, Алекс[андру] Дмитр[іевичу] и всѣмъ роднымъ. Парашу и Катушу цѣлую.

Сдѣлайте милость, отдайте по адресу записку, здѣсь прилогаемую, отъ моего Ивана.

---

1) Въ *П.* лучшія.

LXXXIV.

А. М. Языкову.

1825, 15 Февраля. Дерптъ.

Благодарю за Лерберга; онъ мнѣ будетъ очень полезенъ во второй моей повѣсти, которая имѣетъ слѣдовать за текущею не въ дальномъ разстояніи.

Жалѣю, что до сихъ поръ не получаю Ласкара и Пукевиля и Клейна; книгопродавецъ обѣщаетъ непремѣнно мнѣ вручить ихъ на слѣдующей недѣлѣ—дай Богъ вѣрности его обѣщанію. Етимъ замедленіемъ въ полученіи сихъ книгъ объясняется и долгое пребываніе здѣсь письма Валуева: я не знаю, какъ можно послать его особо. Съ книгами для тебя я пришлю одну, которую доставь Вл. Княжевичу: ето будетъ третья часть Парротовыхъ Разговоровъ о Физикѣ. Записки о Рускомъ Госуд. Правѣ проф. Неймана надѣюсь скоро получить для отданія списать: етотъ превозходный профессоръ теперь не читаетъ лекціи и еще три года не будетъ читать: онъ ѣдетъ, какъ говорятъ, путешествовать въ чужеземію; мѣсто его заступилъ человѣкъ, незначущій въ полѣ учености и новичекъ въ рускомъ правовѣденіи и языкѣ.

Здѣшній университетъ получилъ предписаніе отъ Министра Просв[ѣщенія] болѣе заботиться[1]) о знаніи студентовъ въ рускомъ языкѣ. Говорятъ, что для исполненія етаго — трудно отгадать, для чего полезнаго — предписанія будутъ здѣсь нѣкоторыя лекціи преподаваться по руски. Теперь представляется вопросъ очень важный: кто изъ профессоровъ можетъ ето дѣлать? Кромѣ Перевощикова, только двое знаютъ по руски: Еверсъ и Нейманъ; кромѣ Перевощикова, никто не можетъ говорить по руски — а на немъ одномъ не далеко уѣдешь[2]).

Мундиръ мой выправленъ по формѣ, и я въ немъ на лекціяхъ; впрочемъ, большая часть студентовъ очень рѣдко являются въ указной одеждѣ; только почти одинъ Еверсъ видитъ мундиры кругомъ своей кафедры.

Я говѣлъ на первой недѣлѣ поста и причащался. Перевощиковъ думаетъ, что я ето дѣлалъ отъ сердца и ума, а не pro forma, и пышно благодарилъ меня за мой христіанизмъ, обѣщалъ мнѣ успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ — въ награду благочестію и проч. и проч. Богъ съ нимъ!

---

1) Въ *П.* заботится.
2) Въ *П.* уедешь.

Какія вздорныя повѣсти переводятъ съ Нѣмецк[аго] Княжевичи для С[ына] О[течества]. Что — Ампліи вовсе покинулъ литтературное поле?

На сихъ дняхъ ожидаютъ сюда возвращенія изъ Петербурга профес[сора] Паррота: онъ туда ѣздилъ съ прожектами противъ наводненій; вѣрно, не миновалъ П[етра] Анд[реевича], и, вѣрно, ты знаешь, въ чемъ дѣло и какъ было.

Прощай.

Totus tuus Н. Языковъ.

Погожеву и Очкину писалъ на прошлой почтѣ и жду отвѣтовъ.

LXXXV.

А. М. Языкову.

18 Февраля, 1825. Дерптъ.

Я согласенъ съ тобою во мнѣніи о моей Корчмѣ, но мнѣ кажется, что въ ней есть четыре стиха моихъ: узналъ ли ты? и праведно ли я себя вижу?

Вотъ тебѣ образчикъ метра мною воздвигаемой повѣсти:

Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта,
Какъ мощнаго воителя стрѣла,
Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
И горній летъ побѣднаго орла —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Онъ весь дался надеждамъ золотымъ,
И новый міръ яснѣетъ передъ нимъ,
Для подвиговъ прекрасныхъ безконечный!
(Правда ли?)

Въ етой первой попыткѣ моей Музы въ родѣ повѣствовательномъ не будетъ ни главною, ни даже посредственною причиною любовь: ты, вѣрно, одобришь въ ней ето отсутствіе страсти пережеванной и по твоему не высокой. Дѣло идетъ слава Богу: надѣюсь къ Пасхѣ прислать тебѣ на искусъ первую пѣснь.

Какъ не скопецъ, радуюсь, что Ампліи готовится въ вице[е]-губер[наторы] въ Нижній Нов[городъ]; согласенъ, что ярмарка можетъ занять мыслителя въ литтературномъ и даже въ нелитературномъ отношеніи,

можетъ открыть ему широкое поле для дѣйствій; да и въ самомъ[1]) городѣ и не въ многолюдное время Амплій не задумается объ томъ, что дѣлать: какое раздолье наставлять тѣла и души, просвищать (sic) и просвѣщать! Дай же Богъ успѣха его выжиданію!

Къ брату Петру я уже писалъ разъ; развѣ Корнѣевъ не въ разпоряженіи Петр[а] Анд[реевича]? Видно, цѣлое горное правленіе скоро перейдетъ въ руки Любарского; видно, оселъ осла погоняетъ. O tempora, o mores!

Рисунокъ воротника, къ тебѣ посланный, теперь не имѣетъ никакого значенія; ето случилось потому, что посылка отправлена нѣсколькими часами прежде, нежели я получилъ мундиръ.

Воейкова еще не здѣсь; ее ждутъ. У тебя теперь есть образчикъ того, какъ дѣйствуютъ на мнѣ двѣ причины стиховъ моихъ, В[оейкова] и Д[ирина]: для первой написано привѣтствіе, которое ты одобрилъ для печати, для второй Корчма.

Теперь мы читаемъ Гётева Фауста. Прочти, если еще не читалъ: онъ возмутительно прекрасенъ и, вѣрно, тебѣ понравится въ высочайшей степени.

Къ Погожеву пишу на сей почтѣ не въ очередь, по твоему совѣту: вотъ что значитъ горе отъ ума!

Прощай. Totus tuus Н. Языковъ.

Кланяйся Грудеву; не знаетъ ли онъ чего-нибудь новаго объ Катенинѣ? Пусть со мною спишется, за отвѣтами дѣло не станетъ.

Ел[изавета] Петр[овна] ко мнѣ писала (прилагаю образчикъ): пошла комплиментика — я буду за нее платить тою же монетою, но постараюсь ее чеканить такъ, чтобъ видно было, что она фальшивая.

Пришли мнѣ при случаѣ черную манишку отъ Линке[2]).

LXXXVI.

Сестрѣ П. М. Языковой.

1825. 20 Февраля. Дерптъ.

Я писалъ къ тебѣ, любезная Параша, и, вѣрно, ты получила письмо мое прежде, нежели я твое. Я имѣлъ бы право ожидать на него отвѣта и не писать къ тебѣ до тѣхъ поръ, но ето было мнѣ самому непріятно — итакъ и проч.

---

1) Въ *П.* самымъ.

2) Послѣдняя фраза помѣщена, въ видѣ приписки, на верху первой страницы письма.

Напиши мнѣ что-нибудь поопредѣлительнѣе, поподробнѣе о балѣ, которой, по моимъ соображеніямъ и разщетамъ, долженъ былъ уже совершиться. Конечно, въ немъ случилось что-нибудь занимательное и для меня, отдаленнаго наблюдателя дѣлъ симбирскихъ. Не было ли тутъ чего-нибудь для Александра Дмитріевича торжественнаго, уповательнаго и сладостнаго?

Опять повторяю тебѣ мою просьбу: пришли мнѣ твой портретъ; ты обѣщала ето сдѣлать, и я надѣюсь на твое слово, но все-таки напоминаю тебѣ объ етомъ: такъ сильно во мнѣ желаніе украсить мою комнату тобою. У Елисаветы Петровны просилъ и прошу того же; попроси и ты ее, если увидишь, что одни мои слова не очень дѣйствуютъ.

Братъ Александръ, вѣрно, послалъ тебѣ нѣсколько новорожденныхъ моихъ стихотвореній; въ литтературномъ смыслѣ онѣ ничего не значатъ, но етимъ докажется тебѣ, что я не хочу и того скрывать отъ тебя, что скрываю отъ публики.

Какъ идутъ твои учебныя занятія? что ты читаешь? что тебѣ нравится? Пиши объ етомъ. Ты можешь мнѣ сообщать много новаго о французской литературѣ; Ел[изавета] Петр[овна] имѣетъ все свѣжее — слѣдственно, ты читаешь современно ходу Фр[анцузской] Литтер[атуры], а я здѣсь рѣдко вижу французскую книгу, рѣдко слышу французское слово — и мало забочусь о томъ, что пишутъ ети пигмеи ученаго міра.

Твой Н. Языковъ.

Кланяйся бабушкѣ П[расковьѣ?] И[вановнѣ?] и проч. и проч. И. К. Берху и П. А.

LXXXVII.

П. М. Языкову.

1825. 20 Февраля. Дерптъ.

Ты ко мнѣ не пишешь, любезный Петръ; я вовсе не обижаюсь етимъ, если оно происходитъ отъ многочисленности занятій, да и въ противномъ случаѣ что за щеты между нами? Будемъ во всемъ свободны: въ мысляхъ, поступкахъ и письмахъ; то и другое и третіе зависитъ отъ состоянія духа — слѣдственно, свобода ихъ предполагаетъ свободу перваго.

Я, слава Богу, теперь въ такомъ положеніи, что могу ни чему и [ни]кому не завидовать — и, слѣдственно, щастливъ. Всѣ дѣла мои идутъ добропорядочно и не обманываютъ надеждъ моихъ. Я вполнѣ независимъ, живу какъ-то особо отъ всего меня окружающаго. За то цѣлый день про-

сиживаю въ халатѣ, въ своей тарелкѣ, ничѣмъ, кромѣ всего моего, не занятый: не правда ли, что етакое существованіе похоже на что-то необыкновенное, сладостное, райское и, слѣд., не земное? Не правда ли, что:

Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта,
Какъ мощнаго воителя стрѣла,
Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
И горній летъ побѣднаго орла —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Онъ весь дался надеждамъ золотымъ,
И новый міръ яснѣетъ передъ нимъ,
Для подвиговъ прекрасныхъ безконечный!

Ети стихи взяты изъ моей повѣсти о ливонскихъ рыцаряхъ, которая началась и благополучно продолжается, и есть надежда, что кончится, какъ началась. Пушкинъ живетъ теперь верстъ за 200 отъ сюда, за Псковымъ; онъ меня зоветъ къ себѣ — не знаю, что отвѣчать на ето:

Вѣдь съ ними вязаться
Лишь грѣхъ, суета.

Впрочемъ, впрочемъ... теперь я ни какъ не могу ѣхать къ нему; что будетъ далѣе, теперь не могу знать — такъ и далѣе.

Говорятъ, что Любарскій въ великой чести у Карнѣева: оселъ осла погоняетъ, меринъ мерина лижетъ; тутъ первая пословица, вѣрно, болѣе къ статѣ. Надѣюсь, что твое отставное состояніе не погаситъ въ тебѣ ни любви къ наукамъ, ни желанія быть полезнымъ, потому что и то и другое у тебя никакъ не должно зависѣть отъ чего-нибудь внѣшняго, отъ службы, отъ мѣста и времени: иначе оно было бы недостойно тебя и не стоило бы даже цѣны твоей библіотеки по сей части.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, но не стой —

такъ писалъ ко мнѣ Дюкъ послѣ перваго моего пріѣзда въ Дерптъ.

Прощай, любезнѣйшій; будь всегда собою, будь твердъ, какъ кремень, и не давай другимъ высѣкать изъ него искры; высѣкай ихъ самъ: само-

стоятельность, Selbstherrschaft — да будутъ твоими девизами въ важнѣйшихъ дѣлахъ твоихъ, а что можетъ быть важнѣе наукъ для человѣка?

Твой Н. Языковъ[1]).

LXXXVIII.

А. М. Языкову.

Февраля 24. 1825. Дерптъ.

Письмо твое отъ 21 Февраля я имѣлъ удовольствіе получить; благодарю за Невскій Альманахъ и за Онѣгина. Я не желалъ бы сочинить то, что знаю изъ Онѣгина. Твое мнѣніе о Вл. Княжевичѣ мнѣ кажется справедливымъ; онъ хорошій, доброй человѣкъ, но съ нимъ бываетъ скучно бывать, особливо часто.

Что сдѣлалось съ П[етромъ] Андр[еевичемъ], что онъ оставляетъ службу, какъ ты пишешь? Не смуты ли боярскія? не скопы ли и заговоры? Куда ты бросишься, когда онъ броситъ службу, и гдѣ найдешь независимую и незанятую, подобно теперешней? Я очень благодаренъ Департаменту Госуд. Казначейства за непропущеніе стиховъ моихъ; впрочемъ, для меня довольно было бы одного Ампліева veto.

Очень радуюсь, что Грибоѣдовъ переводитъ Фауста; желаю и надѣюсь успѣха, но могу сказать утвердительно, что онъ переведетъ его не для печати: я даже не знаю, какую сцену можетъ пропустить цензура. Кланяйся и отдай мое почтеніе Грибоѣдову и Одоевскому: вѣдь, ты ихъ часто видишь у Роспини. Комедіи первого о сю пору только ожидаю; впрочемъ, теперь надѣюсь получить скорѣе, потому что уже просилъ Погожева поторопить ему подручныхъ перепищиковъ. Я не знаю, за что онъ на меня въ претензіи: я къ нему пишу вовсе не рѣдко, т. е. столько, сколько онъ. Къ Амплі[ю] Очкину тоже пишу по мѣрѣ его писемъ; пусть они сами посудятъ: вѣдь, нельзя же мнѣ здѣсь только и дѣлать, что писать письма; ето выше силъ моихъ и ниже моей Музы — не такъ ли, другъ мой?

Къ Вл. Княжевичу напишу на сей почтѣ, которая повезетъ и книгу для него, Физ[ику] Пар[рота] 3; отдай ее по адресу. Замѣть ему стороною: какъ де не стыдно переводить повѣсти дурака Клаурена? Неужели въ Нѣмецкой Литтер[атурѣ] нѣтъ въ етомъ родѣ классическихъ, великихъ писателей? Къ статѣ: ты, кажется[2]), хотѣлъ начинать покупать историче-

1) Наверху первой страницы этого письма другой рукою — вѣроятно, П. М. Языкова — написано: «отвѣчалъ 9 марта».

2) Въ *П.* хочется.

скія книги; рекомендую тебѣ всеобщую исторію Ротека: я влюбленъ въ него, не смотря на то, что онъ называетъ, по невѣденію, языкъ руской die Sprache der Knechtschaft. Не запрещенъ ли онъ въ Петерб[ургѣ]? Я и мой товарищъ, которымъ я вовсе доволенъ, мы начали изъучать ету исторію gründlich, что называется съ корню; ето нѣкоторымъ образомъ остановило мою повѣсть, но все-таки къ Пасхѣ первая пѣснь будетъ готова; Гаусманъ уѣдетъ недѣли на двѣ въ началѣ будущаго мѣсяца изъ Дерпта, я останусь одинъ, и етого времени будетъ довольно на первую пѣснь; канва готова, даже многія частныя мысли готовы, даже стиховъ сто и болѣе начальныхъ готовы: вѣдь, Коллинъ написалъ въ шесть недѣль своего длинного Ромула; у него также все, кромѣ стиховъ, было на чику (sic) — и дѣло за споромъ стало, а у меня еще нѣтъ послѣдняго стѣсненія. Ты долженъ непремѣнно имѣть Роттека; если нѣтъ въ П[етербургѣ], напиши ко мнѣ.

На сей почтѣ посылаю Ласкара; я его ни чуть не читалъ, чтобы не отвлечься отъ занятій важнѣйшихъ: стоическій подвигъ! Тетради Илличевского тоже посылаю для доставленія, куда слѣдуетъ; полюбопытствуй, загляни въ нихъ.

Твой весь Н. Языковъ.

Пукевиля тоже я получилъ; удержу его съ мѣсяцъ — можетъ быть, удастся[1]) прочесть. Клейнъ ѣдетъ, но еще не полученъ.

Портретъ мой пришлю, когда дождусь къ 1-му Февраля слѣдующей присылки денегъ.

Воейкова еще не пріѣхала.

Скажи Амплію, чтобъ онъ напомнилъ Бестужеву поставить подъ стихами, присланными ему мною изъ Симбирска: Симбирскъ; ето необходимо[2]).

LXXXIX.

А. М. Языкову.

29 Февраля, 1825. Дерптъ.

Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился: думаю, что ето самое худое изъ произведеній Пушкина. Мы, рускіе, мѣряемъ слишкомъ маленькимъ аршиномъ умственныя творенія и думаемъ, что наша мѣра такая же, какъ у просвѣщенныхъ народовъ. Какъ мало наше великое въ современной литтера-

1) Въ *П.* удастся.

2) Всѣ эти приписки, слѣдующія послѣ подписи, помѣщены наверху и внизу 1, 2 и 4 страницъ письма.

турѣ, ничтожно значительное и низко возвышенное, если взглянуть на него, зная Гёте и Шиллера; мы пигмеи передъ сими исполинами, а все-таки думаемъ, что мы ровня имъ, или потому, что ихъ не знаемъ, или потому, что не знаемъ себя и въ чемъ состоитъ истинная поэзія. Есть люди, которымъ часто кажется божественнымъ и высокимъ то, что Нѣмцы называютъ das Erhabene des Unsinns! Не правда ли?

Погожеву чрезвычайно нравится предисловіе къ Онѣгину: у него нельзя спросить — почему? Если Пушкинъ изображаетъ себя подъ именемъ лица, разговаривающаго съ поэтомъ, то не дай Богъ злому Татарину быть Пушкинымъ. Мысли ни на чемъ не основанныя, вовсе пустыя, и софизмы минувшаго столѣтія очень видны въ Онѣгинѣ тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя; тоже и въ предисловіи. На сей почтѣ посылаю книгу для Княжевича, тетради Илличевскаго и письмо Валуева.

Твой Н. Языковъ.

Погожеву пишу на сей почтѣ; ты не можешь себѣ представить, какъ скучно переписываться съ человѣк[ом]ъ, не имѣющимъ мыслей и одареннымъ способностію писать безъ нихъ. Не показывай ему моихъ писемъ, гдѣ объ немъ говорится: онъ, кажется, помнитъ, что видѣлъ въ письмѣ моемъ къ Очкину — Богъ съ нимъ!

Литтературное прибавленіе. Вотъ еще стихи, которые посылаю сегодня же къ Булгарину; имъ дало существованіе извѣстіе, что Воейкова скоро сюда будетъ.

На петербу[р]гскую дорогу
Съ надеждой милою смотрю
И путешественниковъ Богу
Свои молитвы говорю:
Пускай отъ холода и вора
Онъ днемъ и ночью васъ хранитъ;
Пускай плѣнительнаго взора
Вьюга лихая не гнѣвитъ;
Пускай зима крутые враги
Засыплетъ бисеромъ своимъ,
И кони, полные отваги,
По гладкимъ доламъ снѣговымъ,
Подъ голубыми небесами,
Быстрѣй поетовой мечты,
Служа богинѣ красоты,
Летятъ съ уютными санями!

Клянусь моими божествами —
Я непритворно васъ зову!
Ужъ долго грѣшными стихами
Я занималъ свою молву;
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство, и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ:
Я, видя васъ, любимецъ Музы,
Я только трубадуръ безъ васъ!

Ети стихи будутъ тайною и для Воейковой: въ противномъ случаѣ, здѣшнія землячки мои имѣли бы полное право сердиться[1]) на меня грѣшнаго.

Письмо къ Валуевой на сей почтѣ не поѣдетъ: три дни ей ничего не значитъ подождать, а мнѣ кажется удобнѣе отправить его съ книгами, которыя къ тому времени получить надѣюсь. Замѣчу мимоходомъ, что и здѣсь, въ Нѣметчинѣ, я не могъ найти Клейна: его выписываютъ для меня изъ Риги и говорятъ, что скоро получатъ.

Объ Пукевилѣ мнѣ сказывалъ книгопродавецъ, будто оный запрещенъ такъ строго, что Господи упаси, но что я, какъ человѣкъ, которому онъ съ большимъ удовольствіемъ продаетъ книги (значитъ — не въ долгъ), получу его черезъ нѣсколько дней.

Отъ Погожева я получилъ письмо и отвѣчу ему не на сей почтѣ, потому что на нее пора.

Кланяйся Очкину; жду письма его.

Totus tuus Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ мои почтенія и поклоны.

Ето письмо имѣетъ всѣ свойства письма отъ стихотворца — не правда ли?

XC.

П. М. Языкову.

11 Марта, 1825. Дерптъ.

Я отъ тебя ожидалъ писемъ, любезный Петръ; ты, видно, забылъ свое обѣщаніе. Неужели тебѣ писать къ намъ нечего? Ето невозможно. Развѣ

1) Въ *П.* сердится.

ты думаешь, что меня не занимаетъ, не трогаетъ то, что дѣлаешь, что съ тобой дѣлается, какъ проводишь дни, щастливъ или... или... Ето все такія дѣла, объ которыхъ вѣрнѣйшія извѣстія можно получить отъ тебя самаго. Сдѣлай милость, будь откровенъ (sic) или, лучше сказать, не лѣнись извѣщать насъ, отдаленныхъ мыслителей, о твоемъ житьѣ-бытьѣ.

«Ежели щастіе къ тебѣ оборотилось спиною, не унывай, осмѣлься и поверни его какъ тебѣ надобно», говоритъ одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи; ето правда — и прекрасный урокъ земнымъ человѣкамъ. Ето я испыталъ недавно по опыту. На сихъ дняхъ сюда пріѣхала Воейкова. Понимаешь? Прекрасная женщина: какъ образована, какъ умна и какъ чисто очаровательна — даже для самаго разборчиваго вкуса! Ты, вѣрно, знаешь, каковъ ея мужъ: подлецъ, сквернавецъ и гадкой; не смотря на ето, никто отъ нее не слыхалъ ни слова о томъ, что она его не любитъ, что вышла за него по неволѣ; между тѣмъ ето всѣмъ извѣстно: не правда ли — прекрасная, божественная женщина! Жаль только, что судьба съ нею такъ глупо распорядилась: какъ жить вмѣстѣ подлости и благородству, черту и Ангелу, красотѣ и безобразію? Но судьба — деспотъ: дѣлаетъ, что хочетъ, такъ и сякъ, етакъ и наоборотъ. Должно поставить себя выше ея могущества, быть собою, независимымъ — и все ето возможно человѣку, отпечатку вѣчнаго совершенства. Извини, любезный Петръ, етотъ романтизмъ письма моего: изъ головы поэта вырываются мысли, часто не къ статѣ, неожиданно, какъ пламень изъ горы огнедышущей.

Я не понимаю, почему до сихъ [поръ] Языковская контора не присылаетъ мнѣ денегъ: въ бютжетѣ означено къ 1 Февраля. Сдѣлай милость, поторопи се и прикажи, чтобъ впередъ етого не было. Я на сей почтѣ пишу только къ тебѣ одному, потому что писемъ въ долгъ не принимаютъ.

Вездѣ и всегда твой Н. Языковъ.

Всѣмъ роднымъ мои почтенія.

XCI.

А. М. Языкову.

11 Марта, 1825. Дерптъ.

Твое письмо отъ 6 сего мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить. Не знаю, скоро ли получу Клейна; книгопродавецъ все говоритъ мнѣ, что онъ уже въ дорогѣ — видно, ѣдетъ на долгихъ. Пожалуй, я выпишу еще Ласкара для Ф.; только теперь не могу етого сдѣлать, ибо уже мѣсяцъ ровно жду и не получаю изъ Симб[ирска] денегъ: не знаю, что ихъ тамъ удерживаетъ. Я ду-

малъ, что не буду имѣть нужды напоминать объ етомъ тамошнему нашему казначейству; еще къ 1 Февраля должно было бы оно выслать: ни тутъ то было; ето обстоятельство меня почти ни чуть не разстраиваетъ, однакожъ согласись, что непріятно, напр., вотъ что: мой портной и сапожникъ, и булошница, и прачка, и молочница уже третью недѣлю посѣщаютъ меня по почтовымъ днямъ — и я принужденъ обнадеживать ихъ слѣдующею почтою; замѣть мимоходомъ, что ети долги не могутъ быть уничтожаемы предварительно или вдругъ одинъ разъ въ семестръ, потому что суть дѣла непостоянныя, мѣняющіяся очень часто, смотря по продуктамъ, мастерству и проч. Я сшилъ себѣ форменной сертукъ: въ мундирѣ чрезвычайно неудобно ходить и сидѣть на лекціяхъ. Я было началъ читать съ моимъ товарищемъ Исторію Ротека, какъ писалъ тебѣ, но теперь ето дѣло отложено мѣсяца на два впередъ: ее надобно читать, уже имѣя въ головѣ всѣ подробности историческія; Роттекъ только разсуждаетъ о произшествіяхъ, ихъ оцѣниваетъ, а повѣствуетъ очень, очень, слишкомъ коротко: въ слѣдствіе етого мы примемся предварительно за Бека. Хороша для етого — и, можетъ быть, лучше Бековой — Allgemeine Weltgeschichte von Becker; я ея здѣсь не могъ достать, ее очень хвалятъ читавшіе.

Благодарю за ложку и манишку. Письмо къ Валуевой я позабылъ положить въ Ласкара; оно пріѣдетъ съ тетрадями Илличевского и съ книгою для Княжевича. Кланяйся первому; я писалъ уже послѣднему, что посылаю, но забылъ тогда, что писалъ, а теперь дожидаюсь почты изъ Симб[ирска]. Я вовсе не виноватъ въ моемъ настоящемъ безденежіи: ожидалъ присылки, по всѣмъ правамъ природы и строгой истины, къ Февралю.

Повѣсти половину къ Пасхѣ ты непремѣнно получишь; едва ли ее можно будетъ напечатать безъ конца: тутъ нѣтъ ничего цѣлаго, притомъ же и тетрадка будетъ не очень велика. Воейкова здѣсь: ето нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ то, что мои письма стали рѣдѣть; я ее видѣлъ раза три — все по прежнему, впрочемъ стиховъ на етотъ случай еще не сочинено. Она чрезвычайно любитъ Баратынскаго и Льва Пушкина; ето мнѣ непонятно и не нравится: я ихъ обоихъ знаю лично. Правда, что Воейкова не монархическая, но я не хочу также вѣрить, что она res-publica: вотъ тебѣ латинской каламбуръ.

Джонъ Буль сообщилъ мнѣ очень много непріятнаго по части нашего семейства; прилагаю письмо и еще письмо отъ Ел[изаветы] Петр[овны]: скажи, присовѣтуй, что дѣлать? Петръ съ нами, кажется, не откровенъ (sic).

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся Амплію, его брату и проч.

XCII.

А. М. Языкову.

1825, Марта 18. Дерптъ.

Вотъ тебѣ, любезный братъ, первая часть моей повѣсти; ея нельзя и не должно по настоящему печатать особливо отъ послѣдней; окончаніе черезъ мѣсяцъ поспѣетъ, и вторая часть будетъ болѣе первой — слѣдственно, составится не вовсе малая книжка. Амплію предоставляется въ полное владѣніе ето произведеніе моей Музы: воленъ печатать, не печатать, дарить, продавать, закладывать и преслѣдывать тѣхъ, кои безъ его вѣдома и изволенія опубликуютъ — отъ чего Боже сохрани! — прежде его его собственность. Примѣчаній, кажется, не нужно: зачѣмъ важничать по пустому и не къ статѣ? Ежели вамъ нужно будетъ что-нибудь объяснить, то спрашивайте сочинителя: я готовъ ето сдѣлать — только не для публики, которую баловать не должно; пусть сама учится[1] — и не изъ примѣчаній. Не такъ ли?

Погожевъ мнѣ ужасно надоѣдаетъ; ежели на слѣдующей почтѣ не получу отъ него Горе отъ ума, то кончу съ нимъ переписку. Вообрази себѣ, что етотъ пигмей въ полѣ ума и образованности осмѣливается говорить, что въ комедіи Грибоѣдова нѣтъ логики, знанія свѣта, и много ошибокъ противъ генія языка рускаго. Онъ сердится на меня за то, что я тебѣ прислалъ нѣсколько стиховъ моей повѣсти, а ему ничего: видно, онъ до сихъ поръ все еще обрѣтается[2] въ пріятномъ заблужденіи, что я очень дорожу его мнѣніями о моихъ стихахъ и что переписываюсь съ нимъ не для того, что жду отъ него комедіи Грибоѣдова.

Я въ ладахъ съ Воейковой: бываю у ней довольно часто по здѣшнему, разъ въ недѣлю, въ подражаніе тому прускому солдату, который на вопросъ Фрид[риха] II, отъ чего онъ такъ здоровъ, отвѣчалъ: я одинъ разъ въ недѣлю хожу къ дѣвкамъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ бываю пьянъ — и такъ далѣе.

Не знаю, когда прислать буду въ состояніи Иллич[евскаго] тетради и книгу Княжевичу; мои финансы не въ цвѣтущемъ періодѣ: ето, между прочимъ, явствуетъ и изъ того, что на сей почтѣ пишу только къ тебѣ — не пишу къ Амплію, не отвѣчаю Княжевичу; впередъ надѣюсь загладить ето — впрочемъ, есть надежда — недолгое молчаніе.

---

1) Въ *П.* учиться.
2) Въ *П.* обретается.

Скажи Амплію, чтобъ онъ поблагодарилъ отъ меня Рылѣева за Думы и Войнаровскаго: послѣдній точно стоитъ благодарности, есть мѣста возхитительныя. Ежели Амплій захочетъ, не дождавшись послѣдней части повѣсти, печатать изъ нея отрывки, то пусть дастъ что-нибудь Булгарину и Гречу, а воля Амплія мнѣ свята.

Твой весь Н. Языковъ.

XCIII.

А. М. Языкову.

1825. 22 Марта. Дерптъ.

Письмо твое отъ 16 сего мѣсяца и деньги я получилъ, и благодарю тебя за такое поспѣшное вспоможеніе моимъ финансамъ; впрочемъ, я еще не чувствовалъ въ нихъ того, что называется крайностію: я пользуюсь здѣсь великимъ кредитомъ, и, кромѣ обстоятельствъ мелочныхъ[1]) и не сильно мѣшающихъ цѣлому моему существованію, о которыхъ я писалъ тебѣ, меня ничто по сей части не безпокоило; всѣ дѣла шли своимъ порядкомъ — и вотъ доказательство послѣднему: во время безденежія писана первая часть повѣсти. Ты напрасно думаешь, что я къ тебѣ не такъ расположенъ, что я съ тобой не откровененъ; будь я въ важнѣйшихъ недостаткахъ по какой бы то ни было части или, лучше, не ожидай я изъ Симбирска на каждой почтѣ денегъ, то неужели ты думаешь, что я бы не къ тебѣ обратился? Другъ мой, сказалъ бы тебѣ Лукинъ на моемъ теперешнемъ мѣстѣ: ты меня не знаешь, видно, или думаешь, что я тебя не знаю. Зачѣмъ мнѣ тебя испытывать? Мы не годъ, не два живемъ однѣми мыслями, однѣми желаньями и любимъ одинъ другаго — и, кажется, не потому только, что мы родные братья. Не такъ ли? Не такъ ли?

Къ Петру я писалъ раза три, къ Ел[изаветѣ] Петр[овнѣ], къ Парашѣ тоже; вездѣ были, впрочемъ не очень скрытые, обиняки на вторую, однакожъ ежели потребуются съ ея стороны объясненія, то въ етомъ дѣлѣ, кажется, нечего церемониться, даже вредно. Я не могу понять Петра: его досвадебный и теперешній характеры вовсе не походятъ одинъ на другаго; прежде онъ былъ какъ то самостоятельнѣе, властолюбивѣе, упруже и — не правда ли? — веселѣе. Ежели то, что объ немъ пишутъ Вал[уевъ] и Маминька, справедливо (впрочемъ, оно никакъ не можетъ быть совсѣмъ безъ основанія), ежели даже ето гипербола, то все предметъ ея не достохваленъ и жалокъ. Пиши же обиняки къ Пирушѣ, я буду дѣлать то же — мо-

2) Въ *П.* мѣлочныхъ.

жетъ быть, они подѣйствуютъ: по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ и издали все, что можемъ; если же особа, о которой идетъ слово, притворится, что ихъ не понимаетъ, то не мытьемъ — такъ катаньемъ начнемъ прямо и рѣшительно. Жаль, что Петръ отъ насъ таится: нельзя же думать, что онъ не чувствуетъ своего порабощенія и, будь между нами сказано, сердечнаго промаха.

Я бы съ удовольствіемъ исполнилъ твое предложеніе вразсужденіи В[оейков]ой, но видишь ли, другъ мой, въ чемъ дѣло: я ея никогда наединѣ не видывалъ, она какъ то высоко себя несетъ; показываетъ, что не понимаетъ моихъ изъустныхъ и печатныхъ комплиментовъ. А для врученія письма нужно имѣть хотя малѣйшую надежду, что она, какъ говорятъ наши студенты, дастъ сатисфакцію или, проще, дастъ. Впрочемъ, я что-нибудь предприму по сей части и буду сообщать тебѣ записки о моихъ приступахъ.

Для важнѣйшаго успѣха и для укрѣпленія въ дѣйствіяхъ, мнѣ мало извѣстныхъ, обращаюсь я къ Амплію: онъ человѣкъ опытной въ любовной физикѣ; прошу его совѣта, что̀ дѣлать? и прилагаю ему объясненіе о моихъ обстоятельствахъ, о положеніи осаждаемой и проч.; вѣрно, онъ не откажется помочь мнѣ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, признаюсь краснѣя, онъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, былъ бы давно побѣдителемъ; у меня вся надежда на него однаго.

Нельзя ли прислать мнѣ Адама О римскихъ древностяхъ, на рускомъ; теперь я прохожу исторію искуствъ по Мейеру: говорятъ, онъ лучше Винкельм[ана].

Не знаю, когда пріѣдетъ Клейнъ; онъ выписывается, кажется, изъ чужеземіи; я и такъ себѣ жду уже долго съ нимъ вмѣстѣ латинского лексикона; книгопродавецъ самъ не знаетъ, когда получитъ, и только говоритъ, что скоро.

Полярную Звѣзду, вѣрно, я получу подаркомъ. Къ Погожеву пишу нынѣче, и буду сильно благодарить за Горе отъ ума. Теперь я уже не получаю отъ него стихотворныхъ писемъ — и вотъ отъ чего: не знаю, не помню, къ чему сказалъ я ему свое мнѣніе о нашихъ современныхъ поэтахъ, и, видно, такъ неосторожно, что онъ самъ пишетъ мнѣ, что послѣ етого изъясненія не можетъ присылать стиховъ своихъ; вѣрно, не сдержитъ слова. Хочешь ли биться объ закладъ?

Кланяйся всѣмъ почтеннѣйшимъ.

На сей почтѣ посылаю Илл[ичевскаго] тетради и проч.

У Воейковой нѣтъ Горя отъ ума; она даже его не читала — пришли же къ Пасхѣ.

Весь твой Н. Языковъ.

Корчму я посылаю въ Телеграфъ: надобножъ чѣмъ-нибудь поблагодарить издателя; имени моего не поставятъ[1]).

XCIV.

А. М. Языкову.

1825, 1 Апрѣля. Дерптъ.

Я давно не писалъ къ тебѣ, любезный братъ, и давно не получалъ отъ тебя писемъ. Причина первому Страстная недѣля: должно было ходить въ церковь, гдѣ говѣла Воейкова, а ты знаешь, какова служба въ ето время; знаешь, что въ первый день Воскресенья много заботъ и хлопотъ всякому христіянину, но что причиняетъ твое молчаніе — ей Богу, не знаю; оно дольше моего почти вдвое.

Три почты тому назадъ, какъ я получилъ письмо отъ брата Петра, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что того же числа отправляетъ мнѣ деньги; тому числу болѣе половины мѣсяца, а деньги еще не пріѣзжаютъ; я начинаю думать, что онѣ пропали дорогой, ибо трехъ почтъ довольно, кажется, для настоящаго времени, въ которомъ стоитъ глаголъ посылать въ письмѣ брата. Сдѣлай милость, справься на всякой случай — и поскорѣе: что ето значитъ? Письмо Петра довольно весело, и, судя по оному, можно было бы не вѣрить тому, что пишетъ Валуевъ о его брачномъ подданничествѣ: можетъ быть, Петръ такъ искустно носоводимъ своею любезною половиною, что не замѣчаетъ етаго соблазна; онъ пишетъ, что занимается, читаетъ Тера и доволенъ собою; полно, вѣрить ли ему, особенно въ послѣднемъ?

Я получилъ Поляр[ную] Звѣзд[у]. Повѣсти Бест[ужева] кажутся мнѣ лучшими прежнихъ, гравюры тоже (особ. къ раб. П.). Я еще не успѣлъ свѣрить[2]) съ подлинникомъ переводъ Гриб[оѣдова] изъ Фауста или, лучше сказать, не изъ Фауста собственно, ибо кто стоитъ на крыльцѣ, тотъ не имѣетъ права говорить, что онъ въ самомъ домѣ; всего важнѣе въ П[олярной] З[вѣздѣ] переводъ Гнѣдича изъ Илл[іады]; мой товарищъ Степановъ, знатокъ языка Греческаго и Гомера, прыгалъ отъ радости, свѣряя переводъ съ подлинникомъ.

Вотъ тебѣ анекдотъ поэтическій. В[оейкова], не знаю — какимъ изъ духовъ подземнаго царства возбужденная, подарила въ знакъ памяти Тютчеву, которого ты знаешь заочно, перчатку; къ моему солюбовнику написалъ я слѣдующіе стихи:

---

1) Эта приписка помѣщена въ подлинникѣ наверху первой страницы письма.

2) Въ *П.* сверить.

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
Какъ сладостны твои мечты,
Когда подарокъ красоты
Устами жадными лобзаешь!
Душа кипитъ, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она;
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называлъ:
Одну печаль, одну обиду
Мнѣ подарилъ мой идеалъ.
Дай руку: съ гордостью спокойной
На побѣдителя смотрю
И, стиснувъ зубы, говорю
Обѣтъ, измѣнницы достойный.

Ежели ты не скажешь veto по прочтеніи етихъ стиховъ, то отдай ихъ Амплію для доставленія въ Соревнователь. Что же ты ничего не говоришь мнѣ о первой половинѣ моей повѣсти? Съ тѣхъ поръ, какъ она къ тебѣ отправилась, я не получаю отъ тебя ни слова: неужели мои лучшіе стихи подѣйствовали на тебя, какъ голова Медузы? Амплій тоже молчитъ — предатель!

XCV.

А. М. Языкову.

5 Апрѣля, 1825. Дерптъ.

Благодарю тебя—и отъ души, любезный братъ, за твою правду и истину въ сужденіи о моей повѣсти; я во всемъ съ тобой согласенъ: точно, я поторопился. Впрочемъ, все исправится при первой аказіи; только я желалъ бы знать подробнѣе твое мнѣніе—сдѣлай милость, не полѣнись написать мнѣ все сполна[1]), съ мелочною[2]) точностію, что̀ ты замѣтилъ въ моемъ новомъ произведеніи. Тогда буду поправлять, прибавлять, убавлять, передѣлывать какъ по писаному—и дѣло въ шляпѣ.

---

1) Въ *П.* съ полна.
2) Въ *П.* мѣлочною.

Теперь я имѣю полное право думать, что Петръ или не посылалъ ко мнѣ денегъ, или онѣ дорогой потеряны; сегодня пишу къ нему и спрошу объясненія на етотъ весьма важный пунктъ моего положенія. Напиши мнѣ, что ты узналъ отъ Ел[изаветы] П[етровны] вразсужденіи Параши; тутъ надобно поступить осторожно, надобно тебѣ самому вмѣшаться въ дѣло, чтобы не пустить въ просакъ сестру. Meines Wissens, всего больше должно опасаться, чтобъ Ел[изавета] П[етровна] не приняла участія, съ какой бы то ни было стороны, въ судьбѣ Пар[аши]; она можетъ сбить съ толку, натолковать пустяковъ и сдѣлать вз[д]оръ тамъ, гдѣ онъ вовсе неприличенъ: нельзя ли противъ етаго взять твоихъ мѣръ? На Петра тоже плохая надежда, особливо теперь, когда, по новѣйшимъ извѣстіямъ, онъ совершенно зависитъ отъ произвола Ел[изаветы] Петр[овны]; я его не понимаю.

Ну, братъ, видно мнѣ не вкусить отъ В[оейков]ой плода запрещеннаго: она на слѣдующей недѣлѣ отсюда уѣдетъ, а до сихъ поръ я ничего рѣшительно не сдѣлалъ, даже не притворялся влюбленнымъ и разсѣяннымъ (послѣднее легче). Впрочемъ, въ етотъ разъ она не очень сильно на меня подѣйствовала; прежде я какъ-то болѣе принадлежалъ или хотѣлъ принадлежать ей, нынѣ все шло безъ особенностей; она не произвела ни одного стиха, ни одной любовной мысли моей Музѣ. Такъ все измѣняется подъ луною. Мнѣ даже досадна ея благосклонность къ моему товарищу, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ней. На прошлой почтѣ послалъ я тебѣ стихи объ анекдотѣ,—вотъ еще продолженіе: можетъ быть, здѣсь много преувеличенія—ничего, все равно!

Напрасно я любви Свѣтланы
Надежно, пламенно искалъ;
Напрасно пьяный [1]) и непьяный
Ее хвалилъ, ее пѣвалъ.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова—
Во мнѣ утихнулъ жаръ опасной,
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холодъ холодомъ плачу:
Она res publica, мой милой—
Я съ ней бороться не хочу!

---

1) Къ этому выноска Н. М. Языкова: «Былъ».

Я замѣчаю, что Амплій какъ то охолодѣлъ ко мнѣ, давно не пишетъ: то ли онъ занятъ дѣлами государственными, то ли высоко себя несетъ. Благодарю за Адама; онъ гораздо лучше книги, по которой намъ читалъ Римскія Древности Моргенштернъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Мое почтеніе Ст[епану] Мих[айловичу], Вас[илію] Афан[асьевичу] и проч. Что же комедія Грибоѣдова?

Я напишу Нашествіе Мамая—въ родѣ моего Евпатія—и посвящу Г-ну Григорьеву.

XCVI.

П. М. Языкову.

1825, Апрѣля 5. Дерптъ.

Извини, что я такъ поздно отвѣчаю на письмо твое, любезный братъ. Денегъ, которыя, какъ ты пишешь, отправилъ еще 9 Марта, я до сихъ поръ не получалъ: видно, онѣ потеряны, или ты не посылалъ ихъ; первое мнѣ кажется вѣроятнѣе. Извѣсти меня, отъ чего ето произошло; впрочемъ, чтобъ ни было, мнѣ равно непріятно, и желаю, чтобъ етаго впередъ не случалось: ибо такими неустойками въ финансахъ можетъ нарушаться мое спокойствіе, мои занятія и даже парнасскія упражненія. Ты знаешь, какое вліяніе имѣетъ тѣло на душу, деньги на тѣло—слѣдственно и проч.

Сдѣлай милость, объясни твоей супругѣ и Парашѣ, отъ чего онѣ до сихъ поръ не получаютъ книгъ, имъ давно мною обѣщанныхъ. Когда разбогатѣю, я пришлю тебѣ очень любопытную и очень запрещенную книгу Пукевиля о Греціи; она уже у меня.

Очень радъ, что ты пишешь къ Дюку: ето—пріятное доказательство, что ты не вовсе вышелъ изъ своей сферы, еще не выпустилъ изъ глазъ твоей цѣли, еще человѣкъ!

Елис[аветѣ] Петр[овнѣ] буду писать на слѣдующей почтѣ; теперь благодарю ее за комплименты и прошу впредь не стараться получать отъ меня только ету благодарность.

Здѣсь теперь Воейкова; она по прежнему ко мнѣ благосклонна, но я не по прежнему ей услужливъ; не знаю, что будетъ дальше. Она имѣетъ въ себѣ очень много центропривлекательной силы—и для меня. Впрочемъ, мнѣ нѣтъ времени ею, какъ говорится, поплотнѣе заняться; притомъ же едва ли она не res publica. Вотъ стихи къ одному изъ моихъ товарищей, которому она подарила перчатку:

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
Какъ радостны твои мечты,
Когда подарокъ красоты
Устами жадными лобзаешь!
Душа кипитъ, душа полна
Живой надеждой наслажденья—
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она.
А я—напрасно я Киприду
Моей богиней называлъ:
Одну печаль, одну обиду
Мнѣ подарилъ мой идеалъ!
Дай руку: съ гордостью спокойной
На побѣдителя смотрю
И, стиснувъ зубы, говорю
Обѣтъ, измѣнницы достойный.

Н. Я.

XCVII.

А. М. Языкову.

1825, Апрѣля 7. Дерптъ.

Воейкова дала мнѣ нѣсколько словъ, на которыя я написалъ нѣсколько незначущихъ стихотвореній, но да будутъ тебѣ извѣстны и вѣдомы всѣ тайны моей Музы. Вотъ, напримѣръ, Элегія:

Она меня очаровала:
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.
Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ
И миръ души и сердца волю,
Какъ драгоцѣнности, хранилъ.
Любви торжественная сила,
Какъ искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.
Пускай не мнѣ ея награды:

Она—мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.
Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И возхищаюсь и любуюсь
Непобѣдимою красой.

Дерптъ.

Моя любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые
И Музы пѣсенъ и вина!
Мнѣ милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентовъ шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнѣній, удаль рукъ,
Умовъ небрежное волненье
И благородное стремленье
На полѣ славы и наукъ,
И филистимлянамъ гоненье.
Здѣсь мы творимъ свою судьбу,
Здѣсь Геній жаться не обязанъ
И Христа ради не привязанъ
Къ самодержавному столбу.
Привѣты вольные, живые
Тебѣ, любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые
И Музы пѣсенъ и вина!

Ети[1]) стихотворенія и еще три или четыре написаны въ альбомѣ Воейковой; особливо послѣднее очень къ статѣ—rus in urbe. Онѣ, конечно, не будутъ печататься—и хвала за то Провидѣнію. Остальныя пришлю послѣ.

Прощай. Жду съ нетерпѣніемъ твоего пространнѣйшаго приговора моей повѣсти; не обмани же моего ожиданія.

Твой Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* етѣ.

Наконецъ, я получилъ деньги изъ Симб[ирска]; онѣ высланы ровно мѣсяцомъ позже срока.

XCVIII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

1825, Апрѣля 7. Дерптъ.

Теперь ты уже знаешь, почему я пропустилъ двѣ почты въ нашей перепискѣ; ето еще немного, постараюсь впередъ исправить мою невольную неустойку—и вовсе не вѣрю и не хочу вѣрить, что въ прошломъ годѣ я писалъ къ тебѣ чаще.

Если Дюкъ пришлетъ ко мнѣ твой альбомъ, то я напишу въ немъ не что-нибудь, а замѣщу его весь моими стихами и доставлю тебѣ не прежде исполненія етого вовсе непринужденнаго обѣщанія. Не знаю, когда буду въ состояніи усерднѣе заняться моею Музою; теперь мнѣ не до нея: много занятій важнѣйшихъ, дѣйствительнѣйшихъ—онѣ послѣ ей же пригодятся. Муза безъ познаній то же, что умъ безъ разсудка: понимаешь? Альбомъ Ел[изаветы] Петр[овны] еще до сихъ поръ сохранилъ всю чистоту свою; все, что произвелъ я въ семъ году, напечатано—и, слѣдственно, можно или, лучше, должно предполагать, ей извѣстно. Она, вѣрно, не осердится на меня за то, что я не хочу пополнять листовъ ея стариною; придетъ время, когда будетъ у меня много, очень много новаго, и когда стихи мои будутъ во сто кратъ достойнѣе чтенія Ел[изаветы] Петр[овны]!

Не знаю, почему пишешь ты, что не можешь прислать мнѣ твоего портрета по почтѣ—и зачѣмъ не прямо ко мнѣ? Первое дѣло возможное и обыкновенное: надобно только получше уложить, а второе только продолжило бы мое ожиданіе, и безъ того длинное. Итакъ, прошу тебя—и дай Богъ, чтобъ въ послѣдній разъ—вышли мнѣ твой портретъ какъ можно скорѣе: сдѣлай милость, сдѣлай ету милость!

На прошлой недѣлѣ одна почтенная и, вѣрно, тебѣ хоть по имени извѣстная руская дама принудила меня написать для нея нѣсколько стихотвореній на заданныя слова; между етими словами былъ Дерптъ. Вотъ стихи объ немъ:

Моя любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые
И Музы пѣсенъ и вина!
Мнѣ милы юности прекрасной

Разнообразные дары,
Студентовъ шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнѣній, удаль рукъ,
Умовъ небрежное волненье
И благородное стремленье
На полѣ славы и наукъ,
И филистимлянамъ[1]) гоненье.
Мы здѣсь творимъ свою судьбу,
Здѣсь Геній жаться не обязанъ
И Христа ради не привязанъ
Къ самодержавному столбу.
Привѣты вольные, живые
Тебѣ, любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые
И Музы пѣсенъ и вина!

Не говори же, что я не присылаю тебѣ стиховъ моихъ. Получили ли вы Пол[ярную] Звѣзду? Прислалъ ли вамъ Дюкъ прекрасную комедію Грибоѣдова?

Прощай; я уже разщитываю время, когда получу твой портретъ: смотри же—не обмани моего ожиданія!

Твой Н. Языковъ.

Василью Петровичу мое почтеніе.

XCIX.

П. М. Языкову.

1825, Апрѣля 8. Дерптъ.

Наконецъ я получилъ деньги; благодарю тебя, любезный братъ, а я было началъ думать, что онѣ потеряны. Слава Богу, нѣтъ!

Твои слова, что ты совершенно, совершенно щастливъ и спокоенъ во всѣхъ отношеніяхъ, мнѣ очень пріятно было читать; на нихъ можно было бы сдѣлать мнѣ, свободно мыслящему и пишущему, нѣсколько критическихъ

---

1) Къ этому выноска Н. М. Языкова: «Студенты называютъ филистимлянами всѣхъ кромѣ себя самихъ».

примѣчаній, ибо послѣ ихъ непосредственно слѣдуетъ вопросъ: что ты разумѣешь подъ словомъ щастіе, когда имъ хвалишься? то ли разумѣешь, что оно дѣйствительно есть? Въ другое время надѣюсь потолковать съ тобою объ етомъ важномъ предметѣ: теперь мнѣ не до того. Я пишу, и конечно по неволѣ, стихи для В[оейков]ой; она скоро отсюда уѣзжаетъ, и потому спѣшу принесть ей дары моей Музы прежде етого печальнаго произшествія. Къ Парашѣ посылаю на сей почтѣ одно изъ таковыхъ стихотвореній; вотъ тебѣ другое:

Она меня очаровала:
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.
Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ
И миръ души и сердца волю,
Какъ драгоцѣнности, хранилъ.
Любви торжественная сила,
Какъ искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.
Пускай не мнѣ ея награды:
Она — мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.
Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобѣдимою красой.

Видишь ли, что и я умѣю во время притворяться! Ето общее свойство поэтовъ—упругость въ мірѣ физическомъ тоже. Послѣ пришлю и остальныя стихотворенія мои на етотъ же [предметъ?], етимъ же подозрительнымъ и мечтательнымъ чувствомъ одушевленныя или, можетъ быть, обездушевленныя.

Моя повѣсть не знаю—когда кончится; Дюку послалъ я для обсужденія стиховъ съ полтораста, и теперь ожидаю его строгаго, но всегда вѣрнаго и основательнаго, приговора етому первому опыту въ родѣ повѣствовательномъ.

Вѣрно, Елис[авета] Петр[овна] не прогнѣвается на меня, что не пишу къ ней особливо; въ противномъ случаѣ, у меня готово оправданіе: мои письма къ тебѣ и къ твоей почтенной супругѣ принадлежатъ вамъ обоимъ, и это естественно: вы тоже принадлежите другъ другу, слѣдств[енно] и проч. Не правда ли? Подумай объ етомъ хорошенько, и ежели ты скажешь: да—то хвала Провидѣнію!

Прощай; на слѣдующей почтѣ отправятся книги для Параши и Ел[изаветы] Петр[овны], а потомъ для тебя Пукевиль.

Весь твой Н. Языковъ.

Маминькѣ буду писать на слѣдующей же почтѣ: теперь уже поздно. Кланяйся отъ меня Валуеву.

Что же портретъ Ел[изаветы] Петр[овны]? Вздоръ, что нельзя его послать по почтѣ, какъ пишетъ Параша.

С.

А. М. Языкову.

14 Апрѣля, 1825. Дерптъ.

Я напрасно обвинялъ тебя въ молчаніи, любезный братъ; впрочемъ, не я виноватъ: письмо твое ровно 12 дней ѣхало отъ Петерб[урга] досюда—ето, вѣрно, недосмотрѣніе почты.

Я не вовсе понимаю поступки В[оейков]ой со мною: въ обращеніи она чрезвычайно холодна со мною, а непрестанно проситъ стиховъ моихъ—можетъ быть, послѣднее дѣлается въ пользу мужа. 1 Апрѣля имянины Дириной; на этотъ случай я написалъ пространное поздравленіе имянинницѣ, думая возбудить соревнованіе въ ея побѣдительницѣ: на другой день получилъ альбомъ В[оейков]ой и нашелъ въ немъ вышеупомянутые стихи, ею переписанные и нѣкоторые изъ нихъ подчеркнутые—такіе притомъ, которые именно на ея щетъ были сказаны. Я написалъ ей довольно много разнаго рода стихотвореній—и хмѣльныхъ, и любовныхъ, и неучтивыхъ; первыя она хвалила, вторыхъ будто не понимаетъ, ни слова объ нихъ не говоритъ, какъ и о послѣднихъ. Стихи о перчаткѣ написаны мною тоже въ ея альбомѣ; она спросила меня, не переводъ ли это; я отвѣчалъ, что удивляюсь, почему она не понимаетъ, что ето подлинникъ—и дѣло кончено! Теперь я вижу, и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлію только выманить у меня стиховъ: она успѣла, каналья!—впрочемъ, надѣюсь,

въ послѣдній разъ. Мнѣ жаль только времени, нѣсколькихъ вечеровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала отъ меня альбомъ свой съ новыми стихами—и за тѣмъ же снова ко мнѣ его присылала. Послѣднія пьесы могли бы, кажется, ясно показать, что я объ ней думаю—ни тутъ то было. Не помню всего: много вздора, ето естественно. Вотъ примѣръ:

Не часто ль тягостною мукой
За откровенныя слова
Души простой и близорукой
Платилъ мнѣ слѣпокъ божества?
Не часто ль послѣ вдохновенья
Отрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
Заранѣ чуялъ наслажденья,
Заранѣ сердцемъ ликовалъ—
И только знаки отверженья
Въ глазахъ красавицы читалъ?
Любовь, любовь! Я помню живо
Щастливой день, какъ въ первой разъ
Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
Въ моей груди самолюбивой:
Тогда всѣ чувства бытія
Въ одно прекрасное сливались:
Онѣ свѣтлѣли, возвышались,
И гордо радовался я!

Ты можешь увидать все ето растительное царство моей новѣйшей литтературы (созданное В[оейков]ой) посредствомъ Киселева; кланяйся ему отъ меня; на слѣдующей почтѣ начну съ нимъ переписку.

Здѣсь говорятъ, что въ Маѣ будетъ осматривать нашъ университетъ Шишковъ: правда ли ето? Ты можешь узнать изъ первыхъ рукъ, извѣсти меня. Объ повѣсти отлагаю переписку до будущаго времени (я имѣю нѣчто важное сказать тебѣ о ся продолженіи); ты уже знаешь, какъ я думаю объ твоихъ замѣчаніяхъ на нее.

Сдѣлай же милость, пришли мнѣ наконецъ комедію Грибоѣдова; ты рѣшительно писалъ мнѣ, что получу ее на Свят[ой] недѣлѣ—сдержи же слово хоть тремя [недѣлями?] позже, я все таки буду чрезвычайно благодаренъ.

Прощай.

Весь твой Н. Языковъ.

Ты, вѣрно, уже получилъ книги для Княж[евича] и тетради Иллич[евскаго].

CI.

А. М. Языкову.

1825, Апрѣля 22. Дерптъ.

Ты напрасно, т. е. несправедливо, думаешь, любезный братъ, что я забылъ мое обѣщаніе прислать тебѣ свой портретъ: онъ уже пишется, дни черезъ два будетъ конченъ и къ тебѣ поѣдетъ—не знаю, найдешь ли ты его сходнымъ съ подлинникомъ; мнѣ самому судить объ етомъ очень трудно и не берусь; мои знакомые говорятъ, что похожъ—напиши твое мнѣніе. Онъ къ тебѣ поѣдетъ съ подаркомъ, который въ нѣкоторомъ смыслѣ гораздо важнѣе: именно, ето—описаніе прирейнскихъ видовъ, съ гравюрами; я его еще не читалъ и отлагаю ето до Петерб[урга]; гравюры очень хороши; описаніе, говорятъ, тоже. Ету книгу, довольно дорогую, впрочемъ не противорѣчущую цѣнѣ своей, я купилъ по случаю; ея нѣтъ даже въ здѣшней библіотекѣ—да будетъ ето частію нашей коллекціи картинной. Къ статѣ: я хотѣлъ прислать тебѣ прекрасной портретъ Гёте, писанный Довомъ и выгравированный удивительно хорошо, но не засталъ уже ни одного екземпляра въ лавкѣ; вѣрно, ты найдешь его въ столицѣ, гдѣ и самъ Довъ находится: надобно имѣть ето совершенство.

Чернеца здѣсь еще никто не получилъ: его сильно хвалятъ въ С[ѣверной] П[челѣ]. Дай Богъ, чтобъ правда, чтобъ онъ былъ лучше Онѣгина. Къ Воейкову, видно, дошелъ слухъ о моей повѣсти: онъ просилъ у меня—черезъ жену, разумѣется—изъ нея отрывковъ, и я ничего не отвѣчалъ на [это?] его почтенной половинѣ—кромѣ, что она можетъ располагать всѣмъ, что мною написано въ ея Альбомѣ. Ето не много, тутъ всего стиховъ съ 20 изъ Арана: Очкинъ проститъ мнѣ ето, какъ дѣло во время любовной горячки, слѣдственно—необдуманное. У меня съ В[оейков]ой теперь какъ-то все разстроилось, все кончается, и я снова обращаюсь къ Д[ирин]ой: напишу для нее нѣсколько стихотвореній и буду изъяснять въ нихъ свои центробѣжныя чувства въ разсужденіи моей важнѣйшей прельстительницы. Ежели хочешь, пожалуй отдай Булгарину стихи о перчаткѣ; имъ заглавіе можетъ быть: Къ Т—у. Елегію, вѣрно, напеча[та]етъ Воейковъ въ своихъ Л[итературныхъ] Н[овостяхъ]: она собственность его супружницы.

Я, ей Богу, досадую на Амплія: что же онъ мнѣ такъ давно ни слова не пишетъ? вѣдь не два же мѣсяца все Нева проходитъ! Къ Киселеву я

писалъ на прошлой почтѣ; съ Погожевымъ у насъ, кажется, разорвалась переписка: видно, у него нѣтъ помолу. Какъ ты нашелъ стихи Иллич[евскаго]? Видѣлъ ли ты его самого? какъ онъ на тебя подѣйствовалъ, и что объ немъ думаешь? Вѣрно, въ чужеземіи онъ набрался много подорожной учености; вѣрно, притворяется знатокомъ Нѣмецкой Литтературы—и проч. и проч.

На слѣдующей почтѣ буду писать гораздо болѣе; теперь 3-й часъ по полудни—жаръ несносный. Прощай покуда.

Твой Н. Языковъ.

Что же комедія Грибоѣдова?

Нельзя ли кофейную машинку прислать теперь? Я, какъ обыкновенно у нашей братьи водится, началъ давно уже ею хвалиться [1]) у моихъ знакомыхъ и знакомокъ: теперь меня спрашиваютъ, не получилъ ли ея, и даже думаютъ, что я говорилъ неправду. Вчера былъ у студентовъ праздникъ, которого описаніе ты имѣешь въ моихъ стихахъ,—и я въ немъ не участвовалъ: вотъ каково!

Вотъ тебѣ просьба—здѣлай милость, исполни ее: ты сдѣлаешь доброе дѣло въ самомъ чистомъ смыслѣ. Пришли ко мнѣ книги:

Kamm. Mores Socratis et Xenophontis memoratione Socratis delineati. Argentor. 1785.

Imago vitae morumque Socratis e scriptoribus vetustis, a Hackero. Wittenb. 1787.

Онѣ нужны не мнѣ, но для помоги одному изъ моихъ товарищей, котораго я точно люблю за его огромныя филологическія познанія—ты его знаешь; онъ пишетъ теперь диссертацію на вопросъ, заданный университетомъ о Сократѣ; ежели успѣетъ получить награду, то она будетъ имѣть благое вліяніе на всю жизнь его у Маріи Федоровны [2]), и мнѣ очень бы хотѣлось, чтобъ онъ успѣлъ: ето будетъ первый примѣръ, что въ Дерптѣ руской получилъ медаль. Не правда ли, что находка етихъ книгъ будетъ доброе дѣло! Вѣрно, онѣ есть у Грефа; здѣсь ни въ универс[итетской] библіот[екѣ], ни у книгопродавцевъ нѣтъ.

Скажу тебѣ радость: книги для тебя книгопродавецъ получилъ; я еще не видалъ ихъ—всѣ ли; сегодня увижу и черезъ три дни къ тебѣ отправлю.

Отъ Амплія жду письма, отъ Погожева тоже. Перевощиковъ занимаетъ насъ, рускихъ, самыми незанимательными разборами даже незанима-

1) Въ *П.* хвалится.
2) Въ *П.* Федоровнѣ.

тельныхъ сочиненій, напр. Кадма и Гармоніи. Замѣть, что онъ почитаетъ Хераскова величайшимъ поэтомъ и прозаикомъ.

Прощай до слѣдующей почты.

CII.

А. М. Языкову.

1825, Апрѣля 26. Дерптъ.

Вотъ тебѣ еще нѣсколько элегій; онѣ писаны для Д[ирин]ой и ее очень обрадовали: понимаешь военную хитрость?

1.

Свободенъ я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За милый взглядъ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ на удачу
Въ часы бездушныхъ вечеровъ;
Мои свѣтлѣютъ упованья,
Печаль отъ сердца отошла,
И съ ней любовь: такъ паръ дыханья
Слетаетъ съ чистаго стекла.

2.

Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвалъ я—были дни;
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ея волненья,
Ея блудящіе огни.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустыя взгляды и слова—
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной,
И не кружится голова[1]).
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему;
Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я молюся—не ему!

1) Къ этому выноска Н. М. Языкова: «Поклонись! впрочемъ все свое».

3.

Моя Камена ей пѣвала;
Но сила взора красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкаго, живаго—
Любви—не зналъ я: такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блеститъ, кипитъ—но холодна!

Вотъ и прощаніе съ моими Еремiядами:

Прощайте, миленькія бредни
И мой почтенный идеалъ!
Не первый я, не я послѣдній
Васъ и творилъ, и прославлялъ—
Но первый я васъ разгадалъ;
Мнѣ будетъ сладко и утѣшно
Въ другіе годы васъ читать,
Мой жаръ безумной и безгрѣшной,
Мою любовь воспоминать;
Тогда съ улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: Господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

Отдай первыя три—по одиначкѣ, для бо̀льшаго дѣйствія—Булгарину: ихъ нѣтъ у Воейковой. Прощай до слѣдующей почты. Важныя дѣла до завтра.

Весь твой Н. Языковъ.

Благодарю за Чернеца и за Уварова; въ первомъ есть прекрасныя мѣста, много чувства; второй не сказалъ ничего новаго, даже мнѣ. Кланяйся Грудеву: какъ онъ поживаетъ? Пусть начнетъ писать ко мнѣ.

Критики замѣчаютъ, что человѣкъ, совершенно знающій духъ Греческой и языкъ, не сказалъ бы того о Пиндарѣ, что говоритъ о немъ почтенный президентъ Петербургской Акад[еміи] Наукъ.

CIII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

1825, Апрѣля 26. Дерптъ.

Ты безъ причины жалуешься, что я мало къ тебѣ пишу, мало стиховъ моихъ тебѣ присылаю. Подумай, вспомни хорошенько — и я правъ вѣрно. За письма ты должна отвѣчать мнѣ письмами, а за стихи пришли свой портретъ; я знаю, что буду въ выигрышѣ, но знаю и то, что етотъ выигрышъ благороденъ и ничуть не заставитъ меня раскаиваться въ неудовлетворительности моего платежа.

Слухи носятся, что ты никому не показываешь моихъ стиховъ, мною къ тебѣ присылаемыхъ; ето не дѣло. Правда, я сообщаю тебѣ ихъ не для прославленія моего имени — ето вовсе не лестно мнѣ въ моей любезной родинѣ—, но все не хочу, чтобъ мои приношенія Музѣ были тайною для тѣхъ, кого и люблю и уважаю вовсе не притворно и не періодически. Будь же впередъ откровеннѣе съ своимъ домомъ — понимаешь?

Вотъ тебѣ еще элегія:

Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвалъ я — были дни;
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ея волненье,
Ея блудящіе огни.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустыя взгляды и слова—
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной,
И не кружится голова!
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему;
Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я молюся—не ему!

Ето послѣдняя изъ моихъ настоящихъ элегій. Вотъ и прощаніе съ ними:

Прощайте, миленькія бредни
И мой почтенный идеалъ!
Не первый я, не я послѣдній
Васъ и творилъ, и прославлялъ—

Но первый я васъ разгадалъ;
Мнѣ будетъ сладко и утѣшно
Въ иные годы васъ читать,
Мой жаръ безумной и безгрѣшной,
Мою любовь воспоминать;
Тогда съ улыбкою унылой,
На ваши строки посмотрю
И молвлю: Господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

Вотъ чѣмъ кончились мои Еремiады — по крайней мѣрѣ, слава Богу, что кончились!

Сюда ждутъ Министра Просвѣщенiя: онъ хочетъ собственными глазами осмотрѣть здѣшнiй университетъ; при етомъ случаѣ, вѣрно, будетъ что-нибудь торжественное, любопытное для безпристрастного наблюдателя дѣлъ человѣческихъ; я напишу тебѣ картину сiю съ природы. Покуда прощай.

Весь твой Н. Языковъ.

Портретъ, портретъ — скорѣе, скорѣе! Дай Богъ, чтобъ ети[1]) слова уже не застали его въ Симбирскѣ!

Кланяйся роднымъ.

CIV.

А. М. Языкову.

1825, Мая 3. Дерптъ.

То важное дѣло, объ которомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ, теперь почти не имѣетъ въ етомъ нужды. Вотъ что. У меня было намѣренiе нынѣшнимъ лѣтомъ не ѣздить въ П[етер]б[ургъ], употребить его на стихображенiе и прожить въ деревнѣ, 18 верстъ отъ Дерпта, въ той самой, куда я нѣкогда ходилъ пѣшкомъ для удовольствiя видѣть В[оейкову]; теперь оказалась невозможность исполнить етотъ планъ, созданный моимъ егоизмомъ: носятся официальные слухи, что зимой время между лекцiй сократится для студентовъ изъ четырехъ недѣль въ одну — слѣдственно и проч.

Я почитаю вздорною выдумкою то, что П[огоже]въ насказалъ тебѣ объ обѣщанiи Жуковскаго прислать черезъ него мнѣ замѣчанiя на Арана — и вотъ причины: еслибы Ж[уковскiй] хотѣлъ ето сдѣлать, то я бы зналъ

1) Въ *П.* етѣ.

его намѣреніе прежде Погожева, и никакъ не могу думать, чтобы послѣдній находился въ такой дружеской связи съ первымъ; и нужно ли первому посредничество нашего всевѣдца литтературы?

Въ замѣчаніяхъ Грибоѣдова на Ар[ана], которыя мнѣ Очкинъ такъ подробно сообщилъ, есть дѣльное; впрочемъ, я ожидалъ отъ Г. большей основательности въ сужденіи его о древнихъ писателяхъ — я даже, которому они почти только по наслышкѣ и посредственно знакомы. Еще мнѣ не нравится то, что у насъ теперь одинъ Байронъ на языкѣ, какъ nec plus ultra въ судахъ литтературныхъ, что всякаго почитаютъ его подражателемъ или желающимъ идти по его дорогѣ. Послѣ Троицы я кончу Арана; тогда и мнѣ самому, и тебѣ виднѣе будутъ его недостатки и планъ, котораго не хочу тебѣ теперь объявлять, потому что онъ еще не твердъ въ головѣ моей и можетъ вовсе измѣниться[1]): тогда постараюсь, сколько возмогу, исправить все неисправное — и давай Богъ ноги въ публику!

Стихи на имянины Д[ирин]ой пришлю на слѣдующей почтѣ; теперь у меня только одно перо — увидишь, какъ оно пишетъ. Предъувѣдомляю тебя, что они вздоръ веселаго пера и не устоятъ при первомъ взглядѣ просвѣщеннаго критика: писалъ на случай, къ спѣху — и вотъ все мое извиненіе, ежели и оно извинительно въ поэтѣ.

Воейкова сегодня отъѣзжаетъ. Вотъ тебѣ послѣдніе стихи мои для ея альбома:

Довѣрчивой, простосердечной
Безумно слѣдуя мечтѣ,
Дается юноша безпечно
Въ неволю хитрой красотѣ;
Кипитъ, ликуетъ, возвышается
Его надежда; передъ нимъ
Міръ очарованный является
Безбрежнымъ, яснымъ и святымъ.

* * *

Онъ долго рабствуетъ прекрасной,
Онъ богомъ идола зоветъ;
Но сонъ проходитъ сладострастной
И въ то же сердце не придетъ.
Щастливъ, когда любви волненіе

1) Въ *П.* измѣнится.

Онъ своевольно усмирилъ
И стыдъ и гордость и презрѣніе
Для ней во нравѣ сохранилъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Къ тебѣ или прямо въ Симбирскъ послать мнѣ Пукевиля? Я, кажется, его читать не буду.

Что же комедія Грибоѣдова? [1]).

CV.

А. М. Языкову.

1825, Мая 10 [Дерптъ].

Наконецъ я получилъ комедію Грибоѣдова. Благодарю тебя какъ можно сильнѣе: она мнѣ доставляетъ большое, истинное удовольствіе. Кофейницу тоже получилъ; ну, братъ, едва ли она дѣлаетъ кофе лучше обыкновеннаго кофейника — или для нея должно его растирать въ прахъ? Ето очень трудно; впрочемъ, черезъ нѣсколько времени надѣюсь ее умѣть употреблять лучше: вѣрно, нуженъ навыкъ или снаровка. Благодарю — видно, она дорога не въ примѣръ; жаль, что я не зналъ етаго прежде, а то бы незачѣмъ и присылать. Но будь, какъ есть: не такъ ли?

Воейкова теперь вѣрно уже въ П[етербур]гѣ. Она уѣзжала отсюда въ сопровожденіи, до первой станціи, многихъ кавалеровъ, дамъ и проч. Говорятъ, зрѣлище было умилительно; я просидѣлъ дома. Надѣюсь ее еще видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ; впрочемъ, едва ли она будетъ на меня сильно дѣйствовать. Мнѣ на нее даже досадно: она могла изъ меня всё сдѣлать, могла заставить меня произвести что-нибудь истинно поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная!

Да, чуть было не забылъ: я тебѣ буду рекомендовать одного изъ моихъ короткихъ пріятелей; его зовутъ Бюшъ; онъ надѣется служить по иностранной колегіи, екзаменоваться здѣсь изъ студентовъ вмѣстѣ съ Киселевымъ — человѣкъ доброй, образованный и необыкновенно услужливый, но какъ-то липокъ (kleberig) въ знакомствѣ и дружбѣ; ето нѣсколько непріятно въ нѣкоторомъ смыслѣ. Прими его, какъ моего любезного товарища и собесѣдника.

---

1) Эта послѣдняя фраза помѣщена, въ видѣ приписки, на верху первой страницы письма.

Онъ, кажется, знаетъ и по руски — по крайней мѣрѣ, можетъ изъясняться. Познакомь его съ почтеннѣйшимъ Андреемъ Логиновичемъ: они, вѣрно, хорошо сойдутся; притомъ же, етимъ ты можешь первому сдѣлать и пользу. Онъ отправляется въ П[е]т[ер]б[ургъ], точно также какъ я нѣкогда отправлялся въ Дерптъ: знакомыхъ ни кола, ни двора—на удалую. Дай Богъ ему такого же щастія, какъ мнѣ!

Воейковъ присылаетъ мнѣ и Инвалидъ, и Н[овости] Л[итературы]: видно, ето—дѣйствіе его прекрасной половины. Очкинъ мнѣ писалъ о какой-то Звѣздочкѣ; я не понимаю, что ето за явленіе, а жалѣю, что теперь ничего ровно не могу прислать ея издателямъ — впрочемъ надѣюсь, ежели еще не скоро она выдетъ въ свѣтъ.

Шишковъ, говорятъ, точно сюда будетъ — и на дняхъ даже: ето сказывалъ нашъ кураторъ ректору. Прилагаю тебѣ письмо изъ Симб[ирска]; оно любопытно — едва ли не правда, а дай Богъ, чтобъ неправда. Что сдѣлалось съ Петромъ? Онъ щастливъ совершенно: я етого не понимаю.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CVI.

А. М. Языкову.

1825, Мая 10. Дерптъ.

Вотъ тебѣ тотъ мой любезный товарищъ, о которомъ я писалъ тебѣ съ настоящею почтою. Прими, обласкай и утѣшь его — какъ моего соученика и какъ почтенного студента. Онъ тебѣ можетъ многое разсказать вѣрнѣе, нежели я самъ, о моемъ теперешнемъ житьѣ-бытьѣ. Я ему очень благодаренъ: по части Лифлянской исторіи я черезъ него пользовался кой-чѣмъ рѣдкимъ; онъ доброй малой и очень прилѣжной, работающій человѣкъ. Кисилевъ можетъ сообщить тебѣ о немъ подробнѣйшую характеристику: онъ съ нимъ вмѣстѣ жилъ, вмѣстѣ приготовлялся къ екзамену и проч. Къ статѣ, о Кисилевѣ: напрасно хочетъ онъ заводить переписку съ Д[ирин]ой для полученія отъ нея стиховъ моихъ; В[оейко]ва всѣ ихъ списала въ свой альбомъ, а ее онъ вѣрно увидитъ.

Не къ статѣ: имѣешь ли ты Роттека? Онъ ни аза въ глаза не знаетъ Руской исторіи; не знаю, откуда почерпалъ объ ней то, что писалъ — ужъ не изъ Масона ли? Ему стыдно не знать классической книги нашего Еверса.

Даже наружная свобода студентовъ стѣсняется теперь слишкомъ сильно: все, какъ въ кадетскомъ корпусѣ, опредѣлено, отъ фуражекъ до

штановъ, и за всѣмъ[1]) такъ строго смотрятъ, что можно подумать, что государство наше и держится только формами.

Прощай.

Весь твой Н. Языковъ.

CVII.

А. М. Языкову.

1825, Мая 19. Дерптъ.

На прошлой почтѣ ты не получилъ отъ меня письма; не я виноватъ — она ушла отсюда раньше обыкновеннаго. Теперь наступило время для окончанія повѣсти; я никогда, кажется, и не обѣщалъ вамъ прислать ее къ Троицѣ. Мой товарищъ уѣхалъ третьяго дня на недѣлю; едва ли въ ето время я успѣю совершить обѣщанное: кромѣ того, что оно коротко, у меня есть и другое препятствіе: чтобы бы ты думалъ? Здѣсь май стоитъ непогодной, дождливой; недѣли двѣ тому назадъ, какъ я простудился; по обыкновенію не обращалъ вниманіе на ету малость — дѣло дошло до того, что принужденъ лѣчиться: у меня болитъ, и больно, горло; вчера и сегодня былъ лѣкарь — говоритъ, что скоро пройдетъ. Какъ бы то ни было, а ето мѣшаетъ заниматься музою; мнѣ даютъ слабительное, слабѣетъ тѣло, а за нимъ и душа — слѣдственно и проч.; слѣдственно, я не могу предсказать навѣрно, когда кончу мою повѣсть, только непремѣнно къ началу каникулъ (они съ 10 Іюня); впрочемъ, ето для меня не главное. Полевой пустомеля[2]), въ родѣ князя Вяземскаго, и мнѣ вовсе не любопытно и не лестно знать, какъ онъ обо мнѣ думаетъ.

Не понимаю, почему Амплій такъ сильно изумляется прибавкѣ одного слога, противъ обыкновенія, въ стихахъ, о которыхъ ты меня спрашиваешь: ето не новость; Жуковскій тоже дѣлалъ съ хореями — почему же не дѣлать етого и съ ямбами? и почему не дѣлать такъ, какъ я попробовалъ? Оно можетъ разнообразить метръ и не можетъ мѣшать его сладкозвучію. Не знаю, что имѣетъ Амплій противъ етого предположенія. Ета пьеса принадлежитъ Воейковой, ибо есть въ ея Альбомѣ. Едва ли можно будетъ мнѣ возобновить съ нею мое тяжебное дѣло въ Петерб[ургѣ]: ѣздить въ Царское Село[3]) лѣтомъ, въ моемъ тѣлѣ — жарко, скучно, даже несносно; притомъ же кто, кромѣ Бога, знаетъ, будетъ ли успѣхъ; притомъ же етотъ успѣхъ мнѣ менѣе необходимъ въ Петерб[ургѣ], чѣмъ въ Дерптѣ, гдѣ кругъ дѣйствія дѣтород-

1) Въ *П.* всемъ.
2) Въ *П.* пустомѣля.
3) Въ *П.* Сѣло.

наго . . .[1]) не такъ обширенъ, не такъ углаженъ! Мы объ етомъ поговоримъ попространнѣе и соберемъ голоса пріятелей, гдѣ Амплій, конечно, долженъ имѣть два голоса — не такъ ли?

У меня готово канвы еще на три новогородскія пѣсни, но писать ихъ незачѣмъ: если уже первая не прошла сквозь тиски цензуры, то слѣдующія и подавно. Когда кончу Арана (мнѣ хочется поскорѣе), начну писать повѣсть драмматическую.

Вотъ что посылаю Бестужеву въ Звѣздочку:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!
Такъ Геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго Генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру — новыя свѣтила
Дѣла избранника небесъ.

Пукевиль переплетается и скоро поѣдетъ въ Симб[ирскъ]. Ласкара я еще не заказалъ выписывать, слѣдс[твенно] — твой торговый оборотъ можетъ имѣть мѣсто. Мерзлякова не получалъ.

Весь твой Н. Языковъ.

CVIII.

А. М. Языкову.

1825, Мая 24. Дерптъ.

Итакъ, время нашего свиданія значительно приближается; черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ, только если по настоящему позволительно судить о будущемъ, кажется, я пріѣду къ вамъ, такъ сказать, съ пустыми ру-

1) Три буквы замѣнены нами точками.

ками. Я все еще не поправился въ здоровьѣ — завтра окончательно принимаю рвотное; впрочемъ, я самъ виноватъ, что мое лѣченіе такъ продолжительно: надобно было начать его гораздо ранѣе — всё пройдетъ, и все въ порядкѣ вещей. Да, чуть было не забылъ: сдѣлай милость, напиши мнѣ къ 7 Іюня (разочти) какую-нибудь причину, по которой мнѣ необходимо должно быть въ Петерб[ургѣ] въ началѣ каникулъ: ето мнѣ очень нужно, ето моя политика, какъ узнаешь послѣ.

Какъ попала къ Булгарину новогородская пѣсня? Онъ ее напечаталъ съ ошибкою, по которой можно подумать, что я не знаю рускаго стопосложенія. У меня еще готовятся стихи въ етомъ же родѣ; Арана надѣюсь кончить въ Петербургѣ. Нельзя же предполагать, что только здѣсь моя Муза ко мнѣ благосклонна: ей, кажется, не зачѣмъ такъ сильно держаться единства мѣста.

Не знаю, что мнѣ дѣлать съ Аладьинымъ. На сей почтѣ получилъ я отъ него Невск[ій] Альман[ахъ], съ письмомъ издателя, который проситъ моихъ стиховъ для слѣдующаго; я обязанъ Княжевичу етою Verlegenheit. И что мнѣ за охота даже отличаться въ конюшнѣ? и что за знакомство съ Аладьинымъ? Ето мнѣ даже досадно.

Мерзлякова я все еще не получилъ, ожидаю — и напишу тебѣ мнѣніе знатоковъ о его переводахъ. Какъ весело заживемъ мы въ твоей набережной квартирѣ: только, пожалуста, напиши мнѣ поподробнѣе, гдѣ она именно находится, чтобы отыскать безъ затрудненія, чтобъ я, въѣхавъ въ Сѣверную Пальмиру, могъ ѣхать по писанному прямо, куда слѣдуетъ. Я знаю себя: я чрезвычайно тупъ въ отысканіи квартиръ, а ты никогда не писалъ мнѣ о своей достаточно подробно.

Я читалъ недавно вторую главу Онѣгина въ рукописи — не лучше первой: то же отсутствіе вдохновенія, та же рифмованная проза, которою такъ простосердечно возхищаются наши цѣнители и судьи:

Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!

Вѣрно, любовь къ Москвѣ подстрекнула М. Дмитріева такъ отчаянно возстать на Грибоѣдова! Или только желаніе побранить Полевого и Вяземскаго и похвалить московское солнышко-Писарева? Впрочемъ, послѣднее можно бы сдѣлать и безъ перваго. Полевой, кажется, твердо рѣшился отмалчиваться противъ критиковъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

У Шишкова, говорятъ, жена больна при смерти: потому-то де онъ и не ѣдетъ въ Дерптъ, хотя уже взялъ было отпускъ для етаго; ети[1]) извѣстія офиціальныя, идутъ съ верху, отъ нашего Куратора, которой ѣдетъ на лѣто въ Петерб[ургъ].

Кланяйся С[тепану] М[ихайловичу], В[асилію] А[фанасьевичу], Гофману и проч.

CIX.

А. М. Языкову.

1825, Мая 30. Дерптъ.

Вчера около полуночи прибылъ сюда столь долго жданный Министръ Просвѣщенія; сегодня представлялись ему Профессоры — еще не знаю подробностей етаго случая; говорятъ, онъ пробудетъ здѣсь десять дней. Что ему такъ долго дѣлать? Осматривать кабинетовъ и коллекцій едва ли и на полнедѣлю достанетъ. Съ нимъ директоръ Шихматовъ. Что будетъ любопытного, ты узнаешь въ свое время.

Наконецъ, я получилъ переводы Мерзлякова; едва ли они близки и достойны подлинниковъ, ибо онъ держится совсѣмъ не тѣхъ правилъ, коимъ слѣдуютъ благоразумные Нѣмцы въ такихъ случаяхъ. Я знаю нѣсколько переводовъ Горація: мѣра та же, почти каждое слово на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ подлинникѣ — слѣдственно, весь духъ, весь ходъ мыслей и выраженій автора видѣнъ и сохраненъ, сколько возможно. Знатокъ греческого языка говоритъ, что можно подумать, что отрывки изъ Иліады и Одиссеи переведены не съ подлинника — такъ далеки они, грѣшные. Впрочемъ, я читалъ ихъ съ удовольствіемъ, хотя слогъ немного старъ, часто неопрятенъ и не непринужденъ.

Прощай до слѣдующей почты или, можетъ быть, до свиданія!

Весь твой Н. Языковъ.

Вели сшить мнѣ какіе-нибудь лѣтніе брюки — пошире только: вѣдь нельзя же ходить всегда въ мундирѣ въ етакіе жары.

CX.

А. М. Языкову.

1825, Іюня[2]) 3. Дерптъ.

Поблагодари, какъ можно сильнѣе, почтеннаго князя за благосклонность его, которая мнѣ такъ здѣсь была полезна. Жаль, что Министръ у

---

1) *П.* етѣ.

2) Въ *П.* — очевидно по ошибкѣ — стоитъ: Мая.

насъ пробылъ только три дни: онъ не успѣлъ всего видѣть и слышать подробно. 10 сего мѣсяца я, кажется, выѣду въ Петерб[ургъ]; мое здоровье поправилось значительно: мнѣ осталось только вытерпѣть шпанскую муху на шеѣ — и все кончено. Очкинъ меня перепугалъ слишкомъ, и я очень радъ, въ первый разъ разумѣется, что гора родила мышь. Все къ лучшему; мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ. Надѣюсь, что въ Петерб[ургѣ] вдохновеніе опять со мною подружится — и сильнѣе прежняго; три или четыре недѣли я жилъ совершенно in Prosa; ето, вѣрно, продолжится до моего отъѣзда: тѣло крѣпнетъ послѣ болѣзни, душа послѣ бездѣйствія. Не такъ ли? Прощай до свиданія!

Весь твой Н. Языковъ.

На оборотной сторонѣ листа, составляющей при сгибѣ конвертъ, написано:

Его Благородію Александру Михайловичу Языкову. Въ Петербургѣ, въ Канцеляріи статсъ-секретаря Кикина.

CXI.

П. М. Языкову.

1825, Іюня 7. Дерптъ.

Министръ, наконецъ, осмотрѣлъ здѣшній университетъ, остался имъ совершенно доволенъ, и, вѣрно, его доброе о насъ мнѣніе будетъ благодѣтельно Дерпту, столь давно ославленному худымъ и бунтливымъ въ Петерб[ургѣ]. Въ послѣдній день его здѣсь пребыванія профессоры у него обѣдали; въ ето время студенты принесли ему виватъ; въ числѣ представителей сего знаменитого сословія былъ сильно дѣйствующимъ я, нижеподписавшійся. Дѣло состояло въ томъ, чтобы войти къ Министру и объяснить ему кратко-привѣтственно, что значитъ ихъ собраніе и крикъ торжественный. Ш[ишковъ] былъ чрезвычайно доволенъ; поручилъ мнѣ сказать моей собратіи, что ето ему очень пріятно, что онъ благодаритъ студентовъ и никогда етого не забудетъ. Порядокъ и лекціи, которыя онъ слушалъ, кажется вполнѣ обратили его на нашу сторону; онъ сказалъ Ректору, что ничего не находитъ здѣсь нужнымъ не только перемѣнить, даже поправить. Вотъ каково, любезнѣйшій! Знай Дерптскихъ! Онъ пробылъ только три дня здѣсь; торопится въ Петерб[ургъ], ибо у него жена больна сильно.

Какъ идетъ твое дѣло съ Карнѣевымъ? Мнѣ кажется, не можетъ быть причины не принять его лестное предложеніе: зная твою любовь къ нау-

камъ, могу положительно надѣяться, что ты будешь щитаться по Департаменту, и имя твое возсіяетъ въ его журналѣ. Предложеніе Карнѣева должно льстить твоему самолюбію и нѣкоторымъ образомъ оживить перо твоей учености. Дюкъ и я вельми радуемся етому: царю цареви, кесарю кесареви (sic). Точно, дѣло завидное.

10 сего мѣсяца отправляюсь въ Петерб[ургъ]; оттуда начну продолжать мою переписку съ Симб[ирскомъ] сообща съ Дюкомъ. Прощай.

Весь твой Н. Языковъ.

Мое почтеніе Елис[аветѣ] Петровнѣ. Жаль, что наша переписка была несоотвѣтственна — не правда ли, не съ моей стороны? Мое почтеніе всѣмъ почтеннымъ, и такъ далѣе.

Поздравляю тебя съ днемъ твоего Ангела; поручаю тебѣ за меня выпить твое здоровье.

CXII.

А. М. Языкову.

1825, 7 Іюня. Дерптъ.

Я получилъ твое послѣднее письмо и отвѣчаю на оное такимъ же. Числа етакъ, напримѣръ, 12 или 13 ты увидишь лице мое. Я пріѣду съ Шепелевымъ; ты его видѣлъ. У меня есть надежда упражнять поэтическую силу въ твоей квартирѣ: времени будетъ довольно хоть для цѣлой поэмы; даже die ursprüngliche Form des Anschauens тоже, вѣрно, будетъ соотвѣтствовать моей Музѣ.

Изъ Симбирска я давно, тебѣ подобно, не получалъ писемъ, хотя рвеніе мое писать туда никогда не охладѣвало.

Кланяйся всѣмъ почтеннымъ особамъ нашего знакомства.

Весь твой Н. Языковъ.

CXIII.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

17 Іюля, 1825. С. П[етер]б[ургъ].

Неблагорастворенность погоды, совершенное отсутствіе лѣта (дожди долгодневные, грады, вѣтры, холода — предвѣстники зимы и прочія непріятности сѣвера), утомленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ многотрудными занятіями въ Дерптѣ, мірская суета и развлеченность столичной жизни, на-

конецъ—всегдашнее помышленіе о краткости пребыванія въ П[е]т[ер]б[ургѣ] и о необходимости скораго возврата къ мѣсту моего назначенія и, наконецъ, все ето вмѣстѣ, съ прибавкою непрестаннаго шума толпы и грома екипажей, сдѣлало то, что я совершенно ничего не сдѣлалъ — принимая ето слово въ смыслѣ поэтическомъ, единственномъ значеніи моей дѣятельности. Отсюда неписаніе писемъ, несдержка словъ и обѣщаній и много необыкновеннаго!

Изъ Дерпта буду писать акуратнѣе и пространнѣе — соотвѣтственно.

Весь вашъ Н. Языковъ.

Въ концѣ письма слѣдующая приписка А. М. Языкова:

Извините меня, любезная сестрица, что я такъ давно и теперь такъ мало пишу къ Вамъ: причины объяснены братомъ Н.; это, вѣрно, не остановитъ переписку, которая доставляетъ мнѣ столько удовольствія.

Получили ли вы г-жу Жанли? Букли скоро поѣдутъ.

Весь вашъ А. Яз.

Какъ вамъ понравилась к[омедія] Горе отъ ума?

Здѣсь приложено[1]) посланіе къ извѣстной Маріѣ (mais on revient toujours à ses premiers amours).

CXIV.

А. М. Языкову.

26 Іюля. Дерптъ. 1825.

Четвертаго дня въ заполночь мы прибыли сюда; ѣхали, какъ видишь, долго — и очень: ето потому, что наканунѣ Петергофскаго праздника не было лошадей въ Стрѣльнѣ, гдѣ мы просидѣли до 7 часовъ утра; потомъ всё шло благополучно — такъ и далѣе. Я еще не успѣлъ здѣсь осмотрѣться послѣ петербургскаго бездѣйствія; лекціи еще не начались у многихъ профессоровъ: одни не возвратились изъ отлучекъ, другіе продолжаютъ отдыхать. Я былъ у книгопродавца; онъ говоритъ, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ получитъ Клейна; завтра дамъ ему списокъ книгамъ, тобою для выписки назначеннымъ.

О Гофманѣ теперь ничего сказать не могу; Дирины, главный источникъ его здѣсь пребыванія, находятся еще въ деревнѣ; на дняхъ ихъ

---

1) Этого приложенія при подлинникѣ нѣтъ.

увижу и выспрошу все, что можно по етой части. Теперь слышалъ только то, что оный Гофманъ бывалъ у нихъ ежедневно, неоднократно, и вообще произвелъ такое сильное впечатлѣніе даже на Нѣмцевъ, свою братью, что меня спрашивали: академикъ ли онъ?

Прощай до слѣдующей почты. Въ середу напишу болѣе.

Весь твой Н. Языковъ.

Если у тебя есть Adolphe Бенжамена, то пришли мнѣ; его здѣсь вновѣ очень хвалятъ, а ежели нѣтъ, такъ и Богъ съ нимъ.

Кланяйся А. Очкину и его брату, и Погожеву, и Комовскому, и вообще всѣмъ людямъ почтеннымъ и достохвальнымъ.

На послѣдней страницѣ, составляющей при сгибѣ конвертъ, написано:

Его Благородію Александру Михайловичу Языкову. Въ Петербургъ, въ канцелярію статсъ-секретаря Кикина.

CXV.

А. М. Языкову.

2 Августа, 1825. Дерптъ.

Я все еще не видалъ хорошенько Дириныхъ: тебѣ придется съ недѣлю подождать извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ въ нихъ любезнымъ Андр[еемъ] Лог[иновичемъ]; молва же не по етой части мнѣ извѣстна; многіе спрашивали меня — академикъ что ли сопутникъ Фуса: добрый и почтенный признакъ прекраснаго мнѣнія здѣшнихъ Нѣмцевъ объ вышепоименованномъ юношѣ!

Запрещенныя книги, коихъ имена написалъ въ моемъ бумажникѣ, будутъ выписаны; теперь я замѣтилъ перемѣну — и важную — въ моемъ книгопродавцѣ: онъ уже знаетъ, что ети книги запрещены, но по дружбѣ ко мнѣ, какъ выражается, беретъ на свой страхъ мнѣ ихъ доставить. Клейна черезъ недѣлю, кажется навѣрное, получу. Ueber die Wohnsitze der ältesten Russen я имѣю, читалъ и вполнѣ согласенъ, что послѣдніе призваны славянами съ юга, отъ Чернаго моря, а не изъ Скандинавіи. Теперь Еверсъ читаетъ объ етомъ предметѣ; слушая его, нельзя ему не вѣрить. Его необыкновенныя свѣдѣнія[1]) въ руской исторіи, удивительная ловкость ума, съ которою онъ обращаетъ въ свою пользу всѣ доказательства мнѣній, противныхъ его мнѣніямъ, и наконецъ увлекательной способъ изложенія своихъ

1) Въ *П.* сведѣнія.

мыслей — все ето составляетъ какую-то ученую гармонію, рѣдкое и совершенное наслажденіе его слушателей. Я читалъ Погодина; онъ просто компиляторъ: своего мнѣнія, своихъ доказательствъ и ссылокъ у него вовсе нѣтъ; онъ читалъ только Шлецерова Нестора, первый томъ Карамзина, Лерберга (котораго мнѣнія, слѣдствіе распятія словъ разныхъ Нѣмецкихъ нарѣчій, тоже ничего не дока[зы]ваютъ, кромѣ учености автора), Френа и Еверсовы разысканія (съ предубѣжденіемъ[1]) въ пользу очевидно неосновательной системы) — и съ какимъ-то рабскимъ подобострастіемъ идетъ шагъ за шаг[ом]ъ за своими идолами. Вмѣстѣ съ Клейномъ я пришлю тебѣ Ueber die Wohnsitze der Russen: прекрасная тетрадка!

Мой домовой товарищъ еще не возвратился въ Дерптъ, почему мои важнѣйшія занятія еще не начались; читаю Денона и вмѣстѣ съ Степановымъ Моне Сѣверную Миѳологію: мнѣ онъ чрезвычайно нравится; любопытно, какова у него будетъ славянская?

Завтра ждутъ сюда Вел. Княгиню Марію Павловну; она будетъ осматривать университетъ. Здѣсь теперь нѣтъ солдатъ, и вмѣсто[2]) ихъ для ея сопровожденія и стражи назначены 24 студента, въ числѣ коихъ и я грѣшный; но, кажется, мнѣ не придется быть такъ близко къ царской фамиліи: у меня жестоко болятъ зубы, и нѣтъ надежды, что пройдутъ къ завтра.

Стиховъ еще никакихъ писать я не началъ; жду, покуда мой духъ придетъ въ настоящую дѣятельность, да притомъ же и что (дай совѣтъ) писать — не знаю. Мысль, что я долженъ поэтствовать почти на заказъ для Альманаховъ, можетъ охладить мою Музу, но дѣлать нечего — надобно покориться обстоятельствамъ!

Прощай до слѣдующей почты.

Пришли мнѣ при случаѣ Путешествіе въ Тавриду Муравьева-Апостола. Вотъ заглавіе книги, которую совѣтую тебѣ имѣть по части комедіи: Die alte komische Bühne in Athen, von Fr. Kanngiesser. 1817. Breslau. Пишу къ Петру и ко всѣмъ симбирскимъ.

Кланяйся всѣмъ литтераторамъ. Я не начинаю самъ переписки ни съ Очк[инымъ], ни съ Погож[евымъ], потому что на начинающаго Богъ, говоритъ Св[ященное] П[исаніе]!

Видно, Горный Журналъ хоть куда!

Киселеву кляняюсь: скоро напишу къ нему, увидя Диринхъ[3]).

---

1) Въ *П.* предубежденіемъ.

2) Въ *П.* вмѣстѣ.

3) Послѣдняя фраза приписана наверху первой страницы письма. На письмѣ этомъ нѣтъ подписи имени автора.

CXVI.

П. М. Языкову.

2 Августа, 1825. Дерптъ.

Наконецъ, я опять въ Дерптѣ — и опять начинаю съ тобою переписку при первомъ случаѣ. Пребываніе мое въ Петербургѣ было совершенно безплодно для моей Музы — отъ жару ли, отъ желанія ли отдохнуть послѣ многотрудныхъ занятій, ему предшествовавшихъ, или отъ недостатка предметовъ, воспламеняющихъ[1]) воображеніе нашей братьи поэтовъ, или наконецъ отъ чего-нибудь особеннаго, не открытаго уму изслѣдователя, неподлежащаго, несказуемаго — понимаешь? Короче сказать, я проспалъ тѣломъ и духомъ пять недѣль въ П[е]т[ер]бургѣ; можетъ быть, и въ етомъ бездѣйствіи есть намѣреніе Провидѣнія: можетъ быть, мои душевныя силы будутъ теперь крѣпче и дѣйствительнѣе, какъ тѣлесныя послѣ болѣзни! Дай Богъ етого! Впрочемъ, еще не могу предвидѣть и предсказать времени моего воскресенья для Музы. Непроходимый жаръ, наполняющій здѣшній воздухъ, и обыкновенныя студентскія заботы по пріѣздѣ изъ отпуска о томъ и сёмъ — все ето можетъ долго удержать меня въ оковахъ машинальной жизни; кромѣ етаго, у меня теперь болятъ зубы и такъ сильно, что лишаютъ мозгъ мой всѣхъ его способностей. Завтра будетъ сюда Вел. Княгиня Марія Павловна; она осмотритъ нашъ университетъ; здѣсь теперь нѣтъ солдатъ, и потому студенты будутъ составлять ея почетную стражу; въ ето число избранъ и я, но, кажется, не буду имѣть удовольствія или, лучше, случая видѣть вблизи кровь царскую: болѣзнь зубовъ, очень къ статѣ меня посѣтившая, етому препятствуетъ.

Горный Журналъ вышелъ въ свѣтъ; его хвалятъ. Василій намъ сказывалъ, что ты прислалъ уже просьбу къ Карнѣеву, что онъ согласенъ щитать тебя по особеннымъ порученіямъ при Гор[номъ] Департаментѣ, что ты даже писалъ къ Василью: такая дѣятельность пера твоего, рѣшительность духа насъ пріятно и сладко удивили — и дали намъ важную надежду, что ты не оставишь поприща наукъ, тебѣ любезныхъ и благодѣтельныхъ отечеству.

Вотъ тебѣ просьба моя. Дѣло нешуточное: сдѣлай милость, пришли Дюку 1200 р.; я ему ето долженъ по части Грефа, Буту и проч.; ети издерж[к]и, какъ необыкновенныя, не дерптскія, вовсе не входящія въ кругъ моего прежняго бюджета, тебя не удивятъ, конечно, какъ дѣло всѣхъ вѣковъ и народовъ! Тутъ можно замѣтить еще и то, что сумма, мною еже-

1) Въ *П.* воспламѣняющихъ.

годно получаемая, ничуть не превозходитъ моихъ теперешнихъ потребностей, по случаю перемѣны житія и домашняго быта моего изъ единственнаго въ двойственной, какъ тебѣ извѣстно. А мнѣ женироваться, кажется, не за чѣмъ и было бы ежели не вредно въ духовномъ смыслѣ, то вѣрно никому не полезно! Живи покуда живъ, учись покуда хочется, будь щастливъ, какъ можешь — вотъ мои правила; были бы онѣ исполняемы, а тамъ хоть волкъ траву ѣшь!

Парашѣ и Елис[аветѣ] Петр[овнѣ] напишу на слѣдующей почтѣ много, много.

Весь твой Н. Языковъ.

Поклоны Алекс[андру] Дмитр[іевичу] и его почтеннѣйшей супругѣ.

CXVII.

А. М. Языкову.

9 Августа, 1825. Дерптъ.

Письмо твое я имѣлъ удовольствіе получить; радуюсь, что твои дѣла принимаютъ свое прежнее постоянное теченіе; жалѣю, что не могу сказать того же о моихъ. Мой товарищъ по части мѣстопребыванія еще не возвратился; я даже не знаю, гдѣ онъ (въ противномъ случаѣ, можно бы его вытребовать письменно), и мои дѣла учебныя, въ слѣдствіе сей его неустойки, еще не начались въ полномъ смыслѣ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, нѣсколько и къ статѣ настоящему расположенію моего духа: здѣсь стоятъ такіе жары, что тѣло мое съ великимъ только усиліемъ и непроизвольно движется; душѣ ничего не хочется дѣлать; думать, слѣдственно и стиховъ писать, вовсе невозможно. Молю Провидѣніе скорѣе послать осень и такимъ образомъ снова поставить мои душевныя силы, куда слѣдуетъ!

На прошлой недѣлѣ началъ лекціи народнаго права профессоръ Клоссіусъ: читаетъ прекрасно, молодой человѣкъ и, видно, плотно занимающійся своимъ предметомъ; я его слушаю съ большимъ удовольствіемъ.

6 сего мѣсяца я видѣлъ Д[ирины]хъ: онѣ меня приняли очень ласково, сильно благодарили за участіе, мною принятое, въ доставленіи имъ портефеля Березина, который онѣ уже получили черезъ брата покойнаго. О Г[офма]нѣ онѣ говорятъ съ большимъ удовольствіемъ; никогда имя его не выходитъ изъ устъ ихъ безъ прилагательныхъ, самыхъ лестныхъ молодому человѣку! Мнѣ было нѣсколько совѣстно явиться къ извѣстной М[арьѣ] Н[иколаевнѣ] безъ обѣщанныхъ ей стиховъ, но дѣлать было нечего: надобно бу-

детъ впередъ поскорѣе исполнить ето обѣщаніе; оно и легко, но въ жары и все легкое тяжело — не правда ли?

Благодарю тебя за обѣщаніе прислать мнѣ стихотворенія Шир[инскаго]-Шихматова; я ихъ прочту съ большимъ любопытствомъ; онѣ уже заранѣе сдѣлали мнѣ много пользы — именно тѣмъ, что возбудили во мнѣ желаніе заглядывать въ Библію; теперь читаю пророчества Исаіи — и очень радъ: ето истинное наслажденіе; въ нихъ въ тысячу разъ болѣе поэзіи, высокаго и разительнаго, нежели во всѣхъ современныхъ нашихъ поэтахъ. Ежели будетъ времени, то я попробую подражать Св[ященному] Пис[анію] и именно тому же, что уже переложено Шихм[атовымъ]. Надобно только напитаться гигантскими красотами пророка: тогда очень легко будетъ сдѣлать чудо Галилейское — превратить воду Шихм[атова] въ вино, которое, по словамъ Давида, веселитъ сердце человѣка!

Вотъ тебѣ анекдотъ про Пушкина. Ты, вѣрно, слышалъ, что онъ боленъ[1]) аневризмомъ; его не пускаютъ лѣчиться дальше Пскова, почему Жуковскій и просилъ здѣшняго извѣстнаго оператора Мойера туда къ нему съѣздить и сдѣлать операцію; Мойеръ, разумѣется, согласился и собирался уже въ дорогу, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Пушкина, въ которомъ сей проситъ его не пріѣзжать и не безпокоиться о его здоровьѣ. Письмо написано очень учтиво и сверкаетъ блёстками самолюбія. Я не понимаю етого поступка Пушкина! Впрочемъ, едва ли можно объяснить его правилами здороваго разума!

Къ Петру я уже писалъ по части финансовъ, употребилъ все мое краснорѣчіе — и надѣюсь на него подѣйствовать.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Здѣсь теперь Вл. Княжевичъ, возвращающійся изъ Ревеля. Онъ говоритъ, что Сумарок[ов]ъ пишетъ описаніе Ревеля, и разсказываетъ про него анекдотъ о доскѣ, который, вѣрно, и тебѣ разскажетъ; онъ завтра ѣдетъ въ П[етербургъ].

CXVIII.

А. М. Языкову.

16 Августа, 1825. Дерптъ.

Вздоръ Шихм[атова] и Пут[ешествіе] по Тавридѣ я получилъ; благодарю особенно за послѣднее: я его прочту еще разъ — и вѣрно съ новымъ

1) Въ *П.* болѣнъ.

любопытствомъ и удовольствіемъ. Я писалъ тебѣ съ Княжевичемъ; онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе доставить тебѣ письмо мое, и потому замѣстилъ для меня почту въ ту недѣлю.

Разборъ поэмы Петръ Великій — просто пустословіе: красоты Ших[матова] (которыхъ Кюх[ельбекеръ] не доказываетъ) всѣ заимствованы или изъ Св[ященнаго] Пис[анія], или изъ Ломоносова и Держ[авина], всѣ состоятъ въ словахъ и, слѣдственно, не даютъ Шихматову права назваться оригинальнымъ. Сверхъ того, мнѣ кажется, что Кюхельб[екеръ] нерѣдко называетъ прекраснымъ и высокимъ то, что должно бы называть бомбастомъ.

Я посылаю на сей почтѣ Рылѣеву слѣдующіе стихи; они тоже отрывокъ изъ повѣсти, которой канва еще недавно существуетъ въ головѣ моей; на ней вышитъ только сей отрывокъ. Не знаю, что будетъ дальше, т. е. кончится повѣсть или нѣтъ, а въ ней предполагается описать суевѣріе Естовъ, которое мнѣ недавно стало нѣсколько яснѣе знакомо изъ Моне:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ жаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ;
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная,
Неизмѣрима и пышна.
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса;
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ готовые для бѣга
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня руская, живая
Разносится по лону водъ.

* * *

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столпомъ

Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ;
Какъ тѣнь, отброшенная тучей
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубравахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или путемъ дугообразнымъ,
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадетъ!

Сокрой ети стихи отъ Погожева: узнаетъ ли онъ ихъ стороною?

Поклоны и почтенія Гофману, С[тепану] М[ихайловичу], В[асилію] А[фанасьевичу], Очкинымъ и пр.

Аладьинъ началъ снова осаждать меня.

Весь твой Н. Языковъ.

Когда выдетъ Звѣздочка?[1])

CXIX.

А. М. Языкову.

19 Августа, 1825. Дерптъ.

Ты продолжаешь меня потчивать галиматьею нашей словесности. Станев[ичъ] въ прозѣ то же, что Ших[матовъ] въ стихахъ или еще хуже, потому что стоитъ денегъ правительству; само собою разумѣется, что у меня достанетъ разсудка и не достанетъ терпѣнія читать ети[2]) безтолковыя тол-

1) Этотъ вопросъ приписанъ внизу первой страницы письма.
2) Въ *П.* етѣ.

кованія на предметы, все-таки неизмѣримо превышающіе мысли сумашедшаго любимца полусумашедшаго духа нашего времени.

Сюда пріѣхалъ изъ Пскова студентъ здѣшняго унив[ерситета], пріятель Пушкина; говоритъ, что П[ушкинъ] уже написалъ два дѣйствія своей трагедіи Годуновъ, что она будетъ прекраснѣе всего имъ доселѣ писаннаго, что Цыгане скоро напечатаются, что П[ушкинъ] не хотѣлъ лѣчиться у Мойера потому, что надѣялся получить позволеніе ѣхать для излѣченія за границу, что онъ пишетъ новую поэму Эвнухъ и проч. и проч.

И такъ, П[етръ] Сем[еновичъ] скоро явится въ публику учителемъ дѣтей всей Россіи православной; меня всего болѣе удивляетъ въ етомъ поступкѣ — будь между нами сказано, очень безсовѣстномъ — смѣлость, съ которою онъ выступаетъ на поприще многотрудное безоружный, близорукой, кромѣ того, что въ его книжкахъ не будетъ ни систематическаго порядка, ни соотвѣтствія цѣли, для которой ихъ писать должно, ибо у него ея вовсе нѣтъ; смѣю надѣяться, что и самой слогъ, тамъ гдѣ П[етръ] С[еменовичъ] явится лично, будетъ похожъ на слогъ сенатора Сумарокова — и ето для дѣтей! По неволѣ скажешь:

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!

Я покупаю порядкомъ историческія книги, которыя Еверсъ въ продолженіи лекціи рекомендуетъ. Недавно вышла, говорятъ—прекрасная, книга для Нѣмец[кой] Литтер[атуры] Gesammtgebieth der deutschen Litteratur, von Pölitz; я ее имѣю — еще переплетается; напечатано только двѣ части, еще двѣ явятся; когда прочту, то перешлю тебѣ: намъ надобно стараться не имѣть обоимъ однѣхъ и тѣхъ же книгъ. Особенно по Лифлянской исторіи у меня собирается хорошій запасъ для будущихъ поэмъ и трагедій. Теперь читаю Тибулла. Онъ мнѣ чрезвычайно нравится; могу сказать, что его понимаю, и что переводы изъ него Дмитріева и даже Батюшкова похожи на оригиналъ какъ земля на небо, какъ худое на хорошее. На сихъ дняхъ ожидаю моего сожителя; по пріѣздѣ его, занятія пойдутъ вѣрнѣе и привольнѣе.

Вчера получилъ я письмо отъ Ел[изаветы] Петр[овны]. Она пишетъ, что скоро смыслъ нашего дядства нѣсколько ра[с]пространится, что Петръ, надѣясь скоро быть отцемъ, почитаетъ себя въ правѣ вполнѣ[1]) предаваться лѣни — и потому не пишетъ!

---

1) Въ *П.* въ полнѣ.

Пришли мнѣ при случаѣ Арана; у меня, по обыкновенію, нѣтъ съ него списка, а въ мою голову возвратилась мысль его передѣлать; нѣчто изъ него можетъ остаться въ прежнемъ видѣ. Было бы несправедливо оставить безъ исполненія дѣло, столь прилежно начатое; и едва ли есть причина думать, что его нельзя кончить благополучно-торжественно.

Что-то новое издалъ о Монголахъ Рихтеръ, по объявленію Смирдина: маленькая тетрадь; если дѣльное, то вели прислать мнѣ.

Теперь пишу стихи для Дир[иной] — тѣ, которыхъ не прислалъ изъ П[е]т[ер]б[урга].

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся литтераторамъ.

Аладьину я пошлю старыхъ, не напечатанныхъ Елегій; онѣ стоятъ его Альманаха, я и не назовусь.

Нельзя ли прислать мнѣ книгу Не любо-не слушай (не ком. Шаховск[ого]): ето для чтенія и укрѣпленія ума Ванюшки[1]).

CXX.

П. М. Языкову.

1825, Августа 27. Дерптъ.

Я еще не получилъ ни одного письма отъ тебя, любезный Петръ; предполагая, что ты занятъ, что называется, по уши обязанностями, которыхъ и тѣни я не могу чувствовать и обсуживать, мнѣ нѣтъ права требовать, т. е. просить, отвѣтовъ твоихъ на мои письма. Будемъ какъ можно свободнѣе во всѣхъ смыслахъ: одно желаніе кого-нибудь, къ чему-нибудь, чѣмъ бы то ни было принуждать не должно никогда имѣть мѣсто въ головѣ человѣка свободнаго. Пусть всякой пишетъ, когда хочетъ, что хочетъ, къ кому хочетъ, и объ отвѣтахъ разумѣется то же. Не знаю, что ожидаетъ въ отвѣтъ мое письмо къ тебѣ о финансахъ; мнѣ надобно бы, мнѣ хотѣлось бы ето знать, но что бы то ни было — я все-таки увѣренъ въ твоемъ ко мнѣ благорасположеніи, не имѣя, кажется, ни малѣйшей причины ожидать противнаго: вѣрно, ты сдѣлаешь все, что можешь, для меня грѣшнаго, а всего довольно и за глаза.

Я теперь живу одиноче прежняго: почти всѣ мои знакомые и преимущественно знакомыя отсутствуютъ; ето съ одной, и едва ли не съ лучшей,

---

1) Послѣдняя просьба сдѣлана, въ видѣ приписки, наверху первой страницы письма.

стороны очень хорошо: именно, я могу свободнѣе дѣйствовать и въ занятіяхъ, и съ музою, которая, не имѣя передъ глазамъ ни пары прекрасныхъ глазъ, вѣроятно станетъ смотрѣть повыше. Хотя, надобно признаться, я еще ничего доселѣ не писалъ независимо: то издатели Альманаховъ, то жена издателя Инвалида побуждала меня выходить со стихами въ публику, а послѣдняя имѣетъ полное право называться пробудительницею, звѣздою моего таланта поэтическаго, ежели онъ у меня есть! Такъ идутъ всѣ дѣла въ мірѣ подлунномъ; малыя, чуть примѣтныя причины производятъ величайшія слѣдствія: дубъ выростаетъ изъ жолудя, который можетъ быть уничтоженъ презрѣннѣйшимъ изъ господъ четвероногихъ!

На одной изъ будущихъ въ непродолжительномъ времени почтъ напишу тебѣ гораздо больше теперешняго. Прощай покуда, будь здоровъ, не поминай насъ лихомъ.

Мои почтенія Петру Никифоровичу и Вѣрѣ Александровнѣ.

Весь твой Н. Языковъ.

Елисаветѣ Петровнѣ мое почтеніе; не пишу къ ней теперь потому, что мнѣ хочется начать переписку съ нею стихами—мысль прекрасная!

CXXI.

А. М. Языкову.

27 Августа, 1825. Деритъ.

Письмо твое отъ 22 сего мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить. Ты спрашиваешь, въ чемъ[1]) состоитъ повѣсть, которой начало тебѣ прислано; ей Богу, я самъ не могу еще отвѣчать на ето удовлетворительно; планъ есть, какъ обыкновенно (и я могу похвалиться, что у меня нѣтъ ни одного отрывка, не принадлежащаго къ цѣлому, въ головѣ моей существующему), но ты знаешь, какъ мои планы мѣняются—сообразно обстоятельствамъ, состоянію моего духа, нерѣдко зависящаго отъ особъ, на меня дѣйствующихъ такъ или етакъ, и прочему; итакъ, подожди: можетъ быть, она кончится прежде, нежели ты думаешь. Многое зависитъ отъ пустяковъ какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и въ литературѣ, особенно въ моей, какъ уже выше объяснено; Д[ирин]ы уѣзжаютъ отсюда мѣсяца на два во Псковскую губернію; слѣдственно, я останусь вовсе безъ пристанища для Музы, слѣдственно—она будетъ самобытнѣе, способнѣе къ произведенію незави-

1) Въ *П.* чѣмъ.

симыхъ произведеній; уединеніе дѣлаетъ много хорошаго, заставляя человѣка входить въ самого себя, а мнѣ ходить будетъ больше некуда. Марія ко мнѣ благосклоннѣе прежняго; ето всегда такъ бываетъ, когда здѣсь нѣтъ В[оейково]й, всегда ее отстраняющей отъ моего воображенія; она чрезвычайно обрадовалась, какъ чему-то нежданному, стихамъ [1]) (которые здѣсь прилагаются)[2]), которые вѣрно бы всякой, кромѣ меня, не очень вѣжливаго съ прекраснымъ поломъ на языкѣ боговъ, не рѣшился ей приписать, какъ увидишь. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Я еще не собрался написать къ Очк[ину]; мнѣ очень любопытно знать его дѣло съ Зонами, ежели уже дошло, какъ ты пишешь, до словесности. Изъ Симб[ирска] я получилъ письма отъ Маминьки и Параши: они, кажется, слава Богу, здоровы и живутъ въ удовольствіи. Петръ, какъ слышно, совершенно переселился въ мундиръ[?]и находится въ зависимости отъ генералитета; ето досадно нашему брату, вольнодумному наблюдателю, и едва ли не возможное дѣло: изъ Петра можно много сдѣлать худаго, если не совѣститься съ нимъ церемониться. Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Бах[тину], Гоф[ману] и проч. мои поклоны.

CXXII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

27 Августа, 1825. Дерптъ.

Наконецъ, ты ко мнѣ написала нѣсколько строчекъ; я и за нихъ благодаренъ, какъ за необыкновенное явленіе, какъ за нѣчто большее, чѣмъ ничего. Видишь ли, какъ легко дѣлать мнѣ добро изъ Симбирска; продолжай же начатое,—я вѣрно не отстану отъ тебя письмами, хотя и имѣю больше права отговариваться недостаткомъ матеріаловъ, даже времени. Надобно очень напрягать духъ свой, чтобы написать, напримѣръ, письмо хоть съ настоящее тамъ, т. е. здѣсь, гдѣ жизнь моя чрезвычайно однообразна, до крайности бѣдна приключеніями и, слѣдственно, вовсе или почти вовсе не можетъ быть любопытна даже тебѣ, которой, по всѣмъ правиламъ братства, должно быть все мое любопытно. Такова судьба моя, моя любезная Полина! Впрочемъ, ты знаешь, что я живу въ Дерптѣ не для приключеній,

---

1) Въ *П.* стихахъ.

2) Этого приложенія при *П.* нѣтъ.

не для того, чтобъ писать завлекательныя, чувствительныя, учтивыя письма, въ родѣ писемъ Г-жи Севинье, и такъ далѣе: слѣдственно, ты не должна бы гнѣваться за малочисленность ихъ, за убожество ихъ содержанія, разсуждая, что каждое письмо мое отсюда есть дѣло напряженія силъ душевныхъ, есть побѣда надъ собственнымъ недостаткомъ матеріаловъ письменности—и, наконецъ, ясное, торжественное доказательство моей привязанности къ ихъ получателямъ! Сколько правъ на отвѣты, на благодарность!

Вы, вѣрно, уже получили отъ Дюка комедію Грибоѣдова Горе отъ ума; напиши, какъ она подѣйствовала на бездѣйственные умы въ Симбирскѣ? Ето—произведеніе, дѣлающее честь нашему времени и уму рускому: какая галлерея характеровъ, истинно комическихъ, списанныхъ съ природы! какой языкъ прекрасный и непринужденный, неистощимое остроуміе и великое искуство схватывать положенія самыя смѣшныя изъ быта рускихъ бояръ! Вѣрно, все ето ты сама въ ней увидѣла; вѣрно, тебѣ нравится она какъ нельзя больше — читай ее чаще и учись смотрѣть на свѣтъ глазами Грибоѣдова: тогда только ты увидишь его, какъ онъ есть.

Прощай до слѣдующаго письма.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ поклоны и почтенія.

Ты взводишь на меня небылицы: я никогда не писалъ тебѣ объ газетахъ; но, вѣрно, ето шутка — не такъ ли?

CXXIII.

А. М. Языкову.

2 Сентября, 1825. Дерпть.

Письмо твое отъ 27 прошлаго мѣсяца я получилъ; мнѣ очень любопытно видѣть Исторію Греціи — даже предполагая, что она компиляція; нужно имѣть ее, какъ вѣрно лучшую Кайданова и, слѣдственно, лучшую на рускомъ. Очень радуюсь, что Мартыновъ будетъ продолжать свои переводы и что онъ принимается за прозаиковъ. Послѣдніе едва ли не успѣшнѣе пойдутъ у него въ литтературномъ отношеніи; я подпишусь на нихъ въ свое время, не смотря на то, что они очень дороги, въ сравненіи съ нѣмецкими и подлинными, что очень рѣдко въ Россіи.

Я купилъ себѣ Бейрона на нѣмецкомъ: говорятъ, хорошо переведенъ и стихами. За нѣсколько предъ настоящимъ временемъ, я, не зная, что существуетъ у нѣмцевъ хорошій переводъ Бейрона, заказалъ его на французскомъ, чтобъ прислать тебѣ, но книгопродавецъ изъ Риги, не знаю съ

чего и, право, безъ моего согласія, вообразилъ, что я знаю по Англински, и прислалъ прекрасное изданіе подлинника: я его не взялъ, какъ разумѣется, а все-таки доставятъ мнѣ и французскаго, котораго тебѣ препровожу возможно скоро.

На сихъ дняхъ я познакомился съ Висковатовымъ, извѣстнымъ переводчикомъ и сочинителемъ многихъ трагедій на рускомъ театрѣ. Онъ очень любопытенъ въ разсказахъ своихъ, когда не доходитъ слово до его произведеній: ибо въ такомъ случаѣ декламируетъ во множествѣ стихи свои, очень доволенъ ими и, слѣдственно, скученъ; знаетъ много анекдотовъ, подробностей о старыхъ нашихъ литтераторахъ, съ которыми былъ коротко знакомъ; бранитъ теперешній духъ нашей Литтературы, хвалитъ прежній, бранитъ цензуру и театральную дирекцію и проч. и проч.; даже Ш — а не почитаетъ чудомъ нашей современной прозы и надъ нимъ смѣется. Пріятно было видѣть въ етакихъ случаяхъ лице нашего професссора р[усской] Литт[ературы], боготворителя первокласныхъ писателей. Нельзя ли прислать мнѣ Грамматина изданіе Слова о Полку Игоря: етимъ ты очень меня обяжешь въ литтературномъ отношеніи.

Я не слыхалъ ни объ какихъ новыхъ стихахъ Пушкина; если же дойдутъ сюда, то пришлю тебѣ некосно. Теперь читаю Альфьери Von der Tyrannei — мнѣ очень нравится, рекомендую тебѣ и пришлю, если можно будетъ купить: оно, вѣрно, тоже запрещено. Къ статѣ: нельзя ли найти у Грефа Grundsätze der politischen Oekonomie, von Fulda? Видишь ли, что и я грѣшный начинаю завлекаться въ ету часть наукъ, вовсе не поэтическую! Ето очень почтенно съ моей стороны и ново въ моей жизни.

Теперь у насъ критическое время для фуражекъ: до сихъ поръ студенты все-таки носили какія угодно, красныя, зеленыя, голубыя — теперь правительство уже рѣшительно истребляетъ ети явныя признаки либерализма и готовности къ возмущенію противъ законныхъ властей. Полиція университетская и городская ходитъ по городу и снимаетъ запрещенныя фуражки; много смѣшныхъ и странныхъ сценъ: на улицахъ встрѣчаешь пріятелей съ открытыми головами, будто сумасшедшихъ, иные носятъ фуражки подъ мышками. O tempora, o mores! Строгость въ етомъ случаѣ дошла до безразсудства: студентъ можетъ, по словамъ начальства, лучше не посѣщать лекціи, чѣмъ являться на улицѣ въ незаконной фуражкѣ! До чего мы дожили! Сегодня, 4 Сент., запрещено уже и ходить безъ фуражекъ: за ето обѣщаютъ выгонять изъ университета.

Прощай до слѣдующей почты, которая привезетъ тебѣ и комментаріи къ стихамъ для Д[ирин]ой, тобою уже полученнымъ.

Къ статѣ, вотъ препорученіе моему герольду. Недѣли три тому, какъ Тютчевъ послалъ Бестужеву стихи въ П[олярную] З[вѣзду]; въ ней они не напечатаны: пусть Амплій попроситъ издателей П[олярной] З[вѣзды] доставить оные въ Сѣв[ерную] Пчелу и издателей Пчелы напечатать ихъ, и пусть попроситъ такъ жарко, чтобъ они напечатали—и поскорѣе, и пусть напишетъ мнѣ съ дипломатическою точностію и осторожностію причину непомѣщенія ихъ въ П[олярной] З[вѣздѣ], ибо его отповѣдь долженъ я показать пылкому молодому человѣку и стихотворцу, оскорбленному преткновеніемъ при первомъ шагѣ въ публику.

Что же комедія Грибоѣдова? Вѣрно, ты пустился въ большой [свѣтъ?], вѣрно разъѣзжаешь съ визитами, что вовсе забылъ меня грѣшнаго! Телеграфъ становится пуще и пуще: какая глупость и непросвѣщенность въ его самонадѣянныхъ приговорахъ! Любимая пословица Василія docendo docemur здѣсь переворочена такъ: не учившись, учимъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Твой Н. Языковъ.

Скажи Амплію: что̀ онъ ко мнѣ не пишетъ? Онъ даже не отвѣчаетъ мнѣ. Кланяйся Вас[илію] Аѳ[анасьевичу] и проч. и проч.

Я хожу въ мундирн[омъ] сертукѣ: здѣшняя полиція получила приказъ снимать платье со студентовъ, не по формѣ одѣтыхъ, и отдавать бѣднымъ. Каково?

CXXIV.

А. М. Языкову.

12 Сентября, 1825 [Дерптъ].

Благодарю тебя за все, что ты для меня дѣлаешь. Кальдеронъ мнѣ чрезвычайно нравится — и чѣмъ больше читаю его, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что Кюх[ельбекеръ] его не читалъ, сказывая, что у Ших[матова] много съ нимъ сходства. У Кальдерона какое-то особое воображеніе, огромное и всеобъемлющее. Онъ кратокъ и пространенъ въ одно время; каждая мысль выражается чрезвычайно кратко, а мыслей у него море. Онъ на меня сильно дѣйствуетъ, какъ само собою разумѣется. Когда-нибудь будемъ читать его вмѣстѣ. Признаюсь, что читаю его съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, нежели Шекспира: хотя у Кал[ьдерона] нѣтъ такого искуства въ изображеніи характеровъ, за то онъ богаче образами, вовсе оригинальными, а той приверженности къ Религіи праотцевъ, о которой говоритъ Кюх[ельбекеръ], я не вижу въ немъ ни капли. Впрочемъ, жаль, что Грисъ не при-

ложилъ примѣчаній къ своему прекрасному переводу: есть мѣста въ Кальд[еронѣ], которыхъ никакъ понять нельзя, вполнѣ понимая ихъ буквально; сперва я думалъ, что то, чего я не понимаю, можетъ понять человѣкъ, лучше меня знающій понѣмецки, но ни тутъ то было; впрочемъ, ети мѣста не такъ важны (вѣроятно, въ нихъ есть мѣстности) и не мѣшаютъ дѣйствію цѣлаго и другаго, притомъ же — онѣ очень рѣдки.

Я все-таки буду писать стихи, чтобъ не отъучиться отъ ихъ гладкости. Самыя пустыя мои пьесы имѣютъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что онѣ чистятъ будущіе стихи мои.

Я пришлю тебѣ скоро нѣмецкой Альманахъ, которой при случаѣ отошли Ел[изаветѣ] Петр[овнѣ], и рисовальную тетрадку для Катуши. Въ первомъ есть хорошая повѣсть. Къ статѣ: въ одномъ нѣм[ецкомъ] альманахѣ Уранія на 1826 есть прекрасная Тикова повѣсть Das Dichterleben; я ее читалъ съ восторгомъ — и жалѣю, что не могъ уже купить етого Альманаха. Совѣтую тебѣ имѣть его: прелесть!

Прощай покуда; на слѣдующей почтѣ напишу гораздо болѣе.

Весь твой Н. Языковъ.

Мнѣ смертельно надоѣдаетъ Аладьинъ.

CXXV.

А. М. Языкову.

1825, Сентября 20. Дерптъ.

Ты получилъ комментаріи на стихи къ Д[ириной]; знаю, что объ нихъ думаешь; мнѣ дѣлать было нечего: особа, къ коей относится вся ета куча рифмъ, не удовольствовалась текстомъ; я долженъ былъ написать пространнѣе о томъ же, хотя мнѣ уже, ей Богу, надоѣло злоупотреблять мою Музу. Еслибъ я хоть чуть-чуть былъ передъ тобою скрытенъ, то, конечно, не послалъ бы тебѣ етихъ стиховъ, но благоразумный больной ничего не скрываетъ отъ лѣкаря!

Ты спрашиваешь, каково идетъ Греческій, и справедливо замѣчаешь, что Латинь его опередила; однакожъ у меня есть надежда, что первый догонитъ послѣднюю въ текущемъ полугодіи, которое преимущественно посвящается филологіи. Благодарю впередъ за Фульду: онъ войдетъ въ кучу запасовъ для моего будущаго екзамена и обратитъ на себя въ свое время все мое вниманіе; его очень хвалитъ нашъ профессоръ Рамбахъ.

Пятеро моихъ пріятелей (нѣмцы) и я составили изъ себя общество чтенія, по условіямъ котораго каждый членъ покупаетъ книгу, назначенную

собраніемъ, читаютъ одинъ разъ въ недѣлю по разнымъ мѣстамъ — и разумѣется, что книга по прочтеніи остается собственностію купившаго, а за ето онъ читаетъ впятеро болѣе, чѣмъ купилъ: вотъ польза — но сколько удовольствій для ума и сердца! Въ слѣдствіе етого учрежденія, прошу и умоляю прислать мнѣ книги: Sappho von Grillparzer, Zaubergeschichten von Tiek и Calderon de la Barca, übers. von Gries. Berlin. По прочтеніи я пришлю ихъ къ тебѣ обратно; здѣсь ихъ нѣтъ. Рекомендую тебѣ Shakspeare's Sämmtliche Schauspiele, frei bearbeitet von Meÿer. Gotha 1825 — изданіе очень дешевое, 20 коп. серебр. книжка; ихъ вышло уже четыре. Ихъ теперь читаемъ. Говорятъ, сей переводъ лучше Шлегелева, потому что нужно знать подлинникъ, чтобъ всегда понимать послѣдній.

К[юхельбеке]ръ, кажется, корчитъ рускаго Лессинга или Шлегеля, но —

Wo steht geschrieben zu lesen,
dass sie solche Fluchmäuler sind gewesen?

Что онъ привязывается ни къ селу ни къ городу къ какимъ-то Романтикамъ въ нашей литературѣ? Ето просто безтолково: ежели Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ и Тикъ романтики, то у насъ вовсе нѣтъ романтиковъ — не правда ли?

Отъ Петра я давно уже не получаю писемъ, хотя пишу къ нему гораздо чаще прежняго: видно, онъ сильно занятъ семейственнымъ. Боргъ перевелъ на нѣмецкій Байронова Манфреда — говорятъ, удивительно близко; я пришлю тебѣ его съ прочими книгами, которыя, какъ увѣряетъ ихъ доставитель, пріѣдутъ на слѣдующей недѣлѣ. Разборъ переводовъ Борга съ рускаго доказываетъ только то, что К[юхельбеке]ръ читалъ оглавленіе первой части, а послѣдней вовсе не видалъ. Жду съ любопытствомъ его драмматическую шутку; не въ шутку можно предсказать, что въ ней будутъ духи Шекспировы, а духа Шекспирова не будетъ. Не слыхать ли чего объ рускомъ Фаустѣ или о рускихъ Фаустахъ?

Вторую часть Онѣгина я читалъ еще прошлою весной: она лучше первой, но въ ней тотъ же недостатокъ, какой и въ первой, т. е. совершенное отсутствіе того, что нѣмцы называютъ humor и что одно могло бы, какъ мнѣ кажется, дать занимательность и поэтизмъ етому роду сочиненій.

Муза моя живетъ безъ дѣла, и я не надѣюсь хотя что-нибудь прислать во время Дельвигу. Впередъ благодарю за Арсеньева и за проч.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXVI.

П. М. Языкову.

4 Октября, 1825. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ тебя писемъ, хотя одно изъ моихъ — ты, вѣрно, его помнишь — было такой важности для существа моего, что имѣло полное право на твой отвѣтъ разрѣшительный.

Поздравляю тебя — ты знаешь, съ чѣмъ; радуюсь и, вѣрно, написалъ бы стихи на етотъ случай торжественный, еслибы имѣлъ въ настоящемъ времени больше свободнаго времени; впрочемъ, все равно, когда бы ето благое намѣреніе ни[1]) исполнилось: здѣсь и анахронизмъ позволителенъ — итакъ, все будетъ, чему быть слѣдуетъ.

Теперь жизнь моя совершенно посвящена однимъ занятіямъ учебнымъ: все, что прежде побуждало мою Музу къ стихображенью, теперь въ отсутствіи, а я не хочу проповѣдывать въ пустынѣ. Прислалъ ли Дюкъ вамъ Горе отъ ума? и какъ она подѣйствовала въ нашей бездѣйственной родинѣ? Грибоѣдовъ хорошо, поэтически изобразилъ нравы Москвы бѣлокаменной, и я не могу перестать читать его комедію и удивляться величинѣ его сатирическаго таланта. Жаль, что произведеніе, дѣлающее честь нашей литературѣ, не можетъ быть напечат[ан]о въ наше прозаическое время.

Какъ идетъ твое хозяйство? Теръ, какъ слышно, издалъ что-то новое и превозходное по сей части: вѣрно, его переведутъ на французской — справься у Дюка. Вѣдь ты преслѣдуешь успѣхи твоей части, а Теръ — царь вашей братьи агрономовъ!

Я недавно получилъ множество книгъ по Ливонской исторіи — и теперь въ кислотворѣ отъ надежды будущихъ торжествъ моихъ въ мірѣ литературномъ. Матеріаловъ вдоволь, не достаетъ мнѣ только времени ихъ поэтически переработывать; оно придетъ, и я вѣрно никогда не буду ниже моихъ предметовъ. Послѣднія слова — слова самонадѣянности. Такъ, мой любезнѣйшій, точно такъ: ето добродѣтель, когда она на мѣстѣ.

Цѣлую рученьки Елис[аветы] Петровны. Надѣюсь скоро ее привѣтствовать, какъ долженъ стихотворецъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Ты, видно, и къ Дюку не часто пишешь; разрѣши, по крайней мѣрѣ, наше ожиданіе по части моего финансового прошенія.

---

1) Въ *II.* не.

CXXVII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

4 Октября, 1825. Дерптъ.

Если бы ты знала, какъ меня утѣшило письмо твое — явленіе очень рѣдкое между нами—, какъ оно даже удивило меня, то вѣрно бы стала писать чаще, нежели обыкновенно ко мнѣ пишешь, или, по крайней мѣрѣ, такъ часто, какъ я пишу къ тебѣ, моя любезная Пируша!

Отъ брата Петра я что-то давно не получалъ писемъ: не забылъ ли уже онъ меня грѣшнаго, не смотря на то, что я довольно нерѣдко ему себя напоминаю посредственно и непосредственно? Такъ всё идетъ въ нашемъ подлунномъ мірѣ: настоящее заставляетъ насъ забывать прошедшее и не думать о будущемъ, особливо когда то и другое входитъ въ кругъ не собственной нашей дѣятельности. Ты понимаешь, въ чѣмъ здѣсь дѣло!

Благодарю тебя и радуюсь и возхищаюсь, что ты такъ сильно занимаешься дѣлами умственными, что скучаешь тамъ, гдѣ естественно должно скучать существо мыслящее, что находишь удовольствіе внѣ удовольствій общественныхъ и возвышаешься[1]) духомъ тамъ, гдѣ одно собственное убѣжденіе въ пользѣ образованія можетъ дать въ руки книгу, потому что всѣ окружные предметы служатъ момонѣ, какъ сказано въ Евангеліи, и почти ничѣмъ, кромѣ дара слова, не разнятся отъ животныхъ, предшествовавшихъ имъ въ недѣлю сотворенія міра.

Сарразеня я не читалъ; слышалъ, что онъ хорошъ, и вѣрю, что тебѣ нравится. Неужели Дюкъ пишетъ къ тебѣ чаще, нежели я? Ежели ето правда, то вѣрно и ты чаще къ нему пишешь; дѣлай то же и въ разсужденіи меня — и увидишь, что я не отстану письмами отъ твоихъ.

Тат[ариновъ], говорятъ, будетъ сюда въ Ноябрѣ. Онъ сдѣлаетъ точно доброе дѣло, ежели самъ посмотритъ, какъ идетъ ученіе его сына. Здѣсь нужны глаза да глаза, для того чтобъ птенцы занимались своимъ дѣломъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Мои почтенія роднымъ.

Стиховъ у меня вовсе нѣтъ новыхъ; когда будутъ, ты получишь ихъ, какъ и всегда бывало.

---

1) Въ *П.* возвышаешся.

CXXVIII.

А. М. Языкову.

Октября 4, 1825. Дерптъ.

Ты давно отъ меня не получалъ писемъ: причина та, что я опоздалъ разъ на почту. Благодарю за Фульду, Арсеньева, Кальдерона и Тика; перваго я еще не начиналъ читать, потому что онъ переплетается, а ето здѣсь дѣлается очень медленно; второй мнѣ не нравится — я ожидалъ гораздо больше: въ его исторіи мало связи, много пустословія и словъ иноземныхъ, вовсе не нужныхъ; есть, даже мнѣ, очевидныя ошибки — вообще видно, что она писана наскоро; Кальдерона начну читать завтра (рекомендую тебѣ Die Zauberlampe, von Oelenschläger — очень хорошо). Pietro A[l]bano прочтенъ — очень хорошо и разительно, много прекрасныхъ, замысловатыхъ положеній и мыслей; только мнѣ кажется, что ету повѣсть Тикову превозходятъ прежнія, можетъ быть, потому именно, что она Zaubergeschichte.

Ты удивился бъ, если бы увидалъ, какую кучу книгъ наконецъ собралъ я для моихъ будущихъ литературныхъ подвиг[ов]ъ изъ Лифлянской исторіи; точно, теперь я имѣю все, что давно хотѣлъ имѣть по етой части; могу черпать въ головѣ источниковъ; надежда кончить начатыя и выполнить замышляемыя повѣсти теперь еще сильнѣе прежняго на меня дѣйствуетъ. Алу, можетъ быть, кончу, когда осмотрюсь въ лѣтописяхъ етого времени, ибо до сихъ поръ у меня бывали одни короткія хроники или обозрѣнія Лифл[яндской] исторіи — теперь все сполна[1]): радуюсь въ настоящемъ и возхищаюсь въ будущемъ!

Мнѣ очепь досадно, что такъ худо исполняю твои порученія; книгопро[да]вецъ на сихъ дняхъ получилъ книги изъ Риги, и въ нихъ все таки нѣтъ Клейна; онъ снова говоритъ, что скоро его получитъ; Geschichte der Menschheit Treschow's обѣщаетъ тоже черезъ двѣ недѣли — только, кажется, ты невѣрно написалъ мнѣ заглавіе.

Греческій языкъ у меня идетъ впередъ благополучно; ублажи меня по сей части вотъ чѣмъ: пришли Anacreon von Degen и — что очень важно для выученія словъ греческихъ — Uebungsbuch zum Uebersetzen aus dem Deutschen ins Griechische von Hess und Vömel, 3 Bändchen. Также для латыни — у тебя уже находящуюся De moribus Germanorum Тацита: ты

1) Въ *П.* съ полна.

знаешь по Клейну, какъ нескоро получаютъ здѣшніе книгопродавцы выписываемыя книги, а ждать, особливо книгъ учебныхъ, не только скучно, но и досадно, и безполезно — слѣдственно и проч.

Подъ стать .... съ .....[1]), случилось и здѣсь чудо: молодой 18 лѣтъ человѣкъ, помошникъ (sic) аптекаря, влюбился въ 30-лѣтнюю, говорятъ—неблагообразную даже, дѣву, не могъ на ней жениться, отчаялся, принялъ самого жестокого яда, и въ слѣдствіе того умеръ. Такая любовь въ нашъ вѣкъ — точно чудо!

Скоро ли выдетъ Исторія Руского Законодательства Куницына? Замѣть къ статѣ, что Еверсъ печатаетъ книгу о семъ же предметѣ и, слышно, довольно большую. Любопытно: чья возьметъ?

Сафо Грильпарцера, видно, не нашлась? Заодно съ нею когда-нибудь нельзя ли Das Auge der Liebe von Immermann: говорятъ, вещь чудесная!

Здѣсь носится слухъ, что Казанскій университетъ уничтожается и что профессоры и студенты оттуда переводятся въ здѣшній: дѣло возможное, особливо первое, даже правдоподобно и въ духѣ нашего времени. Справься, сдѣлай милость, и увѣдомь меня объ етомъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся кому слѣдуетъ.

Изъ Симбирска я давно не получалъ писемъ: не знаю, чѣмъ порѣшилъ Петръ мою просьбу о финансахъ; впрочемъ, въ случаѣ ежели по ней откажутъ, можно, кажется, просить снова пересмотрѣть ето дѣло — не такъ ли?

Сдѣлай милость, пришли, ежели имѣешь, Adolphe par Benjamin Constant; Тютчевъ ко мнѣ пристастъ объ ней. Или напиши, что ты ея не могъ найти[2]).

CXXIX.

А. М. Языкову.

17 Октября [1825. Дерптъ].

Я на прошлой почтѣ не писалъ къ вамъ — и не знаю, почему. Твое предложеніе, Алекс[андръ], пріѣхать лѣтомъ въ Симбирскъ очень мнѣ пріятно и сладостно; дай Богъ, чтобъ оно могло имѣть исполненіе; тутъ есть важный вопросъ: отпустятъ ли меня въ началѣ мая? Впрочемъ, есть надежда и примѣры даже такихъ отпусковъ; разумѣется, что тутъ нужна про-

1) Два слова не разобраны.

2) Послѣдняя просьба написана на особомъ маленькомъ клочкѣ бумаги, приложенномъ къ письму.

текція, а у меня за нею дѣло не станетъ: Воейкова, Перевощиковъ и еще многіе могутъ за меня ходатайствовать у Ректора — итакъ, я могу уже предполагать хотя нѣсколько, что ето благое твое и мое и всѣхъ вообще нашихъ желаніе не неисполнимо.

Петръ писалъ мнѣ, что двадцатого сего мѣсяца вы уже отъѣзжаете въ Симб[ирскъ]. Напишите же мнѣ, какъ у него сошлось или разошлось съ Мечниковымъ, и какой планъ его будущей жизни; надѣюсь, что онъ не станетъ проводить оную veluti pecora, quae natura prona atque ventri obedientia finxit.

Сегодня посылается книга стиховъ; примите ее благосклонно. Тутъ все, что я здѣсь написалъ, а будущія мои стихотворенія будете вы получать всѣ; не правда ли, что я нынче совершенно съ вами откровененъ по части моей литтературы — и ты напрасно, Ал[ександръ], напоминаешь мнѣ (ето не заповѣдь): не утай. Замѣтьте, что ета книга есть единственный екземпляръ большой части стиховъ, въ ней находящихся; они худы, но по крайней мѣрѣ могутъ служить матеріалами для исторіи состоянія моего духа въ Дерптѣ, а ето для васъ любопытно.

Еще разъ благодарю за В. Скотта; онъ меня побуждаетъ написать повѣсть въ етомъ же родѣ. Въ головѣ моей уже готово много новыхъ мыслей и выраженій сильныхъ для оной, много плановъ; покуда ни[1]) одинъ еще не выбранъ, а дѣйствіе должно происходить въ Ливоніи; тутъ явятся и рыцари меча, и Іванъ Васильевичъ — какъ ты объ етомъ думаешь? Мнѣ давно хочется попробовать свои силы объ сочиненіе, пространнѣйшее прежнихъ, хотя для практики къ будущему. Мелодіи будутъ продолжаться, и, кажется, скоро выдетъ ихъ двѣ или четыре новыхъ для альбома Д[иріной], которой обѣщалъ я заселить[2]) моими стихами. Не ожид[а]ешь ли чего любовнаго? Все вы получите, хотя бы самая горячка амурная овладѣла при семъ случаѣ перомъ моимъ: все свое! Если ты когда впередъ вздумаешь [за?] благо подарить мнѣ что-либо изъ В. Скотта или Бейрона, то сдѣлай милость — на Нѣмецкомъ: ето для меня будетъ вдвое пріятнѣе, потому что тогда и моя хозяйка будетъ читать мои книги. Къ стати: Воейковъ напечаталъ въ Нов[остяхъ] Лит[ературы] четырестишіе къ Боргу, подставилъ подъ нимъ букву Я; ето не мое — не потому, что оно весьма худо, а написано В. Княжевичемъ въ альбомъ Борга; я не знаю, какъ попалось оно Воейкову; при первомъ случаѣ я изъявлю ему свое неудовольствіе за употребленіе всуе моего

---

1) Въ *П.* не.
2) Въ *П.* засѣлить.

имени. Что же переводъ Кавк[азскаго] Плѣнника? Не забудь, сдѣлай милость, доставить мнѣ лексиконы Аделунга при отъѣздѣ: все-таки ето мнѣ нужно. Здѣсь носятся слухи что къ Н[овостямъ] Л[итературы] издается 11 томовъ прибавленія: что говорятъ у васъ объ етомъ? Напиши мнѣ, что стоитъ Катихизисъ, Якобъ и Священ[ная] Исторія?

Я здѣсь въ великой славѣ и благоволеніи. Вотъ примѣръ: генералъ Кнорингъ, мужъ вѣка отцевъ нашихъ, въ деревнѣ которого (Камби) жила лѣтомъ Воейкова, предлагаетъ мнѣ на будущее лѣто переселиться къ нему для уединенного бесѣдованія съ Музою; очень радъ буду, ежели не возмогу воспользоваться етимъ предложеніемъ на сей разъ; впрочемъ, у него не было бы скучно: старикъ доброй, одинокой и хорошая исторія недавно прошлаго времени Екатерины и Павла. Пришлите мнѣ что-нибудь въ знакъ вашего благополучного выѣзда, и нельзя ли что-нибудь такое, что бы можно подарить М. Боргъ? Алекс[андръ], ты знаешь, что въ такихъ случаяхъ прилично — хоть конфетъ.

Прощайте; напишите, когда перестать писать къ вамъ въ Петерб[ургъ] — и яснѣе.

Вашъ братъ Н. Языковъ.

На слѣдующей почтѣ напишу Княжевичу, Очкину и Погожеву: теперь некогда[1]), ей Богу!

CXXX.

А. М. Языкову.

23 Октября, 1825. Дерптъ.

Я все болѣе и болѣе проникаюсь Кальдерономъ: точно, онъ великій поэтъ; его надобно изучить, когда будетъ у меня больше времени. Всего болѣе благодарю тебя за греческія учебныя книги; онѣ должны быть вратами моей учености будущей, онѣ золото по своей части, и едва ли есть на другомъ языкѣ столь же легкое средство узнать основательно грамматику онаго.

Сафы еще я не прочелъ; должна быть хороша, хотя и слышно, что въ ней только одинъ характеръ, самой Сафы, достаточно выдержанъ. Мнѣ очень понравился Кореджіо Еленшлегера; рекомендую тебѣ его — знатная вещь! Какъ ты находишь Октавіана? Тика я люблю душевно: онъ вездѣ

---

1) Въ *П.* нѣкогда.

оригиналенъ своимъ остроуміемъ и великой живописецъ — не правда ли? Къ твоему собранію его повѣстей хорошо бы присовокупить его же Фантазуса, въ родѣ Декамерона: сочная пища для мыслителя.

У меня родилось желаніе нѣсколько углубиться въ премудрость; для етого назначается слѣдующее полугодіе: трое будемъ слушать приватно курсы философіи у Еше; ето удобнѣе, чѣмъ въ университетѣ, гдѣ нельзя толковать съ професоромъ и почти нельзя всего слышать, что онъ говоритъ. Сверхъ того, мы (Степановъ, мой сожитель и я) будемъ вмѣстѣ приготовляться къ слушанію, а ето будетъ прекрасно, торжественно. Какъ бы то ни было, а мнѣ необходимо нужно имѣть понятіе о философіи для моихъ будущихъ литературныхъ подвиговъ: она, конечно, можетъ поставить ихъ куда слѣдуетъ, возвыситъ, отріумфируетъ и сдѣлаетъ изъ меня (предположивъ, что я имѣю истинный талантъ въ поэзіи) существо, могущественнѣйшее тѣхъ, кому у насъ такъ удивляются.

Если не перемѣнится теперешній планъ моей музы, то къ зимѣ напишу я повѣсть; ето можно сдѣлать между дѣлъ, по воскресеньямъ, по праздникамъ церковнымъ и гражданскимъ: стоитъ только хорошо и постоянно слѣдовать желанію выполнить предназначенное.

Къ Киселеву напишу на слѣдующей почтѣ: сегодня я что-то не въ духѣ. Кланяйся ему и поблагодари за извѣстіе о болѣзни В[оейковой]; я членъ человѣческаго общества, я христіанинъ — слѣдственно, могу ли не радоваться ея выздоровленію? Точно такъ. Д[ирин]ы возвратились. Стиховъ новыхъ еще я не написалъ — даже по сей части моей поэзіи; да и пора перестать дурачиться на аренѣ, столь достославной, и часто не во время, безъ духовнаго побужденія; Ломоносовъ справедливо замѣтилъ, что Музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно.

Вотъ тебѣ моя послѣдняя просьба въ семъ полугодіи. Дѣло идетъ даже не обо мнѣ. Книга нужна одному доктору медицины для диссертаціи; ее не нашли ни въ Ригѣ, ни здѣсь, а безъ нее ему не пройти на диспутъ; етотъ человѣкъ мой пріятель, доброй ученый нѣмецъ, и ты, вѣрно, не откажешься сдѣлать ето доброе дѣло — только, пожалуйста, поскорѣе; вотъ заглавіе: Wichmann's Ideen zur Diagnostik, fortgesetzt von Sachse: über die Affectionen des Kuhlkopfs (sic), der 4-te oder der 1 Theil. 1821.

Изъ Симбирска я давно ничего не получаю. Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXXI.

А. М. Языкову.

26 Октября, 1825. Дерптъ.

Исторія человѣчества, о которой писалъ ты, получена и поѣдетъ отсюда къ тебѣ въ середу вмѣстѣ съ тѣмъ, что я давно хотѣлъ послать тебѣ для пересмотра и отправленія, куда слѣдуетъ. Альманахъ, кажется, неспособенъ для Ел[изаветы] Петровны, какъ я замѣтилъ, пересматривая прилежно его гравюрки: суди самъ и дѣйствуй. Очень радуюсь, что Амплій снова взялъ въ руку перо словесности; предвижу торжество его, такимъ образомъ вооруженнаго — но зачѣмъ переводить переводы? развѣ нельзя выбрать для етаго чего-нибудь подлиннаго на французскомъ? Неужели онъ принялся трудиться только pro pecunia?

Здѣшнія дамы, сколько я ихъ знаю, чрезвычайно возмущаются романами Нодье; я ихъ не читалъ, какъ само собою разумѣется, и только для Амплія упоминаю объ нихъ: ежели дѣйствительно хороши, то да благословитъ онъ лучше ихъ своимъ переводомъ; ежели уже переводить съ переводовъ, то лучше съ нѣмецкихъ: французы любятъ все переиначивать на свой ладъ и мало безпокоятся о самомъ авторѣ, а нѣмецъ передаетъ, такъ сказать, по буквѣ весь духъ подлинника.

Аладьинъ продолжаетъ надоѣдать мнѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я послалъ ему, черезъ Княжевича, елегіи, которыя ты знаешь, но съ условіемъ не выставлять подъ ними моего имени. Теперь онъ пристаетъ ко мнѣ съ просьбою сдѣлать противное, старается поддѣть меня на уду лести — каналья! Я ему не отвѣчаю. Что препятствуетъ Звѣздочкѣ? И не вышли ли Басни Крылова? Я ихъ давно жду съ нетерпѣніемъ отъ Княжевича.

Клейна, видно, вовсе не будетъ; кажется, съ годъ тому, какъ мнѣ его обѣщаетъ книгопродавецъ, и я все получаю однѣ обѣщанія. Видно, его нѣтъ и въ чужеземіи — дѣло возможное по важности книги.

У какого Уварова учителемъ Бюшъ? Неужели у С[ергѣя] С[еменовича]? Онъ пишетъ сюда, что ему хорошо, а не пишетъ, небось, каково его воспитанникамъ! Киселеву пишу на сей почтѣ; онъ можетъ мнѣ сообщить много любопытнаго въ нѣкоторомъ смыслѣ, именно изъясненіе, дополненіе настоящаго и примѣръ будущаго: ибо — и проч.

Прощай до слѣдующей почты.

Весъ твой Н. Языковъ.

Кланяйся литтераторамъ и нелиттерато[ра]мъ — нашимъ знакомымъ.

CXXXII.

А. М. Языкову.

1 Ноября, 1825. Дерптъ.

Книга, о которой писалъ я тебѣ, что пошлю ее скоро, все еще находится въ моей комнатѣ: мнѣ какъ-то совѣстно ее одну къ тебѣ отправить, а между тѣмъ книгопродавецъ обѣщаетъ на дняхъ получить еще кое-что, тебѣ мною обѣщанное. Я увѣренъ, что ты согласенъ подождать нѣсколько дней для етакого важнаго обстоятельства.

Ты справедливо замѣтилъ, что мнѣ необходимо должно въ нынѣшнюю зиму пріѣхать въ Петерб[ургъ]; кромѣ того, что тебя тамъ не будетъ будущимъ лѣтомъ, у меня есть еще другая причина остаться тогда въ Дерптѣ: тогда уже начнется мое приготовленіе къ екзамену, а оно — не правда ли? — требуетъ единства мѣста для вящшаго успѣха. Наши семейственныя дѣла въ Симбирскѣ идутъ очень плохо; судя по письмамъ Матушки, Петръ совершенно покоренъ волѣ своей половины и генералитета: и то и другое höchst вѣроятно. Тебѣ предстоитъ важный подвигъ — привести въ порядокъ разстроенное состояніе духа людей, намъ столько любезныхъ, наше состояніе даже и нашу будущность. Должно дѣйствовать рѣшительно, чтобы возстановить законность тамъ, гдѣ такъ сильно укоренилась анархія или охлократія. Мам[инька] на тебя одного полагаетъ всю надежду исправленія.

Отъ Петра я не получилъ ни слова въ ето полугодіе; не знаю, что ожидаетъ мою важную финансовую просьбу; не понимаю, отъ чего ета часть все еще не приведена въ порядокъ между нами. Впрочемъ, ежели я слишкомъ много требую для моего существованія, то могу рѣшиться будущимъ загладить долги прошедшаго, почти ни сколько не тревожа моего благосостоянія. Мнѣ нужно только знать, чѣмъ порѣшитъ меня Петръ; я вовсе не хочу, чтобъ дѣлалъ для меня невозможное; хочу только знать вѣрно, что мнѣ возможно.

Радуюсь сердечно, что Амплій опять вышелъ на свѣтъ Литературы, что онъ теперь можетъ сторицею отомстить Шаплету за съѣденіе Жук[овскаго]. Здѣсь, кажется, никто не получаетъ Соревнователя; не знаю, какіе стихи мои тамъ напечатаны: ето извѣстіе имѣется здѣсь отъ Воейковой. Можетъ быть, въ Соревнователь попало то, что я посылалъ въ Звѣздочку: ето хорошо, потому что я давно былъ въ долгу у Общества. Вотъ уже недѣль осемь, какъ я не писалъ ни стиха: явленіе чрезвычайное въ моей жизни!

Сафу я прочелъ: прекрасно; привезу ее съ собою, и прочтемъ вмѣстѣ въ зимніе вечера, передъ каминомъ — не такъ ли, почтеннѣйшій? Правда, что во всей трагедіи одинъ только характеръ — Сафы; однакожъ очень хорошо, удовольственно. Къ стати: я получилъ недавно Гензіуса — вещь важная для узнанія въ корню нѣмчизны; ету книгу надобно изучать, какъ говорится. У тебя, кажется, есть Eberhard's Synonimik; съ Гензіусомъ она составитъ одно прекрасное цѣлое въ нашей будущей общей библіотекѣ. Пришлю тебѣ скоро и Полица; читать его мнѣ теперь некогда; скоро выдутъ и послѣднія двѣ части.

Читалъ ли и знаетъ ли Амплій романъ Г-жи Портеръ Les chefs[1]) ecossais? Его очень хвалятъ. Впрочемъ, вѣрно у Ампл[ія] теперь много свободного времени — до времени уплаты его долга Бул[гарину] и Гречу.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Что слышно о Катенинѣ? Гдѣ Грудевъ? Не выдаетъ ли чего новаго первый?

Очкинымъ мои почтенія. Къ Амплію напишу скоро.

Альманахъ Уранія, въ которомъ помѣщена повѣсть Тика Das Dichterleben, говорятъ — запрещенъ.

CXXXIII.

А. М. Языкову.

1825, 8 Ноября. Дерптъ.

Моя Муза наконецъ проснулась, и вотъ тебѣ первыя слѣдствія етаго щастливаго дѣла:

Поэтъ.

Искать ли славнаго вѣнца
На полѣ рабскихъ состязаній,
Тревожа слабыя сердца,
Сбирая нищенскія дани?
Сія народная хвала,
Сей говоръ близкаго забвенья
Вознаградитъ ли Музѣ пѣнья
Ея прекрасныя дѣла?

---

1) Въ *П.* Schefs.

Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ —
Толпа любуется на свѣтъ,
Шумитъ, шумитъ, шумитъ — затихнетъ:
И ето — слава нашихъ лѣтъ!
Такъ мыслитъ юноша-поэтъ,
Пока въ душѣ его желанья
Мелькаютъ, темныя какъ сонъ,
И твердый глазъ самосознанья
Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
И вдругъ, надеждой величавой,
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль неправо
Его привѣтствуетъ молва, —
За независимою славой
Пойдетъ любимецъ божества.
Въ немъ гордость смѣлая проснется:
Свободенъ, веселъ, полонъ силъ
Орелъ великій встрепенется,
Разширитъ крылья — и взовьется
Къ безсмертной области свѣтилъ!

Отдай ето Булгарину; къ Новому Году я приготовлю что-нибудь поважнѣе для С[ына] О[течества]. Далѣе слѣдуетъ Елегія:

Прощай, прелестница моя!
Онъ мнѣ знакомъ, любимецъ нѣги,
Съ кѣмъ на дорогѣ бытія
Ты дѣлишь сладкіе ночлеги.
Я вѣрилъ нѣжностямъ пустымъ,
Манилъ тебя ко храму славы,
Я вдохновенныя забавы
Означилъ именемъ твоимъ;
Я щастья ждалъ: иную долю
Мнѣ Провидѣніе даетъ;
Но... путникъ свищетъ и поетъ,
Идя по сумрачному полю:
Такъ я, забывъ любовь мою,
Души безумную неволю,
Теперь и веселъ, и пою.

Етой и слѣдующей, кажется, нельзя тиснуть — особенно съ имянемъ автора: понимаешь?

Къ В[ульф]у.

Скажу ль тебѣ, кого люблю я?
Куда летятъ мои мечты,
То унывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица,
Непостоянна и горда,
Но при очахъ ея денница —
Обыкновенная звѣзда;
За пѣсни страстныя, за слёзы
Она холодностью даритъ,
Но пламенны живыя розы
Ея плѣнительныхъ ланитъ.
Ее жестоко осуждаютъ:
Она проста, она пуста,
Но ети[1]) перси и уста —
Чего онѣ не замѣняютъ?

Н. И. Т[атариновъ] уже здѣсь; нашелъ своего сына, кажется, въ худомъ положеніи по части образованія — и неудивительно: за нимъ не было порядочныхъ глазъ; въ немъ мало честолюбія, чтобы повышаться мѣстами въ гимназіи — и проч. и проч.; неизвѣстно, что будетъ впредь. Съ Т. ты получишь отъ меня посылку, объ коей такъ часто перо мое тебѣ писало.

Не знаю, съ чего взялъ я, что Амп[лій] переводитъ Кольне съ перевода; радуюсь моей ошибкѣ и особенно тому, что нашъ почтеннѣйшій литтераторъ снова выходитъ на поле письменности, и слава Шаплета исчезаетъ какъ мечта, какъ сновидѣнье!

Отъ Петра не получаю писемъ. Не знаю, почему пишутъ изъ Симб[ирска], что я рѣдко пишу туда: дѣлаю ето не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, а етаго едва ли не довольно.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) *П.* етѣ.

CXXXIV.

А. М. Языкову.

1825, Ноября 14. Дерптъ.

Получилъ ли ты новые стихи мои? Кажется, моя Муза проснулась благополучно. Я очень радъ, что въ Соревнователь попало не то, что я послалъ въ Поляр[ную] Звѣзду, а то бы меня поддѣли не на шутку. Воейковъ лжетъ въ примѣчаніи въ послѣд[нему] № Н[овостей] Л[иттературы], что я ему присылалъ тамъ напечатанную Елегію: видно, ему хотѣлось досадить Плетневу.

Посылаю тебѣ Трешова; едва ли ето то, объ чемъ ты писалъ; больше было совѣстно отправить съ Н. И. [Татариновымъ], да прочее и не къ спѣху — самъ могу привесть (sic); еще осталось только пять недѣль лекцій; послѣ етого мы увидимся, кажется. Клейна достать невозможно — говоритъ книгопродавецъ, который уже болѣе года его выписывалъ: видно, было одно изданіе и разкуплено знатоками.

Н. И. осмотрѣлъ все достопримѣчательное въ нашемъ почтенномъ городкѣ; онъ, кажется, на него подѣйствовалъ хорошо — знай нашихъ! Сына привелъ въ порядокъ, далъ другой ходъ его образованію, и все пойдетъ какъ можно лучше.

Наша литтература что-то замолчала, слышно только журналы — или все готовится къ Новому Году? Аладьинъ выступилъ на свѣтъ лично въ Н[овостяхъ] Л[итературы] съ новостью, которой однакожъ я не могъ прочесть дальше пятой страницы: ето выше силъ души моей.

Новый уставъ театра мнѣ очень понравился: завлекательныя выгоды для драмматурговъ, особенно въ столицѣ живущихъ; только хорошо бы [знать?], изъ кого состоитъ коммитетъ, оцѣняющій произведенія: если изъ безтолковыхъ, то всѣ привиллегіи — только вздоръ. Что дѣлаетъ Андромаха Катенина? Неужели публика только и будетъ знать наизусть изъ нея, что отрывокъ въ Таліи? И неужели правда, что онъ вовсе отказался служить Музамъ, столько лѣтъ пылавъ къ нимъ примѣрнымъ усердіемъ? По себѣ знаю, что ето невозможно. Сѣдящая на высотѣ сильнѣе и сильнѣе манитъ за собою, чѣмъ далѣе идешь за нею.

Читалъ ли въ Соревн[ователѣ] хоры изъ Кюхельб[екеровыхъ] Аргивянъ? Въ нихъ мѣста достопочтенныя. А каковы его духи? Стихи или проза, красота или посредственность, умъ или сумазбродство — ети области такъ близки одна къ другой, что люди неопытные въ географіи вкуса переходятъ изъ одной въ другую, сами того не замѣчая: не правда ли, почтеннѣйшій?

Какъ попалъ Шаплетъ въ С[ѣверный] Арх[ивъ]? Какъ пустилъ его туда Амплій, блюститель чести Жук[овскаго] въ етомъ журналѣ? Или онъ еще не вступилъ въ должность? Что то не видать его имени ни въ Арх[ивѣ], ни въ С[ынѣ] О[течества]. Здѣсь носятся слухи, что Абодовскій пишетъ трагедіи; очень хорошо. Справься, можно ли видѣть стекляными глазами, и увѣдомь меня.

Замѣть къ стати, что любовное еще не вовсе оставило мои стихотворенія; ето прямо слѣдуетъ изъ недостатка времени заняться чѣмъ-нибудь поважнѣе, а отнюдь не изъ сердца, чего со мной никогда не бывало, и отнюдь не изъ штановъ, что бывало нѣкогда!

Не знаю, какая судьба ожидаетъ мою финансовую систему въ концѣ нынѣшняго года; объ етомъ не имѣю ни слова отъ Петра; впрочемъ, что будетъ — будетъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Поблагодари Н. И. за благосклонность его ко мнѣ грѣшному и за удовольствіе, которымъ я пользовался въ его обществѣ.

Кланяйся Киселеву, Гофману, Бахтину и проч. и проч.

Къ Амплію все собираюсь писать и кланяюсь ему предварительно!

CXXXV.

18 Ноября, 1825. Дерптъ.

На прошедшей почтѣ я писалъ къ тебѣ, почтеннѣйшій, и сверхъ того еще съ Татариновымъ; ежели ты не получилъ перваго письма, то потеря важна для моей Литтературы: въ немъ было три новѣйшихъ стихотворенія труда моего. Справедливо ли ето предположеніе? Ежели да, то увѣдомь, и я доставлю тебѣ новыя списки етихъ первенцовъ моей Музы послѣ долгаго безплодія. Только замѣть при отданіи въ печать одного, перваго т. е. изъ нихъ, чтобы поторопились тиснуть: въ противномъ случаѣ, В[оейко]въ перехватитъ, ибо матерь почтенной супружницы издателя Инвалида препроводила, кажется, ето стихотвореніе къ извѣстной дочери. Каково пробудилась моя Поэзія? Впрочемъ, едва ли возмогу исполнить мое сильное желаніе написать къ Новому Году повѣсть, а чтобъ явиться къ тебѣ не съ пустыми руками, какъ часто бывало, что мнѣ непріятно, несообразно съ моимъ предназначеніемъ и чему быть не слѣдуетъ, то я стану собирать съ текущаго

дня все, что выльется изъ головы моей, хранить втайнѣ — и ты встрѣтишь меня, какъ новость двоякую. Вотъ стихи, которые еще не вошли, по времени, въ етотъ сборникъ: Къ А. А. В[оейков]ой (судьба ихъ зависитъ отъ заглавія).

Забуду ль васъ когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили? (сильный комплиментъ!)
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ,
Для васъ любилъ богиню пѣнья,
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ,
И ярко, вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный,
Во мнѣ огонь его пылалъ.
Какъ волны, высились, мѣшались,
Играли быстрыя мечты,
Какъ образъ волнъ, ихъ красоты,
Ихъ ростъ и силы измѣнялись, —
И былъ я полонъ божества,
Могучъ возстать до идеала,
И сладкозвучныя слова,
Какъ перлы, память набирала;
Тогда я ждалъ. . . . Но гдѣ жъ они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила,
И жажда славнаго труда?
Изчезло все. Меня забыла
Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;
Пускай пробудится мой Геній,
Пускай почувствую, кто я!

Здѣлай милость, не толкуй въ любовную сторону причины етихъ стиховъ: здѣсь одна комплиментика — слѣдствіе недостатка времени, духа и обстоятельствъ для произведенія чего-нибудь достойнѣйшаго моей Музы, игрушка ума или кимвалъ бряцаяй!

Благодарю за стихи Пушкина; они для меня новость. Радуюсь благодѣтельному труду Языкова: ето дѣло великой важности для сердца руского и предпріятіе, достойное назваться нѣмецкимъ.

Изъ Симбирска я получаю мало; на прошлой недѣлѣ имѣлъ письмо отъ Параши: оно ничего не объясняетъ, какъ само собою разумѣется, по части финансовъ. Петръ продолжаетъ молчать словомъ и дѣломъ. Дай Богъ, чтобъ ето поскорѣе кончилось, особливо послѣднее, какъ чувствительнѣйшее въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, земныхъ человѣковъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXXVI.

А. М. Языкову.

29 Ноября, 1825. Дерптъ.

Письмо твое, со вложеніемъ письма Амплія, я получилъ. Благодарю почтеннаго литтератора, что онъ наконецъ меня вспомнилъ; на слѣдующей почтѣ отвѣчу ему удовлетворительно: теперь скоро пора на почту — и то ужъ я одну пропустилъ передъ тобою.

Я нахожусь теперь въ самыхъ критическихъ обстоятельств[ах]ъ по части литтературы: Измайловъ черезъ Амп[лія] и Дельвигъ, уже имѣющій мое обѣщаніе, просятъ стиховъ моихъ въ новогодные Альманахи, а въ послѣднее полугодіе обыкновенно я какъ то не очень дѣтороденъ — давно ето знаю за собою. Жаль, что здѣсь нѣтъ теперь, напримѣръ, В[оейков]ой: тогда бы я могъ даже на заказъ написать что-нибудь дѣльное. Впрочемъ, согласись самъ, что желаніе ея присутствія вовсе не дѣлаетъ чести существу моему; ето похоже на питье водки для возбужденія голода неестественнаго, еще болѣе похоже на принятіе внутрь шпанскихъ мухъ для возстановленія любовного у..[1]). Не такъ ли?

Наконецъ, я получилъ письмо отъ брата Петра; оно довольно утѣшительно для моихъ финансовъ: пишетъ, что посылаетъ мнѣ денегъ — вѣрно, получу ихъ завтра. Только вотъ въ чемъ дѣло: въ етомъ письмѣ мнѣ не по-

1) Точки, вмѣсто двухъ буквъ, поставлены нами.

нравилось выраженіе «посылаю тебѣ денегъ только на поддержку кредита»; что выдетъ наружу, узнаю завтра и распоряжусь какъ можно политичнѣе; ежели же, не смотря на все мое желаніе и необходимость тебя видѣть, встрѣтятся подорожныя препятствія, то мы спишемся. Man lebt ja nur ein Mal!

Прощай до слѣдующей почты. Тогда напишу и къ Киселеву; онъ имѣетъ важный матеріялъ для письма ко мнѣ — должно его побудить.

Весь твой Н. Языковъ.

На послѣдней страницѣ, составляющей при сгибѣ конвертъ, написано:

Его Благородію Александру Михайловичу Языкову. Въ Петербургъ. Въ Канцелярію статсъ-секретаря Кикина.

CXXXVII.

П. М. Языкову.

2 Декабря, 1825. Дерптъ.

Благодарю тебя за письмо и за деньги на поддержку кредита; онъ у меня здѣсь въ совершенствѣ, слава Богу; сдѣлай милость, пришли мнѣ только къ половинѣ будущаго Января: тогда начинается университетской годъ, нужно записываться на лекціи, платить впередъ за квартиру и пр. и проч. Объ сѣменахъ[1]) я справлялся: говорятъ, что ихъ можно достать при Ботаническомъ Садѣ; дѣло въ томъ, изъ какой части растительнаго царства онѣ тебѣ нужны; увѣдомь меня объ етомъ тоже къ половинѣ Января, ибо до тѣхъ поръ я буду у брата въ П[етер]бургѣ.

Вѣрно, у васъ уже извѣстна разительная новость Россіи и Европы; здѣсь она сильно подѣйствовала на сердца добрыхъ Нѣмцевъ, какъ труба суда страшнаго: профессоры осовѣли до безумія, женщины плачутъ, а наша братья-студенты задумываются. Я читалъ письмо Жуковскаго объ етомъ къ его сестрѣ, здѣсь живущей: Государь скончался 19 Ноября въ 10 часовъ утра; занемогъ 7 Ноября, въ день наводненія Петербурга; до послѣдняго вздоха сохранилъ все присутствіе духа; послѣднія слова его были: поднимите занавѣсъ! какой прекрасной день!

Говорятъ, что по случаю траура и лекціи въ университетѣ прервутся на шесть недѣль; ето время я буду у брата, какъ само собою разумѣется.

---

1) Въ *П.* семенахъ.

Много любопытнаго теперь въ Петербургѣ; вообще будущее сдѣлалось вдругъ необыкновенно занимательно, даже для головъ вовсе не политическихъ. Посмотримъ.

Благодарю Ел[изавету] Петровну за письмо: оно мнѣ доставило много удовольствія — и вѣрно болѣе, нежели она думаетъ! Не знаю, когда придетъ время моего значительного путешествія въ Симбирскъ; но крайней мѣрѣ, оно не можетъ быть прежде весны 1827 года, предполагая при томъ, что настоящій порядокъ вещей руского міра продолжится и что мои смѣлыя надежды исполнятся.

Моя поэзія идетъ не слишкомъ постоянно: зима, какъ бы то ни было, и ее охолождаетъ; трудно какъ-то приняться за перо, возвратившись съ лекціи, съ полузамороженнымъ носомъ и прочими чувствительными членами тѣла: не правда ли? Какъ и прежде бывало не разъ и не два, я пишу теперь Елегіи на заданныя слова. Вотъ одна изъ нихъ:

Меня любовь преобразила:
Я сталъ задумчивъ и унылъ;
Я ночи блѣдныя свѣтила,
Я сумракъ ночи полюбилъ.
Когда прелестная зарница
Горитъ за дальнею горой,
И паръ густѣетъ надъ водой,
И смолкла вечера пѣвица —
По скату сонныхъ береговъ
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустовъ
Мелькнетъ условленный покровъ,
Или тропинка потайная
Зашепчетъ шорохомъ шаговъ.
Гори полночное свѣтило,
Помедли мракъ на лонѣ водъ!
Она придетъ — мой Ангелъ милой,
Моя любовь — она придетъ!

Прощай покуда. Цѣлую ручки Елис[аветы] Петровны и Марію.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXXVIII.

А. М. Языкову.

6 Декабря, 1825. Дерптъ.

На прошлой почтѣ я обѣщалъ написать къ тебѣ больше обыкновенного, но никакъ не могу теперь сдержать мое слово: у меня сегодня болитъ голова — и такъ сильно, что я думаю родить Минерву. Къ статѣ: ко мнѣ пристаетъ Дельвигъ; сдѣлай милость, отдай ему отрывокъ отъ моей несуществующей повѣсти Ала, начиная со стиха: Родитель Алы доходилъ. Если можно, да не выставляется мое имя. У тебя, помнится, есть ети стихи. Дельвигъ живетъ въ домѣ Ебелингъ, на Мойкѣ.

12 текущаго мѣсяца будетъ въ здѣшнемъ университетѣ печальная церемонія по случаю смерти Государя, которому первый обязанъ и своимъ существованіемъ, и цвѣтомъ. Будутъ говориться рѣчи; я опишу тебѣ, какъ всё пойдетъ.

Ета европейская новость сильно подѣйствовала на нѣмцевъ: женщины плачутъ, мущины повѣсили носы, особливо профессоры.

Мой сборникъ идетъ худо — онъ еще не начался: важный случай политики, худая погода, смутное состояніе моего духа — впрочемъ, не имѣющее причины моральной — наконецъ, вездѣ одинъ и тотъ же разговоръ о томъ, что будетъ или можетъ быть, или должно быть, какъ бы то ни было, останавливаютъ исполненіе благихъ намѣреній моей Музы.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXXIX.

А. М. Языкову.

1825, Декабря 13. Дерптъ.

Что съ тобой сдѣлалось, почтеннѣйшій? Вотъ уже четыре почты я ничего не получаю отъ тебя, а мнѣ особенно теперь и нужны твои письма, потому что дѣло идетъ къ отъѣзду. Мои финансы въ столь худомъ положеніи, что я бы могъ сказать, что не могу пріѣхать даже въ Петербургъ, но, благодаря Бога, меня берется довести (sic) Шепелевъ, а назадъ также Богъ поможетъ: не правда ли?

Вчера была въ нашемъ университетѣ печальная церемонія по случаю смерти Государя: оберъ-пасторъ и профессоръ богословія Ленцъ сказалъ

прекрасную рѣчь, были пѣты приличные стихи и проч. Рѣчь, вѣрно, будетъ напечатана; я привезу тебѣ ее.

Сдѣлай милость, напиши ко мнѣ еще разъ въ етомъ полугодіи для оживленія моего отъѣзда — и напиши немедленно по полученіи сего письма, чтобъ дѣло шло порядкомъ; я буду ждать етого письма.

Прощай же, до свиданія! Писать больше некогда[1]), пора на почту.

Весь твой Н. Языковъ.

На послѣдней страницѣ, составляющей при сгибѣ конвертъ, написано:

Его Благородію Александру Михайловичу Языкову. Въ Петербургъ. Въ Канцелярію статсъ-секретаря Кикина.

CXL.

А. М. Языкову.

16 Декабря, 1825. Дерптъ.

На прошлой почтѣ я получилъ отъ тебя два письма вдругъ: ужъ не шутка[2]) ли ето, мой почтеннѣйшій? не пустилъ ли ты ихъ вмѣстѣ и одно заднимъ числомъ? Кажется, ничто не можетъ остановить моего отъѣзда (когда—еще неизвѣстно, только не позже 22 етого мѣсяца). Петръ прислалъ мнѣ денегъ немного, даже не соотвѣтственно бюджету, обѣщавъ при приращеніи капиталовъ доставить какъ можно скорѣе и недоимки; буду ждать, что будетъ. Теперь мнѣ не нужно денегъ вовсе, а объ отъѣздѣ изъ Петербурга будетъ время подумать.

Не много надѣйся на мой сборникъ: моя поэзія идетъ плохо. То ли нехороша погода, то ли не достаетъ предмета возхищающаго или что-нибудь ни то и ни другое, а я едва ли пріѣду къ тебѣ не съ пустыми руками; стыжусь заранѣе етого непріятного обстоятельства, етой несообразности съ самимъ собою — но дѣлать нечего. Вотъ тебѣ новѣйшіе стихи мои; имъ заглавіе «Присяга»; они написаны въ два альбома вдругъ — къ Д[приной] и къ В[оейков]ой:

Потупя очи, къ небесамъ
Мою десницу поднимаю;
Стою какъ вкопаный — и вамъ

1) Въ *П.* нѣкогда.
2) Въ *П.* штука.

Благоговѣйно присягаю.
Я, ниже названный, клянусь
Тѣмъ вѣчнымъ Промысломъ, тѣмъ Богомъ,
Который правитъ нашу Русь
И помогаетъ ей во многомъ,
Что я хочу и долженъ я
На всей дорогѣ бытія
Лишь вамъ одной повиноваться,
Что будетъ кровь моя для васъ
Во всякой день, во всякой часъ,
Какъ повелите, волноваться;
Что ваши милыя права,
Самодержавныя проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мнѣ будутъ пуще божества,
Святѣе всякаго закона,
И вамъ живая оборона —
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вамъ на поприщѣ суетъ
Грозитъ убытокъ или вредъ,
Я охраню и успокою
Мой поэтическій предметъ.
Когда таинственное дѣло
Вы мнѣ повѣрите, я вамъ
Уберегу его такъ цѣло,
Что будетъ любо небесамъ.
Клянусь и долженъ: сей присягѣ
Ни на словахъ, ни на бумагѣ
И вообще не измѣнять,
Но православно и повсюду
Душой и тѣломъ помнить буду
Мой долгъ и вашу благодать;
И такъ подъ вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правой,
Отвѣты умные найду.

Слабое подражаніе печатному листу, на которомъ разписываются присягавшіе новому Государю! (Въ Симбирскъ послано).

Вотъ еще нѣчто въ томъ же родѣ:

Вчера, какъ сумраки по небу
Туманный вечеръ разстилалъ,
Я въ тишинѣ молился Ѳебу,
Я вдохновенье призывалъ;
Уже душой ему покорной
Неукротимой, животворный
Его огонь овладѣвалъ;
Мечты кипѣли, разгорались,
Расли, блистали и сливались,
И видѣлъ я — мой идеалъ:
Чело и очи, и ланиты,
Уста и локоны, и грудь,
И станъ божественной Хариты,
Непринужденно какъ-нибудь
Одеждой легкой перевитый —
Какъ милъ и живъ мой идеалъ!
Я млѣлъ, я таялъ, я стыдился
И задыхался, и дрожалъ
И утомленный — пробудился.

Здѣсь говорятъ, что Жуковскій совсѣмъ не думалъ писать стиховъ на смерть Государя. Кланяйся Бюшу, ежели онъ дойдетъ до тебя; Киселеву и проч. и проч. тоже.

Напрасно ты отдалъ Дельвигу Алу цѣликомъ; начало не годно — чувствую. Измайлову и вообще никому у меня нѣтъ стиховъ. Что было — все отдано, а что будетъ и будетъ ли что-нибудь въ текущемъ году — неизвѣстно даже мнѣ. Прощай.

Весь твой Н. Языковъ.

CXLI.

Сестрѣ П. М. Языковой.

16 Декабря, 1825. Дерптъ.

Наконецъ, я получилъ отъ тебя хотя нѣсколько строчекъ — и благодарю, что меня вспомнила. Ты, вѣрно, шутишь, когда пишешь ко мнѣ, что

не получаешь моихъ писемъ; шутки въ сторону: ты не можешь жаловаться на мое молчаніе и потому, что довольно часто получала мои письма, и потому, что ета жалоба сильно противорѣчила бы общему обо мнѣ мнѣнію: всѣ знаютъ, какой большой я охотникъ до переписокъ.

Не знаю, съ чего вы всѣ думаете, что я могу пріѣхать весною будущого года въ Симбирскъ, и никакъ — извини меня — не повѣрю, что ето извѣстіе получили вы отъ брата Александра; тутъ что-нибудь да не такъ, есть какое-нибудь недоразумѣніе съ вашей стороны, и нѣтъ съ вашей же стороны яснаго понятія о теченіи дѣлъ моихъ, о моемъ предназначеніи и вообще обо мнѣ.

Ты лучше перестань ждать окончанія моей повѣсти; оно, по всему теперешнему, едва ли когда-нибудь совершится: такова судьба моихъ повѣстей и многихъ дѣлъ моихъ, даже не литтературныхъ! Впрочемъ, всѣ ети несообразности когда-нибудь да кончатся, и мнѣ загорится заря истинно изящной жизни! Все будетъ — и будетъ какъ должно быть. На прошлой недѣлѣ мы присягали новому Государю; форма, по которой ето дѣлается, дала мнѣ случай написать слѣдующее къ одной особѣ — зачѣмъ тебѣ знать ея имя и отечество (sic)!

Потупя очи, къ небесамъ
Мою десницу поднимаю;
Стою какъ вкопаный — и вамъ
Благоговѣйно присягаю.
Я, ниже названный, клянусь
Тѣмъ вѣчнымъ Промысломъ, тѣмъ Богомъ,
Который правитъ нашу Русь
И помогаетъ ей во многомъ,
Что я хочу и долженъ я
На всей дорогѣ бытія
Лишь вамъ одной повиноваться,
Что будетъ кровь моя для васъ
Во всякой день, во всякой часъ,
Какъ повелите, волноваться;
Что ваши милыя права,
Самодержавныя проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мнѣ будутъ пуще божества,
Святѣе всякаго закона,

И вамъ живая оборона —
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вамъ, на поприщѣ суетъ,
Грозитъ убытокъ или вредъ,
Я охраню и успокою
Мой поэтическій предметъ.
Когда таинственное дѣло
Вы мнѣ повѣрите, я вамъ
Уберегу его такъ цѣло,
Что будетъ любо небесамъ.
Клянусь и долженъ: сей присягѣ
Ни на словахъ, ни на бумагѣ
И вообще не измѣнять,
Но православно и повсюду
Душой и тѣломъ помнить буду
Мой долгъ и вашу благодать;
И такъ подъ вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правой,
Отвѣты умные найду.

Прощай покуда; цѣлую тебя, любезная Параня! Изъ Петербурга напишу тоже: туда ѣду черезъ 6 дней.

Весь твой Н. Языковъ.

CXLII.

Роднымъ — въ Симбирекъ.

1825, Декабря 25. [Петербургъ].

Мы, нижеподписавшіеся, собирались было написать ко всѣмъ почтеннѣйшимъ членамъ нашего любезнаго семейства, по большему (sic) письму о томъ, о семъ и о прочемъ, о дѣлахъ неполитическихъ и политическихъ, общихъ и частныхъ, Петербургскихъ, Дерптскихъ и Симбирскихъ даже, но сегоднишній праздникъ и предшествующій ему сочельникъ[1]) и современное сему времени еще не возстановившееся благосостояніе моего, Николая,

1) Въ *П* сочелникъ.

тѣла, которое довольно пострадало, какъ обыкновенно бываетъ, отъ потрясеній дороги — все ето и, наконецъ, надежда на слѣдующей почтѣ исполнить вышеописанное намѣреніе побудила насъ дожидаться оной.

Поздравляемъ васъ съ сегоднишнимъ праздникомъ: да проведете вы его какъ мы желаемъ — весело, спокойно и торжественно! Мы же особенно придерживаемся послѣдняго; вы знаете, какъ обширно наше знакомство въ здѣшней столицѣ: надобно всѣхъ объѣздить, и могу теперь, утромъ въ 9 часовъ, напророчить себѣ, что сегодня къ вечеру ноги наши отъ рукъ отобьются. Вотъ какова жизнь свѣтская!

Сдѣлай милость, братъ Петръ, не забудь моей просьбы: исполни ее къ половинѣ перваго мѣсяца будущаго года — иначе ты посадишь на мель[1]) многое въ моемъ быту.

Н. Языковъ.

Дюкъ ѣздитъ уже съ визитами — и, за неумѣніемъ его грамотѣ, я руку приложилъ.

Всѣмъ поклоны, почтенія, объятія и поцѣлуи.

CXLIII.

Роднымъ — въ Симбирскъ[2]).

29 Декабря, 1825. С.П[етер]б[ургъ].

Пріютъ сокровенный, желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ!
Жуковскій.

Не раздѣляя васъ, любезнѣйшіе мои, въ чувствахъ дружбы и любви, однимъ письмомъ хочу говорить съ вами обоими, какъ то уже и прежде не разъ бывало изъ Дерпта. Дробить чувства, мысли, желанія на нѣсколько писемъ, обращаясь къ людямъ, живущимъ вмѣстѣ, одною душою, по моему, есть дѣло непростительное, оскорбленіе величества дружбы, не терпящей раздѣленія! И дѣйствительно, если бы всѣ письма писались ко всѣмъ вдругъ, тогда бы не было ни подлоговъ, ни обмановъ, ни связанныхъ съ ними недоразумѣній, недовѣрностей (sic) и духа партій — начиная отъ семейства до государства! Сдѣлавшись опытнѣе, я привыкъ выводить изъ причинъ, повидимому маловажныхъ, слѣдствія важныя и обширнѣйшія; ето вы замѣтите во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, замѣтили въ семъ письмѣ и — повторю еще — замѣтите въ моихъ поступкахъ, отзывающихся, можетъ быть, излишнею

1) Въ *П.* мѣль.

2) Это письмо писано на траурной бумагѣ.

осторожностію; но извиняютъ ли меня связь причинъ съ дѣйствіями, примѣры пожаровъ отъ искры, неизвѣстность послѣдствій и, наконецъ, то, что судьбы Божіи неисповѣдимы?

Мнѣ кажется, что литтература и жизнь семейственная доставляютъ удовольствія самыя прочныя, которыя наименѣе подчинены самовластію судьбы, прихотямъ сильныхъ земли и даже температурѣ въ обширномъ значеніи. Первымъ изъ сихъ благъ я наслаждаюсь, имъ живу, ему посвящаю часы досуга и труда; оно составляетъ блестящую, заманчивую, очаровательную перспективу къ высокой цѣли въ будущемъ; а второе, сколько я могъ замѣтить, не будучи уже новичкомъ въ жизни, есть также удѣлъ избранныхъ, какъ бы любимцевъ того, въ рукѣ коего и сердце Царево, тѣмъ болѣе, что благоразуміе и слѣдствіе его, щастіе въ семействахъ, встрѣчалъ я чрезвычайно рѣдко — отъ того ли, что Провидѣніе для испытанія человѣка подвергаетъ его нещастіямъ, или отъ того, что оно, давая ему полную свободу дѣйствовать, необходимую для моральности поступковъ, не уклоняетъ его отъ злоупотребленій сей свободы и глупостей, каковое уклоненіе уничтожило бы моральное достоинство человѣка... Мнѣ кажется также, что, говоря о предметѣ, принадлежащемъ къ высшей области умозрѣнія, я не избѣжалъ темноты, свойственной всему, что не ясно — да и то сказать: темна вода во облацѣхъ воздушныхъ! И всё ли доступно заманчивой пытливости ума человѣческаго? Для окончанія сей матеріи, которая, можетъ быть, и не кончена, какъ вы изъ словъ моихъ замѣтили, скажу, что, раздѣляя съ вами любовь ко всему благородному, я могу имѣть притязаніе на совокупное наслажденіе обѣими вышепоименованными[1]) благами и повторить съ поэтомъ:

О, хранитель, небомъ данной,
Пой, небесный! и ладьёй
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой!

Ибо finis opus coronat, или яснѣе: конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Вотъ все, что я имѣлъ вамъ сказать при теперешнихъ обстоятельствахъ; будутъ другія — скажу иное, и такъ далѣе: человѣкъ рабъ обстоятельствъ, сказалъ какой[-то], видно, рабъ оныхъ — не знаю, правда ли, — и остаюсь вашъ, мои почтеннѣйшіе, Н. Языковъ.

Маму цѣлую сердечно, Петра тоже и такъ далѣе по принадлежности.

---

1) Въ *П.* вышепоимѣнованными.

CXLIV.

Сестрѣ П. М. Языковой[1]).

30 Декабря, 1825. С.П[етер]б[ургъ].

Недавно писалъ я къ тебѣ, моя любезная Пиринька — ты, я думаю, ето замѣтила — не безъ удовольствія, и вообще должно признаться, что я не въ примѣръ больше и чаще посылалъ къ тебѣ письма, нежели ты ко мнѣ; но шутки въ сторону: теперь посылаются для общаго удовольствія нашего семейства многія книги, которыя совѣтую тебѣ принять къ рукамъ и заняться ими, что называется, въ плотную. Произшествіе 14 Декабря прекратило выходъ Полярной Звѣзды — слѣдственно, альманаховъ на сей годъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, менѣе прежняго; какъ бы въ замѣну етого для любителей словесности руской вышло собраніе стихотвореній А. Пушкина, которое и разумѣется подъ вышесказаннымъ. Скоро явятся и басни Крылова — ихъ тоже ты получишь въ свое время, а, главное, не упусти изъ виду Естетику Галича: она вещь важная для занимающихся литературою или вообще изящными искуствами; прочти ее съ наибольшимъ вниманіемъ: она изострить твой вкусъ, прояснить понятія о прекрасномъ и, возвысивъ душу, доставитъ множество удовольствій, которыя способны чувствовать и которыми, повторяю, способны наслаждаться только люди, настроенные къ воспріятію впечатлѣній изящнаго, откуда бы, разумѣется, ни приходили сіи впечатлѣнія, т. е. отъ произведеній ли другихъ людей, къ тому званыхъ, или отъ собственныхъ своихъ, какъ напримѣръ моихъ. Послѣдствіемъ етаго чтенія должно быть дальнѣйшее разсужденіе о семъ же предметѣ уже отъ твоего лица, о чемъ и желаемъ мы съ тобою переписываться, — тѣмъ болѣе, что самая судьба на сторонѣ Литтературы: ибо, прекративъ жизнь Государя, она прекратила балы, танцы и прочія, какъ извѣстно, нелитературныя занятія молодежи. Горе тѣмъ, которые, не понимая ея намека, обратятся къ фантамъ, жмуркамъ, кошкѣ и мышкѣ, хороненію золота и прочимъ простонароднымъ забавамъ, святошными игрищами имяуемымъ, а не замѣстятъ бальнаго времени чтеніемъ, размышленіемъ, спорами о Литературѣ — короче сказать:

Что просвѣщаетъ умъ, питаетъ душу? Чтенье!

Читай же, моя милая!

Весь твой Н. Языковъ.

Прасковьѣ Ивановнѣ Рудневой мое почтеніе.

---

1) Это письмо писано на траурной бумагѣ.

CXLV.

Сестрѣ П. М. Языковой.

[Конецъ 1825] [1]).

Не имѣя ничего важнаго сказать тебѣ, моя любезная, моя милая Пируша, я скажу нѣсколько словъ, чтобы сказать нѣсколько словъ.

Альманахъ Аладьина, который ты получишь съ Татариновымъ, хотя не богатъ содержаніемъ, за то взялъ переплетомъ, тѣмъ болѣе, что красивость онаго произошла, какъ ты догадаешься, отъ уваженія Аладьина къ моей особѣ: кому же придетъ въ голову подобный пустякъ переплетать такъ пышно и узорочно? Короче сказать, книжка оная подарена мнѣ самимъ издателемъ. Далѣе объясняюсь: чтобы не затруднять васъ догадками, кто лице, изображенное передъ заглавнымъ листомъ, скажу просто—и вѣрь мнѣ, что ето портретъ нынѣ благополучно царствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Что же касается до такъ называемаго Календаря Музъ Измайлова, то хотя стихи въ немъ большею частію пошлые, но проза — хоть куда, не говоря уже о томъ, что въ немъ нѣтъ картинокъ и прочаго, чѣмъ отличается посылаемый къ тебѣ екземпляръ Аладьина.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) Письмо это вовсе не имѣетъ даты и по содержанію можетъ быть отнесено къ концу 1825 или началу 1826 года.

1826.

CXLVI.

Елиз. Петр. Языковой.

22 Января, 1826. С.П[етер]б[ургъ].

Вы насъ совершенно забыли, любезнѣйшая сестрица! Неужели и намъ дѣлать то же? Нѣтъ, нѣтъ! Любя васъ, мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи говорить съ вами, тѣмъ болѣе, что разговоръ нашъ, переходящій почти въ монологъ, часъ отъ часу рѣже... Позвольте спросить васъ по совѣсти: отчего вы насъ забыли? Если мы етому причиною, скажите вину нашу, — мы попросимъ извиненія, сдѣлаемъ все, что вамъ угодно, да возстановятся между нами прежняя дружба, миръ, переписка! Етого мы желаемъ, надѣемся, требуемъ и ожидаемъ. Почитать васъ причиною молчанія вашего (ибо вы молчите) было бы съ нашей стороны дѣломъ весьма естественнымъ, но мы и етого себѣ не позволяемъ и, видя крайнюю запутанность сего предмета, просимъ васъ разрѣшить наше недоумѣніе, начать писать къ намъ, какъ бывало, и тѣмъ возстановить спокойствіе, котораго мы давно, давно не имѣемъ.

Замѣчая, что къ Пиринькѣ наклевывается женихъ, мы просимъ и васъ принять въ семъ, для всего нашего семейства важномъ, дѣлѣ участіе. Потрудитесь увѣдомить насъ подробно о моральныхъ, умственныхъ и личныхъ качествахъ сего претендента и сказать намъ откровенное мнѣніе ваше по сей части. Ваше мнѣніе для насъ тѣмъ болѣе важно, что вы сами были уже въ обстоятельствахъ подобнаго избранія и, наслаждаясь семейственнымъ щастіемъ, можете сказать, что̀ для него нужно.

Примите съ улыбкою здѣсь прилагаемый Альманахъ на германскомъ нарѣчіи и не вмѣните намъ въ охужденіе нѣкотораго рода наивности въ его

картинкахъ, рисованныхъ впрочемъ извѣстнымъ въ Германіи художникомъ Рамбергомъ.

Цѣлуемъ ваши ручки и маминьку. Петра брата тоже изустно.

Ваши покорнѣйшіе

Н. Языковъ.

Послѣдующее рукою А. М. Языкова:

и А. Языковъ.

Въ самомъ дѣлѣ вы, любезная сестрица, насъ совсѣмъ забыли; не знаю, чѣмъ заслужили мы, и я въ особенности, ваше нерасположеніе. Попросите хоть брата П[етра] М[ихайловича] писать ко мнѣ почаще.

Яз.

CXLVII.

П. М. Языкову.

22 Января, 1826. С.П[етер]б[ургъ].

Давнымъ давно мы не получали отъ тебя писемъ, нашъ почтеннѣйшій камрадъ! Во изысканіе причинъ сего твоего молчанія мы не внидемъ, не смотря на то, что оно доставило бы намъ обильную матерію для письма, но, опасаясь затеряться въ туманной дали предположеній и разныхъ околичностей, мы ограничиваемся повтореніемъ словъ Грибоѣдова: Ехъ, Петръ Мих., дурно, братъ! Замѣчаемъ мимоходомъ, что совершенное неписаніе къ намъ, каково твое, охлаждая дружественную связь между нами, отъ колыбели существующую, могло бы побудить и насъ къ безотвѣтственности или, говоря словами Василья Любарскаго, насильно заградить уста пера нашего; но, зная всю цѣну твоего къ намъ расположенія и полученія писемъ вообще, мы продолжаемъ писать, оставляя отвѣты на твое собственное разсужденіе, ибо говоритъ Апостолъ: никому не платите зломъ за зло, старайтесь дѣлать добро передъ всѣми человѣками; ежели можно и сколько зависитъ отъ васъ, со всѣми людьми живите въ мирѣ; напротивъ того, слава и честь и миръ всякому, дѣлающему доброе! См. Посл[аніе] къ Римлян[амъ].

Думаемъ, что и [въ] вашу глушь дошелъ слухъ о треволненіи 14 Декабря прошлаго 1825 года. Татариновъ разскажетъ вамъ многое, чего вы не читали и не слыхали по сей части; мы же, со своей стороны, ограничимся двумя пунктами. 1. Степанъ Семеновъ привез[ен]ъ сюда яко арестантъ и содержится въ крѣпости за связи съ Трубецкимъ и пр. и будто бы участіе въ заговорѣ, заключающемъ, какъ говорятъ, тысячъ до пяти молодежи и

старичковъ нѣкоторыхъ, кто побойчѣе или позадорнѣе. Онъ, вѣроятно, будетъ выпущенъ на чистый воздухъ, ибо врядъ[1]) ли дался онъ въ обманъ, не будучи никогда одержимъ бѣшенствомъ превращеній, какъ сказано въ высочайшемъ манифестѣ. 2. Да и Очкины оба, наши пріятели, чуть было не пострадали задами. Ихъ хватали за знакомство съ однимъ изъ участниковъ въ дѣлѣ 14 Д[екабря], заставили переночевать у квартальнаго, возили по всѣмъ полицейскимъ инстанціямъ, наконецъ допросили во дворцѣ — и отпустили: ибо въ ихъ бумагахъ и словахъ, кромѣ вздора, ничего не нашли. Вотъ каково, нашъ почтеннѣйшій, въ какія времена намъ довелось жить! Что же до насъ касается, то ето дѣло до насъ вовсе не касается: мы живемъ спокойно, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Сверхъ того, одинъ изъ насъ по монаршей милости получилъ повышеніе ранга чиновнаго или, сказать яснѣе, чинъ титулярнаго совѣтника. Ты знаешь, какъ пріятны таковые дары щастія и можешь себѣ представить, что мы благосклонность его къ себѣ приняли радостно и съ распитіемъ шампанскаго . . .[2]) — что и вамъ совѣтуемъ по сему случаю сдѣлать. Конечно, сія награда стоила и трудовъ многолѣтнихъ и ревности постоянной, но кому не пріятно трудиться, когда видишь пользу отъ трудовъ своихъ и вниманіе къ онымъ сильныхъ міра сего!

Признаться сказать вамъ, я оставался здѣсь, такъ сказать, за болѣзнію (горло болѣло), но теперь все исправляется, и скоро, встрепенувшись, помчусь въ Дерптъ — и все пойдетъ своимъ порядкомъ.

Чтожъ объ деньгахъ, по просьбѣ моей и по многимъ письмамъ моимъ же?

Елис[аветѣ] Петровнѣ мое почтеніе; цѣлую ея ручки и Маму.

Весь твой Н. Языковъ.

Рукою А. М. Языкова:

А. Языковъ.

CXLVIII.

А. М. Языкову.

1826, Февраля 14. Дерптъ.

Мои занятія начались благополучно, особливо по части языковъ и литтературы иноземной, и, кажется, могу надѣяться, что текущее полугодіе принесетъ много полезнаго въ мою голову. Мнѣ теперь ничто не мѣшаетъ

---

1) Въ *П.* въ рядъ.

2) Одно слово не разобрано: м. б. — Joly.

дѣлать мое дѣло: живу далеко отъ университета; ето освобождаетъ меня отъ ненужныхъ посѣтителей; слушаніе лекцій занимаетъ у меня только три часа въ день по утру — и то кромѣ субботы, которая по уставу о моихъ занятіяхъ вся посвящена Музамъ, и вотъ тебѣ то, что я написалъ въ первый такой день:

Вторая присяга.

Когда печальная отъ страха,
Моляся Господу-Отцу,
Россія шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, въ тишинѣ краснорѣчивой,
Все, кромѣ женщинъ и дѣтей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавіе царей, —
Тогда, отчизнѣ подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна къ собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звѣздѣ произнесла.
Во мнѣ проснулась жажда нѣги,
Я сталъ задумчивъ, я мечталъ,
И нѣжнымъ именемъ элегій
Я прозу сердца называлъ;
Мнѣ было скучно: богъ зѣвоты
Мнѣ замѣнилъ и бога сна,
И бога свѣтлаго вина,
И духа гордые полёты,
И то, и то. Я былъ готовъ
Возстановить моихъ боговъ;
Что вдохновенье, что свобода —
Въ часы неволи помнилъ я,
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять
И лѣнь, сотрудница поэтовъ,
Меня успѣла задержать
Въ границахъ низменныхъ предметовъ;

И я, неявный либералъ,
Моей торжественной присягѣ
Ни на словахъ, ни на бумагѣ
И вообще не измѣнялъ.
Когдажъ къ ушамъ Россіянина
Дошла разительная вѣсть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
Съ сѣдла на царство пересѣсть;
Когда, не много разсуждая,
Сената рускаго соборъ
Царемъ поставилъ Николая,
А прежняя присяга вздоръ, —
Благоговѣйно подражаю
Престола вѣрному столбу,
Я радостно мою судьбу
Другой харитѣ повѣряю;
Въ душѣ чувствительной, объ ней
Молюсь всевидящему Богу
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселѣй.

Къ Ш — ву.

Ты мой пріятель задушевной:
Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ,
Мы разсуждаемъ ежедневно
Объ идеальномъ и благомъ;
Однакожъ дѣло не о томъ!
Скажи: кого порою ночи
Твои привѣтствуютъ мечты?
Чьи возмутительныя очи
Звѣздами называешь ты?
«Она мила, она далеко,
Она измѣнитъ» — такъ не разъ
Тебя встревожитъ сердца гласъ
Въ часы печали одинокой.
Откройся мнѣ: какъ ты, мой другъ,

Любви я знаю самовластье;
Пусть охладитъ мое участье
Твой соблазнительный недугъ;
Знакомый съ дѣвами и свѣтомъ,
Тебя утѣшу я вполнѣ
Иль романтическимъ совѣтомъ,
Или посланьемъ о винѣ.

Такими стихами начинается теперешній періодъ моей литтературы; вѣроятно, стихи, за сими слѣдовать имѣющіе, будутъ удачнѣе и удовлетворительнѣе для вкуса изящнаго. Я похожъ на журавлей, когда принимаюсь стихотворствовать: они разбѣгаются по землѣ, готовясь летѣть къ небу!

Всѣмъ нашимъ мои почтенія; книги, которыя обѣщалъ тебѣ доставить, кромѣ Сегюра и . . . . . [1]), еще не полученныхъ, скоро поѣдутъ. Напомни Петру о финансахъ по моей части. Пора на почту.

Весь твой Н. Языковъ.

CXLIX.

А. М. Языкову.

1826, Февраля 28. Дерптъ.

Я еще не получилъ ни одного письма отъ тебя, почтеннѣйшій, хотя по разчету времени и должно бы ето случиться — или я ошибаюсь въ моихъ соображеніяхъ: можетъ быть, ты задержался въ Москвѣ или при встрѣчѣ тѣла въ Бозѣ почивающаго монарха; что̀ бы ни было, пиши ко мнѣ впередъ чаще: у меня почти ни съ кѣмъ не будетъ переписки въ текущемъ году, кромѣ тебя, разумѣется, и кромѣ кровныхъ вообще, какъ объяснится.

Деньги я получилъ, благодарю; покуда ихъ было достаточно (употреблю слова Петра) на поддержку долговъ, и теперь слава Богу по етой части. У насъ, какъ и во всей Руси православной, теперь масляница; какъ бы то ни было, мы и здѣсь ее празднуемъ. Скучно, любезнѣйшій, видѣть, какъ нѣмцы пренебрегаютъ рускими праздниками; еслибъ я былъ императоромъ Россійскимъ, я бы заставилъ ихъ и пить руской квасъ, и ѣсть рускіе блины, и ходить въ рускую церковь, и говорить по руски, да обрусѣютъ и да принадлежатъ вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи. Не правда ли, что ето предположеніе политическое, и — шутку въ сторону — его исполненіе было бы полезно царству православному.

1) Одно слово не разобрано.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ тебѣ начало моей текущей литературы. Теперь она пріостановилась тѣмъ, что Перевощиковъ навялилъ мнѣ переводить на руской стихи, пѣтые 12 Дек[абря] 1825 въ залѣ здѣшняго университета; ето собственно не моя могота: грѣшный человѣкъ, не умѣю выражать чужія мысли и не знаю, что будетъ съ етимъ переводомъ. Вотъ тебѣ еще нѣчто въ добавокъ къ прежнимъ моимъ посланіямъ:

Къ В — у.

Мой другъ, учи меня рубиться:
Быть можетъ, нѣкогда и мнѣ,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная къ войнѣ.
Питомецъ скромныхъ наслажденій,
Донынѣ въ мірѣ вѣдалъ я
Однѣ бездѣлки бытія:
Приволье Бахуса и лѣни,
Утѣхи вялой тишины,
Амура приторную сладость
Да пробудительные сны,
Да усыпительную радость;
Я пѣлъ виновныя мечты,
Я посвящалъ, рукой безбожной,
Дары поэзіи подложной
Очамъ подложной красоты.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи жъ меня, товарищъ мой,
Головоломному искуству!

Точно, я начинаю учиться етому искуству: надобенъ моціонъ нашему брату, трудящемуся на полѣ наукъ православныхъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Елис[аветѣ] Петровнѣ мое почтеніе. Петра цѣлую; на слѣд[ующей] почтѣ напишу къ нимъ — и непремѣнно.

CL.

А. М. Языкову.

17 Марта, 1826. Дерптъ.

Душевно радуюсь, что дѣло, для котораго ты оставилъ стѣны Петрополя, еще прежде твоего пріѣзда на мѣсто его производства кончилось въ пользу благомыслящихъ; меня восхищаетъ дѣйствіе Петра въ сихъ запутанностяхъ — вотъ каково, мой почтеннѣйшій! Я увѣренъ, что сопровождай Петра болѣе понуканій на полѣ жизни — то онъ произведетъ много прекраснаго и доблестнаго, въ самомъ чистѣйшемъ значеніи етихъ словъ почтенныхъ.

Ты спрашиваешь меня въ двухъ письмахъ съ ряду о новостяхъ міра политическаго: я, братъ, тоже не знаю ничего новаго, хотя съ нѣкоторого времени и жажду его слышать. Здѣсь, кромѣ газетъ, которыя и къ вамъ доѣзжаютъ, очень, очень мало извѣстій, изъ столицы даже: такъ, напримѣръ, Амплій ко мнѣ ни гугу; Княж[евичъ] Владиславъ посвящаетъ письма на мое имя преимущественно критикѣ произведеній литтературныхъ, и рѣдко, рѣдко — и то слегка только — касается предметовъ государственныхъ, какъ то: состоянія воздуха въ С. П[е]т[ер]б[ургѣ], снѣга и вѣтровъ въ неположенное время и т. д.

Годунова Пушкина еще никто не читалъ изъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ, хотя всѣ уже хвалятъ: вообще видно, что перевозъ тѣла въ Бозѣ почившаго Монарха поглотилъ всѣ чувства литтературные; ничего новаго не является въ публику; о басняхъ Крылова опять затихло; Сѣверныхъ Цвѣтовъ тоже нѣтъ, какъ нѣтъ. Еду и Пиры Баратынского я получилъ дарственно отъ Г-на Аладьина; и та, и тѣ мнѣ вовсе не нравятся: въ первой слишкомъ мало поэзіи, слишкомъ много непристойнаго, обыкновеннаго и, слѣдственно, старого; есть нѣсколько хорошихъ картинъ — и все; и послѣдніе не имѣютъ того дифирамбическаго вдохновенія, которое должно бы управлять поэтовъ, воспѣвающихъ[1]) пиры, и къ чему иронія — тоже не вижу. Короче, повторю слова Кн[яжевича?], Барат[ынскій] осрамился — и не на шутку! Я хочу начать переписку съ Комовскимъ; а Амплій что не отвѣчаетъ мнѣ на три письма? Ужъ не запоръ ли его постигнулъ?

Моя литтература — не знаю, почему — пріостановилась; мнѣ что-то скучно, разумѣется не отъ поста; впрочемъ, надѣюсь, что все скоро опять придетъ въ порядокъ.

---

1) Въ *П.* воспѣвающимъ.

Благодарю за деньги: хорошо, что прислали; очень, очень, очень хорошо было бы, если бы еще прислали, напримѣръ, къ великому празднику: der Mensch ist schwach, мои любезнѣйшіе!

Булгар[инъ] и Греч[ъ] точно поступили со мной какъ цыгане: Богъ ихъ возми! Я писалъ по етой части къ Амплію и, если получу отвѣтъ неудовлетворительной, то пошлю Поэта Полевому.

Мои дѣла учебныя идутъ хорошо: повторяю Народное Право и если успѣю, чего надѣюсь, то повторю въ сто же полугодіе и Полит[ическую] Економію, дай Богъ терпѣнья! Напиши мнѣ, какъ располагаешься ты провести 1826 годъ, гдѣ и проч., а я, кажется, на лѣто переѣду отсюда въ сосѣднюю деревню Камби (помнишь ли мое пѣшешествіе?) и предамся поэзіи на досугѣ и просторѣ.

Маминькѣ мое почтеніе; писать не могу болѣе сегодня: рука дрожитъ отъ фехтованія; на слѣдующей почтѣ все исправлю.

Весь твой Н. Языковъ.

Петра обнимаю и цѣлую, Ел[изаветѣ] Петр[овнѣ] мое почтеніе, Парашу и Катушу цѣлую.

CLI.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

4 Апрѣля, 1826. Дерптъ.

Не знаю, какъ и чѣмъ благодарить васъ, всѣ вы мои почтеннѣйшіе и почтеннѣйшія, за письма, которыя получилъ я еще на запрошлой недѣлѣ и на которыя, грѣшный, отвѣчаю такъ поздно; но вы простите мнѣ ето замедленіе, зная вообще суету и коловратность міра, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Неимѣніе средствъ заплатить за письмо даже принудило меня такъ противодѣйствовать своей собственной волѣ, а теперь пишу я, какъ видите, но ето не значитъ еще, что я при деньгахъ: ето значитъ только, что одинъ изъ моихъ пріятелей текущаго числа имѣетъ деньги. Книги тебѣ, Алекс[андръ], поѣдутъ на нынѣшней недѣлѣ.

Благодарю за чай; онъ прекрасенъ, и пью его, что называется, съ чувствомъ. Парашу буду благодарить за мѣшокъ на табакъ стиховно: етотъ подарокъ такой важности, что требуетъ поэзіи для соотвѣтствія, а я и радъ случаю писать стихи; у меня теперь такъ мало предметовъ для нихъ, что, ей Богу, хоть брось: вотъ каково быть поэтомъ!

Аладьинъ мнѣ даритъ все новое въ нашей литературѣ; вчера получилъ я отъ него басни Крылова; онѣ меня возхищаютъ: онъ довольно поправилъ въ прежнихъ, и новыя всѣ тутъ. Замѣть въ баснѣ Дубъ и Трость стихъ, стоющій цѣлаго Дмитріева: Брега бурливаго Эолова владѣнья; ето вещь Гомеровская, божественно!

Вотъ тебѣ все, что есть нового въ моемъ теперешнемъ быту парнасскомъ. 1 Апрѣля имянинница тебѣ извѣстная Марія; мнѣ, яко давнишнему ея воспѣвателю, нельзя было поздравить безстиховно, и вотъ что вышло:

Не въ первый разъ мой добрый Геній
Кидаетъ суетную лѣнь,
Словами дара пѣснопѣній
Спѣша привѣтствовать вашъ день;
Не въ первый разъ восторгомъ блещетъ
Сей даръ, покорствующій вамъ,
И сердце сладостно трепещетъ,
Свободнымъ тѣсное мечтамъ.
Всегда вы мило принимали
Мои привѣты, и живѣй,
Смѣлѣе, краше ликовали
Надежды юности моей.
И нынѣ, вами пробужденный,
Я вамъ по прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи Камены откровенной.
Но что же пѣть моимъ стихамъ
На праздникъ вашего рожденья?
Молить ли руку Провидѣнья,
Да покровительствуетъ вамъ?
И возсылаю къ небесамъ
Благочестивыя моленья!
Желать ли, да украсятъ васъ
И умъ, и прелесть, и наука,
Да васъ плѣняетъ сладость звука
И стихотворческій Парнасъ?
Да процвѣтаютъ ваши годы,
Подъ кровомъ милой тишины,
Какъ міръ божественной свободы,

Какъ поле радостной весны?
И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесамъ,
Моля, чтобъ вамъ онѣ послали
Уже дарованное вамъ.

Напиши, Алек[сандръ], куда писать къ Зубову; мнѣ очень пріятно было видѣть, что онъ меня еще помнитъ, и скажи мнѣ, куда ведетъ его угрюмая судьба?

«Поэта» и еще кое-что, тебѣ уже извѣстное, посылаю сегодня Полевому: пусть же хоть онъ ихъ напечатаетъ, да и надобно мнѣ чѣмъ-нибудь отплатить за присылку его журнала.

Прощайте — можетъ быть, только до слѣдующей почты; чтите, но не кляните меня грѣшнаго: человѣкъ — всегда человѣкъ, мои милые!

Всѣмъ не могу писать вдругъ. Всѣмъ мое почтеніе — и Христосъ воскресъ!

Вашъ Н. Языковъ.

CLII.

Матери.

7 Апрѣля, 1826. Дерптъ.

Письмо ваше, отъ 16 прошлаго мѣсяца, я имѣлъ удовольствіе получить: оно пришло недѣлею позже посылки, къ нему принадлежащей: вотъ почему я и благодарилъ на прошедшей почтѣ за мѣшокъ на табакъ Парашу; я думалъ, что она ето меня такъ одолжаетъ: вѣдь когда-то съ ея стороны такая вещица дѣйствительно была мнѣ обѣщана, но, видно, исполненіе етаго обѣщанія еще [не] скоро поѣдетъ, куда слѣдуетъ. Чувствительно благодарю васъ, любезная маминька, за чай и за все прочее; чай такъ хорошъ, что меня возхищаетъ, и буду попивать его съ большимъ удовольствіемъ и съ воспоминаніемъ о васъ, мои любезнѣйшія!

Радуюсь, что вы собираетесь на коронацію (она, какъ здѣсь говорятъ, будетъ въ концѣ Мая); только, признаюсь вамъ, мнѣ все что-то кажется, будто ваши сборы и кончатся только сборами. Впрочемъ, дѣло хорошее съѣздить хоть въ Москву для развитія Параши: желаю, чтобъ сбылось ваше намѣреніе. Что касается до поѣздки вашей въ Петербургъ, предполагаемой для соединенія со мною будущей зимой, то вотъ что говорю я на етотъ случай: мои дѣла съ университетомъ едва ли могутъ благополучно кончиться, ежели потороплюсь и стану держать екзаменъ будущею зимою; ето не такъ

легко, какъ думаютъ многіе; притомъ же, и одно мое самолюбіе не позволитъ мнѣ приступить къ етому безъ увѣренности въ успѣхѣ. Итакъ, могу сказать только, что, можетъ быть, етакъ къ Святой будущаго года буду свободенъ — и во всякомъ случаѣ, что называется, если Богъ поможетъ.

Нынѣшнее лѣто я проведу здѣсь въ деревнѣ, верстъ 15 отъ Дерпта, въ мирныхъ наслажденіяхъ сельскою природою и благорастворенiемъ воздуха.

На будущей недѣлѣ стану говѣть и причащаться, ежели позволятъ обстоятельства. Погода здѣсь теперь никуда не годится: вѣтры бушуютъ и холодно, и то снѣгъ, то дождь — скучно!

Катушу и Парашу цѣлую.

Алекс[андру] Дмитр[іевичу] и его любезнѣйшей супругѣ мои почтенія.

Вашъ покорнѣйшій сынъ

Н. Языковъ.

CLIII.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

25 Апрѣля, 1826. Дерптъ.

Поздравляю васъ всѣхъ, мои почтеннѣйшіе, съ праздникомъ Христова Воскресенія! Я его встрѣтилъ довольно пріятно, потому что говѣлъ, въ полномъ смыслѣ слова, на Страстной недѣлѣ: сполна ходилъ въ церковь денно и нощно, часы отъ того свободные употреблялъ на чтеніе душеспасительныхъ писаній и т. д.

Я получилъ уже Сѣверн[ые] Цвѣты; въ нихъ есть кое-что хорошее; проза, кажется, вообще лучше прошлогодней: напримѣръ, одна статья Дашкова о Іерусалимѣ стоитъ цѣлаго Альманаха — какой прекрасный, вѣрный языкъ, глубокое знаніе своего предмета и мастерство писать! Исторія художествъ въ Россіи мнѣ не весьма нравится: я ждалъ лучшаго — и гораздо. Дельвигъ сдѣлалъ немалую глупость, напечатавъ письмо Пушкина о Бахчисараѣ; Иллич[евскій] срамится на Бернардѣ, а повѣсть Трактирная лѣстница очень не завидная. Стихи вообще плохи: нѣтъ ничего, на чемъ бы остановиться — разумѣется, выключая отрывокъ изъ Иліады. Гравюрки очень, очень некрасивы — все какіе-то уроды и хари!

Вотъ тебѣ новость: Владиславъ Княжевичъ женится — не знаю, на комъ; дай Богъ ему щастія: онъ, право, его достоинъ по душѣ и образованію даже. 21 сего мѣсяца былъ у студентовъ праздникъ основанія университета; ето новость въ нѣкоторомъ смыслѣ: прошлого года спрашивались по сему случаю у Ректора; онъ не позволилъ, и праздника не было —

нынѣче не спрашивались, и праздникъ былъ. Какъ водится, много было пьяныхъ до упаду — я не изъ ихъ числа; драки значительной не было, и вообще все прошло довольно плавно. Я, правда, пострадалъ, но слегка: прыгая черезъ огонь, опалилъ брови и поджогъ фурашку; надобно все испытать — не такъ ли, друзья мои?

У насъ весна прекраснѣйшая: поютъ птички со синички, хвостомъ машутъ и лисички. Нынѣшнее лѣто я проведу здѣсь въ тишинѣ уединенія, въ жертвахъ Музѣ моей и въ трудахъ учебныхъ; хотя жары ничего не предвѣщаютъ мнѣ хорошаго, особенно по части моей богини, но противу ихъ будутъ взяты мѣры: жизнь въ деревнѣ, сонъ днемъ и тому подобныя прохлады!

Очкинъ, кажется, скоро выпуститъ изъ печати свое любезное дитятко — Кольне: объ немъ уже неоднократно объявляли и возхваляли его достопочтенно. Переписываешься ли ты съ нимъ, почтеннѣйшій Александръ? Онъ, какъ видно изъ его ко мнѣ писемъ, вступаетъ въ литтературный союзъ съ Абодовскимъ и Григорьевымъ для изданія Альманаха. Булгаринъ отказалъ ему за множествомъ другихъ сотрудниковъ — итакъ, надобно жъ куда нибудь броситься. Дай Богъ ему успѣха! Теперь поле альманаховъ легче воздѣлывать: бывало, Поляр[ная] Звѣзда брала много хорошаго у нашихъ поэтовъ и непоэтовъ — теперь ея нѣтъ и не будетъ долго, долго, потому что на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой.

Вы, вѣрно, уже въ деревнѣ — завидую вамъ; а я еще недѣль съ шесть долженъ буду въ жару ходить въ университетъ: тяжко тѣлу моему и скучно душѣ моей!

Маминькѣ мое почтеніе; Парашу и Катушу цѣлую, Петра тоже, тебя тоже; Елисавету Петровну цѣлую и такъ далѣе.

Весь вашъ Н. Языковъ.

CLIV.

А. М. Языкову.

Мая 5, 1826. Дерптъ.

Деньги, къ Святой недѣлѣ вами посланныя, я имѣлъ удовольствіе получить и нѣкоторымъ образомъ успокоиваю моихъ кредиторовъ; замѣть мимоходомъ, что я еще никогда не находился въ столь критическихъ обстоятельствахъ по сей части житейскаго управленія, какъ въ текущемъ полугодіи: отъ чего ета несообразность? Но ты, вѣрно, не спросишь етого, зная несовершенство человѣческой природы вообще и мое поэтическое неумѣніе жить домомъ, какъ говорится. Въ слѣдующій семестръ я буду гораздо,

гораздо осмотрительнѣе во всѣхъ смыслахъ, и для совершенія сего благодатнаго намѣренія уже начинаю брать свои мѣры: напримѣръ, буду жить совершенно одинъ. Я уже успѣлъ, слава Богу, замѣтить, что житіе съ кѣмъ бы то ни было въ дни ученія вредитъ болѣе, нежели приноситъ пользы оному: необходимо, нечувствительно, volens-nolens мѣшаешь другъ другу. Особливо моя поэзія любитъ совершенное уединеніе; не знаю, какъ съ другими, а я, грѣшный, не могу написать три стиха, когда только знаю, что въ сосѣдней комнатѣ есть кто-нибудь. Вотъ тебѣ объясненіе, почему въ текущемъ полугодіи моя Муза такъ бездѣйственна. Отчего же прежде етого бездѣйствія не бывало? можешь и даже долженъ спросить ты. Вотъ въ чемъ дѣло, другъ мой: одинъ изъ моихъ сожителей былъ довольно долгое время боленъ, слѣдственно — сидѣлъ дома, а прежде все-таки онъ хоть изрѣдка выходилъ, и сіи то часы моего уединенія посвящались Музѣ.

Вотъ тебѣ все, что говорятъ здѣсь нового: съ турками будетъ война скоро и непремѣнно, по сей-де части и Веллингтонъ въ П[е]т[ер]б[ургъ] ѣздилъ; Жуковскій сильно боленъ и поѣдетъ въ чужіе краи; Карамзинъ тоже, имѣя нарывъ въ легкихъ, отправился въ Италію; Государь далъ ему на сей случай фрегатъ и жалованье посланника. Еще говорятъ, что Арак[ееvъ] снова въ милости у царя рускаго: за него-де ходатайствуетъ вдовствующая императрица Марія; что многіе офицеры Гвардіи изъ отправившихся въ Москву на коронацію схвачены на пути и препровождены въ крѣпость святыхъ Петра и Павла.

Вотъ тебѣ новость о мнѣ самомъ: въ началѣ нашихъ лѣтнихъ каникулъ я поѣду на нѣсколько дней къ Пушкину; кромѣ удов{о}летворенія любопытства познакомиться съ человѣкомъ необыкновеннымъ, ето путешествіе имѣетъ и цѣль поэтическую: увижу Изборскъ, Псковъ, Печёры, мѣста священныя Музѣ Руской, а ты знаешь, какъ на меня онѣ дѣйствуютъ! Впрочемъ, исполненіе етого намѣренія и еще другихъ нѣкоторыхъ зависитъ отъ васъ, мои почтеннѣйшіе — понимаешь? «Стара пѣсня», можно сказать, прочитавъ послѣднее! Но, другъ мой, человѣкъ всегда человѣкъ, я всегда я, безъ денегъ недалеко уѣдешь!

Книги, давно обѣщанныя, кажется, ѣдутъ — и Венцеславъ, и Гражданское Мужество Рылѣева.

Съ Петербургомъ моя переписка идетъ необыкновенно вяло: Амплій что-то замолкъ; въ письмахъ Княж[евича] болѣе говорится о сердечныхъ чувствованіяхъ, а дѣла мало. Одинъ Аладьинъ не престаетъ надѣяться[1]),

1) Въ *П.* надѣется.

что я буду отвѣчать стихами на его просительную прозу, а я молчу до поры до времени.

Какова рѣчь Магницкого въ Казани: ето золото въ нѣкоторомъ смыслѣ — конечно, въ смыслѣ безсмыслицы; впрочемъ, надобно признаться, что онъ мастеръ писать по руски.

Всѣхъ васъ цѣлую — особенно обнимаю Петра и Елис[авету] Петровну и Маму.

Весь твой Н. Языковъ.

Поздравляю васъ всѣхъ съ моими имянинами!

CLV.

А. М. Языкову.

12 Мая, 1826. Дерптъ.

Не знаю, что писать къ вамъ, мои почтеннѣйшіе братья и кровныя: жары такъ меня разстроили, разтопили, притупили и усмирили духъ мой, что голова моя ровно ничего не дѣлаетъ. Что будетъ впередъ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Іюнѣ и далѣе, когда уже въ Маѣ такъ сильно маится богоподобное созданье?

Ежели получу въ надлежащее время извѣстіе, что ты, Алекс[андръ], ѣдешь на коронацію, то, можетъ быть, ты получишь отъ меня поэтическое порученіе къ етому произшествію. Можно написать что-нибудь достойное Музы, ни мало не льстя, только желая, пророча, — и не поэтъ виноватъ, если пророчество или желаніе не исполнится! Я же такъ давно не писалъ стиховъ, что могу надѣяться произвести не бездѣлку: обыкновенно здоровѣетъ и разцвѣтаетъ тѣло послѣ болѣзни — и душа также, почтеннѣйшій, и Муза также. Жуковскій уѣхалъ на американскомъ кораблѣ до Копенгагена; оттуда уже горою, какъ само собою разумѣется, поѣдетъ куда-то на теплыя воды въ Германію. Есть тайные слухи, что его здоровье такъ худо, что едва ли онъ не скоро отправится туда, куда давно мечта его летала. Карамзинъ тоже отъѣзжаетъ въ чужеземію; говорятъ или, лучше, пишутъ изъ Петербурга, что Государь далъ ему фрегатъ для путешествія въ Италію, 50 т[ысячъ] на дорогу и жалованіе посланника. Итакъ, двѣ важныя головы нашей Литтературы — и больны, и удаляются за поля и горы. Дай Богъ имъ поправленія и возстановленія: что ни говори, а все-таки безъ нихъ у насъ въ литтературномъ поприщѣ хоть шаромъ покати, такъ не встрѣтишь никого, даже равнаго имъ заслугами.

Здѣсь проѣхалъ въ чужіе краи Аракчеевъ; онъ окруженъ нѣмцами и ѣдетъ лѣчиться на теплыя воды отъ головной боли, какъ говорятъ. Былъ въ здѣшней книжной лавкѣ и спрашивалъ — что бы ты думалъ? Грамматику Финскаго языка; не нашелъ ея и вышелъ вонъ! Вотъ все новое здѣшняго политическаго міра. Скоро получу я книги, о которыхъ еще въ прошломъ годѣ у насъ была такая жаркая переписка. Книгопродавецъ, оживленный нѣкоторою уплатою денегъ, мною ему задолженныхъ, сдѣлался ко мнѣ благосклоннѣе и живѣе: видно, деньги сходны съ виномъ тѣмъ, что веселятъ сердце человѣка! На сихъ дняхъ читалъ я новую трагедію извѣстнаго Иммермана (его знаменитая комедія Das Auge der Liebe — совершенство въ своемъ родѣ): она просто вздоръ, пустякъ и не заслуживаетъ быть еще разъ прочтеною. Вообще, замѣчаютъ критики, нынѣшніе годы Нѣм[ецкой] литтер[атуры] бѣдны по части поэзіи; за то у Нѣмцевъ ета бѣдность можетъ быть очень естественнымъ слѣдствіемъ недавняго великаго богатства — не такъ, какъ у насъ!

У меня великая надежда въ области моей поэзіи на будущее полугодіе: буду жить совершенно одинъ, комната высокая, окошки большія, свѣту пропасть, есть гдѣ разуму разгулятся — и прохлада лѣтомъ, и тепло зимой! Сверхъ того, лицевая сторона ея обращена на дворъ, гдѣ все тихо или недостойно воззрѣнія. У меня уже есть много готовыхъ плановъ; пожелай имъ исполненія!

Государь продолжаетъ удивлять своею дѣятельностію и дѣльностію чиновниковъ гражданскихъ; ожидаютъ чего-то важнаго и хорошаго по сей части; ето слова изъ частнаго письма изъ Петерб[урга] — и слова существа, служащаго при Сенатѣ и жалующаго[ся] уже на свое утомленіе отъ денныхъ и нощныхъ занятій: слѣдствіе вышесказаннаго!

Мое почтеніе Елис[аветѣ] Петровнѣ. Извините меня передъ ней въ неписаніи жаромъ температуры и отъ того разслабленнымъ[1]) тѣломъ моимъ. Вы видите, какъ я пишу неразборчиво, несвязно въ мысляхъ, невѣрно въ буквахъ. Прощайте покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Каникулы начнутся у насъ ранѣе обыкновеннаго двумя днями: зане тутъ какъ-то къ статѣ пришла Троица — слѣдственно, съ 6-го Іюня. Я буду жить, вѣроятно, въ деревнѣ близъ Дерпта и наслаждаться полною свободою пера, мыслей и одѣяній: а ето много!

---

1) Въ *П.* разслабленныхъ.

CLVI.

А. М. Языкову.

21 Мая, 1826. Дерптъ.

Не знаю, что писать къ вамъ, мои любезнѣйшія, мои почтеннѣйшія, родныя, друзья, братья и кровныя! Жары здѣсь усилились до такой степени, что, ей Богу, я насилу двигаюсь; сверхъ того, на меня напала, какъ слѣдствіе оныхъ и еще болѣе изъ нихъ слѣдующаго бездѣйствія духа и тѣла, самая скучная скука и, такъ сказать, тоска по отчизнѣ. Всѣ разъѣзжаются, куда кто можетъ, и ранѣе обыкновеннаго подъ разными предлогами; я одинъ почти изъ рускихъ остаюсь здѣсь горе горевать. Дай Богъ, чтобы хоть идеальное мое утѣшеніе, Муза, благоволила посѣщать меня во время каникулъ; впрочемъ, плохая надежда: температура, побѣдившая нѣкогда Наполеона, вѣроятно и мои намѣренія остановитъ!

Вотъ тебѣ, Але[ксандръ], новость, о которой, по крайней мѣрѣ, весь Дерптъ отъ мала до велика говоритъ нынѣ: часто мною воспѣваемая и нерѣдко во мнѣ царствовавшая пречистая дѣва Марія выходитъ за мужъ за Нѣмца. Етотъ individuum — профессоръ Рускаго права въ здѣшнемъ университетѣ; фамилія ему Рейцъ — человѣкъ хорошо образованный вообще, молодъ лѣтами и ей пара по всѣмъ отношеніямъ, выключая то, что вдовъ и имѣетъ двухъ маленькихъ дочерей отъ перваго брака, какъ разумѣется. Видно, мнѣ придется написать Епитоламу.

Вотъ тебѣ новѣйшіе стихи мои — посланіе къ Шепелеву, ѣхавшему и уже уѣхавшему въ Петерб[ургъ] и далѣе въ Москву, и проч.:

Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
Въ дѣлахъ Амура мой Орестъ!
Прощай; защитѣ Провидѣнья
Я поручаю твой отъѣздъ.
Въ Россіи, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни;
Туда съ тобою два поклона
Я посылаю — вотъ они:
Одинъ Москвѣ перводержавной:
Она поэзіи мила;
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвѣла;
Другой поклонъ иного рода —

Куда? ты можешь угадать:
Кому работала полгода
Моей Камены благодать,
Кѣмъ, незлопамятный, доселѣ
Я возхищаюсь и горжусь,
О комъ три раза на недѣлѣ
Святому образу молюсь,
Чья побѣдительная сила,
Давно и въ явѣ, и во снѣ
Меня мертвила и живила,
И воцарилася во мнѣ!
Ты помнишь, другъ, ее пѣвали
Мои элегіи; она
Жила какъ Ангелъ, но едва ли
Такъ непритворна и скромна.
Ея чело, ея ланиты,
Ея власы, ея уста
И очи — словно у Хариты:
Все хорошо, все красота.
Ей поклонись, скажи два слова,
И мнѣ въ усладу напиши,
Какъ поживаетъ, какъ здорова
Сія звѣзда моей души?
Вотъ все, товарищъ; дай мнѣ руку!
Не позабудь: скорѣе къ намъ,
Да снова мы любовь, науку,
Вино и горе пополамъ!

Сюда, братъ, ожидаютъ В[оейкову]; надѣюсь, что по пріѣздѣ оной особы моя Поэзія пріободрится и явится въ прежней силѣ и славѣ.

Прощай — здравствуй!

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣхъ цѣлую.

Затѣмъ слѣдуетъ приписка сбоку на послѣдней страницѣ письма:

Не пугайтесь черною печатью на моихъ письмахъ: въ Декабрѣ прошлаго года, во дни плача Россіи, я съ горяча купилъ его [1]) такъ много, что, вѣроятно, и до конца текущаго года буду имъ печатать.

---

1) Вѣроятно, Языковъ имѣлъ въ виду — сургуча.

CLVII.

П. М. Языкову.

9 Іюня, 1826. Дерптъ.

Итакъ, Маминька и Дюкъ уже отправились въ Москву (я имѣю полное офиціальное право ето думать), и ты, Петръ, остался въ Симбирскѣ, такъ сказать, только съ твоимъ собственнымъ семействомъ. Я жду денегъ, чтобъ отправиться къ Пушкину; уже вамъ было писано объ етомъ. Нѣкоторые философы говорятъ, что щастіе — въ ожиданіи; едва ли ето правда и вообще, теперь же я никакъ не соглашусь признать истиною ето изрѣченіе: ето было бы говорить противъ сердца и собственнаго убѣжденія, а я еще не привыкъ притворяться — даже на словахъ.

Думая, что къ вамъ мало политическаго доходитъ изъ Петербурга, выписываю слѣдующія новости изъ писемъ ко мнѣ Очкина:

«Нашъ Августъ дѣлаетъ разныя Гаарунъ-ал-Рашидовскія штуки: напримѣръ, ты зналъ хотя по имени Дьякова, експедитора въ канцеляріи Петр[а] Анд[реевича]? У него было дѣло какого-то отставного полковника, дѣло совершенно правое; но Дьяковъ требовалъ тысячу рублей за то, чтобы перенесть его въ общее собраніе Сената; полковникъ не могъ дать етой суммы, и дѣло лежало почти годъ безъ дѣйствія; наконецъ, полковникъ, будучи знакомъ съ Ген[ералъ]-губ[ернаторомъ] Кутуз[овымъ], между словъ сказалъ ему о своемъ горѣ; Кутузовъ сказалъ объ етомъ Государю, а Государь далъ ему 1000 руб., записавъ ихъ нумера, и велѣлъ, чрезъ полковника, доставить Дьякову. Полковникъ отдалъ пакетъ съ деньгами Д[ьякову] въ канцеляріи, и тутъ же стояли, въ видѣ просителей, адъютантъ Кутузова и два жандарма, всѣ во фракахъ. Д[ьяков]а тотчасъ пригласили къ Ген[ералъ]-губерн[атору], нашли у него деньги, отправили его на Гауптвахту. Въ Уголовной Палатѣ въ недѣлю кончили дѣло, которое въ 8 дней разсмотрѣно въ Сенатѣ, и Дьяковъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на вѣчную каторжную работу. Теперь опредѣленіе пошло на утвержденіе къ Государю!»

«[В]слѣдствіе манифеста 1 Іюня учрежденъ верховный судъ для дѣла о бунтовщикахъ-либералахъ; онъ третьяго дня собрался въ Сенатѣ; каретъ на площади было множество, у воротъ стоялъ отрядъ конной гвардіи (для почести?), собрались толпы народа, и въ день раздачи манифеста къ сенатской лавкѣ нельзя было продраться. Его носятъ по улицамъ, прибиваютъ на буткахъ; не говоря уже о людяхъ грамотныхъ, даже безграмотные, какъ-то извощики, молошницы, поденьщики и проч., его берутъ и

просятъ, чтобъ имъ читали, однимъ словомъ — весь Петерб[ургъ] заразился какою-то Manifestomanie. Ни о чемъ не говорятъ, кромѣ етого дѣла: видно, оно всякому близко къ сердцу! Писалъ ли я тебѣ о дуели Грейга съ Моллеромъ, начальникомъ Морс[кого] штаба? Они поссорились за то, что Грейгъ наговорилъ Моллеру много хорошаго и въ заключеніе вызвалъ его на дуель. Моллеръ согласился, назначили мѣсто свиданія на дорогѣ въ Парголово. Грейгъ явился туда въ назначенное время: ждетъ часъ, ждетъ два, три, наконецъ — скачетъ карета; Грейгъ радуется, но изъ кареты вылезаетъ Генералъ-губернаторъ, говоритъ Грейгу: ты, любезнѣйшій, не въ своей тарелкѣ — и спокойно отвозитъ его домой».

В[от]ъ самыя свѣжія новости. Вы, вѣрно, имѣете уже манифестъ о учрежденіи Верховнаго суда: прекрасно написанъ. Дѣло заговорщиковъ, говорятъ, скоро кончится. Скоро услышу, можетъ быть, что моимъ литературнымъ товарищамъ головы отрубятъ; ето непріятно даже въ ожиданіи!

Здѣсь стоятъ жары чрезвычайные и неслыханные; мое положеніе въ нихъ весьма незавидно. Купаться ходить надобно за версту — и то вода съ пескомъ и съ иломъ. Удовольствій вообще никакихъ нѣтъ. Сегодня кончаются лекціи, городъ пустѣетъ очевидно; все разъѣзжается, кто какъ успѣлъ, куда кто могъ. Не знаю, что со мной будетъ: меня такъ скука и моритъ.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Елисаветѣ Петровнѣ мое почтеніе; цѣлую ручки и желаю всѣхъ благъ.

Теперь всего любопытнѣе быть въ Петроградѣ; мнѣ досадно, что Дюкъ какъ нарочно именно въ ето время въ отпуску, и теперь мнѣ совершенно не у кого тамъ пріютиться — предполагая уже возможнымъ отъѣздъ отсюда. Такова судьба человѣческая!

CLVIII.

П. М. Языкову.

Іюня 23. 1826. Псковской губерніи, Опочьской уѣздъ, село Тригорское.

Ты давно не получалъ отъ меня писемъ, почтеннѣйшій братъ Петръ: не моя вина. Съ мѣсяцъ я не могъ писать къ тебѣ изъ Дерпта, потому что за пересылку писемъ требуется платить деньги. Не знаю, какая враждебная причина побуждаетъ и побуждала тебя такъ долго не оживлять моихъ фанансовъ; дѣло въ томъ, что она чуть было не остановила моего путеше-

ствія въ Псковскую губернію и знакомства съ Пушкинымъ, да не тутъ то было: я, что называется, перевернулся, и теперь тамъ, гдѣ желалъ быть — и хвала за то Провидѣнію!

Вотъ въ чемъ дѣло. Мое неумѣнье обращаться съ деньгами, происходящее прямо изъ неуваженія къ тому, что̀ я получаю ни за что, ни про что, отъ безпечности поэтической, отъ недовѣрчивости къ будущему и вообще отъ всего, что переводитъ деньги и множитъ долги значительно, все это вотъ что со мною сдѣлало, мой почтеннѣйшій и искони меня знающій въ этомъ отношеніи Менторъ, Квесторъ и Медлитель: долги мои въ Дерптѣ возросли до неимовѣрности; я назвалъ бы ихъ неоплатными, если бы... понимаешь? Итакъ, сбери свои (могу сказать мои, но не хочу) всѣ силы нынѣ и пришли мнѣ денегъ болѣе — болѣе, нежели я обыкновенно требовалъ, просилъ и получалъ. Сдѣлай вотъ что: возми, напримѣръ, 1000 рубл. (или больше, смотря по твоему уваженію къ моему таланту, братству, откровенности и памяти моего сердца), прибавь еще столько, да полстолько, да четверть столько, да еще разъ первое столько, и тогда — о, тогда ты не превзойдешь моего ожиданія! — я совершенно успокоюсь духомъ; тогда возмогу всѣми помышленіями предаться господу богу моему — поэзіи, и возвеличу тебя ея словословіемъ! Не то — моя богиня, доселѣ питавшая меня пищею небесною, превратится въ корову, доставляющую сыръ и масло!

Довольно покуда. Скоро ты получишь болѣе значительного отъ пера моего — о знакомствѣ моемъ съ Пушкинымъ, о томъ, о семъ и прочемъ: теперь жарко, рука едва перо держитъ. Здравствуй! Елис[авету] Петр[овну] цѣлую и привѣтствую.

Весь твой Н. Языковъ.

CLIX.

Матери.

1826, 28 Іюля. Дерптъ.

Извините, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, любезная Маминька: причиною етому то, что я думалъ, что вы уже уѣхали въ Москву и, кажется, имѣлъ полное право ето думать, судя по вашимъ и братнимъ письмамъ того времени.

Вотъ уже четыре дни, какъ я здѣсь. Лѣто провелъ въ Псковской губерніи у госпожи Осиповой, матери одного здѣшняго студента, добраго моего пріятеля — и провелъ въ полномъ удовольствіи. Изобиліе плодовъ земныхъ, благораствореніе воздуха, благорасположеніе ко мнѣ хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и пре-

красная образованность дочерей ея, жизнь или, лучше скажу, обхожденіе совершенно вольное и беззаботное, потомъ деревенская прелесть природы, наконецъ сладости и сласти искуственныя, какъ то: варенья, вина и проч., — и все ето вмѣстѣ составляетъ нѣчто очень хорошее, почтенное, прекрасное, возхитительное, однимъ словомъ — житье!

Благодарю васъ за халатъ: онъ въ полнѣ вознаградилъ мое ожиданіе и имѣетъ всѣ достоинства азіатскихъ произведеній сего рода. Хорошее вездѣ хорошо, а особливо тамъ, гдѣ его мало, оно въ трое лучше: такъ, вкусное яство тамъ, гдѣ мало что ѣсть можно, вкусная вода въ жаръ и въ мѣстѣ маловодномъ, и халатъ въ Дерптѣ.

Нынѣшнее полугодіе начинаю я жить вовсе одинъ: маленькая квартира, свѣтлая, уютная, благообразная, высокопотолочная — и вообще прекрасная. Ето — для большей возможности заниматься плотнѣе и для несравненно большей возможности же писать стихи. Слава Богу, все въ порядкѣ — и хорошо!

Прощайте до слѣдующей почты.

Вашъ покорнѣйшій сынъ

Н. Языковъ.

Парашу и Катушу цѣлую.

Всѣмъ кланяюсь.

CLX.

П. М. Языкову.

1826, 11 Августа. Дерптъ.

Письмо твое отъ 25 Іюля я получилъ, прочелъ его нѣсколько разъ съ вниманіемъ необыкновеннымъ и съ чувствомъ очень непріятнымъ, именно съ чувствомъ сознанія моего неблагоразумія. Отвѣтъ мой начинаю словами Агамемнона къ Нестору: все, что ни рекъ ты, исполнено истины мудрой. Жаль только, что и предметъ етого письма имѣетъ достоинство истины — не говорю уже, какой. Ты требуешь отъ меня обстоятельнѣйшаго объясненія о долгахъ моихъ, и я, хотя не съ удовольствіемъ, котораго и предполагать невозможно въ дѣйствіяхъ откровенности по сей части, по крайней мѣрѣ охотно, какъ человѣкъ ежели не вовсе хладнокровно, то уже не вовсе безмилосердо (sic) себя обсуживающій, приступаю къ описанію сего произшествія, хотя достойно осуждаемаго, хотя причиненнаго и опромечтивостію, и недостаткомъ благоразумія, но имѣвшаго и имѣющаго доселѣ на меня вліяніе благодѣтельное по слѣдствіямъ. Позволь же мнѣ расположить части моего объясненія по правиламъ науки убѣждать умъ и трогать сердце, да

подѣйствую сколь возможно сильно на тебя, отъ котораго особенно теперь зависятъ и успокоеніе моего духа, и тишина продолженія моихъ занятій.

Еще въ концѣ прошлаго полугодія я переѣхалъ на другую квартиру. Новая лучше прежней: одна комната, достигаемая посредствомъ многихъ лѣстницъ и корридоровъ, свѣтлая, высокая, отвергающая всю возможность ни посмотрѣть изъ нея на улицу, ни увидѣть что-либо привлекательное, кромѣ лазури небесной — и слава Богу! Образъ жизни моей теперь совершенно пустыннический: пища и достоинствомъ, и цѣною очень близкая къ плодамъ земнымъ и кореньямъ, питіе—вода изъ колодца; на стогнахъ являюсь только идущій въ Университетъ или оттуда, или обѣдать и обратно, зане, для содержанія свѣжести моего тѣла движеніемъ, я утоляю голодъ полдневный въ мѣстѣ отдаленномъ отъ моей обители; меня можно видѣть единственно или на лекціяхъ, или во время означенныхъ пѣшествій: во всякомъ другомъ случаѣ, любопытство ласковаго посѣтителя не переступаетъ за порогъ мой. Работаю какъ-то ревностнѣе, пишу стихи пламеннѣе, — короче сказать, я начинаю походить на народъ французской послѣ знаменитаго политическаго переворота: чистый отъ тиранства, гордый правами человѣчества, веселый новою жизнію и полный силъ на завоеванія блистательныя!

Добродушные Голла[н]дцы говорятъ, что они благо[да]рны Филипу II, ихъ угнетавшему, потому что именно ети угнетенія разбудили ихъ отъ рабства и даровали имъ смѣлость возвратить себѣ всѣ блага свободы. Въ такомъ смыслѣ и я могу сказать искреннюю благодарность прошлому образу моей жизни за теперешній. Но далѣе, къ дѣлу! Вотъ причины долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ. Самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года предъ симъ, мысль пожить ето время съ Нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностію его исполнить и съ пріятными надеждами, взялъ я къ себѣ существо ето, съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1000 р. въ годъ (уроковъ было 4 въ день, лат[инскаго] и нѣмец[каго]). По части учебной до конца и съ начала во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что, кромѣ пользы, мною пріобрѣтаемой отъ моего сожительника, я дѣлаю еще другое доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку, въ етомъ нуждающемуся и етого достойному. Онъ укрѣплялся болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, становился постепенно беспечнѣе о самомъ себѣ и о моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ большаго обращенія, возимѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостію моего имени у купцовъ—

и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и перемѣнить даже собственное мое житье-бытье. Ето можно бы было сдѣлать и прежде, но въ такомъ случаѣ онъ могъ бы обвинять меня въ несдержаніи слова, а на худой и неправой сторонѣ всегда болѣе поборниковъ, нежели противъ. Не нужно говорить, что онъ мнѣ сдѣлалъ много пользы: все-таки и въ етомъ можно бы было обойтись безъ вздора! Это главное отдѣленіе долговъ моихъ; прочія извинительнѣе, благороднѣе, напр. моя двукратная болѣзнь въ продолженіе того времени, нѣкоторые посторонніе уроки, вспоможеніе постоянное, мною оказываемое одному здѣшнему студенту, которой сдѣлаетъ честь рускому имени, какъ филологъ, что при надлежащей разсудительности дѣлъ моихъ и не важно, чѣмъ могу гордиться, и въ чемъ, вѣрно, ты не упрекнешь меня — не такъ ли? Прибавь къ етому еще мое неумѣніе обходиться и съ людьми, и съ деньгами. Не упоминаю о моей библіотекѣ: она мнѣ не оправданіе, не смотря [на] ея значительность и прекрасность. Долги сами по себѣ дѣло негодное, но исторія ихъ наставительна; вселять омерзѣніе ко злу значитъ вселять любовь къ добродѣтели, говоритъ Карамзинъ, а такъ-то ети исторіи на меня дѣйствуютъ. Шутки въ сторону, а въ началѣ текущаго полугодія я имѣлъ время електрически несносное (къ нему причисляю, конечно, и то, когда писалъ я къ тебѣ письмо изъ Тригорскаго), рѣшительно на меня подѣйствовавшее, и отъ сердца желаю, да не наживу впередъ ему подобнаго!

Замѣчу мимоходомъ, что деньги на уплату долговъ нужны мнѣ независимо отъ присылаемыхъ не для сей цѣли: послѣднія имѣютъ предметомъ настоящее, уже хорошее и почтенное, такъ что надѣюсь впредь не заслуживать твоей укоризны ихъ злоупотребленіемъ.

Итакъ, вотъ тебѣ все, что ты хотѣлъ теперь узнать отъ меня. Вонми чистотѣ моей откровенности, полному желанію и стремленію къ лучшему и дѣйствуй, какъ велятъ тебѣ твоя любовь ко мнѣ, моя польза и мое возвращеніе на путь истиный. Прощай покуда. Раскаявшійся и смиренный, обнимаю и цѣлую тебя!

Объ знакомствѣ моемъ съ Пушкинымъ и о пребываніи въ Тригорскомъ я уже писалъ вамъ довольно подробно; могу прибавить только то, что послѣднее мнѣ было такъ пріятно и сладостно, что моя Муза начала уже воспѣвать оное въ образѣ небольшой поэмы, пламенно и торжественно!

Всѣмъ кланяюсь и почтенія прилагаю.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXI.

П. М. Языкову.

1826, Сентября 2. Дерптъ.

На прошлой почтѣ получилъ я письмо отъ брата Александра, гдѣ значится, что онъ отъѣзжаетъ уже на службу и что я съ настоящаго времени къ тебѣ одному, мой почтеннѣйшій и любезнѣйшій, буду относиться съ моими желаніями, коихъ исполненіе единственно изъ Симбирска воспослѣдовать можетъ, съ моими мыслями, кои туда только могутъ быть направлены — по своей мѣстности и соотвѣтственности обстоятельствамъ и тому, и сему, и прочему. До насъ еще не доѣхали милостивые манифесты по случаю царевѣнчанія; говорятъ, что въ нихъ много хорошаго и добраго во всѣхъ смыслахъ; говорятъ даже, что судьба несчастныхъ возмутителей сильно облегчится — дай Богъ! И ето надобно сдѣлать и по человѣчеству, и по политикѣ: первое не даетъ никому права отнимать жизнь у себѣ подобнаго или превращать ее изъ прекрасной въ адскую, а вторая велитъ быть осторожною даже головѣ вѣнценосной и рукѣ, по манію которой судятъ, осуждаютъ, пытаютъ и вѣшаютъ! А нечего сказать: смягченіе наказаній изъ отсѣченія головы въ вѣчную или 20-лѣтнюю, что равно, каторгу напомнило было равномѣрно милосердые поступки императрицы Анны Ивановны. Кромѣ того, кажется, пора увѣриться всякому, что духъ времени не слушаетъ указовъ и всегда пойдетъ своей дорогой и построитъ, что ему надобно! Иродъ можетъ истребить множество людей, заслужить имя, которымъ потомки бранятъ величайшихъ изверговъ, но Христосъ ему недоступенъ: вѣра чистѣйшая и прекрасная освѣтитъ вселенную, и божественное всегда восторжествуетъ. Сравненіе истинно поэтическое! Не правда ли?

Новаго Государя всѣ хвалятъ, особенно Нѣмцы, да и за дѣло: онъ дѣйствуетъ очень благоразумно; кажется, имѣетъ волю крѣпкую и истинное расположеніе къ добру. Можно надѣяться много хорошаго по всѣмъ частямъ государственнымъ; благодаря кого бы то ни было, Россія теперь самое обширнѣйшее поле для улучшеній, преобразованій и ознаменованія души, могучей въ дѣйствіяхъ, опредѣляющихъ судьбу полсвѣта. Дай Богъ Петра: онъ необходимъ тамъ, гдѣ такъ долго безъ него обходились — и какъ обходились! Довольно о политикѣ: предметъ неизтощимый!

Я теперь поживаю, что называется, какъ нельзя лучше; все идетъ благополучно, начиная отъ занятій учебныхъ до покупки молока и сливокъ.

Такъ, мой почтеннѣйшій: самое зло полезно[1]), когда падаетъ на душу, чувствительнную къ прекрасному и высокому! Я даже пишу больше прежняго, собираю новые стихи мои въ особую книгу, отошлю ее къ брату Александру, а онъ уже, что слѣдуетъ, къ вамъ. На слѣдующей почтѣ отправлю къ Н. Ал. подробную и обстоятельную запись о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ, о ходѣ и существѣ здѣшняго воспитанія и вообще обо всемъ, что нужно знать прежде, нежели ѣхать сюда воспитывать дѣтей.

Говорятъ, ты сильно вдался въ хозяйство. Желаю успѣховъ блистательныхъ; конечно, никто изъ нашей братьи рускихъ помѣщиковъ не имѣетъ на нихъ болѣе права, нежели ты. У меня завелась переписка съ Пушкинымъ — дѣло очень любопытное. Дай Богъ только, чтобы земская полиція въ него не вмѣшалась! Хи, хи, хи! Денегъ я получилъ 1000 р. на запрошлой недѣлѣ—поддержка! И благодаренъ вамъ, мои снисходительные братья и путеводители!

Радъ ли Ник. Ильичъ, что его сынъ сдѣлался студентомъ? Скажи ему, ежели хочешь, что онъ благополучно и съ честію началъ свое новое званіе: разборчивъ въ знакомствѣ и вообще не показываетъ охоты къ тому безумному буйству и мелочному волненію умовъ, не знающихъ, чего имъ хочется. Ето много здѣсь, гдѣ почти всѣ увлекаются множествомъ и даютъ себя водить за носъ существамъ, полнымъ пустотою и съ юности привыкшимъ или всё дѣлать, ни о чемъ не думая, или думать о пустякахъ, ничего не дѣлая!

Елисав[етѣ] Петровнѣ цѣлую ручки; всѣмъ кланяюсь и почтенія свидѣтельствую.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXII.

Матери.

Сентября 14. 1826. Дерптъ.

Три дни сряду, за три дни передъ настоящимъ, праздновалась и здѣсь коронація. Много было огня, вензелей, картинъ аллегорическихъ 1, гульбы, шуму и вообще всего, что къ такимъ торжествамъ относится. Само собою разумѣется, что мы, господа студенты, принимали живѣйшее участіе въ етомъ праздникѣ и были всѣ чрезвычайно веселы. Народъ былъ кормимъ и напаиваемъ на щетъ города — очень хорошо и не въ шутку, такъ что двое, слишкомъ торжествовавшіе, положили животы свои за радость о новомъ

1) Въ *П.* полѣзно.

Царѣ. Въ первый день иллюминація была не такъ повсемѣстна и блистательна, какъ въ два другіе; многіе даже изъ богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ особъ поскупились и не освѣтили домовъ своихъ—анъ вышелъ грѣхъ: ночью перваго дня имъ разбили всѣ стекла каменьями, палками, грошами; кое-гдѣ досталось и зеркаламъ и люстрамъ—за то послѣ етой общественной и почтенной справедливости все было освѣщено какъ нельзя лучше, и все успокоилось. Ночь суда была очень занимательна и торжественна; городъ походилъ на крѣпость, въ которую вступилъ безпощадной непріятель: вездѣ крикъ, трескъ, побѣдныя пѣсни, звонъ и брызги стеколъ, грохотъ и обломки ставней! Едва ли гдѣ-нибудь во всей пространной Россіи коронація праздновалась такъ разительно и ясно, какъ у насъ. Какъ было ето въ вашемъ Симбирскѣ?

Братъ Алекс[андръ], видно, все еще въ Москвѣ гоститъ; видно, залюбовался праздниками и, видно, ко мнѣ вовсе не пишетъ, подобно брату Петру, которому на слѣдующей почтѣ пошлю огромное и занимательное посланіе. Теперь мы еще отдыхаемъ отъ пированія, въ слѣдствіе котораго страждемъ головною болью и утомле[ніемъ] всего тѣла, но скоро опять примемся за дѣла учебныя и достохвальныя.

Всѣмъ кланяюсь и всѣхъ цалую.

Писать больше некогда[1]).

Вашъ покорнѣйшій сынъ

Н. Языковъ.

CLXIII.

П. М. Языкову.

Сентября 23, 1826. Дерптъ.

Письмо твое отъ 6 числа текущаго мѣсяца я получилъ и радуюсь, что ты, наконецъ, увѣрился въ непріятности моего теперешняго положенія по части финансовъ; полезное слѣдствіе безпечности о будущемъ и опрометчивости въ настоящемъ, оно, конечно, ко мнѣ не возвратится когда-бы то ни было; теперь я сдѣлался гораздо скромнѣе во всѣхъ отношеніяхъ житейскихъ и живу совершенно довольный собою и независимый, а ето много, а етимъ-то я и обязанъ прошлому безпорядочному ходу моего домашняго быта. Того, что я писалъ тебѣ при первомъ извѣщеніи о моей нуждѣ, достаточно для опредѣленія величины суммы, долженствующей утѣшить моихъ заимодавцевъ: благодарю впередъ!

---

1) Въ *П.* нѣкогда.

Дюкъ писалъ ко мнѣ изъ Москвы; онъ остановился у Свербѣева и съ нимъ вмѣстѣ обозрѣваетъ московскія окрестности. Вотъ новость: Пушкина привезли на казенной щетъ въ Москву, и онъ освобожденъ. Ето хорошо, но вотъ что худо — и чрезвычайно: вышелъ и начинаетъ приводиться въ дѣйствіе новый уставъ о цензурѣ — совершенная инквизиція; а етого никакъ нельзя было ожидать послѣ манифестовъ, въ которыхъ ясно выказывалось желаніе добра во всѣхъ смыслахъ. Кромѣ того, что сей уставъ могъ бы подписать и монархъ Высокой Порты, въ немъ еще обнаруживаются и глупость, и невѣжество, — необыкновенные спутники угнетенія въ нашемъ вѣкѣ, когда все стараются прикрывать личиною благорасположенія къ просвѣщенію и общему благу. Странно и досадно — и несносно!

Я долженъ написать тебѣ что-нибудъ о состояніи ученія въ Дерптѣ — для доставленія свѣденія о семъ важномъ предметѣ Ник. Ал., а чрезъ него и далѣе. Вотъ въ чемъ дѣло: надобно знать цѣль воспитанія дѣтей, для которыхъ меня спрашиваютъ; ежели ихъ хотятъ сдѣлать людьми учеными, а не только образованными въ общемъ смыслѣ, то само собою разумѣется, что здѣшній университетъ самый лучшій изъ рускихъ для етого, а возить за двѣ тысячи верстъ для того, чтобъ дать имъ поверхностное понятіе во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ наукахъ — и незачѣмъ, и не стоитъ издержекъ, какъ бы малы они ни[1]) были. Сверхъ того, для приготовленія къ службѣ военной можно найти даже въ Петербургѣ лучшія заведенія. Въ первомъ случаѣ, всего лучше отдать ихъ жить къ какому-нибудь учителю здѣшней Гимназіи, поручить ему смотрѣть за ними полномочно и никакъ не опредѣлять въ университетъ прежде окончанія сего предъуготовительнаго курса. Здѣшняя Гимназія, можно сказать, процвѣтаетъ: въ ней переводятся изъ класа въ класъ по успѣхамъ въ древнихъ языкахъ, а ето прекрасно и чрезвычайно способствуетъ дальнѣйшему ученію въ Университетѣ, куда очень опасно попасться безъ рѣшительной склонности и постоянной привычки къ занятіямъ: въ противномъ случаѣ, не смотря на всѣ удобства просвѣщенія, здѣсь научаются только тому, чему не надобно учиться. Содержаніе необыкновенно дешево, уроки также: напримѣръ, я платилъ за него и за урокъ каждодневный только 1200 рубл. въ годъ; впрочемъ, ето зависитъ отъ обстоятельствъ и значительности учености лица, у котораго живешь и учишься, хотя разница и не можетъ быть велика. Вообще, жить здѣсь несравненно дешевле, нежели гдѣ бы то ни было въ Россіи; такъ говорятъ всѣ (ихъ, впрочемъ, немного) мнѣ знакомые филистимляне, и очень естест-

1) Въ *П.* не.

венно: нѣмцы не любятъ того, что мы называемъ роскошью; у нихъ своя: бутербротъ, пиво, табакъ кой-какой — и вотъ что они называютъ наслажденіемъ! Фортопьяно, двѣ или три дамы, съ полдюжины кавалеровъ и столько же свѣчей, и вдвое больше чашекъ чаю — ето балъ и пиръ горой! Квартиры тоже недороги, какъ само собою разумѣется изъ небольшаго количества непостоянныхъ жителей и изъ невеликой окружности города. Довольно!

Еще нѣсколько словъ объ нашей иллюминаціи. Въ первой вечеръ оной господа, не освѣтившіе своихъ оконъ, потерпѣли много убытка за таковое неуваженіе къ радости общественной: напримѣръ, у княгини Барклай, имѣющей здѣсь большой, трехъярусной домъ, кромѣ всѣхъ стеколъ, разбито довольно значительное количество зеркалъ, люстръ, вазъ и проч. (она получаетъ пансіона 80 тыс. въ годъ и хотѣла было не праздновать коронаціи) камнями, палками, грошами. Добрая наука впередъ: она же и на другой день оказалась полезною. Во многихъ домахъ тоже совершенно цѣлыми остались одни косяки; забавно было осматривать ето на утро слѣдующаго дня. Въ етотъ то день студенты праздновали торжественно: всѣ собрались на площадь съ музыкой — гобоями, бубнами, литаврами и рогами, виномъ и трубками, составили большой кругъ и танцовали; ето было среди бѣла дня до обѣда и продолжалось часа два; потомъ вся процессія, присовокупивъ къ прежней, инструментальной, музыку свою собственную, вокальную, отправилась по городу, обошла его въ такомъ порядкѣ и благополучно разсѣялась по трактирамъ, гдѣ празднество и пѣсни и пляски продолжались, уже частно, до вечера и бала въ студентскомъ клубѣ. Послѣдній день не былъ уже столь блистателенъ для насъ, утомленныхъ предъидущимъ, и гулянья публичнаго не было, а радость господствовала только въ нашихъ квартирахъ и не въ полной торжественности.

Стиховъ моихъ теперь не посылаю, чтобъ не увеличить до чрезвычайности письма — и то уже огромнаго, и то уже дорогаго!

Прощай покуда. Елисаветѣ Петровнѣ и всѣмъ родственникамъ почтеннымъ мои почтенія и поклоны.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXIV.

А. М. Языкову.

1826, 17 Октября. Дерптъ.

Итакъ, наша переписка пойдетъ добропорядочно, какъ ты видишь изъ чащи моихъ теперешнихъ писемъ и какъ можешь предполагать на бу-

дущее, выводя сіе предположеніе изъ долгаго нашего молчанія другъ передъ другомъ, поелику въ природѣ вообще дѣйствіе сильнѣе послѣ бездѣйствія, здоровье послѣ болѣзни, плодородіе послѣ неурожая, торговля послѣ безторговицы, размноженіе рода человѣческаго послѣ моровой язвы, войны и т. д. до переписки вообще — и наконецъ до нашей.

Скоро получишь ты книгу съ моими стихами — и не чрезъ посредство почты (зане таковая пересылка таковаго рода вещей для меня въ особенности unbequem und unsicher), а съ однимъ прежнимъ моимъ товарищемъ по студентству. Имя, или лучше прозваніе, его Виньи; прими его радушно; кромѣ того, что онъ доставитъ тебѣ всю мою литературу текущаго полугодія, кромѣ того, что онъ можетъ разсказать тебѣ много любопытнаго о празднованіи здѣсь высокой коронаціи Его Императорского Величества, онъ имѣетъ еще и общее право на гостепріимство твое въ смыслѣ человѣка вообще: онъ сиръ въ мірѣ, онъ изгнанникъ изъ Университета; во время вышеупомянутаго праздника, ревностно участвуя въ общей радости и значительно воспламенивъ свою душу крѣпкими напитками, онъ задралъ или, какъ обыкновенно говорятъ, оскорбилъ какую-то даму; та пожаловалась, и такимъ образомъ существо, разительно торжествовавшее во славу новаго императора, изключено изъ числа здѣшнихъ студентовъ на вѣки, принуждено скитаться по вселенной безъ цѣли, безъ плана, куда глаза глядятъ, какъ нѣкогда Карамзинъ по окрестностямъ Московскимъ, и, наконецъ, начать сіе скитаніе съ того мѣста, откуда, полный жизни и, вѣроятно, надеждъ блистательныхъ, оно сюда пріѣхало учиться! Превратность и коловратность судьбы человѣческой — и тѣмъ страннѣйшая и невразумительнѣйшая, что сія жертва ея превратности и коловратности здѣсь въ три почти года ровно ничему не научилась, не смотря на то, что и прежде прибытія сюда тоже ничего ровно не знала въ самомъ обширномъ смыслѣ!

Само собою разумѣется, что ты примешь должныя мѣры противъ посѣщеній етаго новаго знакомаго: онъ едвали не скучнѣе Бюша (ето много!), потому что послѣдній все-таки что-то знаетъ, объ чемъ-то говорить можетъ, а голова перваго — пустыня, не видавшая ни однаго путешественника! Я уже довольно терпѣлъ отъ него по части скуки и особенно терплю теперь; онъ живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ я — и живетъ теперь тайно, ибо долженъ оставить Дерптъ по приказанію полиціи: слѣдствіе етаго — то, что онъ чаще меня посѣщаетъ, мѣшаетъ мнѣ и надоѣдаетъ до смерти, не смотря на особенное стараніе мое быть рѣже дома, именно имъ возбужденное. Впрочемъ, дней чер[ез]ъ пять онъ уѣдетъ, и я возблагодарю моего Создателя!

Я хотѣлъ было, въ видѣ привѣта, купить для тебя Тацита на нѣмецкомъ, но раздумалъ — и вотъ почему: переводъ (который ты имѣешь) Дюро Де-Ла-Маля очень вѣренъ и, кажется, достаточенъ дать истинное понятіе о семъ великомъ живописцѣ; я читаю теперь его Германію, при чемъ и замѣтилъ вышесказанное; напротивъ, тотъ переводъ, который у меня есть, Панкука, гораздо хуже: только и любопытнаго въ немъ, что примѣчанія. Въ замѣну же онаго преднамѣреваемаго привѣта in natura, ты получишь всего Бейрона по франц[узски] — изданіе хорошее и достойное моего желанія добропорядочно соотвѣтствовать твоему требованію. Вмѣстѣ съ Бейрономъ я пришлю тебѣ еще нѣкоторыя книги, нынѣ уже здѣсь ненужныя. Новое сочиненіе Еверса о древнѣйшемъ Рускомъ правѣ имѣю — и читаю теперь, а послѣ доставлю тебѣ: вещь важная и höchst intere[s]sant! Мнѣ надобно его хорошенько прочесть уже и для того, что намѣреваюсь на дняхъ приступить къ исполненію моего давнишняго предначертанія — стиховно-драмматической повѣсти, которой дѣйствіе принадлежитъ ко временамъ, оной книгою разсматриваемымъ. Объ етомъ подробнѣе послѣ. Арсеньева Исторіи Греціи первую часть ты получишь вмѣстѣ съ прочими книгами, о коихъ говорено на прошлой страницѣ[1]); она очень хороша вообще; я же не читалъ на нѣм[ецкомъ] ни одной столько подробной, а у насъ она рѣдкость и подвигъ знаменитой!

Сдѣлай милость, пришли мнѣ, если можешь достать, писемъ казненныхъ и въ Сибирь отправленныхъ нещастныхъ: ето любопытно и въ политическомъ, и въ психологическомъ отношеніи; я имѣю только два изъ нихъ—Рылѣева къ женѣ и Якубовича къ отцу. Нынѣшнее полугодіе достопамятно мнѣ и тѣмъ, что я началъ учиться по Англински. Языкъ чрезвычайно легкій; кое-что уже понимаю, и если бы мнѣ можно было посвятить ему достаточное количество времени, то, напримѣръ, черезъ годъ выучился бы ему лихо!

Весь твой Н. Языковъ.

CLXV.

А. М. Языкову.

29 Октября [1826. Дерптъ].

Вотъ тебѣ Г. Виньи; онъ ѣдетъ отсюда, какъ видишь, позже, нежели обѣщался, и ѣдетъ что называется на долгихъ. Прими, обласкай и угости его въ мое воспоминаніе! Съ нимъ посылается и обѣщанная тетрадь; она

1) Т. е. даннаго письма, гдѣ упомянуты были сочиненія Тацита, Байрона и Эверса.

можетъ пробыть у тебя или недолго, или хоть вѣкъ — твоя воля! Въ первомъ случаѣ буду продолжать переписывать въ нее дальнѣйшія мои призведенія; въ послѣднемъ ты можешь имѣть удовольствіе избавить меня отъ таковаго труда непоэтическаго. Замѣчу мимоходомъ, что въ оной тетради нѣтъ почти ничего достопочтенного въ смыслѣ Парнаскомъ; впрочемъ, и многочисленность стиховъ, написанныхъ въ короткое время, какъ можно видѣть изъ помѣтки численной, не доказываетъ ли уже мою теперешнюю готовность, при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, приняться за дѣло торжественное?

Бейрона я уже получилъ изъ книж[ной] лавки; отправилъ бы его и теперь, но М[арія] Дир[ина] что-то изъ него не читала, вытребовала у меня его на недѣлю, и, такимъ образомъ, онъ поѣдетъ нѣсколькими днями позже настоящаго отправленія. Арсеньевъ вошелъ въ тотъ же кругъ. Съ Бейрономъ пришлю и Еверса Das älteste Recht der Russen — книга почтенная и достославная; ты прочтешь ее съ большимъ удовольствіемъ; жаль, что она вышла не прежде Исторіи Карамзина.

Первые два или почти три мѣсяца сего полугодія я занимался много, постоянно, и, слѣдственно, мое тѣло съ утра до ночи наслаждалось состояніемъ недвижимости; все ето хорошо въ нѣкоторомъ смыслѣ, но вотъ что худо: отъ етой сидячей жизни, сильно противорѣчащей моему полнокровію, произошло слѣдствіе очень непріятное и самое скучное: у меня начала болѣть голова необыкновенно сильно и необыкновенно вообще; вдругъ сдѣлается такой ломъ въ етомъ мѣстопребываніи мыслей и всего духовного человѣка нестерпимый, что я почти падаю; черезъ нѣсколько мгновеній все проходитъ и черезъ часъ или два опять возвращается — ето несносно! Для противудѣйствія сему недугу мучительному мнѣ предписано ходить какъ можно больше (прошлое полугодіе я учился рубиться — ето лучше всякого пѣшеходства двигаетъ тѣло — и жилъ полный здравія); таковое хожденіе, при кото[ро]мъ не должно быть обращаемо ни малѣйшаго вниманія на погоду — ступай да ступай, — отнимаетъ у меня часа три, и самыхъ лучшихъ — нельзя же ходить въ темнотѣ —, въ сутки вовсе и, сверхъ того, утомляетъ тѣло мое на остальное время и дѣлаетъ, такимъ образомъ, меня духовного неспособнымъ дѣйствовать, какъ бы хотѣлось. Вотъ уже три недѣли, какъ продолжаются постоянно мои пѣшешествія — и, кажется, помогаютъ, слава Богу! Каково, мой почтеннѣйшій? Видишь ли, какъ я постоянъ даже въ дѣлѣ самомъ непріятномъ, но полезномъ? Всё пройдетъ: что пройдетъ, то будетъ мило!

Ты, видно, сносишься съ Аладьинымъ: вотъ тебѣ отъ меня порученіе

по его части. Еще въ прошломъ полугодіи послалъ я черезъ Вл. Княж[евича] три пьесы для доставленія въ Благонамѣренный; Изм[айловъ], кажется, ихъ не напечаталъ, и почему — не знаю, ибо въ нихъ ничего нѣтъ непропускнаго: въ слѣдствіе етаго и благословляю Г-на Аладьина вытребовать ихъ отъ Изм[айлова] или Княж[евича] и располагать ими по своему благоусмотрѣнію.

Бергъ давно здѣсь; онъ доставилъ мнѣ твою посылку и письмо: благодарю за ту и за другое. Глинкины Свящ[енныя] Ст[ихотворенія] я имѣлъ еще прежде, по усердію ко мнѣ издателя Н[евскаго] А[льманаха], и получишь ихъ обратно. Я постараюсь покороче познакомиться съ Бергомъ: онъ, кажется, знатной малой; жаль, что я до сихъ поръ не успѣлъ етого сдѣлать: причиною моя обыкновенная неповоротливость при начинаніи знакомствъ или, лучше сказать, справедливое чувствованіе своей негладкости въ обращеніи свѣтскомъ.

Объ моемъ екзаменѣ получишь, при первой возможности съ моей стороны, подробное увѣдомленіе; оно — дѣло важное и стоитъ особенного письма, особенного предварительного обсужденія, какъ брата.

Прощай!

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся Комовскому, Бахтину, Гофману, В[асилію] А[фанасьевичу] и вообще всему кругу нашего столичнаго знакомства.

CLXVI.

А. М. Языкову.

1826, Ноября 3. Дерптъ.

Извини, что я давно не писалъ къ тебѣ, почтеннѣйшій! Этому причиною (если ты и въ маловажныхъ дѣлахъ не любишь дѣйствія безъ причины) непостоянное назначеніе времени отъѣзда того существа, съ которымъ получишь мою давно обѣщанную книгу. Не суди строго стиховъ, въ ней находящихся: это мечты, элегіи, бездѣлки—и только, и только одна откровенность моя, можетъ быть—даже вредная мнѣнію обо мнѣ, побудила меня доставить тебѣ все, что дѣлала моя Муза въ продолженіе прошлыхъ двухъ мѣсяцовъ.

Вотъ тебѣ нѣчто и все, что теперь могу сказать о моемъ экзаменѣ. Въ началѣ сего полугодія я сталъ было кое-чѣмъ заниматься и плотно для сего важного предпріятія (стихи не мѣшали: они были отдохновеніемъ, иначе—я написалъ бы и больше, и торжественнѣе), но послѣ этаго непрестанного

сидѣнія и напряженія всѣхъ способностей умственныхъ голова моя стала болѣть несносно, такъ что цѣлый мѣсяцъ, безъ хвастовства сказать, я ходилъ какъ угорѣлой; для отвращенія дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій сего недуга предписано мнѣ многохожденіе, отнимающее у меня большую и лучшую часть времени и принудившее меня отложить рѣшительное занятіе до разгулки головы, до будущаго полугодія. Между тѣмъ — да не пропадетъ ето время даромъ для главного божества моего, для Музы — я обращусь преимущественно къ ея величеству съ новою просьбою о пагражденіи меня орденомъ ея почетнаго легіона. Замѣчу мимоходомъ, что послѣ выхода въ свѣтъ нов[аго] Устава о Цензурѣ даже приготовленіе къ экзамену сдѣлалось гораздо труднѣе прежняго: изъ здѣшней библіотеки нельзя получить ни одной порядочной книги ни по исторіи, ни по наукамъ политическимъ вообще; всѣ таковыя запрещены до крайности, должно будетъ ограничиться однѣми тетрадями профессоровъ, а можно рѣшительно сказать, что покойной профессоръ наукъ камеральныхъ былъ человѣкъ, отставшій въ нихъ отъ настоящей степени просвѣщенія по крайней мѣрѣ на полвѣка. Таковое приготовленіе будетъ чрезвычайно сухо, безсовѣстно и Богъ знаетъ на что похоже. Въ Москвѣ преподаютъ исторію по Шренку! Министръ просвѣщ[енія] женился! Государь сказалъ Пушкину, чтобъ онъ писалъ больше, зане онъ самъ его цензоръ! Лѣтъ за пятьдесятъ въ Россіи продажа соли принадлежала изключительно одному графу Шувалову! Какіе великіе предметы для разсужденій, какая пышная игра фантазіи! Какіе mores и tempora!

Слышно, скоро выдетъ 12 томъ Исторіи Карамз[ина] и за нимъ Алфавитъ къ оной; купи его, братъ; у меня только девять — купи и X и XI, и пришли мнѣ вовремя 12: тѣ я знаю.

Вотъ еще что: ежели хочешь споспѣшествовать сочиненію грамматики греч. языка, коимъ теперь занимается одинъ мой почтенный товарищъ — и, вѣрно, сдѣлаетъ хорошо, — то доставь мнѣ Добровскаго Institutiones Linguae Slawonicae: безъ етой книги незьзя обойтись въ такомъ важномъ предпріятіи.

Здѣсь носятся слухи, что Пушкинъ пріѣдетъ скоро въ Петерб[ургъ]. Сдѣлай милость, познакомься съ нимъ: етимъ благословеннымъ поступкомъ ты меня сильно удовольствуешь и, сверхъ етого, можешь получить отъ [него] понятіе о моемъ съ нимъ знакомствѣ, котораго главныя черты такъ разительно изъяснены въ моемъ къ нему посланіи.

Вчера былъ здѣсь общій праздникъ студентовъ въ клубѣ. Я присутствовалъ на немъ, но — какъ перемѣнчиво все подъ луною! — онъ мнѣ ни чуть

не понравился. Два года тому назадъ я былъ въ тотъ самый день и въ етомъ самомъ обществѣ мертвецки веселъ, а теперь возвратился оттуда совершенно спокойный и самостоятельный: ясное доказательство благодѣтельной перемѣны моего поведенія вообще и пользы опыта въ особенности!

Бейронъ скоро поѣдетъ тоже съ фурманомъ. Кланяйся всѣмъ почтеннѣйшимъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Что Амплій ко мнѣ не пишетъ? Не смотря на долгое наше взаимное молчаніе, онъ все-таки долженъ мнѣ одинъ отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на мое письмо, которое онъ получилъ, какъ явствуетъ изъ намѣренія его отложить изданіе Альманаха до Св[ятой] Н[едѣли]. Какъ называется Альманахъ Бахтина и въ какомъ родѣ?

CLXVII.

А. М. Языкову.

[1826, Августъ—Ноябрь. Дерптъ].

Тригорское.

(Посвящ. П. А. О[сипов]ой).

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
Сыны воинственныхъ Славянъ,
Гдѣ сладкимъ именемъ гражданъ
Они другъ друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
Въ странѣ, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа высокая водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ толпы густыя,
Да уничтожитъ Псковитянъ,
Да ниспровергнется Россія!
Но ты, къ отечеству любовь,

Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась: кровь за кровь —
И онъ не праздновалъ побѣды!
Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу русскому донынѣ
Краснорѣчиво говорятъ
То стѣнъ полуразбитыхъ рядъ
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій древній храмъ
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленѣющимъ брегамъ.
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно, между горъ,
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой,—
Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоитъ;
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Бѣлѣется веселый домъ,
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

☼

Пріютъ свободнаго поэта,
Не побѣжденнаго судьбой!
Благоговѣю предъ тобой,
И, даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь, и слава,
Мои стихи — тебѣ привѣтъ!

☼

Какъ сна отрадныя видѣнья,
Какъ утро пышное весны,

Волшебны, свѣжи наслажденья
На вѣрномъ лонѣ тишины,
Когда душѣ, не утомленной
Житейскихъ бременемъ трудовъ
Доступенъ жертвенникъ священной
Богинь кастальскихъ береговъ,
Когда родимая природа
Ее лелѣетъ и хранитъ
И ей, роскошная, даритъ
Все, чѣмъ возвышенна свобода.

Душѣ плѣнительна моей
Такая райская година:
Камена пламеннаго сына
Она утѣшила; объ ней
Воспоминаніе живое
И нынѣ радуетъ меня.
Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
За миловидною денницей,
Шаромъ возходитъ огневымъ
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ, и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана,
Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.

Тогда одинъ, восторга полный,
Горы прибережной съ высотъ,
Я озиралъ сей неба сводъ
Великолѣпный и безмолвный,

Сіи круги и ленты водъ,
Сіи ликующія нивы,
Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый
По золотистымъ полосамъ;
Скирды желтѣлись, тамъ и тамъ
Жнецы къ товарищамъ взывали,
И на дорогѣ, вдалекѣ,
Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
Стада пылили и блѣяли.

Бывало, солнце безъ лучей
Стоитъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,
Тяжелый воздухъ полонъ жара,
Вода чуть движется; надъ ней
Склонилась томными вѣтвями
Деревъ безжизненная сѣнь;
Тамъ въ полѣ жатвы, межъ скирдами,
Невольная почіетъ лѣнь,
И кони спутанные бродятъ,
И псы валяются; молчатъ
Село и холмы; душенъ садъ,
И птицы пѣсенъ не заводятъ.

Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленой,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи,
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежды прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя,
И бухъ! блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!

Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,
И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.

Что возхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искуства!
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ,
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ!
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера,
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ мягкомъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ,
Или въ тиши благословенной
Жилища грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенной;
Въ часы, какъ сладостныя тамъ
Дары Евтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты гибкіе мелькали

По очарованнымъ ладамъ,
Съ нихъ звуки стройно подымались
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ
Они свивались, развивались,
И сердце чувствовало ихъ!

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса, надъ водами,
Волнообразными рядами,
Длиннѣетъ сумрачная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ,
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Щитая бревны колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой,
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ.... Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія облачныя волны;
Вонъ разступились, вонъ сошлись,
Вонъ грозно-тихія слились
Въ одну громаду непогоды,
И на лазоревыя своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.

Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней разкидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ мощныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною разтянетъ.

☼

Тьма потопила небеса,
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ, и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ по тучамъ бурнымъ
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ,
Все ясно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озёръ,
Села и брега, и долины!
Вдругъ — тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.

☼

Но завтра, въ пышной тишинѣ,
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное
Возставить утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

☼

Придутъ ли дни, увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты,
Во имя Музъ, благославляю
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты!

☼

Какъ сладко узнику младому,
Покинувъ тьму и грузъ цѣпей,
Взглянуть на день, на блескъ зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухомъ полей!
Какъ утѣшительно поэту
Отъ міра хладной суеты,—
Гдѣ многочисленныя въ лету
Бѣгутъ надежды и мечты,
Гдѣ въ сердцѣ, Музою любимомъ,
Порой, какъ пламени струя,
Густымъ задавленная дымомъ,
Страстей при шумѣ нестерпимомъ,
Слабѣютъ силы бытія —
Въ прекрасный міръ, въ сады природы
Себя свободнаго укрыть
И вдругъ, и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

Н. Языковъ.

Доставь эти стихи Бахтину: ты, вѣрно, знаешь, что онъ издаетъ Альманахъ на 1827 годъ; я обѣщался способствовать, сколько могу, етому благому предпріятію — и исполняю мое обѣщаніе въ полномъ смыслѣ. Текущее полугодіе необыкновенно плодоносно мнѣ по части Музъ, въ слѣдствіе чего приготовленіе къ екзамену — постоянное, ненарушимое — начнется съ началомъ будущаго года: занятію самое благопріятное время — утро, а извѣстно, что Aurora Musis amica, итакъ и проч. Подробнѣе поговоримъ обо всемъ етомъ въ слѣдующемъ письмѣ моемъ. У меня еще много

новыхъ стиховъ; они всѣ переписаны мною въ книгу, которую и пришлю тебѣ при первой возможности. Кланяйся всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ.

Весь твой Н. Языковъ.

Поздравляю тебя съ пріѣздомъ. Гдѣ и какъ ты поживаешь?

CLXVIII.

А. М. Языкову.

10 Ноября. 1826. Дерптъ.

Письмо твое отъ 6 текущаго мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить и благодарю за всѣ извѣстія, тобою мнѣ въ немъ сообщаемыя.

Жалѣю, что предпріятіе Бахтина издать Альманахъ не исполняется; можно было надѣяться, что оный будетъ хорошъ и дѣленъ вообще. Стихи, мною ему предложенные, употреби какъ хочешь; впрочемъ, нельзя ли ихъ отдать Булгарину? Мнѣ, ей Богу, совѣстно, что уже другой годъ получаю журналы его и ровно ничего не доставлялъ въ нихъ: распорядись тако (sic), ежели ето не встрѣтитъ препятствія въ твоемъ собственномъ желаніи — твоя воля! Словъ Катенина о моихъ стихахъ и я, подобно тебѣ, не понимаю, при полной охотѣ понять ихъ; мнѣ темны и неопредѣленная оригинальность, и удаленіе отъ романтизма, котораго, вѣрно, никто, кромѣ К[атенина], не замѣтилъ въ той пьесѣ, хотя всякой по своему его опредѣляетъ и находитъ!

Я вчера видѣлъ г. Берха; онъ сегодня ѣдетъ; со времени своего пріѣзда сюда находился въ отсутствіи — итакъ, мнѣ было невозможно съ нимъ, что называется, плотно познакомиться; оставляю исполненіе етой надежды до времени будущаго.

Ты, конечно, уже получилъ нѣсколько книгъ незначительныхъ и книгу стиховъ моихъ съ Гн. Виньи: не правда ли, что въ ней нѣтъ ничего торжественного, важного, идеальнаго и вообще ничего, кромѣ отданного Аладьину, достойного печати и похвалы естетической? Но чтеніе стиховъ моихъ все-таки любезно тебѣ, какъ путешествіе человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные! Замѣтилъ ли ты въ 132 № Сѣвер[ной] Пчелы замѣчаніе Булгар[ина] объ ошибкѣ Пушкина въ смыслѣ слова филистеръ? Булгаринъ, видно, не знаетъ происхожденія етаго названія всѣхъ не-студентовъ, хотя

правъ въ своемъ замѣчаніи: филистеръ по руски — не филистеръ, а филистимлянинъ! Какъ попалъ Амплій въ правителя дѣлъ Петерб[ургскаго] универс[итетскаго] Совѣта? и какъ онъ тамъ свирѣпствуетъ? Я съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода Гречевой Руск[ой] Грамматики; она, конечно, вполнѣ удовлетворитъ моему почтенному ожиданію; а теперь, ей Богу, срамъ на Руси по етой части: ровно не по чему учить и учиться граматѣ. Кстатѣ: что побуждаетъ Амплія, достопочтенного литтератора и любовника, переводить такія мелочи, каково, напр., Путеш[ествіе] по комнатѣ Местра? Лучше было бы приняться и пора приняться за что-нибудь поважнѣе и подостославнѣе: онъ вѣдь уже довольно набилъ руку для чистоты слога и, помнится, еще въ прошломъ году заслужилъ нелицепріятную похвалу своему слогу отъ Греча, знатока въ етомъ случаѣ, а теперь, вѣроятно, и болѣе навострился. Чтожъ онъ? и чтожъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Не слыхать ли чего доброго объ новой цензурѣ? Новый уставъ ея такъ несообразенъ съ духомъ царствованія Николая, что я о сю пору не вѣрю его дѣйствительности!

Не помню, чѣмъ встревожилъ я Маминьку въ моихъ письмахъ; впрочемъ, ты самъ знаешь, какъ я остороженъ въ етомъ родѣ моей литтературы, — развѣ проговорился нечаянно, неумышленно, увлеченный предметомъ письма, важностію дѣла и такъ далѣе. Обѣщаюсь впередъ сохранять всевозможное хладнокровіе въ сношеніяхъ моихъ съ Симб[ирскомъ], откуда, замѣчу мимоходомъ и нехладнокровно, я уже болѣе мѣсяца не имѣю ни слова и дѣла.

Въ слѣдующихъ письмахъ напишу тебѣ много важного о моихъ приготовленіяхъ къ екзамену, о нѣкоторыхъ неожиданныхъ препятствіяхъ, онымъ повстрѣчавшихся отъ меня независимо, наконецъ — о планѣ моей будущей жизни вообще; теперь я что-то не въ духѣ.

Весь твой Н. Языковъ.

Что дѣлаетъ В[асилій] А[фанасьевичъ]? Гдѣ С. М. Сем[еновъ]? Объ немъ съ годъ любопытно знать, и ничего не знаю. Отвѣчай, какъ можешь: поѣдетъ ли Государь нынѣшнимъ годомъ въ Варшаву? гдѣ ты служить будешь послѣ отставки П[етра] А[ндреевича]? Что дѣлаетъ нашъ Петръ Симбирскій?

Кланяюсь Амплію и проч. и проч.

CLXIX.

А. М. Языкову.

18 Ноября, 1826. Дерптъ.

Я получилъ письмо твое отъ 12 текущаго мѣсяца, и благодарю тебя за гостепріимство, оказанное твоею особою человѣку, доставившему тебѣ книгу стиховъ моихъ. Не знаю, съ чего надѣялся ты получить отъ меня толстую, наполненную моими стихами книгу: неужели я когда-нибудь писалъ къ тебѣ подобныя симъ выраженія по етой части моей литтературы? Да и при самой возможности таковыхъ обѣщаній пышныхъ, не слѣдовало ли бы тебѣ догадаться, что въ нихъ есть большая примѣсь поэтическаго самолюбія, которому нравится многое, что другіе почитаютъ ничтожнымъ? Что ни говори, а я въ два первые мѣсяца текущаго полугодія все-таки написалъ болѣе стиховъ, нежели въ какой-либо годъ моего здѣсь пребыванія, и, сверхъ того, мои учебныя занятія шли тогда какъ нельзя лучше. Отъ таковой-то именно сидячей жизни и произошли головныя боли существу моему; теперь, слава Богу, это зло значительно уменьшается, и скоро все пойдетъ какъ должно: я разгулялся понемногу!

Бейронъ поѣхалъ не съ Бергомъ, которому нельзя было взять съ собою такое количество книгъ, а съ Фурманомъ — и съ тѣмъ, который нѣкогда сообщилъ тебѣ различныя свѣденія и моемъ житьѣ-бытьѣ въ Дерптѣ, называя меня высокоумнымъ. 3 пьески, какъ ты пишешь, уже напечатанныя въ Благон[амѣренномъ], можно все-таки отдать въ Н[евскій] А[льманахъ]: Благонамѣреннаго никто не читаетъ, а въ Н. А. будетъ больше моихъ стиховъ — и имъ пріятно имѣть у себя ихъ печатные!

Съ Симбирск[омъ] у меня давно почти нѣтъ никакихъ связей; отъ-туда не получаю ничего и не пишу туда, потому что на почту писемъ не принимаютъ въ долгъ. Ты говоришь, что ты понялъ, чѣмъ я встревожилъ маминьку: мѣтишь на стихи. Нѣтъ, почтеннѣйшій: изъ всего, что вписано въ Альбомъ, въ Симбирскъ не послано ни крохи. Не то! а что — не знаю.

Ты справедливо замѣчаешь, что въ моемъ гардеробѣ не замѣчено шубы. Я могу прибав[ит]ь, что въ немъ теперь свирѣпствуютъ величайшая простота — первое условіе красоты — и разнообразіе развѣ въ единствѣ, и я благодарю Бога, что здѣсь можно ходить даже на лекціи одѣтому на живую нитку! Пріѣхать къ тебѣ мнѣ будетъ очень пріятно и сладостно. О прочемъ послѣ: я угорѣлъ и въ насмор[к]ѣ!

Весь твой Н. Языковъ.

CLXX.

А. М. Языкову.

28 Ноября, 1826. Дерптъ.

Письмо твое отъ 19 сего мѣсяца я получилъ и отвѣчаю на него теперь только: «поздно, почтеннѣйшій», можешь сказать ты, и будешь правъ въ етомъ случаѣ, да и я не виноватъ — таковы обстоятельства, vanitas vanitatum и проч.

Поздравь отъ моего имени Киселева съ коллеж[скимъ] ассе[со]рствомъ. Итакъ, персидскій походъ его полезенъ хотя въ частности — и того довольно для нашей братьи наблюдателей всего міра политическаго! Ужъ коли дѣло пошло о службѣ гражданской, такъ спрашиваю и тебя, другъ мой: какъ идетъ твоя, куда пойдетъ, чего надѣешься и вообще какъ думаешь о твоей жизни въ пользу отечества, слѣдст[венно] человѣчества, и прочаго? Ты, помнится, писалъ мнѣ, что П[етръ] А[ндреевичъ] выходитъ въ отставку — чтожъ? Когда, почему и съ какими чувствами сердца? Всѣ ети вопросы или, лучше, отвѣты на всѣ ети вопросы чрезвычайно любопытны, занимательны существу мыслящему. Отвѣчай.

Вотъ тебѣ новость по части руской литтературы въ Дерптѣ. Въ день возшествія на престолъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя нашего Императора Николая Павловича, въ здѣшней университетской залѣ говорилъ Профессоръ Перевощиковъ рѣчь, слѣдственно по-руски, слѣдственно имѣя передъ собою несравненно бо́льшее число зрителей, нежели слушателей, и доказывалъ очень сильно, понятно и учено, что все то, что хорошо — хорошо! Ета рѣчь будетъ напечатана; я пришлю ее тебѣ, да познаешь краснорѣчіе нашего оратора и да подивишься его анахроническимъ мнѣніямъ о предметахъ, давно обсуженныхъ вполнѣ, умами не ему чета, и проч. и проч.

Пушкинъ возвратился въ свою деревню; онъ писалъ мнѣ разъ оттуда и обѣщаетъ еще написать много о Москвѣ; хочетъ напечатать Годунова, говоря, что Царь освободилъ его отъ цензуры. Честь и слава Гнѣдичу; день выхода въ свѣтъ его Иліады можно праздновать, какъ ето дѣлалось въ Германіи во имя Фосса. Не слыхать ли, когда придетъ етотъ день? и не продолжитъ ли Гнѣдичъ переводить далѣе Гомера? Вѣдь, кажется, были слухи, что Крыловъ переводитъ Одиссею. Справься: ето важно и достолюбопытно!

Тикъ и Шлегель издали совокупно свои переводы Шекспира: не имѣешь ли ты желанія возымѣть ихъ? Или снесись со мною по сей части.

Кстати: что есть у тебя Герена и Пölица? Ето мнѣ нужно знать, да не куплю книгъ, находящихся въ твоей библіотекѣ, зане моя назначается соединиться съ твоею и составятъ одно прекрасное, торжественное цѣлое! Какъ же ты думаешь о моемъ пріѣздѣ къ тебѣ зимою? Онъ вполнѣ отъ тебя зависитъ. Едвали я возмогу что-нибудь даже состихотворствовать въ текущее время текущаго полугодія. Ети проклятыя прогулки volens-nolens, запрещеніе употреблять въ пищу все питательное, въ питье все крѣпкое, наконецъ — и то, и то, что̀ называется худыми обстоятельствами, да сверхъ того или изъ того слѣдующее, вялое, несамостоятельное, почти недвижимое расположеніе духа — все ето вмѣстѣ лишаетъ меня всякой надежды жертвовать богинѣ пѣснопѣній, любящей покой, сытность и беззаботность въ своихъ обожателяхъ, любящей даже довольно возвышенную температуру не только въ головѣ ихъ, но и кругомъ ихъ тѣлеснаго состава.

Погода же въ моемъ жилищѣ такова,
Что видны въ воздухѣ вѣщаемы слова!

Прощай до слѣдующей почты. О важномъ до завтра.

Весь твой Н. Языковъ.

Благодарю за стихи Погожева: кто ета Дульцинея?

CLXXI.

А. М. Языкову.

5 Декабря, 1826. Дерптъ.

Благодарю тебя за весь припасъ для зимняго путешествія, посланный ко мнѣ съ фурманомъ Д[анненбергомъ?]. Надѣюсь скоро получить ето необходимое условіе скоро имѣющей воспослѣдовать моей поѣздки.

Ты справедливо радуеш[ь]ся о постановленіи Блудова въ товарищи М[инистра] Пр[освѣщенія]. Онъ, говорятъ, человѣкъ необыкновенно умный, просвѣщенный — слѣдственно, будетъ смотрѣть на вещи не сквозь тусклое стекло предразсужденія и не сквозь пары духа нашего времени. Впрочемъ, что значитъ товарищъ М[инистра] Пр[освѣщенія]? въ чемъ его должность? И такъ далѣе.

Зачѣмъ тебѣ Якоба Grundsätze der National-Oekonomie? Я ее имѣю и если дѣло спѣшное, пожалуй привезу съ собой, а купить невозможно:

книгопродавецъ сказываетъ, что онъ уже нѣсколько разъ пробовалъ выписывать ее изъ Риги — но и тамъ нѣтъ.

Я получилъ Невѣсту Абидосскую дарообразно отъ Аладьина. Правда, что въ ней много и очень много стиховъ вялыхъ, выраженій прозаическихъ; особенно то и другое имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ требуется лиризма; Козловъ вовсе не лирикъ, за то вездѣ, гдѣ говоритъ чувство, онъ стихотворствуетъ правильнѣе, глаже и сильно. Посвященіе очень хорошо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и было бы еще лучше, еслибъ сочинитель не такъ часто склонялъ мѣстоименія: ты, твой, твоя и проч.

Я давно собирался написать тебѣ мое мнѣніе о моемъ будущемъ пути гражданскомъ; лучше оставить етотъ предметъ важный, многослѣдственный, требующій преній или разсмотрѣнія съ разныхъ сторонъ до моего пріѣзда: тогда поговоримъ на просторѣ, у бездѣлья, съ душой и сердцемъ на устахъ.

Съ Симбирс[комъ] я не имѣю уже давно письменнаго сообщенія; причину ты знаешь изъ моихъ къ тебѣ писемъ. Мои финансовыя обстоятельства находятся въ смутѣ или, лучше сказать, стоятъ по прежнему; Петръ совершенно молчитъ по сей части, хотя и обѣщался что-то сдѣлать. Отъ нечего дѣлать въ етомъ случаѣ, я предполагаю даже, что великодушное путешествіе Ел[изаветы] П[етровны] въ Петербургъ, на которое, какъ само собою явствуетъ, нужны деньги, останавливаетъ исполненіе желанія прив[е]сти въ порядокъ мой бытъ житейской со стороны брата Петра. Да будетъ его святая воля! Къ статѣ: итакъ, нынѣшнею зимою мы всѣ трое будемъ вмѣстѣ; это любопытно неожиданностію и вообще, не говоря уже о удовольствіи семейственномъ, имѣющемъ освятиться въ етомъ случаѣ, и справедливымъ, похвальнымъ сознаніемъ добледушія Ел[изаветы] Петровны, истинно Долгоруковского! Базиль точно вмѣшался не въ свое дѣло; другихъ могли завлечь въ крамолу или пылкость характера, или сила честолюбія, а у него ни того, ни другаго; его нельзя даже причислить къ людямъ, которыхъ обстоятельства принуждаютъ желать каши гражданской. Впрочемъ, онъ доброй малой, въ полномъ смыслѣ слова; мнѣ его истинно жаль, особливо для Елис[аветы] Петровны, которая находитъ въ немъ чрезвычайно много хорошаго, что-то изъ временъ вѣка золотаго, что-то идеальное, не наше вообще что-то!

У меня нѣтъ ничего новаго стиховнаго; можетъ быть, еще что-нибудь явится къ концу текущаго полугодія. Моя Муза дѣйствуетъ запоемъ; на нее сильно дѣйствуютъ обстоятельства самыя мелочныя, напримѣръ погода, недостатки по части домашняго быта; слава Богу, то и другое прошло—

благодаря упругости ума человѣческаго, котораго изобрѣтательность сильнѣе и рѣшительнѣе въ часы опасности или нуждъ. Головныя боли мои тоже усмиряются: что-то пью кислое, хожу по прежнему, недавнему, много, сплю мало и вообще веду себя благопристойно во всѣхъ смыслахъ.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Что подѣлываетъ Амплій? Видно, въ любвѣ пребываетъ, что меня вовсе забылъ — и давно! Кланяйся всѣмъ, обо мнѣ вспоминающимъ!

CLXXII.

А. М. Языкову.

19 Декабря, 1826. Дерптъ.

Мнѣ очень, очень непріятно писать къ тебѣ, что я не могу видѣться съ тобою нынѣшнюю зиму: неполученіе никакого извѣстія изъ Симбирска по части уплаты долговъ моихъ и вообще неполученіе денегъ съ Августа мѣсяца, и до коихъ поръ впередъ — неизвѣстно, и всѣ разнообразно неудовольственныя слѣдствія таковыхъ обстоятельствъ принуждаютъ меня противъ души, сердца и обычая провести праздники здѣсь — въ первый разъ въ мое званіе студентское. Ежели бы ты и прислалъ мнѣ денегъ на дорогу, какъ великодушно вызываешься, все-таки я не могу ими воспользоваться сообразно ихъ назначенію: обѣщаніе брата Петра исправить мои финансы сегодняшнею, давнопрошедшею, осенью побудило и меня очень естественно, но, видно, невпопадъ утѣшить моихъ заимодавцевъ и довѣрителей надеждою хоть сколько-нибудь уменьшить причину ихъ на меня неудовольствія въ концѣ изтекающаго полугодія, но не тутъ то было! Было бы неприлично и даже безсовѣстно мнѣ самому уѣхать отсюда теперь, когда всякой имѣетъ полное право думать, что уѣду навсегда и что я обѣщалъ имъ заплатить еще въ семъ году — только да успокоятся. Мы можемъ отложить наше свиданіе, напримѣръ, до Свя[той] Недѣл[и]: тогда я пріѣду нѣсколько освѣжиться отъ приготовленія къ екзамену, которое начнется, въ полномъ рѣшительномъ смыслѣ слова, съ слѣдующимъ полугодіемъ и, конечно, пойдетъ скоро и благоторжественно, предполагая, что мои головные боли къ тому времени усмирятся отъ крѣпкой діеты, движенія, питья соленыхъ жидкостей и проч., а можетъ быть — и отъ кровопусканія.

Въ ети три или четыре недѣли праздниковъ я займусь въ послѣдній разъ въ Дерптѣ стихображеніемъ: зане послѣ, между книгами полити-

ческими, математическими, физическими и проч., не будетъ уже долго, долго мѣста моей милой поэзіи.

В[оейков]а, говорятъ, будетъ сюда къ новому 1827 году. Вѣроятно, она снова сильно подѣйствуетъ на мою поэтическую дѣятельность благодѣтельно, не смотря на хлюстъ!

Сегодня напишу въ Симбирскъ. Дай знать Аладьину, что я зимой остаюсь здѣсь, да пришлетъ Альманахъ сюда. Будемъ жарко переписываться.

Благодарю сердечно и тѣлесно за шубу и вообще за все, что ты для меня дѣлаешь, чего мнѣ желаешь.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXIII.

П. М. Языкову.

1826, Декабря 22. Дерптъ.

Благодарю тебя, любезнѣйшій братъ, за деньги, которыя ты ко мнѣ послалъ довольно поздно (всё-таки это доказываетъ, что ты меня помнишь, и мнѣ пріятно въ хорошемъ смыслѣ) и которыя, по естеству дѣлъ моихъ, мнѣ ровно ни къ чему не послужили: онѣ — какъ капля, въ море опущенна! Подобныя неполныя, не всѣ или не большую часть долговъ уплачивающія, присылки болѣе вредны даже, нежели полезны существу моему и чрезвычайно сильно и рѣшительно нарушаютъ мое спокойствіе душевное и тѣлесное. Манихеи — такъ называются здѣсь кредиторы — узнавъ на почтѣ еще прежде того, кто получаетъ деньги, что оныя пріѣхали, осаждаютъ нещастнаго съ ранняго утра до поздней ночи; теперь же, передъ праздниками, люди сіи еще свирѣпѣе и наступательнѣе обыкновеннаго! Я долженъ былъ въ слѣдствіе вышеозначенного отдать все, что получилъ, до копейки, остаться здѣсь на праздники голымъ, подобно соколу, и сидѣть да ждать погоды.

Я опишу тебѣ, черезъ нѣсколько недѣль позже настоящаго времени, мой бытъ съ половины прошедшаго полугодія. Етаго я и самъ не могъ бы вообразить; ето превозходитъ все несносное и непонятное въ состояніи людей, не умѣющихъ жить. Само собою разумѣется, что я, по необходимости, не могъ издержать въ ето время и трети того, что издерживалъ обыкновенно: и смѣшно, и досадно, и, надобно признаться, глупо!

Сдѣлай милость, сбери свои всѣ силы нынѣ и пришли мнѣ въ январѣ же круглымъ числомъ тысячъ пять; ето необходимо, болѣе, нежели необходимо для спокойствія моего приготовленія къ екзамену; ето первый и пос-

лѣдній случай тебѣ сдѣлать добро твоему брату. Въ противномъ случаѣ, я не могу и полурѣшительно сказать, когда кончу мое пребываніе въ Дерптѣ. Вѣдь нельзя же постоянно работать, напримѣръ, безъ свѣчъ, дровъ, — не говорю уже о чаѣ, сахарѣ: етаго еще можно избѣгать. Заклинаю тебя всѣмъ страшнымъ и святымъ: исполни ету просьбу; займи хотя или сдѣлай что хочешь, только изторгни меня изъ сей бездны погибели! Будь моимъ Ангеломъ-спасителемъ!

На слѣдующей почтѣ напишу тебѣ много о планѣ моемъ жизни по оставленіи Дерпта; ты увидишь изъ него, что бури моей жизни имѣли и благодѣтельное вліяніе на мой характеръ и образъ мыслей о суетѣ мірской.

Прощай. Еще повторяю: заступи, спаси и сохрани меня!

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ мои почтенія.

CLXXIV.

А. М. Языкову.

1826, Декабря 22. Дерптъ.

Я пишу къ тебѣ въ самомъ непріятномъ и досадномъ расположеніи моего духа. Братъ Петръ прислалъ мнѣ на дняхъ тысячу рублей денегъ: ето какъ капля, въ море опущенна; ето только разсвирѣпило моихъ кредиторовъ, и я опять остаюсь, что называется, безъ копейки. Ежели бы онъ еще догадался прислать ети деньги не подъ именемъ денегъ, а, напримѣръ, въ книгѣ или какъ-нибудь иначе, то онѣ все-таки помогли бы мнѣ хоть нѣсколько, а теперь только повредили. Осаждаемый толпою манихеевъ, сижу въ запертой комнатѣ и ни кого къ себѣ не пускаю: ибо нѣкоторымъ изъ нихъ по нѣскольку заплатилъ все, что могъ. Состояніе незавидное и вовсе не поэтическое. Надобно знать и худое, почтеннѣйшій, чтобы лучше чувствовать хорошее: не такъ ли?

Праздники, которые уже наступили для меня такъ непразднично и въ продолженіе которыхъ буду находит[ь]ся въ самомъ ограниченномъ положеніи по части жизненныхъ потребностей, посвящу я Музѣ, потому что ничѣмъ важнымъ не могу заниматься во время таковаго ненастья нравственнаго.

На сихъ дняхъ выдержалъ здѣсь екзаменъ, по военнымъ наукамъ, мой почтенный товарищъ, предметъ многихъ посланій моихъ, Вульфъ — и выдержалъ, какъ здѣсь говорится, блистательно. Онъ ѣдетъ къ себѣ въ де-

ревню, куда и меня звалъ напрасно, потомъ въ Петерб[ургъ]. Мнѣ будетъ пріятно его познакомить съ тобою.

Сдѣлай одолженіе, попроси и ты за меня брата Петра какъ можно поскорѣе кончить мое несносное положеніе: видно, мои просьбы на него дѣйствуютъ слабо.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXV.

А. М. Языкову.

26 Декабря, 1826. Дерптъ.

Поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, мой почтеннѣйшій; я его встрѣчу одиноко и, вѣроятно, погруженный въ морѣ (sic) мыслей не очень пріятныхъ, изъ которыхъ первою, безъ сомнѣнія, будетъ мысль, что проведу сей важный день не какъ слѣдуетъ, не между своими, не на своемъ мѣстѣ — вообще нехорошо. Я переѣзжаю на другую квартиру, удобнѣйшую и еще уединеннѣйшую прежней; тамъ то, послѣ нѣсколькихъ дней, необходимыхъ для привычки къ новому мѣстопребыванію, пойдетъ далѣе мое приготовленіе къ екзамену, который, замѣчу стороною, не можетъ ни въ какомъ случаѣ произойти иначе, нежели блистательно; ето обѣщаютъ мнѣ моя память, мое самолюбіе и желаніе даже и не въ своемъ околоткѣ явиться косцемъ дѣятельнымъ и достохвальнымъ. А въ вышеозначенные нѣсколько дней я напишу еще что-нибудь стихотворное и, такимъ образомъ, хоть чѣмъ бы то ни было постараюсь, хоть сколько удастся, вознаградить, впрочемъ съ моей стороны невольную, потерю удовольствія быть съ тобою.

Пушкинъ поѣхалъ изъ деревни, кажется, въ Петербургъ; ежели ето правда, то сдѣлай милость, познакомься съ нимъ, поклонись ему отъ меня и скажи, что Вульфъ выдержалъ екзаменъ блистательно, отправился въ. . .[1]); проживетъ недолго въ Тригорскомъ и отправится въ Петроградъ служить отечеству не съ поклонами, не съ иконами.

Да будетъ та книга, которую ты получилъ не въ полнѣ изписанную моими стихами, цѣльнымъ собраніемъ моихъ посланій: впиши туда и прежнія; тамъ нѣтъ также и нѣсколькихъ строкъ въ семъ родѣ, находящихся у Вилье — и вотъ еще нѣчто туда же:

---

1) Тутъ что то пропущено авторомъ письма по ошибкѣ. Ср. конецъ предшествующаго письма № CLXXIV: «(Вульфъ) ѣдетъ къ себѣ въ деревню, куда и меня звалъ напрасно, потомъ въ Петербургъ».

Къ П[ельце]ру.

Свободны, млады, въ цвѣтѣ силъ,
Мы весело, мы шумно жили;
Насъ Бахусъ пламенный любилъ,
Насъ дѣвы хищныя любили;
Въ обгонъ летѣли наши дни,
Свѣтились ярко наши ночи:
Такъ въ тучѣ рѣются огни,
Такъ блещутъ радостныя очи!
И гдѣ жъ она, товарищъ мой,
Сія волшебная година?
Гдѣ наши пѣсни, наши вина
И праздникъ жизни удалой?
Всё миновалось. На разлуку,
Задумчивъ, тихъ, твоей рукѣ
Мою протягиваю руку;
Предвижу сонъ, предвижу скуку
Въ моемъ пустынномъ уголкѣ,
Гдѣ мы, надеждъ высокихъ полны,
Пивали сладость бытія,
И гдѣ вчера еще, какъ волны,
Шумѣли бурные друзья.
Но, милой мой, пройдетъ ненастье:
Когда-нибудь и гдѣ-нибудь,
Хотя на мигъ, земное щастье
Украситъ жизненный нашъ путь;
Я обниму тебя, какъ брата,
Подъ кровомъ добраго Пената
Съ твоимъ сольется мой досугъ:
Тогда, мой другъ, тогда, мой другъ —
Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Напьюсь во имя прошлыхъ дней
И пѣснью громкою прославлю
Поминки юности моей!

1826. 23 Декабря.

Съ Шепелевымъ, который отсюда отправился въ П[етербургъ], я хотѣлъ было послать тебѣ Еверса новую книгу о Р[усскомъ] Пр[авѣ], да

отложилъ до фурмана, съ которымъ поѣдутъ ужъ заодно еще нѣсколько книгъ, мнѣ здѣсь болѣе не нужныхъ — даже Кальдеронъ, мой любимый поэтъ.

Въ Петербургъ, кажется, уже пріѣхалъ или пріѣдетъ скоро старикъ Н. Н. Тютчевъ, которому, во время его здѣсь пребыванія, я очень многимъ обязанъ во многихъ отношеніяхъ, котораго люблю и уважаю и котораго сыновья мнѣ хорошіе пріятели. Не можешь ли съ нимъ познакомиться въ мое удовольствіе? Хочешь ли письма или даже стихотворнаго посланія для сего важнаго предпріятія — потребуй и получишь, и меня крайне обяжешь.

Видно, путешествіе Ел[изаветы] Петр[овны] не состоялось: братъ Петръ говоритъ, что наши домашнія смуты въ Сим[бирскѣ] кончились и что все спокойно; конечно, онъ разумѣетъ подъ симъ оное дѣло.

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ почтеннѣйшимъ и въ томъ числѣ Амплію. Что же Невскій Альманахъ? Рождество на дворѣ.

CLXXVI.

П. М. Языкову.

1826, Декабря 29. Дерптъ.

Поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, мой почтеннѣйшій или, вѣрнѣе скажу, достопочтеннѣйшій братъ, попечитель, квесторъ и проч. и проч.! Желаю тебѣ встрѣтить оный праздникъ веселѣе моего и гораздо, гораздо веселѣе, потому мною теперь владѣетъ самая скучная скука — слѣдствіе моего одиночества, сердца безлюбовнаго и пребыванія не въ своей обыкновенной сферѣ въ подобное время свободы отъ занятій учебныхъ.

Вотъ тебѣ на всякой случай абрисъ будущей мо[е]й жизни. Выдержавъ здѣсь кандидатскій экзаменъ, я съѣзжу на нѣсколько мѣсяцевъ къ вамъ въ Симбирскъ, оттуда возвращусь въ Пстерб[ургъ], гдѣ прослужу отечеству только время, потребное[1]) для полученія чина (не смотря на мое сильное неуваженіе къ суетѣ мірской, гдѣ въ первую голову чины и почести являются взору безпристрастнаго мыслителя, все-таки мнѣ надобно имѣть хоть какой-нибудь чинъ, чтобъ не остаться безчиннымъ въ мнѣніи

1) Въ *П.* подребное.

людей даже необразованныхъ, которымъ нельзя пренебрегать въ нашихъ странахъ полудикихъ). Послѣ этого начнется мое бытіе торжественное, поэзія моей жизни: я переѣду навсегда, навсегда жить въ деревню, съ книгами, съ пылкимъ желаніемъ и крѣпкими силами далѣе просвѣщаться, буду проводить время въ занятіяхъ великодушныхъ, въ жертвахъ ученію и Музѣ, совершенно свободной, не имѣющій обстоятельствъ, приличій, забывающій все, кромѣ высокого и прекрасного, слѣдственно очень, очень много мірскаго, слѣдственно все, что обыкновенно занимаетъ нашу братью, людей рускихъ! Для сей то цѣли достохвальной и образуется уже теперь моя библіотека — сокровищница золота умственнаго, поле жатвы благодѣтельнѣйшей всѣхъ прочихъ жатвъ. Въ надлежащее время ты получишь мою просьбу о приготовленіи для меня приличного мѣста, получишь планъ рукописный мнѣ нужной резиденціи — и я, о! я достигну тогда самой высокой степени своего щастія, зане оно состоитъ въ самодовольствѣ, въ свободѣ и просторѣ жизни — и все! Только дай мнѣ Богъ здоровья, а я надѣлаю чудесъ въ мірѣ литтературномъ; по исполненіи описаннаго намѣренія, все пойдетъ у меня въ гору, время запляшетъ по моей дудкѣ, и все, не имѣющее связи съ моими предметами, отъ меня удалится, какъ дьяволъ отъ распятія — и слава, и слава!

Пушкинъ въ большой милости у Государя: ето будетъ имѣть благодѣтельное дѣйствіе на нашу литтературу. Онъ хочетъ напечатать свою трагедію Борисъ Годуновъ, которую мнѣ читалъ; она лучше всего, что онъ сочинилъ доселѣ, удивительно вѣрно изображаетъ нравы тогдашняго времени — и вообще подвигъ знаменитый.

Дюкъ пишетъ мнѣ, что ихъ коммисія прошеній даже въ настоящіе праздники, по высокой волѣ Государя, работаетъ съ утра до ночи: видно, теперешнее царствованіе не чета предшествовавшему, когда все правительственное шло вяло, пошло кое-какъ и дошло было до грѣха великаго! Ждутъ большихъ перемѣнъ государственныхъ къ Новому году: давай Богъ! Тутъ не можетъ быть къ худшему — было уже non plus ultra во всѣхъ дурныхъ смыслахъ!

Выписываете ли вы, почтеннѣйшій и почтеннѣйшія, альманахи на будущій 1827 годъ? Ето необходимо для оживленія безжизненной жизни деревенской и однообразной хозяйственной. Теперь обѣщаютъ въ нихъ много хорошаго, да и безъ того всякій человѣкъ, желающій имени человѣка образованнаго, долженъ преслѣдовать[1]) отечественную литтературу, какова бы

1) Т. е. слѣдить за отечественной литературой.

она ни была; а у васъ въ етомъ случаѣ есть еще и семейственное удовольствіе — не такъ ли?

Прощай, будь здоровъ и помни меня.

Весь твой Н. Языковъ.

Маминьку, Парашу и Катушу цѣлую, поздравляя съ Новымъ годомъ. Елис[аветѣ] Петровнѣ мои почтенія и къ рукѣ прикладство. Всѣмъ нашимъ поклоны, почтенія и вообще все родственно привѣтное.

1827.

CLXXVII.

А. М. Языкову.

2 Января, 1827. Дерптъ.

Молодой человѣкъ, котораго ты теперь въ первый разъ отъ роду видишь, которой отдалъ тебѣ это письмо, котораго ты просишь садиться, угостишь радушно, распросишь обо мнѣ, полюбишь и примешь въ небольшой кругъ твоего почтеннаго знакомства, етотъ молодой человѣкъ, благообразный подобно Іосифу, но не столь сильно, можетъ быть, цѣломудренный, какъ сей герой Израильской древности, есть Петръ Николаевичъ Диринъ. Онъ готовился было вступить въ наше студентство, но рокъ воспротивился и далъ ему подорожную въ вашъ славный Петербургъ, да служитъ Царю и отечеству, съ мечемъ въ рукѣ, на конѣ сидя!

Ты, кажется мнѣ, слишкомъ уже строго обсудилъ Невской Альм[анахъ]. Что касается до прозы — правда, что она никуда не годится, а стихи — вообще, въ цѣломъ — не въ примѣръ лучше прошлогоднихъ, въ его листахъ напечатанныхъ. Къ стати: замѣтилъ ли ты ловкую и замысловатую насмѣшку надъ старикомъ Дмитріевымъ по случаю его Апологовъ, прошлымъ лѣтомъ выданныхъ? А картинки развѣ шутка? Пушкинъ находится теперь въ Москвѣ; пишетъ мнѣ, что мое Тригорское будетъ напечатано во 2 № Московского Вѣстника, и приглашаетъ прочія мои будущіе стихи туда же. Онъ, видно, принимаетъ дѣятельное участіе въ семъ журналѣ; не въ охулку сказать почтенному поэту, а участвовать[1]) въ журналѣ — дѣло не поэтическое; журналъ въ быту литературномъ то же, что

1) Въ *П.* учавствовать.

почтовая телѣга въ мірѣ вещественномъ: пріятно иногда, даже полезно нашему брату, полнокровному, на ней прокатиться, но совсѣмъ другое ее везти или быть ея[1]) конеправителемъ.

Ежели братъ Петръ пришлетъ въ Петерб[ургъ] къ тебѣ деньги для моей грѣшной особы, то отправь ихъ ко мнѣ въ какой-нибудь книгѣ, напримѣръ Аллегоріяхъ Глинки; оно совершенно безопасно. Я непремѣнно увижу тебя о Свя[той] Недѣ[лѣ]. В[оейков]а, видно, сюда не будетъ; жаль: она, можетъ быть, пробудила бы, по прежнему, мое стремленіе за славою литературною. Судьба не хочетъ. Богъ съ ней! Будетъ — что будетъ.

Я переѣхалъ на новую квартиру и ею совершенно доволенъ. Попытаюсь ознаменовать ето новое мое мѣстопребываніе чѣмъ-нибудь стихотворческимъ: попытка не шутка, а стихи, вообще даже, не бѣда!

Нѣтъ ли у васъ чего новаго по части театра? Не напечатанъ ли Аристофанъ Шаховскаго? Ежели да, то сдѣлай милость, утѣшь мое одиночество присылкою сей сладости словесной, какъ уже пророчили. Во время текущихъ праздниковъ нашла на меня самая скучная скука — слѣдствіе сердечной пустоты, можетъ сказать знатокъ человѣческаго сердца — и, можетъ быть, правда: мое сердце пусто теперь, какъ голова Ал. Валуева, по его собственному выраженію — какъ барабанъ!

Къ статѣ — или лучше не къ стати — коснусь и домашней экономіи: не можешь ли ты обязать меня крайне присылкою съ дюжину стамбулокъ, самыхъ маленькихъ; здѣсь нѣтъ хорошихъ: ежечасно разбиваются, и такимъ образомъ подвергается моя казна невольнымъ издержкамъ, которыхъ необходимость утверждена и освящена, такъ сказать, временемъ, укрѣпившимъ мою привычку табакокуренія[2]). Въ возмездіе таковаго благотворительнаго подвига посылаю тебѣ двѣ книги (Еверса), хотя давно обѣщанныя, но все какъ-то не попадавшія въ прежнія отправки ихъ сестеръ.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Что же Дельвиговы рускія пѣсни? Иліада Гнѣдича и прочія торжества литературныя, обѣщанныя къ Новому году? Кланяйся Комо[в]скому и поблагодари его за статьи, коими онъ украшаетъ Сѣверн[ый] Архивъ. Вѣдь ето онъ?

Самымъ разительнымъ примѣромъ галиматьи въ мысляхъ и выраже-

---

1) Въ *П.* ее.
2) Въ *П.* табакокурѣнія.

ніи можетъ служить Путешествіе въ стихахъ, соч. Вяземскаго, напечатанное въ Телеграфѣ. Господи, твоя воля! Что ето за вздоръ, за глупость, за околёсная!

CLXXVIII.

А. М. Языкову.

1827, Января 5. Дерптъ.

Дни четыре назадъ писалъ я къ тебѣ съ Диринымъ, братомъ знаменитой Маріи; онъ же привезетъ тебѣ двѣ книги, давно обѣщанныя; прими, обласкай, угости и утѣшь его, новичка въ жизни столичной! Онъ доброй малой — и вотъ все, что можно сказать объ немъ хорошаго; готовился было сдѣлаться студентомъ, но, Богъ вѣсть — какъ и почему, поѣхалъ вдругъ въ вашъ Петроградъ опредѣлиться въ юнкерскую школу. Онъ сопутствовалъ въ сей поѣзд[к]ѣ своей матери, съ которой, ежели хочешь, можешь познакомиться въ мое имя.

Напиши мнѣ, какъ происходило торжество столѣтія въ Академіи Наукъ, въ присутствіи Императора и царской фамиліи: ты, вѣрно, былъ тамъ, по дружбѣ съ Гофманомъ, другомъ Фуса и, слѣдственно, всего причета академическаго. Извѣстіе, напечатанное объ етомъ дѣлѣ достопамятномъ въ С[ѣверной] П[челѣ], какъ само собою разумѣется, не удовлетворило моего кипучаго любопытства по части ученой. Да не будетъ ли напечатана рѣчь Уварова? Ежели да, то подари меня ею!

Я живу теперь совершенно уединенно. Здоровье мое, кажется, лучше прежняго поправляется; етому благодѣянію причиною лѣкарство, піемое мною при возстаніи отъ сна по два стакана: какая то смертельно горькая вода иноземная!

Вотъ тебѣ нѣчто о планѣ моей будущей своевольной, неизвѣстно когда имѣющей начаться жизни. По выдержаніи здѣсь екзамена кандидатскаго, я прослужу царю и отечеству только время, нужное для полученія чина, а потомъ переѣду навсегда — куда бы ты думалъ? Въ деревню, почтеннѣйшій, дабы вполнѣ предаться господу богу моему — литературѣ! По временамъ можно будетъ пріѣзжать для освѣженія въ Петерб[ургъ] или путешествовать вообще. Что ты думаешь объ етомъ? и хочешь ли сопутствовать мнѣ по сей дорогѣ жизни? Замѣчу мимоходомъ, что я до сихъ поръ еще не могу сказать тебѣ, къ которому мѣсяцу начавшагося года буду готовъ на екзаменъ: я не могу заниматься сколько бы хотѣлъ, зане отъ долгаго сидѣнія тотчасъ[1]) чувствую головокруженіе и боль и стрѣльбу въ столицѣ умст-

1) Въ *П.* тотъ часъ.

венныхъ способностей. Я болѣнъ излишествомъ здоровья — говоритъ мнѣ мой лѣкарь: ясное и разительное доказательство незазорной жизни моей въ Дерптѣ; въ противномъ случаѣ, въ тѣлѣ моемъ не осталось бы такое великое количество крови, меня такъ сильно безпокоящее! Ети-то припадки головные въ молодости—рѣшительно предзнаменуютъ недолголѣтіе бытія моего подъ луною, и для того-то задумалъ я прожить, по крайней мѣрѣ то, что удастся, изъ дней моихъ, на волѣ, служа своему богу — въ деревнѣ, бесѣдуя съ минувшими вѣками и стараясь быть собесѣдникомъ будущихъ собесѣдниковъ минувшаго!

Съ завтрашняго дня начинается у насъ ярмонка! На ето время съѣзжается сюда изъ окрестностей и изъ дальнихъ странъ руской Нѣметчины весь цвѣтъ дворянства, красотъ здѣшнихъ и почтеннаго купечества. Даже бываетъ театръ на сей случай, и теперь будетъ—изъ Ревеля, какой-нибудь вздоръ — да и то хорошо, гораздо лучше, нежели вовсе ничего!

Недавно увеличилась моя библіотека книгами очень важными и любезными, особенно мнѣ, любящему всякой скарбъ историческій, именно ето— историческіе словари Moreri и Bayle, книги важныя, и я радуюсь сердечно сему пріобрѣтенію: оно даетъ какой-то величественный видъ всей моей библіотекѣ! Ежели хочешь меня одолжить крайне, то пришли мнѣ хоть съ дюжину мелкихъ стамбулокъ. Ихъ здѣсь нѣтъ, а здѣшнія трубки подобнаго вида чрезвычайно бренны и вводятъ нашу братью-курильщиковъ въ непомѣрныя издерж[к]и совсѣмъ безполезно.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Стихи къ А. А. В[оейков]ой можешь отдать Дельвигу, но не въ такомъ видѣ, какъ ты ихъ имѣешь, а возьми тѣ, кои я посылалъ къ Вл. Княжевичу, также и другія двѣ пьески, у него же находящіяся. 1827. Января 9 [1]).

Кланяйся Киселеву; поздравь его съ Новымъ годомъ въ мое воспоминаніе. Не слыхать ли чего о Свербѣевѣ, о Лукинѣ, Зубовѣ, Погожевѣ и Амплѣ? Здѣсь объ нихъ ни слуху, ни духу: нещастный городъ етотъ Дерптъ!

---

1) Вторая дата того же письма, указывающая на время написанія приписки; послѣдняя писана болѣе блѣдными чернилами.

CLXXIX.

А. М. Языкову.

16 Января, 1827. Дерптъ.

Письмо твое отъ 10 текущого мѣсяца я получилъ; благодарю за Сѣверную Лиру. Ты справедливо замѣтилъ, что въ Москвѣ поэзія далеко отстала отъ петербургской; даже Раичевъ переводъ Тасса плаксивымъ размѣромъ ясно доказываетъ эту печальную истину. Что за вздоръ стихотворитъ М. Дм[итріевъ]! Въ прозѣ есть кое-что и хорошее: всего замѣчательнѣе картинка къ смерти Свенона, и лучъ отъ звѣзды падающій — истинно Бейроновской, свинцовой!

Видно, Амплій употребилъ слишкомъ много красокъ воображенія, когда, еще въ прошломъ году, описывалъ мнѣ подробно супругу В. Княж[евича]; онъ тогда поставилъ передъ ея именемъ прилагательныя, о красотѣ свидѣтельствующія. Вотъ они: бѣлая, полная, развязная, красная, прекрасная, умная! Жаль, что тебя не было въ Симбирскѣ прошедшаго сентября: тогда описывалъ я, математически точно, о праздникѣ царевѣнчанія въ Дерптѣ, о мятежѣ студентовъ противъ Пер[евощикова] (которого и имени половина изъ нихъ не знаетъ, одна четверть не умѣетъ произносить, а только человѣкъ много, ежели десятка три, имѣютъ о немъ, и то самое поверхностное, понятіе), о подвигѣ его въ сей смутѣ и проч. Я думаю, Княж[евичъ] очень одностороненъ во мнѣніяхъ и изложеніи произшествій по сему дѣлу.

Съ завтрашняго дня я уже начну принадлежать къ числу молодыхъ филистимлянъ города Дерпта; буду сидѣть крѣпко за книгами, какъ нѣкогда сидѣлъ мой предокъ въ стѣнахъ Московскихъ, осаждаемыхъ Поляками; ето сравненіе можно бы и продолжить, зане и я тоже осаждаемъ есмь отъ иновѣрцевъ и, конечно, выдержу ету, не знаю — сколь долгую, осаду столь же великодушно, соблюдая свою честь и славу отечества.

Напиши мнѣ, имѣешь ли Шекспира, изданного Тикомъ и Шлегелемъ недавно; неизвѣстность сего важнаго обстоятельства удерживаетъ меня отъ покупки онаго здѣсь. Вообще мнѣ не худо бы знать, какія книги у тебя есть по нѣм[ецкой] литтер[атурѣ], исторіи вообще и политическимъ наукамъ, чтобы не покупать тобою имѣемаго, имѣя въ виду соединеніе нашихъ библіотекъ. Давай собирать книги по руской исторіи; все, или почти все, и именно все нужное, даже для поэта по исторіи Лифлян[д]ской, у меня есть и составляетъ едва ли не третью часть моихъ книгъ. Нѣкогда, совер-

шенно свободный и вовсе божеству моему преданный, извлеку я много, очень много изъ етаго сброда письменъ, маловажныхъ для многихъ, во славу моего имени и въ честь рускому Парнасу.

Каковъ Московс[кій] Вѣст[никъ] вообще? Его здѣсь нѣтъ ни у кого; впрочемъ надѣюсь, что Погод[инъ] будетъ мнѣ присылать оный. На дняхъ пришлю тебѣ нѣчто для доставленія Булгарину: ето послѣдній цвѣтокъ моихъ стихотвореній подъ здѣшнимъ небомъ, столь благодѣтельствовавшимъ моей Музочкѣ. Скрѣпясь сердцемъ, примусь за труды прозаическіе: математику, физику, пол[итическую] экономію, статистику, науку торговли, финансовъ, полиціи и проч. и за полупрозаическіе — исторію всеоб[щую] и рускую. Трудъ все преодолѣваетъ![1]) Науки полезны!

Мое здоровье стало не въ примѣръ лучше; ликую и веселюсь нынѣ, подобно Сіону въ день свѣтлаго воскресенія, и надѣюсь, что возмогу работать вдоволь, съ утра до ночи, въ потѣ лица; етимъ благосостояніемъ тѣла, и особенно теперь мнѣ необходимымъ, обязанъ я именно горькой водѣ, которую продолжаю пить привычно: итакъ, и изъ горького изходитъ сладкое.

Здѣсь прилагается[2]) для тебя письмо ко мнѣ изъ Пскова отъ Вульфа, тебѣ знакомого по моимъ посланіямъ. Прочти его и не обнародывай содержанія.

Весь твой Н. Языковъ.

Нехудо бы оттягать у Грудева Исторію Швеціи Ол. Далина на рускомъ.

[3]) Сюда пріѣхалъ знаменитый лицедѣй Вурмъ; будетъ играть, и увижу его.

CLXXX.

А. М. Языкову.

20 Января, 1827. Дерптъ.

Письмо твое отъ 14 текущаго мѣсяца я получилъ. Благодарю тебя за твое жаркое попеченіе о благосостояніи моего домашняго быта, сильно[4]) выраженное посылкою стамбулокъ, а главная благодарность достоитъ тебѣ отъ всего существа моего за одобренія плана моей будущей жизни. Онъ точно достохваленъ въ смыслѣ поэтическомъ, слѣдственно — въ луч-

1) Въ *П.* преодолеваетъ.
2) Этого приложенія при *П.* нѣтъ.
3) Дальнѣйшія слова приписаны наверху первой страницы письма.
4) Въ *П.* сильное.

шемъ смыслѣ вообще. Къ Свят[ой] Недѣлѣ — этакъ дней на десять — я къ тебѣ непремѣнно пріѣду, во что бы ни стало: заложу женъ и дѣтей, и явлюсь перетолковать съ тобою о многомъ, чего нельзя иногда повѣрять коварной почтовой бумагѣ.

Вчера видѣлъ я Вурма. Нѣмцы говорятъ объ немъ какъ о дивѣ лицедѣйномъ; я не нашелъ въ немъ ничего удивительного: наши Бобровъ, Щепкинъ едва ли не лучше его, кромѣ того развѣ, что онъ, какъ говорятъ и чему особенно дивуются, много прибавляетъ своего въ своихъ роляхъ, да вѣдь и то сказать, что ето послѣднее обстоятельство вовсе не есть условіе совершенства актерского. У него чрезвычайно гибкій голосъ, большой навыкъ играть на сценѣ, какъ дома, да все-таки и все ето — все еще не диво! Не такъ ли? Сверхъ того, жаль, что здѣсь ему даже не въ чемъ показать себя: театръ — небольшая комната; пьесы нарочно выбираются въ одномъ дѣйствіи, зане женщинъ всего-то одна во всей труппѣ, слѣдственно — вздорныя или пустыя, или шутовскія. Вчера было такъ тѣсно, такъ душно, такъ неспосно въ етомъ театрѣ, что у меня до сихъ [поръ] болитъ голова.

Московскій Вѣстн[икъ] сюда не доѣзжаетъ, а я, грѣшный, было надѣялся, что Погодинъ станетъ мнѣ его присылать; впрочемъ, теперь мнѣ, ей Богу, некогда[1]) заниматься етакими мелочами — у меня по уши дѣлъ важныхъ. Я уже филистимлянинъ; текущая недѣля, вѣроятно, пройдетъ въ умственномъ приготовленіи къ сильному приготовленію на екзаменъ; она вообще для меня новость по совершенной свободѣ; тутъ то бы писать стихи, — да нѣтъ, братъ: терпи, козакъ, хотя не знаешь навѣрное, будешь ли атаманъ или нѣтъ.

Диринъ или его мать поѣхала въ Петерб[ургъ] околкомъ; я етого не зналъ, когда уѣзжала отсюда. Слышно даже, что, можетъ быть, она совсѣмъ не достигнетъ цѣли своего путешествія въ Петербургъ, за то сынъ ея непремѣнно туда, и, слѣдственно, ты получишь Еверса.

Радуюсь, что, наконецъ, Андромаха является публикѣ. Будетъ ли она тиснута? Ежели да, то порадуй меня присылкою сего торжества нашей драмматической Музы. Жаль, что Семенова сошла съ театра: видно, неправда, что нынѣшній императоръ его покровительствуетъ и что императрица молодая охотница до театра — вѣрно, до Нѣмецкого! Впрочемъ, Богъ вѣсть вообще.

Неужели Амплій, достопочтенный, постоянный литтераторъ, но, какъ кажется, вѣтреный и хищный любовникъ, рѣшительно рѣшается бракосо-

---

1) Въ *П.* нѣкогда.

четаться съ извѣстною Наталіею? Дай Богъ, впрочемъ, ему щастія: онъ его именно достоинъ, какъ человѣкъ и словесникъ, а какъ мужъ, вѣрно, постарается жить мирно и благоденнственно, особливо когда почтенная дѣва такъ сильно, такъ пламенно, такъ живо и неугасимо его возлюбляетъ.

Мои почтенія и поклоны Катенину, Бахтину, Дельвигу и проч.

Амплія обнимаю и поздравляю, ежели послѣднее уже можетъ имѣть мѣсто въ его обхожденіи съ нашею братьей пріятелями.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXXI.

А. М. Языкову [1]).

[Январь 1827. Дерптъ].

По градамъ и селамъ, съ мечемъ и огнемъ,
До града Царя Константина;
Какъ тамъ побѣдитель прибилъ ко вратамъ
Свой щитъ знаменитый во брани,
И какъ возвратился къ своимъ племенамъ
Съ богатствомъ и Славы и дани.
Умолкъ онъ — и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный;
Какъ брата Баяна самъ князь обнималъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтной
Онъ медъ наливалъ искрометной,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
Съ конца до конца межъ народомъ,
Ходилъ золотой и завѣтной стаканъ.

(Richtigere Interpunktion wird der Fantasie des Abschreibers überlassen) [2]).

---

1) Письма этого сохранился только послѣдній листъ, на которомъ помѣчены — повидимому, рукою Н. М. Языкова — страницы 5 и 6. Стихотворный отрывокъ написанъ чужой рукою, но нѣмецкая замѣтка въ скобкахъ — опять собственноручно авторомъ письма. Подписи Н. М. Языкова нѣтъ: очевидно, приводимый конецъ письма является припиской, сдѣланной уже послѣ подписи.

2) Знаки препинанія въ этомъ стихотворномъ отрывкѣ оставлены нами согласно подлиннику.

Отдай ето стихотвореніе Булгарину. Я получилъ твое письмо и стамбулки съ птенцемъ Наумовымъ; кажется, онъ добрый малой и птенецъ благонадежный; онъ еще съ годъ намѣревается прожить здѣсь, не вступаючи въ званіе студентовъ: дѣло доброе, ежели ето время онъ точно посвятитъ не баклушебитію, а чему-нибудь порядочному — и дай Богъ ему щастія! Здѣсь говорятъ, что сюда скоро прибудутъ и трое какихъ-то Бахметьевыхъ: ужъ не изъ нашей ли родины? Давай Богъ! Ученье—свѣтъ. Напиши мнѣ, для полной возможности ознаменовать Дм[итрія] Н[иколаевича] посланіемъ стиховнымъ: во-первыхъ, какъ зовутъ его возлюбленную? во-вторыхъ, какого рода ея красота — классическая или романтическая? Потомъ, въ какомъ смыслѣ оная особа прекрасна, въ обширномъ или въ тѣсномъ, зане прекрасное въ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ и высокое — не правда ли, почтеннѣйшій? A das Schöne im engeren Sinne ist das Schöne selbst, und die Form ist die Nauptbedingung derselben. Не смотря на множество занятій и на суматоху моего духа въ теперешнее время, я все-таки поздравляю почтеннаго Дм[итрія] Н[иколаевича] языкомъ боговъ: вѣдь любовь — поэзія жизни! Выздоровѣла ли В[оейков]а?

CLXXXII.

А. М. Языкову.

[Январь 1827. Дерптъ].

Можетъ быть, ты и справедливо охуждаешь Альманахъ Бориса Федорова: одно имя издателя — не Борисъ, а дѣла литературныя — уже сильно говоритъ противу всякой возможности красоты въ семъ случаѣ; но все-таки любопытно, особенно нашему брату стихотворителю, видѣть и пустяки людей, знаменитыхъ на Парнасѣ: они мирятъ насъ съ собственными несовершенствами и утѣшаютъ какимъ то великимъ утѣшеніемъ, какъ сказалъ Карамзинъ. Душа душиста добротою, сказалъ тотъ же Карамзинъ. Пришли мнѣ Пам[ятникъ] От[ечественныхъ] Музъ, ежели онъ есть у тебя, слѣдственно — ежели онъ у тебя лишній. Какъ подѣйствовала на тебя Андромаха Катенина? И что дѣлала такъ называемая публика, когда кончилось представленіе? Что же Дельвигъ съ своими Цвѣтами: видно, опять, какъ прошлого года, протянетъ ихъ выходъ до Св[ятой] Недѣли? Кланяйся ему: онъ, кажется, хотѣлъ выдать особою книжкою и свои рускія пѣсни? Чтожъ, видѣлъ ли ты, наконецъ, его супругу? А вѣдь В[оейков]ой-то ты до сихъ поръ не видалъ, а надобно бы, и, ей-ей, стыдно не постараться хоть изъ любви къ моей любви, хоть гдѣ-нибудь насладиться ея лицезрѣ-

ніемъ! Не хочешь ли, я нарочно для етаго пришлю тебѣ стихи (еще не написанные) — и ты доставишь ей собственноручно? Мужъ ея очень пристаетъ ко мнѣ, да посылаю мои стихи въ Славянина, и начинаетъ дѣйствовать силою слова знаменитой возпламенительницы моей Музы. Жаль, что не во время: мнѣ не до Парнаса и едва ли до воспоминанія о прежнихъ предметахъ моего обожанія, моихъ элегій и вообще стиховъ моихъ. Такъ судьба хочетъ, и какъ далеко ето ея хотѣніе въ отношеніи ко времени, знаетъ развѣ тотъ, кто всё знаетъ. Киселеву поклонъ: какъ онъ поживаетъ, что дѣлаетъ и чего надѣется подъ луною? Амплію тоже поклонъ: не хочетъ ли стиховнаго привѣта на случай довершенія любви своей? Въ родѣ посланій я, кажется, довольно набилъ руку и могу писать ихъ безо всякого напряженія умственной силы, объ чемъ угодно и къ кому угодно. Такъ то: die Uebung stählt die Kraft.

Изъ Симбирска ничего не слышу. Жду погоды.

Дм[итрію] Н[иколаевичу] мое почтеніе. В[асилію] Аѳ[анасьевичу] тоже.

Весь твой Н. Языковъ.

Дирина уже въ Петербургѣ. Получилъ ли письмо и книги съ ея сыномъ?

CLXXXIII.

А. М. Языкову.

30 Января, 1827. Дерптъ.

Письмо твое отъ 24 оного мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить. Радуюсь, что на конецъ концевъ Петръ умилостивился ко мнѣ грѣшному; пребываю въ пріятномъ ожиданіи, и въ сей то пріятности нахожу для себя самаго сильное доказательство моей добросовѣстности. Кромѣ етого послѣдняго обстоятельства, замѣчу и то, что со времени окончанія моего состоянія осаждаемаго мои дѣла учебныя пойдутъ не въ примѣръ лучше. Что ни говори, а довольство физическое имѣетъ благое вліяніе на силы умственныя. Крыловъ, знатокъ сердца человѣческого, давно уже это замѣтилъ стихами: и кому же въ умъ придётъ на желудокъ пѣть голодный?

Вчера получилъ я, благодаря волокитству Аладьина за моей Музою, Сѣвер[ную] Лиру, Памят[никъ] От[ечественныхъ] Музъ и переводъ на нѣмец[кій] Бахчисарайского Фонтана: послѣдній, сколько могъ я замѣтить, не читавъ его вполнѣ и съ подлинникомъ, кажется, довольно близокъ къ подлиннику. Памят[никъ] Отеч[ественныхъ] [Музъ] точно пустяки въ об-

ширномъ смыслѣ: всего смѣшнѣе мысли разныхъ Несторовъ нашей литтературы. Одному изъ нихъ надобно было прожить почти 80 лѣтъ, чтобы сказать пошлую истину, что книги, такъ же какъ и писатели ихъ, несовершенны, что личность много дѣлаетъ словесности нашей вреда — такъ и далѣе и чѣмъ далѣе, тѣмъ глупѣе.

Жаль, что Тригорское уже напечатано въ М[осковскомъ] В[ѣстникѣ] (мнѣ его присылаютъ): ето не моя вина; жаль, что изъ него въ концѣ выпущено нѣсколько стиховъ, непремѣнно нужныхъ для смысла. Аладьинъ сильно сердится на Сѣв[ерную] Пч[елу], молитъ меня Христомъ и Богомъ пособить ему на будущій годъ; я буду ему обѣщаться, но едва ли возмогу исполнить и самое искреннѣйшее обѣщаніе по сей части. Приготовленія къ екзамену, другъ мой, должны занять всѣ помышленія ума моего, всѣ желанія моего сердца до извѣстнаго или, вѣрнѣе, до неизвѣстнаго времени, потому что будущее одинъ Богъ знаетъ и потому что всякое дѣло зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ нашей собственной воли, даже отъ мелочныхъ.

Мысли Погодина во 2 № М[осковскаго] В[ѣстника] нѣсколько похожи на мысли, напримѣръ, Шишкова въ П[амятникѣ] М[узъ]: та же глубина, старая и ясная, только у П[огодина] все-таки болѣе свѣжести — по крайней мѣрѣ, въ выраженіи пошлыхъ истинъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Ко мнѣ сильно пристаетъ Воейковъ, желающій затащить побольше въ Славянина моихъ стиховъ; дѣйствуетъ, и очень политически, черезъ жену. Я нахожусь между Скиллою и Харибдою: труды учебныя и надобность писать стихи для А[лександры] А[ндреевны], которая можетъ располагать движеніями моихъ помышленій, какъ господинъ рабомъ, какъ магнитъ желѣзомъ. Какъ понравилась тебѣ Д[ирин]а и сынъ ея?

Наумовъ здѣсь; онъ, кажется, доброй птенецъ. Напиши мнѣ, братъ ли онъ конникамъ [?] или другого племени? и кто надоумилъ его сюда дунуть?

Что дѣлаетъ П[етръ] А[ндреевичъ] неслужащій? Отвѣтъ на сей вопросъ очень любопытенъ. Не вышло ли изъ него существо, подобное дѣятельностію ума, надеждами и ожиданіями нашему почтенному П. Н.?

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXXIV.

П. М. Языкову.

1827, Февраля 2. Дерптъ.

Благодарю тебя за присылку денегъ. Етимъ обстоятельствомъ, во всякомъ случаѣ важнымъ, несказанно поправилось состояніе дѣлъ моихъ вообще и учебныхъ въ особенности: такъ, напримѣръ, мнѣ недоставало многихъ книгъ для приготовленія къ екзамену, ибо я, признаться сказать, совсѣмъ не безпокоился до сихъ поръ о наполненіи головы моей свѣденіями политическихъ наукъ. Онѣ не мой околотокъ, онѣ сушь[1]) передъ Музами, и у меня не лежитъ къ нимъ сердце. Но дѣлать нечего, надобно потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ скуки. Я не могу навѣрное сказать напередъ, когда наступитъ для меня щастливый день возможности на всегда покинуть Дерптъ, который, не смотря на всю свою ученость и на привольную и беззаботную въ цѣломъ жизнь студентскую, мнѣ уже надоѣлъ. Всё одно и то же, нѣмцы да нѣмцы: первое обстоятельство родитъ тоску и скуку, а вторые вовсе не любезны нашему брату Русаку.

Сюда пріѣхалъ изъ Симбирска, премудрости ради, Наумовъ — кажется, добрый малой; живетъ въ одномъ домѣ съ другимъ моимъ землякомъ, съ Татариновымъ; не хочетъ теперь прямо сдѣлаться студентомъ, а позаняться съ годокъ частно: дѣло доброе — и дай Богъ успѣха! Замѣть странность: я пріѣхалъ сюда первоначально безо всякихъ рекомендательныхъ писемъ по части житья-бытья, и платилъ менѣе, чѣмъ вышепоименованные господа, и жилъ у человѣка, извѣстнаго ученостью, добронравіемъ и вообще благопорядочно. Братъ Алек[сандръ] пришлетъ тебѣ нѣчто для доставленія въ литтературную кунсткамеру Ивана Семеновича: вещь рѣдкая и точно находка для любителя етого рода произведеній природы или искусства!

Дальнѣйшія распоряженія по части финансовъ въ отношеніи ко мнѣ совершенно остаются въ твоей волѣ; я обезпечилъ себя впередъ надолго отъ холода и голода, и надѣюсь, что буду жить припѣваючи: честь и слава тебѣ! Къ Святой, можетъ быть, съѣзжу, къ брату въ Питеръ. Надобно: я больше года съ нимъ не видался, а между [тѣмъ] много воды утекло.

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* сушъ.

На слѣдующей почтѣ напишу болѣе. Ел[изаветѣ] Петровнѣ цѣлую ручки и кланяюсь и почитанія свидѣтельствую всѣмъ вамъ, мои родные, кровные, братья и сестры, и проч. Маминькѣ напишу черезъ три дни: теперь пора на почту.

CLXXXV.

А. М. Языкову.

2 Февраля, 1827. Дерптъ.

Наконецъ, я расплатился съ моими заимодавцами: они успокоились — и вновь спокойна и свѣтла моя житейская дорога; теперь ничто не можетъ препинать ходъ моихъ занятій. Замѣчу, впрочемъ, что отъ нихъ напала на меня самая скучная скука; чувствую, что у меня, такъ сказать, голова не математическая, не статистическая. Вотъ етому доказательство: я было началъ мои труды повтореніемъ статистики; сидѣлъ день и два — ничего не высидѣлъ, хоть брось. Теперь примусь за исторію и политическія науки: авось будетъ лучше, и черезъ нихъ уже дойду до совершенной суши. Къ статѣ: у тебя, кажется, Мартенсъ мой, Völkerrecht по-французски — мнѣ онъ нуженъ. Сверхъ того, нѣтъ ли въ твоей же библіотекѣ чего-нибудь важнаго, имѣ[ю]щаго близкую связь съ предметами моихъ теперешнихъ занятій? Кажется, ты имѣешь Пölица что-то по сей части. Мнѣ не хотѣлось бы покупать книги, которыя ты уже имѣешь, тѣмъ болѣе тѣ, которыя мнѣ только временно могутъ быть нужны. Я тебѣ пришлю за Пölица политическаго — Пölица литтературнаго съ первымъ фурманомъ. Какъ понравилась тебѣ книга Еверса, Дирина, Диринъ и проч.?

Здѣсь прилагается[1]) для курьёзу письмо ко мнѣ отъ какого-то учителя въ Митавской юнкерской школѣ, какъ само собою не разумѣется, отъ человѣка мнѣ вовсе неизвѣстнаго, какъ изъ письма явствуетъ — не богатаго дарами природы, отличающими людей отъ скотовъ. Ты, по прочтеніи сей галиматьи, отправь ее къ брату Петру, да передастъ въ коллекцію Ивана Семеновича: вещь рѣдкая!

Прощай покуда; на слѣдующей почтѣ напишу больше.

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) Этого приложенія при *П.* нѣтъ.

CLXXXVI.

П. М. Языкову.

1827, Февраля 5. Дерптъ.

Поздравляю тебя съ маслиницей; надѣюсь, что у васъ на Руси торжественнѣе и значительнѣе и, слѣдственно, веселѣе, чѣмъ здѣсь въ Нѣметчинѣ, гдѣ все, что по-нашему называется гулять, носитъ на себѣ очень яркой отпечатокъ вялости, однообразія и даже ращетливости. Я проведу ети праздники мирно и уединенно, во свою пользу. Мое сообщеніе съ міромъ студентскимъ уже прекратилось съ половины прошлаго мѣсяца; я не хожу на лекціи, хотя все-таки состою подъ начальствомъ университета до времени екзамена.

Очень радуюсь, что домашнія смуты, недоразумѣнія и возмущенія въ нашемъ семействѣ, какъ ты пишешь, кончились, да и пора, потому что пора опомниться и пора перестать нуждаться въ урокахъ учителя — правда, вѣрного, за то нерѣдко опаздывающаго на часы ученія — времени. Впрочемъ, и то сказать: вѣдь я до сихъ поръ вовсе не зналъ, что у васъ тамъ дѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ братъ Алекс[андръ] отправился (прошлогоднею зимою) изъ Петербурга къ вамъ, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ. Онъ мнѣ написалъ только, что уже тогда — честь и слава тебѣ! — дѣло было кончено въ пользу благомыслящихъ, или, лучше, вообще мыслящихъ, но, видно, оно снова вспыхивало и длилось или тлилось до нынѣшняго времени. Дай же Богъ, чтобы впредь не было ему подобныхъ: иначе, противники исторіи будутъ имѣть новое доказательство ея безполезности.

Нашъ кураторъ Ливенъ теперь въ большой милости у Государя: именуется по волѣ Божіей, изъ ничего вселенную создавшей, Свѣтлѣйшимъ, и что всего удивительнѣе, такъ ето то, что нынѣшній Государь даетъ ето названіе высокопочетное въ наслѣдство. Впрочемъ, судьбы Божія неисповѣдимы, темна вода во облацѣхъ воздушныхъ.

Ты мнѣ ничего не писалъ еще о житьѣ-бытьѣ новобрачномъ А. Валуева. Етотъ предметъ вѣрно стоитъ письма, или — новость! — его теперешнее состояніе не любопытно и, подобно народамъ, коихъ бытописаніе читать скучно, щастливо? Желаю послѣдняго!

На меня нашла теперь сильная, но, къ нещастію, неотвратимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть, что голова вянетъ; вообще науки, въ которыхъ меня пытать станутъ, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ Парнасскому. Чтожъ дѣлать? Надобно покориться нуждѣ и

общественному мнѣнію, и духу времени. Трудъ все преодолѣваетъ, науки полезны — все ето правда, но все это не поэзія, которая не подчиняется требованію интереса или пользы, а дѣйствуетъ независимо и лишается своей божественности, когда имѣетъ цѣль. О! дай мнѣ только добраться до житья самостоятельного! Это составляетъ даже теперь, въ часы занятій сухихъ и скучныхъ, мою сладчайшую надежду, мечту любимую.

Свербѣевъ женится на какой-то княжнѣ Щербатовой, слѣдственно — будетъ принадлежать къ многочисленному обществу аристократовъ Россійскихъ и, чего не хотѣлось бы нашему брату, начнетъ жить въ суетѣ мірской, не помышляя нимало, что разм[н]оженіе рода человѣческого не есть первая цѣль бытія нашего, а только необходимость естественная, побужденіе отъ неблагородной части человѣка, проза, хотя иногда и называется поэзіею ошибочно. Дай Богъ щастія Свербѣеву: онъ долго и въ разныхъ широтахъ земныхъ искалъ его — да найдетъ же на родинѣ, дома, въ Москвѣ, въ объятіяхъ красоты и добронравія! Я собираю уже свѣденія о его возлюбленной: какъ ее зовутъ, какъ она смотритъ, какіе у ней глаза, волосы, ланиты и прочія условія любви вообще и въ особенности любви платонической — хочу поздравить его стиховно и порадоваться его радости.

Елис[аветѣ] Петровнѣ цѣлую ручки. Всѣмъ роднымъ мои почтенія и поклоны.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXXVII.

А. М. Языкову.

1827. Февраля [1]). [Дерптъ].

Ты несправедливо укоряешь меня, мой почтеннѣйшій, въ томъ, что слишкомъ долго приготовляюсь къ екзамену: вспомни, долго ли ето долго, и сверхъ того, что я нѣсколько времени до настоящаго времени не могъ заниматься, сколько хотѣлъ, зане недугъ томилъ или, лучше, безпокоилъ полнокровное тѣло мое; теперь все слава Богу! Ты хочешь дѣлать то же: съ Богомъ, по рукамъ! Лучше теперь переступить черезъ етотъ камешекъ преткновенія: послѣ, когда умъ уже вопьется, такъ сказать, въ свои любимые предметы и все постороннее за тлѣнъ и прахъ почитать станетъ, будетъ гораздо скучнѣе приниматься за всякую сушь, мѣлочь, прозу міра ученаго!

1) Число въ *П.* не поставлено.

Я уже писалъ тебѣ разъ, что всѣ мои финансовыя недоразумѣнія и непріятности благополучно и, конечно, невозвратно кончились: честь и слава Петру, прекратившему сію истому! Примѣръ поучительный для современниковъ и потомства! Живи съ умомъ, если хочешь жить добропорядочно. Жаль, что мнѣ пришлось не изъ теоріи, а изъ опыта познать достоинство сего правила. Впрочемъ, все къ лучшему, потому что нѣтъ худа безъ добра; а добра вѣдь искать должно, и всякой ищетъ, гдѣ угодно: главное — ищи, а найти-то найдешь.

Теперь возвратился сюда изъ путешествія по Сибири здѣшній профессоръ естественной исторіи Ледебуръ: говорятъ, открылъ необыкновенно много новаго — по царству животныхъ болѣе 600 существъ, а по ботаникѣ и щету нѣтъ. Онъ чрезвычайно доволенъ гостепріимствомъ жителей тѣхъ странъ, ихъ просвѣщеніемъ (онъ вездѣ находилъ тамъ людей, говорящихъ по латыни), и вообще хвалитъ нашу братью рускихъ, что рѣдко дѣлаютъ Нѣмцы.

Здѣсь теперь читаетъ лекціи статистики новоприѣхавшій профессоръ Блюмъ: онъ собственно мастеръ-то въ исторіи древней, и въ немъ-то можно видѣть во всемъ цвѣтѣ нѣмецкую точность и мелочность по наукамъ. Съ 17 Января до сихъ поръ продолжается опредѣленіе статистики; потомъ будетъ физическое обозрѣніе земного шара, а потомъ уже настоящая статистика: я, вѣроятно, не дождусь послѣдней. Разбирая разныя опредѣленія оной науки, онъ замѣтилъ, что ее нельзя называть исторі[е]ю настоящаго, потому что настоящаго вообще нѣтъ: вотъ каково!

Я не видалъ еще ни одной книжки Славянина, и слава Богу, что у меня нѣтъ теперь времени на стихи: не то, volens-nolens они туда бы поѣхали — святая воля Ал[ександры] Анд[реевны]! Ко мнѣ пристаетъ съ просьбою о стихахъ Орестъ Сомовъ: тоже издаетъ Альманахъ. У меня ничего нѣтъ.

Славная вещь Das Auge der Liebe Иммермана; я пришлю тебѣ, когда переплету: словно Шекспиръ; я давно искалъ достать ее, но не могъ до сихъ поръ, а теперь по случаю вымѣнилъ за сокращеніе исторіи философіи Тенемана — маленькая книжка — и не раскаиваюсь, зане ежели имѣть Тенемана — такъ большаго, а сокращенія мало, очень мало: онъ, вѣрно, у тебя есть.

Видѣлъ ли ты въ № 1 С[ына] О[течества] отрывокъ изъ драмматической поэмы Ижорской? Вѣдь, ето остатокъ послѣ Кюхельб[екера]. Онъ мнѣ читалъ его еще запрошлымъ лѣтомъ: кончилъ ли? Любопытно, что̀ вышло; онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него Фауста.

Альманахи Сѣв[ерная] Лира, Памят[никъ] От[ечественныхъ] Музъ и Невск[ій] Альманахъ отправляются въ Симбирскъ; получаютъ ли наши тамошніе мыслители рускіе журналы или живутъ совершенно пустынни-чески?

Жду съ нетерпѣніемъ Андромахи; да не напечатанъ ли Аристофанъ Шаховского?

Списокъ книгъ возвращается съ означеніемъ цѣнъ; гдѣ же ихъ не выставлено, тѣхъ книгъ достать нельзя; впрочемъ, двѣ, коими начинается списокъ, содержатся въ Jahrbücher, по словамъ книгопродавца. Ежели нужно будетъ ихъ здѣсь покупать, то и списокъ тотъ же да возвратится сюда — для неперемѣнности цѣнъ.

Весь твой Н. Языковъ.

CLXXXVIII.

А. М. Языкову.

1827, Февраля 14. Дерптъ.

Молодой человѣкъ, вручившій тебѣ письмо ето, есть Алексѣй Ник. Тютчевъ; онъ воспитывался въ здѣшнемъ университетѣ, служитъ уже съ полгода въ канцеляріи Министра Просвѣщенія; знакомлю его съ тобою: люби его, какъ ягоду одного поля со мною!

Письмо твое отъ 7 Февраля я получилъ. Благодарю за твое знакомство съ Д[ириной]; она еще не пріѣхала сюда — ждутъ послѣзавтра. Переводы Мерзлякова 2 часть мнѣ кстатѣ: у меня есть первая; впрочемъ, надобно замѣтить, что они только въ нашей литературѣ могутъ имѣть цѣну и что-нибудь значить: въ безрыбіи и ракъ рыба. Андромаху прочту съ большимъ удовольствіемъ, и напишу тебѣ, какъ на меня подѣйствуетъ. Ты получишь отъ Тютчева и нѣкоторую часть моей библіотеки — книги, которыя мнѣ уже здѣсь не нужны — и, между прочимъ, первую часть Исторіи Греціи Арсеньева. Ее надобно имѣть, и она, вѣрно, у тебя вся есть. Добрая книга, краснорѣчивая; жаль только, что въ ней много словъ иностранныхъ — и такихъ именно, коимъ равносильныя у насъ есть. Видно, что Арсеньевъ знаетъ Герена, Роттека особенно: онъ беретъ изъ нихъ много мыслей; ето и хорошо — не такъ ли?

Заботься объ руской исторіи; тутъ виол[і]отика необходима, и вообще надобно признаться, что собраніе книгъ по сей части будетъ намъ дороже стоить, нежели иностранныя книги. Такъ и должно быть: отечество

дорожс намъ чужихъ краевъ; истинный космополитъ есть существо метафизическое. Каковъ Альманахъ Измайлова? Его что-то сильно хвалитъ Сѣверная Пчела — или ето личность? Что говоритъ по сему случаю Амплій? Моск[овскій] Вѣст[никъ], ей Богу, хуже С[ына] О[течества] и С[ѣвернаго] Арх[ива]: въ немъ все что-то пустячки, въ родѣ Телеграфа. Участіе Пушкина видно не такъ сильно, какъ ожидали. Богъ знаетъ, что будетъ впередъ. Къ статѣ: гдѣ Грибоѣдовъ? Что нового въ войнѣ съ Персами? Здѣсь говорятъ много вздора объ ней. У тебя должны быть вѣрныя извѣстія по сей части текущей политики: напиши, что знаешь!

Мои занятія идутъ, слава Богу; я очень много полагаю надеждъ на великій постъ. Хочу ѣсть постное всѣ семь недѣль; ето мнѣ будетъ очень здорово въ тѣлесномъ, слѣдственно — и духовномъ отношеніи. Только едва ли возможно исполненіе етой великой мысли здѣсь, гдѣ нельзя достать ни грибовъ сушеныхъ, ни меду, ни квасу, и гдѣ одинъ картофель въ постъ представляется взору говѣющаго!

Я купилъ недавно славную книгу Лудена Geschichte des deutschen Volkes; вышло только двѣ первыя части. Не успѣю прочесть его до екзамена, а драгоцѣнное сочиненіе! Впрочемъ, при составленіи библіотеки надобно имѣть въ виду и будущее: оно важнѣе настоящаго — для меня по крайней мѣрѣ, котораго главная умственная дѣятельность откладывается всесильной волею Зевеса до поры, до времени!

Благодарю тебя за родственное твое намѣреніе собрать всѣ мои стихотворенія воедино. Я, съ своей стороны, пришлю тебѣ тоже кое-что для етого собранія: зане много писала рука моя, и здѣсь особенно, такова, что можно, по совѣсти поэтической, назвать вздоромъ, но что все-таки необходимо должно войти въ общую купу дѣлъ головы моей! Полемъ етаго собранія можно избрать книгу, въ которой я прислалъ тебѣ прошлою осенью стихи мои. Впрочемъ, и тутъ да будетъ твоя воля!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Обласкай, утѣшь, возлюби словомъ и дѣломъ Алек[сѣя] Н[иколаевича] Тютчева; онъ знатной малой, очень застѣнчивъ: ето наша добродѣтель!

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Амплія обнимаю заочно.

CLXXXIX.

А. М. Языкову.

1827, Февраля 20. Дерптъ.

На прошлой недѣлѣ[1]) получилъ я переводы Мерзл[якова] и Андромаху; благодарю тебя за то и другое. Ну, братъ, знаешь ли, что со мною сдѣлалось въ разсужденіи двѣнадцатилѣтняго труда Катенина? Я точно возхищался ею, когда, помнишь, слушалъ Грудева, ее читающого (при слушаніи вовсе не примѣтны и грубость слога, и неточность выраженій, и многословіе неумѣстное); теперь же вотъ какъ я ее понимаю: отдѣлкой характеровъ она ничуть не превозходитъ трагедій Озерова — еще едва ли Пирръ Озерова не ярче нарисованъ — а слогомъ отстаетъ отъ него на цѣлое столѣтіе, напоминая времена Сумарокова. Что всего лучше въ ней и несравненно лучше, чѣмъ у Озерова во всѣхъ его трагедіяхъ, такъ ето — планъ, хотя и въ немъ нѣтъ ничего геніальнаго и хотя всякой пѣшеходъ Парнасса, подумавъ 10 лѣтъ объ одной и той же пьесѣ, конечно, составитъ подобный. Я бы желалъ ее видѣть на сценѣ: Каратыгинъ долженъ быть торжественъ въ роли Пирра. Я давалъ ее читать Анд[рею] Тютчеву, которого братъ, конечно, уже доставилъ тебѣ книги (Гомера и Виргилія Фосса, Иліаду подлинникъ, Истор[ію] Арсеньева первую часть и еще что-то, теперь не помню) и съ тобой познакомился. Первый, прочитавъ Андромаху, возвратилъ мнѣ ее при запискѣ, которую здѣсь прилагаю[2]).

Ей Богу, не знаю, что мнѣ дѣлать съ Дельвигомъ: у меня теперь ровно ничего нѣтъ по части стиховъ моихъ новаго. Напишу эпистолу къ Свербѣеву, но она, вѣроятно, поспѣетъ уже послѣ выхода въ свѣтъ Сѣв[ерныхъ] Цв[ѣтовъ], долженствующихъ явиться въ текущемъ мѣсяцѣ.

Я посылаю для Катеньки, въ Симбирскъ, моего Гензіуса: лучшаго сдѣлать теперь не могу. Хорошо по сей части собраніе сказокъ изъ всѣхъ миѳологій Грима, да надобно выписывать — ето продолжится съ годъ. Покупаю для нашего обихода Geschichte der Hofnarren Флёгеля — вещь важная и необходимая для нашего брата мыслителя.

Дирина отъ тебя въ возхищеніи, мой почтеннѣйшій, — знай нашихъ! Она привезла много новостей изъ Петербурга, да что-то я имъ не вѣрю, почитая ихъ произведеніемъ охоты разсказывать, игры воображенія женского и вообще вздоромъ. Теперь, особливо теперь, по самому естествен-

---

1) Въ *П.* недѣли.

2) Эта записка помѣщена нами въ примѣчаніи къ настоящему письму.

ному ходу дѣлъ вообще, открыто широкое поле охотникамъ выдумывать анекдоты pro et contra, сказка и присказка государственная! Но человѣкъ мыслящій повѣряетъ, сличаетъ то и то, выводитъ заключенія не иначе, какъ изъ горнила разума, — и тогда уже вѣритъ чему-бы то ни было, кому бы то ни было!

Сдѣлай милость, освѣдомься у Амплія, каковъ по дѣламъ Г-нъ Вистенгаузенъ, родня Княжевичей, служащій въ Деп[артаментѣ] Госуд[арственнаго] Казн[ачейства]. Онъ отсюда; мы его хорошо знаемъ за человѣка недальнаго по уму — и любопытствуемъ слышать отъ устъ безпристрастныхъ Амплія, какъ его тамъ холятъ, гладятъ и грѣютъ.

Вотъ тебѣ моего труда студентская пѣсня — произведеніе пьяное, какъ ты замѣтишь (Амплій можетъ положить ее на музыку), но и она вѣдь должна войти въ общее собраніе стиховъ моихъ:

1.

Всему человѣчеству
Заздравный стаканъ,
Два полныхъ — отечеству
И славѣ славянъ!
Свободѣ божественной,
Лелѣющей насъ,
Кругомъ и торжественно
По троицѣ въ разъ!

2.

Поэзіи сладостной
И міру наукъ,
И буйности радостной
И удали рукъ!
Труду и бездѣлію,
Любви пировать,
Вину и веселію
Четыре да пять!

3.

Очамъ возмутительнымъ
И персямъ живымъ,

Красоткамъ чувствительнымъ,
Красоткамъ лихимъ!
Съ природою пылкою
Съ дешевой красой,
Послѣдней бутылкою —
И всѣ изъ одной!

4.

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но духъ возвышается,
Но громки слова!
Восторгами пьяными
Разнѣжился я —
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXC.

П. М. Языкову.

1827. Февраля 23. Дерптъ.

Письмо твое отъ 27 Января текущого года я имѣлъ удовольствіе получить — и благодарю тебя за то и другое. Я уже, кажется, свидѣтельствовалъ тебѣ мою глубочайшую признательность за твое истинно великодушное попеченіе о моемъ мирномъ и благодетственномъ житіи. Мои дѣла вообще пошли гораздо лучше, дѣльнѣе, рѣшительнѣе прежняго: честь и слава тебѣ, а мнѣ только польза до поры-до времени.

Я уже писалъ тебѣ, что не могу теперь даже сказать навѣрное, когда кончу мои приготовленія къ екзамену, потому что многое, весьма многое по сей части зависитъ даже отъ расположенія духа, особливо — моего, вовсе не привыкшаго заниматься противъ воли не тѣмъ, что составляетъ главное условіе жизни моей жизни, а предметами сухими, математическими, ровно никакаго сношенія съ моими божествами не имѣющими! Впрочемъ, трудъ все преодолѣваетъ. Мнѣ еще до сихъ поръ недостаетъ нѣкоторыхъ книгъ, необходимыхъ для екзамена дипломатического: такъ мало думалъ я прежде о факультетѣ, къ которому принадлежалъ по университету. Выпи-

сываю, что нужно по сей части, и, вѣроятно, прожду долго, мѣсяца съ два, зане книги такового рода вообще привозятся и сюда даже, гдѣ рассадникъ просвѣщенія, въ маломъ количествѣ.

Радуюсь, что Пиринька уже является, какъ ты пишешь, на пирахъ симбирскихъ; какъ бы то ни было, а ето полезно для души и тѣла: первая тамъ развивается, ободряется, одобряется, привыкаетъ къ свѣтской дѣятельности, а ета привычка, безъ которой нашъ братъ мущина легко обходится, необходима прекрасному полу; второе же (т. е. тѣло) дѣлается тамъ развязнѣе, плавнѣе, утонченнѣе, торжественнѣе и вообще научается обращаться легко, пріятно, очаровательно, мило! Неужели смуты, произведенныя набѣгомъ Неёлова въ широкомъ кругу нашей родни почтенной, все еще не вовсе затихли и продолжаютъ свое отрицательное дѣйствіе на обхожденіе оной съ нашими правилами? Жаль, но дѣлать нечего: человѣкъ слабъ вообще, а иной еще глупъ, другой спѣсивъ, третій и то и другое; таковъ ходъ природы нашей съ поконъ вѣка. Время — лучшій учитель, говоритъ пословица, но ежели ето и правда, все-таки и тутъ многое, очень многое зависитъ отъ способности самаго ученика: въ жизни общественной едва ли еще не больше, чѣмъ въ училищахъ, найдется людей, достойныхъ называться ослами въ семъ смыслѣ. Не правда ли?

Я было воз[на]мѣрился нынѣшній весь постъ пропоститься: первая недѣля шла еще хорошо, а вторая, теперешняя, совсѣмъ испортилась. Здѣсь вовсе нечего есть въ семъ случаѣ, кромѣ картофеля, картофеля и картофеля; а сія главная потребность гастрономіи Нѣмцевъ и въ мясоѣдъ уже мнѣ до смерти надоѣла, хотя и приправляется тогда еще кой-чѣмъ и скоромнымъ, сохраняя всегда важное право служить основою брашенъ. Замѣчу мимоходомъ, что мнѣ, котораго нездоровье происходитъ единственно отъ излишества здоровья, мнѣ необходимо будетъ впредь, когда буду на свободѣ и въ странѣ хлѣбородной, питаться болѣе пищею легкою, куда не принадлежитъ въ тѣсномъ смыслѣ картофель, ѣсть вещества кислыя и соленыя, зане изъ нихъ образуется менѣе крови, и такъ далѣе. Все ето возъимѣетъ свое дѣйствіе во время исполненія моего поэтическаго плана, о которомъ ты напрасно думаешь, что онъ только мечта, игра чувствъ, фантасмагорія!

Дюкъ хочетъ начать екзаменоваться для коллежского асессорства: видно, братъ, ужъ онъ мѣтитъ въ повышеніе значительное — дай Богъ ему чины и почести высокія! Елисаветѣ Петровнѣ и всѣмъ мои почтенія.

Весь твой Н. Языковъ.

О Пушкинѣ ничего не слышно; въ началѣ сего мѣсяца я писалъ къ нему въ Москву, гдѣ онъ тогда находился, по его собственному ко мнѣ писанію, но до сихъ поръ не имѣю отъ него отвѣта. Не всякому слуху вѣруйте, но испытуйте духа.

CXCI.

А. М. Языкову.

1827, Марта 2. Дерптъ.

Письмо твое отъ 26 прошлаго мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить; благодарю за него и за принятіе Тютчева. Правду сказать, онъ малой застѣнчивой и нелегкоплавной, и съ нимъ почти также трудно сойтись, особливо съ перваго разу, какъ и съ нами, почтеннѣйшій! Впрочемъ, таковая трудносообщительность, нелюдкость — едва ли не добродѣтель въ нашъ вѣкъ, развращенный, холодной, пустой, ращетливой.

Вотъ тебѣ новость изъ области, къ которой я уже не принадлежу, но въ которой все-таки принимаю участіе наблюдателя. Съ Перевощиковымъ случилось произшествіе очень, очень непріятное — слѣдствіе вѣрное и неизбѣжное мелочной подозрительности характера. На лекціяхъ онъ обошелся грубо съ однимъ студентомъ, разбранилъ[1]) его, какъ дѣлается въ школахъ Россіи православной, за то, что оный студентъ, не замѣтя его тихого присутствія въ углу комнаты, сталъ говорить съ другимъ, оборотясь задомъ къ почтенному профессору. Изъ таковаго поступка вышелъ, что называется, шумъ умственный въ мірѣ молодыхъ и пылкихъ жрецовъ музъ. Пер[евощиковъ] объявленъ отверженнымъ: никто ему не кланяется, не говоритъ съ нимъ, не ходитъ на его лекціи. Онъ жаловался суду университета; производится дѣло, и неизвѣстно, чѣмъ кончится, ибо патріархальная, или лучше патріаршеская, гордость, вѣроятно, не допуститъ оскорбителя просить прощенія у людей, въ нѣкоторомъ смыслѣ ему подчиненныхъ.

Для составленія библіотеки по части Рус[ской] исторіи намъ нужно будетъ купить Вѣстникъ Евр[опы] (съ тѣхъ поръ, какъ его издаетъ Каченовскій): въ немъ часто находятся статьи многозначительныя, даже и въ текущіе годы, а въ прошлыхъ еще болѣе.

Поздравь Илличевского съ его рѣшительнымъ выступленіемъ въ свѣтъ литтературный; да будетъ оно торжественно, славно и значительно въ смыслѣ поэтическомъ!

---

1) *П.* расбранилъ.

Вотъ посланіе, которого тебѣ не принесъ Виньи (Vigne):

Невольный гость Петрова града,
Нащастный другъ веселыхъ мѣстъ,
Гдѣ мы кистями винограда
Разукрашаемъ жизни крестъ,
Гдѣ такъ роскошно, такъ свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы ликовали всенародно
Во здравье новаго Царя,
И праздникъ нашъ странноприимный,
Шумя, по городу гулялъ,
Стекло звенѣло, пѣлись гимны,
Тимпанъ торжественный бряцалъ!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволитъ передъ тобой
Стаканъ поставить пуншевой
Или чарующія вины —
И вспомнишь юности лихой
Краснорѣчивыя картины!
Какъ мы пивали, пей до дна,
Пируй по нашему, на диво —
И вновь плѣнительно и живо
Тебѣ привидится она!

Окт. 1826.

Въ Альбомѣ В[оейков]ой едва ли есть что-нибудь даже путное изъ моихъ стиховъ, неизвѣстныхъ тебѣ. У Д[прин]ой — больше даже вздора: я спишу и пришлю тебѣ.

Да будетъ нынѣшній годъ рѣшителенъ по части пристройки непристроенныхъ частей нашего семейства! Съ Богомъ: все хорошее — хорошо!

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXCII.

А. М. Языкову.

31 Марта, 1827. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ тебя писемъ, мой почтеннѣйшій, а между тѣмъ третьяго дня получилъ — конечно, отъ тебя — 150 р. денегъ: ты,

вѣрно, симъ посланіемъ оныхъ ко мнѣ передъ свѣтлымъ праздникомъ хотѣлъ мнѣ не комплиментъ сдѣлать, а вызвать меня на ѣзду въ вашъ славный Петербургъ. Къ Троицѣ я непремѣнно явлюсь; причины етого отлагательства тебѣ уже извѣстны изъ письма моего, предшествовавшаго сему настоящему. Я покуда говѣю, завтра причащаюсь: вотъ и все, что у меня новаго по части моихъ трудовъ и поэзіи.

Видно, въ Москвѣ молодежь-то литературная не пустяками занимается, а переводитъ книги полезныя и знаменитыя, что напечатано въ 6 № Моск[овскаго] Вѣстн[ика]. Когда-то и мы, другъ мой, начнемъ дѣйствовать торжественно, писать во всеуслышаніе? Будущее одному Богу извѣстно; человѣкъ слабъ. Не слышно ли чего-нибудь о Пушкинѣ? Гдѣ онъ проживаетъ? Я уже болѣе двухъ мѣсяцовъ отъ него писемъ не имѣю, а Богъ знаетъ, чего-чего не можно предполагать для объясненія сего молчанія. Честь и слава Амплію: онъ исполинскими шагами идетъ по поприщу Сѣверн[аго] Архива: цѣлыя книжки онаго журнала путешествій и нравовъ наполняются трудами пера его, и, сверхъ того, Кольне уже конченъ; честь и слава да и только!

Какъ твое здоровье? Смотри, братъ, хорошенько за собою; я тебѣ живой примѣръ осторожности по части приключеній, отъ коихъ можно захворать неблагопристойно: я ни разу не попадалъ въ просакъ въ семъ смыслѣ, а живу въ Дерптѣ четыре года, былъ студентомъ и, слѣдственно, не ско{л}плялъ себя ради царствія небеснаго.

Прощай покуда.

Весъ твой Н. Языковъ.

Кланяйся и христосуйся за меня со всѣми почтеннѣйшими литераторами и проч.

CXCIII.

Матери.

1827, Апрѣля 5. Дерптъ.

Поздравляю васъ съ наступившимъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія, любезнѣйшая Маминька! Здѣсь онъ какъ-то ни то, ни сё. Я говѣлъ на Страстной недѣлѣ, исповѣдовался, причастился — и послѣ текущихъ праздниковъ снова примусь за труды и подвиги духовные. У насъ весна стоитъ прекраснѣйшая: свѣтло, тепло, даже жарко, тихо и вообще разгульно. Къ Троицѣ съѣзжу въ Петербургъ; я было хотѣлъ сдѣлать ето къ

Святой, да не возмогъ; притомъ же и самыя дороги теперь еще не въ исправѣ, и ѣзда тряска до крайности.

Вы уже, конечно, переѣхали въ деревню: радуюсь вашей радости; и мнѣ придется съ мѣсяцъ пожить гдѣ-нибудь недалеко отъ Дерпта, на воздухѣ вольномъ, для окончанія моихъ дѣлъ къ экзамену, а въ городѣ здѣсь и пыльно, и скучно, и жарко во дни жаркіе.

Кто у васъ губернаторомъ? и каковъ молодецъ? Я только слышалъ, что уже не хохолъ. Что подѣлываетъ ваша мадамъ и чему учитъ Катушу? и каково идетъ ученье? Когда переселюсь вовсе къ вамъ, то я и самъ могу кой въ чемъ быть учителемъ Катуши и, вѣрно, сдѣлаю свое дѣло не хуже всякой наемницы. Всё будетъ. Когда же будетъ — Богъ знаетъ.

Что подѣлываетъ Параша? Она ко мнѣ давно не писала, и я къ ней тоже; да вѣдь ето съ ея стороны не отговорка: она, вѣрно, знаетъ и чувствуетъ, что мнѣ гораздо любопытнѣе и нужнѣе ея письма, чѣмъ ей мои.

Прощайте покуда. Христосъ воскресъ! Пора на почту.

Вашъ покорнѣйшій сынъ
Н. Языковъ.

Всѣхъ цѣлую.

CXCIV.

А. М. Языкову.

1827, Апрѣля 6. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ тебя ни строки, мой почтеннѣйшій. Что заграждаетъ уста пера твоего такъ долго и необычайно? Я говѣлъ, исповѣдовался, причастился, разговѣлся и встрѣтилъ довольно печально праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ, день воскресенія Спасителя. Теперь я сдѣлался какъ-то нелюдимѣе прежняго: никуда и ни къ кому не хожу; впрочемъ, мнѣ скучно не отъ того, что одиночествую и чуждаюсь всего людского мірского и тлѣнного; причина такой скуки, она — въ душѣ моей, она — въ моей крови!

На прошлой почтѣ получилъ я посылку, довольно странную, изъ вашего Петербурга, чернильницу, предметъ роскоши; не знаю, отъ кого, почему и что предполо[га]ть? Сѣвер[ные] Цвѣты и Антологическіе Опыты Иллич[евскаго] имѣю; первые вообще хуже прошлогоднихъ, особливо прозою, а послѣдніе... Илличевскій намъ добрый пріятель.

Прощай покуда. Пора на почту.

Весь твой Н. Языковъ.

CXCV.

А. М. Языкову.

1827. Апрѣля 13. Дерптъ.

Письмо твое отъ 8 текущаго мѣсяца я получилъ. Ты говоришь въ немъ, что я опять подшутилъ надъ тобой моимъ обѣщаніемъ пріѣхать къ тебѣ о Святой; ты не находишь достаточными причины таковой моей неустойки, на которыя я когда-то сослался: можетъ быть, и то и другое правда, но ты знаешь самъ, любезнѣйшій, какъ тяжелъ я во всѣхъ дѣлахъ моихъ, особливо тамъ, гдѣ и тѣло должно участвовать. Я же хочу сдѣлать тебѣ сюрпризъ по части нашего свиданія — и сдѣлаю, клянусь четой и нечетой! Ты понапрасну нападаешь на рокъ (fatum) въ твоемъ письмѣ, говоря о моемъ пріѣздѣ: увѣряю тебя чистосердечно и простосердечно, что онъ совершенно невиненъ въ етой винѣ моей собственной; за то и поправлять ее не ему предоставляется, какъ увидишь!

Читалъ ли ты, какъ расхвалилъ Ампліевъ переводъ Пустынника Погодинъ? Нельзя ли замѣтить почтенному литтератору и любовнику пламенному, что мнѣ кажется непристойнымъ заглавіе оной книги: зачѣмъ Сен-Жерменское предмѣстіе, а не предмѣстіе Св. Гермогена? Не правда ли? Мнѣ жаль, что страсть Ампліева доставила ему только муку и кипятокъ душевной: ничего существенного, ничего усладительного въ смыслѣ надеждъ любовныхъ! Ты совѣтуешь ему увезти свою возлюбленную: спрашиваю — куда? Да и то сказать, что если бы и можно было на сей вопросъ отвѣчать утвердительно, то не раздражатся и не ополчатся ли на Амплія еще сильнѣе и свирѣпѣе его враги и супостаты за таковой казацкій поступокъ? А пріобрѣсть въ супружницы, такъ сказать, только кожу да кости и сверхъ того еще скорбь, гнѣвъ людей, долженствующихъ бы наполнять щастіе — ето, ей Богу, ужасно, убійственно, худо!

Здѣсь носится слухъ, что Гнѣдичь опасно и неисцѣлимо боленъ; если ето правда, то оплачьте музы смерть любимца своего: онъ принесъ уже и могъ еще принесть необычайную пользу нашей литтературѣ! Что же его Иліада?

Изъ Симбирска давно ничего не знаю. Помнится, мнѣ писала маминька, что мамзель, у насъ пребывающая, не занимается съ Пируней, а съ Катенькой плохо: чтожъ она, шельма? Или ето фантасмагорія, обманъ оптическій?

Прощай до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CXCVI.

А. М. Языкову.

21 Апрѣля, 1827. Дерптъ.

Ты справедливо замѣчаешь, мой почтеннѣйшій, что я напрасно не пріѣхалъ къ тебѣ о Святой, но такова судьба человѣческая: пожди, все будетъ — и будетъ хорошо. Что же касается до краткости моихъ писемъ въ текущее время, то я выписываю по сему случаю слѣдующія слова изъ втораго соборнаго посланія Іоанна Богослова: многа имѣхъ писати вамъ, и не восхотѣхъ хартіею и черниломъ, но надѣюся пріити къ вамъ, и усты къ устамъ глаголати, да радость ваша будетъ исполнена.

Скоро отсюда отправляется въ Петербургъ братъ того Бюша, который тебѣ и вообще всякому встрѣчному и поперечному надоѣдалъ и надоѣдать будетъ; я сего новаго Бюша буду рекомендовать тебѣ: онъ знатный малой; нельзя узнать, что братъ прежнему, докторъ медицины, путешествовалъ въ чужеземіи, весельчакъ, острякъ; Киселевъ его знаетъ дружелюбно. Съ нимъ же пришлю и нѣсколько книгъ.

Къ статѣ о чернильницѣ: В[оейков]а, какъ слышно, скоро или вообще нынѣшнею весною сюда будетъ; етотъ случай, конечно, оживитъ мою жизнь, Музу и вообще все мое хорошее — дай Богъ, дай Богъ! Въ нынѣшнемъ году, кажется, былъ выпускъ изъ Екатерининского института, откуда всегда во множествѣ являются мамзели, собесѣдницы, гувернан[т]ки и прочія потребности жизни семейственной. Не захватить ли тебѣ, кстатѣ, изъ нихъ одну: вѣрно, есть и хорошія, и хорошенькія, и умныя, и образованныя. Къ слову пришлось: одна изъ оныхъ теперь здѣсь и дѣлаетъ много шуму въ молодежи — нѣмочка, развертливая, быстро-черноглазая. За ней гонка съ утра до вечера; всѣ говорятъ объ ней только — и объ ней только слушаютъ съ удовольствіемъ (вспомни извѣстное производство сего послѣдняго слова).

Жду съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ стихотвореній Катенина; правда, что у него вездѣ слогъ топорной работы, за то много національного, и есть кое-гдѣ сила — вотъ главное! На комъ женился П. С. Наумовъ? Я предполагаю—на иностранкѣ; знакомъ ли ты съ его половиною? и неужели оно — его половина?

Что подѣлываетъ Амплій, свирѣпствующій по части ....?[1]) Пуш-

1) Одно слово не разобрано: м. б., Зонъ?

кинъ поживаетъ въ Москвѣ; лѣтомъ пріѣдетъ онъ въ Псковскую свою деревню, и меня туда приглашаютъ сильно къ тому времени — а не поѣду! Зовутъ также на сватьбу къ Дириной въ Старую Русу — тоже не ѣду!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Цѣлуй други по имени.

CXCVII.

А. М. Языкову.

Мая 2. 1827. Дерптъ.

Съ нѣкотораго времени твоя переписка со мною приняла характеръ, такъ сказать, полемической, критической. Одна сторона постоянно предлагаетъ другой на разрѣшеніе вопросы: зачѣмъ ты не пріѣхалъ тогда-то? пріѣдешь ли? и когда? Другая отвѣчаетъ: собственно не знаю, зачѣмъ не пріѣхалъ, потому что вообще часто не знаю, за чѣмъ то-то дѣлаю, того-то не дѣлаю; пріѣду — и нынѣшнею же весною. Увѣряю тебя, мой почтеннѣйшій, что еще прежде начатія лѣтнихъ каникулъ текущаго года мы насладимся взаимнымъ лицезрѣніемъ, хоть недѣли съ двѣ: вѣдь, и въ ето короткое время можно много кой о чемъ поговорить, перетолковать, согласит[ь]ся, особенно людямъ, давно не говорившимъ одинъ съ другимъ изустно и ожидающимъ только свиданія — да выскажутъ все, что есть на сердцѣ давно приготовленнаго, давно переработаннаго въ горнилѣ опыта, на огнѣ размышленія!

Мнѣ очень любопытно будетъ увидѣть Фриша: у него можно выспросить много вѣрного о Сибири вообще и теперь въ особенности; онъ, конечно, отвѣтственнѣе по [с]ей части и вообще, нежели нашъ любезный пріятель Кулибинъ, который, какъ и ты помнишь, разсказывалъ намъ объ ней только то, что мы сами могли разсказать ему на досугѣ. Кланяйся Фришу: я его, конечно, еще застану въ Питерѣ.

Исторію о сѣменахъ, если хочешь, пожалуй, возобновлю; но ты согласись, что для исполненія желанія брата въ етомъ дѣлѣ необходимо должно имѣть мнѣ отъ него писцевой наказъ, что, какъ и сколько нужно. Покуда я соберу справки. Профессоръ Ледебуръ привезъ много новыхъ растеній (сухихъ) изъ Сибири; онъ издаетъ ихъ описаніе.

Во[ейков]а еще все не пріѣхала; не знаю и не могу предсказать удовлетворительно, во благо ли, во зло ли она на меня подѣйствуетъ относительно поэзіи, но введетъ меня навѣрное въ убытокъ карманной; шью себѣ фракъ,

пантолоны и жилетъ, зане я до сихъ поръ обходился безъ нихъ, а теперь нельзя же — самъ посуди!

Замѣтилъ ли ты въ Моск[овскомъ] Вѣст[никѣ] № 8, что Мих. Дмитріевъ подражаетъ Вяземскому въ родѣ прозаической поэзіи сего послѣдняго — и очень удачно для начинающаго! Сочиненіями Булгарина подарилъ меня Аладьинъ: хорошенькое изданьице, а самыя сочиненія едва ли достойны и половиннаго числа на нихъ подписавшихся. Особенно статьи въ родѣ Жук[овскаго] и Адиссона — хоть шаромъ покати!

Намъ, слѣдственно и мнѣ, предстоящій экзаменъ, т. е. предметъ онаго, перемѣняется значительно; еще не знаемъ, что выдетъ; ето, какъ бы то ни было, все непріятно нашему брату.

Книги къ Гофману отправятся возможно скоро, съ первымъ фурманомъ, но ты не написалъ мнѣ, какъ адресовать ихъ къ Гофману. Нужны подробности для дѣла столь сложнаго, денежнаго. О цѣнѣ я переговорю съ книгопродавцемъ; онъ, конечно, сдѣлаетъ уступку — и по обыкновенію, и изъ уваженія къ лицу моему. Все хорошо!

Жалѣю, что не исполнилось ожиданіе Катенина[1]) по случаю 2-го представленія Андромахи: онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ, какъ на пожаръ! Впрочемъ, и то сказать, что едва ли есть въ подсолнечной публика — глупѣйшая, необразованнѣйшая и безхарактернѣйшая нашей театральной.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Матери.

CXCVIII.

2 Мая, 1827. Дерптъ.

Я давно уже ни строки не получаю изъ Симбирска; не знаю даже, гдѣ вы находитесь теперь: въ городѣ ли, въ деревнѣ ли, вмѣстѣ ли, или по разнотѣ? Отъ брата же Александра я получаю, и то изрѣдка, извѣстія о вашемъ житьѣ-бытьѣ — и то неудовлетворительныя.

Весною отправляется къ вамъ въ Симбирскъ мой товарищъ и пріятель задушевный Татариновъ, почтенный студентъ здѣшняго университета, побывать у родныхъ, подышать родимымъ воздухомъ, посмотрѣть на родимыя поля, холмы, лѣса, рѣки и, наконецъ, отдохнуть хоть на нѣсколько недѣль отъ трудовъ многихъ, многообразныхъ, утомительныхъ, сухихъ! Жаль, что

1) Въ *II.* Канетина.

я не могу ему сопутствовать на семъ пріятномъ пути его жизни. Съ нимъ собирается ѣхать и Наумовъ, птенецъ недавно сюда пріѣхавшій, еще здѣсь не обжившійся и уже стосковавшійся по родинѣ.

Я скоро поѣду въ Петербургъ: къ Святой не удалось какъ-то, а мнѣ хочется еще хоть разъ повидаться съ братомъ до совершеннаго и конечнаго окончанія дѣлъ моихъ въ Дерптѣ; да и нужно кое-объ чемъ переговорить, перетолковать, согласит[ь]ся: изустно какъ-то ловче, открытѣе и вообще лучше.

Слышно, что у васъ гувернан[т]ка взбунтовалась, подняла тревогу: въ чемъ же дѣло? Развѣ нельзя пріискать, и скоро даже, лучшую — тѣмъ болѣе, что она была нехороша, какъ говоритъ молва? Поручите брату: онъ не положитъ на свою руку охулки — найдетъ, пожалуй, хоть конститутку!

Брату Петру напишу больно много на слѣдующей почтѣ: теперь поздно началъ. Обнимаю его, всѣхъ цѣлую. Здѣсь уже начинаются жары, подобные прошлогоднишнимъ — не въ терпежъ! Парашу и Катушу цѣлую.

Вашъ покорнѣйшій сынъ
Н. Языковъ.

CXCIX.

А. М. Языкову.

Мая 6. 1827. Дерптъ.

Вотъ тебѣ Г-нъ Бюшъ, братъ Дерптскаго выходца, мною тебѣ тоже въ свое время рекомендованнаго. Прими его въ мое воспоминаніе, обласкай, угости, полюби даже!

У меня есть много вопросовъ, ожидающихъ твоего отвѣта; всѣ они почти политическіе, и для того я въ моихъ почтовыхъ письмахъ ни строки не посвящаю сей любопытной части моего любопытства, откладываю до свиданія: почтовая бумага коварна.

Что ты мнѣ ничего не написалъ о Цыганахъ Пушкина? Видно, они еще не вовсе явились въ свѣтъ, что Аладьинъ медлитъ мнѣ прислать ихъ. Етотъ любезный человѣкъ меня вполнѣ снабжаетъ всѣми литературными новостями нашими; онъ меня такъ избаловалъ, что я уже тотчасъ по выходѣ новой книги жду ея, какъ дани за нѣсколько стиховъ, отданныхъ въ Нев[скій] Альм[анахъ]. Каковъ Литературн[ый] Музеумъ В. Измайлова? Его что-то сильно разхвалили.

Г-нъ Бюшъ — докторъ медицины; ты его примешь сообразно величію

сего ученаго достоинства; онъ видѣлъ чужеземію — есть объ чемъ поговорить съ нимъ, онъ жилъ въ Дерптѣ — есть объ комъ поговорить съ нимъ.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

На послѣдней страницѣ, при сгибѣ составляющей конвертъ, написано:

Александру Михайловичу Языкову. Въ С. п. б., на Большой Милліонной, въ домъ Роспини.

CC.

А. М. Языкову.

1827, Мая 17. Дерптъ.

Радуюсь, что новый Бюшъ тебѣ понравился; да искупитъ онъ скуку, причиненную тебѣ нѣкогда его братомъ. Видно, правда, что въ мірѣ подлунномъ существуетъ равновѣсіе: вчера худо — завтра хорошо, то глупо — то умно, такъ и далѣе. Мнѣ теперь очень, очень скучно; душа, что ни говори, часто можетъ быть называема представительницею состоянія тѣла: у меня уже мѣсяца съ два, какъ опять начались головныя боли, какъ я тебѣ въ то время описывалъ. Ето мнѣ надоѣдаетъ, останавливаетъ мои успѣхи просвѣщенія; иногда одинъ припадокъ головной по утру гадитъ цѣлый день! Таковый недугъ, не смотря на то, что продолжается обыкновенно нѣсколько минутъ, сильнымъ съ ногъ сшибающимъ припадкомъ вливаетъ мнѣ въ душу какое-то хладнокровіе ко всему земному и неземному. Когда, Богъ дастъ, возмогу пріѣхать въ Пет[ербургъ], то поговорю объ етомъ съ Смѣльскимъ; здѣшніе ескулапы совѣтуютъ мнѣ больше двигаться, да ето скучнѣе всякой скуки: напримѣръ, я хожу съ часъ времени, возставъ отъ сна — лучшее время для дѣла! Ета ходьба наводитъ большую усталость во время жара и отнимаетъ еще много времени доброго; вечеромъ должно дѣлать то же. Ходить здѣсь некуда и не съ кѣмъ; одному несносно толкаться безъ плана, безъ цѣли. Все ето надобно поправить — и поправиться съ Божіею помощію! Вода горькая, о которой я писалъ тебѣ, что пью ее по утрамъ, на тощакъ, дѣйствительно помогла было мнѣ передъ весною; я пилъ ее мѣсяца съ два; кончилось тѣмъ, что она кончилась. Вотъ, мой почтеннѣйшій, нѣкоторые матеріалы исторіи моего приготовленія къ экзамену и предметъ исторической критики! Вмѣсто физики и чистой математики, въ нашъ екзаменъ взято Institutiones, русское частное право и енциклопедія наукъ юридическихъ.

Книги для Канцел[яріи] поѣдутъ или съ первымъ фурманомъ, или, ежели найду, съ попутчикомъ: послѣднее было бы лучше гораздо.

Съ нѣкотораго времени меня началъ посѣщать — и очень часто — профессоръ воинскихъ наукъ Адеркасъ: не знаю, за что такая милость. Съ нимъ толковать или, вѣрнѣе выражусь, его слушать очень пріятно; онъ читалъ необыкновенно много по всѣмъ частямъ, говоритъ безъ устали, иногда непонятно, иногда остроумно, и страненъ до невѣроятности. Поводомъ къ нашему знакомству было желаніе его узнать что-нибудь о Вульфѣ, его любимцѣ, моемъ пріятелѣ. Съ этаго началось — и пошло, и пошло. Адеркасъ совѣтуетъ мнѣ приготовляться къ екзамену безъ спѣха, малу по малу, съ прохладою: етотъ де способъ вѣрнѣе и пріятнѣе, особливо тѣмъ, кто принадлежитъ къ своему факультету только по должности. Видѣлъ ли ты, что Пушкинъ тиснулъ нѣсколько стиховъ своихъ ко мнѣ въ М[осковскомъ] В[ѣстникѣ]? Зачѣмъ ето? Видно, у него недостаетъ помоги издателю онаго журнала. Фукса мнѣ прислалъ Аладьинъ: книга любопытная только по своему предмету, а все, что сочинитель ея отвѣчалъ Суворову, всѣ его похвалы ему, разсужденія — все вздоръ, особенно отвѣты чрезвычайно пошлы и надуто-глупы.

Извѣсти брата Петра, что объ доставленіи ему сѣменъ различныхъ приняты мною рѣшительныя мѣры. Гдѣ онъ? Писемъ отъ него давно не получаю и вообще ничего не получаю изъ Симб[ирска], что явствуетъ изъ столь долгаго неисполненія обѣщанія моего пріѣхать къ тебѣ, мой почтеннѣйшій.

Сочиненія Катенина буду распространять здѣсь билетно; только не жди большаго успѣха: Нѣмцы вообще не охотники до подписокъ на что бы то ни было, а русскихъ здѣсь очень, очень немного. Кланяйся ему.

Весь твой Н. Языковъ.

CCI.

Матери.

Мая 19, 1827. Дерптъ.

Я все еще только собираюсь ѣхать въ Петербургъ. Такова судьба моя теперь: живу въ жару и скукѣ, жду погоды и когда дождусь и дождусь ли вообще — не знаю.

Мой почтенный пріятель Татариновъ доставилъ мнѣ очень пріятную возможность писать къ вамъ. Примите его, какъ выходца изъ краевъ, гдѣ я до сихъ поръ томлюсь и вздыхаю, какъ человѣка близкаго мнѣ по сердцу, дѣламъ и бездѣлью, какъ ягоду одного поля со мною; обласкайте, угостите въ мое воспоминаніе; онъ много разскажетъ вамъ о моемъ житьѣ-бытьѣ,

о Дерптѣ вообще — много любопытнаго, чего бы я и самъ не разсказалъ и чего не можетъ быть въ моихъ письмахъ потому именно, что языкъ, чей бы то ни былъ, всегда откровеннѣе пера: зане послѣднее пишетъ подъ надзоромъ глазъ, которыя часто не видятъ, что языкъ дѣлаетъ. Съ нимъ (т. е. съ Татариновымъ) собирался было и Наумовъ, птенецъ еще недавно сюда пріѣхавшій и стосковавшійся уже по родинѣ, да вышло не такъ: бѣдняжечка сидитъ здѣсь между Нѣмцами, за тонкимъ чаемъ, сухощавымъ бутербротомъ и, вѣроятно, жалуется Богу и всѣмъ святымъ на судьбу, разлучившую его съ родными и милыми — и еще въ такое время года, когда все манитъ къ своимъ, въ деревню: и плоды земные, и молоко жирное, и гульба по лѣсамъ и садамъ, и сонъ вдоволь, и жизнь безкнижная! Дѣлать нечего: терпи, жди лучшаго, да того и гляди, что будетъ еще хуже.

Я хотѣлъ было послать при семъ къ вамъ нѣкоторыя книги, да Татар[иновъ] ѣдетъ налегкѣ, въ дилижансѣ, почитай что верхомъ; сверхъ того, и главнѣйшія изъ книгъ, выписываемыхъ мною для Катуши, еще до сихъ поръ не пріѣхали: всё говоритъ мнѣ книгопродавецъ, что скоро будутъ.

Мои почтенія Александру Дмит[ріевичу] и его любезнѣйшей супругѣ и всѣмъ вообще нашимъ. Катушу цѣлую.

Вашъ покорнѣйшій сынъ
Н. Языковъ.

CCII.

П. М. Языкову.

Мая 19, 1827. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ тебя писемъ, мой почтеннѣйшій! Ты вовсе забылъ меня; я даже не знаю, гдѣ ты находишься, не говоря уже о томъ, что ты дѣлаешь, чего надѣешься, куда стремишься. Я всё еще собираюсь въ Петербургъ, и всё еще ни съ мѣста, зане не имѣю перваго условія всякаго путешествія по почтѣ — денегъ. Жду нетерпѣливо и, вѣроятно, дождусь къ положенному времени.

Сѣменъ скоро соберу и пришлю тоже при возможности; я уже снесся съ здѣшнимъ Ботаническимъ садомъ; получилъ отвѣтъ утвердительный и скоро получу самую вещь; жаль, что ты мнѣ не напомнилъ объ етомъ еще зимою: теперь пора сѣянія уже миновалась, но все-таки годятся напредки.

Вотъ тебѣ Татариновъ, мой прежній почтенный товарищъ, такъ сказать — собратъ въ здѣшнемъ вертоградѣ наукъ, гульбы и прочихъ дѣлъ и

забавъ юности человѣческой. Прими, обласкай, угости его въ мое воспоминаніе. Мнѣ очень хочется съѣздить поскорѣе къ брату: нужно съ нимъ кое о чемъ многомъ переговорить, поспорить, перетолковать, согласиться и, наконецъ, прохладиться отъ настоящихъ жаровъ, трудовъ, науки и скуки. Мнѣ теперь чрезвычайно скучно — слѣдствіе пустоты сердечной, а не пустоты карманной, какъ можно бы было замѣт[ит]ь, зная мои обстоятельства. Напиши же мнѣ хоть что-нибудь и хоть одинъ разъ въ наступающее лѣто; утѣшь меня сладкою утѣхою мысли, что обо мнѣ помнятъ въ отдаленной Болгаріи, Уфѣ, или, можетъ быть, и далѣе — на сѣверъ или югъ Россіи!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Елисаветѣ Петровнѣ здравствую, цѣлую ея ручки, свидѣтельствую мое почтеніе — и всѣхъ и вся. Парашѣ тоже; какъ она поживаетъ? Что мамзель послѣ бунта ея свирѣпаго, нежданнаго и, можетъ быть, благодѣтельнаго?

CCIII.

А. М. Языкову.

1 Іюня, 1827. Дерптъ.

Я получилъ твое письмо отъ 24 Мая; ты въ немъ уже не такъ грозенъ являеш[ь]ся противъ меня, какъ въ предъидущемъ — и хвала за то Провидѣнію, и честь тебѣ, а мнѣ удовольствіе и польза! Теперь, милой мой, одно изъ главнѣйшихъ препятствій ѣзды моей (для меня) отвращается — именно то, что я не зналъ, куда мнѣ дѣвать Ивана, если ѣхать въ дилижансѣ. Здѣсь оставить не на кого, негдѣ и незачѣмъ; притомъ же, и напредки онъ мнѣ вовсе не нуженъ — мнѣ, который по возвращеніи отъ тебя долженъ будетъ оставить всю холь жизни и предаться душой и тѣломъ, денно и нощно, одной мысли поскорѣе кончить, наконецъ, мои томленія въ Дерптѣ и возстановить себя самаго благоденствію и радости, и спокойствію! Случай отправленія книгъ для канцеляріи (въ нихъ недостаетъ только двухъ) подалъ мнѣ намѣреніе присовокупить къ онымъ нѣсколько своихъ, поставить надъ ними Ивана — и такъ въ Питеръ! О себѣ скажу тебѣ только то, что я теперь, благодаря природѣ и искуству, нахожусь, слава Богу, спокойнѣе и дѣйствительнѣе въ нѣкоторомъ смыслѣ, чѣмъ прежде, недавно, во время, изображенное тебѣ, какъ видно изъ письма, разсказами Татаринова. Ты несправедливо думаешь, что я и послѣ извѣст-

ного тебѣ казуснаго дѣла о моихъ долгахъ продолжаю жить за границею нашего бюджета; совсѣмъ нѣтъ: урокъ оный былъ мнѣ очень полезенъ, какъ вообще всѣ уроки человѣку замѣчательному, но дѣло въ томъ, что самъ бюджетъ мой послѣ того случая какъ-то еще ни разу не воспоминалъ о моемъ существованіи; жду, надѣюсь скоро получить ожидаемое изъ Симбирска — и тотъ же день въ твои объятія: будь спокоенъ! Я купаюсь много — и нарочно хожу купаться далеко, далеко (утромъ рано и вечеромъ поздно), чтобы доставить тѣлу моему больше движенія, истомы и слѣдственно — прохлажденія: ето очень благодѣтельно.

О цѣнѣ книгъ для Канц[еляріи] вотъ что: книгопродавецъ говоритъ, что онъ не можетъ ни чуть-чуть збавить оной, потому что онѣ принадлежатъ не ему. Впрочемъ, пересылка ихъ за то выиграна казнѣ. За все, что ты получишь съ Иваномъ, отдай Фурману, въ мое воспоминаніе, только 25 рубл.

Сюда со дня на день ожидаютъ В[осйков]у; мнѣ непремѣнно надобно посмотрѣть на нее, хоть издали—не такъ ли? Притомъ, она привезетъ много новаго и любопытнаго по всѣмъ частямъ. Для услажденія же твоего ожиданія моего пріѣзда написалъ я къ тебѣ посланіе, здѣсь прилагаемое [1]) — доказательс[т]во, что я нѣсколько ободрился и въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце!

Здѣсь проѣхалъ недавно въ чужеземію Меньшенинъ, зашелъ ко мнѣ— и пробылъ у меня все время перепреганія копей въ дилижансѣ, гдѣ ѣдетъ. Съ нимъ весело говорить, особенно о Любарскомъ. О братѣ Петрѣ онъ разсказывалъ мнѣ только то, что ученый комитетъ Г[орнаго] К[орпуса] спрашивалъ нашего симбирского химика о чемъ-то, что онъ отвѣчалъ чрезвычайно кратко, почти не отвѣчалъ и симъ побудилъ спросить себя вторично. Объ чемъ — не знаю! Видно, Петръ рѣдко сносится съ ученостію и Васильемъ — и забываетъ всѣхъ и вся, пребывая на лонѣ семейственного щастья и хозяйственныхъ трудовъ и соображеній! Еще здѣсь проѣхала, тоже въ иностранные края, Семенова б. [?]. Студенты толпами собирались смотрѣть ее у оконъ станціи — и сильно поражены величественностію ея вида вообще и огнемъ очей въ особенности.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Покажи оное посланіе Илличевскому — новизны рифмъ ради. Кланяйся ему. Зачѣмъ Катенинъ собирается въ Калу[гу]?

---

1) Этого приложенія въ *П.* нѣтъ.

CCIV.

А. М. Языкову.

1827, Іюня 1. Дерптъ [1]).

Вотъ тебѣ мой предтеча — имя ему Іоаннъ; не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ! Я уже писалъ тебѣ, что онъ мнѣ ненуженъ здѣсь болѣе — да поживетъ же, сдѣлай милость, у тебя до моего конечнаго возвращенія отсюда! Онъ доброй малой; здѣсь не замѣчено за нимъ ни воровства, ни плутовства, ни пьянства, ни блудолюбленія; только жаль, что примѣръ господина сдѣлалъ его безпечнымъ и разсѣяннымъ; но это вѣдь не пороки, это можетъ пройти, тѣмъ болѣе, что, сколько я могъ усмотрѣть, у него характеръ добронравной, а подъ руководствомъ Моисея, уже опытнаго въ дѣлахъ жизни служебной, онъ будетъ и дѣятельнымъ — и процвѣтетъ. Если ему заниматься болѣе чистописаніемъ — у него есть способность къ етому почтенному искуству: крупно онъ пишетъ хорошо, не въ примѣръ лучше меня, а если и еще наторѣетъ, такъ будетъ годиться даже моихъ стиховъ быть переписчикомъ! Можетъ быть, я очень скоро отправлюсь ему въ догонку. Жди терпѣливѣе — а ужъ я не замедлю, особливо теперь, когда все зоветъ къ тебѣ меня, отъ головы до ногъ, отъ литтературы и поэзіи до жаровъ и приготовленій къ екзамену. Книги, которыя буду читать во время пребыванія съ тобою подъ однимъ кровомъ, возьму уже съ собою — зане es ist noch unbestimmt, что и какъ?

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

CCV.

А. М. Языкову.

Іюня 12, 1827. Дерптъ.

Письмо твое, въ которомъ пишешь, что ты давно не получалъ моихъ писемъ, я получилъ и, кажется, не имѣю нужды оправдываться, чувствуя, что пишу къ тебѣ совсѣмъ не рѣже, чѣмъ ты ко мнѣ.

Я теперь сталъ какъ-то здоровѣе и веселѣе прежняго; завтра перехожу на другую квартиру, свѣтлѣйшую и благообразнѣйшую, нежели та, которую оставляю, и которую остроумный путешественникъ Меньшенинъ, можетъ быть — не безъ основанія, сравнилъ съ обителями хищныхъ дѣвъ во

---

1) Помѣчено той же датой, что и предыдущее письмо (№ CCIII); настоящее письмо послано было, очевидно, съ Иваномъ, тогда какъ другое пошло обычнымъ путемъ — почтой.

градѣ Св. Петра, зане она вовсе не просторна, низка, окна маленькія — и все это на чердакѣ: существо, желающее видѣть меня, должно было проходить длинную, улиткообразную и темную лѣстницу! Итакъ, все къ лучшему! Можно замѣтить еще и то, что отъѣздъ Ивана мнѣ очень полезенъ: могу заниматься (особливо стихотворствовать) свободнѣе и просторнѣе, ибо у меня какъ-то нейдетъ дѣло, когда знаю, что хотя возлѣ меня и въ другой комнатѣ сѣдитъ существо мыслящее!

На сихъ дняхъ выдержалъ екзаменъ кандидата филологіи извѣстный тебѣ Степановъ. Это меня сильно волнуетъ и подстрекаетъ на подобный подвигъ — тѣмъ болѣе, что мнѣ уже достаточно наскучило мое долгое пребываніе въ Дерптѣ. Я еще не рѣшился принять дѣйствительныхъ мѣръ по сей части и на первый случай замѣчу только, что ежели возприму́сь въ скоромъ времени за трудъ оный, то къ зимѣ совершу, что слѣдуетъ, но что для такового предпріятія, впрочемъ всегда достохвального, необходимо именно совершенное удаленіе отъ всего мірского, покой, тишина квартирная и уединеніе душевное. А о здравіи можно подумать и послѣ; я же довольно притерпѣлся къ моему недугу и вовсе о немъ забываю, когда онъ рѣдко приходитъ, что и теперь имѣетъ мѣсто. Что ты скажешь на сей запросъ — отвѣчай рѣшительно. Не правда ли, что я — игралище всесильнаго мгновенья! [1])

Булгаринъ объявилъ въ С[ѣверной] П[челѣ], что онъ начитался ливонскихъ лѣтописей для путешествія, а изъ его писемъ, тамъ же напечатанныхъ, видно, что молодецъ ѣдетъ съ однимъ Бреемъ, ибо ошибки послѣдняго повторяются въ оныхъ!

Пушкина ждутъ въ его Псковскую деревню: видѣлъ ли ты его? и какъ онъ на тебя подѣйствовалъ? Булг[аринъ] разсказывалъ здѣсь, что Годуновъ печатается и скоро выдетъ въ свѣтъ безъ всякихъ выпусковъ и перемѣнъ противъ рукописи. Недавно видѣлъ я Борга; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ позволенія оной трагедіи и говоритъ, что переведетъ ее на нѣмецкой, ожидая, что она вполнѣ удовлетворитъ требованіямъ вкуса. Остальныя книги для Канцеляріи книгопродавецъ мнѣ уже доставилъ — и поѣдутъ въ Питеръ при первой возможности; по почтѣ ихъ послать нельзя, потому что онѣ въ своемъ кругу то же, что я въ моемъ — толсты, хотя и не неблагопристойно.

Здѣсь прилагается посланіе мое къ Свербѣеву; знаю, что въ немъ много, очень много недостатковъ, но главной изъ нихъ есть, конечно, слѣд-

---

1) Эта послѣдняя фраза помѣщена авторомъ письма подъ строками.

ствіе того, что я не имѣю чести не только лично, но даже и изъ достовѣрныхъ преданій знать его почтенную супругу. Отошли оное къ нему во градъ первопрестольный. Ты, я думаю, удовольственно видишь, что моя піитическая дѣятельность обращается теперь къ своимъ — и пора, давно пора! Есть ли у тебя Вельяминовъ-Зерновъ? Мнѣ онъ сильно будетъ нуженъ для экзамена. Да напиши мнѣ, какой планъ составляется въ головѣ твоей въ разсужденіе моей особы?

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Д. Н. С — у.

Во имя Руси, милый братъ,
Твою главу благословляю:
Изъ края Нѣмцевъ, горъ и стадъ
Ты возвращенъ родному краю!
Позоръ событій нашихъ лѣтъ,
Великихъ сплетней и суетъ
Тебя недолго позабавилъ:
Ты ихъ презрѣлъ, ты ихъ оставилъ —
И на добро, на Божій свѣтъ
Живые помыслы направилъ.
Любезный гражданинъ Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни росказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовскимъ Ларамъ
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно щастливымъ боярамъ
Веселонравной старины.
На свѣжихъ розахъ Гименея
Въ чело и въ очи, и въ уста,
То замирая, то краснѣя,
Тебя лобзаетъ красота.
Кипятъ, пылаютъ наслажденья,
Ихъ нѣгу вѣрность бережетъ,
И быстро вѣчный скороходъ
Уноситъ легкія мгновенья!

А я, гуляющій поэтъ,
У вратъ святилища науки
Брожу и жду, пройдутъ иль нѣтъ
Мои томительныя скуки?
Блеснетъ ли вновь передо мной
Звѣзда любви и вдохновеній,
И жажда славы пѣснопѣній
Въ груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно! Дни бѣгутъ за днями —
И въ Лету падаютъ они.
Она прошла — пора златая,
Восторговъ пламенныхъ пора!
Владѣютъ мной тщета мірская
И лѣнь, и грусть, и Нѣмчура!
Теперь святому Провидѣнью
Я говорю одну мольбу:
Да не предастъ оно забвенью
Мою грядущую судьбу,
Да возвратитъ мнѣ міръ свободы,
Мечты и пѣсни прошлыхъ дней,
Поля, холмы и непогоды
И небо родины моей!
Тогда, надеждами богатый,
Спѣша отъ лѣни и заботъ,
Я посѣщу твои палаты
На брегѣ москворѣцкихъ водъ.
Краснорѣчивые разсказы
Про жизнь альпійскихъ пастуховъ,
Про горы выше облаковъ
И про любовные проказы
Въ виду потоковъ, скалъ и льдовъ
Часы летучаго досуга
Намъ очаруютъ въ тишинѣ;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мнѣ,
И пѣснью лиры вдохновенной

Тебѣ радушно воспою
Утѣхи жизни просвѣщенной
И долю мирную твою![1]).

CCVI.

Матери.

1827, Іюня 18. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ Васъ ни строчки, любезнѣйшая Маминька! Мало слышу объ васъ вообще — именно только то, что вы ѣдете[2]) въ Москву или, лучше сказать, собираетесь въ Москву ѣхать. Желаю вамъ успѣха въ сихъ сборахъ; помнится, уже не въ первый и не во второй разъ о нихъ толкуется во время моего пребыванія въ Дерптѣ. Мнѣ теперь скучно и жарко, душно и мутно; особливо послѣднее такъ сильно, что надобно заниматься ночью, когда прохладнѣе, тише въ душѣ и природѣ и удобнѣе для всякого дѣла и слова. Видно, въ Петербургъ-то съѣздить мнѣ не удастся этимъ лѣтомъ: пусть будетъ, что будетъ. Можетъ быть, все къ лучшему когда-нибудь объяснится: таковъ законъ всего міра. Что сказывалъ вамъ новаго о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ Татариновъ? Ужъ онъ давно сидитъ въ кругу милыхъ и кровныхъ; давно лакомится сельскимъ родимымъ воздухомъ, плодами и яствами некупленными и ласками непродажными; а все это — очень много, очень много! — сильно дѣйствуетъ на душу чувствительную, на юношу, стосковавшагося по родинѣ.

Поздравляю васъ съ именинниками: видите-ли, какъ я помню все родное, даже и за 2000 верстъ, въ жару, трудахъ и потѣ. Хорошій примѣръ для подражанія словомъ и дѣломъ! Я переѣхалъ на сей недѣлѣ на другую квартиру, не столько подверженную вліянію палящихъ лучей солнца, какъ прежняя — и поживаю, какъ Богъ послалъ. Вотъ все, что могу сказать вамъ о самомъ себѣ теперь: рука едва-едва ходитъ по бумагѣ, жаръ истомляетъ меня, а теперь самой развалъ его — двѣнадцатый часъ полудня.

Прощайте до слѣдующей почты. Всѣхъ цѣлую.

Вашъ покорнѣйшій Н. Языковъ.

---

1) Конецъ письма, начиная со словъ: «что Годуновъ печатается...» помѣщенъ, въ видѣ приписки, на бокахъ послѣднихъ четырехъ страницъ второго листа письма, а главное мѣсто на этихъ страницахъ отведено стихотворенію: «Д. Н. С—у».

2) Въ *П.* ѣдите.

CCVII.

А. М. Языкову.

1827, Іюня 20. Дерптъ.

Письмо твое отъ 15 сего мѣсяца я получилъ во время моего отсутствія (я ходилъ гулять пѣшкомъ за 19 верстъ) — итакъ, прости великодушно, что отвѣчаю на него нѣсколько поздно. Я вполнѣ чувствую то же самое неудовольствіе на меня, которое такъ сильно выражается въ ономъ письмѣ твоемъ. Знаю, что все то, объ чемъ я тебѣ писалъ до сихъ поръ, съ перваго обѣщанія моего къ тебѣ пріѣхать, можетъ и должно даже возбуждать въ тебѣ думы гнѣвныя о моей неустойкѣ и, можетъ быть, совсѣмъ для меня нелестныя мнѣнія о моемъ характерѣ, потому что всѣ вообще смертные съ поконъ вѣка любятъ заключать отъ частнаго къ общему, подражая въ семъ случаѣ поэтамъ, которымъ это позволено даже правилами классицизма. Такимъ образомъ, вѣроятно, и все то, что я писалъ о моемъ головномъ недугѣ, кажется тебѣ фантасмагоріею, баснею, хитростію (не говорю уже о прочемъ). Ей Богу, не знаю, чѣмъ оправдываться — но подожди, сдѣлай милость! Надѣюсь, что меня оправдаетъ время когда-нибудь — всё равно; а теперь, признаюсь, мнѣ наскучило витійствовать о предметѣ, которой почитается за вздоръ или вымыселъ.

Очень радуюсь, что Иванъ пріѣхалъ къ тебѣ въ пору; желаю выздоровленія Моисею!

Нерѣшимость свою можешь ты кончить рѣшительнымъ отчужденіемъ мысли обо мнѣ при исполненіи чего бы-то ни было; разумѣется, все это до поры-до времени. Вѣдь не всегда же пойдетъ между нами такой кутежъ, какъ теперь; у меня есть надежда на лучшее въ стихѣ Пушкина: все измѣнитъ, все пройдетъ, что пройдетъ — то будетъ мило!

Ежели ты думаешь, что я себя покоилъ, когда тебя безпокоилъ, себя веселилъ, когда тебя печалилъ, себѣ не скучалъ, когда тебѣ докучалъ — то извини меня великодушно!

Весь твой Н. Языковъ.

CCVIII.

А. М. Языкову.

1827, Іюня 22. Дерптъ.

Ты еще разъ пытаешься вытащить мое бренное тѣло на свѣтъ, такъ сказать; мнѣ неизъяснимо пріятно чувствовать, что ты столь сильно о мнѣ заботишься, тѣмъ болѣе, что въ ономъ дѣлѣ дѣйствуешь совершенно безко-

рыстно — и тѣмъ еще болѣе, что моя особа является передъ тобою какъ-то неблагодарною, неудовлетворительною, недоступною спасительной силѣ твоего благотворенія. Вотъ въ чемъ теперь вся штука: я переѣхалъ на другую квартиру и занимаюсь въ плотную, не смотря на жаръ; мнѣ здѣсь такъ наскучило жить не въ своей тарелкѣ, что работаю ночью, а сплю днемъ, хотя послѣднее едва ли не труднѣе перваго въ теперешнюю тяжкую погоду. Ежели ѣхать къ тебѣ, то мои занятія перервутся значительно, и экзаменъ опять потянется въ долгій ящикъ — и не знаю, когда кончится моя тоска по трудахъ прозаическихъ. Знаешь ли, что мнѣ донынѣ наиболѣе мѣшало и, можетъ быть, мѣшаетъ трудиться во всю ивановскую, какъ другіе? Это именно — тяжелая мысль, что я могу блистать на поприщѣ Парнасскихъ состязаній, а живу въ полномъ бездѣйствіи по сей части, принужденный добиваться чего-то такого, что въ моемъ смыслѣ мнѣ вовсе ненужно, зане чувствую себя вовсе способнымъ существовать для одной поэзіи и одной поэзіей. Все, что ты имѣешь мнѣ сказать важного въ разсужденіи меня самаго, можетъ быть приведено въ силу посредствомъ переписки. Но ежели уже крайняя необходимость зоветъ меня къ тебѣ и ежели вышенаписанное не достаточная причина моего непріѣзда, то всею душою и всѣмъ сердцемъ отдаюсь на твою волю: оставь квартиру еще на мѣсяцъ, а я пріѣду, сохранивъ на таковой случай деньги, тобою присланныя. Отвѣчай же скорѣе. Теперь у меня есть даже попутчикъ, ѣдетъ въ Петерб[ургъ] въ началѣ Іюля. Жду твоего рѣшенія и во всякомъ случаѣ прошу простить твоего блудного брата, какъ Христосъ нѣкогда простилъ блудного сына. Такимъ образомъ, настоящая судьба моя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, находится въ рукѣ твоей. Соображай и дѣйствуй — по внушенію разныхъ обстоятельствъ и мыслей о мнѣ.

Вотъ тебѣ литтературная новость. Перевощиковъ посылалъ въ Главное Управленіе Училищъ планъ или очеркъ исторіи русской литтературы, имъ составляемой; оное одобрило сей трудъ почтенный, отнеслось съ похвалами къ сочинителю и просило прислать для напечатанія на казенный щетъ и для предписанія преподавать по оной книгѣ во всѣхъ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ русской имперіи — и все это еще не зная, каково напишется книга! Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!

Радуюсь, что ты знакомишься съ Пушк[инымъ]. Онъ напрасно ждетъ меня въ Тригорское. Что же? и куда же уѣзжалъ Кат[енинъ]? Получилъ ли ты два бренныя мои посланія: одно къ тебѣ, другое къ Свербѣеву? Ты объ нихъ вовсе не упоминаешь. Или они такъ неудовлетворительны, вѣроятно — въ слѣдствіе жаркой погоды, что не стоютъ даже библіографической поминки въ твоихъ письмахъ?

Книги для Канцеляріи, которыхъ недоставало при посланныхъ съ Ивановъ, доставлены мнѣ книгопродавцемъ и пріѣдутъ скоро. Точно жаль, что не всѣ книги, кромѣ. . .[1]), отправилъ тогда: впрочемъ, и черезъ годъ можно будетъ сдѣлать то же.

Прощай покуда. Весь твой Н. Языковъ.

Я съ каждою почтою жду денегъ изъ Симб[ирска], зане съ Генваря, т. е. со времени заплаты долговъ, не получалъ. Надѣюсь, что придутъ хоть на будущей недѣлѣ.

CCIX.

Матери.

Іюля 7, 1827. Дерптъ.

Письмо ваше изъ Москвы я имѣлъ удовольствіе получить. Вы жалуетесь на мое молчаніе; но я только теперь узналъ, что васъ нѣтъ въ Симбирскѣ, гдѣ вы найдете нѣсколько моихъ писемъ — ясное и удовлетворительное доказательство, что я помню свои обязанности! Радуюсь вашему пріѣзду въ Бѣлокаменную! Наконецъ, исполнилось это давнишнее ваше предпріятіе, такъ долго лежавшее въ длинномъ ящикѣ. Братъ Алекс[андръ], вѣрно, теперь уже съ вами, изъ Москвы отправится съ вами и будетъ съ вами въ Симбирскѣ: хвала и честь его благомыслію, благородной рѣшительности на все полезное и прекрасное!

Вы справедливо замѣчаете, что наши планы не совершаются: такова судьба человѣческая вообще и въ особенности людей, одаренныхъ воображеніемъ пылкимъ и нравомъ безмятежнымъ. Должно какъ можно болѣе предоставлять времени: оно все обработываетъ, преображаетъ, улучшаетъ, объясняетъ многое, чего нѣтъ въ письмахъ, и непримѣтно, но вѣрно ведетъ къ истинной цѣли человѣка, всегда непостояннаго, всегда готоваго совратиться съ дороги добра на тропу мелочныхъ ращетовъ и дѣйствій недостохвальныхъ. Впрочемъ, въ самомъ видимомъ безпорядкѣ хода дѣлъ человѣческихъ есть какой-то порядокъ возвышенный, не всякому оку примѣтный: есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ, дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ!

Какъ веселится и ликуетъ Пируша въ вихрѣ суетъ московскихъ? Вѣрно, ей болѣе, нежели кому-нибудь по сердцу это странствованіе ваше? Какая сочная пища наблюденію умственному, развитію чувствъ, ногамъ, глазамъ и языку даже!

---

1) Одно слово не разобрано.

Что подѣлываетъ и гдѣ находится братъ Петръ? Я объ немъ ровно полгода ничего не слышу: видно, углубился въ свое хозяйство и вовсе забылъ насъ грѣшныхъ! На комъ женится М. Дмитріевъ? Видѣли ли вы Свербѣева? и что онъ? На слѣдующей почтѣ еще напишу къ вамъ въ Москву, думая, что вы туда пріѣхали не[1]) на одну недѣлю. Прощайте покуда. Парашу и Катушу цѣлую.

Вашъ покорнѣйшій сынъ
Н. Языковъ.

CCX.

А. М. Языкову.

19 Августа, 1827. Камби [близъ Дерпта].

Письмо твое, послѣднее изъ Москвы, я получилъ и стараюсь, какъ видишь и впередъ увидишь, исполнить почтенное желаніе твое часто получать отъ меня письма. Снова скажу тебѣ, что я теперь совершенно щастливъ, по крайней мѣрѣ въ моемъ смыслѣ; до смысла дру[ги]хъ мнѣ и дѣла нѣтъ — и дѣло!

Здѣсь, миловидная какъ роза,
Моя поэзія цвѣтетъ:
Ей не мѣшаетъ міръ заботъ,
Ни лѣнь друзей, ни жизни проза.

Короче: потупляю глаза въ землю и на вопросъ, что я теперь дѣлаю, отвѣчаю: пишу стихи! Для таковыхъ занятій благородныхъ — здѣсь полное удобство и холь благодатная. Я такъ доволенъ собою, что не думаю вовсе ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; живу такъ безмятежно, что, въ прям[омъ] смыслѣ, не слышу бѣга часовъ — запе ихъ здѣсь нѣтъ почти во всемъ околоткѣ! И благодарю небо за всё это щастіе, истинно Гораціанское! Да будетъ же препрославлено время, мною здѣсь проводимое! Теперь воспѣваю урочища Камбійскія — мѣста, священныя мнѣ по нѣкоторымъ воспоминаніямъ и довольно способныя (своими красотами дикими и величественными, за недостаткомъ лучшихъ) изображаться стихами. Послѣ, а это послѣ уже недалеко, примусь за дѣло большое или, яснѣе сказать, длинное или, еще яснѣе сказать, за поэму въ родѣ поэтическихъ романовъ Вальтера Скотта. Жаль, что я отослалъ къ тебѣ нѣкоторыя историческія книги о

1) Въ *П.* ни.

Ливоніи; впрочемъ, на первый случай можно обойтись и безъ долгихъ справокъ и выправокъ, а все-таки не наврать! Пушкинъ теперь находится въ своей деревнѣ и священнодѣйствуетъ предъ фиміамомъ вдохновенья. Онъ, какъ пишутъ, помирился съ отцемъ своимъ и, видно, хочетъ въ плотную жить со своей Музой.

Новость въ Дерптѣ только одна, и та не большая: Перевощиковъ, двадцать первый палецъ здѣшняго университета, получилъ отъ Императрицы Маріи бриліантовый перстень — вѣроятно, за ученые успѣхи студентовъ, воспитываемыхъ здѣсь на щетъ Ея Величества, изъ которыхъ ни одинъ не слушалъ лекцій о руской литературѣ, и большая часть даже не знакома и на поклонахъ съ Перевощиковымъ. Замѣчательно, что его прозваніе теперь имѣетъ странный смыслъ въ мірѣ студентовъ: именно, оно значитъ отсутствіе и совершенной недостатокъ чего-либо; такъ, говорятъ: Перевощиковъ wohnt in meiner Tasche, in seinem Kopfe, besucht mich, liebt mich u. s. w., а это значитъ: у меня нѣтъ денегъ, у него голова пустая, я живу уединенно, никто меня не любитъ и т. д.

Я получилъ письмо отъ Вл. Измайлова и альманахъ, имъ изданный; въ послѣднемъ всего любопытнѣе и лучше изъ прозы — письмо Карамзина. У тебя да собираются посланія ко мнѣ отъ литераторовъ — и это вотъ. В. Измайлову пошлю стиховъ при первомъ случаѣ.

Вотъ и стихи мои:

Ночь.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Тамъ, подъ горой, едва-едва
Бѣжитъ, журчитъ ручей стекляный.
Царица сна и темноты,
Царица дивныхъ сновидѣній,
Какъ сладостно ласкаешь ты
Уединенныя мечты
И нѣгу вольныхъ вдохновеній!

☼

Онъ отдыхаетъ, грѣшный свѣтъ:
Главу страдальца утомило
Ярмо соблазновъ и суетъ,
Любви и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,

Даруй видѣнья золотыя,
Да, улелѣянный тобой,
Забудетъ онъ и шумъ дневной,
И страсти, и надежды злыя!

☼

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Тамъ, гдѣ поэтъ своей души
Свершаетъ стройныя творенья;
Пускай торжественный восходъ
Великолѣпнаго свѣтила
Его безсоннаго найдетъ,
И снова думъ его полетъ
Подниметъ божеская сила!

Гдѣ Татариновъ? Видно, онъ подражаетъ мнѣ въ пребываніи подъ роднымъ небомъ, на лонѣ щастія семейственнаго!

Кланяюсь всѣмъ нашимъ и всѣмъ по почтенію.

Весь твой Н. Языковъ.

CCXI.

Матери.

1 Сентября, 1827 [Камби, близъ Дерпта].

Вамъ уже извѣстно, любезная Маминька, что я переселился на лѣто изъ Дерпта въ деревню, лежащую отъ него верстъ двадцать. Эта моя отшельнич[ес]кая жизнь продолжилась бы значительно на всю осень и, можетъ быть, на зиму, ежели бы не было многихъ неудобствъ въ моей квартирѣ, составляющей часть избы чухонской. Теперь собираюсь снова въ Дерптъ, гдѣ едва ли буду такъ свободенъ и беззаботенъ, какъ здѣсь — но дѣлать нечего! Здѣсь все, кромѣ вышесказаннаго, благопріятствовало тишинѣ и уединенію моего духа: кругомъ лѣсъ, въ немъ грибы, сои, бѣлки и совы; подъ горой ручей холодной, какъ ледъ, возлѣ него скамья для спанья послѣ сельского обѣда, надъ нею тѣни деревъ и шорохъ листьевъ, такъ сладко и такъ упоительно сливающійся съ говоромъ воды, что спишь словно въ раю! Мѣстоположенія здѣсь вообще прекрасны, и все чрезвычайно молчаливо, потому что крестьяне живутъ въ разсыпную, одинъ отъ другаго далеко, для

удобнѣйшаго обработыванія полей и безопасности въ случаѣ пожаровъ, а самое помѣстье составляется только изъ дома господскаго, его принадлежностей и двухъ мельницъ[1]). Я видѣлъ нѣсколько разъ муку здѣшнихъ крестьянъ — взглянуть совѣстно: это самая грубая мякина, пополамъ съ пескомъ; каковы же хлѣба изъ нея выходятъ?

Само собою разумѣется, что я жилъ не на етакой пищѣ: меня кормилъ, за весьма умѣренную плату, управитель, и я ему очень благодаренъ за его радушіе и живое участіе во всѣхъ подробностяхъ моего здѣшняго житья-бытья.

У васъ теперь должно быть весело и все спокойно и благоспоспѣшно, потому что брать Алекс[андръ] переселился къ вамъ — и, кажется, не на недолго: награди его Богъ за етотъ почтенный поступокъ!

Цѣлую Парашу и Катушу.

Вашъ покорнѣйшій сынъ Н. Языковъ.

CCXII.

А. М. Языкову.

Сентября 1, 1827. Камби [близъ Дерпта].

Я располагался было прожить здѣсь всю осень, даже захватить частичку зимы; но это намѣреніе родилось во мнѣ, такъ сказать, мелькомъ, съ перваго взгляда на мою обитель, а теперь, проживъ здѣсь уже болѣе мѣсяца, объяснилось мнѣ, что она чрезвычайно неудобна не только для занятій учебныхъ, но и для писанія стиховъ. Вотъ почему. Здѣсь невозможно работать стоя и ходить по комнатѣ, зане она низка, и о бревенчатый потолокъ часто можно вышибать всѣ мысли изъ головы, даже моей, а заниматься сидя или лежа мнѣ нездорово и скоро усыпляетъ. Впрочемъ, время, мною здѣсь проведенное, безсовѣстно было бы назвать потеряннымъ: я много кой-чего (для меня, какъ поэта) прочелъ, обдумалъ и (черезъ три дня) переѣзжаю въ Дерптъ совершить всѣ мои поэтическіе замыслы, да удовлетворю вполнѣ почтенныхъ альманачниковъ и журналистовъ — въ послѣдній разъ изъ Дерпта; а потомъ будетъ мнѣ дѣло, котораго успѣхъ зависитъ отъ совершеннаго отсутствія всего, мнѣ любезнаго и заманчиваго, и въ которомъ ежели случатся оазы поэтическіе, то какихъ порицаній и нареканій[2]) не

1) Въ *П.* мѣльницъ.
2) Въ *П.* нарѣканій.

услышитъ душа моя? И, кромѣ того, мало ли на свѣтѣ обстоятельствъ, могущихъ останавливать намѣренія самыя почтенныя и благочинныя — и сей характеръ составляютъ однѣ совершенства? Die Moralisten scheinen sich das Wort gegeben zu haben, überall Laster zu finden, wo der ruhige Menschenforscher nur Schwächen sieht! Меня утѣшаетъ только то, мой почтеннѣйшій, что ты еси сей ruhiger Menschenforscher! Воейкова уже отправилась въ Италію; оставила мнѣ альбомъ, которой долженъ буду весь замѣстить моими стихами, во время ея отсутствія, и подарила мнѣ коробочку перьевъ для употребленія стихотворческаго. Reveille-toi, harpe du nord!... Je ne saurai tirer de toi que des sons sans art, perissables et indignes de tes nobles accords; mais qu'ils fassent palpiter un moment le coeur de celle qui m'écoute, ce ne sera pas en vain que tu m'auras inspiré...

Съ Петербургомъ я не имѣю теперь никакихъ письменныхъ сношеній, выключая просьбы Аладьина, на которыя не отвѣчаю, за неимѣніемъ стиховъ для его Альманаха. Мнѣ бы хотѣлось зачать переписку, напримѣръ, съ Комовскимъ, да меня останавливаетъ то, что я забылъ его имя, отчество[1]) и мѣстопребываніе — первыя условія всякой переписки. Амплій вовсе пересталъ знаменовать меня своими извѣстіями; онъ, кажется, mit Leib und Seele принадлежитъ Сѣверному Архиву, для котораго переводитъ съ французскаго изъ Герена о вліяніи крестовыхъ походовъ на торговлю Европы — статью, сколько помню, давно переведенную съ подлинника, и хорошо, и напечатанную въ Петербур[г]скомъ Вѣстникѣ лѣтъ за двадцать до настоящаго времени!

Прощай покуда.

Prope et longe tuus Н. Языковъ.

Всѣмъ кланяюсь и свидѣтельствую мои почтенія.

Ручей.

Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей,
Чрезъ груды камней и корней
Играютъ, скачутъ, силы полны,
Твои серебряныя волны;
Свѣтло и пышно лучъ дневной,
Скользя на грани водяныя,

1) Въ *П.* отечество.

По быстринѣ твоей живой
Дробится въ искры огневыя.

☼

Лежу — деревъ нагорныхъ тѣнь
Мою задумчивую лѣнь
Своей прохладой осѣняетъ;
Въ вершинахъ лѣса, тамъ и тамъ,
По шепотливымъ ихъ листамъ
Мгновенный шорохъ пробѣгаетъ...
И смолкнетъ вдругъ, и вдругъ сильнѣй
Зашевелится мракъ вѣтвей,
И лѣсъ пробудится дремучій,
И въ чащѣ ходитъ шумъ глухой—
Здѣсь и тогда, ручей гремучій,
Твой говоръ слышенъ волновой!

☼

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь, и во мнѣ
Мечта яснѣетъ золотая
О незабвенной сторонѣ.
Бѣгите дни, какъ эти воды,
Бѣгите дни быстрѣй, быстрѣй,
Да вновь священный лучъ свободы
Въ душѣ заискрится моей!

(Ети стихи, между прочимъ, посланы мною Влад. Измайлову).

CCXIII.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

1827. Сентября 14. [Дерптъ].

Письмо ваше съ Татариновымъ я получилъ. Не знаю, по какимъ причинамъ ты, Алекс[андръ], упрекаешь меня малописаніемъ или вовсе неписаніемъ въ Симбирскъ. Во время моего пребыванія въ Камби отправилъ я на мою почтенную родину по крайней мѣрѣ пять писемъ — одному тебѣ, кромѣ писанныхъ къ Маминькѣ.

Татариновъ благополучно сюда прибылъ и здѣсь находится такожде. Благодарю за постройку дома — можетъ быть выстроенъ огромнѣйшій. Слышно, что садъ въ Языковѣ и вообще весь бытъ домашній усовершается. Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ! Къ нашей сторонѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежу и я — и, какъ слѣдствіе сей принадлежности, посылаю вамъ посланіе въ стихахъ ко мнѣ Хвостова. Вотъ въ чемъ дѣло. Сюда дошли слухи, что въ пятомъ томѣ его стихотвореній, недавно изданномъ, содержатся самыя галиматьистыя; желаніе имѣть оный томъ — и притомъ безденежно — побудило меня написать посланіе къ Хвостову: я получилъ и посланіе, и пятый томъ! Моихъ стиховъ по сей части не посылаю вамъ, потому что они будутъ напечатаны въ Славянинѣ. Само собою разумѣется, что старикъ принялъ ихъ за чистыя деньги.

Третьяго дня переѣхалъ я въ Дерптъ, и по окончаніи стихописаній для Альманаховъ приступлю къ чему слѣдуетъ. Пишу стихи — чего жъ мнѣ болѣ? сказалъ Плетьневъ, и сказалъ дѣло. Вотъ и мои стихи: да сопутствуютъ они всегда мои письма къ любезнымъ.

На скамейкѣ (въ Камби).

Служи тоскѣ уединенной,
Любви младенческой мечтамъ,
Поэта нѣгѣ вдохновенной
И мирно спорящимъ друзьямъ.

Когда жъ измѣнница Аглая. . .—
Переломись: пускай она
Языкъ прикуситъ, дѣва злая,
И встанетъ мертвенно блѣдна!

О прочемъ до слѣдующей почты. Всѣмъ кланяюсь.

Н. Языковъ.

CCXIV.

П. М. Языкову.

Октября 4. 1827. Дерптъ.

Со времени возвращенія сюда Татаринова — короче сказать, за мѣсяцъ передъ настоящимъ числомъ — получилъ я письмо отъ васъ, мои братья, и съ тѣхъ поръ ни строки. Не знаю, чему приписать ваше молчаніе,

потому что съ моей стороны до сихъ поръ свято соблюдались (вещественныя) обязанности человѣка, переписывающагося съ родными. Я даже не знаю, гдѣ теперь находится братъ Алекс[андръ], а ето мнѣ бы знать, ей Богу, хотѣлось.

Изъ приписки тво[е]й къ письму брата Алекс[андра] вижу, что ты, братъ Петръ, принимаешь во мнѣ участіе, потому что спрашиваешь меня, правда ли то, что тебѣ говорили о теперешнемъ положеніи быта моего въ Дерптѣ. Благодарю тебя за ето участіе: мнѣ очень пріятно было узнать, что ты желаешь узнать степень достовѣрности слуховъ обо мнѣ, хотя признаюсь тебѣ отъ души и отъ всего помышленія моего, что мнѣ все равно, что бы обо мнѣ ни говорили. Итакъ, ни подтвержденіе, ни опроверженіе мое въ семъ случаѣ мнѣ вовсе ненужно! Пусть все идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ! Всякой живи своею жизнію! Есть вопросы, которыя спрашиваются только изъ удовольствія надежды получить отвѣтъ, утверждающій худое мнѣніе вопросителя о вопрошаемомъ.

Сюда на дняхъ будетъ Жуковскій; онъ, говорятъ, совершенно вылѣчился: это меня радуетъ. Пушкинъ теперь въ своей деревнѣ: пишетъ исторію Петра I и Алекс[андра] I. Къ Маминькѣ напишу на слѣдующей почтѣ; теперь уже пора отправлять письмо.

Всѣмъ нашимъ мои почтенія. Здравствуйте.

Твой Н. Языковъ.

CCXV.

А. М. Языкову.

20 Ноября, 1827. Дерптъ.

Письмо твое, съ приложеніемъ двухъ пьесъ Пушкина, я получилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что мнѣ давно хотѣлось знать, что именно написалъ нашъ Байронъ къ Государю, нынѣ благополучно царствующему. Между нами будь сказано, стансы его слишкомъ холодны; солдатс[кая] пѣсня въ своемъ родѣ лучше, но и въ ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выраженія неумѣстныя. Правда ли, что Пушкинъ сочиняетъ исторію Петра I-го? Не тиснетъ ли онъ Годунова? Извѣщеніе твое, что Сѣв[ерные] Цвѣты должны явиться въ свѣтъ къ Новому году, встревожило мое авторское самолюбіе; не знаю, что съ ними дѣлать; впрочемъ, съ нами Богъ — и я не теряю надежды на будущее. У меня еще лежитъ на сердцѣ обѣщаніе облагодѣтельствовать Невс[кій] Альм[анахъ]: Аладьинъ мнѣ такъ много дарилъ книгъ во весь 1827 годъ, что мнѣ, ей Богу, передъ нимъ совѣстно.

Вотъ что дѣлается въ Дерптѣ. Къ 12 Декабря у насъ готовится большой праздникъ — въ универс[итетѣ] 25-лѣтіе: будутъ говорить рѣчи, пѣть торжественныя пѣсни, наконецъ — даже обѣдать и плясать въ конференцъ-залѣ. Я опишу тебѣ подробно, что будетъ, ежели мнѣ тамъ быть удастся. У меня есть много кое-что сказать тебѣ, и особенной важности, да отлогаю впередъ; сегодня день возшествія на престолъ Ник[олая] I: надобно идти въ храмъ Божій. Прощай покуда.

Prope et longe tuus Н. Языковъ.

CCXVI.

А. М. Языкову.

[Начало Декабря 1827. Дерптъ].

Я давно не писалъ къ тебѣ, мой почтеннѣйшій! Причины такового молчанія и многаго, несообразного съ моимъ предназначеніемъ вообще, требуютъ большаго времени, нежели теперь имѣю, большаго даже духа, такъ сказать, нежели теперь имѣю — итакъ, до середы будущей недѣли! Обѣщаюсь посылать стихи въ журналъ Калайдовича, когда будутъ; можно надѣяться, что его изданіе будетъ дѣльно. Ей Богу, у меня ничего нѣтъ дать Дельвигу; да не соблазняется онъ тѣмъ, что послалъ я Аладьину; слѣдую правилу нравственности: лучше подавать милостыню кому нужна, нежели дарить богатаго. У насъ готовится великій праздникъ къ 12 Дек[абря] — 25-лѣтіе университета; говорятъ, на оный пріѣдутъ изъ Питера Сперанскій и Уваровъ, С. С.

О всемъ прочемъ до слѣд[ующей] почты. Прощай, здравствуй!

Весь твой Н. Языковъ.

CCXVII.

А. М. Языкову.

Декабря 19, 1827. Дерптъ.

Я давно не писалъ къ тебѣ — и ты простишь великодушно это непростительное, можно сказать предательское, молчаніе пера моего: духъ мой, завлеченный въ вихрь торжествъ и праздниковъ, сопровождавшихъ 12 Дек[абря], не могъ доселѣ порядочно излиться на бумагу, да и теперь еще пребываетъ въ какомъ-[то] оцѣпенѣніи, въ какой-то недѣйствительности вообще и для письменности особенно. Нашъ юбилей произходилъ вотъ какъ. 12 поутру, въ 9 часѣ, отправились всѣ профессоры и студенты въ лют[е-

ранскую] церковь, гдѣ слушали благоговѣйно и сановито торжественную и, говорятъ, чрезвычайно трогательную рѣчь профессора ѳеологіи Ленца; потомъ, съ умиленнымъ сердцемъ, пошли парадно и попарно въ университетъ, гдѣ долже[н]ствовало совершиться главное. Вотъ главное. Все было тихо; тьма посѣтителей наполняла пространство комнаты, едва ли не самой огромнѣйшей въ Дерптѣ; ждали, ждали; затрубили трубы, и грохотъ рускихъ барабановъ возвѣстилъ ушамъ и душамъ нашимъ, что начинается! Плавно, мѣрно, осанисто, блестя[1]) воротниками и свѣтлостію лицъ, предшествуемое торжественнымъ несеніемъ граматы университета, вступило въ залъ полное собраніе профессоровъ. Музыка заиграла и играла съ $^1/_4$ часа не помню что-то изъ Моцарта[2]), и вдругъ тише, тише, тише — умолкла, и возсталъ отъ средины Ахеянъ мужъ многовластный, ректоръ Еверсъ, возшелъ на кафедру и зачиталъ. Ужъ онъ читалъ, читалъ — исторію Дерптскаго университета; потомъ провоз[г]ласилъ многихъ ученыхъ всѣхъ земель и царствъ докторами, въ томъ числѣ Сперанского — докторомъ правъ, Филарета и Евгенія — докторами философіи. Опять музыка. На кафедрѣ явился профессоръ Паротъ (сынъ академика того же прозванія), одинъ изъ ученѣйшихъ, дѣльнѣйшихъ и едва-ли не краснорѣчивѣйшій въ здѣшнемъ краѣ. Онъ говорилъ мастерски, каждое слово — мысль, каждый звукъ голоса — выраженіе! Дѣло шло объ организмѣ человѣка — предметъ важный, неумѣстный въ собраніи, составляемомъ изъ всякого сброда людей почетныхъ, дамъ, дѣвицъ, военныхъ, штатскихъ и проч., который (предметъ) не знаю какъ-то связалъ онъ съ мыслію, что Дерптскій университетъ еще не достигъ своего совершенства, но достигнетъ: ибо идетъ къ нему шагами исполинскими. Далѣе, съ кафедры же читанъ былъ рескриптъ куратора къ ректору о мона[р]шей милости многимъ профессорамъ. Музыка. Въ заключеніе же всего представленія декламировалъ съ кафедры привѣтственную рѣчь публикѣ недавно возвратившійся изъ Саксоніи опять въ должность профессора знаменитый ученый медикъ Ертманъ. У него осанка истинно министерская, лице очень похоже на зракъ И. И. Дмитріева; все въ немъ дышетъ или, лучше сказать, пахнетъ жизнію при дворѣ. Онъ говорилъ какимъ-то страннымъ голосомъ: то тянулъ его туда и сюда, то вскри[ки]валъ, разводилъ руками во всѣ стороны свѣта, то плакалъ, возводя глаза къ потолку, то привѣтно устремлялъ ихъ на почтенныхъ слушателей, которые едва ли что-нибудь попимали изъ рѣчи, коей смыслъ (предполагаемъ, что

1) Въ *П.* блѣстя.
2) Въ *П.* Моцарда.

онъ даже былъ въ ней) заглушался рѣзкими порывами бурнаго голоса и, такъ сказать, разметывался по воздуху сильными взмахами рукъ неугомонныхъ. Рѣчь была длинная; всѣ устали сидя, всѣ пропотѣли до костей, разомлѣли духомъ, находясь въ какомъ-то принужденномъ обморокѣ неудовольствія и страха,— короче, скажу словами Карамзина, живые завидовали спокойствію мертвыхъ! Послѣ этого произшествія раздавались медали. Все кончилось музыкой голосной и орудной, и публика разъѣхалась по домамъ.

Въ 4 часа былъ обѣдъ университетскій: приглашено было все отличное здѣшняго града, нѣсколько человѣкъ студентовъ и одинъ поэтъ — я. Много ѣли, много пили, всѣ наѣлись досыта, многіе напились до пьяна. Вечеромъ студенты, съ факелами и полковой музыкой, торжественно здравствовали университету, пышно освѣщенному, и ректору его превосходительству. На другой день они же давали балъ. На третій день давали обѣдъ всѣ прежде обучавшіеся въ здѣшнемъ университетѣ. Ты можешь, или даже не можешь, вообразить себѣ, какъ сильно дѣйствуютъ таковыя празднества просвѣщенія на душу пылкую, чувствительную, благородную! Мнѣ такъ понравился сей первый юбилей Д[ерптскаго] У[ниверситета], что я, кажется, рѣшился дождаться второго!

О самомъ себѣ скажу тебѣ только (и на ухо), что я на дняхъ отправлюсь опять въ ту деревню, гдѣ провелъ лѣто, на работу многотрудную, вмѣстѣ съ однимъ рускимъ студентомъ, лучшимъ изъ моихъ знакомыхъ вообще. Я теперь извѣдалъ опытомъ, что я слабъ чрезвычайно противу суетъ мірскихъ, что мнѣ нужно непремѣнно не одному работать на полѣ, мною не любимомъ, потому что въ противномъ случаѣ мое воображеніе влечетъ меня въ сторону.

Къ стати, о халатѣ моемъ: онъ мнѣ слишкомъ тяжелъ, такъ что когда простою въ немъ съ полчаса хоть передъ налоемъ, то у меня голова закружится: видишь, какъ свободно-любиво мое грѣшное тѣло! Нельзя ли тебѣ написать въ Симбирскъ, чтобы меня снабдили по сей части подкрѣпленіемъ, и даже двумя халатами, одинъ изъ нихъ да подарю моему товарищу: онъ первый человѣкъ въ Дерптѣ, котораго я люблю, и первый и послѣдній, котораго уважаю!

Благодарю Ивана за Нулина: повѣсть хорошо разсказана,— впрочемъ, все это voces et verba!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Скоро пришлю тебѣ переводъ Байронова Манфреда. Гамлетъ конченъ и будетъ здѣсь цензурованъ. Вронченко никогда не писалъ поэмы Демонъ.

1828.

CCXVIII.

А. М. Языкову.

4 Января, 1828. [Дерптъ].

Поздравляю тебя съ Новымъ годомъ; надѣюсь, что онъ будетъ послѣднимъ моего пребыванія въ Дерптѣ. Я еще не переѣхалъ въ Камби, потому что здѣсь теперь такіе морозы установились, что до сихъ поръ невозможно было мнѣ съѣздить осмотрѣть мою будущую квартиру, а въ прежней мнѣ бы жить не хотѣлось.

Я получилъ Невск[ій] Альм[анахъ]. Мнѣ чрезвычайно досадно, что Ал[адьинъ] напечаталъ такъ много изъ моихъ поэтическихъ вздоровъ. Гравюрки особенно хороши. Щитъ у рыцаря въ гравюрѣ къ балладѣ Жуковскаго — не голубой, а красной: доказательство, что художнику нужно знать геральдику! Мнѣ любопытно узнать причины, побудившія тебя дать Ив[ану[1])?] моего Арана и еще что-то: думаю, что это одна братская дружба, а отнюдь не опредѣленіе вкуса.

Ты справедливо замѣтилъ, что я рѣдко пишу въ Симб[ирскъ]. Критика легка — искуство тяжело. Впрочемъ, я собираюсь опять сильно писать туда, и началъ бы даже съ нынѣшней почты, если бы руки мои не костенѣли: сегодня у насъ морозъ необычайной. Скоро пришлю тебѣ Манфреда, переводъ Вр[онченк]а; теперь переписываю. Прощай, кланяйся Вульфу и всѣмъ вообще.

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) См. пред. письмо № CCXVII.

CCXIX.

А. М. Языкову.

1828, Января 10. Дерптъ.

Я все еще не удалился въ пустыню отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ: третьяго дня ѣздилъ предварительно туда, разныхъ соображеній ради, и оказалось, что до 1-го Февраля невозможно мнѣ водвориться въ ономъ краю обѣтованномъ. Жду терпѣливо. Здѣсь теперь ярмарка: все кипитъ жизнію торговою, все суетится, а я живу и думаю о томъ, какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ!

Ты когда-то просилъ меня достать тебѣ Сегюрову Исторію войны 1812; я ее теперь читаю: она не стоитъ чести стоять въ нашей библіотекѣ. Етотъ Сегюръ — Дарленкуръ исторіи. Кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ и чертъ, удачно схваченныхъ, все трынъ-трава: Его можно уподобить пузырю мыльному: онъ пустъ, блестящъ и надутъ. За то теперь же въ моихъ рукахъ Исторія американской революціи Рамзая — книга золотая, священная книга народовъ, главная, необходимая, дополненіе настоящаго и примѣръ будущаго! Читаю ее съ истиннымъ удовольствіемъ и пришлю тебѣ въ даръ: прими съ улыбкою, мой другъ! Мнѣ очень хочется видѣть Сѣв[ерные] Цвѣты на нынѣшній годъ; всего любопытнѣе тамъ для меня Взятіе Вендена — пов[ѣсть] Булгарина. Тебѣ, кажется, не безъизвѣстно, что я, грѣшный, собирался воспѣть это путешествіе: хочу посмотрѣть, предупредилъ ли меня Булгаринъ?

Желанія твоего, да пришлю тебѣ стихи мои, находящіеся у М[аріи] Н[иколаевны], не можетъ быть исполнено теперь: оная особа уѣхала на праздники въ деревню; когда возвратится — приступлю къ отправленію къ тебѣ сихъ шалостей моей Музы, нѣкогда разгульной.

Чѣмъ кончилась — и кончилась ли исторія со мною о книгахъ для Канцеляріи?

Весь твой Н. Языковъ.

CCXX.

А. М. Языкову.

18 Января, 1828. Дерптъ.

Черезъ три дня поѣдетъ къ тебѣ Манфредъ: это екземпляръ тотъ самый, который былъ въ здѣшней цензурѣ; она ни слова не вымарала, между тѣмъ какъ можно было ожидать, что и всего творенія не пропустятъ. Явленіе утѣшительное и заревое, такъ сказать. Ежели можно и не

тяжело тебѣ, то потрудись справиться, какъ напечатать Манфреда: что стоитъ листъ тиснуть и т. п. Рукопись останется у тебя до пріѣзда переводчика въ Питеръ, что воспослѣдуетъ мѣсяца черезъ два послѣ настоящаго. Не давай никому, ради Бога и меня, списывать и вообще держи ухо востро по сей части. Текущій мѣсяцъ проходитъ у меня безъ цѣли, безъ плана, куда глаза глядятъ, и я утѣшаюсь или, лучше, мечтаю, что утѣшаюсь, тѣмъ только, что оный — какъ капля въ море опущенна! Наконецъ, я досталъ прочесть С[ѣверные] Ц[вѣты]. Не знаю, за что ихъ такъ сильно разхвалили въ С[ѣверной] Пчелѣ, и чѣмъ они лучше прошлогоднихъ самихъ себя и прежней Полярной Звѣзды. Доказательствомъ, что наша литтература до крайности бѣдна даже и тамъ, куда вкладываютъ ея первые сановники, можетъ служить то, что мое пустословное посланіе къ Хлоѣ напечатано. Вронченко перевелъ Дядовъ Мицкевича[1]), Гамлета также, переводитъ Макбета. Слава Богу, что наконецъ и мы, грѣшные, познакомимся на своемъ языкѣ съ огромнымъ Шекспиромъ. Илличевскій, кажется, не знаетъ попольску (sic), Пушкинъ тоже: какъ же они пускаются въ переводы съ польского? Чудны дѣла твои, Господи! Я читалъ Наталью Долгорукую Козлова: кромѣ сцены съ попомъ, да и то не обдѣланной какъ слѣдовало бы и ничѣмъ не послѣдуемой, все прочее вздоръ, вздоръ! Стихи, т. е. способъ выражаться, подражаніе въ разтяжку Жуковскому. Жаль, что этотъ предметъ истинно поэтическій, особливо теперь, не нашелъ великого дѣлателя.

Прощай покуда; поздравляю тебя съ Маслиною, цѣлую и обнимаю.

Весь твой Н. Языковъ.

Посланіе Хвостова къ Дельвигу — очень кстати въ Драм[атическомъ] альманахѣ. Читаю русскія сказки: жаль, что это собраніе ихъ чрезвычайно глупо, безтолково, неполно и переиначено на новый ладъ. Изъ нихъ можно составить предпріятіе знаменитое — только надобно прежде перечитать всѣ другія собранія сего рода, чтобъ узнать истинный духъ старины глубокой, напитаться имъ и явить свѣту произведеніе самостоятельное, своенародное, а не mixtum compositum, подобно Руслану Пушкина. Подумай объ этомъ и закупи, что можешь, по этой части; также пѣсенниковъ и проч.

Хрипковъ собирается на войну, зане, говоритъ онъ, лучше быть хоть каплею крови полезнымъ отечеству, чѣмъ существовать, не зная зачѣмъ и

---

1) Въ *П.* Мискевича.

не зная даже, что дѣлать. Доброй путь! Отсюда еще ѣдутъ туда же нѣсколько человѣкъ и, между прочимъ, пріятель Вульфа Леманъ (скажи ему эту вѣсточку).

Ежели у тебя останутся деньги лишнія, то нельзя ли купить для меня дешевенькіе часы: отъ моихъ стѣнныхъ, какъ отъ частного (sic) Измайлова, нельзя добиться толку, а знаніе хода времени почти необходимо для порядка дѣлъ вообще и трудовъ въ особенности.

Вотъ тебѣ анекдотъ: одинъ чухонецъ, довольно[1]) зажиточной, слышалъ, что 100 руб. приносятъ въ годъ съ процентами 106. У него было 300. Три года откладывалъ онъ по 6 рублей со ста въ особой ящикъ; наконецъ, посмотрѣвъ свой капиталъ и увидѣвъ, что въ немъ не достаетъ 54 р., подалъ просьбу на своихъ домашнихъ, обвиняя ихъ въ покражѣ оныхъ денегъ! Это, къ нещастію, истинное произшествіе — сего 1828 года.

CCXXI.

А. М. Языкову.

25 Января, 1828. Дерптъ.

Поздравляю тебя съ Маслиною вообще и надѣюсь скоро имѣть удовольствіе поздравить съ Маслиною другаго рода, семейственною, т. е. съ пріѣздомъ брата: онъ поступитъ прекрасно, ежели освѣжится воистинну— и гдѣ же лучше это сдѣлать, нежели тамъ, гдѣ все кипитъ жизнію гражданскою, ученою и вообще жизнію? Обо мнѣ же вѣдайте, что у меня съ великимъ постомъ начнется и постъ учебной: пожелайте мнѣ успѣха и т. п.

Ты уже получилъ Манфреда: читай и похваливай. Въ отвѣтъ же на сей комплиментъ тебѣ съ моей стороны вотъ я чего требую или, лучше сказать, прошу у тебя: пришли мнѣ Виттову книгу о леченіи гимороя; она мнѣ теперь нужна болѣе, нежели какая-либо: хочу слѣдовать ея предписаніямъ, да сплю и бодрствую спокойно. Я уже много сдѣлалъ по сей части для моего тѣла, слѣдственно — и для души: пересталъ навѣки пить крѣпкіе напитки и ѣсть говядину — и готовъ еще на всякія пожертвованія, только бы въ пользу! Таковъ составъ человѣка! Странна связь головы съ ж...й[2]), души съ тѣломъ!

Проза въ С[ѣверныхъ] Цв[ѣтахъ] незавидна до такой степени, что лучшее изъ оной есть Гайдамакъ, а худшее — Покореніе Вендена. Булга-

---

1) Въ *П.* довольной.

2) Точки, вмѣсто буквъ, поставлены нами.

ринъ не знаетъ Ливонской исторіи, не умѣетъ смотрѣть на предметы и пишетъ вяло, вяло. Изъ стиховъ лучше всего Элегія Батюшкова.

Радуюсь Ампліеву преуспѣянію въ любви съ Наталіей и, кажется, напишу ему по сему случаю эпистолу.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

CXXII.

А. М. Языкову.

1828, Февр[аля] 13. Дерптъ.

VI и V главу Онѣгина, Аристофана и стихотворенія Баратынскаго я получилъ; изъ всего этого мнѣ кажется лучшимъ Аристофанъ; объ Онѣгинѣ мое мнѣніе совершенно согласно съ твоимъ, а въ Баратынскомъ мнѣ всего болѣе нравятся слѣдующіе сильные истиною два стиха: Еще не породивъ прямаго просвѣщенья, Избытокъ породилъ бездѣйственную лѣнь!

Вотъ тебѣ анекдотъ о здѣшней цензурѣ. Вронченко представилъ ей Гамлета; она пропустила все сполна, но замѣтила переводчику, что въ V дѣйствіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ Александрѣ, должно прибавить къ сему имени Македонской, герой древности или что-нибудь подобное!

Ты, видно, не всѣ мои письма получаешь: въ одномъ изъ нихъ я просилъ тебя прислать мнѣ книгу Витта; она мнѣ, ей Богу, нужнѣе теперь всей моей библіотеки. Я еще не переѣхалъ да и не переѣду въ Камби, потому что особа, которой мѣсто мнѣ тамъ слѣдовало, заболѣла — и я уединюсь въ городѣ. Видишь ли, какъ судьба противится важнѣйшимъ моимъ желаніямъ! О стихахъ и не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ мысль цѣпенѣетъ. Но есть, есть лучшій міръ!

Не смотря на Гофмана, я все еще не получалъ денегъ за книги для канцеллярiи. Понукни его еще разъ.

Прощай покуда. Пора на почту — въ другой разъ больше!

Весь твой Н. Языковъ.

CCXXIII.

А. М. Языкову.

1828, Марта 4. Дерптъ.

Изъ твоихъ писемъ прежнихъ и теперешняго твоего неписанія ко мнѣ вижу, что ты думаешь, яко бы я вовсе пересталъ сообщать тебѣ мои мысли, чувствованія, надежды, замѣчанія и пр. и проч., и это мнѣніе твое, конечно,

основывается на томъ, что отъ меня давно не получалъ писемъ. Я уже говорилъ тебѣ, что мнѣ кажется, что они не всѣ доходятъ къ тебѣ или, лучше и яснѣе, не доходятъ до здѣшней почтовой конторы; по крайней мѣрѣ, такъ заключить имѣлъ я право, не получая отвѣтовъ на иныя слова мои, весьма важныя. Теперь все это объяснилось довольно вѣрно: человѣкъ, которому я отдавалъ письма и деньги на или за отправленіе ихъ, на сихъ дняхъ предался такъ сильно, вѣроятно, мечтѣ о свободѣ, которая мечта о свободѣ, по словамъ Перевощикова, причинила много зла Соединеннымъ Штатамъ С[ѣверной] Амер[ики] тѣмъ, что отторгла ихъ отъ земли отеческой, что бѣжалъ изъ Дерпта въ безъизвѣстную! Благодарю его еще за то, что онъ только на 40 рубл. поддѣлъ меня. Симъ-то бѣгствомъ, поступкомъ неблагодарнымъ и всегда вѣроломнымъ, и объясняю я многое непріятное въ теперешнемъ моемъ быту и первое то, что ты молчишь въ разсужденіи меня грѣшнаго!

Я скоро переѣду на новую квартиру: она въ самой отдѣльной и весною, можно сказать, въ одной изъ грязнѣйшихъ частей города; буду жить вовсе одиноко и заниматься плотно; до сихъ поръ препятствовало мнѣ въ послѣднемъ бурное состояніе множества крови, которое, благодаря Бога и необыкновенно воздержному употребленію пищи, теперь сильно умалилось,— и я свѣжаю духомъ, и всѣ мрачныя мысли о будущемъ, дѣлавшія меня такъ равнодушнымъ къ настоящему, молчаливымъ въ стихахъ и прозѣ, теперь проходятъ! Пожелай исполненія моимъ лучшимъ надеждамъ. Теперь я уже не повторяю въ душѣ стиховъ:

Небо тучей обложило,
Бури пѣтъ, одинъ туманъ,
И вдали реветъ упыло
Скрытый мглою океанъ!

Дни черезъ два отправляются отсюда въ Питеръ свитскіе офицеры, мои однодомцы, Вронченко (Мих. Павл.) и Ортенбергъ (Ѳедоръ Федоровичъ). Я просилъ ихъ познакомит[ь]ся съ тобою въ мое воспоминаніе. Перваго ты уже знаешь, какъ стихотворца, и, вѣрно, удовольственно познакомишься съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Второй прекрасный человѣкъ, явленіе пріятное всякому мыслящему, знающій свое дѣло, любезный, простосердечный: ты его полюбишь.

Здѣсь никто не получаетъ Телеграфа на текущій годъ; мнѣ бы очень хотѣлось прочесть слова Полеваго обо мнѣ: потрудись списать ихъ и прислать мнѣ.

Что же Гофманъ? Понукни его, сдѣлай милость; особенно при переходѣ на другую квартиру мнѣ очень не лишни были бы деньги (книгопродавецъ и подождать можетъ: ему не учиться этому добротерпѣнію).

Что дѣлается въ Симбирскѣ? Я оттуда мѣсяца съ два не получаю ни слова: видно, и тутъ та же исторія съ моими письмами.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Вульфу покуда кланяюсь.

CCXXIV.

А. М. Языкову.

7 Марта, 1828. Дерптъ.

Сегодня я уже ночую на новой квартирѣ, гдѣ все будетъ по моему вкусу и, вѣроятно, даже по твоему желанію, мой почтеннѣйшій! Буду ѣсть постное (сдѣлай милость, не придумывай етому поступку другой причины, кромѣ надобности или необходимости моей безпокоиться о возможно большемъ уменьшеніи образованія крови), говѣть тѣломъ вообще и душой особенно.

Здѣсь говорятъ, что Пушкинъ написалъ много новаго — между прочимъ поэму Стенька Разинъ. Часто ли ты съ нимъ видишься? Видно, онъ много занимается своимъ дѣломъ: слава и честь ему — и щастіе, блаженство! А я, многогрѣшный, безмолвно гляжу я... на сторону лучшія жизни. Здѣсь тѣ же поля и брега, и холмы, и то же прекрасное небо! Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Что же братъ Петръ? гдѣ онъ? Я давнымъ давно не имѣю никакихъ извѣстій изъ моей почтенной родины. Вѣроятно, и этому причина та же, что и въ отношеніи къ тебѣ съ моими письмами: сегодня пишу туда много и сильно! Мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть въ себѣ разительное сходство съ Моцартомъ[1]) по части житья-бытья! Что будетъ — будетъ!

Видѣлъ ли ты свитскихъ офицеровъ, о коихъ писано было въ прошломъ письмѣ моемъ? Поблагодари ихъ за ихъ пріязнь ко мнѣ. Они — люди, которыхъ любишь, потому что уважаешь; это много, охъ, очень много! Вронченко доставитъ тебѣ переводъ Гамлета и возметъ Манфреда. Прощай покуда; когда возсяду въ своей квартирѣ, буду писать больше и чаще — и еще вотъ обѣщаніе: первый день моей новой жизни посвящу къ тебѣ писанію, да начну оную сладостно. Жди!

Весь твой Н. Языковъ.

---

1) Въ *П.* Моцардомъ.

CCXXV.

А. М. Языкову.

1828, 21 Апрѣля. Дерптъ.

Благодарю тебя за удовольствіе, которое ты мнѣ доставилъ твоимъ посѣщеніемъ; я только теперь, во всей силѣ, чувствую его цѣнность. Мнѣ и скучно и грустно въ уединеніи: скоро налягу на трудъ, и такъ далѣе.

Булгаринъ еще здѣсь; онъ купилъ деревню возлѣ самого города, куда переѣдетъ въ Маѣ его супруга, а онъ самъ въ Іюлѣ, и проживетъ на первый случай мѣсяца два. Я теперь въ большомъ движеніи. Булгаринъ познакомилъ меня со Скобелевымъ (который очень любопытенъ нашему брату) и съ рижскимъ прокуро[ро]мъ Петерсономъ, человѣком[ъ] умнымъ, образованнымъ и, что всего почтеннѣе, другомъ Жуковского. Хожу по гостямъ — и къ послѣзавтра совершенно освобожусь отъ оковъ приличія.

Булгаринъ говоритъ, что Грибоѣдовъ написалъ трагедію, какой не бывало подъ солнцемъ — Грузинская ночь; что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, и проч. и проч.

Тютчевъ тебѣ кланяется, Петерсонъ тоже, Хрипковъ тоже.

Весь твой Н. Языковъ.

Сію минуту принесли мнѣ съ почты письма; посылаю ихъ тебѣ нераспечатанными — прочесть некогда [1]): пора отправлять свое.

CCXXVI.

А. М. Языкову.

Апрѣля 27, 1828. Дерптъ.

Письмо твое отъ 25 вышеозначенного мѣсяца я имѣлъ удовольствіе получить; удивляюсь, какъ ты не получилъ уже моего (я надписалъ въ канц[елярію] Лонг[инову]), которое отправлено за недѣлю предъ симъ, и къ которому приложены всѣ документы и письма, на твое имя сюда присланные. Благодарю тебя за всѣ извѣстія, важныя и неважныя, литтературныя и нелитературныя; продолжай, сдѣлай милость, мнѣ доставлять ихъ: сюда, въ Нѣметчину, все доходитъ не въ своемъ видѣ, перетравленное (sic), перепорченное, неполно и темно. Булгаринъ третьяго дня отправился обратно въ Питеръ; онъ здѣшній помѣщикъ; жена его переѣдетъ сюда въ наступающемъ мѣсяцѣ — и такъ далѣе, все пойдетъ своимъ порядкомъ.

---

1) Въ *П.* нѣкогда.

Объ отправкѣ книгъ моихъ вотъ что: теперь нѣтъ здѣсь ниодного фурмана, отправляющагося въ Петербургъ; всѣ, прахъ ихъ возьми, разъѣхались; говорятъ, что въ Маѣ кто-нибудь да поѣдетъ. Видно, придется отложить до благопріятнѣйшаго времени все это дѣло, а твои Нимейера и Мартенса отправлю въ Симбирскъ; особливо первый не терпитъ отлагательства — не такъ ли?

Я поживаю благополучно: 1) Пельцеръ не перешелъ ко мнѣ; мы, здѣсь находящіеся Русскіе, рѣшились сдѣлать ему, и вообще, доброе дѣло: складываемся ему на отправленіе въ Молдавію, да воинствуетъ во имя Бога Руского и Царя Православнаго. Онъ, право, доброй малой, будетъ хорошимъ офицеромъ и выдетъ, какъ говорится, въ люди, если поможетъ щастіе. Вся эта складчина не превышаетъ рубл. 200: онъ поѣдетъ съ другимъ юношей. 2) Я запираюсь отъ посѣщеній дружбы, лѣни и скуки; да и то сказать, что сама природа, т. е. погода, мнѣ благопріятствуетъ— стоятъ жары непроходимые, а вечеромъ дожди и тому подобное. 3) Духъ мой ободряется и крѣпнетъ и начинаетъ дѣйствовать, какъ ты замѣтишь даже изъ стиховъ къ В[ульфу], хотя тамъ и описывается много непріятного, но это ничто иное, какъ поэтическая шутка, аллегорія, штука!

Видѣлъ ли ты Аладьина, Вронченку? Видѣлъ ли первый послѣдняго? И что тотъ и другой?

Чаю получилъ я изъ Симб[ирска]. Мнѣ будетъ покуда довольно, особливо потому, что съ 1-го Мая стану пить поутру, вмѣсто его, шалфей.

Поповъ отправился въ Ригу; тебѣ кланяется и просилъ объ чемъ-то напомнить: видишь, что у меня вообще все слава Богу! Благодарю и за Телеграфъ.

Что же Гофманъ — и притомъ еще Нѣмецъ — деньги за книги для канцел[яріи]?

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣ тебѣ кланяются.

CCXXVII.

А. М. Языкову.

1828, Мая 5. Дерптъ.

Ты, видно, мой почтеннѣйшій, или не получилъ письма моего, или получилъ позже, чѣмъ слѣдуетъ. Я надписалъ въ тр[актиръ?] Д[емута?]; можетъ быть, ты остановился инуду? Теперь снова въ канцеллярію: это едва ли не вѣрнѣе.

Польза твоего посѣщенія относительно меня, безъ сомнѣнія, очевидна даже и близорукому разсудку; главное въ этомъ дѣлѣ богоугодномъ то, что тутъ еще сильнѣе, разительнѣе представилась вся несообразность, даже, въ нравственномъ смыслѣ, неблагопристойность моего долгопребыванія или долготерпѣнія въ Дерптѣ. Пора опомниться! Замѣть мимоходомъ еще и то, что если Шеп[елевъ] дѣйствительно готовъ къ екзамену, сюда пріѣдетъ и восторжествуетъ — тогда, о тогда... мы, т. е. Тютчевъ и я, поскачемъ на курьерскихъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть догнать, ежели уже опередить не можемъ, человѣка, ѣхавшаго на своихъ, на долгихъ, съ ночлегами, вѣроятно — съ запасомъ вина и другихъ угодій жизни человѣческой!

Вотъ тебѣ нѣчто на дорогу. Ты, помнится, говорилъ, что во время ѣзды у тебя часто бываетъ изжога: купи фунта съ два мятныхъ леденцовъ — и держи малую толику оныхъ во рту, при наступленіи оной непріятности. Это средство я испыталъ и испытываю на себѣ — прекрасное! На всю дорогу 2 Ф. тебѣ станетъ. Вотъ тебѣ просьба: при проѣздѣ черезъ Торжекъ не забудь купить мнѣ поясъ — обстоятельство важное для моего домашняго быта. Еще: нельзя ли справиться у Греча, почему Степановъ не получаетъ имъ еще 14 Апрѣля выписанныхъ трехъ екземп[ляровъ] Сокр[ащенной] Руск[ой] Грамм[атики]? Письмо адресовано прямо на имя Греча.

Пельцеръ отправился въ Тюльчинъ; мы снарядили его благополучно. Дней пять тому назадъ явился ко мнѣ нещастный руской пѣшеходъ отъ Фра[н]кфурта — ему мы тоже помогли: вымыли, обули, одѣли, покормили и доставили средство кормиться и дорогой до Петерб[урга]. Ему прозваніе — Остроградской; онъ пришелъ въ Дерптъ почти голымъ: возлѣ Фра[н]кфурта его обокрали, а онъ ѣхалъ изъ Парижа, гдѣ 7 лѣтъ учился математикѣ — какъ говорилъ, былъ даже учителемъ въ школѣ Генриха IV — къ брату въ Петербургъ. Что онъ Русской, былъ долго въ Парижѣ и точно такъ называется, какъ выше написано — это мы видѣли изъ его пропуска, но что̀ онъ, зачѣмъ былъ тамъ и тамъ, зачѣмъ идетъ въ Петерб[ургъ] — не знаемъ. О книгахъ моихъ я писалъ къ тебѣ: я еще купилъ великодушно классиковъ у Степанова. Радуюсь, что ты пріобрѣлъ Рус[скія] сказки и проч. и проч.

Максимовича я получилъ; билетъ доставилъ Рейцу, а щета ты еще не прислалъ. Кланяются тебѣ: Петерсонъ, Тютчевъ, Хрипковъ и проч. Наумовъ въ Симб[ирскъ] не ѣдетъ. Чтожъ Гофманъ?

Весь твой Н. Языковъ.

CCXXVIII.

А. М. Языкову.

1828, Мая 12. Дерптъ.

Я давно не получалъ отъ тебя писемъ; не знаю, чему приписать сію неустойку твою, зане самъ я посылалъ ихъ къ тебѣ довольно часто.

Читалъ ли ты въ 7 № Моск[овскаго] Вѣстн[ика] переводъ Манфреда? Облеуховъ — царство ему небесное! — не умѣлъ писать стиховъ; разтягивалъ, вялилъ и переиначивалъ подлинникъ, какъ мнѣ кажется, по переводамъ Вронч[енка] и Борга; не знаю, за что его такъ превозносятъ издатели. Переводъ изъ Валленштейнова стана, Шевырева, носитъ на себѣ всѣ отпечатки сего романтико-шеленгіано-стихотворца и переводчика: видно незнаніе языка нѣмецкого, и въ глаза бросается незнаніе рускаго!

День моихъ имянинъ принесъ мнѣ стиховное твореніе, здѣсь прилагаемое[1]). Степановъ тоже было задумалъ привѣтствовать меня виршами, началъ что-то длинное — и не кончилъ къ надлежащему времени. Я купилъ у него книгъ рублей на 500 — все, что мнѣ нужно изъ классиковъ — и совершенно доволенъ моей покупкой, потому что ихъ виписывать было бы неудобно и долго бы протянулось. Онъ скоро отправится въ чужеземію: ему дастъ казна 600 рубл. серебромъ въ годъ на проживаніе тамъ и 60 рубл. серебр. на дорогу туда. Когда въ универс[итетскомъ] совѣтѣ разсуждаемо было о томъ, сколько нужно для него просить у государыни, то Перевощ[иковъ] остался при мнѣніи, что вышеозначенная сумма чрезвычайно велика!

Что же ты мнѣ ничего не пишешь объ Аладьинѣ? Тютчевъ ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей поэтической участи. Вронч[енко], какъ видно изъ газетъ, отправился уже въ Молдавію. Онъ пишетъ къ матери своей невѣсты, что жарко желаетъ промѣнять трубу на саблю — крошить тур{о}ковъ и остаться на полѣ сраженія! Имъ, видно, овладѣла тоска-печаль по возлюбленной! Ежели возмогу, напишу къ нему посланіе — воинское, ободрительное, утѣшительное. Читалъ ли ты его Гамлета? и что же печатаніе оного?

У меня въ моей квартирѣ почти недѣйствительно разрушительное вліяніе жара и солнопека на мое пышное тѣло: съ утра, часовъ съ 5, затворяю ставни восточные, пускаю сквозной вѣтеръ по комнатамъ, не пускаю

---

1) Этого приложенія при *П.* не имѣется.

вѣтренныхъ пріятелей до времени чаю, потомъ хожу гулять въ прохладѣ вечера въ лѣсъ Рацгофскій, гдѣ всё разпускается, разцвѣтаетъ, благоухаетъ, гуляютъ дѣвы и дѣвки, поютъ соловьи и студенты!

Прощай до слѣд[ующей] почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CCXXIX.

А. М. Языкову.

Мая 18, 1828. Дерптъ.

Письмо твое отъ 12 оного мѣсяца — послѣднее изъ Питера — и деньги за книги отъ Гофмана я имѣлъ удовольствіе получить. Жаль, что слухъ о пріѣздѣ сюда Ш[епеле?]ва оказался ложнымъ; я было распустилъ его по всему городу: все возрадовалось отъ винопродавцевъ и университета — до булошницъ и берейтора.

На прошлой недѣлѣ[1]), во время праздниковъ Пресвятой Троицы, ѣздилъ я съ товарищи въ одно мѣсто, весьма примѣчательное по исторіи Ливонской и нашей, въ Оденпё — отсюда верстъ 40 или 50. Меня распекло жаромъ, засыпало пылью дороги горной и пещаной, слѣдственно скучной до чрезвычайности; а видѣть было почти нечего: замка давнымъ давно нѣтъ; озеро, оный нѣкогда окружавшее, теперь правильнѣе было бы называть лужею. Впрочемъ, я ничуть не раскаиваюсь въ этой поѣздкѣ: мнѣ было необходимо побывать тамъ, принимая въ соображеніе то, что впредь напишется о Ливоніи перомъ моей Музы.

Здѣсь началось купанье; а оно всякой годъ начинается утонутіемъ нѣсколькихъ человѣкъ, и въ томъ числѣ непремѣнно хотя одного студента. Такъ и нынѣ. Теперь полиція запретила купаться вообще, и мы ходимъ уже за полторы версты отъ города — въ Рацгофъ: тамъ она недѣйствительна, и начинается область исправника. Вчера скончалась княгиня Барклай-де-Толли. Сынъ ея, который и тебѣ извѣстенъ — помнишь, какъ Рейцъ о немъ разсказывалъ? — сдѣлалъ при семъ случаѣ слѣдующій анекдотъ. Въ рѣшительное время ожиданія ея смерти всѣ родные сидѣли при ея постели и по ночамъ, въ слезахъ и вопляхъ; онъ тутъ же; ему совѣтовали идти спать — не согласился и остался бдѣть, какъ вдругъ, среди тишины торжественной и таинственности часовъ роковыхъ, захрапѣлъ во все горло — и возбудилъ такимъ образомъ на себя негодованіе родни своей и смѣхъ города!

У насъ жары несносные: марокезовъ я не сдѣлалъ — замѣняю ихъ

1) Въ *П.* недѣли.

ставнями, сколько можно; выходить изъ дому можно только часовъ до 7 или 6 даже утра и послѣ 8 вечера, а мнѣ надобно ходить вообще много, особливо лѣтомъ!

Ты мнѣ еще не все написалъ изъ Петерб[урга], напримѣръ: что сказалъ тебѣ Аладьинъ? объ чемъ говорилъ ты съ Вронченко? Честь и слава тебѣ за покупку сказокъ и пѣсенниковъ рускихъ; къ этому богоугодному собранію не худо было бы присовокупить Граматина Слово о полку Игоревѣ и его-же Разсужденіе о древней руск[ой] словесности. У тебя вѣдь есть, кажется, Разговоры о Новгородѣ Евгенія, его же о Кіевѣ и проч.?

При началѣ каникулъ предпринимму (sic) странствованіе въ Печеры; Наумовъ вмѣстѣ со мною. Наймемъ себѣ лошадь безъ кучера — да и поѣдемъ помаленьку: ночь ѣхать, день отдыхать. Дней шесть проѣзду туда и оттуда, дни три тамъ для подробнаго обозрѣнія — вотъ и всё. Вотъ тебѣ еще доказательство, что мнѣ недолго быть въ Дерптѣ: я уже начинаю осматривать мѣста окрестныя, нужныя для воспоминаній напредки, для того, сего и прочаго; тороплюсь воспользоваться для этого временемъ года самымъ неблагодарнымъ, чтобы прочія употребить безъ развлеченія, какъ слѣдуетъ и какъ можно скорѣе.

Видно, правительство, наконецъ, принимаетъ дѣйствительныя мѣры для обрусинія (sic) нѣмцевъ: въ гимназіяхъ, вмѣсто одного, теперь будетъ по два учителя руского языка — одинъ, старшій, будетъ преподавать исторію поруски! Это сильно облагодѣтельствуетъ знаніе руск[аго] языка въ Ливоніи, гдѣ, б...ины[1]) дѣти, вовсе объ немъ не думаютъ, да и въ усъ не дуютъ. Сюда пріѣдетъ младшій учитель, а старшимъ содѣлается Тихвинскій, который (не тѣмъ будь онъ помянутъ!) на это дѣло не годится: слабъ характеромъ, тупъ умомъ и всегда подверженъ насмѣшкамъ, шуткамъ и шалостямъ своихъ молодыхъ учениковъ.

Видѣлъ ли ты, какъ Моск[овскій] Вѣстн[икъ] разбранилъ Сѣв[ерную] Пч[елу]? Много правды, многословія, а по части политики требуютъ отъ издателей невозможнаго. Хвалятъ Вѣстн[икъ] Европы на нынѣшній годъ; мнѣ говорилъ одинъ нѣмецъ, юноша ученый и знающій хорошо поруски, что оный журналъ принялъ на себя характеръ чисто ученаго! Ты, вѣрно, его получаешь. Въ концѣ текущого мѣсяца здѣшніе книгопродавцы получатъ книги новыя: вѣроятно, и для насъ будетъ въ томъ числѣ кое-что. Замѣть мимоходом[ъ], что къ Иванову дню я долженъ уплатить въ книжную лавку за книги, взятыя мною у Степанова. Я писалъ уже тебѣ, на-

1) Точки, вмѣсто буквъ, поставлены нами.

сколько ихъ набралось; распорядись по сей части добропорядочно, да нельзя ли деньги отправлять ко мнѣ вообще, или хоть на сей разъ только, incognito: такъ путешествуютъ многіе знатные люди — и это иногда бываетъ полезно! А поѣздка въ Печеры тоже требуетъ путевыхъ издержекъ, такъ и далѣе.

Кланяйся всѣмъ нашимъ; пиши ко мнѣ чаще, нежели писалъ изъ Питера. Здравствуй!

Весь твой Н. Языковъ.

Мои стѣнные часы взялся чинить Степановъ; говоритъ, что пойдутъ какъ нельзя лучше — итакъ, я буду совершенно спокоенъ по части знанія, который часъ. Ежели ты не подписался еще для меня на Телеграфъ, то лучше и не подписывайся: что въ немъ, особливо мнѣ, которому нѣтъ времени заниматься дѣлами суеты мірской?

CCXXX.

А. М. Языкову.

Мая 27, 1828. Дерптъ.

Ты правъ, мой братъ: давно пора
Проститься мнѣ съ ученымъ краемъ,
Гдѣ мы лѣнимся да зѣваемъ,
Гдѣ веселится Нѣмчура!
Я помню, здѣсь надежда славы
Меня пророкомъ назвала,
Мнѣ буйной младости забавы
Во блескъ живой и величавый
Она волшебно облекла;
Здѣсь мнѣ плѣнительно свѣтила
Любовь, звѣзда щастливыхъ дней,
И поэтическая сила
Огнемъ могущественнымъ била
Изъ глубины души моей!
И гдѣ жъ она и все былое?
Теперь, въ томительномъ покоѣ,
Текутъ мои нѣмые дни;
Несносно тяжки мнѣ они—
Сіи подарки жизни шумной,

Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сіи широкіе досуги,
Гдѣ праз[д]нословящіе други,
Нещадные, какъ Божій гнѣвъ,
Кипятъ и губятъ, яко пруги,
Трудовъ возвышенныхъ посѣвъ!
Досадно мнѣ! Теперь напрасно
Даюсь чарующимъ мечтамъ;
Онѣ кружатся несогласно,
Имъ недоступенъ вѣчный храмъ
Моей Владычицы прекрасной:
Такъ точно, въ зимніе часы,
Младой студентъ, окутанъ ромомъ,
Вотще кочуетъ передъ домомъ
Недосягаемой красы!
Но — всё проходитъ, всё проходитъ!
Блаженъ божественный поэтъ:
Ему въ науку міръ суетъ
Разнообразный колобродитъ!
Надѣюсь, жду: мою главу
Покинетъ лѣни сонъ печальной,
И снова жизнью достохвальной
Для Музы пѣсенъ оживу!

Вотъ тебѣ нѣчто психологическое обо мнѣ самомъ: замѣть вообще, что у меня дѣятельность духа всегда начинается стихами, слѣдственно — теперь и проч.

Вульфъ пишетъ мнѣ, что ты повезъ съ собою великое множество лѣтописей, сказокъ, записокъ о жизни Петра Перваго, пѣсенниковъ; что никогда московской дилижансъ не былъ такъ грузенъ, какъ везя твою промыслительную особу: благодарю тебя всею душою и всѣми помышленіями моими, потому что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, принимаю, такъ сказать, на свой щетъ оный благодѣтельный запасъ книжной! Аладьинъ благодаритъ меня за мои стихотворенія, а Тют[че]ва преходитъ молчаніемъ; видно, не понравились: его святая воля! Хозяинъ — царь въ своемъ домѣ, своя рука — владыка!

Сейчасъ получилъ письмо твое изъ Москвы; радуюсь, что ты доѣхалъ туда весело и бесѣдовательно. Не видѣлъ ли ты кого-нибудь, не познакомился ли съ кѣмъ-нибудь изъ московскихъ романтиковъ-литтераторовъ? Правда ли, что кураторъ тамошняго университета Писаревъ скончался? Царство ему небесное! Это пріятное извѣстіе привезъ мнѣ Прейсъ, учитель рускаго языка въ здѣшней гимназіи, адресованный ко мнѣ П. А—чемъ; онъ, кажется, доброй, любознательный юноша; плохо знаетъ понѣмецки — это и полезно будетъ ученикамъ его — и охотникъ до корнерытія въ словесности, до языковъ древнихъ; говоритъ съ восторгомъ о Грсфе и ожидаетъ чудесъ отъ Моргенштерна, о которомъ кто-то предъубѣдилъ его жестоко! Сюда скоро прибудутъ 20 человѣкъ студентовъ изъ университетовъ Московскаго, Петерб[ургскаго] и Казанского — для усовершенствованія себя въ наукахъ, подъ началомъ съ ними же пріѣхать имѣющого директора, по филологіи, правамъ и естест[венной] исторіи; здѣсь проживутъ три года (зачѣмъ такъ долго?), отправятся въ Германію и возвратятся на кафедры профессоровъ ординарныхъ.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Здѣшніе твои знакомые тебѣ кланяются. Степановъ скоро полетитъ въ чужеземію. Ждутъ новаго устава о цензурѣ: польза государству!

CCXXXI.

А. М. Языкову.

Іюня 6, 1828. Дерптъ.

Благодарю тебя за письмо изъ Москвы и за Телеграфъ. Выходка Полевого произвела на меня свое дѣйствіе: надобно же ознаменовать ее, первую противъ моей Музы, чѣмъ-нибудь стиховнымъ — и вотъ посланіе къ В[ульфу].

Завтра отправляюсь въ Печёры для историческихъ наблюденій, обозрѣній, для освѣженія духа своего на Руси православной, протрясенія тѣла, которому паскучило единообразное, ежедневное десятиверстное движеніе по однѣмъ и тѣмъ же дорогамъ, въ одни и тѣ же часы! Вся эта поѣздка продолжится не болѣе недѣли — и потомъ опять возсяду на сѣдалище трудовъ и чести, и славы, и проч. Пѣшествіе мое уже являетъ благодѣтельные слѣды въ головѣ моей: мнѣ вообще какъ-то легче, свѣжѣе; я весь движимѣе, жизненнѣе, самостоятельнѣе.

Аладьинъ прислалъ мнѣ новый уставъ о цензурѣ — явленіе пріятное, полезное вообще и сладостное писателямъ; я пришлю его тебѣ съ твоими книгами, которыхъ отправленіе останавливалось до сихъ поръ переплетеніемъ Мартенса — онъ былъ у Мойера —, а теперь скоро поѣдутъ.

Сюда будетъ новый профессоръ исторіи Крузе, извѣстный своимъ историческимъ атласомъ. Говорятъ также о профессорѣ наукъ камерал[ьныхъ], какомъ-то Фольграфѣ: онъ-де станетъ читать по французски.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяюсь всѣмъ нашимъ, обнимаю, цѣлую ихъ.

CCXXXII.

А. М. Языкову.

Іюня 26, 1828. Дерптъ.

Мое путешествіе или, лучше сказать, пѣшествіе въ Печёры совершилось благополучно: мой товарищъ по сей части, юноша пыщъ или дутикъ, Наумовъ — экономный отъ природы и кропотливый — нанялъ лошадей самыхъ негодныхъ, чухонскихъ, кожа да кости, ростомъ съ мышей, неповоротливыхъ, принимающихъ удары кнута и крикъ возницы за шутку. Дорога большею частію пещаная. Надобно было, и пріятнѣе было, идти пѣшкомъ, даже иногда не смотря на всю свирѣпость солнопека: иначе — нельзя было отвѣчать за здоровье или жизнь лошадей, которыхъ условились возвратить хозяину цѣлыми. Такъ мы ѣхали по горамъ и доламъ, лѣсами и болотами! Мѣстоположеніе Печеръ чрезвычайно живописное: монастырь находится на отлогостяхъ оврага, гдѣ течетъ ручей Каменецъ; стѣна монастырская, подъ которую оный ручей проходитъ, сохранилась довольно цѣлою; на горѣ дубы столѣтніе, въ горѣ пещеры четырехсотълѣтнія; богатая разница, достопримѣчательные дары царей и царицъ: напримѣръ, сѣдло[1]) Ив. Вас. Грознаго, ложе, труба, ложки, братины, кольцо Анастасіи, деньги и то, и то. Вотъ что мы смотрѣли съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Жаль, что въ это время архимандритъ былъ въ отсутствіи: безъ него нельзя было разсмотрѣть, такъ сказать, собственноручно оныя вещи, а теперь только сквозь стекло: а этого мало взору наблюдателя древностей!

---

1) Въ *П.* седло.

Здѣсь жары несносные, непроходимые! Напрасно затворяю, что ни свѣтъ-ни заря, ставни со стороны восхода солнечного: разрушительныя стрѣлы Ѳебовы проникаютъ, кажется, сквозь стѣны, и въ комнатахъ духота неописанная, мухъ не перечесть. Весь день (часовъ съ 8 утра до 8 же вечера) жаримся, или, лучше, жарится и прѣетъ мое тѣло; душа въ немъ словно угорѣлая; а ночью почти ничуть не лучше, не смотря на отсутствіе лучей солнца: въ воздухѣ жаръ, недвижимость, удушливость, опять мухи еще свирѣпѣе, и жажда прохлады еще пламеннѣе! Вотъ каково! Еще съ мѣсяцъ, вѣроятно, продолжится это томленіе убійственное, эта пекла тѣла и души!

У насъ новый попечитель — какой-то сенаторъ, баронъ Фонъ-деръ-Паленъ; скоро сюда пріѣдетъ, поселится здѣсь, да надзираетъ, такъ сказать, подъ носомъ кругъ своего дѣйствія. Скоро будутъ сюда и 20 юношей, назначенныхъ сдѣлаться учеными чрезъ посредство здѣшняго университета; они всѣ коренные рускіе, Перевощиковъ имъ главнокомандующій. Дай Богъ, чтобъ вышло что-нибудь хорошее, важное, торжественное, а не то— и въ Мекку посылать не за чѣмъ!

Жду извѣстій о помолвкѣ Пируши; желаю щастія всевозможного!

Прощайте до слѣдующей почты.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ мои почтенія и поклоны. Здѣсь прилагается записочка Пушкина[1]) ко мнѣ, присланная мнѣ имъ съ Киселевымъ, отправившимся курьера въ видѣ въ Вѣну, околкомъ черезъ многія желѣзныя и сѣрныя воды, и проч.

CCXXXIII.

А. М. Языкову.

1828. Іюля 5. Дерптъ.

Письмо и деньги (вѣдь, это на книги, пріобрѣтенныя мною отъ Степанова, а не на вообще) отъ тебя я получилъ позже, чѣмъ должно, по причинѣ запоя письмоносителя здѣшняго. Благодарю, благодарю! Радуюсь щастію Пируши, поздравляю ее съ новымъ періодомъ жизни, безъ котораго прежній ничто есть; желаю ей всѣхъ возможныхъ благъ и жалѣю, что не могу быть на ея свадьбѣ.

Здѣсь установились жары несносные, нестерпимые, непроходимые,

---

1) Этой записочки при *П.* нѣтъ.

турецкіе, ливійскіе! Nur Morgens und Abends kann der Mensch seine Geschäfte treiben, Mittags muss er im Hause ruhen, denn die Sonnenstichen können dann tödten! Но и того нѣтъ: утренняя и вечерняя невозможность дѣлать что-бы то ни было начинается первая часовъ въ 8, а послѣдняя идетъ съ духотою до самого восхода солнечного!

Ты справедливо замѣчаешь, что Телеграфъ на нынѣшній годъ хуже прежнихъ: онъ сдѣлался гораздо благонамѣреннѣе, пуще[1]) и даже выходитъ не въ пору: еще теперь только пріѣзжаютъ книжки за Апрѣль. Московскій Вѣстникъ тоже, какъ мнѣ кажется, слабѣетъ и относится куда слѣдуетъ. Въ Москвѣ заготовленъ большой запасъ книгъ для печатанія переводовъ и сочиненій. Что, если у нихъ переводятъ съ нѣмецкого гг. Шевыревы или даже сами Погодины?

Вотъ тебѣ и здѣшняя новость. Перевощиковъ послалъ уже въ Глав[ное] Училищъ Правленіе свою учебную книгу исторіи руской словесности: это—сокращеніе большаго, въ родѣ Ешенбургова, возможно полнаго сочиненія. Никто не видѣлъ ее до сихъ поръ; говорятъ, что есть надежда къ осени получить печатную. Это, по многимъ отношеніямъ, дѣло важное. Пер[евощиковъ], вѣрно, многое разыскалъ, открылъ, соустановилъ и объяснилъ, конечно, въ историческомъ отношеніи. Приговоры его писателямъ, разумѣется, не мудры: онъ раскольникъ, старовѣръ, даже скопецъ по сей части. Впрочемъ, все-таки онъ беретъ себѣ оружіе не изъ арсенала невѣжества: обстоятельство рѣдкое, особенно у насъ, гдѣ все дѣлается кое-какъ, ни зàшто, ни прòшто, тяпъ да ляпъ — да и клѣтка!

Если бы не жары, то я могъ бы назваться теперь человѣкомъ истинно самодовольнымъ и, слѣдс[твенно], щастливымъ.

Я купилъ себѣ историческій атласъ Керхера: форматъ огромный, цѣна очень умѣренная, 2 рубл. ассиг. за листъ; листовъ всѣхъ 24 для древней и средней исторіи; онъ меня совершенно удовлетворяетъ. Такимъ образомъ, сей важный недостатокъ библіотеки нашей теперь болѣе не существуетъ.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ поклоны и почтенія.

---

1) Т. е. пустѣе.

CCXXXIV.

А. М. Языкову.

22 Іюля, 1828. Дерптъ.

Письмо твое отъ 9 сего мѣсяца я получилъ и радуюсь, что у васъ всё идетъ своим[ъ] порядкомъ, тѣмъ болѣе, что и у меня водворяется что-то похожее на порядокъ: занятія мои идутъ благополучно и скоро начнутъ торопит[ь]ся; да это ли одно? Вообще, всѣ мои обстоятельства теперь лучше, чище, благоразумнѣе, могу сказать — почтеннѣе; не знаю, чѣмъ кончится, а началось не на шутку. Общество, которое ты собственноглазно здѣсь у меня видѣлъ и знаешь, теперь примѣтно поправилось въ нравственномъ смыслѣ; всѣ отъ мала до велика принялись за работы учебныя: Наумовъ списываетъ, переписываетъ тетрадки, ходитъ на лекціи; Татариновъ тоже ходитъ на лекціи, тоже списываетъ тетрадки, сверхъ того — занимается исторіею вмѣстѣ съ Виленскимъ по вечерамъ, у себя дома, гдѣ, по сказанію сосѣдей и Наумова, его сожителя во врямя оно, бываетъ такой крикъ, шумъ и гамъ, что хоть святыхъ вонъ понеси! Тютчевъ соревнуетъ мнѣ въ приготовленіи къ екзамену и, такъ какъ я, никуда не выходитъ по части суетъ мірскихъ и никого не принимаетъ по части друзей и пріятелей. Петерсонъ живетъ въ деревнѣ, 40 верстъ отсюда, Оденпе — тоже полный желанія предстать скорѣе къ Іисусу! Вотъ каково, мой почтеннѣйшій! Ты, вѣрно, не ожидалъ такого переворота между Русинами, пребывающими въ Дерптѣ. Хрипковъ рисуетъ.

Отправленіе книгъ твоихъ задерживалось главное потому, что Мартенса я далъ Мойеру, который уѣхалъ въ Москву на каникулы, и потому еще, что мнѣ хотѣлось полакомить тебя чѣмъ-нибудь новѣйшимъ и любопытнѣйшимъ, что и исполнится.

О поѣздкѣ въ Печеры я уже неоднократно писалъ къ вамъ, описывая ее возможно подробно. Благословляю вашу поѣздку въ Нижній-Новгородъ: точно, надобно и мнѣ тамъ побывать; съѣздимъ когда-нибудь вмѣстѣ, безъ намѣреній купить дешевле, лучше и проч.

Новаго нашего попечителя мы еще не видали; его ждутъ сюда; говорятъ, что онъ будетъ постоянно жить въ Дерптѣ, что онъ человѣкъ росту необычайно высокого, что онъ вообще ничѣмъ не извѣстенъ. 20 будущихъ профессоровъ сюда прибыли; они — подъ команду Перевощикова: объ нихъ еще ничего не извѣстно.

Прощай до слѣд[ующей] почты.

Весь твой Н. Языковъ.

CCXXXV.

Обоимъ братьямъ.

4 Август[та], 1828. Дерптъ.

Вы, вѣрно, уже возвратились изъ Нижняго, мои почтеннѣйшіе; многаго насмотрѣлись, наслышались, многому надивовались, ко многому прицѣнились, много накупили того-сего и теперь вполнѣ наслаждаетесь щастіемъ жизни семейственной, сельской, плодами теплицъ, сада, поля и лѣса — и всё то благо, всё добро! Здѣсь началась уже осень — и самая несносная. Августъ смотритъ Сентябремъ, то и дѣло вѣтеръ, дождь; непроходимая сырость въ воздухѣ; вездѣ, особливо кругомъ моей обители, грязь по колѣно, лужи, которыя въ Германіи, вѣроятно, именовались бы озерами! Нынѣшній годъ у насъ въ Дерптѣ чрезвычайно малоплоденъ по части яблокъ, сливъ, грушъ, вишенъ: мнѣ только тѣмъ и любовенъ, что грибовенъ. У меня всё идетъ — слава Богу! Жаль только, что эта негодная погода или непогода весьма непріятно дѣйствуетъ на состояніе моего тѣла — du weiss schon, was ich meine.

Аладьинъ меня не спускаетъ съ глазъ: присылаетъ мнѣ книги нѣмецкія и рускія, кланяется мнѣ отъ Пушкина, непрестанно проситъ стиховъ; я получаю отъ него новое изданіе всѣхъ сочиненій Гёте: 10 книжекъ, въ 12-ю, уже вышло, онѣ переплетаются и скоро, вмѣстѣ съ Нимейромъ и еще кой-чемъ, поѣдутъ къ тебѣ — такъ и впредь съ ними будетъ по порядку. Послѣдняя половина собранія анекдотовъ о Наполеонѣ съ картинами, кое (sic) ты видѣлъ у меня, уже переплетена вмѣстѣ съ первою великолѣпно, и этотъ, такъ сказать, памятникъ Наполеону, воздвигнутый моею библіотекою, тоже собирается въ Симбирскъ; примите его благосклонно, не осуждая меня, не называя грѣхомъ самое естественное, κατ' ἐξοχην поэтическое, желаніе мое видѣть глазами нѣкоторыя блистательныя черты жизни человѣка великаго!

Я познакомился съ рускими учеными юношами, назначенными занять профессорскія каоедры въ Россіи; Степановъ, яко представитель здѣшнихъ молодыхъ филологовъ, воцарился надъ ними, сбиваетъ ихъ съ толку, хвастается, величается и такъ смутилъ ихъ, новичковъ въ жизни съ нѣмцами и въ обращеніи съ людьми вообще, что они чрезвычайно недоступны, дики, робки и безотвѣтны передъ здѣшними! Изъ нихъ есть филологи сильные, и всѣ они, кажется, люди съ познаніями, зане присланы сюда послѣ крутаго испытанія въ Академіи Наукъ. Степановъ на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ въ

чужеземію; ему дають 100 руб. серебр. на дорогу и 600 руб. серебр. въ годъ. Пробудетъ онъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ два года: дай Богъ, чтобъ не продолжилъ еще сильнѣе прежняго винопійство и пивопійство. Въ Германіи особенно на послѣднемъ зельѣ большой соблазнъ; тамъ, между прочимъ, есть повѣрье, кажется въ Галле, очень, очень завлекательное для пьющихъ: всѣ жители города — ученые, неученые, студенты, ремесленники, старъ и младъ — собираются, котораго-то числа Іюля или Августа, воедино и пьютъ въ запуски пиво; тотъ, кто выпьетъ всѣхъ больше и устоитъ, получаетъ званіе пивнаго доктора — doctor cerevisiae — и право впредь предсѣдательствовать на засѣданіяхъ сего рода! Того и гляди, что мой пріятель-филологъ туда съѣздитъ во время каникулъ и отвѣдаетъ щастія!

Будьте здоровы и веселы. Прощайте покуда, всѣхъ цѣлую.

Вульфъ отправляется подъ знамена православныя, на Турка.

Вашъ Н. Языковъ.

Ко мнѣ пристаетъ еще какой-то новый альманашникъ, нѣкто Лутковскій; адресъ къ нему: въ Правленіе придворныхъ конюшень![1])

CCXXXVI.

А. М. Языкову.

Августа 15, 1828. Дерптъ.

Здѣсь все, слава Богу, здорово и идетъ хорошо; желаю и вашимъ дѣламъ того же. Степановъ отправился въ чужеземію, гордый славой грядущихъ побѣдъ. Съ нимъ можно бы завести сообщеніе книговыписыванія ради, да человѣкъ то онъ неблагонадежный, особливо въ случаяхъ денежныхъ. Булгаринъ уѣхалъ обратно въ Питеръ съ супругою, а танта осталась здѣсь хозяйничать и наслаждаться деревенскимъ воздухомъ; съ ней же и сестра ея — въ томъ же родѣ, колоссальная, могучая, имѣющая съ собою дочку непригожую, сестру жены Булгарина. Замѣчу мимоходомъ, что оная танта — главнокомандующая особа во всемъ семействѣ Бул[гарина], есть предметъ весьма любопытный наблюдательному взору мыслителя, въ родѣ Аддиссона или Жук[овскаго]: ея происхожденіе покрыто мракомъ неизвѣстности; духъ властительскій, предпріимчивый и рѣшительный просіяваетъ сквозь ея теперешнее благосостояніе, а нѣмецкой языкъ, которымъ

1) Приписка эта сдѣлана наверху послѣдней страницы письма.

она говоритъ, самый неправильный, простонародно-ошибочный, наслѣдованный отчасти и дочерью замужною, и еще то обстоятельство, что со всѣмъ прекраснымъ поломъ оного семейства говорить не объ чемъ — открываютъ обширное поле соображеніямъ über die Politik, den Verkehr und den Handel Derer!

Во[ейко]ва теперь въ Женевѣ — разцвѣтаетъ и процвѣтаетъ: какая слава Богу и какое возвышенное побужденіе написать къ ней посланіе пылкое, сильное, горящее и кипучее! Но теперь не то: мой геній строгою нуждою умерщвленъ!

Извѣстія литтературныя: «Въ концѣ Августа — пишетъ ко мнѣ Аладьинъ — начинаю печатать помаленьку свои альманахи: Невскій и другой, драмматическій, подъ названіемъ Букета; жаль, что вы не уважаете ни Таліи, ни Мельпомены, а то я просилъ бы васъ хоть о немногихъ цвѣткахъ для моего Букета». Потомъ слѣдуютъ разсужденія о томъ, какъ Воейковъ бурлитъ, ругаетъ всѣхъ по именамъ, едва не матерно, какъ ему никто не отвѣчаетъ, всѣ смѣются, а онъ свое несётъ; далѣе: «Гамлетъ выйдетъ въ сентябрѣ непремѣнно: сегодня читалъ я послѣднюю корректуру примѣчаній и предисловія».

Я тебѣ пришлю списокъ книгамъ политическ[имъ] и истор[ическимъ], которыя у меня есть, и ты напишешь мнѣ, какія изъ нихъ мы имѣемъ оба; этого не должно быть въ нашей библіотекѣ — ихъ можно будетъ здѣсь промѣнять на нужнѣйшія тѣмъ болѣе, что лишнее ничто вообще не нужно. Винкельмана только и было у меня, что двѣ части, да вѣдь у насъ есть Мейеръ, который, говорятъ, дѣльнѣе, торжественнѣе Винкельмана. Впрочемъ, и то сказать, что въ Исторію Искуствъ намъ и не должно сильно втягиваться, зане самый планъ нашей будущей жизни не благопріятствуетъ занятіямъ подобного рода: жизнь деревенская, другъ мой, чрезвычайно отдалена, по существу своему, отъ возможности видѣть собственными глазами дѣла рѣзцовъ и кистей вѣковъ минувшихъ и даже настоящаго! Намъ надобно знать по этой части настолько, сколько входитъ она въ поэзію, въ политику, въ исторію человѣчества, а самимъ объѣзжать Югъ и Западъ Европы невозможно. Мы объѣздимъ лучше нашу Русь православную, да порядкомъ, а этого достаточно на цѣлую жизнь, хотя бы Маѳусальскую!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Какъ идутъ дѣла къ сватьбѣ и вообще все хозяйственное, семейное, ученое — in so fern, сколько мнѣ нужно знать обо всемъ этомъ?

CCXXXVII.

П. М. Языкову.

Сентября 20. 1828. Дерптъ.

Съ прошлою почтой и съ теперешнею отправилъ я и отправляю тебѣ нѣчто очень важное по части хозяйства, особливо сельскаго — это 20 видовъ картофеля. Вели его сохранить бережно, въ погребѣ, только чтобъ не промёрзъ, до весны — и потомъ сажай, какъ обыкновенной; черезъ недѣлю пришлю тебѣ и именной списокъ: это вещь тоже не бездѣльная и чрезвычайно способствующая распространенію просвѣщенія, успѣхамъ жизни гражданской, разговору въ кругу семейства и даже въ обществѣ. Я получилъ его (чрезъ Хрипкова) изъ здѣшняго Ботаническаго сада; обѣщали и сѣменъ — и то пришлю, когда Богъ дастъ. Старайся же разводить его, разпространять въ чертогахъ и хижинахъ, думая при томъ о пользѣ своей и человѣчеству вообще! Если возможно будетъ достать и отправить по почтѣ безбѣдно, то утѣшу тебя присылкою и луковицъ цвѣточныхъ, не смотря на всѣ затрудненія посылочныя: напримѣръ, невозможность посылать больше 10 ф., грозную дороговизну за оный вѣсъ (rebus sic stantibus — объ всемъ въ мірѣ мы судимъ относительно!) и проч. и проч. Вотъ вамъ сильное, разительное, можно сказать — живое, плодовитое доказательство моей любви къ родинѣ, къ вамъ, ко всему полезному, да растетъ, цвѣтетъ, да приноситъ плодъ сторичной и да услаждаетъ вамъ вкусъ и зрѣніе мой картофель!

Поздравляю васъ съ благополучнымъ возвратомъ изъ Нижняго — съ покупками, слѣдственно — оживленіемъ жизни сей и будущей, съ новыми надеждами и желаніями, сею поѣздкою возбужденными, съ праздниками свадьбы и проч. и проч. Заочно радуюсь вашимъ радостямъ, желалъ бы... но: чтобъ ни было, незримой ведетъ насъ къ лучшему концу стезёй непости[жи]мой!

В[оейков]а выздоравливаетъ, разцвѣтаетъ новою жизнію и процвѣтаетъ въ Женевѣ: она познакомилась тамъ съ Бонстетеномъ, съ Сисмонди, которые говорятъ ей комплименты, дѣлаютъ съ ней анекдоты, фигли и вообще ласкаютъ ее. Вотъ одинъ изъ первыхъ: Сисмонди, утверждая, что скоро рускіе будутъ господствовать въ Европѣ, присовокупилъ, что онъ, впрочемъ, сейчасъ же готовъ предаться самовластію Ал[ександры] Андр[еевны] (für die Galante Welt!). Что она отвѣчала — неизвѣстно; можно только догадываться, что въ этомъ предложеніи, при дальнѣйшемъ разго-

ворѣ, споръ или преніи, подлежащее не перемѣнилось! Сисмонди, правда, человѣкъ немолодой, ему уже давно за 50, но съ его стороны: чѣмъ старѣе — моложе, а съ другой: слава! Судьбы Вышняго неисповѣдимы!

Хвостовъ печатаетъ новое изданіе всѣхъ своихъ стихотвореній, прислалъ мнѣ первую часть; я уже не радъ, что съ нимъ связался — надоѣстъ, окаянной!

Здѣшній профессоръ Парротъ, молодой, отправляется правительствомъ на Араратъ. Россъ тамъ, гдѣ Араратъ гора — сказалъ тотъ же Хвостовъ.

Мои дѣла идутъ благополучно, то есть такъ, какъ могутъ идти, если сообразить то и то. Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ, что радикальныя потребны тутъ лѣкарства: желудокъ дольше не варитъ!

Прощайте до слѣдующей почты.

Будьте здоровы, всѣхъ цѣлую, обнимаю.

Весь твой Н. Языковъ.

Стихи Пушкина «Къ друзьямъ» — просто дрянь: этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательствомъ тонкаго вкуса литтературного въ нынѣ царствующемъ Государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ напечатать!

CCXXXVIII.

П. М. Языкову.

1828, Сентября 26. Дерптъ.

Радуюсь, что ваши благословенныя дѣла семейныя идутъ успѣшно и сердечно; жалѣю, что не могу лично участвовать въ высокоторжественномъ и многозначительномъ, многошумящемъ и достопочтенномъ праздникѣ свадьбы.

Вы предполагаете, что мнѣ деньги не нужны, что кредитная система моего житья въ Дерптѣ такъ тверда и неколебима... Жестоко ошибаетесь, мои почтеннѣйшіе; впрочемъ, воля ваша! На всякой случай, лучше бы присылать ко мнѣ оныя малыя толики incognito: даже лавочникъ, узнавшій въ почтовой конторѣ, что такой-то получилъ деньги, аки лютый звѣрь, на добычу устремляется, и чѣмъ она меньше, тѣмъ лютѣе, свирѣпѣе, докучнѣе, скучнѣе — и тому подобное.

Жду кошелька и чубука отъ Параши; буду благодарить ее по полученіи какъ слѣдуетъ. Желаю ей всевозможного щастія, увѣренъ въ удачности ея выбора. Поздравь отъ меня моего прежняго сослуживца Родіонова съ его радостію и блаженствомъ любовнымъ. Наумовъ еще не полу-

чилъ извѣстія объ этомъ для него очень важномъ и очень семейномъ происшествіи; тоскуетъ, сердится, не знаетъ, что думать, вѣрить или не вѣрить: вотъ молодость! Видно, въ Симбирскѣ уже такое заведеніе.

Вульфъ отправляется за Дунай; здѣсь прилагаются мои стихи къ нему на этотъ подвигъ.

Какъ вамь понравился картофель? Смотрите, съумѣйте сберечь его до времени посѣва: не то, все мое стараніе — тлѣнъ и прахъ, а этого мнѣ бы не хотѣлось даже въ отношеніи картофеля.

Весь твой Н. Языковъ.

А. Н. В[ульф]у[1]).

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношескій жаръ,
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбѣжный твой ударъ!
За Русь, товарищъ, за свободу
Еллады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
Пойдешь ты, силенъ и суровъ.
Блаженъ, кто, гнѣвомъ упоенный,
Гулялъ на праздникѣ мечей
И вырвалъ дланью вдохновенной
Побѣду родинѣ своей!
Свѣтла кончина боевая!
Блаженъ, кто очи затворилъ,
Послѣднимъ взоромъ провожая
Побѣгъ и казнь противныхъ силъ!
Уже зардѣлась величаво
Высокихъ подвиговъ заря,
Шумятъ Суворовскою славой
Знамена Рускаго царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнятъ наши торжества
Пожаръ Чесьмы, чугунъ Кагула
И Руси грозныя права!

---

1) Заглавіе написано рукою Н. М. Языкова, но самое стихотвореніе — все сплошь другою рукою и очень каллиграфически.

Дай руку мнѣ! Во дни былые,
Въ кругу внимательныхъ друзей,
Я воспѣвалъ пиры лихіе
Кипучей младости твоей:
Я стану пѣть твои побѣды,
Восторгомъ веселъ огневымъ,
И бурныхъ юношей бесѣды
Наполню именемъ твоимъ!

Я работаю въ рубашкѣ; побереги халатъ до моего пріѣзда, который когда-нибудь да совершится же.

CCXXXIX.

А. М. Языкову.

Ноябрь, [1828]. Дерптъ.

Письмо твое, Онѣгина и Черепъ я имѣлъ удовольствіе получить; благодарю тебя за первое, Пушкина за второе и третье. Не знаю, откуда взялось извѣстіе о моей болѣзни — ужъ не аллегорія ли это? Я совершенно здоровъ и былъ здоровъ во все время твоего неполученія моих[ъ] писемъ. Я получилъ вчера письма изъ Симбирска, отъ брата и Матушки. Мои книги подмочили, и нѣкоторыя изъ нихъ даже вовсе испортились. Вѣдь Альманахъ Дельвиговъ выходитъ къ Свят[ой] Не[дѣлѣ] обыкновенно, слѣдственно — я еще успѣю или, лучше сказать, могу успѣть къ тому времени написать что-нибудь для него. На слѣдующей почтѣ напишу тебѣ больше, чѣмъ теперь: пора на почту. Я прочелъ недавно Клингерова Фауста; онъ мнѣ очень понравился и, можетъ быть, сильнѣе на меня подѣйствовалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, чѣмъ Гётевъ. Я пришлю тебѣ его. А теперь вотъ тебѣ изъ него выписка: Nur das feige, schlechte Herz wird schlechter durch Erfahrung; der edle sieht die Laster und Verirrungen der Menschen blos als Dissonanzen an, die die Harmonie seiner Brust in ein helleres Licht setzen und ihm sein Glück fühlbarer machen.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

CCXL.

Обоимъ братьямъ.

Ноября 8, 1828. Дерптъ.

Вы понапрасну обвиняете меня въ малописаніи или даже въ неписаніи къ вамъ, мои почтеннѣйшіе; правда, что съ моей стороны случаются по части писемъ частые и важные промежутки, но зато ихъ обыкновенно ограничиваютъ толпы писемъ, иногда со стихами и всегда любопытныхъ уму наблюдательному; эта перемѣнчивость въ перепискѣ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ чертъ моего характера, вообще непостоянного, нерѣшительнаго и разночиннаго: таковъ я ein Bild des russischen Volkes, bald indolent wie ein Asiate, bald voll rastloser europäischer Thätigkeit!

Справедливо извѣщаютъ васъ изъ Петербурга, что въ Альма[на]хѣ Аладьина будутъ нѣкоторыя мои вамъ еще неизвѣстныя штуки; ихъ можно назвать междуумками, признакомъ неустойки моей на пути трудовъ возвышенныхъ, слѣдствіемъ скуки душевной, утомленія силъ поэтическихъ — и причиною Богъ знаетъ чего... (впрочемъ, вамъ неизвѣстнаго тамъ, кажется, только и есть, что мое Посл[аніе] къ Степанову и мои Развалины).

Здѣсь проѣхалъ въ чужеземію нѣкто Соболевскій, московскій юноша, пріятель, обожатель, бирючъ и Gastfreund Пушкина; онъ обрадовалъ мою совершенно пустую, безталантную жизнь теперешнюю извѣстіемъ, что Пушкинъ написалъ новую прекрасную, всѣ его прежнія превозходящую, поэму Мазепа, множество балладъ, пѣсенъ, сказокъ и т. д.; что Сѣв[ерные] Цвѣты на 1829 будутъ исполнены его стихами; что Дельвигъ на меня сердится за мое непроходимое молчаніе на Парнасѣ; что Гнѣдичевъ переводъ Иліады скоро явится въ свѣтъ; что Погодинъ перестаетъ заниматься изданіемъ Московскаго Вѣстника, Шевыревъ печатаетъ свой переводъ Валленштейна; что Воейковъ прибавилъ еще нѣсколько лицъ (Греча, Булгарина и даже дамъ нѣкоторыхъ) въ свой Домъ сумасшедшихъ.

Петерсонъ уже стоитъ на прагѣ экзамена; онъ теперь живетъ въ одномъ домѣ со мною, выше меня; я съ нимъ вмѣстѣ занимаюсь русскою исторіею — и очень пріятно и сладостно!

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Степанова. Онъ уже въ Лейпцигѣ: описываетъ мнѣ свое путешествіе довольно подробно. Гамбургъ ему не понравился; онъ называетъ его коралломъ, въ которомъ живутъ одни полипы, городомъ чрезвычайно б...ливымъ[1]): «здѣсь-то истинная Кост-

1) Точки, вмѣсто буквъ, поставлены нами.

рома!» восклицаетъ онъ, описавъ нѣсколько сладострастныхъ, непристойныхъ или развратныхъ приключеній, видѣнныхъ имъ изъ окна черезъ улицу. Въ Берлинѣ видѣлъ онъ выставку въ Академіи Художествъ; тамъ были и нѣкоторыя русскія произведенія: картины Кипренскаго и видъ Дерпта нашего Хрипкова!

Наумовъ отправляется, недѣли чер[езъ] двѣ или три, въ Симбирскъ, на сватьбу сестры своей; съ нимъ пришлю я вамъ книгъ кипочку и всѣмъ сестрамъ по сергамъ — въ переносномъ смыслѣ, разумѣется, т. е. по письму.

Прощайте покуда.

Тебѣ извѣстно, что Булгаринъ купилъ здѣсь огромной домъ; самъ не живетъ здѣсь и старается населить его русскими юношами изъ Петербурга. Дѣло идетъ успѣшно: уже трое тамъ нанимаютъ квартиры — и ждутъ еще многихъ, въ томъ числѣ и сына Гречева. Такимъ образомъ, составляется въ Дерптѣ русская колонія, подъ начальствомъ танты, предпріимчивому духу которой можно приписывать это общеполезное заведеніе.

Здѣсь все плачетъ о смерти Императрицы: въ Дерптѣ чрезвычайно много ею облагодѣтельствованныхъ[1]).

CCXLI.

Матери.

1828, Ноября 20. Дерптъ.

Вотъ вамъ одинъ изъ моихъ товарищей любезныхъ, родныхъ и симбирскихъ; онъ замѣнитъ вамъ самое длинное письмо отъ меня, самую подробную повѣсть о моемъ теперешнемъ житьѣ-бытьѣ въ Дерптѣ. Наумовъ пробудетъ въ Симб[ирскѣ] мѣсяца три, не болѣе — слѣдственно, поѣдетъ сюда обратно еще, такъ сказать, зимою и повезетъ съ собою возможность имѣть въ Дерптѣ рѣдкія произведенія вашихъ краевъ; воспользуйтесь ею вразсужденіи меня: пришлите съ нимъ чего-нибудь такого, что бы мнѣ какъ можно живѣе напомнило Симбирск[ую] деревню, родину, напримѣръ — калинникъ, стерлядь или что подобное. Здѣсь все идетъ своимъ порядкомъ: я завидую Наумову, браню мою судьбу странную или, лучше сказать, глупую, но дѣлать нечего — все къ лучшему!

Наумовъ щастливѣе меня во сто кратъ, по крайней мѣрѣ вообще, и еще болѣе по части свадьбы сестры своей: онъ будетъ учавствовать въ пол-

---

1) На письмѣ нѣтъ подписи имени автора, хотя все оно сплошь писано его собственною рукою.

номъ цвѣтѣ радости своей, всею душою и сердцемъ — и Богъ благословитъ его радость, душу и сердце. Что подѣлываетъ Параша? какъ и гдѣ поживаетъ? Эти любопытные вопросы все еще для меня любопытны и не разрѣшены; теперь, впрочемъ, у меня есть уже близкая надежда узнать объ нихъ что-нибудь вѣрное, хотя черезъ три мѣсяца, т. е. посредствомъ Наумова, которому, вѣроятно, возможно будетъ развѣдать и разсказать мнѣ кое-что по сему предмету.

Цѣлую Катушу и Парашу, и всѣмъ нашимъ мои почтенія и поклоны.

Вашъ покорнѣйшій сынъ
Н. Языковъ.

CCXLII.

А. М. Языкову.

1828, Ноября 20. Дерптъ.

Вотъ вамъ Наумовъ — мой предтеча
На сладкомъ поприщѣ ѣзды:
Своимъ желаньямъ не переча,
Не оскорбивъ своей звѣзды,
Покинулъ онъ наукъ труды
И шумъ студенческаго вѣча.
Онъ щастливъ: полонъ чувствъ живыхъ,
Поклонится селу родному,
Отцовъ хранительному дому;
Увидитъ братьевъ и родныхъ,
Прижметъ ихъ къ сердцу молодому,
Увидитъ свадебныхъ пировъ
Великолѣпную картину,
Благословитъ свою судьбину
И будетъ нравственно здоровъ!
А вы, которыхъ ожиданье
Давно, давно, давнымъ давно
На мой пріѣздъ устремлено —
Онъ обо мнѣ воспоминанье
Прекрасно вамъ возобновитъ!
Опишетъ жизнь мою плохую,
Безъ вдохновеній, безъ Харитъ,
Однообразную, пустую,

Гдѣ-гдѣ благую, часто злую,
И все, чѣмъ я, ослушный сынъ
Моей возвышенной Камены,
Томлюсь, беспеченъ и одинъ,
Безъ цѣли, дѣйствій и причинъ.
И не надѣясь перемѣны!
Смотрите жъ, слушайте его
Съ душевной радостью и лаской:
Не утаитъ онъ ничего,
Не оклевещетъ никого
И не представитъ были сказкой!
Плѣнителенъ, завиденъ мнѣ
Его удѣлъ — свои разсказы
Про жизнь въ разгулѣ и винѣ,
Про молодецкіе проказы
Распространить въ родной странѣ!
Мои жъ надежды — что онѣ?...
и проч.

Съ нимъ посылаю тебѣ нѣкоторыя твои книги; извини, что такъ поздно: ужъ [у] меня судьба такая — во всёмъ опаздывать, а судьба — не наше дѣло. Здѣсь прилагаются стихи Жуковскаго на смерть Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны[1]). Новаго ни здѣсь, ни въ литературѣ руской, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ Гамлета, на сихъ дняхъ явившагося: переводъ вообще, кажется, вѣренъ; хуже всего тѣ мѣста, гдѣ разговоръ комическій или идетъ не стихами. Говорятъ, скоро выдетъ и Пушкина Мазепа. Аладьинъ меня почти покинулъ: не шлетъ ни литературныхъ новостей, ни писемъ — sic transit gloria mundi! Прими съ отверстыми объятіями, ласкай и лелѣй Наумова.

Здѣсь, кажется, установилась зима. Какъ у васъ? Поди ужъ давнымъ давно. Все слава Богу.

Весь твой Н. Языковъ.

Не показывай Наумову стиховъ: яко пруги — понимаешь?

---

1) Этихъ стиховъ Жуковскаго при *П.* не сохранилось.

CCXLIII.

Обоимъ братьямъ.

29 Декабря, 1828. Дерптъ.

Благодарю васъ за 500 рубл., мои милые и почтенные братья: я получилъ ихъ только на прошлой недѣлѣ, потому что здѣшняя почтовая контора долго не могла узнать, кому ихъ доставить: адресъ былъ написанъ (несообразно съ цѣлію) невѣрно (какому-то Кейсу); наконецъ, дошелъ слухъ до меня, что черезъ кого-то ко мнѣ пришли деньги: Рейцъ возсталъ— и все кончилось благополучно!

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ. Я его встрѣчу досадно и горестно, какъ ученикъ встрѣчаетъ учителя, несущаго ему выговоръ! И за дѣло! Но объ этомъ послѣ: на слѣдующей почтѣ вы получите мою послѣднюю, рѣшительную волю о будущей жизни моей. Увѣряю васъ, что она родилась во мнѣ не отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія; что она есть слѣдствіе глубочайшого самоизвѣдыванія, обстоятельствъ обдуманныхъ, желанія лучшаго вообще, даже для васъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, наконецъ — стремленія къ самосохраненію, доброму имени, дѣятельности и пламенной жажды покинуть эту жизнь глупую, совершенно пустую, постыдную, обидную человѣку? Послѣ подробнѣе: теперь скоро письмо отправлять. Никогда мнѣ не было здѣсь такъ скучно и грустно, какъ нынѣ, такъ отчаянно-досадно! Все мнѣ надоѣло, всѣ мнѣ надоѣли; я похожъ... я ни на что не похожъ! Мнѣ стыдно, мнѣ совѣстно! Сижу сложа руки и жду чего-то, какъ чуда, но чудесъ давно уже не бывало.

Кланяйтесь всѣмъ.

Вашъ Н. Языковъ.

1829.

А. М. Языкову.

CCXLIV.

1829, Января 29. Дерптъ.

Вотъ въ чемъ дѣло, мой почтеннѣйшій. Сообразивъ и то и сё, прошедшее, настоящее и будущее, усмотрѣвъ, къ нещастію, что второе все-таки разительно похоже на первое и что послѣднее мнѣ ничего хорошаго не обѣщаетъ, ежели я еще дольше останусь въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ все и всѣ надоѣло и надоѣли, гдѣ жизнь моя, такъ сказать, гніетъ въ тинѣ бездѣйствія, обстоятельствъ глупыхъ и глупостей ежедневныхъ, гдѣ, наконецъ, убѣдился я въ невозможности порядочно приготовиться къ екзамену, rebus sic stantibus, а кое-какъ не хочу его выдержать, — я, нижеподписавшійся, рѣшился спастись отсюда въ Симбирскъ, гдѣ мѣсяца въ два могу надѣяться кончить оное, ежели нужно, приготовленіе благополучно и экзаменоваться, напримѣръ, хоть въ Казани. Кромѣ того, что здѣсь духъ мой упалъ до точки замерзанія, что я чѣмъ дольше здѣсь, тѣмъ дальше отъ цѣли, — еще и мое здоровье требуетъ большой поправки, возможной только въ благорастворенiи воздуха, при хорошемъ движеніи, при образѣ жизни порядочномъ. Этотъ пунктъ меня сильно безпокоитъ и повергаетъ въ к[ак]ое-то беспечно-тяжелое состояніе. Знаю, что вы противъ этой рѣшительности сказать можете; знаю, что я не могу опровергнуть всего этого, но мнѣ теперь не до діалектики: я спасаюсь. Правда, что я потерялъ здѣсь послѣдніе два года, но сколько выиграю тѣмъ, что не потеряю еще болѣе! Вотъ ращетъ очень естественный. На слѣдующей почтѣ изложу все это подробнѣе.

Я жду, по вашему обѣщанію, денегъ, по полученіи котораго количества напишу вамъ, сколько будетъ стоить мое освобожденіе (которое ни-

какъ не можетъ быть дорого, потому спасаетъ тысячи и тьмы...), и буду просить васъ какъ можно скорѣе исполнить это мое почтенное желаніе, зане оно послѣднее въ Дерптѣ. Книги мои отправлю къ Комовскому или къ Очкину, а весною можно ихъ будетъ и въ Симбирскъ, внизъ по матушкѣ по Волгѣ: объ этомъ начинаю переписку съ вышепоименованными.

Я такъ надѣюсь на скорое мое воздвиженіе, что уже купилъ себѣ на дорогу фуфайку и картину Іоанна Богослова — для украшенія моей будущей обители въ Языковѣ. Здѣсь теперь ярманка.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Прилагаю здѣсь новыя прибавленія къ Дому сумасшедшихъ Воейкова[1]), мнѣ доставленныя отъ Аладьина.

CCXLV.

А. М. Языкову.

1829, Февраля 6. Дерптъ.

Тебѣ уже извѣстна, мой почтеннѣйшій, моя рѣшительная воля объ оставленіи Дерпта; надѣюсь, что вы не откажетесь и не замедлите способствовать моему, безъ похвальбы сказать, спасенію. Вездѣ, гдѣ-бы то ни было, я могу лучше работать, думать и писать, жить и дѣйствовать; вездѣ, кромѣ Дерпта, буду здоровѣе тѣломъ и духомъ: такъ сильно все здѣшнее, чисто прозаическое, мірское меня отуманило, отвратило отсюда всѣ мои помышленія, надежды и занятія. Чего бы ни стоило, въ смыслѣ денежномъ, сіе мое освобожденіе, все-таки оно будетъ дешево въ смыслѣ чисто нравственномъ и высоко-литтературномъ; сверхъ того, смѣю васъ увѣрить, что моя будущая жизнь сторицею вознаградитъ всѣ издержки теперешнія: мои требованія на щастіе[2]), ей Богу, не выходятъ изъ быту деревенскаго. Вотъ польза утопанія въ суетѣ міра сего! Я жду обѣщанной (при посылкѣ мнѣ 500 р.) суммы денегъ: тогда отправлю книги въ Петербургъ и пришлю вамъ окончательной щетъ послѣднихъ долговъ моихъ въ Дерптѣ. Да не будетъ оный гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Зачѣмъ давалъ ты Аладьину всѣ стихи мои? Онъ радъ печатать всякой вздоръ и вводитъ меня въ непріятности литтературныя; ему все

---

1) Этихъ прибавленій при *П.* не сохранилось.

2) Въ *П.* на щастія.

равно: было бъ имя — терпитъ не онъ. Въ Сѣверн[ыхъ] Цвѣтахъ всего лучше отрывокъ изъ историческаго романа Пушкина: он[ъ] чрезвычайно вѣрно изображаетъ характеръ времени произшествія — дай Богъ, чтобъ кончилъ! Вульфъ ѣдетъ не въ Турцію Европейскую, а подъ знамена Графа Ериванскаго; сюда прибылъ его маленькій братъ — идти по полю, старшимъ столь достославно пройденному.

На прошлой недѣлѣ случилось здѣсь произшествіе, грозившее Дерпту судьбою города Або. Въ университетѣ, въ 1-мъ часу ночи, сдѣлался пожаръ: загорѣлось въ кабинетѣ естест[венной] исторіи; все народонаселеніе Дерпта пробудилось отъ звука барабана, зовущаго спасать честь и славу Аѳинъ Ливонскихъ. Старый и малый, студентъ и ремесленникъ, профессоръ и мирный гражданинъ[1]), бросились дѣйствовать, кто какъ могъ — и, хвала Провидѣнію, успѣли! Убытокъ не великъ, какъ слышно: нѣсколько половъ и потолковъ попорчено, разбито нѣсколько шкаповъ съ птицами и раковинами, и сгорѣлъ до тла... лось! Говорятъ, что сюда пріѣдетъ Императоръ: онъ ѣдетъ въ Варшаву. Дай Богъ: будетъ зрѣлище любопытное и историческое!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ мои почтенія, поклоны и поцѣлуи: распорядись, что кому слѣдуетъ.

Мнѣ бы только добраться до Языкова: ужъ тамъ-то я застихотворствую, и возстановится моя блистательная слава поэтическая! Эта надежда меня теперь утѣшаетъ, какъ ребенка; большая часть времени проходитъ у меня въ мечтахъ о будущихъ трудахъ, подвигахъ стихотворческихъ, ученыхъ, всегда независимыхъ, ненарушимыхъ и райски сладостныхъ.

CCXLVI.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

9 Марта, 1829. Дерптъ.

Вчера пріѣхалъ сюда Наумовъ; онъ мнѣ привезъ много новаго: кромѣ халата и получулковъ, много извѣстій про житье-бытье Симбирское, про

---

1) Примѣчаніе Н. М. Языкова: «Стужа была ужасная: проф. Брёкеръ отморозилъ себѣ ноги — и языкъ! Разскажи это Наумову».

то, про сё и даже про меня самого. Признаюсь вамъ, что ожидалъ, что вы хоть съ нимъ, наконецъ, пришлете мнѣ денегъ, о которыхъ я писалъ къ вамъ мѣсяца два тому назадъ, но мнѣ никто отвѣта не даде! Если бы все совершилось такъ, какъ я предполагалъ простодушно, или такъ, какъ я имѣлъ право надѣяться, то къ Свят[ой] недѣлѣ я былъ бы на мѣстѣ. Но права пословица: Homo proponit — Deus disponit, или еще лучше: Deus proponit — homo disponit! Итакъ, вотъ еще одно послѣднее сказанье — и лѣтопись окончена моя! Пришлите мнѣ денегъ — много, очень много, въ десять или, по крайней мѣрѣ, въ восемь разъ болѣе, чѣмъ вы желали бы; у меня волосы дыбятся написать оное число роковое; боязнь, страхъ и Богъ знаетъ что тревожитъ мою надежду — замѣчу мимоходомъ, вообще съ нѣкотораго времени очень пугливую... Да утѣшаетъ васъ и да успокоиваетъ васъ, въ семъ случаѣ нещастномъ, мысль, что это послѣднія деньги, которыя изтрачу я отъ васъ заочно, что послѣ всѣ мои разходы будутъ вполнѣ отъ васъ зависѣть, что моя будущая жизнь будетъ вовсе чужда всѣхъ притязаній на суету мірскую, всякую роскошь, тлѣнъ и прахъ—и, наконецъ, что мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь можетъ не только въ конецъ испортить мое здоровье, но и до безконечности увеличить долги мои, которые здѣсь растутъ не по днямъ, а по часамъ, не принося мнѣ ровно никакого удовольствія и повергая меня въ жестокую необходимость безпокоить васъ такъ часто, мѣтко и, можете сказать, безсовѣстно! Если вы хотите, чтобъ я черезъ мѣсяцъ былъ у васъ, то немедленно пришлите мнѣ 8 т. (schreibe echt): тогда я выѣду отсюда сломя голову — иначе ни за что не ручаюсь въ будущемъ! Вамъ уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ писемъ, что я никакъ не могу здѣсь приготовиться къ экзамену: мнѣ надобно поправить здоровье, а это мнѣ невозможно при здѣшнемъ образѣ жизни, при моихъ обстоятельствахъ — и такъ далѣе. Ежели вы уже что-нибудь ко мнѣ послали, то разчислите и выполните вышеозначенное число. (Нельзя ли дать знать роднѣ Наумова, что онъ пріѣхалъ сюда благополучно, все, что кому слѣдовало, добропорядочно доставилъ и уже снова здѣсь усѣлся на трудъ и работу).

Благодарю за халатъ, чулки — да и только; все прочее до свиданія! Что вы мнѣ не прислали варенья или меду: это мнѣ очень пригодилось [бы] теперь, особенно во время для меня во всѣхъ возможныхъ смыслахъ постное!

Вашъ Н. Языковъ.

CCXLVII.

Роднымъ — въ Симбирекъ.

1829, 12 Марта. Дерптъ.

На прошлой почтѣ отправилъ я къ вамъ письмо, мнѣ самому — а, слѣдственно, вамъ — ужасное, но дѣлать нечего: вѣкъ живи и вѣкъ учись, спасайся, покуда не вовсе заблудился отъ пути спасенія! Распорядитесь же по оному письму въ разсужденіи моего отъѣзда изъ Дерпта — слава Богу, что не до конца меня погубившаго!

Меня радуетъ, скажу болѣе — меня утѣшаетъ послѣднее письмо ваше; я нисколько не имѣлъ и не имѣю права на столь радушное меня ожиданіе со стороны вашей, мои почтеннѣйшіе, — я, который, можетъ быть, вовсе не исполнилъ моего предназна[че]нія въ Дерптѣ, я, который доказываю мое желаніе возвратиться на путь истинной только тѣмъ, что спѣшу уйдти отъ жизни рѣшительно беспутной! Уйдти куда бы-то ни было — лишь бы уйдти! Что бы ни[1]) предстояло мнѣ по отъѣздѣ моемъ отсюда, все будетъ благо и прекрасно въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь покидаю!

Видно, мнѣ придется ѣхать уже на колесахъ. До Москвы имѣю попутчика, лучше котораго не желаю; это — Петерсонъ: ты его знаешь, Алекс[андръ]? Онъ также, какъ и я, спасается отсюда; одно это обстоятельство могло бы хотя нѣсколько оправдывать меня, если бы я не чувствовалъ себя безусловно виновнымъ предъ лицемъ Бога и Ангеловъ его! Тютчевъ, мой товарищъ по части несовершившагося приготовленія къ экзамену, онъ, излѣнившійся, какъ я, какъ я — свободно-бездипломной, уже оставилъ суеты житья Дерптскаго; его отецъ, пробывшій здѣсь нѣсколько дней, проѣздомъ въ чужіе края, сдѣлалъ великой и прекрасной переворотъ въ жизни своего блуднаго сына: отправилъ его при себѣ еще въ подмосковную деревню, гдѣ юноша долженъ кончить свои занятія учебныя, и потомъ да явится сюда или въ иной университетъ для полученія сана кандидата. Итакъ, почти вся Русь разъѣзжается отсюда! Изъ нашихъ остаются только Татариновъ и Наумовъ: первый уже глядитъ въ Симбирскъ, много работая и успѣшно идя своей дорогой; послѣдній жаждетъ того же — и тѣмъ пламеннѣе, что недавно возвратился съ Волги-матушки, привезъ съ собою кучи воспоминаній прелестнѣйшихъ и покинулъ тамъ большое число при-

1) Въ *П.* не.

манокъ самыхъ завлекательныхъ, дѣйствительныхъ и, кажется, между нами будь сказано, любовныхъ!

Я теперь веду жизнь свѣтскую: на послѣдяхъ обновляю мои прежнія, давно небреженныя мною, любезныя знакомства въ кругу нестудентскомъ; и они, словно предзнаменуя мой пріѣздъ къ вамъ, принимаютъ меня съ отверстыми объятіями, какъ бы вовсе позабывъ мое столь долгое и преступное отъ нихъ отчужденіе! По части книгъ я распоряжусь на сей же недѣлѣ: объ ихъ отправленіи въ С[анктъ]-П[етер]б[ургъ] я уже списался съ Ампліемъ (зане не вѣдалъ до сихъ поръ адреса Комовскому); съ Conv[ersation] Lex[icon] высылкою — что можно, достану, а Пёлица новаго изданія едва ли надобно: новый профес[соръ] наукъ камер[альныхъ] при здѣш[немъ] универ[ситетѣ] Фридлендеръ его ни во что ставитъ, а велегласно рекомендуетъ Рау!

Весь вашъ Н. Языковъ.

CCXLVIII.

А. М. Языкову.

20 Марта, 1829. Дерптъ.

Я уже снесся съ книгопродавцемъ по части моей библіотеки вообще и книгъ, тобою требуемыхъ, въ особенности; въ первой есть нѣсколько изданій неполныхъ: мнѣ ихъ укомплектуютъ возможно скоро; вторыя доставятся на дняхъ, если найдутся въ Ригѣ, а если нѣтъ, то по отъѣздѣ моемъ перешлются въ Симбирскъ. (О Conv. Lex. для К. ты выразился тёмно: не упомянулъ, къ которому изданію двѣ послѣднія прибавочныя части нужны). Съ Гартмано{во}мъ можно, должно и необходимо намъ сноситься и впредь; для вящей дѣйствительности и даже безопасности денежной, я почитаю неизлишнимъ имѣть въ Дерптѣ добросовѣстного посредника между имъ и нами; оный посредникъ да понукаетъ и торопитъ его въ случаѣ нужды, зане Гартманъ извѣстенъ своею медленностію и нерасторопностію въ доставленіи книгъ: многое забываетъ выписывать, многое выписываетъ неимовѣрно поздно — и такъ далѣе.

О моемъ гардеробѣ ты напрасно безпокоишься: внѣшняя оболочка моей земной оболочки никогда не занимала души моей, отъ природы, кажется, беспечной въ этомъ отношеніи; теперь уже она у меня будетъ блистательнѣе, нежели нужно, и противъ моей воли, вслѣдствіе моей неосмотрительности. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ Ноябрѣ прошлого года мнѣ показалось, что зима нынѣшняя будетъ холодна нестерпимо; я купилъ сукна на

шинель, а зиму проходилъ безъ шинели, и сукно осталось до сихъ поръ, такъ сказать, невоздѣланнымъ; сверхъ того, его оказалось недостаточно на шинель въ полномъ смыслѣ, т. е. съ рукавами, воротникомъ по поясъ и проч.: итакъ, я принужден[ъ] сшить себѣ плащь безрукавный, модной и, можно сказать, щегольской! На послѣдяхъ моей жизни дерптской занимаюсь я чтеніемъ книгъ медицинскихъ, обращая теперь все мое вниманіе на будущую жизнь мою между вами, желая, хоть подъ конецъ, быть себѣ здѣсь полезнымъ и надѣясь сдѣлать понятнѣе и извѣстнѣе причины моего бездипломнаго переѣзда на родину для многихъ, даже и для васъ—строгихъ судей моихъ!

Я уже писалъ къ вамъ, что до Москвы доѣду съ Петерсономъ; путь намъ пойдетъ черезъ Псковъ, Новгородъ и проч. На первый, а можетъ быть, и на другой — есть у меня поэтическіе виды: если будетъ возможно, то постараюсь и матушку Москву осмотрѣть какъ можно подробнѣе: она достойна этого, есть живая исторія старины руской и всегда будетъ священна нашему брату, поэту Россейскому!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ кланяюсь и благодарю за отверстыя объятія! Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ! Наумовъ привезъ мнѣ изъ Симбирска много пріятнаго по части тамошней жизни и, что въ нѣкоторомъ смыслѣ не менѣе важно, прекрасный образчикъ дорожнаго полукафтанья: оно похоже на тѣ, въ какихъ мы — ты, Алекс[андръ], и я — ѣздили когда-то въ Уфу, рождаетъ во мнѣ тысячи и тьмы воспоминаній сладостныхъ, и я заказалъ себѣ нѣчто подобное на дорогу!

CCXLIX.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

1829, Апрѣля 2. Дерптъ.

Поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ. Я было надѣялся встрѣтить его вмѣстѣ съ вами, но не такъ вышло; желаю, по крайней мѣрѣ, чтобъ это было въ послѣдній разъ! Здѣсь теперь стоитъ погода самая странная: снѣгу на улицахъ огромные сугробы — и не таятъ, не смотря на то, что выпали съ недѣлю тому назадъ; ждемъ грязи самой глубокой и жидкой. На страстной буду говѣть, исповѣдываться и причащаться — и, такимъ образомъ, отъѣду отсюда совершенно чисть, хотя въ

смыслѣ христіанскомъ; на первой случай и этого довольно. Я заплатилъ уже то количество долговъ моихъ, насколько получилъ денегъ — такъ и впередъ будетъ; не знаю, слѣдственно, когда совершенно отдѣлаюсь: все зависитъ отъ васъ. Man kann, was man will! Еще разъ увѣряю васъ, что моя будущая жизнь не будетъ вамъ ничего стоить: все, что вы говорили, говорите и будете говорить противъ житья моего въ Дерптѣ, столь, такъ сказать, безпутного, я уже давно сказалъ себѣ. Итакъ, прощайте или здравствуйте: когда именно — это отъ васъ зависитъ. Большую часть книгъ я уже отправил[ъ] въ Петерб[ургъ], на имя А. Очкина; снеситесь съ нимъ по части ихъ вешняго путешествія до града Симбирска (адресъ къ Амплію: на Фонтанкѣ, между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, въ домъ Ст. Совѣт. Штеричъ № 166). Съ Гартманомъ будемъ сноситься изъ Симб[ирска]; онъ туда отправитъ (уже по теперешнему провидящему моему порученію) недоданныя мнѣ книги. На всякой случай я возьму нѣсколько уроковъ у переплетчика, да не оста[на]вливаетъ и это въ Симб[ирскѣ] успѣховъ просвѣщенія. Теперь читаю книги, относящіяся къ моей поѣздкѣ: Аделунга о Корсунскихъ вратахъ, Калайдовича о Новогородскихъ посадникахъ и какого-то Никол. Назаровича Муравьева о древнем[ъ] Новогородѣ — сочиненіе вовсе новое и чрезвычайно занимательное ослиною глупостію разсужденій и желаній автора, родившаго[ся] въ Новѣгородѣ, къ стыду человѣчества.

Прощайте. Христосъ воскресъ!

Вашъ Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ мое Христосъ воскресъ!

CCL.

Роднымъ — въ Симбирскъ.

1829, Апрѣля 24. Дерптъ.

Благодарю васъ, мои почтеннѣйшіе, за ваше благословенное стремленіе выполнить мою, дай Богъ, послѣднюю просьбу изъ Дерпта; жаль, очень жаль, что моя надежда, такъ сказать, бѣжать отсюда все еще мрачится мыслію, что деньги, которыя вы послать обѣщаетесь какъ можно скорѣе, придутъ сюда, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поздо: я, помнится, уже писалъ къ вамъ, что въ подобныхъ случаяхъ, по части долговъ, поспѣшность уплачиванія — дѣло весьма великой важности, спасаетъ много денегъ, ускоряетъ отъѣздъ и вообще производитъ разныя пріятности.

Замѣчу вамъ, мои почтеннѣйшіе, что время ожиданія вожделѣнного отъѣзда есть, для меня по крайней мѣрѣ, самая скучная скука: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ (не щитаю ихъ, себя хоть обманомъ утѣшить желая), какъ я нахожусь, можно сказать, между страхомъ и надеждою, между не быть иль быть, какъ жду со всякою почтою возможности все покинуть, все забыть — и все не тутъ-то было!

Списокъ картофелямъ пришлю (какъ видно — я желалъ бы не успѣть этого сдѣлать, а привезти[1]) его съ собою). Книгъ моихъ бо́льшую и важнѣйшую часть отправилъ я уже въ Петерб[ургъ] на имя Очкина, ибо поздно уже получилъ адресъ къ Комовскому; такова, знать, судьба моя: вездѣ и всегда опаздываю!

Сюда пріѣхалъ Жуковскій; я его еще не видалъ; Воейкова скончалась въ Ниццѣ и погребена въ Ливорно. Видѣли ли вы Подснѣжникъ? Тамъ есть и мое кое-что, такъ сказать — послѣдняя жертва моему житью-бытью студентскому. По отъѣздѣ отсюда долженъ у меня начаться новый періодъ для стихотвореній моихъ, должна начаться жизнь вовсе литтературная, должно быть то и то — но?? Мы всѣ ходимъ подъ Богомъ! Будущее извѣстно одному Богу.

Христосъ воскресъ!

Вашъ Н. Языковъ.

Всѣмъ нашимъ мои почтенія, поклоны и тому подобныя знаки семейственного дружества, любви — и такъ далѣе.

CCLI.

А. М. Языкову.

1829, Мая 30. Москва.

Поздравьте меня, мои почтеннѣйшіе и любезнѣйшіе, родные и братья! Наконецъ, я покинулъ Дерптъ и уже совершилъ половину пути моего, въ Симбирскъ, такъ сказать — на родину, въ ваши объятія! Вотъ уже 11-ой день, какъ я живу въ Бѣлокаменной: прохладно, пріятно и вольно! Вы знаете, что я доѣхалъ сюда съ Петерсономъ, моимъ дерптскимъ однодумцемъ, товарищемъ и другомъ; онъ поселил[ъ] меня здѣсь въ дом[ъ] къ своимъ родным[ъ], гдѣ я нашелъ такъ много ума, образованности и любезности, что только одна надежда найти у васъ и того и другого и третьяго не менѣе еще стремитъ меня на берега Волги-матушки широкой.

1) Въ *П.* превести.

Но вотъ что гораздо важнѣе всего этого въ нѣкоторомъ смыслѣ. Дерптъ все-таки еще дѣйствуетъ на меня — и очень горестно — слѣдствіями моей тамошней жизни разгульной: благоразумно предвидя, что ожиданіе полнаго количества денегъ для уплаты всѣх[ъ] моихъ долговъ увеличитъ еще значительнѣе ихъ огромной итогъ, я уѣхалъ оттуда подъ покровительствомъ поруки Наумова, и вотъ новый, вамъ непріятный, добавокъ къ старым[ъ] грѣхамъ моимъ: кладу перстъ на уста и прошу прислать ему возможно скоро 2800 рубл.; онъ уже знаетъ, куда дѣвать ихъ. Вотъ и еще нѣчто почти о томъ же: я ищу здѣсь попутчика до Симб[ирска] и, вѣроятно, не найду; мнѣ чрезвычайно не хочется — изъ опыта сказать могу, мнѣ, можетъ быть, смертельно нездорово — ѣхать въ телѣгѣ, подвергая мою голову разрушительному каленію лучей лѣтняго солнца. На дорогѣ отъ Дерпта до Москвы я перенесъ много минутъ безмолвно-отчаянныхъ, а теперь погода еще жарче. Что же дѣлать? Ужъ я не говорю о скукѣ путешествія уединеннаго, о возможности моей засѣсть гдѣ-нибудь на станціи — слѣдствіе беззаботности души — и такъ далѣе. Не захочешь ли ты прогуляться до Москвы, братъ Алекс[андръ], осмотрѣть ее со мною вмѣстѣ и, такъ сказать, собственноручно ввести меня въ жизнь новую? Я пріѣхалъ сюда почти безъ платья благопристойнаго и вообще безъ лѣтняго: надобно будетъ что-нибудь сшить — слѣдственно и проч. Распорядись же въ этомъ отношеніи, какъ придумаешь, и напиши ко мнѣ елико можно скорѣе. Адресъ: Его Благор[одію] Ивану Васильевичу Кирѣевскому, въ домъ Елагина, въ приходѣ трехъ Святителей, у Красныхъ воротъ, въ Москвѣ.

Прощайте покуда; всѣхъ васъ цѣлую, обнимаю и проч. Я куплю здѣсь нѣсколько рускихъ книгъ, въ томъ числѣ XII Карамз[ина].

Весь твой Н. Языковъ.

CCLII.

Сестрѣ П. М. Языковой.

Симбирскъ. 1829. Зима, ноябрь или декабрь [1]).

Какъ ты поживаешь? Что вы сюда не спѣшите? Мы давнымъ давно ждемъ этого — и все еще не дождались. У насъ всё слава Богу. Петръ Мих[айловичъ] уже засѣлъ въ Языковѣ, принимаетъ разныя предосторожности отъ знаменитой холеры; прокуриваетъ избы крестьянскія, учре-

1) Дата поставлена чужой рукою.

ждаетъ, гдѣ нужно и можно, карантины, заставы, осмотры, остановки и проч. Маминька сильно беспокоится, вѣря всякимъ вздорамъ, особливо теперь занимающимъ болтливую здѣшнюю публику. Елисавета Петровна здѣсь находится: собирается прожить всю зиму въ Языковѣ. О поѣздкѣ Ивашевыхъ въ Питеръ разныя партіи говорятъ различно: одни — что отправятся въ половинѣ текущаго мѣсяца, другіе — что послѣ Новаго года, третіе — по послѣднему пути и, наконецъ, четвертые, и самые смѣлые и догадливые, — что вовсе не поѣдутъ! Сидимъ въ сомнѣніи, не зная еще, которому изъ сихъ слуховъ вѣрить, и ждемъ, такъ сказать, съ нетерпѣніемъ, что будетъ или чего не будетъ. Какъ ты объ этомъ думаешь? Недѣли съ полторы назадъ я отправилъ къ тебѣ длинное письмо; оно, видно, не получено тобою — не знаю, почему. Не гнѣвайся же на меня, что не пишу къ тебѣ; я не виноватъ, что письма не доходятъ, куда слѣдуетъ. Прощай покуда, ожидаемъ васъ сюда къ 13 Декабря. Петру Алекс[андровичу] поклонъ.

Твой покорнѣйшій братъ
Н. Языковъ.

Послѣдняя страница этого письма занята слѣдующей припиской А. М. Языкова:

И я тебѣ желаю здоровья, милая Пиринька. Мы, кажется, дождемся тебя здѣсь, хотя намъ нужно быть теперь въ Языковѣ для приведенія въ порядокъ дѣлъ нашихъ и толкованій объ оныхъ. П[етръ] М[ихайловичъ] уже съ недѣлю тамъ сидитъ, топитъ домъ для Ел[изаветы] П[етровны] и очищаетъ воздухъ въ крестьянскихъ избахъ. Сюда начинаютъ всѣ съѣзжаться; Столыпины будутъ послѣ завтра, но Лунина все еще нѣтъ! Ожидаемъ и его и много молодежи въ мундирахъ и во фракахъ; увидимъ, будетъ ли нынѣшняя зима любовна и сватебна! У меня есть женишекъ, и мнѣ очень нужно съ тобой посовѣтоваться, къ кому его подпустить. По этому то дѣлу я долѣе здѣсь остаюсь, хлопочу и тебя дожидаюсь!

Весь твой А. Языковъ.

П[етру] А[лександровичу] мое почитаніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Воспоминанія А. Н. Татаринова о Н. М. Языковѣ[1]).

(1855).

Я пріѣхалъ въ Дерптъ въ 1825 году, и тотъ часъ же познакомился съ Никол. Мих. Языковымъ. Хотя я тогда былъ почти ребенкомъ (мнѣ не было и 16-ти лѣтъ), но, какъ русскаго и притомъ Симбиряка, онъ принялъ меня ласково и привѣтливо. До поступленія моего въ Университетъ, я видался однакожъ съ Языковымъ не часто, не могъ участвовать въ его разгульной жизни, въ полурусскихъ и полунѣмецкихъ его пирушкахъ, въ которыхъ постоянными товарищами его были Вульфъ, Тютчевъ, Шепелевъ и, кажется, какой-то студентъ Гартманъ[2]), жившій у Никол. Мих. и занимавшійся съ нимъ древними языками и нѣмецкою литературою. Главный разгулъ его вакханалій, облагороженный поэзіею и поклоненіемъ Воейковой, былъ безъ меня. Я уже не засталъ въ Дерптѣ Воейковой, и когда поступилъ въ 1826-мъ году въ Университетъ, Языковъ уже кончалъ курсъ; ему стали надоѣдать бурсатскіе пиры; онъ желалъ образумиться, работать, приготовиться къ экзамену, но нѣмецкое труженичество, занятія по заказу такими предметами, изъ которыхъ многіе были ему не по нутру, никакъ ему не давались; мы, новые его товарищи, безпрестанно его увлекали — ни одна пирушка не обходилась безъ него. Въ началѣ пирушки его всегда надобно было уговаривать пить, но, начавши, онъ упивался донельзя. При мнѣ онъ жилъ въ Дерптѣ до половины 1829 года, и во все это время его преслѣдовала мысль о приготовленіи къ экзамену. Онъ видимо страдалъ отъ своей поэтической безпечности, безхарактерности и дѣтскаго простодушія. Юные его товарищи, изъ которыхъ многіе вовсе не были

---

1) Воспоминанія эти, въ автографѣ, сохранились въ бумагахъ Д. Н. Садовникова [нынѣ въ Академіи Наукъ], по вызову котораго и были, очевидно, написаны. А. Н. Татариновъ (1810 — 1862), землякъ Языкова, учился сначала нѣкоторое время въ Дерптской гимназіи (Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasium von 1804 bis 1879. D. 1879, № 803), а потомъ слушалъ камеральныя науки въ Дерптскомъ университетѣ въ 1826—29 годахъ (Alb. Acad. № 2197). О Татариновѣ-студентѣ имѣются замѣтки въ «Воспоминаніяхъ» библіотекаря Дерптскаго университета *Эмиля Андерса:* Baltische Monatsschrift. B. XXXIX. 1892. Краткія свѣдѣнія о его жизни—въ Остафьевскомъ Архивѣ князей Вяземскихъ. III. 1908, с. 588—589.

2) Кто былъ этотъ предполагаемый Гартманъ, сказать трудно. Въ Album Academicum значатся три студента съ такой фамиліей, которые могли бы такъ или иначе подходить подъ хронологическія условія этого указанія: Aegid Hartmann (№ 440), Ernst-Leopold-Heinrich Hartmann (№ 818) и Theodor Hartmann (№ 1611).

достойны его короткаго знакомства, часто надоѣдали ему, но онъ никого не могъ оттолкнуть, со всѣми пировалъ и братался. Нѣкоторые употребляли во зло его доброту, жили на его счетъ, и всегда то тотъ, то другой водилъ его на помочахъ. Онъ былъ всѣхъ насъ богаче: ему доставляли изъ дому ежегодно, кажется, до 6-ти тысячъ руб. асигн. — огромная сумма для студента. Изъ насъ рѣдкіе могли проживать тысячи полторы или двѣ въ годъ, а многіе казенные степендіаты довольствовались 400 руб. ас. Несмотря на это, у Языкова никогда не было денегъ. Еще въ первый годъ своей бурсатской жизни, онъ задолжалъ въ разные винные погреба и лавки; при полученіи денегъ, онъ тотъчасъ же раздавалъ ихъ своимъ заимодавцамъ и снова жилъ на пуфъ, т. е. въ долгъ. Нѣкоторые изъ его пріятелей брали чай, сахаръ, а главное—ромъ и вино, на его счетъ, по его къ купцамъ запискамъ, а иногда и безъ записокъ. Поэтому онъ жилъ совершеннымъ буршемъ: на квартирѣ его были такіе же березовые плетеные стулья, крашеные кровать и столы, какъ и у всѣхъ насъ; онъ носилъ всегда очень поношенный мундирный сертукъ и студентскій плащъ, или такъ называемый воротникъ, не доходящій до колѣнъ, который обыкновенно во время зимы пристегивается къ студен[т]ской шинели, но у Языкова шинели не было, и въ сильные морозы ходилъ онъ въ одномъ воротникѣ, также какъ и лѣтомъ. Бывало, спросишь его: «Что ты давно не писалъ къ своимъ въ Симбирскъ?» «Нѣтъ денегъ; дай двугривенный, такъ напишу». Какъ то разъ нанялъ онъ комнату безъ отопленія; дровъ обыкновенно въ долгъ не давали, но онъ замѣнялъ ихъ водкою изъ академической Муссы, или клуба, помѣщавшейся въ томъ же домѣ, и гдѣ, разумѣется, былъ у него пуфъ. Надобно сказать, что Языковъ вообще не выносилъ теплыхъ комнатъ: отъ полнокровія ему всегда было жарко, и онъ начиналъ уже страдать головными болями. При немъ былъ крѣпостной человѣкъ, подъ названіемъ Чухломскій, который обращался съ нимъ очень нецеремонно: часто пропадалъ на цѣлый день, оставляя Языкова безъ обѣда и чая и заставляя его самого чистить платье и сапоги, что, впрочемъ, и всѣ мы иногда должны были дѣлать, но у насъ, вмѣсто крѣпостныхъ людей, были только служанки, приходившія въ извѣстные часы дня, служа нѣсколькимъ студентамъ, жившимъ въ разныхъ домахъ. Мало того, что этотъ Чухломскій не приносилъ ему никакой пользы, но Языковъ часто платилъ за него трактирные долги, и я слышалъ, что въ послѣдствіи, въ Москвѣ, онъ далъ пріятелямъ своимъ обѣдъ на радость, что избавился отъ этого молодца, уговоривъ его взять вольную.

Вообще Н. М. Языковъ не былъ словоохотенъ, не имѣлъ дара слова, рѣдко вдавался въ пренія и споры и только отрывистыми мѣткими замѣчаніями поражалъ насъ. Мы всѣ его любили за его рѣдкую доброту и гордились его поэтическимъ талантомъ, ожидая отъ него нѣчто великаго. Самъ онъ рѣдко говорилъ о своихъ стихахъ и не любилъ читать ихъ, но обыкновенно всякое новое произведеніе сообщалъ мнѣ, какъ хорошему чтецу, а я распространялъ его между товарищами; только на пирушкахъ, въ полномъ вакхическомъ разгулѣ, онъ соглашался декламировать стихи свои. Тогда обыкновенно составлялся передъ нимъ кружокъ внимательныхъ и восхищенныхъ слушателей. Въ одной рубашкѣ, со стаканомъ въ рукѣ, съ разгорѣвшимися щеками и съ блестящими глазами, онъ былъ поэтически-прекрасенъ. Казалось, юный Богъ облагораживалъ наши оргіи, и мы покланялись этому Богу. Всѣ его стихи, даже самые ничтожные, выучивались наизусть, пѣсни его клались на музыку и съ любовью

распѣвались студенческимъ хоромъ. Вообще безъ Языкова наша русская, среди нѣмцевъ, колонія, слушая нѣмецкія лекціи, читая только нѣмецкія книги, была бы совершенно чужда тогдашнему литературному въ Россіи движенію, но онъ получалъ русскіе журналы, альманахи, вообще все новое и замѣчательное въ русской литературѣ; нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, многимъ обязаны ему въ этомъ отношеніи. Кромѣ русскихъ книгъ, у Языкова много было книгъ и нѣмецкихъ, въ особенности литературныхъ и историческихъ. Онъ читалъ довольно, но непослѣдовательно. Приготовленіе къ экзамену отвлекало его отъ любимыхъ занятій, но не подвигало впередъ. Я увѣренъ, что онъ легко бы могъ выдержать этотъ экзаменъ, и лучше многихъ изъ насъ, но, чувствуя свое достоинство, ему было невыносимо твердить нѣкоторые компендіумы или профессорскія тетрадки по такъ называемымъ каммеральнымъ и дипломатическимъ наукамъ, вовсе не примѣнимымъ, въ особенности къ его жизни. Политическую экономію онъ, впрочемъ, понималъ и уважалъ, что, къ сожалѣнію, рѣдко бываетъ съ поэтами. Этимъ былъ онъ, кажется, обязанъ умершему до вступленія моего въ университетъ профессору пол. экономіи Раупаху, о которомъ онъ всегда отзывался съ восхищеніемъ. Преемникъ же Раупаха, Фридлендеръ, былъ невыносимый педантъ. Мы всѣ его не любили, а Языковъ стыдился предстать, какъ школьникъ, на академическій судъ и ожидать снисхожденія отъ Фридлендера и нѣкоторыхъ другихъ антипатичныхъ ему нѣмцевъ. Это снисхожденіе, конечно, было бы ему оказано, но онъ желалъ, кажется, чего то блистательнаго. Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Дерптѣ, онъ нанялъ квартиру почти за городомъ и поселился тамъ вмѣстѣ съ Петерсеномъ, чтобы подалѣе отъ соблазновъ приготовляться къ экзамену. Этотъ Петерсенъ, тоже старый экс-студентъ, за нѣсколько лѣтъ оставившій Университетъ и воротившійся въ Дерптъ для полученія академической степени, кажется, много вредилъ занятіямъ Языкова. Ему надобно было товарища практическаго, который бы прямо и скоро шелъ къ цѣли; Петерсенъ же былъ, напротивъ того, вялъ, фантазеръ, съ какимъ то таинственнымъ, мистическимъ направленіемъ и потому нѣсколько шарлатанъ. По крайней мѣрѣ, онъ мнѣ казался такимъ, но на Языкова имѣлъ онъ большое вліяніе. Николай Михайловичъ съ какою то дѣтскою радостью разсказывалъ намъ, какъ у него съ Петерсеномъ всю ночь кипитъ самоваръ, и они, по очереди, до восхода солнца, читаютъ вслухъ Карамзина!... Но добро бы читали, а то, кажется, они болѣе разсуждали о великомъ значеніи славянъ, о будочности Россіи, о тупости нѣмцевъ и бойкости русскихъ и пр. Понятно, что такимъ образомъ трудно приготовиться къ экзамену. Между тѣмъ, Языковъ начиналъ страдать приливами къ головѣ, хотя повидимому казался очень здоровымъ: онъ былъ толстъ, краснощекъ, моложавъ и силенъ, но отъ всякаго внутренняго движенія кровь кидалась ему въ голову, и часто, среди веселой бѣсѣды, когда онъ расхохочется, должны мы были обливать его холодной водою; будучи отъ природы очень смѣшливъ, онъ всячески удерживался отъ хохота и зажималъ себѣ ротъ платкомъ. Часто самыя ничтожныя вещи заставляли его хохотать по цѣлымъ часамъ. Такъ однажды Н-въ, всегда коверкавшій стихи, запѣлъ, вмѣсто: «Я жду тебя, когда зефиръ игривый»... «Я жду тебя, зефиръ игривый» — Языковъ хохоталъ почти до истерики, и на другой день написалъ Н-ву миленькое стихотвореньe, начинавшееся стихомъ: «Я жду тебя, зефиръ игривый!» Попойки также вредили его здоровью, и онъ старался избѣгать ихъ, но почти всегда

увлекался нашими неотступными просьбами, и всѣ вакхическіе праздники, конечно, не наобумъ имъ воспѣты, что и удостовѣряетъ самъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Что жъ касается до нѣжныхъ элегій и посланій, то все это большею частью *сочинено*: Языковъ всегда былъ очень застѣнчивъ и даже дикъ, въ особенности въ дамскомъ обществѣ, и во все время моего пребыванія въ Дерптѣ онъ вовсе не бывалъ въ дамскомъ кругу, уже и по тоїй простой причинѣ, что у него часто не бывало и приличнаго для сего костюма. Правда, что большая часть его дерптскихъ элегій обращена къ Воейковой, которую я не засталъ въ Дерптѣ, но я слышалъ, что, видавшись съ нею часто, онъ, какъ стыдливый юноша, всегда молчалъ и конфузился, и только дома, по ея заказу, писалъ стихи въ альбомъ *своего почтеннаго идеала*. Знаменитая же его Лилета тоже при мнѣ не была уже на сценѣ; если я не ошибаюсь, то подъ этимъ именемъ воспѣвалъ онъ уже нѣсколько устарѣвшую, толстую, хотя и красивую, разнощицу яблокъ и сливъ, конечно никогда не читавшую стиховъ Языкова. Воспѣтая въ нѣсколькихъ стихотвореньяхъ *Марья Петровна* была очень хорошенькая, молоденькая дочь русскаго купца, съ которой Языковъ едва ли когда-либо говорилъ. Товарищи, и въ особенности неразлучный съ нимъ Петерсенъ, старались увѣрить его, что онъ влюбленъ въ эту красавицу, безпрестанно превозносили ея прелести, водили его мимо ея окошекъ, и мы всѣ въ вакхическомъ восторгѣ, повторяли хоромъ довольно плохую пѣсню:

«Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ручка и ножка ея» и пр.

Страсть Языкова ничѣмъ не выказывал[ас]ь, кромѣ какъ пустой и притомъ чужей болтовней, хотя въ прекрасномъ своемъ стихотвореніи *Пожаръ*, описавъ, какъ мы отстаивали домъ М. П-ны, онъ говоритъ:

.... «въ тотъ часъ
«Могусчество любви позналъ я въ первый разъ».

Возбудившая кипущее, страстное посланіе *Аделаида* была просто публичная дрянная дѣвка. Впрочемъ, эта страстность была, кажется, нарочно сочинена въ минуту негодованія на идеальную любовь къ В-ой, ибо въ печати пропущенъ конецъ стихотворенія, обращенный къ сей послѣдней:

А ты, кого моимъ свѣтиломъ
И божествомъ я называлъ,
Кому въ восторгѣ нѣжно-миломъ
Стихи и сердце посвящалъ, —
Меня теперь твоя измѣна
Иными чувствами зажгла!
Не исповѣдую закона
Твоихъ очей и томныхъ устъ,
И отдаю тебя на хлюстъ
Учебной ротѣ Геликона!

Стихи къ Воейковой не должно однако же смѣшивать съ другими альбомными его стихами. В-у онъ всегда помнилъ, какъ первую образованную жен-

щину, имѣвшую сильное вліяніе на его поэтическое развитіе. Было время, что онъ ничего не могъ написать, не коснувшись Воейковой. Такъ, по возвращеніи моемъ изъ Дерпта въ Симбирскъ, онъ написалъ мнѣ посланіе, напечатанное на стр. 214 въ I-ой части его стихотвореній, но вскорѣ принесъ мнѣ другое, говоря, что первое не полно, потому что забылъ упомянуть о В-ой. Подъ обоими этими посланіями ошибкой напечатано: 1829 г. Д., вмѣсто 1830 г. С.[1]) Одно изъ лучшихъ стихотвореній Языкова: *Воспоминаніе объ А. А. В-ой* всего вѣрнѣе рисуетъ его къ ней отношенія.

Слишкомъ долгое пребываніе въ Дерптѣ, конечно, было вредно для Языкова, но не должно полагать, что, не получивши академической степени, онъ уже ничего не вынесъ изъ Университета. Не только университетскія лекціи и книги образуютъ человѣка, но самая студенческая жизнь; даже сходки и пирушки нѣкоторымъ образомъ способствуютъ его развитію, даютъ крѣпкую вѣру въ просвѣщеніе, въ прогрессъ человѣчества, и на дѣлѣ убѣждаютъ въ ненужности, вредѣ излишнихъ помочей и такъ называемаго отеческаго попеченія о подданныхъ. Вообще говоря, человѣкъ, бывшій въ Университетѣ, дышитъ свободнѣе, мыслитъ правильнѣе и дѣйствуетъ независимѣе и благороднѣе, нежели тотъ, кто воспитывался въ разнаго рода казармахъ. Языковъ вполнѣ сознавалъ, что онъ многимъ обязанъ Дерпту, и поэтически выразилъ это во многихъ стихотвореніяхъ, наприм. въ посланіи ко мнѣ:

..... Для всего земнаго перехода
Намъ станетъ чувствъ, которыя свобода
Въ насъ развила по милости своей:
Таковъ булатъ въ братолюбивой длани —
Несокрушимъ, однажды закаленъ!

Хотя въ дерптскихъ стихахъ своихъ Языковъ и упоминаетъ иногда о скукѣ и вялости своей жизни, но въ доказательство того, какъ до послѣдней минуты онъ дорожилъ Дерптомъ, приведу я, что на одной изъ нашихъ послѣднихъ съ нимъ пирушекъ предложилъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ воротиться всѣмъ въ Дерптъ и помянуть нашу молодость: въ дѣтскомъ восторгѣ онъ схватилъ листъ бумаги, разрѣзалъ свою руку и кровью подписалъ обѣщаніе; другіе послѣдовали его примѣру и были въ ужасномъ на меня негодованіи за то, что я отказался дать такую торжественную кровавую клятву, хотя и обѣщалъ, въ случаѣ возможности, тоже пріѣхать. Но увы! никто не исполнилъ клятвы!

Въ послѣднее время на всѣхъ нашихъ сходкахъ, въ особенности по настоянію Языкова, пѣлись, вмѣсто нѣмецкихъ, преимущественно наши народные и цыганскіе пѣсни. Одинъ москвичъ, хотя нѣмецкаго произхожденія и съ нѣмецкимъ прозвищемъ, но съ натурою совершенно обрусѣвшею въ слишкомъ разгульной трактирной московской жизни, руководилъ нашими хорами. Онъ

---

1) Тутъ Т. разумѣетъ обращенныя къ нему два стихотворенія Языкова: первое «Здорово, братъ! Поставь сюда двѣ чаши...» и второе «Не вспоминай мнѣ, ради Бога...», напечатанныя въ изданіи 1833 года, которое вышло всего только въ одной книгѣ, на с. 214—216 и 240—241; одно помѣчено «1829. С.», а другое «1829. Д.». Упоминаніе о Воейковой во второмъ стихотвореніи надо видѣть въ словахъ: «славлю смертными стихами красавицъ родины моей» (с. 241).

былъ хорошимъ музыкантомъ и, съ гитарою въ рукѣ, съ ухватками предводителя цыганъ, восхищалъ всѣхъ насъ, въ особенности же Языкова. Впрочемъ, и нѣмцамъ очень нравились наши напѣвы. Мы иногда катались на лодкахъ вдоль по Эмбаху, и по берегу всегда слѣдовала за нами толпа народа, съ жадностью слушая то заунывные, то разгульные наши хоры. На всѣхъ пирушкахъ всегда пѣлись съ особеннымъ восторгомъ и пѣсни Языкова; ихъ клалъ на музыку тотъ же нѣмецкій москвичъ Науманъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были переведены на нѣмецкій языкъ, и доселѣ поются въ Дерптѣ не только русскими, но и нѣмецкими буршами. Иногда вновь сочиненная Языковымъ пѣсня служила поводомъ къ пирушкѣ. Вообще своею поэзіею онъ облагораживалъ наши часто грубыя и однообразныя оргіи. Такъ, напримѣръ, канунъ новаго 1828 года былъ нами отпразднованъ особенно поэтически. Тогда я съ Вл. М. Наумовымъ занималъ отдѣльный деревянный домикъ. Наша русская хозяйка кормила насъ русскимъ сытнымъ обѣдомъ за 15 р. асс. съ человѣка въ мѣсяцъ; въ нашей артели участвовалъ и Языковъ съ Петерсеномъ; часто приходили къ намъ обѣдать и другіе товарищи, предпочитая щи и кашу нѣмецкимъ супамъ. У насъ были рапиры, и послѣ обѣда, для удобнѣйшаго пищеваренія, обыкновенно вызывали мы другъ друга на рапирные поединки. Эти вызовы часто писалъ Языковъ въ стихахъ на черной доскѣ мѣломъ. Такъ проводили мы и послѣобѣденное время 31 дек. 1827 года. Утомленные, вспомнили мы, что надобно бы встрѣтить новый годъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ. Вздумано — сдѣлано. Рѣшили, что я долженъ представлять новый годъ и декламировать стихи, тутъ же почти экспромтомъ продиктованные мнѣ Языковымъ, и каждому изъ присутствующихъ раздать по записочкѣ, съ шуточнымъ предсказаніемъ судьбы его въ наступающемъ году. Эти предсказанія почти всѣ также были написаны Языковымъ. Между тѣмъ, въ другой комнатѣ Петерсенъ писалъ стихотворное привѣтствіе стараго года. Наумовъ устраивалъ какой то феерверкъ, другіе приготовляли костюмы новаго и стараго года. За нѣсколько минутъ до 12-ти часовъ, когда старый годъ, въ изношенномъ халатѣ, съ длинною сѣдою бородою, началъ уже декламировать стихи свои, Языковъ, разгоряченный виномъ, срываетъ съ меня сдѣланную изъ золотой бумаги корону, надѣваетъ ее на себя, сбрасываетъ панталоны и рубашку, утверждая, что новый годъ не знаетъ моды и, совершенно голый, шатаясь, врывается въ другую комнату къ изумленнымъ товарищамъ. Гомерическій хохотъ и рукоплесканія его привѣтствуютъ, и онъ тономъ пьянаго мужика начинаетъ:

Свободно, весело пируя,
Встрѣчаете вы новый годъ!
Я новый годъ, и здѣсь хочу я
Встрѣчать свой собственный приходъ.

(показывая съ презрѣніемъ на согбеннаго старца Петерсена)

Я знаю, Вамъ предтеча мой
Былъ непріятенъ, былъ несносенъ:
И то сказать — онъ былъ простой,
Онъ вяло шелъ! Не то я буду:
Повѣдайте — я высокосенъ
И счетомъ двадесять-восмой!

Съ Европы я раздумье сброшу
И царства сильныя взъерошу
Христолюбивою войной.
Всѣ нападутъ на Магомета,
Одинъ Австріецъ за него,
Но, вѣрьте, намъ помѣха эта
Не составляетъ ничего....
. . . . . .
Но прочь политика, довольно
Я напророчилъ вамъ объ ней!
Другимъ потѣшу кругъ застольный
Меня внимающихъ друзей:
При мнѣ есть сумка —
Въ сумкѣ этой хранятся жребіи людей
На дни, объемлемые мною....
. . . . . .

Не помню всего стихотворенія, также и всѣхъ предсказаній. Намъ особенно понравилось четверостишіе къ В-му, который часто не могъ выходить изъ дому за неимѣніемъ панталонъ, но къ новому году сшилъ себѣ новые:

Ты мнѣ милъ, ты парень ловкой
И примѣръ другихъ годовъ —
Подарю тебя обновкой,
Парой новою штановъ!

Во всемъ этомъ хотя и не было особеннаго поэтическаго достоинства, но чрезвычайно насъ тѣшило. Мы пировали до разсвѣта, и, конечно, каждый изъ насъ, благодаря Языкову, цѣлую жизнь будетъ помнить встрѣчу 1828 года.

Въ концѣ этого года посѣтилъ Николая Михайловича братъ его Александръ Михайловичъ и уговорилъ его оставить Дерптъ. Однако же еще нѣсколько мѣсяцевъ Ник. Мих. колебался, и только лѣтомъ 1829 года рѣшился уѣхать. Не знаю, почему онъ не хотѣлъ ѣхать на Петербургъ въ дилижансѣ, а отправился на перекладной, черезъ Псковъ. Кажется, Петерсенъ доказалъ ему, что будетъ поэтичнѣе и народнѣе скакать на русской тройкѣ. Человѣкъ 20 изъ его товарищей провожали его до Вер[р]о, за 60 верстъ. Тамъ цѣлый день пировали мы на чистомъ воздухѣ и выпили огромное количество горскаго, ибо Ник. Мих. непремѣнно желалъ, что бы на его проводахъ пили только русское вино. Возвращаясь изъ Вер[р]о, въ большой чухонской фурѣ, покрытой холстомъ, мы во всю дорогу пѣли одну только прощальную пѣснь Языкова. Многіе плакали, и если кто-нибудь изъ насъ затягивалъ что либо другое, то тотчасъ же перерывали его, и снова раздавался грустный напѣвъ:

«Въ послѣдній разъ приволье жизни братской...»

Вотъ всѐ, что, по прошествіи 26 лѣтъ, я могъ вспомнить о студенческой жизни Ник. Мих. Языкова. У меня была тетрадка ненапечатанныхъ его стихотвореній, но, къ несчастью, затерялась. За свѣдѣніями о началѣ его пребыванія въ Дерптѣ надобно обратиться къ Вульфу, который можетъ сообщить многое

и о бытности его въ Тригорскомъ и въ деревнѣ Пушкина. У Вульфа, вѣроятно, есть много ненапечатанныхъ стиховъ Языкова; въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на описаніе годовщины Университета 21 апрѣля, и на Лилету. Петерсенъ также долженъ дать много интересныхъ свѣдѣній. Можно обратиться и къ переводчику Гамлета Вронченкѣ, который, будучи свитскимъ офицеромъ, года два жилъ въ Дерптѣ и слушалъ астрономическія лекціи Струве. Онъ часто навѣщалъ Языкова и читалъ ему свои переводы изъ Шекспира и Мицкевича. Языковъ, кажется, иногда поправлялъ ихъ, такъ какъ Вронченко было трудно владѣть стихомъ.

Александръ Татариновъ.

Симбирскъ.
4-го мая
1855 года.

2.

Письмо В. Ѳ. Ѳедорова къ Н. М. Языкову[1]).

(1829).

Любезнѣйшій Языковъ!

Письмо, которое получилъ я отъ тебя въ Тифлисѣ чрезъ Г. Очкина (славнаго человѣка), трижды прочитывалъ я съ возхищеніемъ. Я чрезвычайно былъ обрадованъ, что отъ лучшаго изъ моихъ друзей получилъ извѣстіе о любезныхъ моихъ, живущихъ въ Дерптѣ. Въ тотъ же часъ написалъ бы тебѣ отвѣтъ на оное, если бы частію тогдашняя слабость здоровья моего, а частію и то, что не имѣлъ я въ виду ничего достойнаго твоего любопытства тому не возпрепядствовала. Теперь же очень, очень сожалѣю о неудачѣ моей писать къ тебѣ, тѣмъ болѣе, что не буду имѣть удовольствія и счастія найти, тебя въ Дерптѣ, чтобы могъ словесно разсказать тебѣ о приключеніяхъ, въ путешествіи нашемъ насъ встрѣчавшихъ!

Вотъ письмо мое въ Дерптъ къ друзьямъ моимъ. Представь, что и ты въ Дерптѣ.

Любезнѣйшіе друзья!

Я очень сожалѣю, что столь долгое время не удавалось мнѣ писать къ вамъ. Изъ письма, писаннаго мною къ вамъ изъ Калуги, вы видѣли, что кашель, который получилъ я въ Смоленскѣ и въ Калугѣ, меня не оставлялъ, но еще болѣе и болѣе увеличивался.

Вы увидите, друзья, изъ слѣдующаго, каковы были слѣдствія моего кашля.

Выѣхавъ изъ г. Калуги, мы ночевали на второй станціи отъ нея. Ночью въ два часа произошло у меня въ горлѣ великое раздраженіе, побуждавшее меня сильно кашлять; отъ жестокаго напряженія груди произошли судороги въ лёгкихъ (такъ думалъ Парротъ), и я не могъ получить воздуха для дышанія; отъ страха и мученія я соскочилъ съ постѣли, бѣгалъ по комнатѣ и

---

1) Наверху надпись Языкова: «Получено 20 Декабря 1829 въ Симбирскѣ». В. Ѳ. Ѳедоровъ (1802 — 1855), впослѣдствіи профессоръ астрономіи въ Кіевскомъ университетѣ, обучался въ Дерптѣ въ 1823 — 27 годахъ (Alb. Acad. № 1780); о научныхъ путешествіяхъ его, въ томъ числѣ и на Араратъ, см. въ соч. *Г. В. Левицкаго*: Астрономы Юрьевскаго Университета съ 1802 по 1894 годъ. Юрьевъ 1899, с. 145 — 159. Подлинникъ письма находится въ Языковскомъ Архивѣ, въ Академіи Наукъ.

производилъ ужасныя звуки гортанью; но какъ сіе мнѣ не помогало и мученія съ каждымъ мгновеніемъ усугублялись, то я опять бросился въ постѣль, въ намѣреніи предаться смерти. Когда же я почувствовалъ, что вся система моего тѣла начинала, такъ сказать, оцѣпенѣвать и когда запахъ гнилаго сѣна, на которомъ я спалъ, похожій на запахъ трупа человѣческаго, переходящаго въ истлѣніе, проникъ въ носъ мой, я въ отчаяніи опять соскочилъ съ постѣли, бѣгалъ изъ угла въ уголъ и ловилъ воздухъ и ртомъ и руками; наконецъ, я могъ мало по малу дышать. Послѣ сего припадка я замѣтилъ въ мокротѣ, при кашлѣ извергаемой, кровь. Подобный припадокъ застигалъ меня послѣ сего еще разовъ пять, и послѣ каждаго припадка я харкалъ кровью; но, къ моему утѣшенію, кровь оказывалась каждый разъ много много, какъ двадцать часовъ послѣ припадка. Сіи припадки мучили меня во всю дорогу между Калугою и Харьковымъ; каждая ночь для меня была страшна, ко сну приступалъ я всегда со страхомъ; невольно мысли о святомъ Провидѣніи наполняли и сердце и душу, невольно правая рука поднималась на грудь и клала на нее крестъ Христовъ. Друзья! да не будетъ краткое сіе описаніе моей болѣзни излишнимъ въ виду вашемъ, но да послужитъ оно извиненіемъ долговременному моему молчанію и покажетъ, что Богъ не далъ черному красныхъ дней на пути между Смоленскомъ и Харьковымъ.

Теперь, друзья, я совершенно здоровъ. Находившись еще передъ величественными Кавказкими горами, оставляющими въ сердцѣ каждаго путешественника какое-то волшебное впечатлѣніе, мы много слышали худаго на счётъ климата тифлискаго и вообще тѣхъ странъ, которыя мы должны были проѣхать, чтобы достигнуть Арарата; посему, приближеніе наше къ Тифлису производило во мнѣ, а навѣрно и въ другихъ, внутреннее безпокойство. Тутъ, друзья, много я о васъ думалъ. Только вершины Кавказкихъ горъ, освѣщенныя, при ясномъ, безоблачномъ небѣ, лучами возходящаго и заходящаго солнца, разсѣявали меня на нѣсколько минутъ и производили во мнѣ охоту пѣть: На вершинѣ араратской, вспомяни ты въ добрый часъ дни гульбы и проч....

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы провели здѣсь ровно три мѣсяца. Долговременное сіе пребываніе наше въ Тифлисѣ возобновило совершенно мое здоровье и доставило какъ профессору Парроту, такъ и мнѣ случай сдѣлать прекрасный рядъ наблюденій каждому по своей части. Причиною столь долгаго пребыванія нашего въ Тифлисѣ была чума, господствовавшая во многихъ деревняхъ, лежащихъ близь Арарата.

Хотя чума и разныя другія обстоятельства и препятствовали намъ достигнуть Арарата, однакожъ 12-го Сентября палатка наша была уже разкинута на дворѣ монастыря святаго Іакова, стоящаго на берегу большаго каменистаго ущелія араратской горы. Первымъ предпріятіемъ проф. Паррота, на другой день послѣ пріѣзда нашего въ монастырь, было взлѣзть на вершину Арарата. Взявъ къ себѣ въ сопутники Шимана и препоручивъ намъ распоряжать вещами, онъ отправился въ путь. Утомленные и съ ушибами на тѣлѣ возвратились Парротъ, Шиманъ и сопровождавшіе ихъ сельскіе жители и четыре солдата, по двудневномъ ихъ отсутствіи, не достигнувъ своей цѣли. Возобновивъ свои силы, проф. Парротъ чрезъ четыре дни опять рѣшился предпринять путешествіе на араратскую вершину. Спутниками его были Шиманъ и Бегагель; а меня разболѣвшійся мой лѣвой глазъ заставилъ оставаться дома въ совершенной праздности. Сіе путешествіе предпринято было

съ благословеніемъ армянскаго Архимандрита, обитающаго монастырь св. Іакова, по освященіи большаго, чернаго деревяннаго креста, который долженъ былъ поставиться на самой вершинѣ Арарата и на которомъ сдѣлана была надпись въ честь графа Паскевича Ериванскаго. Но и сіе путешествіе не имѣло желанныхъ успѣховъ. Большой деревянный крестъ утвержденъ былъ въ вѣчномъ льдѣ, покрывающемъ верхнюю часть Арарата, на значительномъ разстояніи отъ вершины.

Не смотря на препятствія, едва преодолимыя, проф. Парротъ рѣшился 26-го Сентября предпринять въ третій разъ путешествіе на вершину Арарата, взявъ къ себѣ въ сопутники армянскаго Діакона, бывшаго во все время пребыванія нашего на араратской горѣ, нашимъ переводчикомъ, нѣсколько жителей села Аргури и двухъ солдатовъ 41-го егерскаго полка. Шиманъ и Бегагель были на этотъ разъ въ отлучкѣ; я, находившись въ полномъ занятіи астрономическими наблюденіями и имѣвъ намѣреніе не упускать ни одной ясной ночи, не рѣшился потерять пяти, а можетъ быть и болѣе, ночей и заблагоразсудилъ оставаться лучше дома, нежели въ неполной надеждѣ лезть на вершину горы. Генъ былъ на счётъ своихъ занятій, можетъ быть, такихъ же мыслей.

27-го Сентября проф. Парротъ, упомянутый армянскій Діаконъ и бывшіе съ ними солдаты достигли благополучно вершины Араратской. Парротъ утвердилъ на ней деревянный крестъ въ $^3/_4$ сажени длиною, имъ самимъ сдѣланный.

Итакъ начальникъ ученой араратской экспедиціи, проф. Парротъ, можетъ хвалиться честію, что достигъ вершины священной горы Арарата, которая, сколько извѣстно, до сихъ поръ никѣмъ не была достигнута, и что онъ первый истребилъ суевѣріе, господствовавшее почти во всѣхъ жителяхъ сей страны, что Богу не угодно, что бы человѣкъ когда-либо могъ достигнуть вершины сей горы. Подкрѣпивъ свои силы, проф. Парротъ приступилъ къ физическимъ своимъ занятіямъ, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ дней были окончены, такъ что ему оставалось взять участіе и въ моихъ занятіяхъ, много времени требовавшихъ.

По совершенномъ окончаніи нашихъ занятій, проф. Парротъ, будучи самъ не совсѣмъ здоровъ, предложилъ намъ сдѣлать путешествіе въ Баязетъ. Возвратившись домой, мы нашли нашего Паррота въ совершенномъ здравіи, и предложеніе его къ намъ было — сдѣлать первый и послѣдній опытъ взлесть на вершину Малаго Арарата, отстоящаго въ верстахъ десяти отъ большаго, въ намѣреніи поискать тамъ древнихъ надписей, въ существованіи коихъ увѣряли насъ нѣкоторые армяне. Къ великому моему прискорбію, я не могъ быть участникомъ въ сей прогулкѣ по причинѣ нарыва, который сдѣлался у меня на шеѣ во время пребыванія нашего въ славной баязетской крѣпости. Сей опытъ оконченъ былъ съ успѣхомъ; но древнихъ надписей не найдено, кромѣ нѣкоторыхъ турецкихъ и персидскихъ, сдѣланныхъ по повелѣнію турецкихъ пашей и персидскихъ шаховъ въ удовлетвореніе ихъ суетности.

1 Ноября разстались мы, можетъ быть — на вѣки, съ Араратомъ. 2-го Ноября таскались уже по Ериванскимъ лавкамъ, а 5-го Ноября прибыли въ Гергерскій карантинъ, гдѣ засажены на 14-ть дней. Здѣсь съ нетерпѣніемъ ожидаемъ послѣдняго дня 14-ти дневнаго срока, чтобы потомъ имѣть случай опять приближаться къ любезнымъ *Ostseeprovinzen*, гдѣ сопутники мои имѣютъ отцевъ, матерей, братьевъ и сестёръ, а я *любезнѣйшихъ* друзей.

Прощай, Языковъ!

Тебя искренно любящій

В. Ѳедоровъ.

3.

Письмо М. М. Лунина къ Н. М. Языкову[1]).

(1829).

Une conversation aisée et négligée est préférable à celle qui est recherchée et régulière. Il vaut autant ne rien dire qui vaille, que de paraître être venu préparé pour bien dire.
Montaigne.

Почтенному Анахорету, мужу доблестному, weiland сослуживцу на поприщѣ Наукъ, Viro Consulari, qui de republica *nostra* nunquam desperaverat, Николаю Михайловичу Языкову, Exstudiosus, ci-devant Копіистъ въ Департаментѣ Раз. Податей и Сборовъ, что нынѣ послѣ долговременной Службы Царю и Отечеству отставленъ безъ пансіона, Михайло сынъ Лунинъ

Здравія желаетъ!

Не знаю, помните ли, Ваше Благородіе, нѣкоего Нѣмца, который жилъ въ Дерптѣ во время оно (когда мы лихо пировали) и былъ съ вами немножко знакомъ, а потомъ отправился волею-неволею, а доброю охотою странствовать по бѣлу свѣту, искать приключеній и — счастія. Это я-съ, нижеписанный рыцарь жалкаго образа, я-съ, который, прошедъ *большую* часть извѣстнаго міра и обманутый въ высокопарныхъ своихъ надеждахъ, не нашедъ ни того ни другаго, возвратился наконецъ на милую свою родину, съ такимъ намѣреніемъ поискать прежде вышесказанныхъ статей у себя дома, а въ противномъ случаѣ, т. е. если здѣсь не удастся найти оныхъ, пуститься снова въ путь и продолжать сію операцію до тѣхъ поръ, пока... пока окажется какой нибудь günstiges Ergebniss!

Такъ, любезный другъ, я по сію пору не въ состояніи еще опомниться, какимъ волшебствомъ перенесенъ я снова на старое мое пепелище, въ городъ Юрьевъ, и для какой цѣли я здѣсь проживаю. Ты знаешь, что я вскорѣ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, опредѣлился въ Департаментъ Разныхъ Податей и Сборовъ. Съ самаго начала получилъ я какое то отвращеніе къ службѣ, которую я себѣ воображалъ совсѣмъ иначе. Ты самъ себѣ можешь представить, что исправленіе должности писаря или копіиста уже само по себѣ не имѣетъ ничего заманчиваго (изключая такихъ Геніевъ, которыхъ матушка Природа сама одарила какою то врожденною къ тому склонностію, innata vis, что особенно можно было замѣтить въ Виленскомъ и пр.), особливо для weiland Дерптскаго студента, которой жилъ доселѣ по большей части въ мірѣ ученомъ, въ отвлеченностяхъ, въ умственномъ абсолютисмѣ (если не ошибаюсь, Кузминъ), и которой питался благороднѣйшею пищею, нежели какова переписка

1) Мих. Мих. Лунинъ (1807 — 1844), впослѣдствіи профессоръ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, учился на юридическомъ факультетѣ въ Дерптѣ въ 1824 — 27 годахъ (Alb. Acad. № 1970), и затѣмъ состоялъ въ числѣ воспитанниковъ Профессорскаго Института при Дерптскомъ университетѣ. Подлинникъ письма находится въ Языковскомъ Архивѣ, въ Академіи Наукъ.

канцелярскихъ бумагъ, починка перьевъ, сшиваніе тетрадокъ и пр. тому под. канцелярскій вздоръ. Но болѣе всего терзала меня подчиненность начальникамъ (и какимъ?!) и, слѣдственно, ограниченіе свободы (умст. и физ.), которая всегда составляла главный источникъ всѣхъ моихъ наслажденій, а безъ нея — nulla felicitas. Наконецъ, эта безжизненная жизнь мнѣ такъ надоѣла, что я съ горя не зналъ, что дѣлать, и послѣ пятимѣсячной службы отпросился въ отпускъ на 28 дней. Я давно чувствовалъ, что я способнѣе къ тихой ученой жизни, нежели къ шумной безпокойной статской службѣ. По пріѣздѣ въ Дерптъ я узналъ, что Мусье Шуманской выступилъ изъ Профессорскаго Института, и слѣдственно quasi открылась вакансія. На сей конецъ и просилъ я Министра Народнаго Просвѣщенія, писменно и лично (по возвращеніи въ Петербургъ), нельзя ли помѣстить меня на мѣсто выбывшаго Кандидата Шуманскаго, и хотя онъ меня въ этомъ и не обнадежилъ, однако отнесся на сей счетъ въ Дерптской Университетъ. А я, между тѣмъ, взялъ формальную отставку и, по пріѣздѣ въ Дерптъ, долженъ былъ сдѣлать экзаменъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ и держать пробную лекцію, что все обошлось довольно хорошо, и теперь ожидаю я здѣсь или утвержденія или отказа со стороны Министра.

Поговоримъ нѣсколько о важнѣйшихъ персоннажахъ Дерптскихъ.

Первое мѣсто между оными, разумѣется, занимаетъ Хрипковъ (хотя ужь солнце на закатѣ). Хрипковъ, это двоякое животное, amphibium, по истиннѣ есть Kant's personificirter Kategorischer Imperativ. Главное его упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ клеветать на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго и наговаривать разный вздоръ и небылицу на здѣшнихъ Русскихъ студентовъ (да и Нѣмцамъ спуску нѣтъ). Онъ для нихъ самой злой Геній, и этотъ непріязненный духъ показывается обыкновенно только по вечерамъ, какъ какой-нибудь фантомъ съ того свѣта, а дневное свое пребываніе имѣетъ у Шамаева, гдѣ онъ самымъ безжалостнымъ образомъ мучитъ Ольгу и Марью Кировныхъ. Нехотя назовешь его diabolus incarnatus. Тебѣ извѣстно, что онъ всегда былъ большимъ политикомъ, а теперь политика сдѣлалась единственнымъ его кумиромъ, особенно въ моральномъ отношеніи, и не даромъ: потому что онъ (сколько я по моей слабости замѣтить могъ) готовится къ важному поприщу, а именно 1-е сойти съ ума (хотя онъ объ этомъ никому и не говоритъ), а 2-е, послѣ такого счастливаго переворота, сдѣлаться Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Pia desideria: да поможетъ ему Господь Богъ стяжать безсмертіе!

Татариновъ уже дѣлалъ экзаменъ, и надѣется получить хорошій аттестатъ, и скоро прилѣтитъ въ Симбирскъ — на крыльяхъ лихихъ Русскихъ ямщиковъ; впрочемъ, имъ не такъ легко будетъ протащить чрезъ такое пространство тяжелаго Дерптскаго Кандидата — нехотя припрягутъ лишнюю лошадь.

Наумовъ также, хотя pre-invita Minerva, занимается или, по крайней мѣрѣ, показываетъ видъ, что занимается, и хочетъ уже — отъ чего Боже упаси — чрезъ пять мѣсяцевъ дѣлать экзаменъ, *потому что* ему здѣсь слишкомъ скучно. Ein triftiger Grund дѣлать скорѣе экзаменъ!

Что касается до Рутеніи вообще, то она, благодаря Всевышнему, цвѣтетъ и благоденствуетъ подъ сѣнію мирнаго и благотворнаго правленія Бика и Наумова — да прейдутъ имена мужей сихъ къ отдаленнѣйшему потомству! Совокупно съ Виленскимъ, который завѣдываетъ всѣми экономическими и финансовыми дѣлами, управляютъ они всѣми внѣшними и внутренними дѣ-

лами своихъ согражданъ съ примѣрною попечительностію. Къ стати о Виленскомъ: это идеалъ Министра Финансовъ; безкорыстіе его простирается до такой степени, что онъ, при всей удобности обогатиться, нерѣдко бываетъ безъ штановъ. Здѣсь поговариваютъ, что Рум. хочетъ сшить пару новыхъ брюкъ и поднести ему на Новый Годъ. Безъ награды добродѣтель не бываетъ никогда!

Не знаю, какъ у васъ въ Симбирскѣ, а у насъ въ Дерптѣ, кажется климатъ совершенно перемѣнился. Вообрази себѣ, что по сію пору нѣтъ снѣгу, а миленька, сизенька птичка Ласточка и теперь еще нерѣдко показывается Желалъ бы я ее видѣть еще чаще: Любовь мнѣ жизнь — Ахъ, я любить — Еще стократъ желалъ бы болѣ!

Ты, я думаю, теперь совершенно занятъ Симбирскими красавицами; то то красотъ красоты!

Что до меня касается, мнѣ здѣсь довольно скучно; изключая моихъ домашнихъ и..., меня здѣсь ничто не привязываетъ: всѣ мои старые, разгульные друзья поразъѣхались, а старый другъ лучше новыхъ двухъ (десятерыхъ). Иные улетѣли на востокъ, на закатъ, иные къ полдню и къ полнощи. И можно сказать, что я живу только воспоминаніемъ о прошедшемъ и надеждою на будущее. Моя жизнь стала еще однообразнѣе, нежели прежде. Работа и отдыхъ смѣняютъ другъ друга въ установленные часы. Рѣдко заглядываетъ радость въ душу мою... Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!

Всѣ домашніе наши тебѣ сердечно кланяются и пречасто о тебѣ вспоминаютъ.

Quid nunc te dicam facere in regione Pedana?
Scribere...
An tacitum sylvas inter reptare salubres?
Curantem quicquid dignum sapiente bonoque est?
Non tu corpus eras sine pectore. Dî tibi formam,
Dî tibi divitias dederunt artemque fruendi.
. . . . . .
Inter spem curamque, timores inter et iras,
Omnem crede diem tibi diluxisse supremum:
Grata superveniet, quae non sperabitur hora....

Hor.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
Преданнѣйшимъ Слугою
Михайло, сынъ Лунинъ,
отставной копіистъ.

Дерптъ.
10 Декабря
1829.

4.

Н. М. Языковъ.

(Начало статьи Д. Н. Садовникова) [1]).

Н. М. Языковъ родился въ Симбирскѣ въ 1804 году, 4 марта, и до двѣнадцатаго года жилъ то въ немъ (по зимамъ), то въ отцовской деревнѣ Языковѣ, Корсунскаго уѣзда. Два брата Н. М., Петръ и Александръ, воспитывались въ Институтѣ Горныхъ Инженеровъ, куда, послѣ незавиднаго домашняго воспитанія, былъ отвезенъ на двѣнадцатомъ году и младшій, хотя у него и не лежало сердце къ математическимъ занятіямъ.

Въ письмѣ отъ 18 Октября 1819 года [2]), когда Языкову было пятнадцать лѣтъ, онъ извѣщаетъ родителей, что переѣхалъ на квартиру къ чиновнику Фетину, который живетъ не подалеку отъ Института и беретъ съ него за уроки математики и содержаніе 1500 р. ас. Мальчикъ жаловался при этомъ, что онъ живетъ у него пока не одинъ, а еще съ другимъ товарищемъ, «который однакоже, пишетъ онъ, скоро его оставитъ, и потому я надѣюсь, что мнѣ у него будетъ веселѣе: я буду одинъ, а мой товарищъ такой, что съ нимъ не объ чемъ и поговорить».

Квартира, занимаемая имъ у Фетина, была очень неказиста: хозяинъ сдавалъ ему свою переднюю, суля въ будущемъ болѣе удобное помѣщеніе.

Въ помянутомъ выше году братъ П. М. уже оканчивалъ курсъ въ Горномъ Корпусѣ и составлялъ себѣ ученую карьеру, а Н. М. видимо тяготился нелюбимыми занятіями: ему просто не хотѣлось оставаться въ Институтѣ. Онъ пописывалъ уже стихи. Въ началѣ 20-го года въ письмѣ къ .... [3]) слышна жалоба на холодъ въ квартирѣ Фетина, такъ что приходилось отогрѣваться у знакомыхъ и родственниковъ, и на институтскіе порядки. Дѣло въ томъ, что директоръ его полковникъ Резюмонъ издалъ новыя правила, и «насъ, пишетъ Языковъ, хотятъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ». Вообще Резюмонъ вызвалъ неудовольствіе многихъ своими строгостями: такъ напр. онъ не позволялъ воспитанникамъ вставать съ мѣста по цѣлыхъ шести часовъ сряду. «На слѣдующей почтѣ, писалъ Н. М., къ вамъ отправлю стихи; моя Муза мерзнетъ, но не смотря на это, я исполняю ваше желаніе». Литературныя за-

---

1) Это — начало біографіи Языкова, предпринятой и не доведенной до конца Д. Н. Садовниковымъ. Собственноручная рукопись С. этой біографіи сохранилась въ числѣ его бумагъ, составляющихъ нынѣ собственность Пушкинскаго Дома и хранящихся въ Академіи Наукъ. Слѣдомъ пользованія печатаемыми нынѣ письмами Н. М. Языкова со стороны С. является его статья «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ»: И. В. 1883, № 12. Мы помѣщаемъ здѣсь лишь ту часть труда Д. Н. Садовникова, которая основана на письмахъ Языкова до насъ недошедшихъ и, т. о., представляетъ существенное дополненіе къ тѣмъ, которыя помѣщены въ нашемъ изданіи и являются прямымъ продолженіемъ изложенія С. Съ 11 февр. 1823 у С. идутъ, вмѣсто болѣе или менѣе связнаго изложенія, простыя выписки изъ писемъ (у насъ см. стр. 49 и слл.), кончающіяся выпиской изъ письма Н. М. Языкова отъ 27 октября 1836 года. Вся рукопись С., поскольку она сохранилась, состоитъ изъ 71 стр., обрываясь на незаконченномъ предложеніи и имѣя, очевидно, недошедшее до насъ продолженіе; печатаемая нами часть занимаетъ стр. 1 — 8. Подстрочныя примѣчанія, помѣщенныя въ рукописи на поляхъ, принадлежатъ Садовникову; принадлежащее намъ набрано курсивомъ.

2) Въ этомъ году умеръ отецъ Н. М., Михаилъ Петровичъ.

3) Когда, въ которомъ году умеръ отецъ? (Въ 1819).

нятія не помогали его научнымъ. Курсъ все-таки былъ конченъ, и Языковъ вышелъ изъ Института[1]). Глубокая осень еще держала его въ деревнѣ Языковѣ, когда онъ переписывался съ братомъ Александромъ, служившимъ въ Петербургѣ (гдѣ?)[2]). Онъ сильно скучалъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ необширнаго барскаго дома, жаловался, что нельзя попасть въ Симбирскъ за безснѣжіемъ и даже приходилъ въ полное отчаяніе когда-либо попасть въ него. Приготовленія къ поступленію въ (Горный Корпусъ?) шли плохо. «По переселеніи въ Симбирскъ, писалъ Языковъ, мои занятія пойдутъ скорѣе. Тамъ А. Д. (Валуевъ) будетъ часто находиться внѣ дома, а здѣсь онъ почти всегда сидитъ наверху; тамъ же, кажется, есть особенная комната, которой здѣсь нѣтъ, а она мнѣ необходима»[3]).

Въ половинѣ Декабря онъ расчитывалъ самъ выѣхать въ Петербургъ, только не зналъ, гдѣ достать попутчика: ему «почти безъ имени и безъ званія» казалось неловко ѣхать.

Въ Ноябрѣ 1820 года Н. М. постигло новое семейное горе: годъ назадъ скончался его отецъ, теперь—дѣдушка Нилъ Ѳедоровичъ. «Дѣдушка Нилъ Ѳедоровичъ уже въ лодкѣ Хароновой», пишетъ онъ къ брату[4]). «Можетъ ли быть на свѣтѣ что-нибудь непріятнѣе зимней деревенской жизни?» восклицаетъ онъ въ томъ же письмѣ (отъ 16 Ноября). Онъ понемногу готовился къ выѣзду въ Петербургъ; съ нимъ долженъ былъ отправиться туда поваръ и мальчикъ для услуженія. Въ случаѣ если не съ кѣмъ будетъ ѣхать — онъ рѣшилъ пуститься въ путь даже одинъ, съ солдатомъ.

Наконецъ, 22 Ноября Языковъ писалъ брату Александру о своемъ прибытіи въ Симбирскъ, въ это «болото человѣческихъ глупостей», по его выраженію. Онъ пріѣхалъ въ него одинъ, братъ Петръ остался въ деревнѣ. Городская жизнь съ новостями и сплетнями вступила въ свои права. «Вотъ вамъ самыя послѣднія симбирскія новости», пишетъ Языковъ: «Ив. Дм. Апраксинъ скончался и оставилъ весь городъ въ недоумѣніи, кто безъ него будетъ начинать польскія въ здѣшнемъ благородномъ Собраніи. Анна Ѳед. Наумова вышла замужъ за Чегодаева — вотъ старые молодые: лишь успѣли жениться, ужъ имѣютъ одиннадцать человѣкъ дѣтей. Назарьевъ, можетъ быть вамъ и неизвѣстный, женился на своей дѣвкѣ. Слава Богу, это обыкновеніе входитъ въ моду, и права супруговъ распространяются; то ли дѣло, какъ жена крѣпостная: мужъ можетъ ее продать, заложить и отказать въ наслѣдство».

Въ письмѣ изъ Симбирска было вложено небольшое стихотвореніе[5]), о которомъ авторъ откровенно говоритъ брату, что оно ему нравится.

Прошло недѣли двѣ послѣ пріѣзда изъ Языкова, а учебныя приготовленія Н. М. не подвигались впередъ. «Я никакъ не могу, пишетъ онъ отъ 30 Ноября, здѣсь заниматься, и ежели братецъ дни черезъ четыре не отправится за Волгу, то я буду долженъ явиться къ Вамъ съ полнымъ чревомъ и пустой головой». Его приводитъ въ отчаяніе, что въ той комнатѣ, гдѣ онъ

---

1) Справиться въ журналахъ Горнаго Корпуса и Института инжен. наукъ. *Нѣсколько ниже*: Справиться, кончилъ курсъ въ Институтѣ Н. М. и какъ?

2) Въ которомъ году кончилъ курсъ А. М. Языковъ и съ котораго находился онъ на службѣ? Что дѣлалъ онъ въ Птб. въ 1820-мъ?

3) *Къ этимъ строкамъ*: Рудневъ?

4) Нилъ Ѳедоровичъ (?) (дѣдушка Н. М.).

5) Его не нашлось въ оригиналѣ.

расчитывалъ уединиться, идутъ толки о хозяйствѣ: о заводѣ, хлѣбѣ, винныхъ бочкахъ, отжигательницахъ и пр. П. М. то хлопоталъ по хозяйству и цѣлый день былъ занятъ разговорами о немъ, то, какъ недавно пріѣхавшее въ городъ лице, принималъ визиты: все это развлекало Н. М. и не давало ему возможности присѣсть за дѣло. Много мѣшала, конечно, и природная русская лѣнь, которой онъ не былъ чуждъ. «По отъѣздѣ братца употреблю все мое стараніе», завѣряетъ онъ А. Михайловича. Послѣдній, видя, что занятія не подвигаются, а время идетъ, написалъ къ нему, что онъ можетъ поступить въ Птб. университетъ съ однимъ атестатомъ изъ Горнаго Корпуса (?). Н. М. былъ очень обрадованъ этимъ письмомъ. «Какъ бы ни было, пишетъ онъ отъ 7 Декабря, а здѣсь заниматься почти невозможно: весь день приносишь жертвы Богу объяденія, и одна ночь остается на упражненія ума, къ которымъ тѣло, отягченное дневными суетами, неспособно».

Симбирская *суета* грозила также скрутить молодого Языкова, какъ чуть не скрутила молодого Карамзина.

«Итакъ, восклицаетъ онъ, мы счастливы! Наше образованіе скоро начнется, наши мысли будутъ обильнѣе, воображеніе живѣе и чувства истиннѣе!»

На радостяхъ, чувствуя себя свободнымъ отъ занятій, Н. М. написалъ за это время много стиховъ, писалъ ихъ всякому, кто ни попроситъ. Его молодому честолюбію сильно льстили похвалы слушателей. «Теперь, пишетъ онъ, узналъ и я, какъ пріятно быть славнымъ и почивать на лаврахъ своего генія!» О томъ, что за жизнь велась въ Симбирскѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, могутъ служить приводимыя Языковымъ слова А. Д. Валуева: «если бы я долженъ былъ вѣчно жить въ Симбирскѣ, то скорѣе согласился бы быть лошадью, чѣмъ симбирскимъ дворяниномъ». Послѣ деревенской скуки, молодому Языкову нравилась городская жизнь съ ея развлеченіями; ему было весело. Черезъ двѣ недѣли онъ собирался ее бросить и, думая объ университетѣ, восхищался надеждой, что и онъ когда-нибудь будетъ смотрѣть на предметы какъ должно. Желая самъ учиться, онъ не могъ оставить безъ вниманія 14-лѣтнюю сестру Парашу. Въ письмахъ онъ не разъ проситъ брата прислать для нея ту или другую книгу; говоритъ, что пора ей начать учиться, потому что женихи начинаютъ свататься, а она еще не знаетъ по-французски, не танцуетъ и не играетъ на фортепьяно». У Параши, пишетъ онъ, нѣтъ почти совершенно никакихъ книгъ, по которымъ она могла бы составить себѣ какое-нибудь понятіе о наукахъ словесныхъ, необходимыхъ для каждаго, особливо для женщины. Н. М. считалъ своего брата безпристрастнымъ судьей своихъ стиховъ—и тѣмъ болѣе былъ обрадованъ его первымъ похвальнымъ отзывомъ. «Не смѣлъ доселѣ думать, пишетъ онъ отъ 13 Декабря, чтобы мои стихи могли кому-нибудь нравиться, кольми паче вамъ, котораго сужденія безпристрастны и, слѣдовательно, справедливы».

Отъѣздъ изъ Симбирска откладывался по разнымъ обстоятельствамъ. Въ городъ пріѣхалъ секретарь С. С. Уварова Грудевъ; Языковъ познакомился съ нимъ и расчитывалъ прибыть въ Птб. вмѣстѣ въ Январѣ будущаго года.

Симбирская жизнь между тѣмъ шла обычнымъ чередомъ: шли маскарады, балы, карточная игра. Рука объ руку съ внѣшней благопристойностью шли и татарскія безобразія. Вотъ что писалъ Языковъ въ письмѣ брату отъ 21 Декабря: «Сюда пріѣхалъ генералъ-маіоръ Скобелевъ — горькая пьяница.

Ѣздитъ по домамъ всѣмъ рекомендоваться, и съ нимъ цѣлая шайка пьяныхъ, которые всѣхъ ругаютъ и поступаютъ самымъ неблагопристойнымъ образомъ. Вчера все это привалило къ дѣдушкѣ А. Ф. Дядюшка И. А. не преминулъ воспользоваться симъ случаемъ, напился мертвецки, переругалъ отца и мать и разогналъ всѣхъ насъ по домамъ».

Рядомъ съ этими семейными безобразіями онъ рисуетъ мелькомъ безобразія административныя. «Мужиковъ, говоритъ онъ, безчеловѣчно грабятъ; коронному мужику стоитъ 25 обрить лобъ — губернаторъ спитъ и ничего не видитъ [1]); въ его глазахъ обдираютъ мужиковъ въ правленіи».

Грудевъ взялъ Н. М. подъ свое покровительство, и рѣшено было ѣхать въ Птб. вмѣстѣ. Встрѣчая новый 21 годъ, Языковъ пишетъ брату: «Надѣюсь, что мое перемѣнчивое положеніе исчезнетъ и пристань спокойствія замѣнитъ прежнія треволненія». Грудевъ, увозя Языкова въ Птб., уговаривалъ Н. М. опредѣлиться въ канцелярію Уварова и вмѣстѣ съ тѣмъ слушать лекціи въ университетѣ. Юноша колебался и не зналъ, на что рѣшиться.

Январь 1821 года еще засталъ его въ Симбирскѣ, гдѣ онъ проводилъ время среди обычныхъ зимнихъ развлеченій и, по собственному завѣренію, не скучалъ, хотя не забываетъ при этомъ упомянуть о нѣкоторыхъ семейныхъ сценахъ не особенно пріятныхъ. «Ив. Ал.[2]) всякій день пьянъ, пишетъ онъ отъ 4 января; Елиз. Никол.[2]) плачетъ, старики плачутъ — вотъ картина теперешняго положенія нашей ближайшей родни».

Лѣтомъ 21 года, когда Языковъ былъ уже давно въ Петербургѣ [3]), у него является опять мысль переѣхать въ Дерптъ. «Давно, давно и много прежде, пишетъ онъ, говорено было о намѣреніи отправить меня въ Дерптъ; теперь этотъ планъ, можетъ быть, исполнится въ скоромъ времени». Нѣмецкій языкъ кажется ему необыкновенно труденъ. Ему дома выучиться онъ не видитъ возможности: «впродолженіи жизни человѣческой, увѣряетъ онъ, можно только выучить одни склоненія, и то кое-какъ». Изъ многихъ мѣстъ письма видно, что его братья укоряли въ лѣности и неуваженіи къ самому себѣ, въ силу чего онъ проситъ благословенія «на предстоящій подвигъ», надѣясь въ Дерптѣ быть хоть немного довольнымъ своей собственной особой [4]). Онъ называетъ сыпавшіяся на него укоризны «справедливыми».

«Мое положеніе, пишетъ онъ позже, не весьма льститъ моимъ желаніямъ... Я живу какъ лягушка въ безвоздушномъ пространствѣ: дышать нечѣмъ, а бытіе поддерживается только во внутренности ея заключеннымъ воздухомъ, котораго никакая сила естественная, никакіе насосы искуства вытянуть не могутъ, и хвала за то Провидѣнію!»

Живя въ Петербургѣ, Языковъ часто нуждался въ деньгахъ, за высыланіемъ которыхъ обращался всегда къ брату П. М., такъ какъ имѣнья у братьевъ были не раздѣлены и [находились] подъ его вѣдомствомъ. «Что касается до меня, пишетъ онъ отъ 12 Августа, то я нахожусь въ томъ же положеніи, какое вы читали въ прошломъ письмѣ моемъ, и даже въ будущемъ вижу свое настоящее». Занятія, очевидно, не подвигались, а мысль о поступленіи въ Птб.

---

1) Кто тогда былъ губернаторъ?
2) *При этихъ именахъ поставленъ знакъ вопроса.*
3) Когда пріѣхалъ въ Птб.? Узнать у Грудева.
4) *Противъ этихъ словъ*: Кто Грибушъ?

университетъ была отложена, чему способствовали, какъ увид[имъ], разныя обстоятельства».

Языковъ все-таки продолжалъ заниматься латинью, географіей и исторіей, готовясь къ вступительному экзамену. Отъ 19 Августа онъ пишетъ къ брату, обѣщавшему ему выслать деньги, благодарственное письмо. Видно, что матеріальная его обстановка, благодаря безпечности и неумѣнью жить, была далеко незавидна. У него вырываются слѣдующія строки: «Надежда, какъ утверждаютъ нѣкоторые мыслители, коимъ я не вѣрю, составляетъ истинное счастье людей, заключающееся въ ожиданіи, а не въ самихъ благахъ; но не значитъ ли это смотрѣть на вкусный обѣдъ и не вкушать его, между тѣмъ какъ желудокъ того требуетъ, и требуетъ справедливо?» Дальше, изъ личнаго самолюбія, онъ не распространяется объ этомъ предметѣ и сводитъ разговоръ на другое, говоря о Птб. новостяхъ и пр.

Письма изъ Птб. въ Симбирскъ писались чаще, чѣмъ изъ Симбирска въ Птб., на что онъ часто жалуется вмѣстѣ съ братомъ Александромъ.

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ послѣдніе годы царствованія Александра начинали давать себя чувствовать: «Восемь человѣкъ профессоровъ, разумѣется лучшихъ, пишетъ Языковъ, назначены къ выгону... Что жъ послѣ этого останется въ университетѣ, и зачѣмъ будетъ въ оный опредѣляться? Слышно, что великій инквизиторъ Каз. университета занимается теперь составленіемъ устава для здѣшняго». «На прошлой недѣлѣ въ полночь пришелъ въ университетъ Кавелинъ и сзывалъ къ себѣ многихъ студентовъ, требуя отъ нихъ записокъ Раупаха и Галича; однакожъ онъ ничего не получилъ: студенты говорили, что они записокъ не имѣютъ, и просили его самого осмотрѣть ихъ шкапы. Онъ идти съ ними въ верхній этажъ не осмѣлился и уѣхалъ, запретивъ имъ строго, стращая Сибирью, кому-либо сказывать о семъ ночномъ его посѣщеніи, которое теперь разошлось по всему городу».

П. М. былъ назначенъ въ это время професс[оромъ] минералогіи въ Горномъ Корпусѣ на мѣсто Вайца. Н. М. ждалъ брата Александра, желая получить отъ него указанія, какъ вести занятія. «Мои душевныя силы, пишетъ онъ, нуждаются въ постоянномъ исполненіи намѣреній». «Конечно послѣднее, продолжаетъ онъ, зависитъ отъ перемѣнчивости желаній, не направленныхъ куда слѣдуетъ, и я надѣюсь, что когда-нибудь кончится это мнѣ самому ненавистное положеніе. Въ письмѣ отъ 2 Сентября онъ посылаетъ брату стихотвореніе, прибавивъ, что въ немъ много худого, еще больше лжи. «Но, говоритъ онъ, такова участь стихотворцевъ, даже и сильныхъ, а нашей братьи гораздо простительнѣе наполнять свои мечтанія небывалымъ и даже несбыточнымъ». Затѣмъ проситъ сказать о стихахъ свое откровенное мнѣніе и извѣщаетъ о желаніи смѣнить прежняго учителя латинскаго языка на Клокова, а для нѣмецкаго взять Тилло, искренно жалуясь на «тихое шествіе» своихъ занятій.

Письма изъ Симбирска приходили рѣдко, подступали сроки взноса за квартиру, замедлялась невысылкой денегъ поѣздка въ Дерптъ, и письмо отъ 8 Сентября все проникнуто жалобами на молчаніе. Самъ же Н. М. не скупился ни на прозаическія, ни на стихотворныя посланія.

Въ письмѣ отъ 30 Сентября онъ сообщаетъ о университетскомъ погромѣ, о запрещеніи лучшимъ профессорамъ читать лекціи за *обдуманную систему невѣрія*, и приходитъ въ ужасъ, рѣшая, что поступать въ здѣшній [университетъ] нѣтъ возможности. Онъ боится наступающей тьмы кромѣшной; говоря о

своемъ ученьи и учителяхъ, онъ выражается такъ: «Просвѣщеніе есть такая вещь, которую нельзя оцѣнить деньгами, и какъ много за нее ни заплатишь — все купишь дешево».

Въ это время Н. М. зачитывался Байрономъ въ переводѣ и приходилъ отъ него въ восторгъ, совѣтуя старику Валуеву прочесть его въ подлинникѣ. «Я купилъ, пишетъ онъ, себѣ Байрона: читаю съ восторгомъ, съ удивленіемъ — я въ кислотворѣ!»

Видя порядокъ дѣлъ въ университетѣ, у Н. М. является сильное колебаніе. Ал. Михайловичъ совѣтуетъ ему ѣхать въ Германію, выучившись предварительно по-нѣмецки. Онъ просто скучаетъ и не знаетъ, что дѣлать безъ брата, лучшаго помощника въ занятіяхъ, собирается учиться философіи у Галича, а пока бездѣйствуетъ и продолжаетъ искать учителя (см. письмо отъ 21 Октября). Муза не даетъ ему положительно покоя.

«Большая часть времени моего проходитъ въ сочиненіи стиховъ. Проклятая страсть къ поэзіи! Я чувствую, что она много у меня отнимаетъ хорошаго, и, можетъ быть, и всегда будетъ тоже. Но что дѣлать, пусть это такъ и останется! Справедливо сказалъ Шиллеръ, что страсть къ поэзіи сильна и пламенна, какъ первая любовь. Не знаю, какова первая любовь, но совершенно чувствую справедливость этого выраженія». Н. М. ждетъ брата Ал. какъ Мессію и умоляетъ его скорѣе пріѣхать въ Птб.

Университетскіе новые порядки сильно занимали А. М., и братъ описываетъ ему почти въ каждомъ письмѣ ходъ дѣла. Судъ надъ Галичемъ начался, инструкція Каз. университета распространена и на Петербургскій — вотъ городскія новости. Заботитъ брата Николая и воспитаніе любимой сестры Параши. Онъ посылаетъ ей книги, спрашиваетъ, что у нея есть, чего нѣтъ изъ учебниковъ; совѣтуетъ слушать брата А. и побольше говорить съ нимъ. Съ половины Ноября 21 года Языковъ началъ учиться латини у Клокова, и надѣется, что занятія пойдутъ успѣшнѣе, чѣмъ прежде. «Думаю, пишетъ онъ, у него же можно будетъ мнѣ поучиться и наукамъ политическимъ, о которыхъ я знаю меньше, нежели о китайскомъ императорѣ», при чемъ сообщаетъ о судѣ проф[ессоровъ] и покаяніи Галича въ *заблужденіяхъ своей молодости*; спорами же Рунича съ профессорами боится марать бумаги [1]).

5.

Изъ писемъ Н. М. Языкова къ А. Н. Вульфу (1827-1829).

Въ статьѣ *М. И. Семевскаго* «Н. М. Языковъ. 1803—1846. Новые стихи его и письма» (Русскій Архивъ 1867, с. 712—748) напечатаны, между прочимъ, письма Языкова къ А. Н. Вульфу (см. ниже прим. къ с. 199), но съ пропусками. Въ виду того, что эти письма Языкова относятся къ годамъ его пребыванія въ Дерптѣ и въ значительной степени дополняютъ сообщенія его въ письмахъ къ роднымъ, мы считаемъ полезнымъ возстановить здѣсь важнѣйшіе пропуски, сдѣланные Семевскимъ, по автографамъ, хранящимся въ Импер. Публичной Библіотекѣ (1899, № 70). Часть этихъ напечатанныхъ въ Р. А. отрывковъ попала въ другую статью Семевскаго «Прогулка въ Тригорское»: С.Петерб. Вѣд.

---

1) *Противъ этихъ строкъ*: Василій В. химикъ?

1866, №№ 139. 146. 157. 163. 168. 175. Другія письма Языкова къ Вульфу изъ матеріаловъ, бывшихъ въ рукахъ М. И. Семевскаго, напечатаны *И. А. Бычковымъ*: Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова: Русская Старина 1903, № 3, с. 485—496.

Р. А. 1867, с. 723. Изъ письма 21 января [у Семевскаго ошибочно: 27 января] 1827:

Прошу извинить меня, что я отвѣчаю на него [т. е. письмо Вульфа] такъ поздно: обстоятельства не позволяли мнѣ дѣйствовать въ семъ случаѣ по сердцу, не то я бы вѣрно не сталъ и дожидаться твоей отповѣди, чтобы послать тебѣ свою собственную — что дѣлать? Мы всѣ ходимъ подъ Богомъ, какъ говоритъ пословица.

Ты мнѣ сообщилъ очень любопытныя извѣстія о нашемъ Бейронѣ. Продолжай и впредь ето дѣлать. Само собою разумѣется, что мнѣ всегда хочется знать все, касающееся до человѣка, съ которымъ вмѣстѣ я такъ роскошно и весело пьянствовалъ въ странѣ, видѣвшей лучшее, т. е. щастливѣйшее время моей жизни. Онъ ко мнѣ писалъ изъ Москвы: манитъ и блазнитъ меня посылать стихи мои въ Моск[овскій] Вѣст[никъ] и хочетъ, кажется, вовсе втянуть меня въ ету единоторговицу словесности русской. Говоритъ, что пора задушить Альманахи — и, конечно, етотъ будущій удушитель сихъ пигмеевъ есть Моск[овскій] Вѣст[никъ]. Замѣчу мимоходомъ, что едва ли альманахи вредятъ успѣхамъ Парнаса болѣе, нежели журналы, потому что первые никакъ не останавливаютъ хода учености, будучи дѣломъ мелочнымъ своихъ издателей; напротивъ того, человѣкъ, издающій журналъ, по необходимости долженъ работать къ спѣху не въ своемъ околоткѣ и, такимъ образомъ, покидать свой предметъ на полѣ просвѣщенія, гдѣ могъ бы онъ сдѣлать что-нибудь знаменитое, занимаясь одною частію не опрометью и не безъ оглядки. Примѣръ етому — самъ Полевой, изъ котораго теперь именно ничего не выдетъ достославнаго, потому что онъ кидается и туда и сюда по наукамъ, какъ угорѣлая кошка, потому что издаетъ журналъ.

Пельцеръ давно уже уѣхалъ въ деревню, недѣли на двѣ, какъ говорилъ; Адеркасъ чрезвычайно безпокоится о твоемъ здоровьѣ, присылаетъ ко мнѣ людей съ вопросами: гдѣ ты, какъ поживаешь и какъ здоровъ. Шепелевъ тебѣ кланяется изъ Петерб[урга], откуда, вѣроятно, уже отправился — куда, онъ и самъ не знаетъ: такъ письмо его гласитъ».

С. 727. Изъ письма 17 февраля 1827:

«Благодарю тебя за второе письмо твое ко мнѣ, мой почтеннѣйшій! Я потому не писалъ къ тебѣ прежде настоящаго времени, что ты, уѣзжая отсюда, объявилъ, что возвратишься къ намъ въ началѣ февраля текущаго года. Мы (т. е. я) ждали тебя уже давно на поле нашей общей дѣятельности по части наукъ, любви, преслѣдованій и военныхъ хитростей.

На сихъ дняхъ возвратилась сюда изъ Петербурга Дирина; привезла много новостей, но я не пересказываю тебѣ ихъ, почитая оныя за вздоръ, игру воображенія дамъ близорукихъ. О Пушкинѣ ничего не слышно. Въ половинѣ прошлаго мѣсяца я писалъ къ нему въ Москву, но отвѣта не получилъ. Полагаю, что онъ загулялся въ Бѣлокаменной, занятъ очарованіемъ тамошнихъ красавицъ и не имѣетъ времени отвѣчать на письма существъ отдаленныхъ! Я почти не вѣрю, будто онъ намѣревается жениться; кромѣ того, что Пушкинъ,

кажется, не созданъ для мирной жизни семейственной, еще и то сказать, что женатый поэтъ не можетъ уже такъ ревностно, какъ долженъ, служить господу богу своему, ибо лишенъ главнаго условія поэтической дѣятельности—свободы. Журналъ Погодина ничуть не лучше—не говоря о стихахъ Пушкина—прочей своей братьи; изъ него выдетъ скоро сокращеніе Телеграфа, который толкуетъ обо всемъ и въ которомъ все-таки читать нечего».

С. 730. Изъ письма 27 апрѣля 1827:

«Цвѣты Дельвиговы на нынѣшній годъ я видѣлъ; они хуже, особенно прозою, прошлогоднихъ, а въ стихахъ, кромѣ отрывка изъ Онѣгина — ночная бесѣда Татьяны — и Рыбаковъ Гнѣдича, вновь напечатанныхъ и пріумноженныхъ, нѣтъ ровно ничего достопримѣчательнаго. Жаль Веневитинова: у него талантъ рѣшительный. Твою духовную исполню — и жди дня ея исполненія только [отъ] обстоятельствъ благопріятныхъ».

С. 731. Изъ письма 1 мая 1827:

«Сей день — т. е. 1 мая 1827 — достопамятенъ въ исторіи и твоего и моего знакомства, по случаю высокоторжественной и вождѣленной сватьбы Маріи Дириной. Тютчева, Хрипкова и меня грѣшнаго звали туда на празднованіе; ни первый, ни второй, ни третій не поѣхалъ — по разнымъ причинамъ, преимущественно же ради отдаленности мѣста, трудности пути неизвѣстнаго, а я, сверхъ того, имѣю причину самую причинную».

С. 732. Изъ письма 18 мая 1827:

«Моя муза начинаетъ дѣйствовать, но все еще кое-какъ: суетно и пѣшкомъ. Одну изъ таковыхъ бездѣлокъ оной богини прилагаю при семъ: это — обѣщанное посланіе къ нянѣ (сколько помню — ее зовутъ Васильевна)[1]); это — шутка стихотворная, плодъ раздумья сердечнаго и умственнаго — прими съ улыбкой, мой другъ!»

С. 732. Изъ письма 6 іюня 1827:

«Пушкинъ, по самымъ свѣжимъ извѣстіямъ, находится теперь въ градѣ нашего Петра. Здѣсь недавно проѣхалъ путешествовать по Ливоніи Булгаринъ; онъ мнѣ сказывалъ, что Августѣйшій цензоръ пропустилъ въ печать Годунова — и сполна. Дай Богъ! Сказывалъ также, что уставъ цензурный перемѣнится скоро на лучшій и что Блудовъ издаетъ продолженіе исторіи, оставленное Карамзинымъ, и далѣе будетъ писать самъ».

С. 728. Изъ письма 19 августа [у Семевскаго ошибочно помѣчено: 19 апрѣля]:

«Кланяйся отъ меня въ поясъ Пушкину. Благодарю Бога Свѣта и всѣхъ святыхъ его, что нашъ первосвятитель опять засвященнодѣйствуетъ».

С. 736. Изъ письма 13 октября 1827:

«Здѣсь теперь находится, проѣздомъ изъ чужеземіи, Жуковскій. Онъ поздоровѣлъ чрезвычайно; распрашивалъ меня о литературныхъ дѣлахъ Пуш-

---

1) Дѣйствительно, первоначальная редакція этого стихотворенія, приложенная къ данному письму начинается такъ: «Васильевна, мой свѣтъ! Забуду ли тебя...» Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ Вульфу, отъ 6 іюня 1827, когда, вѣроятно, тотъ сообщилъ Языкову его ошибку (Васильевна вм. Родіоновна), Языковъ писалъ [у Семевскаго тоже пропущено]: «Мнѣ очень жаль, что няня не Васильевна! Вотъ новое доказательство той великой истины, что поэту необходимо знать совершенно предметъ своего славословія прежде, нежели примется за перо стихотворное».

кина: я разсказалъ, что мнѣ извѣстно, и Жуковскій поручилъ мнѣ позвать Пушкина въ Питеръ для прочтенія Годунова. Доведи до его свѣдѣнія это обстоятельство; кланяйся ему отъ меня».

Правда ли и что значитъ, что Пушкинъ пишетъ исторію Петра I и Алекс[андра] I?»

С. 740. Изъ письма 22 мая 1828:

«Лейтанъ[1]) еще здѣсь; написалъ диссертацію, готовится къ торжественному пренію. Леманъ[2]) недѣли двѣ назадъ отправился вмѣстѣ съ Пельцеромъ подъ знамена войны и славы; они обѣщались написать сюда изъ Пскова — видно, не написали, и потому дальнѣйшая судьба ихъ покрыта мракомъ неизвѣстности. Вчера кончился искусъ на степень кандидата Лунину — и, какъ слышно и какъ не могло быть иначе, блистательно. Er ist der glückliche, er hat vollendet! Онъ ѣдетъ въ Питеръ на службу царю и отечеству, вѣроятно по министерству финансовъ».

Изъ письма 1 ноября 1828 [на него у Семевскаго совсѣмъ не обращено вниманія]:

«Стихи Пушкина къ Государю я зналъ давно. Радуюсь сердечно, что наконецъ Петръ, Мазепа и Полтава нашли себѣ достойнаго воспѣвателя. Желаю Пушкину долготерпѣнія для этого труда божественнаго: больше желать ему нѣчего; его викторія на Парнасѣ такъ вѣрна, какъ на небѣ луна».

С. 743. Изъ письма 3 февраля 1829:

«Сѣверные Цвѣты нынѣшняго года я имѣю, и сердечно трепещу отъ радости, видя въ нихъ отрывокъ изъ романа Пушкина — подвигъ великій и лучезарный».

С. 744. Изъ письма 9 февраля 1829:

«Кланяйся Пушкину. Первое мое дѣло литературное въ Симбирскѣ будетъ отповѣдь къ нему о моемъ житьѣ-бытьѣ».

6.

Объ альбомахъ съ автографами стихотвореній Н. М. Языкова.

Ни одно изъ существующихъ изданій стихотвореній Н. М. Языкова, начиная съ перваго, сдѣланнаго самимъ авторомъ (Стихотворенія Н. Языкова. Спб. 1833) и кончая послѣднимъ (Стихотворенія Н. М. Языкова. Два тома. Спб. [1898]. Изд. А. Суворина: Дешевая Библіотека, №№ 203. 204), не можетъ быть названо ни полнымъ, ни вполнѣ критическимъ. Текстъ напечатанныхъ въ нихъ стихотвореній не провѣренъ даже по той первоначальной редакціи, въ которой многія изъ стихотвореній появились при жизни автора въ альманахахъ, періодическихъ и иныхъ изданіяхъ; рукописный матеріалъ также далеко не использованъ. Напечатанныя нами въ настоящей книгѣ письма Языкова, въ которыхъ онъ сообщаетъ многія изъ своихъ стихотвореній дерптскаго періода, представляютъ рядъ важныхъ и авторитетныхъ фактическихъ данныхъ какъ

1) Лейтанъ (Leithan, Heinrich-Johann) изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ въ 1822—24 и 1826—27 годахъ (Alb. Acad. № 1659).

2) Леманъ: см. ниже, прим. къ с. 350.

для исправленія и пополненія текста стихотвореній, такъ и для ихъ правильной датировки. Но, кромѣ этого, работа надъ изданіемъ писемъ, попутно привела въ наши руки и другой матеріалъ касательно стихотворной дѣятельности Языкова, который мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь сообщить.

Какъ извѣстно, въ старину были въ большомъ ходу альбомы, куда, нерѣдко съ большимъ усердіемъ, вписывались самими авторами или ихъ почитателями и почитательницами самые разнообразные плоды поэтической фантазіи первыхъ. Остались альбомы и отъ Н. М. Языкова. На нѣкоторые изъ нихъ уже было обращено вниманіе изслѣдователей. *М. И. Семевскій*, въ своей статьѣ «Н. М. Языковъ 1803—1846. Новые стихи его и письма», помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года, указалъ на «рукописный сборникъ стихотвореній Языкова», принадлежавшій дерптскому товарищу и другу Языкова А. Н. Вульфу и заключавшій въ себѣ 72 стихотворенія, писанныхъ рукою Вульфа и его матери П. А. Осиповой (с. 712—713), и затѣмъ на «альбомъ М. Н. Дириной, въ которомъ рукою самого поэта было вписано нѣсколько стихотвореній» (с. 716—717). Въ 1902 году въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ числѣ другихъ матеріаловъ касательно Н. М. Языкова, поступилъ альбомъ, заключавшій въ себѣ копіи стихотвореній разныхъ авторовъ 1820—1850-хъ годовъ, а въ числѣ ихъ (на лл. 24 об.—30 об.) и нѣсколько собственноручныхъ стихотвореній Языкова; этотъ альбомъ принадлежалъ Маріи Николаевнѣ Дириной и пріобрѣтенъ былъ Библіотекой отъ ея наслѣдниковъ[1]).

Издаваемыя нами письма Языкова къ роднымъ даютъ новыя указанія на альбомы съ его стихотвореніями.

Въ письмѣ 26 сентября 1823 онъ пишетъ обоимъ братьямъ: «Я переписываю всѣ мои сочиненія нынѣшняго года въ книжку, и черезъ нѣсколько дней пришлю вамъ; тутъ вы увидите и Путешествіе въ Ревель — ежели не въ лучшемъ, то по крайней мѣрѣ въ настоящемъ видѣ — и студентскія пѣсни» (с. 96). Однако вскорѣ же Языковъ измѣнилъ, повидимому, свое мнѣніе о написанныхъ имъ «студентскихъ пѣсняхъ» и другихъ стихотворныхъ мелочахъ, входившихъ въ составъ изготовлявшейся «книжки»: въ письмѣ около половины ноября того же года онъ извѣщаетъ братьевъ, что истребилъ эти «сумасшествія» своей Музы, желая оставить такой «соръ» «во тьмѣ неизвѣстности» (с. 102). Позднѣе, видя особенный интересъ къ своей поэтической дѣятельности со стороны брата Александра, онъ посылаетъ братьямъ въ октябрѣ 1825 года «книгу стиховъ»: «примите ее благосклонно; тутъ все, что я здѣсь [т. е. въ Дерптѣ] написалъ» (с. 212). 2 сентября слѣдующаго 1826 года онъ пишетъ брату Петру: «Собираю новые стихи мои въ особую книгу; отошлю ее къ брату Александру, а онъ уже, что слѣдуетъ, къ вамъ [т. е. въ Симбирскъ]» (с. 261), и дѣйствительно, въ ноябрѣ того же года исполняетъ свое обѣщаніе, отсылая собраніе своихъ стиховъ: «это мечты, элегіи, бездѣлки» (с. 268). Такимъ образомъ, это была книга стиховъ, предназначенная и пересланная братьямъ. Кромѣ того, у него находился альбомъ Елизаветы Петровны Языковой (жены брата Петра), и онъ ожидалъ присылки къ себѣ альбома сестры своей Прасковьи Ми-

---

1) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1902 годъ. Спб. 1910, с. 184. 186—187. Матеріалы эти использованы въ статьяхъ *И. А. Бычкова*: «Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова» (Русская Старина 1903, № 3) и «Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго» (Изв. II Отд. А. Н. 1911, № 2 и отд. Спб. 1911).

хайловны Языковой (с. 171), но въ перепискѣ нѣтъ указаній на то, были ли когда-нибудь эти альбомы заполнены стихами Языкова. Чаще же всего Языковъ говоритъ объ альбомахъ двухъ предметовъ своего поклоненія въ Дерптѣ— М. Н. Дириной, впослѣдствіи въ замужествѣ Ф. Рейцъ (с. 107. 212. 227. 315), и Александры Андреевны Воейковой (с. 136. 170. 174. 175. 176. 182. 185. 227. 315). Между альбомами Дириной и Воейковой была по содержанію тѣсная связь, такъ какъ многія стихотворенія поэтъ писалъ въ оба альбома сразу, а случалось и такъ, что одна обладательница альбома списывала у другой стихотворенія Языкова, которыя ей нравились. 10 мая 1825 Языковъ писалъ брату Александру: «Напрасно хочетъ онъ [Киселевъ] заводить переписку съ Д[ириной] для полученія отъ нея стиховъ моихъ; В[оейко]ва всѣ ихъ списала въ свой альбомъ, а ее онъ вѣрно увидитъ» (с. 184), а въ письмѣ 2 марта 1827 къ нему же: «Въ альбомѣ В[оейков]ой едва ли есть что-нибудь даже путное изъ моихъ стиховъ, неизвѣстныхъ тебѣ. У Д[ирин]ой больше даже вздора» (с. 315).

Изъ этихъ альбомовъ, сохраненныхъ почитателями памяти Языкова и его поэтическихъ занятій, я имѣлъ возможность познакомиться съ четырьмя [1]).

I. Въ октябрѣ 1910 года Наталья Федоровна Юкельсонъ любезно сообщила мнѣ три альбома, принадлежавшіе ея бабушкѣ М. Н. Дириной. Они принадлежатъ къ составу той же коллекціи рукописей, часть которой, въ видѣ одного альбома — со стихотвореніями Языкова, Жуковскаго, гр. Соллогуба и др. — и отдѣльныхъ листовъ, поступила въ 1902 году въ Императорскую Публичную Библіотеку и о которой предварительно оповѣщено было Як. Юкельсонъ въ «Новомъ Времени» 1901, № 9148 (перепечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901, т. 86, с. 363—365).

Вотъ описаніе этихъ альбомовъ, еще не использованныхъ біографами Н. М. Языкова и издателями его стихотвореній; всѣ они переплетены въ красную кожу, нумерація листовъ отсутствуетъ; бумага плотная, золотой обрѣзъ.

1. Средняго альбомнаго формата. На 1 л.: Альбомъ М. Николаевны Ф. Рейцъ, урожд. Дириной. Изъ коллекціи Н. Ф. Юкельсонъ № 1.

— Длинное французское стихотвореніе, за которымъ слѣдуетъ такое обращеніе: Cherchez la perfection, ma chère Marie. Soyez sévère pour Vous même et indulgente pour les autres, n'oubliez jamais vos dévoirs: c'est le vrai moyen de jouir d'un parfait bonheur, comme je Vous en désire en éternel.

А... Д... [Анна Дирина]

Le 28 d'Août 1819
à Petrowsko [2]).

Aimer n'est qu'une partie de l'éxistance, pour qu'elle soit entière il faut être aimée. Далѣе—французское четверостишіе и подпись, заключающая двѣ буквы въ вензелѣ: A. и S.

---

1) Конечно, было бы интересно имѣть въ рукахъ и альбомы А. А. Воейковой (ср. *А. Веселовскій*. В. А. Жуковскій, рисунки при с. 232. 234). Стихотворенія Н. М. Языкова сохранились частію и въ другихъ альбомахъ, напр. Ю. Н. Бартенева: см. *Б. Л. Модзалевскій*. Альбомъ Юрія Никитича Бартенева. Спб. 1911, с. 13.

2) Имѣніе Дириныхъ, въ Демьянскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи.

— Русское четверостишіе, подписанное: Дмитрій. Декабря 21 1819 года.

— Кто щастье и покой въ богатствѣ поставляетъ,
Кто злато и сребро всему предпочитаетъ,
Тотъ нѣжныхъ чувствъ имѣть не можетъ никогда,
Отъ Бога тотъ далекъ, жестокосердъ всегда.

Генваря 1. 1821 года.
А. О.

— Французское четверостишіе, подписанное: Olga T. le 5 Octobre 1821.
— Двустишіе:

Доколь ношу въ груди я чувство бытія,
Дотолѣ не умретъ къ тебѣ признательность моя.

Ска...евъ.

— Рисунокъ карандашомъ (дѣтская головка), сдѣланный М. Н. Дириной 24 Мая 1822, въ Петровскомъ.
— Пѣсня: «Когда все весной въ природѣ торжествуетъ на свободѣ...» Подписано: 8 Января 1823. Сосневицы. М. Бизюкина.
— Французское четверостишіе—той же рукой и подписано: М. Б.
— Русское стихотвореніе, подписанное С. Р., и затѣмъ — той же рукой французское, помѣченное 8 января 1823.
— Русское четверостишіе. 8 января 1823. К. Р.
— Русское четверостишіе дѣтской рукой, подписанное: Преданный плсмянникъ N. Б.
— Русское стихотвореніе. 10 декабря 1822. Е. П.
— То же и той же рукой. Подписано: Елизавета Панова.
— Стих. «О щастьи», начинающееся словами:

Предметъ исканія всѣхъ смертныхъ,
Боготворимый нашъ кумиръ... и другія краткія стихотворенія. 1819, декабря 21. Petrovsky.

— Французское стихотвореніе. C. G.
— Нравоучительныя изреченія на французскомъ языкѣ о добродѣтели, дружбѣ и пр. M. Arsénieff.
— Французское стихотвореніе «Mes souhaits». Cathérine C...ff.
— Стихотвореніе «Прощаніе съ Петровскимъ», нач. «Прости, мое уединенье...» Безъ подписи.
— Два французскихъ стихотворенія.
— Французское четверостишіе.
— Стихотвореніе «Листочикъ».
— Французское стихотвореніе «Image de la vie».
— Русское четверостишіе, подписанное: П. А. Петровское 1821, декабря 7.
— Стихотвореніе «Шарада». А. Ив—ій.
— Прозаическій отрывокъ на французскомъ языкѣ «Le Lys et la Rose» изъ Bernardain de Saint-Pierre.

— Нѣмецкое стихотвореніе. В. Т.

— Изреченіе на французскомъ языкѣ, подписанное: Lolly T. Dorpat, 14 Mars 1824.

— Рисунокъ тюльпана въ краскахъ.

— Стихотвореніе «Жизнь и смерть», подписанное: 1. 2. Внизу прибавлено: Сочинено въ октябрѣ 1819, въ Петровскѣ.

— Французское стихотвореніе: Le soir.

— Стихотвореніе Н. М. Языкова «Отрывокъ», автографъ. Помѣчено: Дерптъ, 1823, декабря 9. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 39—40.

— Портретъ А. С. Дириной (матери М. Н. Дириной), рожд. Березиной. Рисованъ карандашомъ М. Н. Дириной 15 декабря 1821, въ Петровскомъ.

— Французское стихотвореніе: L'anneau de mon amie.

— Французская статья «Extrait d'une excursion à Tchesmé. Le jour de St. Jean», подписанная: Alexandre de T.... ff.

— Стихотвореніе «Странникъ».

— Французское стихотвореніе.

— «Романсъ» изъ Невскаго Зрителя 1820.

— Французское обращеніе въ стихахъ къ «Marie», подписанное: Cécile de L. — Petrowsky, ce 12 Décembre 1822.

— Французское стихотвореніе. 13 d'Août 1822. Marie T... ff.

— Стих. «Къ радости», Козлова. Дерптъ, 6 ноября 1823.

— Французское стихотвореніе «Plaisir et bonheur».

— Стихотвореніе Н. М. Языкова «Предисловіе къ...».

Нач. «Не встанешь ты изъ вѣкового праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста...»,

автографъ. Помѣчено: 1824, 2 апрѣля. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 52—53.

— Стих. «Желаніе», подписанное: Павелъ Микулинъ. 1820, Мая 23 дня.

— Стих. Н. М. Языкова «Двѣ картины (отрывокъ)», автографъ. Помѣчено: 1825, Августа 16, Дерптъ.

— Русскія стихотворенія, подписанныя К. Н., Ф. Н., Скабѣевъ, А. К., Катерина Бизюкина.

— Французскія стихотворенія, подписанныя Pelisson, Olga и совсѣмъ не подписанныя.

— Стих. «Кто вамъ сказалъ, что я на васъ...» Подписано: Дерптъ, 6 іюня 1823. Вл.

— Стих. Н. М. Языкова «Романсъ».

Нач. «Конрадъ одѣвается въ латы...»,

автографъ. Помѣчено: 4 апрѣля 1824. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 160—161.

— Стихотвореніе. Л. Б.

— Стихотвореніе Н. М. Языкова, безъ заглавія.

Нач. «Моя богиня молодая
Законамъ свѣта не вѣрна...»,

автографъ. Помѣчено: 1823. Окт. 22. Дерптъ. — Внизу карандашомъ рукою Н. Ф. Юкельсонъ: «Это относится къ М. Н. фонъ-Рейцъ».

— Ноты: Valse, dediée à M-elle Marie de Dirine par son très humble serviteur N. T.

— Стих. «Благополучіе въ уединеніи». М. Л.

— Стих. Н. М. Языкова «Пѣснь Баяна».

Нач. «Война, война!...»,

автографъ. Помѣчено: 1823. 11 ноября, Дерптъ. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 38—39.

— Четверостишіе. А. С.

— Стих. «Къ альбому». A... de S...

— Французское стихотвореніе. Подписано: Natalie de Samarine.

— Русское стих,, подписанное: La même [т. е. Natalie de Samarine].

— Стихотвореніе. А. Б.

— Французское стихотвореніе. Подписано: N... de N... Samarinsky. Le 11 de Fevrier 1820.

— Стих. Н. М. Языкова «Романсъ». Нач. «Красой небесною прекрасна...» Рядомъ съ этимъ стихотвореніемъ въ альбомѣ помѣщенъ рисунокъ: плачущая женщина, на плечо которой склоняется мальчикъ, ея сынъ.

— Французское обращеніе къ собственницѣ альбома. 22 ноября 1821 года.

Кромѣ того, въ альбомъ вложены слѣдующія стихотворенія Н. М. Языкова на отдѣльныхъ листкахъ:

I. Элегіи. 1. Поэтъ свободенъ. Что награда
Его высокаго труда?..
2. Свободенъ я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ...
3. Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвалъ я—были дни...

Автографъ. Въ концѣ приписка — также рукою Языкова: «NB. Авторъ двухъ послѣднихъ элегій говоритъ, что онѣ переводныя; критики доказываютъ противное; впрочемъ, трудно рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Примѣч. переписчика». Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 59.

II. 1. Извиненіе. 20 дек. 1825. Писано чужой рукою, карандашомъ. Приписка Н. Ф. Юкельсонъ: «Стихотвореніе Языкова. Не знаю, кѣмъ переписано. По сходству почерка думаю, что это рука мужа М. Н. Ф. Рейцъ, профессора русскаго права при Дерптскомъ университетѣ Александра Ѳедоровича Ф. Рейцъ». Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, II. 157.

2. Клятвенное обѣщаніе. Писано чужой рукой. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 91—92.

III. Баянъ къ воину. Писано чужой рукой. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 6—8.

IV. Пѣсня. Душа героевъ и пѣвцовъ... Писано чужой рукой. Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I. 79—80.

2. Средняго альбомнаго формата. На 1 л.: Альбомъ М. Н. Ф. Рейцъ, рожд. Дириной. Изъ коллекціи Н. Юкельсонъ. № 2.

— Привѣтствія и стихи на русскомъ и французскомъ языкахъ, подпи-

санныя: Marie Kvostow, 20 сент. 1845; Алексѣй Глѣбовъ, 1833, февр.; Eugen Guinet. Rome, 14 juillet 1831; Pauline T...ff; Emilie Blum и др.

— Стихотворенія Н. М. Языкова, писанныя авторомъ (кромѣ № 2) собственноручно:

1. Прощальная пѣсня. Въ послѣдній разъ приволье жизни братской... Помѣчено: 1829, Мая 10. Дерптъ. Изд. Суворина, 1. 181—182.

2. Эпилогъ. Помѣчено: 1829, Февраля 11. Дерптъ. Изд. Суворина, I. 174—178 (подъ загл. «Отъѣздъ»).

3. Пѣсня. Разгульна, свѣтла и любовна... Помѣчено: 23 марта 1829. Дерптъ. Изд. Суворина, I. 172—173.

4. Пѣсня. Я жду тебя, когда вечерней мглою... Помѣчено: 9 мая 1829.

5. Пѣсня. Пусть свободна и легка... Помѣчено: 2 марта 1829. Дерптъ.

6. Пѣсня. Дороже почестей и злата... Помѣчено: 23 марта 1829.

7. Завѣщаніе. Когда умру, смиренно совершите... Помѣчено: 22 марта 1829. Изд. Суворина, I. 183—184 (подъ загл. «Пѣсня»).

— Запись Петра Калмыкова (Alb. Acad. № 2485): «По призывному гласу отечества бодро полетѣлъ я въ Дерптъ посвятиться въ таинства Нѣмецкой учености; волшебница мечта тѣшила меня золотыми гаданіями о будущемъ, но съ первымъ шагомъ въ сей невѣдомый мнѣ дотолѣ міръ рухнуло все прелестное созданіе воображенія подобно карточнымъ домикамъ, разлетающимся отъ злобнаго дуновенія построившаго ихъ малютки. Какъ ландышъ въ майскій день, цвѣтущій въ уединенной сторонѣ рощи, гдѣ никогда не развѣвалось снѣжное покрывало юной дѣвы-мечтательницы, наконецъ утомившись симъ одиночествомъ, склоняетъ головку и блекнетъ, такъ и я скучалъ среди единообразной толпы Нѣмецкихъ студентовъ-удальцовъ. Но счастіе и намъ улыбнулось! Въ тихій лѣтній вечерокъ, прогуливаясь вдоль Сади-ервскаго озера, вижу у берега ладью съ незнакомыми мнѣ дамами, которая очевидно по недостатку въ гребцахъ не могла отчалиться, чтобы пуститься въ желанную прогулку по зеркальной зыби, пылавшей всѣми огнями вечерней зари. Я предлагаю свои услуги, ихъ принимаютъ съ благодарностію, и съ сей пріятной минуты началось знакомство мое съ Русскими Дерптскими дамами, коихъ общество стало усладою жизни для меня и товарищей моихъ въ странѣ почти что не чужеземной. Если бы богъ стихотворства надѣлилъ меня своими дарами, то я воспѣлъ бы тотъ радушный привѣтъ, то Русское гостепріимство, которое я находилъ въ домѣ вашемъ, Марія Николаевна! Но, не умѣя заключать свои мысли, а еще менѣе чувства въ прелестныя оковы поэзіи, я выражаю благодарность сію просто, незатѣйливо, и повѣрьте — святое чувство сіе будетъ пламенѣть въ сердцѣ моемъ на берегахъ Шпре и Сены. Петръ Калмыковъ. Дерптъ, декабря 14 дня, 1830».

3. Малаго альбомнаго фармата. На 1 л.: Маріи Николаевны Ф. Рейцъ. Принадлежитъ Н. Ф. Юкельсонъ. № 3.

— Нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ стихотвореній.

— Стихотворенія Н. М. Языкова, писанныя авторомъ (кромѣ № 6) собственноручно:

1. Евпатій. Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?.. Помѣчено: 1824, апрѣля 11. Изд. Суворина, I. 50—52.

2. Pot-pourri. Я не забуду никогда... Помѣчено: 1826. Дерптъ, апрѣля 24. Изд. Суворина, I. 74—76.

3. Эпилогъ. Смотрю умильными глазами... Помѣчено: 1826. Мая 29. Дерптъ. Изд. Суворина, I. 105—106.

4. Поэтъ. Помѣчено: 6 ноября 1825. Дерптъ. Изд. Суворина, I. 103—104.

5. Молитва. Изд. Суворина, I. 57.

6. Элегія. Любовь, любовь, веселымъ днемъ... 2 мая 1826. Дерптъ. Стихотвореніе написано рукою М. Н. Дириной съ такой замѣткой: «Оригиналъ я отдала Еленѣ Петровнѣ Чагиной. 4 февраля 1854, въ Петербургѣ». Изд. Суворина, I. 105.

7. Островокъ. Далеко, далеко... Помѣчено: 1824, 14 апрѣля. Дерптъ.

8. Отъѣздъ. Прощай, краса чужого края... Помѣчено: 1824. Іюня 3. Дерптъ.

9. Геній. Изд. Суворина, I. 94—95.

10. [Безъ заглавія]. Краса полуночной природы... Помѣчено: 26 января 1825. Дерптъ.

11. Отрывокъ изъ путешествія изъ Д[ерпта] въ П.б.ргъ. Несется тройка удалая... Помѣчено: 1825. Февраля 1. Дерптъ.

— Кромѣ того, на одномъ изъ листовъ есть такая запись: «Здѣсь хорошо а тамъ будетъ лучше? При чтеньи сей строки покорнѣйше прошу вспомнить о сопутникѣ почтеннаго Вашего дядюшки, который ему обязанъ многимъ — и самимъ удовольствіемъ Вашего знакомства. П. Кешенъ. Юрьевъ. 23 апрѣля 1824 года».

II. Среди бумагъ Д. Н. Садовникова, составляющихъ собственность Пушкинскаго Дома [въ Академіи Наукъ], имѣется альбомъ А. М. Языкова, со стихотвореніями брата. Большого альбомнаго формата, въ свѣтло-коричневой кожѣ, толстая бумага. Многія стихотворенія этого альбома, составленнаго исключительно изъ произведеній Н. М. Языкова, писаны рукою А. М. Языкова, иныя неизвѣстной рукой; но есть и нѣсколько автографовъ самого поэта, а именно: А. Н. Татаринову (Изд. Суворина, I. 131), П. Н. Шепелеву (I. 109), Виленскому (I. 133), Пушкину (I. 111), П. А. Осиповой (I. 138), Друзьямъ (I. 120), Аделаидѣ (I. 100).

Въ интересахъ изученія поэтической дѣятельности Н. М. Языкова въ дерптскій періодъ его жизни я привожу здѣсь нѣсколько его стихотвореній, помѣщенныхъ какъ на страницахъ описанныхъ альбомовъ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ, вложенныхъ въ эти альбомы или сохранившихся отдѣльно. Почти всѣ они воспроизводятся съ автографовъ поэта и могутъ имѣть значеніе или по совершенной новизнѣ своего содержанія, какъ до сихъ поръ не напечатанныя, или отчасти по интереснымъ варьянтамъ къ текстамъ, уже ранѣе напечатаннымъ — напр., въ трудахъ *М. И. Семевскаго* («Прогулка въ Тригорское». С.-Петербургскія Вѣдомости 1866; «Н. М. Языковъ. 1803—1846. Новые стихи его и письма». Русскій Архивъ 1867, с. 719—748) и *И. А. Бычкова* («Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго». Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ, XVI. 1911, кн. 2, и отд. Спб. 1911).

I. Изъ альбомовъ М. Н. Дириной.

[№ 1] Моя богиня молодая
Законамъ свѣта не вѣрна
И часто говоритъ она,

Что̀ умолчала бы другая;
А ето въ наши времена,
Какъ вамъ извѣстно, противъ моды:
Пѣвцу и особливо мнѣ
Восторговъ пламенной свободы
Любить не должно бъ и во снѣ,
А я свой вѣкъ позабываю
И даже въ русскіе стихи
Рукой небрежною вмѣщаю
Мечты, ведущія не къ раю,
И вольнодумные грѣхи.
Что дѣлать? Гордыми очами
Поэтъ не смотритъ никогда
Съ горы божественной туда,
Гдѣ быть... но догадайтесь сами!
Клянусь вамъ славой и стихами,
Что много, много могъ бы я
Съ моею Музою щастливой
И передъ вами не лѣнивой,
Какъ передъ ней рука моя —
Вамъ принести усердной дани
На сихъ листкахъ воспоминаній.
Васъ похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Все будутъ тоже и одно,
Какими бъ ни было стихами;
А ето наскучаетъ вамъ
(Такъ слышалъ я и знаю самъ).
Притомъ: написанное выше
Велитъ мнѣ изъясняться тише,
Чтобъ за болтливость укорять
Мою поэзію не стали.
И мнѣ... позволите ль сказать?
Мнѣ хочется, чтобъ вы не знали,
Что̀ я хотѣлъ вамъ написать.

Н. Я.

1823. Окт. 22.
Дерптъ.

[№ 1] Романсъ.

Красой небесною прекрасна,
Печальна, сумрачна она;
Она, какъ мертвая, безгласна,
Она, какъ мертвая, блѣдна.
Склонивъ заплаканныя очи,
Поникнувъ на руку челомъ —
Она сидитъ во мракѣ ночи
На бѣломъ камнѣ гробовомъ.
При ней, какъ тихій житель рая,

Унылый сынъ ея стоптъ,
И грудь невиннаго, вздыхая,
На груди матери дрожитъ.
На утро взоръ поселянина
Увидѣлъ съ раннею зарей
Два трупа — матери и сына,
И ихъ оплакалъ, какъ родной.

[№ 1] Элегіи.

1.

Поэтъ свободенъ. Что награда
Его высокаго труда?
Не жаръ чарующаго взгляда,
Не золото и не звѣзда!
Служа не созданному богу,
Онъ дастъ ли *нашимъ* божествамъ
Назначить мѣту и дорогу
Своимъ торжественнымъ мечтамъ?
Онъ дастъ ли творческій свой Геній
Въ земныя цѣпи заковать,
Его ль на подвигъ вдохновеній
Коварной лаской вызывать?

2.

Свободенъ я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За милый взоръ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ наудачу
Въ часы бездушныхъ вечеровъ.
Мои свѣтлѣютъ упованья,
Печаль отъ сердца отошла
И съ ней любовь: такъ жаръ дыханья
Слетаетъ съ чистаго стекла.

3.

Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвалъ я — были дни;
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ея волненье,
Ея блудящіе огни.
Я понялъ милости прекрасной —
Пустыя взгляды и слова,
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной,
И не кружится голова!
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумира моего —
Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я пою не для него!

[№ 2] Пѣсня.

Я жду тебя, когда вечерней мглою
Спокойныя темнѣютъ небеса,
Луна встаетъ за дальнею горою,
Молчатъ холмы, долины и лѣса —
Я жду тебя, Зефиръ!
Въ тотъ часъ, одна, таинственно блуждая
По царству мглы, безмолвія и сна,
Тиха, какъ духъ, красавица младая
Является близь моего окна —
Я жду тебя, Зефиръ!
Ты обойми прохладой вешней ночи
Ея чело, съ него покровъ отвѣй
И мнѣ открой задумчивыя очи,
Уста и грудь красавицы моей —
Я жду тебя, Зефиръ!
Оглянется — и милымъ взглядомъ встрѣтитъ
Любви, ее преслѣдующій, взглядъ,
И мракъ души надежда мнѣ освѣтитъ,
И вновь мои восторги закипятъ —
Я жду тебя, Зефиръ!

Н. Я.

1829, мая 9.

[№ 2] Пѣсня.

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте други,
Удалые бурсаки!

*

Въ честь учености спѣсивой,
И тяжелой и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

*

Вся бесѣда гордо встань:
Бурсѣ нашей знаменитой
Слава! Лейте пуншъ сердитой
Въ богатырскую гортань.

*

. . . . . .
. . . . . .

Улыбнись, бурсакъ, и пей
Сокрушительную водку.

*

Други-братья! вотъ оно —
Волховъ, Тибръ и Ипокрена:
Въ немъ огонь и шумъ и пѣна —
Благодатное вино!

*

И струи его живыя
Въ честь красавицы своей
Всякой прямо въ сердце лей,
И да здравствуетъ Софія!

Н. Я.

1829, марта 2. Дерптъ.

[№ 2] Пѣсня.

Дороже почестей и злата
Цѣни свободу бурсака!
Не бойся вражьяго булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

*

Люби трудовъ благую сладость,
Науки, пѣсни и вино;
Одной красавицѣ — всю младость:
Съ ней мракъ и свѣтъ, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

*

Но бодро кинь сей міръ прекрасной,
Когда зоветъ родимой край:
За Русь святую, въ бой ужасной,
Подъ мечъ судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

*

Цвѣти же, Русь! Добро и слава
Тебѣ, отчизнѣ бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвѣщенна, и крѣпка!

Н. Я.

1829, марта 23.

[№ 2] Завѣщаніе.

Когда умру, смиренно совершите
По мнѣ обрядъ печальный и святой,
И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной!

*

Но тамъ, друзья, гдѣ смѣло юность ваша
Красуется могуществомъ вина,
Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
Душа кипитъ свободна и шумна;

*

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните играющимъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную
И пьянствуйте о имени моемъ!

*

Все тлѣнъ и мигъ! Блаженъ, кому судьбою
Свою весну пропировать дано,
Чья грудь полна свободой удалою,
Кто любитъ жизнь за пѣсни и вино!

Н. Я.

1829. Марта 22.

[№ 3] Островокъ [1]).

Далеко, далеко
Красивъ, одинокъ,
На Волгѣ широкой
Лежитъ островокъ —
Туда я летаю
На крыльяхъ мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Подъ сводами ивы,
Гдѣ слышно: куку,
Ведутъ къ озерку.
Тамъ берегъ пещаной...
На немъ предъ водой
И столъ деревянной
Съ дерновой софой,
И темныя сѣни
Старинныхъ деревъ —
Прибѣжище лѣни,
Мечтательныхъ сновъ.
Налѣво — бесѣдка,
Какъ радость, мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и макомъ,
И свѣжей травой,
Прохладой и мракомъ,
А ночью — луной.
Туда, какъ ложится
На Волгу покой
И небо глядится
Въ утихшихъ водахъ,
Приходитъ ... садится
Съ тоскою въ очахъ
И въ сердцѣ съ тоскою
Дѣвица-краса;
Глядитъ въ небеса,
Чуть, чуть головою
Склонясь на ладонь —
И взоры прекрасной
То нѣжны и ясны
Какъ божій огонь,
То мрачны и томны
Какъ вечеръ худой,
Безлунной и темной,
Иль сумракъ лѣсной.
Когда же разсвѣтомъ
Горятъ небеса

---

1) Первая половина этого стихотворенія, притомъ въ другой редакціи, напечатана *И. А. Бычковымъ* съ автографа Импер. Публ. Б-ки, имѣющаго въ концѣ подпись: «продолженія не было», что оказывается не точнымъ: Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго, с. 8—9.

И съ птичкой-поэтомъ
Проснутся лѣса,
Росистой тропинкой
Дѣвица спѣшитъ
Съ прелестной корзинкой,
Гдѣ книга лежитъ,
Въ бесѣдку... Вотъ сѣла,
Тиха и блѣдна,
А все не безъ дѣла:
Читаетъ она —
Поэта Свѣтланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы —
Ей праздникъ они.
Она отмѣчаетъ
Идей красоты
И послѣ — въ листы
Альбома включаетъ:
Такъ сушитъ цвѣты
Цвѣтовъ обожатель.
О, щастливъ писатель
Въ рукахъ красоты!
Далеко, далеко
Красивъ, одинокъ
Лежитъ островокъ.
Когда же, о Боги!
Поэтъ и студентъ
Для дальной дороги
Получитъ патентъ?
Когда онъ, веселый,
Узритъ не въ мечтахъ
Знакомыя селы
При свѣтлыхъ водахъ?
Когда онъ похвалитъ
Таинственный рокъ?
Когда онъ причалитъ
Свой легкій челнокъ
Подъ тѣнью прохладной
Туда, къ островку,
И, съ думой отрадной
Взглянувъ на рѣку,
«О радость! воскликнетъ,
Я здѣсь, я живу!»
И снова привыкнетъ
Тамъ жить на яву?

1824, 14 апрѣля.
Дерптъ.

[№ 3] Отъѣздъ.

Прощай, краса чужаго края,
Прощайте, нѣмцы и друзья:
Уже лечу въ телѣгѣ я,
Часы мечтой перегоняя!
Со мной дорожное перо,
Со мною книжка путевая;
Моя богиня молодая
Въ ней пишетъ худо и добро:
Коней чухонскихъ охуждаетъ,
Бранитъ смотрителей дурныхъ
И анекдоты вымышляетъ,
Не очень лестные для нихъ.
Но если памятникъ побѣды
Напомнитъ славные вѣка —
Вдругъ, благородна и пылка,
Она поетъ, какъ бились дѣды,
Какъ била руская рука
Или чухну, или поляка...
Тогда дѣвица вдохновенья
Живымъ огнемъ воображенья
Мои стихи одушевитъ;

И — дань священнаго обѣта —
Къ вамъ скоро, скоро полетитъ
Тетрадь дорожнаго поэта.

Н. Языковъ.

1824, Іюня 3.
Дерптъ.

Wie bin ich froh, dass ich weg bin.
Göthe.

[№ 3] Краса полуночной природы,
Любовь очей — моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихія непогоды,
Твои лѣса, твои луга
И Волги пышные брега,
И Волги радостныя воды —
Все мило мнѣ, какъ жаръ стиховъ,
Какъ жажда пламенная славы,
Какъ шумъ прибережной дубравы
И разъигравшихся валовъ.

*

Всегда люблю я, вѣчно живы
На крѣпкой памяти моей
Предметы юношескихъ дней
И сердца первые порывы.
Когда волшебница-мечта
Краснорѣчивыя мѣста
Мнѣ оживляетъ и рисуетъ,
Она свѣжа, она чиста,
Она блеститъ, она ликуетъ!

*

Но тамъ, гдѣ русская природа,
Какъ славы дѣдовской лѣта,
И величава, и проста,
И благодарна, какъ свобода,
Тамъ вяло дни мои лились,
Тамъ не внимаютъ вдохновенью,
И люди мирно облеклись
Непринужденному забвенью
(такъ и далѣе).

1825
26 января,
Дерптъ.

Н. Я.

Отрывокъ изъ путешествія изъ Д. въ П.б.ргъ.

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
Батюшковъ.

Несется тройка удалая!
Бренчатъ колеса! Пыль столбомъ,
Изъ подъ телѣги вылетая,

Бѣжитъ за пыльнымъ ѣздокомъ.
Очамъ отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумитъ передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово, но за чѣмъ оно?
Его сберетъ чухонецъ сонной
И промѣняетъ на вино.
Налѣво зрѣлище иное!
Какъ безконечное стекло,
Прекрасно, чисто и свѣтло,
Какъ своды неба, голубое,
Волнами Озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
«Меня палитъ ужаснымъ жаромъ.
Вези въ корчму! Я пить хочу»—
Такъ я извощику ворчу,
Неоскорбительнымъ ударомъ
Къ его притронувшись плечу.
Онъ милъ: ременкою лихою
Коней задумчивыхъ стегнулъ,
И я отраднѣе вздохнулъ
Предъ обвѣтшалою корчмою.
Вхожу въ корчму — она полна:
Какія лица, одѣянья!
Здѣсь виденъ и плохой чухна,
И неопрятная чухонка,
И бѣдный жидъ, съ нимъ три жиденка
И грязная его жена,
И православные солдаты,
И трое нищихъ, и одинъ —
Знать арендаторъ, знать богатой
Въ сафьяной шляпѣ господинъ.
Я пить спросилъ — рукой немытой
Хозяйка кружку мнѣ дала:
Вода нечистая была,
Душа питья не приняла,
И я, съ поспѣшностью сердитой,
Корчму покинулъ и лечу:
Несносный жаръ — я пить хочу!

(продолженіе впредь)

Н. Я.

1825, февраля 1.
Дерптъ.

II. Изъ альбома А. М. Языкова.

Увы! Я убѣжденъ рѣшительно и вѣрно,
Что ты не для меня прекрасна и мила:
Для тѣла моего ты велика чрезмѣрно,
А для души моей ты нѣсколько мала![1])

Я помню: былъ веселъ и шуменъ мой день
Съ утра до зарницы другаго,
И было мнѣ вдоволь разгульныхъ гостей,
Имъ вдоволь вина золотаго.

Бесѣда была своевольна: она
То тихимъ лилась разговоромъ,
То новую пѣсню, сложенную мной,
Гремѣла торжественнымъ хоромъ.

И пѣсня пропѣта во здравье мое,
Высоко возгласъ подымался,
И хлопали пробки, и звонко и въ ладъ
Съ бокаломъ бокалъ цѣловался!

А нынѣ... о, гдѣ же вы, братья-друзья?
Намъ годы иные настали,
Надолго, навѣчно разрознили насъ
Великія русскія дали.

Одинъ я, но что же? Вотъ книги мои,
Вотъ милое небо родное —
И смѣло могу въ одинокой бокалъ
Я пѣнить вино золотое.

Кипитъ и шумитъ, и сверкаетъ оно:
Такъ молодость наша удала;
Вотъ стихло, и вновь безмятежно свѣтло,
И равно съ краями бокала.

Да здравствуетъ то же, чѣмъ полонъ я былъ
Въ мои молодецкія лѣта,
Чѣмъ нынѣ я счастливъ и веселъ и гордъ —
Да здравствуетъ вольность поэта!

Здѣсь бодръ и спокоенъ любезный мой трудъ,
Его берегутъ и голубятъ
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любятъ.

Здѣсь жизнь мнѣ легка! И мой тихій пріютъ
Я доброю славой прославлю,

1825.

1) Писано рукой А. М. Языкова.

И разомъ глотаю вино — и на столъ
Бокалъ опрокинутый ставлю [1]).

7.

Главнѣйшее изъ библіографіи о Н. М. Языковѣ за дерптскій періодъ.

1. Собранія стихотвореній Языкова:

Стихотворенія Н. Языкова. Спб. 1833. — Объ этомъ изданіи: Сѣверная Пчела 1833, № 74; Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst. 1833, I, S. 509—514; Московскій Телеграфъ 1833, № VI [статья К. Полевого]; Телескопъ 1834, №№ 3. 4 [Статья Y—Z].

— ñs (56) стихотвореній Н. М. Языкова. М. 1844. — Объ этомъ изданіи: Отечественныя Записки 1845, № 1 [статья В. Г. Бѣлинскаго: Русская литература въ 1844 году].

Новыя стихотворенія Н. М. Языкова. М. 1845. — Объ этомъ изданіи: Библіотека для Чтенія 1845, т. 72.

Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Ч. I—II. Спб. 1858. — Объ этомъ изданіи: Московскія Вѣдомости 1858, № 14; Библіографическія Записки 1858, №№ 3. 14.

Стихотворенія Н. М. Языкова [Дешевая Библіотека А. С. Суворина, №№ 203. 204]. Т. I—II. Спб. [1898].

Стихотворенія Н. М. Языкова. М. 1887.

Родные поэты. Николай Языковъ. Съ приложеніемъ его стихотвореній. [На второй обложкѣ: Николай Михайловичъ Языковъ (1803—1846). Біографическій очеркъ поэта, съ приложеніемъ его стихотвореній. М. 1901].

2. Сочиненія о Языковѣ [въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ]:

Апушкинъ, Вл. Н. М. Языковъ. Русскій Инвалидъ 1903, отъ 4 марта, № 50.

Арнольдъ, Ю. К. Воспоминанія. Т. I. М. 1892.

Бобровъ, Е. А. Къ біографіи Н. М. Языкова. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. Т. XI. Юрьевъ 1897.

— Мелочи изъ исторіи русской литературы. I. Языковъ и Татариновъ. Р. Ф. В. 1905, № 2. Ср. Р. Ф. В. 1907, № 4, с. 337—339.

— Мелочи изъ исторіи русской литературы. IX. Объ одной студенческой пѣснѣ Н. М. Языкова. Р. Ф. В. 1907, № 1.

Божеряновъ, И. Н. Памяти Н. М. Языкова. Русскій Вѣстникъ 1896, № 12.

Булгаринъ, Ѳ. Прогулка по Ливоніи. Сочиненія, т. III. Спб. 1836, с. 393—395. 407.

Бычковъ, И. А. Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова. Русская Старина 1903, № 3.

---

1) Писано частію рукою А. М. Языкова, частію другой рукой. Не относится къ дерптскому періоду жизни поэта, но помѣщается здѣсь въ виду связи его содержанія съ воспоминаніями о жизни въ Дерптѣ и о молодости.

Бычковъ, И. А. Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго. Извѣстія II Отдѣленія Академіи Наукъ, т. XVI. 1911, кн. 2, и отд. Спб. 1911.

Вяземскій, П. А., кн. Языковъ. — Гоголь. С.-Петербургскія Вѣдомости 1847, №№ 90. 91.

Гоголь, Н. В. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями [«Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?»] Спб. 1847.

К[няжеви]чъ, В. Два стихотворенія Языкова. Русскій Архивъ 1871, № 7—8.

Николаевскій, С. Нѣсколько словъ въ память Языкова. Ярославскій Литературный Сборникъ. 1850. Ярославль 1851, с. 72—92.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1899 годъ. Спб. 1903, с. 152; за 1892, с. 206; за 1897, с. 37; за 1902, с. 184—190.

Поливановъ, В. Н. Село Языково (Къ пятидесятилѣтію кончины поэта Н. М. Языкова, 26 декабря 1896 года). Историческій Вѣстникъ 1896, № 12.

Овсянниковъ, Ник. Одинъ изъ Пушкинской плеяды. Н. М. Языковъ. Московскія Вѣдомости 1899, № 258. [По поводу изданія «Стихотвореній» Языкова 1898].

Садовниковъ, Д. Н. Отзывы современниковъ о Пушкинѣ (Къ матеріаламъ для его біографіи). Историческій Вѣстникъ 1883, № 12.

— Письма Пушкина къ Н. М. Языкову (1826—1836). Историческій Вѣстникъ 1884, № 5.

Семевскій, М. Прогулка въ Тригорское (Замѣтки и матеріалы для біографіи Пушкина, Языкова, бар. Дельвига и др.). С.-Петербургскія Вѣдомости 1866, №№ 139. 146. 157. 163. 168. 175 [Къ Языкову относится помѣщенное въ послѣднихъ трехъ №№: 163. 168. 175].

— Н. М. Языковъ. 1803—1846. Новые стихи и письма. Русскій Архивъ 1867, с. 712—748.

Смирновъ, В. Я. Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Спб. 1900.

Столяровъ, М. Н. Н. М. Языковъ въ Дерптѣ. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II. Юрьевъ 1899.

Шевыревъ, С. П. Н. М. Языковъ. Московскій Городской Листокъ 1847 №№ 6. 7.

Шенрокъ, В. И. Николай Михайловичъ Языковъ. Вѣстникъ Европы 1907, №№ 11. 12.

Языковъ, Дим. Николай Михайловичъ Языковъ. Біографическій очеркъ. М. 1903.

Anders, Emil. Erinnerungen (1810—1840). Baltische Monatsschrift B. XXXIX. Reval 1892, S. 323—324.

Héguin de Guerle. Les veillées russes. Paris 1827, p. 38.

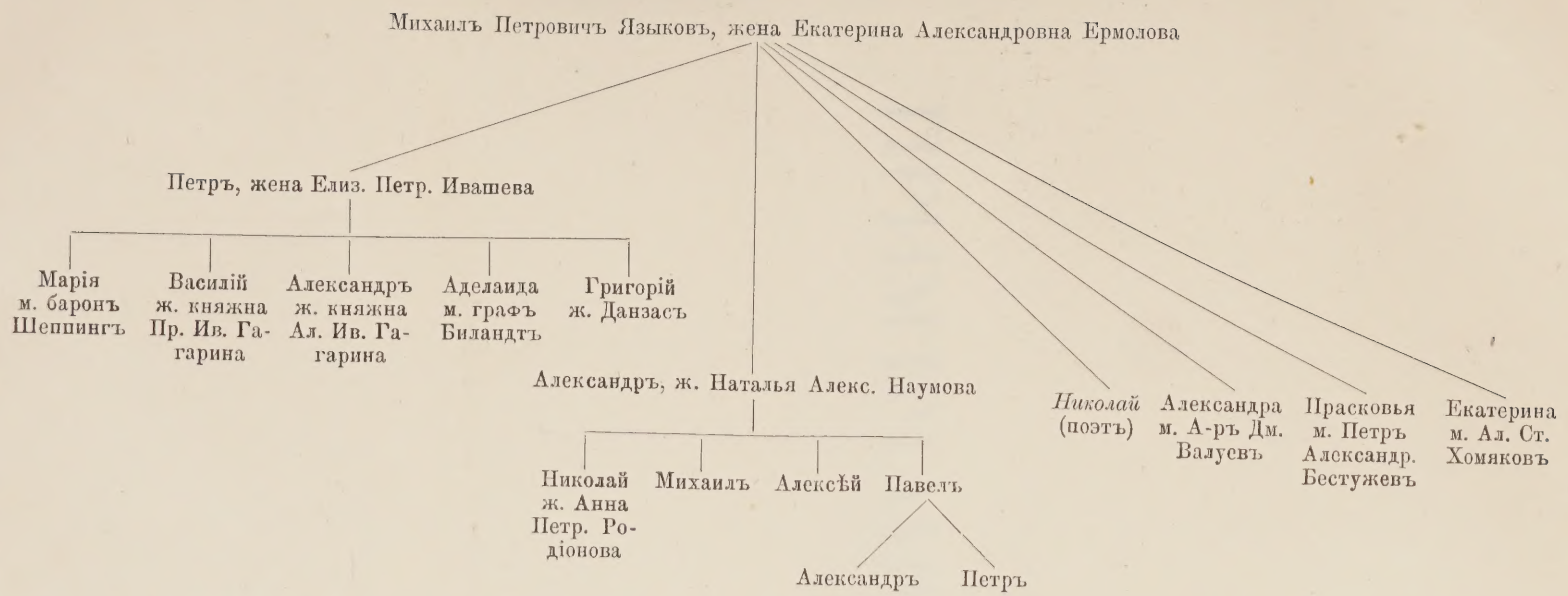
Koenig, H. Literarische Bilder aus Russland. Stuttgart und Tübingen 1837, S. 164—167.

Rosenberg, Alex. Ein russischer Sänger des alten Dorpat, N. M. Jasykow. Baltische Monatsschrift. B. LX. 1905, S. 305—327.

Waldmann, F. Russische Dichter und Schriftsteller in Livland. Riga 1893, S. 23—25.

8.

Изъ родословной Языковыхъ [1]).



1) Здѣсь помѣщены лишь данныя, необходимыя для пониманія родственныхъ отношеній Н. М. Языкова, упоминаемыхъ въ письмахъ; сообщеніемъ этихъ данныхъ обязаны мы любезному содѣйствію М. Н. Поливановой, ур. Языковой; болѣе подробныя свѣдѣнія о родѣ Языковыхъ см. въ «Родословномъ Сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, II. 1887, стр. 790—791.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Письма Н. М. Языкова, напечатанныя въ настоящемъ томѣ, составляютъ, въ своей главной массѣ, часть семейнаго архива Языковыхъ, переданнаго въ Императорскую Академію Наукъ родственникомъ поэта по женской линіи, гофмейстеромъ Высочайшаго Двора В. Н. Поливановымъ, который получилъ ихъ отъ внучатнаго племянника поэта, Петра Павловича Языкова. Охватывая собою «дерптскую» эпоху жизни Языкова (1822—1829), они писаны главнымъ образомъ изъ Дерпта, и только немногія — изъ Петербурга, Симбирска и Москвы. Письма обращены исключительно къ роднымъ поэта: братьямъ Александру и Петру, сестрѣ Прасковьѣ, матери Екатеринѣ Александровнѣ Языковой, женѣ брата Петра Елизаветѣ Петровнѣ Языковой и, наконецъ, вообще къ роднымъ, безъ особаго личнаго къ кому-либо обращенія. Уже отчасти во время печатанія мнѣ удалось пополнить эту коллекцію нѣсколькими новыми письмами и внести ихъ на соотвѣтствующія мѣста. Это, съ одной стороны, письма, переданныя мнѣ лично В. Н. Поливановымъ (№№ I и II — 1820 года изъ Петербурга, № CLVIII — 1826 года изъ Тригорска, CLXVI и CLXXVI—1826 года изъ Дерпта), а съ другой—оказавшіяся въ бумагахъ Д. Н. Садовникова, составляющихъ нынѣ собственность Пушкинскаго Дома: №№ CLXVII и CLXIX — 1826 года изъ Дерпта и вторая половина № CCV (нач. со словъ: «что Годуновъ печатается...»), первая половина котораго сохранилась въ главной, академической, коллекціи[1]). Письма изъ коллекціи, переданной въ Академію Наукъ В. Н. Поливановымъ, разсортированы были задолго до этого братомъ поэта, Алекс-ромъ Мих. Языковымъ, по го-

---

1) Дим. Ник. Садовниковъ (1846 — 1883), небезызвѣстный въ свое время этнографъ и поэтъ, землякъ Языкова, очень интересовался біографіей поэта и имѣлъ въ виду написать ее на основаніи преимущественно семейной переписки Языкова; начало этого труда, оставшагося незаконченнымъ, помѣщено нами выше (с. 406—411). Самъ Садовниковъ сообщаетъ слѣдующее о полученныхъ имъ матеріалахъ касательно Н. М. Языкова: «Осенью 1882 года мнѣ были переданы въ Симбирскѣ племянникомъ Н. М. Языкова, Павломъ Александровичемъ Языковымъ, всѣ бумаги покойнаго поэта — большой ящикъ, въ которомъ заключалось болѣе пуда литературной переписки. Послѣ смерти Ѳедора Васильевича Чижова (1877 г.), взявшагося написать біографію Николая Михайловича и для этого потребовавшаго къ себѣ всѣ его бумаги, переписка была возвращена въ Симбирскую губернію и хранилась въ имѣніи П. А. Языкова, въ селѣ Анненковѣ, до упомянутой осени 1882 года». [Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Ист. В. 1883, № 12, с. 520]. Въ этой статьѣ Д. Н. Садовникова напечатаны отрывки изъ писемъ Н. М. Языкова къ роднымъ, касающіеся Пушкина. Кромѣ того, съ болѣе общей точки зрѣнія письма Языкова использованы, хотя лишь въ малой степени, въ статьѣ *В. И. Шенрока*: Ник. Мих. Языковъ [Вѣстникъ Европы 1897, №№ 11. 12].

дамъ, и каждый годъ положенъ въ особую пачку; пачки эти, за исключеніемъ писемъ 1826 и 1827 годовъ, снабжены приложенными къ нимъ особыми перечнями писемъ, съ указаніемъ года и числа мѣсяца, а также адресата и иногда краткихъ отмѣтокъ о главномъ или особо интересномъ содержаніи того или другого изъ писемъ. Не при всѣхъ письмахъ имѣются опредѣленныя даты: то недостаетъ года, то мѣсяца и числа; не вездѣ поставлено и мѣсто написанія писемъ. При внимательномъ изученіи писемъ по содержанію, оказалось, что сдѣланная родственной рукою сортировка ихъ по годамъ (при наличности на письмахъ только даты числа и мѣсяца со стороны автора) не вездѣ правильна, особенно въ первой половинѣ коллекціи. Такъ, изъ писемъ пачки 1822 года, письмо къ П. М. Языковой (№ CXLV), отмѣченное кѣмъ-то какъ принадлежащее «къ письму отъ 27 Дек. [1822]», должно быть отнесено къ концу 1825 года (с. 235); въ немъ упоминается о посылкѣ Альманаха Аладьина (на 1826 годъ) съ Татариновымъ, а Н. И. Татариновъ былъ въ Дерптѣ въ Ноябрѣ 1825 года, какъ это видно изъ письма № CXXXIII отъ 8 Ноября 1825 года (с. 219); точно также изъ пачки писемъ 1822 года пришлось перенести въ 1823 годъ №№ XXXVII и XXXVIII (с. 66—67). Изъ пачки писемъ 1823 года мною перенесены въ 1824 годъ №№ LXVI (с. 121), LXVII (с. 123), LXXII (с. 134), LXXV (с. 138) и, кромѣ того, вторая половина письма № LXV, нач. со словъ: «Но, мои почтеннѣйшіе...» (с. 119), которая лежала въ письмахъ 1823 года въ качествѣ отдѣльнаго письма; изъ той же пачки 1823 года письмо, напечатанное у меня подъ № CCXVI (с. 344), перенесено въ число писемъ 1827 года. Наоборотъ, изъ пачки писемъ 1824 года оказалось необходимымъ помѣстить въ число писемъ 1823 года №№ XLIV (с. 75) и XLVI (с. 80). Къ тому же 1823 году относятся и №№ L (с. 86) и LV (с. 95), лежавшія въ пачкахъ—первое 1825, а второе 1827 годовъ. Наконецъ, одно письмо 1824 года, № LXXI (с. 132), оказалось въ началѣ 1826 года, какъ въ той же пачкѣ лежало и письмо № CLXXXI (с. 299), относящееся, повидимому, къ январю 1827 года.

Письма писаны Н. М. Языковымъ собственноручно, на почтовой бумагѣ разнаго формата, цвѣта и достоинства. На нѣкоторыхъ листахъ имѣются водяные знаки: I. Whatman (въ письмахъ 1825 года); Rall E 5, съ портретомъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и надписью вокругъ портрета «Friedrich Wilhelm III Koenig von Preussen», а на другой половинѣ листа прусскій государственный гербъ и надпись «Gott bewahre sein Reich»; Rall L 5 (въ письмахъ 1826 года); просто число «1827» (въ письмахъ 1829 года). Почеркъ, которымъ писаны письма, довольно широкій, по мѣстамъ размашистый, и только въ письмахъ двухъ послѣднихъ годовъ (1828—1829) иногда болѣе компактный и помельче. Помарокъ въ письмахъ сравнительно немного.

Самъ Н. М. Языковъ, въ началѣ своего пребыванія въ Дерптѣ, придавалъ серьезное значеніе своей перепискѣ съ братьями, по крайней мѣрѣ съ братомъ Александромъ. 5 Февраля 1823 года онъ ему пишетъ: «[Наша переписка] должна быть хранима тщательно для современниковъ и для потомства. Не правда ли? Такъ, при свиданіи нашемъ, мы расположимъ соотвѣтственно и хронологически мои и твои письма; послѣ будетъ самимъ пріятно видѣть, что мы думали и чувствовали во время нашей разлуки» (с. 47). Однако изъ этой родственной и дружеской переписки не все, повидимому, уцѣлѣло. Напр., въ письмѣ отъ 6 мая 1823 онъ пишетъ обоимъ братьямъ: «Я думаю, мои

почтеннѣйшіе, что не всѣ мои письма къ вамъ надлежащимъ образомъ доходятъ» (с. 69); въ высшей степени цѣнное письмо его, въ которомъ онъ «довольно подробно» (ср. с. 259) описалъ свое знакомство съ Пушкинымъ и пребываніе въ Тригорскомъ лѣтомъ 1826 года, до сихъ поръ неизвѣстно. Въ письмѣ отъ 14 Сентября 1827 онъ пишетъ, обращаясь къ брату Александру: «Во время моего пребыванія въ Камби отправилъ я на мою почтенную родину по крайней мѣрѣ пять писемъ — одному тебѣ, кромѣ писанныхъ къ Маминькѣ» (с. 341), но изъ этихъ писемъ къ А. М. Языкову имѣется лишь два письма, считая и то, въ которомъ объ этомъ говорится, а къ матери — только одно; затѣмъ, въ письмѣ отъ 7 Марта 1828 Языковъ пишетъ брату Александру: «Сегодня пишу туда [т. е. въ Симбирскъ, къ роднымъ] много и сильно» (с. 353), однако такого письма мы не имѣемъ; кромѣ того, нѣкоторыя письма къ А. М. Языкову не дошли по адресу вслѣдствіе злоупотребленія лица, которому Н. М. поручалъ ихъ отправку на почту въ Дерптѣ, какъ объ этомъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ отъ 4 Марта 1828 (с. 352).

При печатаніи писемъ Языкова нашей цѣлію была прежде всего точная передача текста подлинника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду непослѣдовательность и — даже для своего времени — произвольность правописанія Языкова, мы внесли въ основной печатный текстъ нѣкоторыя измѣненія. Именно, въ глагольныхъ формахъ 2 л. е. ч. наст. и буд. вр. очень часто, но не всегда, онъ пишетъ ъ вм. ь (*будешъ*, *дѣлаешъ*); пренебрегаетъ постановкой ъ въ неопр. накл. глаголовъ на *ся* (*учится* вм. *учиться*) и, наоборотъ, иногда ставитъ этотъ знакъ въ 3 л. ед. ч. изъяв. накл. (*продолжиться* вм. *продолжится*); въ окончаніяхъ им. пад. множ. ч. именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и причастій, безъ всякой послѣдовательности, ставитъ во всѣхъ родахъ то *е*, то *я* (нынѣшнія расходы, произшествія самые романтическія); наконецъ *ъ* употребляетъ независимо отъ всякихъ правилъ и соображеній. Приводя въ подобныхъ случаяхъ правописаніе Языкова къ извѣстному единообразію, мы сначала отмѣчали наше отклоненіе подъ строками, но потомъ, при повтореніи тѣхъ же и аналогичныхъ примѣровъ, уже не дѣлали подобныхъ отмѣтокъ, желая избѣгнуть ненужной пестроты печатнаго изданія безъ прямой пользы дѣлу. Во всѣхъ другихъ случаяхъ мы или передавали правописаніе Языкова съ совершенной точностью, или, дѣлая измѣненія примѣнительно къ современному намъ правописанію, всегда оговаривали это подъ строкою. Считаемъ небезынтереснымъ указать здѣсь на нѣкоторыя особенности правописанія Языкова, сверхъ уже упомянутыхъ. Онъ часто пишетъ: *рускій*, *квартера*, *ето*, *екзаменъ*, *привести* вм. *привезти*, *пожалуста*, *петербурскія*, *сдоровье*, *учавствовать*, *истинпъ* вм. *истинъ*, *цалую*, *также* вм. *такъ же*, *Апполонъ*, *Парнассъ*, *приъздъ*, *къ статъ*, *отъ сюда*, *петълички*, *кумушки* (дат. п. ед. ч.) вм. *кумушкѣ*, *въ сей книги* вм. *книгѣ*; *однаго*, *этаго*; *всякой*, *любопытной* (им. п. ед. ч. м. р.), *етъ* вм. *эти*, *будущего*, *занимающимъ* (пред. пад. ед. ч. м. р.) вм. *занимающемъ*, *обыкновеннымъ* вм. *обыкновенномъ*; *заъдитъ* вм. *заъдетъ*, *пишите* (изъяв. накл.) вм. *пишете*, *ни* вм. *не* (не одного), *нъкогда* вм. *некогда*; *вѣщи*, *пустомѣля*, *мѣдлить*, *вѣсною*, *растѣніе*, хотитъ, а съ другой стороны: *лето*, *есть* (кушать), *неделя*, *уверены*, *бельмо*; *свѣденія*, *свѣдѣнія* и даже *сведѣнія*. Для уясненія смысла недописанныхъ словъ, особенно личныхъ именъ, названій мѣстностей и заглавій книгъ, мы облекали наши дополненія въ острыя скобки [ ]; двойныя же скобки { } ставили въ тѣхъ, весьма немногихъ, случаяхъ, когда въ оригиналѣ оказывались

лишніе слога или буквы. Круглыя скобки ( ) вездѣ принадлежатъ самому Языкову, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, гдѣ мы поставили въ эти скобки слово sic, особо подтверждающее точность передачи подлинника. Подчеркнутое въ подлинникѣ самимъ Языковымъ напечатано у насъ разрядкой. Знаки препинанія разставлены нами согласно теперешнему ихъ употребленію: въ этомъ отношеніи Языковъ былъ, какъ и въ правописаніи, очень непослѣдователенъ, очень часто прибѣгая въ самыхъ различныхъ случаяхъ къ тире. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, гдѣ смыслъ впрочемъ вполнѣ ясенъ, мы сочли умѣстнымъ замѣнить нѣсколько буквъ точками; это вездѣ отмѣчено нами подъ строкою, равно какъ оговорено и нѣсколько непрочитанныхъ нами мѣстъ, вслѣдствіе неразборчивости по мѣстамъ почерка Языкова. Впрочемъ, въ эту пору неразборчивость почерка Языкова не достигла еще такой степени, которая дала В. И. Шенроку поводъ назвать этотъ почеркъ «самымъ убійственнымъ»[1]).

При письмахъ, въ настоящемъ изданіи, приложены фототипическія копіи: 1) съ почерка Н. М. Языкова (см. письмо отъ 6 ноября 1822 г., с. 12); 2) съ акварельнаго портрета поэта, писаннаго въ 1822 году художникомъ Е. Эстеррейхомъ, писавшимъ портреты и многихъ другихъ русскихъ писателей[2]). Этотъ портретъ, изображающій Языкова въ первый годъ его пребыванія въ Дерптѣ, первоначально воспроизведенъ былъ въ «Русской Старинѣ»[3]). Сообщившій намъ оригиналъ этого портрета В. Н. Поливановъ получилъ его отъ С. П. Бестужева, сына П. А. Бестужева, женатаго на сестрѣ Языкова, Прасковьѣ Михайловнѣ; о портретѣ Н. М. Языковъ писалъ 16 Декабря 1823 года матери: «Имѣете ли вы мой портретъ отъ брата Александра? Похожъ ли? По крайней мѣрѣ, всѣ говорили, что похожъ» (с. 103).

Стр. 3. Мать Н. М. Языкова — Екатерина Александровна, урожд. Ермолова (ум. 1831).

— *Братецъ* — старшій изъ трехъ братьевъ Языковыхъ, Петръ Михайловичъ (род. 1798, ум. 1851), который учился тогда въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

— *Институтъ* — Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія (основ. 20 Ноября 1809 года). Въ это учебное заведеніе Я. зачисленъ былъ, сверхъ комплекта, 28 Августа 1819 года и, какъ значится на его прошеніи о пріемѣ въ Институтъ, выключенъ былъ оттуда «за нехожденіе въ Институтъ» въ 1820 году.

До поступленія въ Институтъ, Я. обучался въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда поступилъ 9 Октября 1814 года и вышелъ оттуда въ Августѣ 1819 года.

Приводимъ относящіеся сюда архивные документы:

---

1) Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. Русская Старина 1896, № 12, с. 635, прим. 2.

2) *Д. А. Ровинскій.* Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. IV. Спб. 1889, с. 666.

3) *В. Н. Поливановъ.* Къ портрету Н. М. Языкова. Р. С. 1895, № 5, с. 201 — 202.

1.

№ 1159.

Аттестатъ

Воспитывавшемуся въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ пенсіонеромъ Николаю Языкову въ томъ, что онъ по представленному при опредѣленіи его въ Корпусъ свидѣтельству есть изъ дворянъ, сынъ гвардіи прапорщика; отъ роду имѣетъ 15 годъ; опредѣленъ въ Горный Кадетскій Корпусъ полупенсіонеромъ 9 октября 814, перемещенъ въ пенсіонеры 1 генваря 1816 года, поступилъ въ нижніе классы, потомъ переходя въ средніе обучался въ оныхъ съ успѣхами: очень хорошими — Поэзіи, Французскому языку, Россійской и Всеобщей Исторіи, Ботаникѣ и Зоологіи; хорошими — Всеобщей Географіи, Физикѣ, Химіи, Фортификаціи и Архитектурѣ; довольно хорошими — Статистикѣ, Частному Римскому и Россійскому правамъ, Логикѣ, Риторики и Минералогіи; средственными — Высшей Математикѣ, Нѣмецкому языку и Закону Божію; также обучался рисованію и танцованію. Но предположеннаго курса ученія не окончилъ, а потому и не имѣетъ права воспользоваться Высочайше дарованными нынѣ сему Корпусу преимуществами. Во время пребыванія его въ Корпусѣ былъ поведенія хорошаго. Нынѣ же по прошенію изъ онаго Корпуса уволенъ, во свидѣтельство чего и данъ ему, Языкову, сей аттестатъ изъ Комитета Горнаго Кадетскаго Корпуса за подписаніемъ присудствующихъ въ ономъ и съ приложеніемъ корпусной печати. С. Петербургъ, Августа 21 дня 1819 года.

Директоръ: Е. Мечниковъ.
Командиръ: Петръ Медеръ.
Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ, Карлъ Гецъ.
Обергиттенфервалтеръ: Гр. Остермейеръ.
Титулярный Совѣтникъ: В. Кузнецовъ.

[Архивъ Юрьевскаго Университета, откуда, не вполнѣ точно, этотъ аттестатъ былъ уже напечатанъ *Е. А. Бобровымъ*: Къ біографіи Н. М. Языкова. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при И. Юрьевскомъ Университетѣ. XI. 1907, с. 21 — 22].

2.

Въ Комитетъ Горнаго Кадетскаго Корпуса

Отъ Статсъ-Секретаря Д. С. С. Кикина прошеніе.

Родственниковъ моихъ, обучающихся въ семъ Корпусѣ словѣснымъ наукамъ въ званіи полупансіонеровъ Петра, Александра и Николая, дѣтей Языковыхъ, я желаю по прозьбѣ и довѣренности ко мнѣ ихъ родителей переименовать въ пансіонеры. По сему прилагая къ оставшейся отъ взнесенной за обученіе ихъ въ Корпусѣ при полупансіонерскомъ званіи по 11 маія сего года, считая со дня вступленія ихъ и подачи въ Корпусъ сего прошенія за 45 дней суммѣ тридцати пяти рублямъ еще по силѣ Уложенія за полугодовое впередъ ихъ обученіе, содержаніе и по сту рублей за обмундированіе,

всего денегъ за всѣхъ троихъ тысячу пятнадцать рублей представляю, и прошу принять сихъ родственниковъ моихъ въ Корпусъ пансіонерами на постановленныхъ въ ономъ основаніяхъ.

Пребываніе мое я имѣю въ С. Петербургѣ. Но деньги за обученіе и содержаніе моихъ родственниковъ взносить и квитанціи на сіе получать вѣрю при нихъ живущему человѣку ихъ, имѣющему довѣріе и отъ родителей, Козьмѣ Андрееву.

Марта 25 дня
1816.

[Архивъ Горнаго Института Импер. Екатерины II: № по Архиву 3106.— Петръ Андреевичъ Кикинъ (1775—1834) приходился двоюроднымъ дядей братьямъ Языковымъ. Бывшій дежурнымъ генераломъ 1-ой арміи въ 1812 году, онъ съ 1815 года состоялъ статсъ-секретаремъ по принятію прошеній на Высочайшее Имя; былъ членомъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова по первому разряду и большимъ поклонникомъ А. С. Шишкова].

3.

Въ Комитетъ Горнаго Кадетскаго Корпуса

Отъ Статсъ-Секретаря Кикина прошеніе.

Воспитывающагося въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ родственника моего пансіонера Николая Языкова прошу изъ онаго Корпуса уволить, снабдивъ его надлѣжащимъ аттестатомъ.

Статсъ-Секретарь Кикинъ.

Августа 10 дня
1819.

Исполнено 26 Августа 1819 года.

На оборотной сторонѣ имѣются разныя записи отдѣльныхъ должностныхъ лицъ Корпуса о неимѣніи претензій противъ Н. Языкова — «по части казначейской», «по классической библіотекѣ», «по неподвижной библіотекѣ», «по лазаретной части», «на пансіонерѣ Языковѣ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ битыхъ стеколъ не было», «по музыкальной части»; «по бухгалтерской книгѣ считается недоимки на пенсіонерѣ Николаѣ Языковѣ за посуду $58\frac{3}{4}$, за стекло въ мартѣ 1.25». — [Архивъ Горнаго Института: № по Архиву 3622].

4.

Получено Августа 28-го 1819 года.

Его Превосходительству Господину генералу-маіору и кавалеру, Директору Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Сеноверу.

Отъ дворянина, сына гвардіи прапорщика Языкова прошеніе.

Обучался я въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ математикѣ, Россійской Словесности, Политическимъ наукамъ, французскому языку, нѣмецкому языку,

фехтованію и рисованію; отъ роду имѣю 16 лѣтъ, желаю вступить въ число воспитанниковъ, представляю при семъ свидѣтельство о моемъ дворянствѣ.

Руку приложилъ Николай Языковъ

Сверхъ комплекта [принятъ] 28 Августа 1819 года. Выключенъ за нехожденіе въ Институтъ. — [Архивъ Института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Тамъ же имѣется и «аттестатъ» Я., тожественный съ вышеприведеннымъ].

5.

Свидѣтельство.

1814 года, іюня 3-го дня. По указу Его Императорскаго Величества дано сіе Симбирской Губерніи изъ собранія Губернскаго Предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ изъ дворянъ недорослю Николаю Михайловичу сыну Языкову въ томъ, что по предъявленнымъ отъ отца его служившаго Лейбъ Гвардіи въ Преображенскомъ полку Гвардіи прапорщика Михаила Петровича Языкова доказательствамъ и учиненному въ семъ собраніи опредѣленію внесенъ онъ дворянской родословной книги сей губерніи въ шестую часть.

Подлинное подписали: Губернскій Предводитель дворянства Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Александръ Ермоловъ. За протоколиста: Смирновъ.

№ 59.

Подлинное свидѣтельство получено для доставленія Николаю Языкову. Инженеръ подпоручикъ М. Лукинъ.

[Копія съ копіи. Архивъ Института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I].

— *Дмитрій Николаевичъ* — Свербеевъ, внучатный братъ Я., пріѣхавшій въ 1818 году въ Петербургъ на службу и, вмѣстѣ съ Александромъ Мих. Языковымъ, бывшій подъ начальствомъ П. А. Кикина, въ его Канцеляріи по принятію прошеній. О тѣсныхъ сношеніяхъ Д. Н. Свербеева съ братьями Языковыми въ Петербургѣ въ 1819 и нач. 20-хъ годовъ см. его «Записки» (1799—1826), I, с. 274. О Н. М-чѣ: «Я началъ знать его съ ранней его молодости, и въ то время, когда онъ переходилъ изъ Горнаго Корпуса въ Инженерный Институтъ въ 20-хъ годахъ, онъ, за отсутствіемъ братьевъ, жилъ мѣсяца два со мною» (II, 91).

Объ отношеніи Н. М. Языкова къ Институту Д. Н. Свербеевъ такъ писалъ 6 апрѣля 1820 года къ А. М. Языкову: «Братъ твой Николай лѣнится и въ Институтъ не ходитъ. Не смотря на совѣты П. М. и мои убѣжденія, онъ непремѣнно хочетъ оставить Институтъ, не имѣя въ виду ничего лучшаго. Мое мнѣніе — что позволять сіе ему никакъ не должно. Ни постомъ, ни на праздникахъ онъ не былъ у Петра Андрѣевича [Кикина]. Это должно огорчить тебя немного. Впрочемъ, дай пройти чаду молодости; пріѣзжай скорѣе, заставь его заниматься, удали отъ него всякое разсѣяніе, ибо, по его характеру, оно для него совершенно опасно, и такимъ образомъ онъ опять выйдетъ на прямую дорогу» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

— *Александръ Михайловичъ Языковъ* — второй изъ трехъ братьевъ Языковыхъ (род. 1799, ум. 1874), особенно любимый Н. М-чемъ и близкій ему по душѣ человѣкъ. Онъ учился въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, а затѣмъ былъ на службѣ въ Канцеляріи у П. А. Кикина. Александръ Мих-чъ ѣздилъ въ это время въ Симбирскъ, по случаю смерти отца, о чемъ разсказываетъ Д. Н. Свербеевъ (I, 290). — Письмо № II писано на томъ же листѣ, что и № I, непосредственно вслѣдъ за нимъ.

Стр. 4. *Я съ Кулибинымъ.* Имѣется въ виду, вѣроятно, А. Кулибинъ, м. б. землякъ Языкова, которому онъ посвятилъ первое стихотворное выступленіе свое въ печати: Къ К.....у. Соревнователь, VI. 1819, с. 90—93.

— *Батюшковъ умеръ.* К. Н. Батюшковъ въ это время дѣйствительно жилъ въ Неаполѣ и часто ходилъ на Везувій, но никакого несчастія съ нимъ не случилось. Возникновеніе передаваемаго Я. слуха о смерти Батюшкова скорѣе всего можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ эту пору онъ, переживая тяжелый и неблагопріятный поворотъ въ своемъ душевномъ здоровьи, почти никому ничего не писалъ въ концѣ 1819 и въ 1820 году: по выраженію біографа, онъ въ это время «замолкъ совершенно» (*Л. Майковъ.* Соч. К. Н. Батюшкова, I, с. 283).

— *Въ Институтъ ѣдутъ изъ Парижа новые учители.* Это были молодые французскіе инженеры, вызванные главнымъ директоромъ путей сообщенія Бетанкуромъ для преподаванія въ Институтѣ Корпуса и. п. с. разныхъ наукъ: именно въ 1820 году пріѣхали въ Петербургъ изъ Парижа Габріель Ламэ (Lamé) и Клапейронъ (Benoît-Paul Clapeyron), начавшіе свою дѣятельность при Институтѣ 1 сентября 1820 — первый по каѳедрѣ механики, математики и физики, а второй по каѳедрѣ прикладной механики и химіи (*А. М. Ларіоновъ.* Исторія Института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I за первое столѣтіе его существованія. 1810—1910. Спб. 1910, с. 64—65).

— *Семеновъ* — С. М., упомпнаемый въ Запискахъ Д. Н. Свербеева, I, с. 274—278. 360—361.

— *Шемановскій* — служилъ въ Канцеляріи П. А. Кикина, вмѣстѣ съ А. М. Языковымъ. О немъ см. въ Запискахъ Д. Н. Свербеева, I, с. 234—235.

Стр. 5. *Василій химикъ* — вѣроятно, Василій Васильевичъ Любарскій, горный инженеръ, не разъ упоминаемый въ письмахъ Я.; воспитывался въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. См. прим. къ с. 14.

Стр. 6. *Дм. Ив. Соколовъ,* воспитанникъ Горнаго Кадетскаго Корпуса, назначенный профессоромъ С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи въ іюнѣ 1822 года и занимавшій ее до 1844 года: *В. Григорьевъ.* Императ. С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, с. 40. 198—199.

— *Александръ Дмитріевичъ* — Валуевъ, мужъ старшей сестры Я., Александры Михайловны Языковой. О немъ: Записки Д. Н. Свербеева, I, с. 257—258.

Стр. 7. *Катуша* — сестра Я., Екатерина Михайловна (род. 15 іюля 1817, ум. 26 янв. 1852), бывшая впослѣдствіи (съ 1836 года) замужемъ за знаменитымъ дѣятелемъ славянофильства, А. С. Хомяковымъ. *Пируша* (въ другихъ письмахъ *Параша*) — сестра Я., Прасковья Михайловна (род. 1807, ум. 1862), вышедшая потомъ (12 октября 1828 года) замужъ за Петра Александровича Бестужева.

— *Капитанъ Норовъ.* Д. Н. Свербеевъ, дѣйствительно, упомпнаетъ въ своихъ Запискахъ о братьяхъ Норовыхъ, посѣщавшихъ его: I, с. 274.

— *Вотъ еще новость.* Объ этомъ эпизодѣ съ артистомъ Вас. Андр. Каратыгинымъ подробно разсказываетъ братъ его, П. А. Каратыгинъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: Русская Старина 1884, № 4, с. 732—737.

Стр. 9. *Фишеръ* — Гр. Ив. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, профессоръ Московскаго Университета и основатель Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы въ 1805 году.

— *Е. И. Спасскій* — вѣроятно (съ неточностью въ иниціалѣ имени со стороны Я.) Григорій Ивановичъ С., горный инженеръ, издававшій «Сибирскій Вѣстникъ» въ 1818—1824 и «Азіатскій Вѣстникъ» въ 1825—1827 годахъ. См. упоминаніе о немъ въ письмахъ №№ XVI, XXXVII.

— *Семенова* — Екатерина Семеновна (1786 — 1849), знаменитая трагическая актриса. Трагедія «Медея», представлявшая собою передѣлку съ французскаго, первый разъ была играна на императорской сценѣ въ Петербургѣ 15 Мая 1819. «Роль Медеи исполняла Семенова больш. съ замѣчательнымъ успѣхомъ; чувство гнѣва, ревности и мщенія превосходно выражались и въ ея голосѣ, и на ея величественной физіогноміи» (*П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, с. 275). Я. говоритъ, повидимому, о представленіи этой пьесы 14 Апрѣля 1822 года. «Семенова занимала главную роль; всѣ билеты были взяты въ Большомъ театрѣ» (тамъ же, с. 317). Ниже, въ письмѣ № CLXXX, с. 298, Яз. сожалѣетъ объ уходѣ со сцены Е. С. Семеновой; въ письмѣ № CCIII, с. 327, сообщаетъ о ея проѣздѣ черезъ Дерптъ въ чужіе края.

— *Сушковъ* — Николай Васильевичъ (1796 — 1871), драматическій писатель и стихотворецъ, служившій тогда въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

Стр. 10. По вопросу о квартирѣ писалъ Петру Мих-чу также и братъ А. М-чъ 24 Марта 1822: «Удерживать ли намъ эту квартиру на будущій годъ или нѣтъ? Домъ этотъ покупаетъ Берхъ и хочетъ жить въ кварт[ирѣ], нами занимаемой, а намъ можно жить наверху, гдѣ точно такая же и за ту же цѣну» [Яз. Арх.]. — Въ другомъ письмѣ, отъ 16 іюня того же года, изъ Петербурга, А. М-чъ выражаетъ неудовольствіе брату Петру за то, что тотъ распоряжается по-своему, не спрося братьевъ и какъ бы скрытно отъ нихъ, имущественными операціями, въ которыхъ заинтересованы и другіе братья, хотя, съ другой стороны, онъ и признаетъ за П. М., какъ старшимъ братомъ, формальное на то право [Яз. Арх.]. Въ болѣе позднемъ письмѣ, отъ 17 Ноября 1822 года, когда братъ Николай былъ уже въ Дерптѣ, А. М-чъ снова возвращается къ вопросу о дѣятельности брата Петра въ Симбирскѣ, сожалѣетъ объ отклоненіи его отъ занятій науками и, м. пр., ему пишетъ: «Кто виноватъ въ томъ, что я тебя до послѣдняго письма совершенно не понималъ? Право, не я, оттого что ты давно знаешь, что я небольшой угадчикъ... Я, съ своей стороны, предпочитая всегда тебя себѣ и отдавая справедливость твоему благоразумію, готовъ согласиться съ тобою, зная, что ты вездѣ можешь быть полезенъ, но ты самъ знаешь, что это, вѣроятно, сдѣлается на счетъ образованія и съ пренебреженіемъ способностей, которыя намъ столько отъ тебя обѣщали. Я бы самъ, можетъ быть, посовѣтовалъ тебѣ избрать тотъ родъ жизни, который ты вести намѣренъ, если бы могъ быть увѣренъ, что не занятіе хозяйствомъ до мѣлочности или малѣйшихъ подробностей, а науки будутъ главнымъ предметомъ твоей уединенной жизни, что ты всегда останешься привязаннымъ къ нимъ и не будешь имѣть нужды прибѣгать къ упражненіямъ и удовольствіямъ недо-

стойнымъ, чтобы убить время и чѣмъ-нибудь наполнить пустоту душевную. Все это, еще многое и отвращеніе, которое я всегда чувствовалъ къ нашему дворянству, заставляетъ меня смотрѣть съ какимъ-то страхомъ на твое предпріятіе. Я никакъ не могу подружиться съ мыслію, что, можетъ быть, нѣкогда я буду принужденъ менѣе любить, менѣе уважать тебя!» [Яз. Арх.].

Стр. 11. *Бетанкуръ* — Августинъ Августовичъ (Augustin de Bétancourt), французскій инженеръ, приглашенный на русскую службу и бывшій первымъ начальникомъ основаннаго въ 1810 году въ Петербургѣ Института инженеровъ путей сообщенія: *А. М. Ларіоновъ.* Исторія Института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I, с. 20 — 23.

Стр. 12. *Грибъ* — очевидно то же лицо, что и упоминаемый, въ приводимомъ ниже письмѣ А. М-ча, отъ 23 іюня 1822 года, Грибушъ.

— Письмо № VIII есть первое письмо Н. М. Языкова изъ Дерпта. Къ вопросу о рѣшеніи его отправиться для обученія въ Дерптъ относится и слѣдующее мѣсто изъ письма А. М-ча къ брату Петру изъ Петербурга, отъ 23 іюня 1822:

«Наконецъ Г. Кр.[1]) въ слѣдствіе побѣды надъ собою рѣшается ѣхать въ Дерптъ, не доучиваясь здѣсь нѣм. языку, а приготовиться тамъ и потомъ вступить въ Университетъ. Для этого мы переговоримъ съ тамошними, знакомыми намъ, студентами, потомъ снесемся съ Дерптомъ и пр. для того, что ему нужно жить у нѣмца, съ которымъ бы онъ могъ заниматься и говорить: вотъ весь фокусъ. Ты вѣрно одобришь этотъ планъ; онъ согласенъ и съ пользою Кр., и съ разсудкомъ, и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя принудительныя побужденія къ занятіямъ, коихъ здѣсь не было и быть не можетъ. Надобно быть геніемъ, чтобы дѣйствовать не по человѣчески и противъ сильнѣйшей части человѣка; а гдѣ нѣтъ геніальности, тамъ нужны принудительныя средства. Для Кр. осталось честолюбіе и сверхъ того поставленіе себя въ такое состояніе, въ коемъ нельзя поступать иначе, какъ такъ, какъ должно: ихъ то мы избираемъ. Конечно, c'est là par où il fallait commencer, mais plutôt tard que jamais! Все, что предпримется въ семъ отношеніи, будетъ тебѣ сообщаться, а потомъ, когда все устроится, я самъ съѣзжу съ нимъ до Дерпта, и тогда все пойдетъ такъ, какъ должно. Я заранѣе радуюсь тому, что наконецъ Кр. будетъ на дорогѣ, достойной его дарованій: nous le verrons un jour digne de lui même. Когда же кончится его образованіе въ Д[ерптѣ], тогда мы вмѣстѣ отправимся путешествовать по всей Европѣ: вотъ намъ работы, жизни лѣтъ на 6.....

А. Д. мое почитаніе. Грибушу также; скажи, что его письмо слишкомъ длинно, чтобы на него коротко отвѣчать, и потому за краткостью времени отлагаемъ до будущей почты, а тогда постараемся хотя сравниться съ нимъ» [Яз. Арх.].

— *Утромъ, по долгомъ исканіи, нашелъ Борга.* Боргъ (Carl Friedrich v. d. Borg), поэтъ и переводчикъ русскихъ поэтическихъ произведеній на нѣмецкій языкъ, былъ лицомъ весьма извѣстнымъ въ тогдашнемъ Дерптѣ (род. 1794, ум. 1848). Будучи родомъ изъ Петербурга, онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ на юрид. фак. въ 1811 — 1816 годахъ. Въ то время, когда Я. прибылъ въ Дерптъ, Боргъ занималъ должность секретаря Дерптскаго Уѣзднаго Суда; однако, чувствуя мало склонности къ этимъ занятіямъ, стремился занять

1) Подъ этимъ условнымъ обозначеніемъ разумѣется, очевидно, братъ Николай.

какую-либо должность при университетѣ. Въ Апрѣлѣ 1826 года онъ былъ однимъ изъ соискателей должности университетскаго библіотекаря, но Совѣтъ предпочелъ ему Эмиля Андерса. По этому поводу проф. В. М. Перевощиковъ рекомендовалъ Борга, въ особомъ письмѣ на имя ректора Эверса, отъ 17 Апр. 1826 года, на какую-либо другую университетскую должность, напр. офиціальнаго переводчика съ русскаго на нѣмецкій, каковой должности тогда не было, но на полезности которой для университета настаивалъ Перевощиковъ. Въ этомъ письмѣ онъ, м. пр., писалъ о Боргѣ такимъ образомъ: «Г. фонъ Боргъ обучался въ здѣшнемъ университетѣ съ отличнымъ прилѣжаніемъ и снискалъ многія и разнообразныя свѣденія, особенно въ Словесныхъ Наукахъ и въ языкѣ Россійскомъ. Недостаточное состояніе принудило его вступить въ званіе, которое не соотвѣтствуетъ ни склонностямъ его, ни занятіямъ. Не смотря на сіе, онъ исправляетъ должность свою съ примѣрнымъ раченіемъ. Сверхъ того, при всѣхъ многочисленныхъ трудахъ своихъ, непрерывно упражняется въ Словесности и преимущественно въ переводахъ съ Россійскаго языка на Нѣмецкій. Издалъ въ 1820 году первую часть своихъ переводовъ и посвятилъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, нынѣ царствующей Императрицѣ; въ 1823 году, вторую часть. Сіи переводы сдѣланы изъ лучшихъ Россійскихъ стихотворцевъ; приняты не токмо въ Германіи, но и во всей Европѣ съ отличнымъ уваженіемъ. И справедливо достойны такого уваженія: удивительно вѣрны и точны, сохраняютъ красоты подлинниковъ и чистоту и правильность Нѣмецкаго языка. При всемъ томъ поведеніе г. Борга истинно нравственное и благородное, извѣстное всѣмъ жителямъ Дерпта».

Вскорѣ, со 2 Декабря 1826 года, Б. занялъ должность университетскаго синдика [Арх. Юрьевскаго Университета].

Стр. 13. *Пришлите мнѣ книгъ.* Тутъ Я. могъ разумѣть: Опытъ риторики, сокращенный изъ наставленій доктора *Блера.* Пер. съ англ. А. К. и В. С. Спб. 1791 [Смирд. № 6043; по Сопикову № 7874: перев. съ англ. А. Гронскаго. Спб. 1791]; Ликей или кругъ словесности древней и новой. Соч. *Лагарпа.* Пер. съ франц. Петръ Карабановъ, Петръ Соколовъ, Александръ Никольскій и Дмитрій Соколовъ. Изд. Россійскою Академіею. 5 частей. Спб. 1810—1814; Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ. Изданное Обществомъ любителей отечественной словесности [*А. Воейковымъ*]. 4 части. Спб. 1821—1822; Шильонскій узникъ, поэма лорда *Бейрона.* Пер. съ англ. В. Ж[уковскій]. Спб. 1822; Кавказскій плѣнникъ, повѣсть. Соч. *Александра Пушкина.* Спб. 1822.

Стр. 14. *Гамсъ* — Alex. Gambs, дерптскій студентъ, изучавшій юридическія науки въ 1822—1825: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von *A. Hasselblatt* und Dr. *G. Otto.* Dorpat 1889, № 1672.

— *Перевощиковъ,* Василій Матвѣевичъ, бывшій профессоромъ Дерптскаго университета по каѳедрѣ русской словесности въ 1820—1830 годахъ: *Е. Пѣтуховъ.* Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Юрьевъ 1900, с. 47—59.

— *Романы Вальтера Скота.* Въ это время начинался большой интересъ къ сочиненіямъ этого писателя въ Россіи; переводы его романовъ на русскій языкъ сдѣланы были главнымъ образомъ въ 1823—1830 годахъ; однако коечто было переведено и раньше, напр.: Бѣглецъ. Соч. Вальтера Скотта, пер. съ франц., 3 части. М. 1821.

— *Гофманъ* — Андрей Логиновичъ, служилъ въ Канцеляріи П. А. Кикина: Записки Д. Н. Свербеева, I, с. 274.

— *Очкинъ* — Амплій Николаевичъ (род. 1791, ум. 1865), учившійся нѣкогда въ Горномъ Корпусѣ, извѣстный впослѣдствіи литераторъ и редакторъ-издатель; въ это время служилъ въ Экспедиціи о государственныхъ доходахъ.

— *Василій Васильевичъ* — Любарскій, горный инженеръ. Ср. прим. къ стр. 5: Василій-химикъ.

Стр. 15. *Объ поэмы Пушкина.* Имѣется въ виду, кромѣ «Кавказскаго Плѣнника» (см. выше, с. 13), очевидно, «Русланъ и Людмила» (Спб. 1820).

— *Воейковъ... извѣстилъ о мнѣ своихъ здѣшнихъ знакомыхъ и родню:* А. А. Воейковъ былъ профессоромъ русской словесности въ Дерптѣ въ 1814—1820 годахъ: *Е. Пыпухов.* Каѳедра р. яз. и слов., с. 42—47. Онъ былъ женатъ на А. А. Протасовой, родная сестра которой Марья Андреевна, вышедшая замужъ за проф. Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, жила тогда, вмѣстѣ съ матерью, Ек. Аѳ. Протасовой, въ Дерптѣ. Въ это время Воейковъ издавалъ «Русскій Инвалидъ», думалъ и о другихъ, будущихъ, изданіяхъ и надѣялся имѣть въ Я. сотрудника; онъ же рекомендовалъ его въ домъ Борга (см. ниже, с. 16. 22).

— *Не возвратился ли Свербѣевъ?* Онъ въ іюлѣ 1822 года уѣхалъ заграницу; братья Языковы его провожали: Записки, I, с. 311—314.

Стр. 17. «Родогуна» Корнеля уже существовала въ русскомъ переводѣ: Родогуна въ 5 дѣйств., соч. *Петра Корнеля.* Пер. съ фр. М. 1788.

— *Сидящая на высотѣ*: такъ называетъ Яз. славу, имѣя въ виду постоянно лишь поэтическую, литературную славу.

Стр. 18. О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи. Соч. *Михайлы Грибовскаго.* Харьковъ 1816.

— О Плавильщиковѣ см. ниже, прим. къ с. 32.

— Прогулка заграницу. *Павла Сумарокова.* 4 части. Спб. 1821.

— *Пиши ко мнѣ о театрѣ.* О театрѣ 20-хъ годовъ въ Петербургѣ съ точки зрѣнія интересовъ кружка, въ которомъ вращался Я., см. замѣчанія у Д. Н. Свербеева: Записки, I, с. 270—274.

— Сынъ любви, въ 5 д., соч. *Г. Коцебу.* М. 1795; другой переводъ: М. 1801, М. 1803, М. 1816.

— *Ларивъ* — тогдашній авторитетъ въ театральномъ дѣлѣ, знаменитый французскій актеръ (De Larive 1747—1827), авторъ сочиненія: Cours de déclamation. P. 1804—1810.

— *Катенинъ запрещенъ въ столицахъ.* О высылкѣ П. А. Катенина, извѣстнаго литератора (1792—1853), изъ Петербурга, 7 ноября 1822 года, по поводу эпизода, разыгравшагося на спектаклѣ 18 сентября того же года, подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. А. Каратыгинъ: Русская Старина 1874, № 4, с. 737—740. Ср. *П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, с. 327—329; *И. А. Кубасовъ.* Театральныя интриги въ 1822 году (В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ). Русская Старина 1901, № 11, с. 293—304. Катенинъ много содѣйствовалъ своими совѣтами образованію сценическаго таланта В. А. Каратыгина, подобно тому какъ Н. И. Гнѣдичъ много работалъ съ артисткой Е. С. Семеновой.

— *Боръ готовитъ къ изданію*: см. ниже, прим. къ с. 21. 23.

— *Благонамѣренный* — ежемѣсячный журналъ, изд. А. Е. Измайловымъ въ Петербургѣ, 1818—1826.

Стр. 19. *Моя Родина* — напечатано было (съ помѣткою: Дерптъ, ноября

23-го 1822) въ «Новостяхъ Литературы», изд. А. Воейковымъ и В. Козловымъ, 1822, № XXVI, с. 204—205. — *Пѣснь Регнера* — напечатана (съ помѣтой: Дерптъ, 18 Мая 1823) въ томъ же изданіи 1823, № XXXIII, с. 110—111.— Подъ именемъ «Гаквинъ» изъ сочиненій Я. ничего не осталось; ниже, въ письмѣ XV (с. 28) онъ сообщаетъ, что оставилъ мысль объ этомъ произведеніи за недостаткомъ необходимыхъ пособій. Весьма вѣроятно, что мысль объ этомъ поэтическомъ сюжетѣ зародилась у Я. при чтеніи сочиненія Г. Маллета «Введеніе въ исторію датскую», пер. съ фр. Ѳ. Моисенко. I—II. Спб. 1785, гдѣ, въ отдѣлѣ «Пѣсни и другія древнія стихотворенія» (II, с. 170—175), имѣется въ пересказѣ «Похвала Гакина, пѣсня». Изъ этой книги несомнѣнно заимствованъ сюжетъ и «Пѣсни Регнера» (ср. Введеніе въ исторію датскую, II, с. 164—166: «Пѣсня короля Регнера Лодброга»), о чемъ говоритъ Я. въ письмѣ № XI.

Стр. 21. *Пѣснь Гаральда Смѣлаго* — стихотвореніе К. Н. Батюшкова (Соч., подъ ред. Л. Н. Майкова, I, с. 238—239), написанное на основѣ древней «Пѣсни Гаральда Бодраго», помѣщенной въ сочиненіи Маллета (см. прим. къ с. 19), II, с. 169—170.

— *Хозяйка дома.* Боргъ былъ женатъ (съ 1818 года) на Каролинѣ Гофманъ, дочери К. Г. Гофмана, учителя гимназіи и пастора въ Дерптѣ; она род. 1798, ум. 1873.

— *Веберъ* — Leonhardt Weber, студентъ юридическаго факультета Дерптскаго у-та въ 1822—1825 годахъ: Album Academicum № 1671.

— *Онъ перевелъ пѣсню Пушкина*: «*Черная шаль*». Этотъ переводъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина 1820 года не имѣется въ сборникѣ переводовъ Борга: Poëtische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von *Karl Friedrich von der Borg.* I. Dorpat 1820, II. Riga und Dorpat 1823.

Стр. 23. Во второй томъ «Poëtische Erzeugnisse der Russen» вошло изъ Крылова нѣсколько басенъ: Die Braut; Der Sack; Der Fuchs und das Murmelthier; Der Hecht und der Kater; Der Bauer und der Fuchs; Die Wanderer und die Hunde; Der Schwan, der Hecht und der Krebs; Die Gänse; Der Elephant und der Mops; Der Kater und der Koch. — Стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки озаглавлено въ переводѣ: Armuth und Fleiss (Volkserzählung). — Изъ И. И. Дмитріева переведены и напечатаны: Die Launenhafte; Die Eiche und das Rohr; Die Frau nach der Mode; Die Lerche mit ihren Jungen und der Landmann; Fremde Urtheile; An Karamsin; An meine Freunde; An den Grafen N. P. Rumänzow.

— На нѣмецкій языкъ «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. И. Греча (Спб. 1822) былъ переведенъ цѣликомъ и изданъ гораздо позднѣе (Lehrbuch der Russischen Litteratur. Von Fr. Otto. Berlin 1837); Яз., м. б., имѣетъ тутъ въ виду обширныя извлеченія изъ этого труда, помѣщенныя въ St. Petersburger Zeitschrift Ольдекопа въ 1822 году.

Стр. 24. Сокращеніе Россійской Исторіи Н. М. Карамзина, въ пользу юношества, съ знаками ударенія, истолкованіемъ труднѣйшихъ словъ и рѣченій, на нѣм. и франц. языкахъ, и ссылками на грамматическія правила. Издалъ *Августъ Tanne.* Двѣ части. Спб. 1819—1824.

— О солидной ученой подготовкѣ Петра Языкова (по геологіи), его недюжинныхъ способностяхъ, не нашедшихъ себѣ примѣненія, слабохарактерности и другихъ особенностяхъ см. въ «Запискахъ» Д. Н. Свербеева, II, с. 87—91.

Стр. 25. *Киселевъ* — Николай Дмитріевичъ, изучавшій въ Дерптскомъ университетѣ въ 1820—23 годахъ военныя науки; былъ потомъ чрезвычай-

нымъ посломъ и полномочнымъ министромъ при Итальянскомъ Дворѣ во Флоренціи (род. 1802, ум. 1869: Alb. Acad. № 1440). Ср. о немъ въ «Запискахъ» Д. Н. Свербеева, I, с. 268—269, гдѣ имѣются также свѣдѣнія о Норовѣ, Сумароковѣ и другихъ лицахъ кружка, въ которомъ вращался и Н. М. Языковъ; въ «Остафьевскомъ Архивѣ», III, с. 683—684.

— Новая практическая нѣмецкая грамматика, сочиненная для употребленія въ Педагогическомъ Институтѣ и въ другихъ подобныхъ училищахъ *Шумахеромъ*. Изд. Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Спб. 1811. 1816. 1821.

— Ив. Як. Польнеръ, лекторъ нѣмецкаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1819—1835 годахъ: *В. Григорьевъ*. Импер. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Спб. 1870, с. 26. 94.

— Leyer und Schwert. Подъ этимъ заглавіемъ изданъ былъ въ 1814 году, въ Берлинѣ, сборникъ стихотвореній Кернера (Karl Theodor Körner), написанныхъ въ 1809—1813 годахъ.

— *За что запретили Катенина?* См. объ этомъ выше, прим. къ с. 18.— «Сидъ» Корнеля, въ переводѣ П. А. Катенина, вышелъ въ Спб., въ 1822 году.

— *Ссора Греча съ Вѣстникомъ Европы* — полемика Греча съ авторомъ критики на его «Опытъ»: В. Е. 1822, № 3, с. 239—240; Сынъ Отечества 1822 № 13. 18. 19. 21 (Отвѣтъ Греча); В. Е. 1822, № 4, с. 23—39, и № 6, с. 295—300.

Стр. 26. *Великолѣпное примѣчаніе*: вѣроятно—примѣчаніе А. Ѳ. Воейкова къ напечатанному въ «Новостяхъ Литературы» 1822, кн. 2, с. 156—158, изд. А. Воейковымъ и В. Козловымъ, стихотворенію Языкова «Тебѣ, который съ юныхъ дней...», посв. А. М. Языкову: «Сердечно благодаримъ молодого Поэта за сей прекрасный подарокъ отечественной Публикѣ. Предсказываемъ ему блистательные успѣхи на поприщѣ Словесности. *Издатели*» (с. 156).

— *Сюда скоро будетъ и жена его*: первое упоминаніе объ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой, игравшей такую видную роль въ поэтическихъ настроеніяхъ Языкова въ Дерптѣ: см. ниже прим. къ с. 32.

— Извѣстное предубѣжденіе Н. М. Языкова противъ Пушкина, какъ поэта, въ первые годы дерптской жизни, весьма вѣроятно, находилось въ зависимости отъ приводимыхъ здѣсь сужденій о Пушкинѣ профессора Перевощикова.

Стр. 28. Краткая Россійская Исторія для начинающихъ. Соч. *Павла Строева*. М. 1814. Изд. 2, передѣланное и умноженное: М. 1819.

Начертаніе всеобщей логики. Сочиненіе *Людвига Якоба*. Издано Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Спб. 1811. 1815.

Курсъ математики. Соч. *Лакруа*. 7 частей, содержащій въ себѣ Ариѳметику, Геометрію, Алгебру, дополненіе Алгебры, Тригонометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе. Пер. съ фр. часть I-ю *Дмитрій Перевощиковъ*, а прочія шесть *Порфирій Смирновъ*. Спб. 1822—1827.

Стр. 29. Несторъ. Русскія лѣтописи на древле-славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя *Августомъ Шлецеромъ*. Пер. съ нѣм. Д. Языковъ. 3 части. Спб. 1809—1819.

— *Останови, если успѣешь, печатаніе Моей Родины*. См. выше, прим. къ с. 19.

— *Не знаю, за что Свербѣевъ*... и пр. Объ этой чертѣ въ натурѣ Киселева (см. выше, прим. къ с. 25) Д. Н. Свербеевъ сообщаетъ въ своихъ Запи-

скахъ: «Къ нимъ же [Норовымъ] на вакаціонное время пріѣзжалъ изъ Дерпта преостренькимъ и презабавнымъ мальчикомъ Николай Киселевъ... Коля Киселевъ привозилъ мнѣ изъ Эстляндіи [очевидно — хотѣлъ сказать: изъ Лифляндіи, имѣя въ виду коренное эстонское населеніе въ Дерптѣ] вѣсти и поклоны отъ буйнаго поэта Николая Языкова, съ которымъ онъ и съ общимъ ихъ пріятелемъ собутыльникомъ, графомъ Соллогубомъ, проводилъ разгульные вечера и ночи, предаваясь болѣе пивному хмѣлю, чѣмъ постылому для нихъ всѣхъ изученію глубокомысленныхъ лекцій своихъ профессоровъ. Въ это время Киселевъ отличался замѣчательнымъ даромъ рисовать со всѣхъ и каждаго весьма похожіе портреты и кое-когда забавлять и насъ своими остроумными карикатурами» (I, с. 268—269).

Стр. 31. *Одинъ изъ здѣшнихъ жителей...* и т. д. Вѣроятно, имѣется въ виду книга: Peter der Grosse als Mensch und Regent. Dargestellt von Dr. *Benjamin Bergmann,* Prediger zu Rujen in Livland. V. I—VI. Königsberg, Riga und Mitau 1823—1830. Проспектъ этого сочиненія, на 16 стр., появился отдѣльно въ печати: Dorpat 1821.

— Исторія Малой Россіи, со временъ присоединенія оной къ Россійскому Государству при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ краткимъ обозрѣніемъ первобытнаго состоянія сего края. Соч. *Дмитрія Бантышъ-Каменскаго.* 4 части. М. 1822.

— *Кн. Н. А. Цертелевъ.* Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ. Спб. 1819.—[Изд. *К. Ѳ. Калайдовичъ*]. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. М. 1818.

— *Альманахъ.* Вѣроятно, разумѣется: Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности на 1823 годъ. Издали *А. Бестужевъ* и *К. Рылѣевъ.* Спб. 1822.

— *Читалъ ли ты...* и пр. Вѣроятно, имѣется въ виду стихотвореніе «Война» (1821), впервые напечатанное, безъ подписи Пушкина, въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», 2 изд., ч. IV (1822), и затѣмъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 годъ, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи; въ обоихъ случаяхъ озаглавлено: «Мечта воина».

Стр. 32. *У г-жи Протасовой.* Екатерина Аѳанасьевна П. переѣхала на житье въ Дерптъ въ 1814 году вмѣстѣ съ двумя своими дочерьми, изъ которыхъ одна, Александра Андреевна, была замужемъ за профессоромъ Дерптскаго университета А. Ѳ. Воейковымъ: см. прим. къ с. 26.

Стр. 32. *Кто играла въ Цидѣ Шимену?..* Рѣчь идетъ, вѣроятно, о спектаклѣ 14 декабря 1822, когда была представлена трагедія П. Корнеля «Сидъ» въ переводѣ П. А. Катенина, въ бенефисъ В. А. Каратыгина; донну Химену играла не Семенова, а Валберхова: *П. Араповъ,* Лѣтопись русскаго театра, с. 333.

— *Бахтинъ* — Николай Ивановичъ, служившій въ Канцеляріи П. А. Кикина, впослѣдствіи видный государственный дѣятель (род. 1796, ум. 1869): см. о немъ въ Запискахъ Д. Н. Свербеева, I, с. 189; Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Со вступительною статьею и примѣчаніями *А. А. Чебышева.* Спб. 1911, с. 11—12.

Стр. 32—33. Помѣщаемъ здѣсь списокъ книгъ, могущій служить (въ иныхъ случаяхъ лишь предположительно) поясненіемъ сокращенныхъ указаній

Я. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ матеріаломъ для сужденія о литературныхъ и научныхъ интересахъ его въ Петербургѣ до переѣзда въ Дерптъ; при названіяхъ книгъ, гдѣ возможно, поставленъ № по «Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ Библіотеки В. Плавильщикова, систематическимъ порядкомъ расположенной». Ч. 1—3 и три прибавленія. Спб. 1820—1823.

Учебная книга Россійской Словесности или избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Риторики и Піитики и Исторіи Россійской Словесности. Издалъ *Николай Гречъ*. 4 части. Спб. 1819—1822 [6430].

Таблица Латинской Грамматики. Издалъ *Н. Кошанскій*. Спб. 1817 [3636].

Новыя басни и сказки. Соч. *Петра Лобысевича*. 2 части. Спб. 1816 [3846].

Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутренняго домоводства какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей, хозяевъ и хозяекъ. Соч. *Василія Левшина*. 10 частей. М. 1813—1815 [752].

Извѣстія Россійской Академіи. Книжка осьмая. Спб. 1820.

Сокращенный курсъ Россійскаго слога. Издалъ *Александръ Скворцовъ*. М. 1796 [6434].

Всемірная древняя исторія, изданная для народныхъ училищъ. Ч. I. Спб. 1787; было нѣсколько и болѣе позднихъ изданій.

Цидъ. Трагедія Корнеля, въ пер. *Я. Б. Княжнина*. Спб. 1779]6224].

Выборъ изъ сочиненій лорда Бейрона. Пер. съ фр. *Михаилъ Каченовскій*. М. 1821.

О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни. Изд. *Аѳанасій Стойковичъ*. Харьковъ 1810 [430].

Краткое описаніе всѣхъ животныхъ четвероногихъ и китовъ, которыя водятся въ предѣлахъ Россійскаго Государства, съ показаніемъ мѣстъ, гдѣ именно они водятся, пользы отъ нихъ получаемой и пр. Издалъ. *Иванъ Двигубскій*. М. 1816 [365].

О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи. Соч. *Аѳанасія Стойковича*. Харьковъ 1807.

Начертаніе гербовѣденія. Соч. *І. Гаттерера*. Пер. съ нѣм., съ дополненіемъ къ оному краткаго изъясненія употребляемыхъ въ гербахъ изображеній, иконологическаго описанія, эмблемъ и знатнѣйшихъ государствъ съ ихъ гербами. Соч. *Гмѣъ Малынъ*. Спб. 1805 [3016].

Соревнователь просвѣщенія и благотворенія [Другое заглавіе: Труды Вольнаго Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Періодическое изданіе, выходившее съ 1818 года въ Петербургѣ].

Описаніе водъ всякаго рода. *Вальмонта де-Бомара*. Пер. съ фр. И. А. М. 1789 [622].

Земледѣльческій Журналъ, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства [Выходилъ съ 1821 года въ Москвѣ].

Животный Магнитизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи. 3 части, изъ коихъ первыя двѣ пер. изъ соч. *Клуге*, а третію сочинилъ *Данило Велланскій*. Спб. 1818 [961].

Сочиненія *В. А. Озерова*. 2 части. Спб. 1816, 2 изд. Спб. 1817. Въ сборникѣ Борга (II, с. 325—342) помѣщенъ переводъ двухъ отрывковъ изъ «Дмитрія Донского», подъ загл. «Scenen aus dem Trauerspiel: Dimitry von Don».

Ботаника *Вильденова*, заключающая въ себѣ Терминологію, разныя си-

стемы, Ботаническія правила, названія растеній, естествословіе, болѣзни и Исторію прозябаемыхъ и наконецъ Исторію самаго Травопознанія. Пер. *Иванъ Рейпольскій*. М. 1819 [337].

Стр. 34. Переводъ *П. А. Катенина* «Есѳири» Расина вышелъ въ Спб. 1816.

— *Константинъ Арсеньевъ*. Краткая всеобщая географія. Спб. 1818. Изд. 2. Спб. 1820.

— «Опытъ о русскомъ стихосложеніи» *А. Х. Востокова* былъ первоначально напечатанъ въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812, № 4—6, и потомъ отдѣльно: Спб. 1817.

Стр. 35. Освобожденный Іерусалимъ, въ 20 пѣсняхъ. Соч. Торквата Тасса. Пер. съ итал. *А. С. Шишковъ*. 2 части. Спб. 1818—1819.

Стр. 37. *Въ деревню за 23 версты отъ Дерпта*. Имѣется въ виду имѣніе Куриста (нѣм. Kurrista), Вендавскаго (Wendau) церковнаго прихода. Это имѣніе, вмѣстѣ съ сосѣднимъ Сарракусъ (15 в. отъ Дерпта), было подарено Императрицей Елизаветой Петровной вице-адмиралу Вильбуа (François Guillemotte de Villebois) въ 1743 году и до сихъ поръ находится во владѣніи потомковъ этой фамиліи. Въ 20-хъ годахъ XIX в. владѣлъ имъ ассесоръ Стефанъ Ф. Вильбуа: *L. von Stryk*. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. I Th. D. 1877, S. 172.

Стр. 37. *Останови, если можешь, ради Бога, печатаніе Пѣсни Регнера*. См. выше, прим. къ с. 19. Желаніе Я., вѣроятно, было исполнено; стихотвореніе это появилось въ печати съ припиской: «Прошу стихи мои простить»..., помѣченной 18 мая 1823.

— *Нѣмецкіе Лексиконы Моцина*: *Mozin (Abbé)*. Dictionnaire de poche. 2 vol. Stuttg. 1817. — *(I. T. Biber, M. Hölter)*. Nouveau dictionnaire complet, à l'usage des allemands et des français. 4 vol. Stuttg. 1811, 2 ed. 1823.

— Русскія Сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти, приключенія. Соч. *М. Чулкова*. 10 частей. М. 1780—1783. Изд. 3., сокращенное, 6 частей. М. 1820.

Стр. 38. *Лакруа*: см. прим. къ с. 28.

— Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 годъ сужденія А. Бестужева о русской литературѣ изложены въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи»: с. 1—44.

— *Вспмъ читателямъ Инвалида*. «Новости Литературы», въ которыхъ печатались въ 1822 году первыя произведенія Я., издавались въ видѣ «прибавленій» къ «Русскому Инвалиду».

Стр. 39. *Въ нашемъ Танкредѣ*—вѣроятно, имѣется въ виду книга: Танкредъ, въ 5 д., въ стихахъ. Соч. *Волтера*. Пер. съ Фр. *Николай Гнѣдичъ*. Спб. 1816.

Стр. 40. Karamsin's Geschichte des Russischen Reiches. Nach der zweiten Original-Ausgabe übersetzt. B. I—X. Riga-Leipzig. 1820—1837. B. XI. Leipzig 1833. Переводъ посвященъ Прусскому королю Фридриху Вильгельму III, съ подписью: *Fr. von Hauenschild*. Ср. ниже, с. 43, письмо № XXII.

Стр. 42. *Ты спрашиваешь, когда я вступлю въ университетъ*. Яз. былъ имматрикулированъ въ студенты Дерптскаго университета 17 мая 1823 года: ср. ниже, письмо отъ 20 мая 1823, с. 73.

Въ бумагахъ Языкова сохранился выданный ему изъ Дерптскаго Университета, отъ 17 мая 1823 года (№ 1767), дипломъ, на латинскомъ языкѣ, на

званіе студента (studiosus), изучающаго философскія (въ широкомъ смыслѣ, т. е. гуманитарныя) науки (Philosophiae cultor). При оригиналѣ имѣется и русскій переводъ диплома, въ которомъ прописаны обычные пункты о томъ, что вновь принятый въ студенты «достойнѣйшій русскій юноша» Николай Языковъ далъ торжественное обѣщаніе «старательно повиноваться существующимъ и ему объявленнымъ академическимъ статутамъ и впредь имѣющимъ быть изданнымъ, въ особенности же:

1. Съ подобающимъ благочестіемъ почитать Бога.

2. Съ высшею преданностію, послушаніемъ и вѣрою повиноваться Его Императорскому Величеству и всѣмъ властямъ, отъ него поставленнымъ.

3. Ректору, Совѣту и Университетскому Суду оказывать почитаніе и послушаніе.

4. Помнить желаніе, ради коего принятъ въ Академію, прилежно изучать науки и рачительно посѣщать обязательныя лекціи.

5. Чтобы не подавать повода къ тревогѣ и не нарушать домашней тишины.

6. Не вступать въ запрещенныя закономъ общества, называемыя орденами.

7. Ни подъ какимъ видомъ не участвовать въ собраніяхъ игроковъ, ни ввѣрять имущество свое или деньги слѣпому случаю счастія.

8. За обиду, нанесенную умышленно, лично или черезъ другого, не мстить, но просить для этого помощи Ректора».

[Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

— *Я очень радъ, что моего Пѣвца...* Стихотворенія съ такимъ заглавіемъ (см. выше, с. 37) у Я. въ печати не имѣется; тутъ надо разумѣть, вѣроятно, его стихотвореніе, «Пѣснь Баяна при начатіи войны», напечатанную въ «Новостяхъ Литературы» 1823, № LII, с. 207.

Стр. 43. Краткое начертаніе всемірной исторіи. Соч. *Ивана Кайданова.* Спб. 1822.

— *Этотъ замокъ.* Выраженіе это взято, повидимому, изъ стихотворенія Жуковскаго «Тлѣнность», напечатаннаго въ изданіи «Для немногихъ» 1818 № 3 и начинавшагося такъ:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замомъ Ретлеръ...

Это стихотвореніе вызвало извѣстную пародію Пушкина, начинавшуюся тѣми же стихами: Соч., изд. Лит. Фонда, VII, с. 130.

Стр. 44. *Петръ Семеновичъ* — вѣроятно Наумовъ, о сочиненіи котораго говоритъ Я. ниже, с. 71, 98.

— Упоминаемые тутъ студенты Тютчевы были два брата — Андрей (род. 1805) и Алексѣй (род. 1806); оба изучали въ Дерптскомъ университетѣ камеральныя науки въ 1822—1825 годахъ (Alb. Acad. №№ 1677—1678).

Стр. 45. *Процессъ съ Плавильщиковымъ.* См. выше, прим. къ с. 32—33. Вас. Алексѣев. Плавильщиковъ — извѣстный книжный торговецъ и содержатель библіотеки для чтенія (ум. 14 авг. 1823). О размѣрахъ его библіотеки, которой пользовались братья Языковы, можно судить по изданной въ 1820 году

«Росписи» ея, къ которой въ 1820—1822 гг. были выпущены три «приложенія». Эта замѣчательная библіотека перешла потомъ къ А. Ф. Смирдину, а затѣмъ, путемъ покупки, къ рижскому книгопродавцу Киммелю, который и распродалъ ее по частямъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX вѣка.

— *Первое, что я буду писать стихами...* Это обѣщаніе описать свою «обитель» стихами Я. выполнилъ въ стих. «Мое уединеніе», напечатанномъ въ «Новостяхъ Литературы» 1823, кн. XX, с. 108—112.

— *Берманъ* — музыкантъ (Heinrich Bärmann, erster Klarinettist Sr. Majestät des Königs von Bayern, какъ онъ самъ себя называлъ въ объявленіи, помѣщенномъ въ Dörptsche Zeitung 1823, № 5. 8), давшій въ Дерптѣ два концерта 20 и 26 Января 1823.

Стр. 46. *Двѣ Муссы.* Одна изъ нихъ, именно для горожанъ (Bürgermusse), основанная въ 1791 году, существуетъ въ Юрьевѣ и доселѣ. О студенческомъ клубѣ, нѣкогда существовавшемъ подъ именемъ Academische Musse, и его отношеніяхъ къ остальной публикѣ въ Дерптѣ см. въ *моемъ* сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ, I, с. 570—573.

Стр. 47. *Степанъ Михайловичъ* — м. б. Семеновъ: ср. прим. къ с. 4.

Стр. 49. Сонетъ Дельвига — стихотвореніе, обращенное къ Н. М. Языкову («Младой пѣвецъ! Дорогою прекрасной тебѣ итти къ Парнасскимъ высотамъ...») и напечатанное въ «Соревнователѣ» 1823, ч. XXI, с. 58—59, а также въ «Новостяхъ Литературы» 1824, кн. VII, с. 79.

Стр. 50. *Я читаю Донъ-Карлоса*: имѣется въ виду, конечно, чтеніе этого произведенія Шиллера въ подлинникѣ. На русскомъ языкѣ существовали тогда лишь отрывки этого сочиненія, напр. напечатанныя въ «Благонамѣренномъ» 1821, XVI, с. 144—173 «Сцены изъ Шиллеровой трагедіи Донъ-Карлосъ», пер. *Софіинъ.*

Стр. 51. *Двумя послѣдними стихами Пироновой оды къ Пріапу.* Пиронъ (Al. Piron) — французскій поэтъ, 1689—1773. Ode à Priape составляетъ одно изъ первыхъ его произведеній; написанная въ слишкомъ откровенномъ тонѣ, она сыграла неблагопріятную роль въ жизни автора, сдѣлавшись причиной неутвержденія Пирона въ званіи академика. Два послѣднихъ стиха этой оды, по своему цинизму, не возможны для передачи въ печати: Oeuvres complètes d'Alexis Piron. Neuchatel. 1777, VIII, 73.

Стр. 52. Софійскій Временникъ. Изд. *П. Строева.* Ч. I—II. М. 1820—1821.

— *Замѣтъ Дельвигу...* и т. д. Выписываемъ цѣликомъ сонетъ Дельвига, посв. Н. М. Языкову, по тексту «Соревнователя» (см. выше, прим. къ с. 49), подчеркивая стихъ, отмѣченный Языковымъ:

Младой пѣвецъ! Дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ Парнасскимъ высотамъ;
Тебѣ вѣнокъ, повѣрь моимъ словамъ,
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.
Отъ раннихъ лѣтъ я пламень ненапрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою то любовію пристрастной.
Съ младенчества я Пушкина любилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ я скорбь и наслажденье,

И первый я его заслышалъ пѣнье,
Я за себя боговъ благословилъ;
Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Стр. 53. *Перевощиковъ ничего не знаетъ*... П., до своего назначенія въ Дерптъ въ октябрѣ 1820 года, былъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ россійской исторіи, географіи и статистики. Подъ «важной революціей» надо разумѣть извѣстныя событія въ Казанскомъ университетѣ, вызванныя тамъ дѣятельностью попечителя М. Л. Магницкаго и много разъ описанныя: см., напр., *Н. П. Загоскинъ*. Исторія Императорскаго Казанскаго Университета. Т. 3. Казань 1904, с. 253—541.

— *Какую поэму Тассову*... Имѣется въ виду «Освобожденный Іерусалимъ», который Б. хотѣлъ перевести цѣликомъ и даже сочинилъ посланіе «Къ Тассо» (1808), которое должно было предшествовать самой поэмѣ при ея напечатаніи на русскомъ языкѣ; однако ему удалось перевести лишь нѣкоторые отрывки изъ знаменитой поэмы въ 1808—1809 годахъ: Соч., подъ ред. *Л. Майкова*, I, с. 55—64. Въ началѣ 20-хъ годовъ обозначились уже признаки душевной болѣзни Батюшкова, и онъ ничего не писалъ: Біографія Б-ва, написанная *Л. Майковымъ*, при I т. Соч., с. 285—296.

Стр. 55. Журналъ изящныхъ искусствъ. Издаваемый *Василіемъ Григоровичемъ*, въ Спб. [въ 1823 и 1825 гг. издано всего 9 книжекъ].

— Histoire de l'Empire de Russie. Par *M. Karamsin*. Traduite du russe par St. Thomas, Jauffret et Divoff. 11 томовъ: Paris 1819—1826.— IX томъ переведенъ былъ въ 1821 году St. Thomas при помощи О. М. Сомова: *Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ, II, с. 260.

— Слова къ московской паствѣ, въ первый годъ управленія ею говоренныя, и житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца, изъ достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое *Филаретомъ*, архіепископомъ Московскимъ. Спб. 1822.

Стр. 56. *Илличевскій* — Алексѣй Демьяновичъ (1798—1837), товарищъ Пушкина по Лицею. Поэтическая его дѣятельность выразилась въ книжкѣ: Опыты въ антологическомъ родѣ, или собраніе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній. *Алексѣя Илличевскаго*: Спб. 1827. Ср. письмо № CXCIV, с. 317.

Въ «Poëtische Erzeugnisse der Russen» Борга (B. II, S. 303) имѣется, въ нѣмецкомъ переводѣ, слѣдующая эпиграмма Илличевскаго, о которой говоритъ Языковъ:

Max starb im vor'gen Jahr,—ein Heer
Von Glaub'gern liess er unbeschwichtet;
Nur Eine Schuld bezahlet' er
Die letzte, die er der Natur entrichtet.

Ilitschewsky.

Стр. 57. Сокращенная всеобщая исторія древняя и новая, для употребленія юношества. Соч. гр. *Сегюра*. Пер. съ фр., 5 частей. Спб. 1818—1820.

Стр. 58. *Мечниковъ, Е. И.* — директоръ Горнаго Корпуса: см. прим. къ с. 3.

— *Иду обѣдать къ Парроту.* Парротъ, Георгъ-Фридрихъ (1767—1852), знаменитый дѣятель въ начальные годы существованія Дерптскаго университета, профессоръ физики, пользовавшійся дружбой и глубокимъ уваженіемъ В. А. Жуковскаго: см. мою статью «Жуковскій въ Дерптѣ», въ сборникѣ «Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго». Юрьевъ 1903, с. 74.

Стр. 59. *Умерла отъ родовъ сестра Воейковой.* Марья Андреевна Мойеръ, рожд. Протасова, племянница В. А. Жуковскаго, скончалась 19 марта 1823 года. Подробнѣе объ этомъ, о пріѣздѣ вскорѣ затѣмъ въ Дерптъ Жуковскаго (ниже, с. 61) и вообще объ отношеніяхъ послѣдняго къ покойной см. статью мою «Жуковскій въ Дерптѣ», с. 63—72. 83—86. Стихи на смерть М. А. Мойеръ сообщены Языковымъ въ слѣдующемъ письмѣ (№ XXXIII), с. 61—62.

Стр. 60. *Кое-что отъ Института Путей Сообщенія:* см. прим. къ с. 3.

Стр. 60. *Княжевичъ* — Владиславъ Максимовичъ, издававшій, вмѣстѣ съ братьями Дмитріемъ и Александромъ, «Библіотеку для Чтенія» при «Сынѣ Отечества» въ 1822—1824 годахъ (*Геннади*, Словарь, II. 143). Къ нему обращено стихотвореніе Языкова (1823):

«Онѣ прошли и не придутъ
Лѣта невѣрныхъ наслажденій...»

— *Schaller, K. L.* Handbuch der deutschen Dicht- und Redekunst, aus Beispielen entwickelt. 2 Theile. Wien 1806. 2 Aufl. 1817.

— *Филарета жизнь Сергія.* См. выше, прим. къ с. 55.

Стр. 63. *Пфеффель* — нѣмецкій писатель Gottlieb Konrad Pfeffel (1736—1809).

— Стихи Жуковскаго на смерть М. А. Мойеръ: см. мою статью «Жуковскій въ Дерптѣ», с. 86—87.

Стр. 64. *Бунина*, Анна Петровна (см. выше, письмо № XXIII) — писательница, въ свое время довольно извѣстная (1774—1829); здѣсь имѣется въ виду: Собраніе стихотвореній. 3 части. Спб. 1819—1821.

Стр. 67. Слухъ объ отставкѣ Сперанскаго былъ невѣренъ; отставка тогдашняго министра финансовъ графа Д. А. Гурьева, послѣдовавшая 22 апрѣля 1823 года, была отчасти слѣдствіемъ потери имъ поддержки со стороны графа Аракчеева, отчасти по разстроенному здоровью.

Стр. 68. Тюммель — нѣмецкій писатель Moritz August Thümmel (1738—1817).

Стр. 69. Изданіе Шиллера — имѣется въ виду изданіе Reutlingen, Industrie-Comptoir: ср. Vollständiges Bücher-Lexicon. Von *Ch. G. Kayser.* V. 82; *L. Anflad.* Die Schiller und Göthe-Literatur. München 1878, S. 10.

Стр. 70. *Профессоръ Ертманъ*—Іоганнъ-Фридрихъ Эрдманъ (v. Erdmann), занимавшій въ 1817—1823 гг. въ Дерптскомъ университетѣ каѳедру патологіи, семіотики, терапіи и клиники; онъ оставилъ Дерптъ въ маѣ 1823 года, будучи назначенъ королевскимъ лейбъ-медикомъ въ Саксонію; въ 1827 году онъ снова вернулся въ Дерптъ и уволенъ былъ въ отставку въ 1842 году.

— *Сперанскій сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.* Это назначеніе не состоялось, хотя послѣ возвращенія М. М. Сперанскаго изъ Сибири въ 1821 году въ Петербургѣ въ обществѣ ходило много слуховъ объ ожидаемомъ его возвышеніи: «Одни полагали, что Аракчеевъ сдастъ ему все управленіе граждан-

скою частью; другіе, возобновляя прежніе слухи, предсказывали въ немъ будущаго министра юстиціи; третьи увѣряли, что ему, съ титуломъ по прежнему государственнаго секретаря, присвоена будетъ та власть, какую при Екатеринѣ II имѣлъ князь Вяземскій, и т. д. (М. *Корфъ*. Жизнь графа Сперанскаго, II, с. 262).

— *Бахтина* — Н. И. (см. выше, прим. къ с. 32). Очевидно, имѣется въ виду личный пріѣздъ Бахтина въ Дерптъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ въ томъ же письмѣ (с. 71): «Бахтинъ почти ничего новаго не разсказалъ мнѣ».

Стр. 71. Объ отношеніяхъ Россійскихъ князей къ Монгольскимъ и Татарскимъ ханамъ отъ 1224 по 1480 годъ. Соч. *П. Наумова*. Спб. 1823.

— *Когда познакомлюсь съ Еверсомъ:* профессоръ исторіи, статистики и географіи Россійскаго Государства Густавъ Эверсъ, занимавшій эту каѳедру въ Дерптѣ въ 1810—1826 годахъ, извѣстный знатокъ исторіи Россіи и русскаго права, знаменитый ректоръ Дерптскаго университета.

— *Въ Аонидахъ*. Имѣется въ виду сборникъ: Новыя Аониды на 1823 годъ. М. 1823 (изд. С. *Раичъ*). Яз. высказываетъ слишкомъ строгое сужденіе о стихахъ этого альманаха: тутъ были помѣщены стихотворенія Гнѣдича, Крылова, Пушкина, князя Вяземскаго, Жуковскаго, Тютчева, Баратынскаго и др., хотя, правда, эти стихотворенія были уже напечатаны ранѣе въ другомъ мѣстѣ.

Стр. 73. Въ «Журналѣ Изящныхъ Искусствъ», 1823—1825 (см. прим. къ с. 55), ни одна статья во всѣхъ девяти книжкахъ не подписана Н. Ѳ. Кошанскимъ. Вопросъ Яз. можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ «Журналѣ Изящныхъ Искусствъ», издававшемся въ 1807 году профессоромъ Буле, Кошанскій принималъ дѣятельное участіе и даже, кажется, переводилъ на русскій языкъ большую часть его текста, первоначально писавшагося по-нѣмецки.

— *Пушкинъ написалъ новую поэму Братоубійца*. М. б., это — неточное указаніе на «Братьевъ-разбойниковъ», которые были начаты въ 1821 году, а окончены въ 1823 (въ ноябрѣ этого года П. послалъ поэму князю П. А. Вяземскому): *Н. Лернеръ*. Труды и дни А. С. Пушкина, с. 71. 90.

Стр. 74. *Вступилъ въ университетъ*. См. выше, прим. къ с. 42.

Стр. 75. *Федра*. Вѣроятно, имѣется въ виду переводъ этой пьесы Расина, сдѣланный Мих. Лобановымъ: Спб. 1823.

Стр. 76. *Въ деревнѣ у Воейковой*. А. А. Воейкова гостила въ это лѣто у генерала Кнорринга (см. ниже, с. 213), въ имѣніи его Камби (Gross-Cambу), въ 19 верстахъ къ югу отъ Дерпта. Тамъ впослѣдствіи не разъ гащивалъ и самъ Языковъ: ср. с. 244. 336. 338. 339. — Генералъ-лейтенантъ Вольдемаръ-Понтусъ Ф.-Кнорринтъ получилъ это имѣніе по завѣщанію, сдѣланному въ мартѣ 1823 года его дядей, генералъ-маіоромъ Г. І. Ф.-Кнорринтомъ: *L. von Stryk*. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. I Th., S. 18.

Стр. 77. Во второмъ полугодіи 1823 года Перевощиковъ читалъ, кромѣ элементарнаго курса русской грамматики (для начинающихъ), курсъ исторіи русской литературы — по произведеніямъ самихъ писателей и словарямъ митр. Евгенія и Новикова: Verzeichniss der von 23 Julius 1823 zu haltenden halbjährigen Vorlesungen auf der Kaiserlichen Universität zu Dorpat (D. 1823), S. 12. Отдѣльнаго курса эстетики П. въ этомъ полугодіи не объявлялъ: ср. ниже письмо № LI, с. 88.

Стр. 78. *Былъ ли ты въ торжественномъ собраніи соревнователей?* Торжественное (годовое) собраніе «соревнователей», т. е. членовъ Вольнаго Общества

Любителей Россійской Словесности, въ Петербургѣ, состоялось въ 1823 году 22 мая въ домѣ вдовы поэта Державина, Д. А. Державиной. О читанныхъ на этомъ собраніи произведеніяхъ см. въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1823, ч. XXII, с. 292—297.

Стр. 79. Свѣдѣніе о томъ, что Ванька-Каинъ умеръ въ Балтійскомъ Портѣ, основано, повидимому, на извѣстіи т. наз. его «автобіографіи» (изд. Спб. 1785. 1788, М. 1792), гдѣ сказано, что эта повѣсть о жизни и похожденіяхъ Ваньки-Каина «писана имъ самимъ при Балтійскомъ портѣ, въ 1764 году».

— Поѣздка Яз. въ Ревель описана имъ въ стих. 1823 года «Чувствительное путешествіе изъ Дерпта въ Ревель» (посвящено М. Н. Дириной): Соч., изд. Суворина, I. 16—28.

— *Развалины Пайды или Вейссенштейна.* Имѣется въ виду уѣздный городокъ Эстляндской губ. Вейссенштейнъ, по старому названію Пайда, въ 93 верстахъ къ югу отъ Ревеля. Тамъ дѣйствительно палъ Малюта Скуратовъ, при взятіи этого города войсками Ивана Грознаго отъ нѣмецкихъ рыцарей въ 1573 году.

Стр. 80. Политическую экономію во II полуг. 1823 года читалъ проф. Ф. Э. Рамбахъ, а физику — проф. Г. Ф. Парротъ.

Стр. 81. *Данеберъ.* Это, повидимому, единственное указаніе, которымъ можно воспользоваться для опредѣленія одной изъ квартиръ, въ которыхъ живалъ Я. въ пору своего пребыванія въ Дерптѣ. Домъ извощика (фурмана) Даннеберга, въ которомъ жилъ Яз. въ семьѣ Борга, уцѣлѣлъ до сихъ поръ; онъ находится по Островной (бывшей Гольмской, Holm-strasse) улицѣ подъ № 14; теперь онъ принадлежитъ купцу Фауре и не былъ уничтоженъ пожаромъ владѣній Фауре въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Даннебергъ владѣлъ этимъ домомъ, состоявшимъ изъ шести комнатъ, съ 28 апрѣля 1816 по 3 марта 1852 года. — Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ любезности кандидата Юрьевскаго университета, знатока мѣстной старины І. І. Змигродскаго.

— *Записки Манштейна* — вѣроятно, имѣется въ виду новое изданіе ихъ, вышедшее въ М. въ 1823 году, въ двухъ частяхъ, пер. и прим. *Тимоѳея Малышина.*

Стр. 82. *У Муральта* — въ пансіонѣ извѣстнаго въ Петербургѣ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка пастора Іоанна Ф.-Муральта.

— *Мелодіи Томаса Мура* — Irish Melodies. Англійское изданіе вышло въ Лондонѣ въ 1822 году, но, вѣроятно, тутъ надо разумѣть французское изданіе: Les amours des anges et les Mélodies irlandaises de *Th. Moore,* trad de l'anglais par M-me Swinton-Beiloc. Paris 1823.

Стр. 84. *Физику Паррота* — Entretiens sur la Physique. I—VI. Dorpat 1820—1824.

Стр. 86. *Музеумъ Раупаха* — изданіе лектора итальянскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ К. Э. Раупаха «Inländisches Museum», 6 выпусковъ. Dorpat. 1820—1822.

Стр. 87. *Путешествіе въ Ревель.* Это стихотвореніе Яз. (см. выше, прим. къ с. 79) было однако же напечатано въ «Благонамѣренномъ» *А. Измайлова,* 1823, № XVII, с. 291—303, съ такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ издателя: «Это, по требованію любезной дѣвицы [М. Н. Дириной], молодымъ Поэтомъ написанное путешествіе не было назначаемо для печати, но сообщено Издателю, по усиленной просьбѣ его, спутникомъ поэта. Ахъ! еслибъ почаще доста-

вляли для *Благонамѣреннаго* такіе прекрасные стихи!» Ср. ниже, письмо № LIII, с. 92 и № LV, с. 95—96.

— *Еверсъ* — Iohann Philipp Gustav v. Ewers: см. выше, прим. къ с. 71.

Стр. 89. *Онъ мнѣ даже далъ тему.* Задача, данная Перевощиковымъ Языкову, была исполнена имъ лишь отчасти — въ стих. «Пѣснь Барда во время владычества Татаръ въ Россіи», напечатанномъ въ «Новостяхъ Литературы», ч. XLVI. 1823, с. 94—96. — Говоря о Греѣ, Я. разумѣлъ извѣстную оду Томаса Грея (1716—1771) «The Bard».

Стр. 90. Упоминаемая тутъ книга: Jakob, Ludwig. Grundsätze der National-Oekonomie oder Grundsätze der National-Reichthums. Halle 1809, 2 Aufl. 1819, 3 Aufl. 1825.

— «Сто четыре священныя исторіи, выбранныя изъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ пользу юношества *Іоанномъ Гибнеромъ*». Эта книга была издана много разъ въ переводахъ И. Висковатова (2 части. Спб. 1818), Василія Богородицкаго (М. 1779 и др. изд.) и пр.

— «Карманный Словарь россійско-нѣмецкій, изданный Евстафіемъ Ольдекопомъ. 3 части. Спб. 1824—1825».

— «Anthologie russe, suivie de poésies originales, dediée à S. M. l'Empereur de toutes les Russies. Par P. I. Emil Dupré de Saint-Maure. Paris 1823».

— «Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ. Соч. князя М. М. Щербатова. Спб. 1774».

— *Олинъ* — Валеріанъ Николаевичъ, извѣстный литераторъ и издатель въ первыя три дѣсятилѣтія XIX вѣка.

Стр. 92. *Подобно пауку Тебѣкина.* См. «Басни и сказки» Василія Тебѣкина. Ч. I. Спб. 1816. Изд. 2. Спб. 1819».

— *Съ улыбкою Марковскою* — вѣроятно А. Д. Маркова, учителя Яз. въ Горномъ Корпусѣ.

Стр. 93. *Петру Степановичу* [у Яз. ошибочно — вм. Семеновичу: ср. ниже, с. 95] ... *его процессъ съ Корниловичемъ.* Имѣется въ виду полемика, возникшая между П. С. Наумовымъ и А. Корниловичемъ, на страницахъ «Сына Отечества» 1823 года, по поводу рецензіи послѣдняго на книгу Наумова «Объ отношеніяхъ россійскихъ князей къ монгольскимъ и татарскимъ ханамъ» (см. выше, прим. къ с. 71).

Стр. 94. Нѣмецкій переводъ «Кавказскаго Плѣнника» Пушкина—Der Bergefangene (Кавказскій плѣнникъ). Von Alexander Puschkin. Aus dem Russischen übersetzt. St.-Petersburg, 1823. Другое изданіе этого же перевода, съ приложеніемъ русскаго текста, вышло въ 1824 году.

Стр. 95. *Мою Пѣсню Регнера*: см. прим. къ с. 19. Въ этой «припискѣ» (т. е. посвященіи, въ видѣ P. S.) подверглись измѣненію, по цензурнымъ соображеніямъ, главнымъ образомъ послѣднія пять строкъ, напечатанныя такъ, какъ онѣ потомъ были повторены въ изд. 1858 года, I, с. 13; въ изданіи 1833 года все вообще посвященіе было опущено (с. 98—99); въ настоящемъ видѣ «приписка» напечатана лишь въ изд. Суворина, I. 35—36.

— *Съ примѣчаніемъ издателя*: см. прим. къ с. 87.

Стр. 96. Проф. Лампе (Friedrich Lampe), занимавшій въ Дерптѣ каѳедру государственнаго и народнаго права, 1813—1823, умеръ 11 августа 1823 года.

— *Недавно читалъ я книжку.* Имѣется въ виду: Conjuration de quatre-vingt seize gentilhommes polonais, écossais, suédois et français contre le gouver-

nement russe et massacrés dans les ruines du château de Macijowike. Ouvrage traduit de l'anglais par *Alfr. F*[*ayot*]. Paris 1821. 2 изд. Paris 1822. Указаніемъ на эту книжку мы обязаны любезности Н. Д. Чечулина.

Стр. 97. *Грамматика Греча* — «Корректурные листы русской грамматики». Изд. *Николай Гречъ*. Тетрадь I. Спб. 1823».

— *П. Сумароковъ* — Небезызвѣстный писатель въ первой половинѣ XIX в. Павелъ Ивановичъ С. (ум. 1846); ср. прим. къ с. 18. Его могъ встрѣчать Я. въ кружкѣ сослуживцевъ своего брата Александра, у П. А. Кикина: см. Записки Д. Н. Свербеева, I, с. 255—256.

— *Для исторіи довольно и Еверса.* Тутъ можно разумѣть слѣдующія сочиненія проф. Эверса: Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 1 und 2 Buch. Dorpat 1814; Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuches. I Th. Dorpat 1816; Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Mit Moritz v. Engelhardt. I Bandes 1 und 2 Hälfte. S.-Pt. 1816. 1818.

— Учебная Книга исторіи Государства Россійскаго, составленная изъ новѣйшихъ отечественныхъ твореній *Е. Константиновымъ*, съ присовокупленіемъ лѣтосчислительныхъ таблицъ къ каждому періоду. 2 части. Спб. 1820.

— Библіотека повѣстей и анекдотовъ, изданная *Михайломъ Каченовскимъ*. 5 частей. М. 1816—1817. — Повѣсти, анекдоты и смѣсь. Издалъ *Михайла Каченовскій*. 5 частей. М. 1819—1820.

Стр. 98. *Новое изданіе стиховъ Жуковскаго* — «Стихотворенія. Изд. 3, въ трехъ частяхъ. Спб. 1824».

— *Поблагодари также П. С. Наумова за сію книгу.* Имѣется въ виду переведенная Наумовымъ книга: Правила о способѣ ученія, извлеченныя изъ сочиненій Ролленя. Спб. 1823.

— *Книгу съ моими стихами* — конечно рукописную, главнымъ образомъ со студенческими пѣснями и вообще стихами несерьезнаго содержанія (№ LVII, с. 99). Это обѣщаніе Я., впрочемъ, не исполнилъ: см. ниже, № LVIII, с. 102.

Стр. 99. Басни Езоповы. Пер. съ греч. Иванъ Мартыновъ. Спб. 1823.

Стр. 100. *Не понялъ въ отрывкѣ изъ Пушкина.* Яз. разумѣлъ слѣдующее мѣсто изъ поэмы «Бахчисарайскій Фонтанъ»:

Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

Стр. 102. *Къ флотиліи фонъ-Дезина.* Адмиралъ М. П. фонъ-Дезинъ (1738—1827) во многихъ случаяхъ обнаружилъ свою неспособность къ военной и административной службѣ (Русскій Біографическій Словарь. Дабеловъ-Дядьковскій. Спб. 1905, с. 171—173).

— *А. Д. Валуевъ:* см. прим. къ с. 6.

Стр. 103. *Мой портретъ.* Это—акварель работы Oesterreich'a (1822), снимокъ съ которой приложенъ къ настоящему изданію.

Стр. 104. *Профессоръ химіи Озанъ* — Готфридъ Озаннъ (Osann), занимавшій каѳедру химіи и фармаціи въ Дерптѣ въ 1823—1828 годахъ.

Стр. 104—106. Характерныя картинки студенческой жизни въ Дерптѣ того времени. См. объ этомъ подробнѣе въ моемъ сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Т. I. Юрьевъ 1902, с. 526—533.

Стр. 107. *Въ альбомъ Д.* — Маріи Николаевны Дириной: ср. выше, прим. къ с. 87.

Стр. 109. «Пѣснь Баяна» (съ посвященіемъ М. Н. Д[ирин]ой) была напечатана въ «Благонамѣренномъ» 1823, № XXII, с. 265.

Стр. 111. И. И. Мартынову принадлежитъ большое количество переводовъ съ греческаго на русскій языкъ. Какъ разъ именно къ 1823 году относится появленіе многихъ изъ нихъ въ печати: «Антигона» Софокла, «Эдипъ въ Коллонѣ», «Эдипъ — царь», «Гимны Каллимаха Киринейскаго, «Басни Езоповы»; въ томъ же 1823 году начали выходить въ свѣтъ «Омирова Иліада», въ 4-хъ частяхъ, и обширная коллекція «Греческихъ классиковъ» въ переводѣ И. И. Мартынова, 26 частей, Спб. 1823—1828.

— *Державинъ съ примѣчаніями.* Очевидно, имѣется въ виду напечатанное Ѳ. П. Львовымъ въ «Сынѣ Отечества» 1823 (Ч. 89, № XLVIII) объявленіе о предположенномъ имъ изданіи сочиненій Державина съ составленными самимъ поэтомъ «объясненіями»; на это изданіе была открыта подписка, но оно не состоялось (Соч. Державина, подъ ред. *Я. Грота.* Т. I, с. XXIV—XXV).

— *Chr. Fr. Rühs.* Handbuch der Geschichte des Mittelalters. Berlin. 1816.

— *G. H. Hassel.* Statistische Umriss der sämmtl. europ. und der vornehmsten aussereuropeischen Staaten, in Hinsicht ihrer Entwickelung, Grösse, Volksmenge, Finanz- und Militärverfassung, tabell. dargestellt. 3 Hefte. Weimär 1823—1824.

Стр. 113. Полярная Звѣзда. Карманная книжка на 1824 годъ для любителей и любительницъ русской словесности. Изд. *А. Бестужевымъ* и *К. Рылѣевымъ.* Спб. [1824].

Мнемозина. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издали кн. *В. Одоевскій* и *В. Кюхельбекеръ.* 4 части. М. 1824—1825.

— *Въ біографіи Дмитріева:* см. ниже, прим. къ с. 122. О Крыловѣ сравнительно съ Дмитріевымъ, с. XL—XLI.

— Слухъ о назначеніи попечителемъ въ Дерптѣ вел. кн. Михаила Николаевича, конечно, не оправдался: графъ К. А. Ливенъ остался попечителемъ до 1828 года, и послѣ него (31 мая 1828) преемникомъ явился баронъ М. И. фонъ-деръ Паленъ.

Стр. 116. *Обѣщаніе кончить моего Баяна.* Имѣется въ виду стихотвореніе «Баянъ. Отрывокъ изъ большой поэмы». Подъ такимъ заглавіемъ оно было напечатано въ «Новостяхъ Литературы» 1823, № LI, с. 188—192, съ датой 12 декабря 1823 года и съ посвященіемъ А. А. В[оейков]ой. Въ изданіи «Стихотвореній» 1833 года эта пьеса напечатана подъ именемъ «Усладъ» (с. 219—225) и обозначена 1824 годомъ.

Стр. 117. X и XI томы Исторіи Карамзина и новое изданіе сочиненій Жуковскаго (ср. прим. къ с. 98) вышли дѣйствительно въ 1824 году.

— *Мои элегіи.* Въ «Новостяхъ Литературы» 1824 напечатаны были двѣ элегіи Языкова: № III, с. 46—47 «Скажи, воротишься ли ты, моя плѣнительная радость?..» и № XIII, с. 16 «Не улетай, не улетай, живой мечты очарованье!..».

Стр. 118. *Въ спискѣ весь Бахчисарайскій Фонтанъ Пушкина.* Эта поэма Пушкина вышла въ свѣтъ въ 1824 году; цензурная помѣта Мерзлякова: 10 декабря 1823 года.

— *Новую басню Крылова Кошка и соловей.* Эта басня впервые появилась въ печати въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», Ч. XXV (1824), кн. 1, с. 128. Сдѣланное Языковымъ примѣненіе этой басни къ состоянію современной цензуры вполнѣ совпадало съ общимъ мнѣніемъ и даже, повидимому, намѣреніемъ самого баснописца: *В. Кеневичъ.* Примѣчанія къ баснямъ Крылова. Изд. 2. Спб. 1878, с. 197—198.

— *Переводъ Жуковскаго изъ 4 дѣйствія Орлеанской Дѣвы.* Яз. имѣетъ въ виду отрывокъ изъ Орлеанской Дѣвы въ переводѣ Ж., помѣщенный въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года, с. 101—103: «Прощаніе Іоанны со своею родиною». Съ мнѣніемъ Яз. интересно сопоставить наблюденія позднѣйшаго изслѣдователя. *Вс. Чешихинъ*, въ своемъ спеціальномъ трудѣ «Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ» (Рига 1895), подробно разсматривая переводъ Ж. «Орлеанской Дѣвы» сравнительно съ подлинникомъ, дѣлаетъ такія заключенія: общее впечатлѣніе отъ перевода очень благопріятно (с. 135—136), однако въ прологѣ «кое-гдѣ ослаблены краски» (с. 69); «Ж. мало отзывчивъ на стилистическую красоту мысли, на ея лаконизмъ — на это очень важное достоинство произведеній Шиллера» (с. 73); есть мѣста, гдѣ у Ж. «нѣтъ опредѣленности въ выраженіяхъ» (с. 75); «описаніе осады Орлеана потеряло въ переводѣ Ж. въ нѣкоторой живости» (с. 77); въ Прологѣ «остальныя дѣйствующія лица [кромѣ самой Іоанны] въ сравненіи съ подлинникомъ очерчены болѣе слабыми и бѣглыми штрихами», но «передана съ особеннымъ совершенствомъ роль Іоанны, для характеристики которой переводчикъ не жалѣлъ труда и красокъ» (с. 81); «ослабляя иногда подлинникъ, Ж. въ общемъ придерживается его, и часто вдохновеніе его паритъ наравнѣ со вдохновеніемъ Шиллера» (с. 89). Ср. ниже, письмо № LXVII, с. 124.

— *Ивановъ вечеръ напечатанъ подъ именемъ Дунканова.* Ср. «Новости Литературы» 1824, № VII, с. 106—111; объ этомъ интересномъ эпизодѣ столкновенія Жуковскаго съ цензурой см. у *Сухомлинова*: Изслѣдованія и статьи, I, с. 437—447.

Стр. 119. Мысль Яз. о поэмѣ «Баянъ» (ср. прим. къ с. 116) въ полномъ видѣ не осуществилась.

Стр. 120. Разборъ труда Карамзина, сдѣланный знаменитымъ польскимъ историкомъ Іоахимомъ Лелевелемъ, напечатанъ былъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» ч. IV (1822), с. 402—434, и ч. VIII (1823), с. 52—80. 147—160. 287—297. Ранѣе этого, М. Т. Каченовскій помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1819, №№ 2—6 (за подписью Ф., подъ заглавіемъ: Отъ кіевскаго жителя къ его другу) свой разборъ предисловія къ Исторіи Государства Россійскаго и двухъ переводовъ этого предисловія на французскій языкъ въ трудахъ Ф. Лесне и Жюльена въ Парижѣ и С. Томаса и Жоффре въ Петербургѣ.

— *Переводъ Пустынника Даленкурова* — Пустынникъ. Соч. Виконта д'Арленкура. Пер. съ фр. М. Воронецкій. М. 1823. Неблагопріятная и рѣзкая рецензія на эту книгу была помѣщена въ «Сынѣ Отечества» 1824, № VIII, с. 31—34.

Стр. 122. «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева», написанное княземъ П. А. Вяземскимъ и приложенное къ изданію «Стихотвореній И. И. Дмитріева», изд. 6. Ч. I—II. Спб. 1823.

— *Нашего Ливія.* Ср. сужденія о Карамзинѣ проф. Перевощикова въ письмѣ № XLIV, с. 77.

— *Измайловъ* — Александръ Ефимовичъ, извѣстный журналистъ и баснописецъ (1779—1831); былъ основателемъ, а въ 1822 года предсѣдателемъ «Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ», членомъ «Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ», членомъ «Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности», въ Петербургѣ, издававшаго съ 1818 года «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», въ которомъ помѣстилъ въ 1824—1825 годахъ и Яз. нѣсколько стихотвореній.

Стр. 123. Елизавета Петровна Ивашева, вышедшая замужъ за Петра Михайловича Языкова въ 1824 году. О домѣ Ивашевыхъ въ Симбирскѣ см. въ Запискахъ Д. Н. Свербеева, I, с. 198. Подъ пьесой, посвященной Е. П. Ивашевой, надо разумѣть, вѣроятно, «Отрывокъ изъ повѣсти Ала», напечатанный Яз. позднѣе, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ» Дельвига (Поэзія: с. 5—8), безъ обозначенія года написанія, который однако же возстановленъ поэтомъ въ изд. Стихотвореній 1833 года, с. 66—впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ безъ обозначенія имени той, которой стихотвореніе было посвящено.

Стр. 124. Переводъ Жуковскаго «Орлеанской Дѣвы» — въ изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ 1824 году. Ср. выше, письмо № LXV и прим. къ с. 118.

— *Переписка съ Киселевымъ.* Николай Дмитріевичъ Киселевъ (см. прим. къ с. 25) былъ удостоенъ 22 февраля 1824 года Дерптскимъ университетомъ степени кандидата философскихъ наукъ; кандидатское сочиненіе его было написано на тему «Sur l'influence des Croisades».

Стр. 127. Карлъ Моргенштернъ занималъ въ Дерптскомъ университетѣ каѳедру древне-классической филологіи и археологіи съ его основанія (1802) и до самой своей смерти (3 сентября 1852). Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей Дерптскаго университета, горячо преданный своей наукѣ, весьма образованный и оставившій послѣ себя множество сочиненій (Біографическій Словарь, II. 453—458).

— О лекціяхъ проф. Эверса въ «Обозрѣніи» преподованія на весеннее полугодіе 1824 года сказано, что онъ будетъ читать «Geschichte des Mittelalters, nach eigenem Leitfaden, doch mit Rücksicht auf Fr. Rühs Handbuch (Berlin, 1816)». *По Дрешу* — вѣроятно: *L. Dresch.* Lehrbuch der allgem. Geschichte, insbesondere Europens. I—II. 1818—1824; Uebersicht der allgem. polit. Geschichte, insbesondere Europens. I—III. 1814—1816.

— *Енгельгардъ* — Moritz v. Engelhardt (ср. прим. къ с. 97), профессоръ естественной исторіи вообще и минералогіи въ особенности, занимавшій эту каѳедру въ Дерптѣ въ 1820—1841 годахъ; въ весеннемъ полугодіи 1824 года онъ читалъ Географію три часа въ недѣлю.

Стр. 128. Предисловіе къ изданію «Бахчисарайскаго Фонтана» Пушкина (1824) принадлежало князю П. А. Вяземскому: «Вмѣсто предисловія — Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова».

— *Путешествіе въ Тавриду* — сочиненіе: Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году, Муравьева-Апостола. Спб. 1823. Въ текстѣ письма Яз., при печатаніи, вкралась погрѣшность въ имени автора — надо читать: Мур[авьева]-

Ап[остола]. — Выписка изъ этого сочиненія была приложена кн. Вяземскимъ къ изданію» «Бахчисарайскаго Фонтана» Пушкина для ознакомленія читателей съ мѣстомъ дѣйствія поэмы.

— Баллада И. И. Козлова «Венгерскій Лѣсъ» напечатана была въ «Невскомъ Альманахѣ» *Е. Аладьина* 1827 (с. 89—97, I часть) и 1828 (с. 1—14, II часть); одна изъ копій этой баллады, съ помѣткой «Дерптъ. 28 мая 1824», находилась въ бумагахъ М. Н. Дириной: Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1902 годъ, с. 192.

— *Я еще написалъ.* Ср. прим. къ с. 123.

Стр. 130. *Критика Енгеля* — J. J. Engel's Schriften. I Band. Berlin 1801, S. 137—204: Ueber Emilie Galotti.

Стр. 131. *Къ тому же нѣмцу въ деревню.* Ср. прим. къ с. 37.

Стр. 132. *Я послалъ Воейкову еще одно стихотвореніе.* Имѣется въ виду стих. «Мое уединеніе», напечатанное въ «Новостяхъ Литературы» 1823, № XX, 108—112, составлявшихъ приложеніе къ «Русскому Инвалиду».

Стр. 133. *Вы, я думаю, знаете, что Булгаринъ...* Тутъ имѣются въ виду слѣдующія журнальныя статьи: *Θ. Б[улгаринъ]*. Литература. «Литературные Листки» 1824, № IV, с. 136—145; *И[змайловъ]*. Изъявленіе благодарности гг. издателямъ St.-Petersb. Zeitschrift и Литературныхъ Листковъ, журнала нравовъ и словесности. «Благонамѣренный» 1824, № V, с. 368—375; *Θ. Б[улгаринъ]*. Литература. Отвѣтъ Издателю Благонамѣреннаго на его Изъявленіе благодарности издателю Литературныхъ Листковъ [Съ эпиграфомъ: «Чѣмъ тебя я огорчила?..»]. Литературные Листки 1824, № VI, с. 233—239.

— П. И. Кеппенъ, извѣстный археологъ и библіографъ, послѣ двухгодичнаго путешествія за-границу, вернулся, черезъ Германію и Польшу, въ Россію. Во время своего путешествія, преимущественно по славянскимъ землямъ въ предѣлахъ Австріи, онъ наблюдалъ за успѣхами тамъ въ области славянской археологіи, этнографіи и лингвистики и, по словамъ его біографа *А. А. Куника*, «вступилъ въ сношенія съ извѣстнѣйшими учеными и литераторами» и, благодаря этимъ знакомствамъ, «сдѣлался первымъ посредникомъ между славистами запада и юго-запада и сѣверо-восточными изслѣдователями славянства». Литературные труды П. И. Кеппена. Сб. II Отд. А. Н. II. 1868, № 6, с. 2—3. Ср. *Θ. П. Кеппенъ.* Біографія П. И. Кеппена. Спб. 1911.

Стр. 134. О пріѣздѣ въ Дерптъ въ маѣ 1824 года Жуковскаго и Батюшкова есть извѣстіе въ мѣстной «Dorpt. Zeitung» отъ 14 мая 1824, № 39. «Angekommene Fremde:... Herr Hofrath von Schukowsky, Herr Titulairrath von Batuschoff (sic), kommen von St.-Petersburg, logiren im Hôtel London». Ср. объ этомъ *Л. Майковъ*: О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, при I т. «Сочиненій К. Н. Батюшкова», с. 300—301; *І. І. Змигродскій.* Памяти В. А. Жуковскаго. Юрьевъ 1902, с. 19. 35.

— Упоминаемое тутъ «происшествіе» хотя и было предметомъ разбирательства въ засѣданіи университетскаго суда 17 мая 1824 года [Архивъ Юрьевскаго университета: Acta eines Kaiserlichen Dörptschen Universitätsgerichts, enthaltend Constitutiones Caes. Judicii Academici Dorpatensis. Vol. I, fol. 157), однако далеко не повлекло за собою ожидаемыхъ Яз. «разрушительныхъ дѣйствій» для университета. Такія явленія были въ ту пору весьма обыкновенны въ жизни Дерптскаго университета: см. *Е. Пыпухов.* Импер. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. Т. I, с. 526—527.

Стр. 135. *Бантыша-Каменскаго.* Имѣется въ виду извѣстный дѣятель въ эпоху Александра I и ученый писатель Дмитрій Николаевичъ Б.—К. (1788—1850). Ср. выше, прим. къ с. 31.

Стр. 136. *Слышно, что Пушкинъ...* Имѣя въ виду упоминаніе о Крымѣ, можно бы думать, что до Яз. дошли слухи о той части «Евгенія Онѣгина», гдѣ было описано путешествіе Онѣгина по Россіи, въ наброскахъ, но имѣется дата самого Пушкина, что написаніе этой главы поэмы относится къ 1827—1829 годамъ (Соч. А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. IV. 1903, с. 249); судя по упоминанію о Бессарабіи, скорѣе можно предполагать, что «Евгеній Онѣгинъ» спутанъ тутъ съ «Цыганами»: эта поэма начата была въ декабрѣ 1823 года и окончена 10 октября 1824.

— Байронъ умеръ $^{7}/_{19}$ апрѣля 1824 года.

Стр. 137. *Книгу Биньона: Bignon, L. E.* Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822. Paris 1822, 3 éd. 1823.

— Стих. «Муза» было напечатано въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности». Ч. XXVI. 1824, с. 320, въ слѣдующемъ видѣ:

Муза.

Богиня струнъ пережила
Боговъ и грома и булата:
Она прекрасныхъ рукъ въ желѣзы не дала
Вѣкамъ убійства и разврата.
Они пришли: повсюду смерть и брань;
Все рушитъ дерзостная сила:
Ея безсовѣстная длань
Олтарь изящнаго разбила.
Но съ праха тлѣющихъ громадъ,
Изъ тишины опустошенья,
Возсталъ, величественъ и младъ,
Безсмертный геній вдохновенья.

Н. Языковъ.

— *Честь и слава Мих. Дмитріеву.* Имѣется въ виду извѣстный споръ между М. А. Дмитріевымъ и кн. П. А. Вяземскимъ о романтизмѣ, по поводу первыхъ поэмъ Пушкина. Онъ велся на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Дамскаго Журнала» 1824 года. Дмитріевъ былъ противъ Пушкина, а Вяземскій его защищалъ [См. *Межовъ, В.* Puschkiniana. Спб. 1886, с. 163—164].

Стр. 138. *Дельвиговы Цвѣты* — альманахъ: Сѣверные Цвѣты на 1825 годъ, собранные барономъ Дельвигомъ. Изданы Иваномъ Сленинымъ. Спб. (Цензурная помѣта: Августа 9 дня 1824 года. Цензоръ Александръ Бируковъ).

Стр. 139. *Къ Грефу* — книгопродавецъ. Ср. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, с. 212.

Стр. 141. *Карнѣевъ* — Егоръ Васильевичъ, бывшій попечителемъ Харьковскаго Учебнаго округа и назначенный въ 1824 году директоромъ Горнаго Кадетскаго Корпуса: *А. Лоранскій.* Историческій очеркъ Горнаго Института. Научно-историческій сборникъ, изд. Горнымъ Институтомъ ко дню его столѣтняго юбилея. Спб. 1873, с. 74—99.

— *Талія, Старина* — вышедшія тогда книжныя новости: Русская Талія; Подарокъ любителямъ театра на 1825 годъ. Изд. Ѳ. Булгаринымъ. Спб. 1825. Русская Старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ. Изд. А. Корниловичемъ. Спб. 1824—1825.

Стр. 142. *Первое чувство по прибытіи въ Дерптъ* — вѣроятно стих. «Къ ***. Зачѣмъ божественной Хариты...», напечатанное въ «Полярной Звѣздѣ на 1825 годъ», с. 107; тамъ же, с. 150—152, напечатано и другое стихотвореніе Языкова — «Отрывокъ изъ повѣсти: Разбойники».

— Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи. *А. Х. Лерберга.* Изданы на нѣм. языкѣ Е. Кругомъ, Пер. съ нѣм. Д. Языковъ. Спб. 1819.

— Peter der Grosse als Mensch und Regent. Dargestellt von Dr. *Benjamin Bergmann*, Prediger zu Rujen in Livland. Vol. I. Konigsberg 1823; II, ib. 1824 und Riga 1825; III Riga 1826 и т. д. до VI. Mitau 1830 (см. выше, прим. къ с. 31). Позднѣе это сочиненіе переведено было на русскій языкъ *Е. В. Аладьинымъ*: Исторія Петра Великаго. Соч. Веніамина Бергмана. I—VI. Спб. 1833.

Стр. 143. *Pouqueville, F. C.* Histoire de la regéneration de la Grèce, comprenant le précis des evénements depuis 1740 jusqu'en 1824. Paris 1824, 2 éd. 1825.

Стр. 144. Стих. «Краса полуночной природы...» подъ загл. «Родина», но безъ подписи автора, дѣйствительно было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ на 1825 годъ», с. 31—32.

Стр. 145. Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. 6 частей. Спб. 1806—1822.

— *Новое изданіе сочиненій Державина*: см. выше, прим. къ с. 111.

— *J. G. Arndt.* Der Liefländische Chronik. I und II Theile. Halle 1747—1753.

— *Гравюры къ Мишо*: атласъ литографическихъ портретовъ и рисунковъ къ сочиненію *Jos. Michaud*, Histoire des Croisades. Ср. *J. Ch. Brunet.* Manuel du libraire et de l'amateur des livres. III, с. 1699.

Стр. 146. *Не знаю, скоро ли буду въ духъ отвѣтить Пушкину.* Имѣется въ виду отвѣтъ на посланіе Пушкина къ Языкову отъ 20 сентября 1824: «Издревле сладостный союзъ...» Отвѣтъ Яз. послѣдовалъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ даннаго письма (это было посланіе: «Не вовсе чуя Бога свѣта...»), какъ это совершенно ясно изъ письма Пушкина къ А. Н. Вульфу, весной 1825: «Благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія — прелесть. Въ посланіи, послѣ «тобой хранимаго пѣвца», стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите его мнѣ» (Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, VIII, с. 170). Ошибочная дата этого посланія Яз. въ изд. Суворина I. 267—268 (см. указатель на стр. 373) объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что впервые это стихотвореніе напечатано было въ Современникѣ 1837, № VI.

Стр. 146. *Извѣстной Маріи* — Маріи Николаевнѣ Дириной.

Стр. 148. Приведенное Яз. стих. «Корчма» не было напечатано ни въ «Сѣверной Пчелѣ», ни въ «Новостяхъ Литературы» Воейкова. Оно появилось впервые въ печати въ «Стихотвореніяхъ» Н. М. Языкова, изд. 1858, II, 294—295. Собственноручно вписано Языковымъ въ альбомъ М. Н. Дириной (№ 3: см. выше, с. 421) съ помѣтой «1825, февраля 1. Дерптъ» и съ эпиграфомъ: «Мечты, повсюду вы меня сопровождали! *Батюшковъ*».

— *Стиховъ, отправленныхъ въ Полярную Звѣзду*: см. выше, с. 143—144.

— *Г. Меркель*, Merkel, Garlieb Helwig, извѣстный балтійскій писатель-публицистъ (1769—1850). Неблагопріятныя сужденія его о книгѣ Бергмана (ср. выше, прим. къ с. 142) были высказаны имъ въ его періодическомъ изданіи Der Zuschauer 1825, 21 Januar, № 2615.

Стр. 149. *Моя повѣсть начата.* Эта, не разъ упоминаемая, повѣсть Яз. есть его «Меченосецъ Аранъ» (ср. ниже, с. 152. 155. 176. 181—182. 185. 187. 200), оставшійся неоконченнымъ; небольшой отрывокъ напечатанъ былъ въ «Новостяхъ Литературы», кн. XII. 1825, с. 141, съ посвященіемъ А. А. Воейковой, подъ загл. «Отрывокъ изъ стихотворной повѣсти: Меченосецъ», и полнѣе, подъ именемъ «Меченосецъ Аранъ», въ «Альбомѣ сѣверныхъ музъ» на 1828 годъ, с. 269—277.

Стр. 150. Повѣсть Тика «Die Reisenden. Novelle» была написана въ 1822 году и напечатана въ «Taschenbuch zum geselligen Vergnügen für 1823 J.», S. 143—273, и отдѣльно: Dresden 1824.

— Бурсакъ, малороссійская повѣсть. Соч. Василья Нарѣжнаго. 4 части. М. 1824.

— *M. J. Chenier.* Théatre. 3 vol. Paris 1818.

Стр. 151. *Нейманъ* — Joh. Georg Neumann, бывшій профессоромъ «теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія» въ Дерптѣ, въ 1821—1825 годахъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, «Планъ для составленія подробной исторіи русскаго права» (1824), оставшійся въ рукописи (Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета. I, с. 586). Нейманъ былъ очень способный и знающій свое дѣло преподаватель; преемникомъ его сдѣлался Александръ Ф. Рейцъ, будущій мужъ М. Н. Дириной, о которой такъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ Языковъ.

— *Здѣшній университетъ получилъ предписаніе.* О мѣрахъ къ усиленію знанія русскаго языка студентами Дерптскаго университета въ эти годы см. мое сочиненіе: Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ, б. Дерптскомъ, университетѣ. Юрьевъ 1900, с. 6—11.

Стр. 152. *Какія вздорныя повѣсти.* Имѣется въ виду открытый съ 1825 года въ «Сынѣ Отечества» особый отдѣлъ «Изящная словесность», начатый переводной повѣстью Клаурена «Разбойничій Замокъ» (№ I, с. 3—43); № II, с. 151—158); однако имени переводчика не обозначено. Ср. о томъ же ниже, въ письмѣ отъ 24 февр. 1825: с. 156. Heinrich Clauren (псевдонимъ Carl'a Heun'a)—нѣмецкій романистъ и драматургъ, 1771—1854.

Стр. 155. *Дюкъ* — такъ Яз. называетъ иногда въ письмахъ къ П. М. Языкову своего другого брата, Александра: см. прим. къ с. 3.

Стр. 156. Невскій Альманахъ на 1825. Изд. Е. Аладьинымъ. Спб. 1825.

— Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Соч. Александра Пушкина. Глава I. Спб. 1825.

— О «легкомъ соблазнительномъ бездѣйствіи» на службѣ у П. А. Кикина говоритъ Д. Н. Свербеевъ, служившій тамъ вмѣстѣ съ А. М. Языковымъ: Записки, I, с. 225.

— *Грибоѣдовъ переводитъ Фауста*: «Прологъ» изъ Гетева «Фауста», въ переводѣ или, точнѣе, въ передѣлкѣ А. С. Грибоѣдова, былъ напечатанъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ, с. 306, подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ Гете». Ср. ниже, письмо № XCIV, с. 165.

Стр. 157. *Carl v. Rotteck.* Allgemeine Geschichte von Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten. 6 Bände. Freiburg 1813—1818. 2 Aufl. 1822. 3 Aufl. 9 Bände, 1824—1827.

— *Гаусманъ* — вѣроятно Georg Sigism. Hausmann (род. 1798), студентъ Дерптскаго университета сначала на медицинскомъ (1819—1822), потомъ на философскомъ (1826—1827) факультетѣ: Album Acad. № 1344.

Стр. 161. *Beck, Chr. D.* Entwurf der allgem. Welt-und Völkergeschichte der 3 letzen Perioden. Leipzig 1789.

— *Becker, K. Fr.* Die Weltgeschichte. B. I—IX. Berlin 1801—1805; 5 Aufl. 12 Bände, 1824—1825.

Стр. 162. *Первая часть моей повѣсти*: см. прим. къ с. 149.

Стр. 163. Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. М. 1825.—Войнаровскій. Соч. К. Рылѣева. М. 1825.

Стр. 164. Римскія древности, или изображеніе нравовъ, обычаевъ и постановленій римскихъ, служащее для легчайшаго уразумѣнія латинскихъ писателей. Соч. *Александра Адама.* Пер. съ нѣм. *А. Зиновьевъ* и *Н. Стриневскій.* 2 части. М. 1824.

Meyer, Joh. L. Lehrbuch d. römischen Alterthümer für höhere Lehranstalten, Gymnasien und zum Selbstgebrauche. Erlangen 1796. 5 Aufl. 1822.

Стр. 165. *Читаетъ Тера.* Имѣется въ виду Альбрехтъ-Даніель Тэеръ (1752—1828), знаменитый агрономъ, основатель науки сельскаго хозяйства.

— *Степановъ,* Александръ, былъ студентомъ-филологомъ въ Дерптскомъ университетѣ въ 1823—1827 годахъ: Alb. Acad. № 1776.

Стр. 166. Стих. «Какимъ восторгомъ ты пылаешь...» было напечатано не въ «Соревнователѣ», а въ «Невскомъ Альманахѣ» *Е. Аладьина* на 1826 годъ (Спб. 1825), с. 327—328.

— *Подпйствовала на тебя, какъ голова Медузы* — т. е. устрашила, окаменила, привела къ молчанію.

— *Въ сужденіи о моей повѣсти:* см. прим. къ с. 149.

Стр. 167. *Стихи объ анекдотѣ* — см. выше, с. 165—166.

Стр. 168. Моргенштернъ читалъ въ осеннемъ полугодіи 1824 года «римскія древности» по руководству І. Мейера: см. выше, прим. къ с. 164.

— *Посвящу г-ну Григорьеву.* Трудно сказать, кто былъ этотъ Г., которому Яз. хотѣлъ посвятить свое — впрочемъ, оставшееся ненаписаннымъ — стих. «Нашествіе Мамая»; м. б., это былъ малоизвѣстный стихотворецъ В. Григорьевъ, помѣщавшій свои стихи въ «Соревнователѣ», напр., ч. XXIX (1825), с. 157—159.

Стр. 170. Однако первое приведенное стих. «Она меня очаровала...» было напечатано въ «Новостяхъ Литературы», подъ загл. «Къ N. N.», кн. XII. 1825, с. 132—133.

Стр. 175. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ дѣйствительно вскорѣ посѣтилъ Дерптъ и пробылъ въ немъ три дня: см. въ моемъ сочиненіи «Импер. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ», І, с. 600. Ср. ниже, с. 184. 188—189.

Стр. 176. *Прислать тебѣ свой портретъ.* Весьма вѣроятно, что это тотъ самый портретъ съ котораго въ 1869 году была слѣлана копія художникомъ *Л. Пичеромъ* (L. Pietscher); копія эта была повѣшена и доселѣ находится въ Дворянскомъ домѣ въ Симбирскѣ, согласно предварительному постановленію о

томъ Симбирскаго дворянства отъ 13 декабря 1867 года. Ср. *В. Н. Поливановъ.* Къ портрету Н. М. Языкова. Русская Старина 1895, № 8.

— *Портретъ Гете* — работы извѣстнаго англійскаго художника George Dawe, писанный имъ въ 1819 году. См. объ этомъ портретѣ въ книгѣ: Die Goethe-Bildnisse. Biographisch-kunstgeschichtlich dargestellt von Dr. *Hermann Rollet.* Wien 1883, S. 155—157.

— Чернецъ. Кіевская повѣсть. Соч. *Ивана Козлова.* Спб. 1825. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825, №№ 47—50, была напечатана сочувственная рецензія этого произведенія, подписанная: Θ. Б[улгаринъ].

— *Стихи о перчаткѣ:* см. прим. къ с. 166.

— *Элегію, вѣрно, напечатаетъ Воейковъ.* Имѣется въ виду элегія «Счастливъ, кто съ юношескихъ дней...», напечатанная, за подписью автора, въ «Новостяхъ Литературы» кн. XIV. 1825, октябрь, с. 75, съ такимъ примѣчаніемъ: «Сіе стихотвореніе было прислано для напечатанія въ Н. Л. гораздо *прежде*, нежели въ Соревнователя; но по обстоятельствамъ является въ свѣтъ *позднѣе*». Въ «Соревнователѣ» оно напечатано въ ч. XXXI. 1825, с. 98—99, вмѣстѣ съ двумя другими элегіями Языкова («Я зналъ живое заблужденье...» и «Моя камена ей пѣвала...»), тоже относящимися къ А. А. Воейковой, но безъ подписи автора: см. ниже, прим. къ с. 178.

Стр. 177. *Вопросъ, заданный университетомъ о Сократѣ.* Изъ рукописнаго Отчета Дерптскаго университета за 1824 годъ видно, что дѣйствительно по философскому факультету была задана на соисканіе медали слѣдующая тема: Welcher Unterschied ist zwischen dem Xenophontischen und dem Platonischen Socrates? Können Xenophon und Platon in Uebereinstimmung gebracht werden, und wie weit? Wer war der wahre Socrates, dessen Schüler sich so verschiedene Vorstellungen von ihm machten. Diess werde untersucht, auch mit Berücksichtigung der Wolken des Aristophanes». Вслѣдствіе непредставленія на эту тему ни одного сочиненія въ 1824 году, она была удержана на слѣдующій годъ; однако и тогда никто не былъ награжденъ за сочиненіе на эту тему [Архивъ Юрьевскаго Университета]. Да и вообще въ два названные года никто изъ студентовъ философскаго факультета не былъ удостоенъ награжденія медалью: *A. Hasselblatt.* Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten. Juriew (Dorpat) 1893, S. 44. 47.

— *У Маріи Федоровны.* Безъ сомнѣнія, товарищъ Яз., о которомъ тутъ идетъ рѣчь, былъ однимъ изъ питомцевъ Петербургскаго или Московскаго Воспитательнаго Дома, которые содержались и обучались въ Дерптскомъ университетѣ на счетъ и подъ бдительномъ руководствомъ императрицы-матери Маріи Ѳедоровны: ср. ниже, прим. къ с. 337.

Стр. 178—179. Два изъ этихъ стихотвореній (№№ 2 и 3) были напечатаны въ «Соревнователѣ», ч. XXXI. 1825, с. 99—100. Кромѣ того, всѣ три первыя (№№ 1. 2. 3) появились въ «Новостяхъ Литературы» А. Ѳ. Воейкова, кн. XV. 1826, с. 93. 94. 150, и два первыя (№№ 1. 2) въ «Невскомъ Альманахѣ» Е. Аладьина на 1826 годъ, с. 60. 110, а стих. «Прощайте, миленькія бредни...» въ томъ же альманахѣ Е. Аладьина на 1828 годъ, с. 329.

Стр. 179. *За Уварова.* Имѣется въ виду брошюра *С. С. Уварова*: Mémoire sur les tragiques grecs. Par *M. Ouvaroff*, Président de l'Académie Impériale des Sciences, Associé-étranger de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-lettres etc. St.-Pétersbourg 1825. О Пиндарѣ тутъ говорится на с. 7—9.

Стр. 180. Объ обоихъ помѣщенныхъ тутъ стихотвореніяхъ см. прим. къ с. 178—179.

Стр. 182. *На Арана*: см. прим. къ с. 149.

Стр. 184. *О какой-то Звѣздочкѣ* — альманахъ на 1826 годъ, не законченный печатаніемъ и въ свѣтъ не выпущенный. Экземпляръ этой рѣдчайшей книги имѣется въ Импер. Публичной Библіотекѣ, пожертвованный туда въ 1866 году П. А. Ефремовымъ, но безъ обложки и безъ обозначенія мѣста изданія. Тамъ, среди стихотвореній Пушкина, И. Козлова, В. Туманскаго и др., напечатано и стих. Н. М. Языкова «Зависть генія», с. 46. Этотъ альманахъ приготовленъ былъ въ замѣнъ «Полярной Звѣзды» (см. ниже, с. 186). Ср. замѣтку *М. Семевскаго*: Альманахъ Звѣздочка 1826 года. «Русскій Архивъ» 1869, с. 053—060.

— *Имѣешь ли ты Роттека?* См. прим. къ с. 157.

— *Masson, C. F.* Geheime Nachrichten über Russland und d. Regierung Katarina II und Paul I. 3 Theile. Strassburg 1800—1801.

— *Ewers, G.* Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuches. I Th. Dorpat 1816; Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Mit Moritz v. Engelhardt. I B., 1 und 2 Hälfte. S. Petersburg 1816—1818.

Стр. 185. *Изумляется прибавкѣ одного слога.* Вѣроятно, имѣется въ виду стихотвореніе «Довѣрчивой, простосердечной», приведенное въ письмѣ № CIV, отъ 3 мая 1825, с. 182—185, и именно слова: возвышается — является, волненіе — презрѣніе.

Стр. 186. Приведенное стихотвореніе въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ не было напечатано, а въ слѣдующемъ году этотъ альманахъ не выходилъ.

Стр. 187. Стих. Языкова «Военная новгородская пѣсня 1170 года» была напечатана въ газетѣ Булгарина «Сѣверная Пчела» 1825, № 60, отъ 19 мая. Не смотря на указаніе на «ошибку» касательно стопосложенія, Яз. напечаталъ это стихотвореніе совершенно въ томъ же видѣ, какъ и у Булгарина, въ изданіи своихъ «Стихотвореній» 1833, с. 200—201.

— *Что мнѣ дѣлать съ Аладьинымъ.* Однако Яз. далъ въ альманахъ Аладьина свое стихотвореніе: см. прим. къ с. 178.

— *Мерзлякова я все еще не получилъ* (ср. ниже, с. 188). Разумѣется книга: Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. *Алексѣя Мерзлякова.* 2 части. М. 1825—1826.

— *Вторую главу Онѣгина въ рукописи.* Вскорѣ она вышла и въ печати: Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ Александра Пушкина. Глава 2. М. 1826. Отзывъ Языкова о 1-ой главѣ этого романа см. въ письмѣ отъ 24 февр. 1825, № LXXXVIII, с. 156.

— *Любовь къ Москвѣ подстрекнула М. Дмитріева.* Дѣло идетъ о статьѣ Мих. Дмитріева «Замѣчанія на сужденія Телеграфа», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» 1825, № 6, с. 109—123. Статья эта написана противъ сужденій Н. Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 о Грибоѣдовѣ (отрывокъ изъ «Горе отъ ума» былъ только что напечатанъ въ «Русской Талiи» 1825) и другихъ писателяхъ. Въ этой статьѣ Дмитріевъ высказывается отрицательно о комедіи Грибоѣдова, прозу кн. Вяземскаго называетъ «неправильной, изломанной» и хвалитъ А. И. Писарева («изъ всѣхъ молодыхъ Московскихъ стихотворцевъ г. Писаревъ есть безъ сомнѣнія первый»).

Стр. 188—189. О впечатлѣніи, вынесенномъ А. С. Шишковымъ изъ этого

посѣщенія имъ Дерптскаго университета, см. письмо А. Ѳ. Воейковой къ В. М. Перевощикову отъ 23 іюня 1825: Русскій Архивъ 1890, № 9, с. 90.

— *Какъ идетъ твое дѣло съ Карнѣевымъ?* Имѣется въ виду приглашеніе Е. В. Карнѣевымъ (см. выше, прим. къ с. 141) П. М. Языкова къ участію въ «Горномъ Журналѣ», начавшемъ издаваться съ 1825 года: см. объ этомъ *А. Лоранскій*, назв. соч., с. 76—78.

Стр. 190. *Шепелевъ* — Петръ Н., родомъ изъ Калуги, изучавшій въ Дерптскомъ университетѣ военныя науки въ 1824—1827 годахъ (Alb. Acad. № 1881), одинъ изъ друзей Яз. въ Дерптѣ.

Стр. 191. *Къ извѣстной Маріи*: см. прим. къ с. 146.

— *О Гофманѣ теперь ничего сказать не могу.* Вотъ сохранившееся въ Языковскомъ Архивѣ [въ Академіи Наукъ] письмо А. Л. Гофмана (см. прим. къ с. 14) къ А. М. Языкову, отъ 15 іюля 1825, изъ Дерпта, дающее интересныя подробности о пребываніи его въ Дерптѣ лѣтомъ 1825 года (ср. письма Языкова №№ CXV и CXVII) и печатаемое мною здѣсь съ незначительными пропусками мѣстъ, лишенныхъ историческаго интереса:

«Дней 9 уже въ Дерптѣ, и еще ни минуты не скучалъ. Это много значитъ, ибо я отучился быть совсѣмъ безъ занятій, а тутъ, пріѣхавши на короткое время, что начать? Съ пріѣзда нашего мы одинъ разъ только обѣдали дома, т. е. въ Петербургскомъ трактирѣ, гдѣ остановились по совѣту братца вашего. Всякой день отозваны къ одному изъ профессоровъ, на вечеръ опять къ другому — весь день занятъ визитами, новымъ знакомствомъ, гуляньемъ, осмотромъ чего-либо достопримѣчательнаго. По утру и ввечеру читаю Исторію города Дерпта, программу лекцій (Lectionscatalogue), Статуты и Регламентъ Университета, разныя другія предписанія студентамъ и другія любопытныя книги и brochures, сообщенныя намъ здѣсь.

Братца вашего благодарю я усерднѣйше за письмо къ А. С. Дириной. Это весьма любезная и умная женщина. Mademoiselle en question est fort jolie. Всѣ онѣ въ такомъ восхищеніи отъ Н. М., что безпрестанно снова спрашиваютъ, скоро ли онъ возвратится въ Дерптъ, хотя я нѣсколько разъ уже имъ говорилъ, что предполагалъ онъ отправиться 20 числа.

Степанову я отдалъ Крейцера Symbolik въ день же пріѣзда нашего. Онъ тотчасъ былъ у насъ. Къ сожалѣнію нашему, многихъ изъ профессоровъ здѣсь нѣтъ; изъ тѣхъ же, кои не уѣхали, мы успѣли уже познакомиться съ Sartorius, Neumann, обѣими братьями Struve, Styx, Mojer, Ledebour, Aderkass, Bartels, Franke, Osann, Boelendorf и Перевощиковымъ. У послѣдняго мы обѣдали вчера. Онъ много говорилъ объ Н. М. и хвалилъ его...

Городъ [Дерптъ] прехорошенькой, особенно мнѣ понравился Dom. Совѣтую вамъ проводить братца сюда: очень любопытно!..».

Стр. 192. *Benjamin Constant.* Adolphe. Paris 1816. 1824.

— *Комовскому*: Василій Дмитріевичъ Комовскій, служившій въ это время въ Цензурномъ Комитетѣ, близкій знакомый А. М. Языкова. Письма Комовскаго къ А. М. Языкову за 1826—1850 годы, а также переписка его съ Н. М. Языковымъ (1831—1846) [въ Языковскомъ Архивѣ, въ Академіи Наукъ] свидѣтельствуютъ о живыхъ литературныхъ интересахъ Комовскаго. Ему принадлежитъ русскій переводъ «Исторіи древней и новой литературы» *Фр. Шлегеля*, 2 части: Спб. 1829.

— Андрей Логиновичъ — Гофманъ: см. письмо № CXIV и прим. къ с. 14.

— Ueber die Wohnsitze der ältesten Russen. Sendschreiben an den Staatsrat. *G. Ewers*. Dorpat 1824. Русскій переводъ этого сочиненія сдѣланъ *М. П. Погодинымъ*: О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ. Сочиненіе г. N. и критическій разборъ онаго. М. 1826.

Стр. 193. *Я читалъ Погодина* — вѣроятно, тогдашнія научныя новости: О происхожденіи Руси. Историко-критическое разсужденіе. М. 1825; Начертаніе русской исторіи. М. 1825.

— *Читаю Денона* — французскій писатель D. V. Denon (1747—1825); особенной извѣстностью пользовался его трудъ Voyage dans la Basse et la Haute Egypte pendant les campagnes du général Bonaparte. 2 vol. [1802].

— *[Читаю], Моне Сѣверную Миѳологію.* Имѣется въ виду: *Creuzer, Fr.* Symbolik und Mythologie der alten Völker, fortgesetzt von Dr. *Fr. I. Mone*. Theil V. Geschichte des nordischen Heidenthums (или подъ другимъ названіемъ: Geschichte des Heidenthums im nordischen Europa. Theil I. Die Religion des finnischen, slavischen und scandinavischen Völker. Leipzig 1822).

— *Горный Журналъ*: см. прим. къ с. 189.

Стр. 195. *Клоссіусъ*, Вальтеръ-Фридрихъ — профессоръ Дерптскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права, уголовнаго судопроизводства, исторіи правъ и юридической словесности, въ 1824—1837 годахъ, извѣстный своимъ интересомъ къ вопросу о старинныхъ русскихъ библіотекахъ; онъ началъ читать лекціи еще въ осеннемъ полугодіи 1824 года, а въ осеннемъ полугодіи 1825 годъ читалъ, между прочимъ, курсъ народнаго права (Europäisches Völkerrecht) по сочиненію Мартенса Manuel du droit de gens.

Стр. 196. Опыты духовныхъ стихотвореній. Соч. князя Платона *Ширинскаго-Шихматова*. Спб. 1825.

— Объясненіе «анекдота» о Пушкинѣ см. въ статьѣ моей «Пушкинъ въ въ селѣ Михайловскомъ»: Соч. Пушкина, подъ ред. *А. С. Венгерова*, II, с. 370.

— *Сумароковъ*: см. прим. къ с. 97.

Стр. 197. Петръ Великій. Лирическое пѣснопѣніе въ осьми пѣсняхъ. Соч. Князь *Сергій Шихматовъ*. Спб. 1810. Разборъ этого сочиненія былъ помѣщенъ *В. К. Кюхельбекеромъ* въ «Сынѣ Отечества», ч. 102 (1825).

— Приводимое тутъ стихотвореніе напечатано было, подъ заглавіемъ «Двѣ картины», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 годъ: Поэзія, с. 125—126.

Стр. 198. *Когда выдетъ Звѣздочка?* См. прим. къ с. 184.

—*Станевичъ*, Евстафій Ивановичъ — не безызвѣстный писатель первой четверти XIX вѣка, сторонникъ взглядовъ Шишкова на «старый» и «новый» стили; лишенный поэтическаго таланта, онъ много заставилъ говорить о себѣ изданной имъ въ 1818 году книгой «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души», въ которой рѣзко выступилъ противъ господствовавшаго тогда въ высшихъ сферахъ мистическаго настроенія. Интересъ А. М. Языкова къ Станевичу объясняется также и тѣмъ, что С. съ 1816 года служилъ подъ начальствомъ П. А. Кикина въ Канцеляріи по принятію прошеній на высочайшее имя.

Стр. 199. *Пріятель Пушкина* — А. Н. Вульфъ, студентъ Дерптскаго университета, изучавшій въ 1822—1825 гг. военныя науки на физико-математическомъ факультетѣ (Alb. Acad. № 1720).

— «Цыганы», поэма Пушкина, были написаны въ 1824 и напечатаны отдѣльно М. 1827.

— *Петръ Семеновичъ*: см. прим. къ с. 44. 98.

— Болѣе точное названіе упоминаемой Яз. книги: *Pölitz, K. H.* Das Gesammtgebiet der deutschen Sprache nach Prosa, Dichtkunst und Beredsamkeit, theoretisch und praktisch dargestellt. 4 Bände. Leipzig 1825.

Стр. 200. Изслѣдованіе о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію. Соч. *Александра Рихтера.* Спб. 1825.

— Въ «Невскомъ Альманахѣ» Е. Аладьина на 1826 годъ дѣйствительно были напечатаны элегіи Языкова: «Я зналъ живое заблужденье...» (с. 60), «Свободенъ я, уже не трачу...» (с. 110), «Поэту радости и хмѣля...» (с. 280—281) и стих. «Къ Т-ву. Какимъ восторгомъ ты пылаешь...» (с. 327—328): Ср. прим. къ с. 176. 215.

— Не любо не слушай, а лгать не мѣшай. Пер. съ нѣм. Н. Осиповъ (5 изд. Спб. 1818).

Стр. 203. Г-жа Севинье (Marie Marquise de Sévigné), 1626—1696, получила во французской литературѣ большую извѣстность своими письмами (Lettres) къ дочери, графинѣ Гриньянъ: 12 vol. Paris 1822—1823 и др. изданія.

— *Исторія Греціи.* Б. м., имѣется въ виду: Исторія Греціи, съ частію и древней исторіи, служащей поясненіемъ въ политическихъ отношеніяхъ страны сей въ разныя времена. На Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. 1824.

Стр. 204. *Висковатовъ*, Степанъ Ивановичъ, 1786—1831, писалъ въ классическомъ духѣ. Изъ переводовъ и передѣлокъ для театра ему принадлежатъ: Родамистъ и Зенобія, Кребильона. Спб. 1810; Гамлетъ, трагедія въ стихахъ, обработанная для россійскаго театра. Спб. 1811. 1829; Ипермнестра, подражаніе Лемьеру. Спб. 1812. Самостоятельная піеса: Ксенія и Темиръ. Спб. 1810. Изъ области лирики—сборникъ: И моя лира. Спб. 1806.

— *Грамматинъ, Н. Ѳ.* Пѣснь воинству Игореву, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходѣ XII вѣка. Спб. 1821; Слово о Полку Игоревѣ. Историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка. М. 1823.

— *Alfieri, Vitt.* Von der Tyrannei. Aus d. Italien. von Heinrich Schweizer. 2 Bände. Zwickau 1822.

Fulda, F. K. Grundsätze d. ökonom.-polit. oder Cameralwissenschaften. Tübingen 1816. 2 Aufl. 1820.

Стр. 205. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825 года не было помѣщено ни одного стихотворенія за подписью Тютчева (ср. выше, прим. къ с. 44).

— *Кюхельбекеръ его не читалъ...* См. прим. къ стр. 197.

— *Грисъ*: см. ниже, прим. къ с. 207.

Стр. 206. Urania auf d. Jahr 1826. S. 1—137.: Dichterleben. Novelle (1824—1825).

— *Благодарю впередъ за Фульду*: см. прим. къ с. 204.

— *Рамбахъ.* Fr. Eb. Rambach, профессоръ Дерптскаго университета по каѳедрѣ камеральной науки, финансовъ и торговли въ 1803—1826 годахъ.

Стр. 207. *Grillparzer, Fr.* Sappho. Trauerspiel. Wien 1819.

Tiek, L. Märchen und Zaubergeschichten. Breslau 1824.

Calderon de la Barca. Schauspiele. Uebersetzt von J. D. *Gries.* 6 Bände. Berlin 1815—1824.

Shakspeare, W. Schauspiele, frei bearb. von Meyer. B. 1—29. Gotha 1824—1831.

— *Боргъ перевелъ на нѣмецкій.* Сдѣланный Боргомъ (см. прим. къ с. 12) переводъ на нѣмецкій языкъ Байронова «Манфреда» напечатанъ былъ въ Neues Museum der deutschen Provinzen Russlands. Herausg. von *Carl Eduard Raupach.* Band I (Dorpat 1824), S. 67—140: Manfred aus dem Englischen des Lord Byron, von Karl Friedrich v. d. Borg (а также отдѣльно: D. 1824).

— Разборъ сборника переводовъ Борга (см. прим. къ с. 21. 23), написанный В. К. Кюхельбекеромъ, напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», ч. 103 (1825).

— Шекспировы духи. Въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. В. Кюхельбекера, въ стихахъ. Спб. 1825.

Стр. 208. *Теръ*: см. прим. къ с. 165.

Стр. 209. *Сарразеня я не читалъ.* Jean-François Sarrasin (или Sarasin), французскій поэтъ, 1605—1654; его: Poésies de Sarasin, édition dediée à la ville de Caen, par M. M. Trébutien et Richomme. Caen et Paris, 1824.

— *Татариновъ. Н. И.* — симбирскій помѣщикъ, отецъ студента Дерптскаго университета, товарища Языкова: ср. прим. къ с. 261.

Стр. 210. *Благодарю за ... Арсеньева*: м. б.— Исторія народовъ и республикъ древней Греціи, изложенная Константиномъ Арсеньевымъ. 2 части. Спб. 1825—1826.

— Alladin, oder die Wunderlampe. Ein dramatisches Gedicht in zwei Spielen, von *Adam Oehlenschläger,* Amsterdam 1808. Aufl. 2, Leipzig 1820.

«Pietro von Albano oder Petrus Apone. Zaubergeschichte» была напечатана въ сборникѣ Тика: Märchen und Zaubergeschichten. Breslau 1825.

— Повѣсть «Ала» не была закончена; отрывокъ напечатанъ въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1826 годъ, с. 5—8. Въ изданіи «Стихотвореній» Н. М. Языкова 1833 года подъ этимъ отрывкомъ поставлено: 1824. Д[ерптъ].

— *Treschow, N.* Kurzer Entwurf zu eine Lehre von der Kenntniss der Menschen, oder Antropologie zum Gebrauch bei Vorlesungen. Aus d. Dän. von S. Jacobi. Kopenhagen 1803.

Anacreontis Carmina, ex recens. Brunk. Cum selecta var. lect. et indice a *J. F. Degen.* Erlangen 1781. Ed. 3. 1808; *Anacreon.* Griechisch und Deutsch, nebst andern lyr. Gedichten. Mit Anmerkungen von *J. F. Degen.* Altenburg 1787.

Hess P. K. und Vömel I. T. Uebungsbuch zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Griechische. 3 Bändchen 1819. Neue Ausg. 1822.

Das Auge der Liebe. Ein Lustspiel von *Karl Immermann.* Hamm. 1824.

Стр. 213. *Переводъ Кавказскаго Плѣнника* — на нѣмецкій языкъ: см. прим. къ с. 94.

— Полный нѣмецко-россійскій лексиконъ, изъ большого грамматикально-критическаго словаря *Аделунга* составленный, съ присовокупленіемъ всѣхъ для совершеннаго познанія нѣмецкаго языка нужныхъ словоизреченій и объясненій. Издано Обществомъ ученыхъ людей. 2 части. Спб. 1798.

A. S. Oehlenschläger. Correggio. Ein Trauerspiel. Stuttgart und Tübingen 1816. 2 Ausg. 1817.

Стр. 213—214. *L. Tieck.* Kaiser Octavianus. Ein Lustspiel in zwei Theilen. Jena 1804; Phantasus. Eine Sammlung von Märchen, Erzählungen, Schauspielen und Novellen. Berlin 1812—1815.

Стр. 214. *Еще* — Gottlob Benjamin Jäsche, профессоръ философіи Дерптскаго университета въ 1802—1839 годахъ.

— *Степановъ*: см. прим. къ с. 165.

— *Wichmann, J. E.* Ideen zur Diagnostik. 4 Bände. Hannover 1794—1821. 4-ter fortgesetzt von J. D. *Sachse*: Beiträge zur genauern Kenntniss d. Kehlkopfs- und Luftröhrenschwindsuchten. 1821.

Стр. 215. *Нодье* — Charles Nodier, извѣстный французскій писатель и романистъ (1780—1844).

— *Что препятствуетъ Звѣздочкѣ?* См. прим. къ с. 184.

— *Басни Крылова.* Имѣется въ виду, вѣроятно, 4 изд. Спб. 1825.

Стр. 216. *Шаплетъ*, Самуилъ Самуиловичъ — извѣстный переводчикъ съ иностранныхъ языковъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка (ум. 1834).

— *Не знаю, какіе стихи мои...* См. прим. къ с. 176. Стихотвореніе «Зависть генія» (нач. «Когда гремя и пламенѣя...»), посланное въ «Звѣздочку» и напечатанное тамъ (см. прим. къ с. 184), было напечатано еще и въ «Новостяхъ Литературы» 1826, кн. XV, с. 39, подъ заглавіемъ «Геній».

Стр. 217. *Heinsius, O. Fr.* Deutscher Hausschatz für Jedermann, oder Allverständliches deutsches Sprachbuch für den Nährstand und das Geschäftsleben. Berlin 1814. 2 Aufl. 1824.

Eberhard, J. A. Synonymisches Handwörterbuch der deutschen Sprache. Halle 1802. 4 Aufl. 1821.

О *Полиціи* см. прим. къ с. 199.

— *Романъ г-жи Портеръ.* Имѣется въ виду романъ англійской писательницы Jane Porter (1776—1850) подъ загл. «The Scottish Chefs» (L. 1810), произведшій большое впечатлѣніе на европейскую публику и переведенный на разные языки; французскій переводъ его (1816) былъ во Франціи запрещенъ; русскій переводъ: Начальники или Шотландскіе шефы. Историческая повѣсть, соч. Миссъ Жаны Портеръ. Пер. съ фр. 5 частей. М. 1826.

— Приводимъ перечень содержанія альманаха «Urania» на 1826 годъ (ср. прим. къ с. 206):

I. Dichterleben. Novelle von Ludwig Tiek.
II. Der Paria. Trauerspiel in einem Aufzuge von Michael Beer.
III. Frühlingskranz aus dem Plauenschen Grunde 1824. Von Wilhelm Müller.
IV. Anton Salario der Klempner. Eine Malergeschichte von Johanna Schopenhauer.
V. Der Möringer. Schwäbische Sage in vier Romanzen von Gustav Schwab.
VI. Der glückliche Tag. Erzählung von L. Kruse.
VII. Fünf Sonette an Ludwig Sigismund Ruhl. Von Friedrich Graf Kalckreuth.
VIII. Männertreue, oder So sind nicht alle. Von Wilhelm Blumenhagen.

Стр. 219. *Амплій переводитъ Кольне:* Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. *Кольне.* Пер. съ фр. *А. Очкинъ.* 2 части. Спб. 1826. Ср. с. 215, начало письма № CXXXJ.

Стр. 220. *Воейковъ лжетъ*: см. прим. къ с. 176.

— *Посылаю тебѣ Трешова:* см. прим. къ с. 210.

— *Аладьинъ выступилъ въ свѣтъ.* Имѣется въ виду повѣсть Е. Аладьина, напечатанная въ октябрьской книжкѣ «Новостей Литературы» 1825, с. 9—41, подъ заглавіемъ: «Кумъ Иванъ. Русская быль».

— «Андромаха» П. А. Катенина вышла въ свѣтъ въ Спб. 1827; отрывокъ ея, изъ 3 дѣйствія, напечатанъ былъ въ «Русской Таліи» 1825, с. 182—201.

— *Хоры изъ Кюхельбекеровыхъ Аргивянъ:* «Хоры изъ Аргивянъ» В. Кюхельбекера помѣщены были въ «Соревнователѣ» 1825, ч. XXX, с. 301—302, и ч. XXXI, с. 102—105.

— *А каковы его духи?* См. прим. къ с. 207.

Стр. 221. *Абодовскій пишетъ трагедіи:* Платонъ Григорьевичъ Ободовскій (1803—1864), сотрудникъ «Благонамѣреннаго», плодовитый драматическій писатель.

Стр. 223. *Радуюсь благодѣтельному труду Языкова.* Имѣется въ виду: Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Плано Карпини. II. Асцелина. Пер. съ лат. *Языковъ Дмитрій.* На россійскомъ и латинскомъ языкахъ. Спб. 1825.

Стр. 224. *Разительная новость* — кончина Императора Александра I (19 ноября 1825), пользовавшагося въ Дерптѣ исключительнымъ почтеніемъ и любовью въ качествѣ основателя университета и личнаго друга знаменитаго ректора университета проф. Г. Ф. Паррота.

Стр. 226. *Отдай ему отрывокъ.* Дѣйствительно, отрывокъ изъ повѣсти «Ала» былъ помѣщенъ, безъ имени автора, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» (1826) Дельвига: см. прим. къ с. 123. Однако желаніе автора было исполнено не точно: ср. ниже, с. 229.

— *Вчера въ нашемъ университетѣ была печальная церемонія.* Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. Т. I, с. 453—454.

Стр. 234. Стихотворенія *Александра Пушкина.* Спб. 1826.

— Опытъ науки изящнаго, начертанный *А. Галичемъ.* Спб. 1825.

Стр. 235. Невскій Альманахъ на 1826 годъ. Изд. *Е. Аладьинымъ.* Спб. 1825.

— Календарь Музъ на 1826 годъ. Изд. *А. Измайловымъ* и *П. Яковлевымъ.* Спб. 1826.

Стр. 236. *Альманахъ на германскомъ нарѣчіи.* Трудно съ точностью опредѣлить, какой именно альманахъ на нѣмецкомъ языкѣ послалъ Н. М. Языковъ. Художникъ Рамбергъ (J. H. Ramberg, 1763—1840) принималъ участіе во многихъ художественныхъ изданіяхъ своего времени, какъ искусный и популярный иллюстраторъ литературныхъ произведеній, напр. сочиненій Шиллера, Виланда, альманаховъ «Penelope», «Minerva», «Orphea» и пр.

Стр. 237. Посланіе къ Римлянамъ, XII. 17—19.

Стр. 237—238. *Степанъ Семеновъ.* Ср. прим. къ с. 18. Объ его политическихъ мечтаніяхъ и печальной судьбѣ подробно разсказываетъ Д. Н. Свербеевъ въ своихъ «Запискахъ»: I. 275—278. «Меня особенно — говоритъ Свербеевъ — какъ болѣе изъ всѣхъ троихъ толкавшагося въ обществѣ, непремѣнно и упорно желалъ онъ познакомить съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Трубецкимъ, Е. П. Оболенскимъ и Ѳедоромъ Шаховскимъ, равно съ офицеромъ штаба Корниловичемъ и съ Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкой, который, не смотря на

то, что былъ адъютантомъ Милорадовича, тоже принадлежалъ къ этому обществу» (с. 276); однако С. отъ всего этого уклонился. «Точно также и на Александра Языкова, съ которымъ Семеновъ такъ часто видался, не могъ онъ нисколько дѣйствовать. Это была другого рода плодотворная почва; надолго осталась она во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не воздѣлана. Не столько благоразумная осторожность, сколько Языковская лѣнь и апатія толстой корой возлегла на эту благородную почву, трудную для глубокаго воздѣлыванія. Какъ бы то ни было, эта самая апатія была для всѣхъ трехъ братьевъ [Языковыхъ] спасеніемъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не подвергался, подобно мнѣ, различнымъ политическимъ искушеніемъ и не пріобрѣлъ, какъ я, въ раннихъ при томъ годахъ молодости моей, политической опытности» (с. 278).

Стр. 242. *Переводить на руской стихи.* Какіе именно — сказать трудно, такъ какъ на актѣ 12 дек. 1825 года было прочитано и пропѣто нѣсколько стихотвореній на нѣмецкомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. I, с. 454.

Стр. 243. Эда, финляндская повѣсть, и Пиры, описательная поэма. Соч. *Евгенія Баратынскаго.* Спб. 1826.

Стр. 244. *Пошлю Поэта Полевому.* Стих. «Поэтъ» (см. выше, с. 217—218, и ниже, с. 246), дѣйствительно напечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ» Н. Полевого, ч. VIII. 1826, отд. 2, с. 81—82, съ помѣтой: «4 апрѣля 1826».

Стр. 245. *Басни Крылова* — вѣроятно: Басни Ивана Крылова. Въ семи книгахъ. Новое исправленное и пополненное изданіе. Спб. 1825. Ср. с. 215. 234.

Стр. 246. *Письмо Ваше отъ 16 прошлаго мѣсяца.* Вотъ текстъ этого письма матери Языкова, Екатерины Александровны, рожд. Ермоловой, переданный намъ *В. Н. Поливановымъ* и печатаемый здѣсь съ полнымъ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, кромѣ знаковъ препинанія, которые въ оригиналѣ отсутствуютъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ точекъ.

Здрастуй, милой другъ Николай Михайловичь! Посылаю тебѣ чаю 4 фу[нта], кушей, не крепка клади, къ нему можна расхоживо мешать. Немцы тваи не многа толкъ знаютъ. Такъ жа посылаю мешокъ на табакъ и 6 паръ карпетакъ. Братывъ нетъ, уехали въ Языково. И Петръ незнам, што жены рожденье, уехалъ; теперь все ихъ толкуютъ объ этимъ. Я увѣряю, што не зналъ, а Лиза[вета] Петро[вна] говоритъ, што знаитъ, и во всемъ стараютца выводить ево странным, чево мнѣ жаль, любя ево: не знаю, чемъ памочь.

Я всіо не оставляю сбиратца на каранацыю, сбираю сваи деньги, на гадокъ хачу съездить. Есть ли здаровье не будетъ хужи, надеюсь и ты паближи скарее меня навестишъ. Какъ ты думаишъ, гдѣ лутчи, въ Питеръ или въ Москву. И есть резонъ. Первая расъсеинее и сестрѣ што-нибуть придаставить къ удовольствию, да и мамзель паискатъ палутчи: вотъ маи виды. Не знаю адобришъ ли ты. А всіо на сердци Петръ: ево жаль. Теперь хать мене баятца, я памеха, а то савсѣмъ ево съ пути сабьютъ; ожилъ, какъ братъ приехалъ, точно жисть ему далъ своимъ приездомъ. И такъ, мой другъ, прости. Хорошо бы мнѣ тебя въстретить да съ табой сюда, есть ли ты коньчишъ. Пращай, Господь съ табой.

Мать Твая К. Языкова.

16 число [Марта, 1826] Симбир[скъ].

Сестра всіо говоритъ, што будитъ писать, а когда — не знаю: кажитца, дела нетъ.

Стр. 247. *Нынѣшнее лѣто я проведу здѣсь въ деревнѣ, верстъ 15 отъ Дерпта.* Имѣется въ виду Камби (ср. с. 244), съ неточнымъ обозначеніемъ разстоянія отъ Дерпта: ср. прим. къ с. 76. Это намѣреніе Языкова пожить лѣтомъ въ Камби осуществилось не въ 1826, а лишь въ слѣдующемъ 1827 году: см. с. 336. 338. 339.

Стр. 247. Сѣверные Цвѣты на 1826 годъ, собранные барономъ Дельвигомъ: ср. выше, прим. къ с. 226. Тутъ помѣщены двѣ статьи *Д. В. Дашкова:* упоминаемая Языковымъ «Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году» (с. 214—283), безъ имени автора, и другая: «Еще нѣсколько словъ о Серальской библіотекѣ» (с. 283—296), подписанная именемъ автора. — Другія статьи, упоминаемыя Языковымъ: «О состояніи художествъ въ Россіи», В... (с. 3—100); «Отрывокъ изъ письма *А. С. Пушкина* къ Д[ельвигу]» (с. 101—106); «Трактирная лѣстница» *Алексѣя Коростылева* (с. 107—145); «Путешествіе на Сентъ-Бернаръ», *А. Илличевскаго* (с. 145—181). — Подъ «отрывкомъ изъ Иліады» разумѣется: «Поясъ Киприды. Отрывокъ изъ XIV пѣсни Иліады», *Н. Гнѣдича* (с. 68—82).

Стр. 248. *Любезное дитятко Кольне:* см. прим. къ с. 219.

— *Литературный союзъ съ Абодовскимъ и Григорьевымъ:* см. прим. къ с. 168. 221.

Стр. 249. «Венцеславъ» — трагедія, передѣланная изъ Театра Ротру, *А. Жандра.* Отрывки напечатаны были въ «Русской Таліи» 1825, с. 54—73, и въ «Радугѣ» 1830, с. 153—160. Объ этомъ трудѣ П. А. Катенинъ писалъ Н. И. Бахтину 11 ноября 1824: Письма, съ прим. А. А. Чебышева, с. 70.

— «Гражданское мужество» Рылѣева — ода, писанная авторомъ въ 1825 году: Русская Старина 1871, № 1, с. 98—101.

Стр. 250. *Рѣчь Магницкого въ Казани.* Имѣется въ виду знаменитая рѣчь попечителя М. Л. Магницкаго, произнесенная имъ на торжественномъ актѣ Казанскаго университета 15 сентября 1825 года и имѣвшая цѣлію со стороны оратора создать оправданіе и апотеозъ всей предшествующей административной его дѣятельности въ отношеніи къ этому учебному заведенію: *Н. П. Загоскинъ.* Исторія Императорскаго Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія. IV. Казань 1906, с. 507—514.

Стр. 252. Александръ Ф. Рейцъ (Al. Fr. von Reutz) былъ профессоромъ по каѳедрѣ русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ въ 1825—1840 годахъ: Біографическій Словарь, I, с. 586—590.

Стр. 252—253. Вторая половина этого стихотворенія, вѣроятно, имѣетъ въ виду А. А. Воейкову, жившую тогда въ Петербургѣ.

Стр. 254. *Ты зналъ хотя по имени Дьякова.* Объ этомъ Дьяковѣ, чиновникѣ канцеляріи П. А. Кикина, гдѣ служилъ и А. М. Языковъ, сообщаетъ Д. Н. Свербеевъ слѣдующее: «Старшимъ [изъ трехъ чиновниковъ, поѣхавшихъ съ П. А. Кикинымъ въ Москву] былъ коллежскій совѣтникъ Дьяковъ, покровительствуемый извѣстнымъ въ кругу набожныхъ людей дядей, архимандритомъ Ростовскаго монастыря, отцомъ Амфилохіемъ. Этотъ чиновникъ въ началѣ царствованія Николая Павловича подвергся справедливой опалѣ. Его уличили во взяточничествѣ, и только участію благочестивой Анны Алексѣевны Орловой обязанъ онъ тѣмъ, что его не сослали на поселеніе»: Записки, I, с. 189.

Стр. 255—257. Пребываніе Языкова въ семьѣ П. А. Осиповой и въ

обществѣ Пушкина, оставившее такой глубокій слѣдъ въ душѣ Н. М-ча [ср. объ этомъ въ моей статьѣ, въ Соч. Пушкина, изд. А. С. Венгерова, II, с. 370—372], не нашло себѣ достаточно полнаго изображенія въ печатаемыхъ здѣсь письмахъ. 23 Іюня 1826 онъ пишетъ брату Петру: «Скоро ты получишь болѣе значительнаго отъ пера моего — о знакомствѣ моемъ съ Пушкинымъ, о томъ, о семъ и о прочемъ» (с. 256); 11 Августа 1826 ему же: «объ знакомствѣ моемъ съ Пушкинымъ и о пребываніи въ Тригорскомъ я уже писалъ вамъ довольно подробно» (с. 259); но если не считать «подробнымъ» описаніемъ пребыванія въ Тригорскомъ Языкова нѣсколько строкъ его въ письмѣ къ матери (с. 256—257), то остается предполагать утраченнымъ еще одно письмо Языкова, писанное въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1826 года изъ Тригорскаго или Дерпта. Поэтическое воспроизведеніе этого эпизода изъ жизни Языкова нашло свое выраженіе въ его стихотвореніи «Тригорское»: см. прим. къ с. 270.

Стр. 261. *Ник. Ильичъ* — Татариновъ (см. с. 219. 220), сынъ котораго А-ръ Николаевичъ со II пол. 1826 года поступилъ въ студенты Дерптскаго университета: ср. прим. къ с. 209. Воспоминанія А. Н. Татаринова объ Н. М. Языковѣ помѣщены нами въ «Приложеніяхъ» № 1.

Стр. 265. *Виньи* — болѣе точно Alex. de Vignes, уроженецъ Петербурга, изучавшій экономическія науки въ Дерптскомъ университетѣ въ 1825—1826 годахъ: Alb. Acad. № 2084.

Стр. 266. Tacite. Nouvelle traduction par *M. Dureau de Lamalle.* I—III. Paris 1790. *Panckoucke, C. L.* La Germanie, traduite de Tacite, avec un nouveau commentaire etc. Paris 1824.

Ewers, G. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung. Dorpat 1826.

Исторія народовъ и республикъ древней Греціи, изложенная *Константиномъ Арсеньевымъ.* 2 части. Спб. 1825—1826.

— Извѣстные декабристы: К. Ѳ. Рылѣевъ (казненный 13 іюля 1826) и А. И. Якубовичъ (ум. 10 сентября 1845).

Стр. 268. Опыты священной поэзіи. Соч. *Ѳедора Глинки.* Спб. 1826.

Стр. 269. *Покойный профессоръ наукъ камеральныхъ* — Фр. Эд. Рамбахъ, ум. 23 іюня 1826 года: см. прим. къ с. 206. Это былъ человѣкъ образованный и даровитый, но опубликованные имъ труды не относятся къ спеціальности его какъ профессора: Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета. II, с. 603—604.

— *Слышно, скоро выдетъ 12 томъ.* Такъ дѣйствительно предполагалось, когда Н. М. Карамзинъ, отправившись для лѣченія за-границу въ 1826 году, поручилъ близкимъ людямъ изданіе XII тома его «Исторіи»; однако смерть историографа (22 мая 1826 года) задержала выходъ этой книги, появившейся въ свѣтъ лишь въ 1829 году.

— *Доставъ мнѣ Добровскаго* — точнѣе: *Josephi Dobrowsky* Institutiones linguae slavonicae dialecti veteris... и т. д. Vindobonae 1822.

— *Въ моемъ къ нему посланіи.* Имѣется въ виду Посланіе къ А. С. Пушкину, нач. «О ты, чья дружба мнѣ дороже...», писанное 16 Августа 1826 года [автографъ, въ альбомѣ, среди бумагъ Д. Н. Садовникова, въ Академіи Наукъ]. Русскій Архивъ 1867, с. 722—123 [съ датой 19 Августа 1826]. Письмо Языкова къ Пушкину, сопровождавшее это посланіе и начинавшееся

словами «Таково съ моей стороны начало нашей переписки!», напечатано *И. А. Бычковымъ*: Р. С., 1903, № 3, с. 483—484.

Стр. 270. 277. 278. *Альманахъ Бахтина* [Н. И.; см. прим. къ с. 32] — повидимому не состоялся. Стих. «Тригорское» впервые было напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, № 2, при дѣятельномъ посредничествѣ Пушкина, какъ послѣдній о томъ заранѣе предувѣдомилъ Языкова въ письмѣ отъ 21 Ноября 1826 года, изъ Москвы (ср. ниже, письмо № CLXXVII): Сочиненія Пушкина. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Переписка, подъ ред. и съ прим. *В. И. Саитова*. I, с. 386.

Стр. 278. *Замѣчаніе Булгарина объ ошибкѣ Пушкина.* Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826, № 132 помѣщенъ краткій отзывъ Ѳ. Б[улгарина] о второй главѣ «Евгенія Онѣгина» (М. 1826). Въ отзывѣ имѣется, м. пр., слѣдующее примѣчаніе: «Въ его [Ленскаго] портретѣ находится маленькая ошибка. Онъ представленъ Нѣмецкимъ студентомъ, которые называются *буршами* и *швермерами*, а не *Филистерами*, какъ назвалъ его Поэтъ. Филистеромъ называется напротивъ того спокойный гражданинъ, непринадлежащій къ сословію студентовъ».

Стр. 279. *Я съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода Гречевой Руск[ой] Грамматики.* Еще въ 1823 году вышли «Корректурные листы Русской Грамматики. Тетрадъ I. Изд. *Николай Гречъ*»; въ 1827 году выпущены были въ свѣтъ труды *Н. И. Греча:* «Пространная Русская Грамматика, Часть I» и «Практическая Русская Грамматика».

— *Что побуждаетъ Амплія...* Этотъ переводъ А. Очкина въ печати не появлялся. Названное сочиненіе Ксавье де-Местра (Turin, 1794) было уже переведено ранѣе: Путешествіе по моей комнатѣ. Пер. съ фр. *Василій Кряжевъ*. М. 1802.

Стр. 280. *З пьески.* Въ «Благонамѣренномъ» 1826 напечатаны слѣдующія три стихотворенія Языкова: Къ А. А. Забуду ль васъ когда-нибудь?... (№ IX, с. 165—166), Элегія. Любовь, любовь! веселымъ днемъ... (№ IX, с. 168—169), Къ В-у. Мой другъ, учи меня рубиться... (№ X, с. 204).

Стр. 281. *Въ день восшествія на престолъ.* 20 ноября 1826 года проф. В. М. Перевощиковъ произнесъ въ торжественномъ собраніи университета рѣчь «Слово о превосходствѣ самодержавнаго правленія» (напечатано отдѣльно: Дерптъ 1826): Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. I, с. 454.

— *Онъ* [Пушкинъ] *писалъ мнѣ.* Имѣется въ виду письмо Пушкина Н. М. Языкову отъ 9 ноября 1826 года, изъ с. Михайловскаго: Соч. Пушкина. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Переписка. I, с. 381—382.

— Полный переводъ «Иліады» Н. И. Гнѣдича вышелъ въ свѣтъ, въ двухъ частяхъ, лишь въ 1829 году. Нѣмецкіе переводы «Иліады» и «Одиссеи» I. Фр. Фосса напечатаны были — первый въ 1793, а второй въ 1781 году.

— *Тикъ и Шлегель.* Извѣстный трудъ: Shakspeares Dramatische Werke. Uebersetzt von A. W. v. *Schlegel*, ergänzt und erläutert von *Ludwig Tiek*. I—IX. Berlin 1825—1833.

Стр. 282. *О поставленіи Блудова.* Д. Н. Блудовъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія въ 1826—1832 годахъ, былъ не только человѣкомъ образованнымъ, но и весьма близкимъ къ литературнымъ кругамъ по дружескимъ и родственнымъ связямъ, какъ одинъ изъ основателей «Арзамаса», другъ Карамзина и Жуковскаго, племянникъ Державина.

Jakob, R. L. Grundsätze der National-Oekonomie oder Grundsätze der National-Reichthums. Halle 1809, 3 Ausg. Leipzig 1825.

Стр. 283. Невѣста Абидосская, турецкая повѣсть. Соч. Лорда Байрона, пер. съ англ. Иванъ Козловъ. Спб. 1826.

Стр. 286. 287. *Вульфъ*: см. прим. къ с. 199.

Стр. 288. *Карлъ Пельцеръ* (Peltzer), бывшій студентомъ Дерптскаго университета въ 1821—1824 годахъ (Alb. Acad. № 1537).

Стр. 289. *Н. Н. Тютчевъ* — отецъ студентовъ Дерптскаго университета Андрея и Алексѣя Тютчевыхъ, изучавшихъ камеральныя науки въ Дерптѣ, въ 1822—1825 годахъ: см. прим. къ с. 44.

Стр. 290. *Борисъ Годуновъ*. Ср. письмо А. Ѳ. Воейкова къ В. М. Перевощикову отъ 22 ноября 1826 года изъ Петербурга: «Прочтите сіи строки [т. е. о томъ, что В. слушалъ чтеніе трагедіи «Борисъ Годуновъ», произведшее на него глубокое впечатлѣніе] поэту Языкову; онъ затрепещетъ отъ восторга и соревнованія» (Русскій Архивъ 1890, № 9, с. 92).

Стр. 292. *Петръ Николаевичъ Дириnъ* — братъ столь часто упоминаемой Языковымъ Маріи Николаевны Дириной: ср. прим. къ с. 87. 107.

— Апологи въ четверостишіяхъ. Соч. *И. Дмитріева*. М. 1826.

Стр. 293. Опыты аллегорій, или иносказательныхъ описаній, въ стихахъ и въ прозѣ. Соч. *Ѳедора Глинки*. Спб. 1826.

— Аристофанъ, или представленіе комедіи Всадники. Историческая комедія въ древнемъ родѣ и въ разномѣрныхъ стихахъ, греческаго стопосложенія, въ 3 д. Кн. *А. А. Шаховскаго*. М. 1828.

— *Голова Ал. Валуева:* см. прим. къ с. 6.

— *Что же Дельвиговы русскія пѣсни?* Ср. ниже, с. 300. Отдѣльное изданіе «русскихъ пѣсенъ» А. А. Дельвига не состоялось, но нѣкоторыя изъ его стихотвореній въ народномъ духѣ нашли себѣ мѣсто въ сборникѣ: Стихотворенія барона Дельвига. Спб. 1829.

— *Вѣдь это онъ?* Повидимому, Яз. ошибался: въ «Сѣверномъ Архивѣ», изд. въ 1822—1824 годахъ Ѳ. Булгаринымъ, а въ 1825—1828 годахъ Ѳ. Булгаринымъ и Н. Гречемъ, В. Д. Комовскій (см. прим. къ с. 192) никакихъ статей не помѣщалъ; ср. Указатель статей къ «Сѣверному Архиву», составленный *А. Афанасьевымъ:* Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. *Николаемъ Калачевымъ*. Кн. I. М. 1850.

Стр. 294. *Путешествіе въ стихахъ*. Имѣется въ виду неоконченное произведеніе кн. П. А. Вяземскаго «Коляска. Отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ», напечатанное въ Московскомъ Телеграфѣ 1826, ч. 2.

— *Можешь познакомиться въ мое имя*. О знакомствѣ Н. М. Языкова съ А. С. Дириной, матерью М. Н. Дириной, и стихотворныя письма къ ней Языкова (1823—1825) см. у И. А. Бычкова: Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ М. Н. Языкова. Русская Старина 1903, № 3, с. 477—483.

— *Извѣстіе, напечатанное объ этомъ дѣлѣ*. Сообщеніе о празднованіи 100-лѣтія Академіи Наукъ 29 Декабря 1826 года напечатано было въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826, № 156 и 1827, № 1.

Стр. 295. *Moreri* и *Bayle*. Знаменитые словари: *Louis Moreri*, Le grand Dictionnaire historique (1 изд. 1674); *Pierre Bayle*, Dictionnaire historique et critique (1 изд. 1697).

Стр. 296. Сѣверная Лира на 1827 годъ. Посвящается любительницамъ и

любителямъ отечественной словесности *Раичемъ* и *Однобишинымъ*. М. 1827. Тутъ на с. 290—314 помѣщенъ переводъ *С. Е. Раича* «Смерть Свенона датскаго царевича. Изъ Освобожденнаго Іерусалима»; къ переводу приложена гравюра Е. Скотникова, изображающая смерть Свенона. Именемъ *М. Дмитріева* подписано стих. «Видѣніе Эздры», с. 92—100.

— *Къ числу молодыхъ филистимлянъ города Дерпта.* Языковъ, прослушавшій опредѣленное количество семестровъ, былъ 18 января 1827 года отчисленъ изъ состава студентовъ университета (Alb. Acad. № 1767) и перешелъ въ число т. наз. «филистеровъ»: ср. письмо № CLXVIII, с. 278—279).— О предкахъ Н. М. Языкова, сидѣвшихъ «въ стѣнахъ Московскихъ», см. *В. В. Руммель* и *В. В. Голубцовъ*. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. II (Спб. 1887), с. 768: «Моисей Григорьевичъ [Языковъ], за московское осадное сидѣнье (1618) пожаловано ему въ вотчину помѣстье Мещерскаго уѣзда (18 февраля 1620)». Ср. также Гр. *А. Бобринской*. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской Имперіи. Ч. I. (Спб. 1890), с. 435—436.

Стр. 297. Исторія Шведскаго государства, Олофа Далина. Пер. съ нѣм. *Романъ Цебриковъ*. 8 частей. Спб. 1805—1807.

Стр. 297. 298. Извѣстный нѣмецкій актеръ Альбертъ Вурмъ (род. 1783, ум. 1834), гастролировавшій въ Россіи въ 1819 и 1827 годахъ: *M. Rudolph.* Rigaer Theater-und Tonkünstler-Lexikon nebst Geschichte des Rigaer Theaters und der Musikalischen Gesellschaft. Riga 1890, с. 272.

Стр. 298. *Я уже филистимлянинъ*—т. е. уже болѣе не студентъ: см. с. 305.

— *Будетъ ли она тиснута?* Андромаха, въ 5 д., въ стихахъ. Соч. *П. Катенина*. Спб. 1827: см. прим. къ с. 220.

Стр. 299. Приведенные стихи составляютъ окончаніе стихотворенія «Олегъ»: Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I, с. 125—129.

Стр. 300. *Съ птенцемъ Наумовымъ.* Владиміръ Наумовъ (род. 1810), землякъ Н. М. Языкова, изучалъ камеральныя науки въ Дерптѣ въ 1827—1830 годахъ: Alb. Acad. № 2358.

— *Какъ зовутъ его возлюбленную?* Д. Н. Свербеевъ женился 4 февраля 1827 года на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Щербатовой: ср. его Записки, II, с. 382. Стихотворное поздравленіе Д. Н. Свербееву отъ Языкова см. ниже въ письмѣ № CCV, с. 330—332; объ этомъ же въ письмѣ № CLXXXV, с. 306, и № CLXXXIX, с. 310.

— Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ. Издалъ Борисъ Ѳедоровъ. Спб. 1827. — Бор. Мих. Ѳедоровъ (1794—1875) былъ весьма дѣятельнымъ и разнообразнымъ, но мало даровитымъ писателемъ первой половины XIX вѣка; много писалъ для театра и для дѣтей, въ стихахъ и въ прозѣ, но успѣха въ публикѣ не имѣлъ.

Стр. 301. *Мужъ ея очень пристаетъ ко мнѣ.* А. Ѳ. Воейковъ писалъ объ этомъ также къ Перевощикову, напр. 26 февр. 1827, изъ Петербурга: «Н. М. Языковъ обѣщалъ матушкѣ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ стиховъ для моего Славянина; если увидите матушку, то попросите ее, чтобы изволила напомнить поэту Языкову. Для меня это весьма драгоцѣнные подарки» (Русскій Архивъ, 1890, № 9, с. 93).

— Славянинъ. Военно-литературный журналъ, изд. А. Ѳ. Воейковымъ. Спб. 1827—1830.

— *Переводъ на нѣмецкій языкъ:* Der Trauerquell, von A. Puschkin. Aus dem Russischen von A. Wulffert. S.-Pt. 1826.

Стр. 302. *Жаль, что изъ него* [«Тригорскаго»] *въ конецъ выпущено нѣсколько стиховъ.* Если сравнить текстъ этого стихотворенія Яз., сообщенный имъ въ письмѣ № CLXVII (выше, с. 270—277), съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», то окажется, что дѣйствительно редакторомъ послѣдняго выпущены стихи: «Широко зыблются на немъ...» кончая словами: «И надъ пучиною разтянетъ» и еще: «Какъ сладко узнику младому...» кончая: «Упиться воздухомъ полей» (с. 276. 277); кромѣ того, третій съ конца стихъ напечатанъ «Себя безпечнаго укрыть» вм. подлиннаго «Себя свободнаго укрыть» (с. 277). Въ изданіи своихъ «Стихотвореній» 1833 года Яз. возстановилъ пропущенныя Погодинымъ мѣста (с. 20. 22),

Стр. 304. *Martens, G. F.* Précis du droit des gens modernes de l'Europe, fondé sur les traités et l'usage. Götting 1789. 3 éd. 1821.

— *Пölица литературнаго:* см. прим. къ с. 199. Подъ «Пölицемъ политическимъ» разумѣется, вѣроятно, одно изъ историко-политическихъ сочиненій того же автора, напр. Kursus z. allgemeinen Uebersicht der Geschichte der Völker und der Menschheit. Dresden 1799.

— *Письмо ко мнѣ какого то учителя.* Это стихотворное произведеніе оказалось въ оригиналѣ среди бумагъ Д. Н. Садовникова [Собраніе Пушкинскаго Дома, въ Академіи Наукъ]. Приводимъ отрывокъ изъ него, какъ одинъ изъ наивныхъ отзвуковъ тогдашней поэтической популярности Языкова:

Къ Николаю Михайловичу Языкову.

О, Волги сынъ любимый,
Воскреснувшій Боянъ!
Предъ строемъ невредимый,
Духъ мужества Славянъ!
То водишь въ бой ты рати,
То рушишь тяжкій плѣнъ,
То гимнъ для падшихъ братій
Гремитъ средь падшихъ стѣнъ;
То славишь ты свободу,
То родину поешь,
То миръ души, природу, —
И съ Томсономъ идешь!
Я, пѣснь твою читая,
Горжусь, что я съ тобой —
Пѣвецъ родного края,
Изъ родины одной!...
. . . . . .
О, пой, еще пой Волгу,
Языковъ звучный мой,
Да общую дань долгу
Пѣвцы ей принесутъ съ тобой!

Подпись: Почитатель милаго пѣвца Вронченки и Вашъ покорный слуга Василій Мызниковъ. 1827 года, Генваря 28 дня, Митава.

Стр. 305. *Нашъ кураторъ.* О попечителѣ князѣ К. А. Ливенѣ см. въ *моемъ* сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. I, с. 327—336.

Стр. 307. О научныхъ результатахъ путешествія профессора ботаники К. Х. Ледебура въ Сибирь въ 1826—1827 годахъ см. въ «Біографическомъ Словарѣ», I, с. 346—347.

— Профессоръ К. Л. Блюмъ (Blum) занималъ въ Дерптскомъ университетѣ каѳедру географіи, этнографіи и статистики въ 1826—1851 годахъ; въ первые годы своего пребыванія въ Дерптѣ (1826—1828) читалъ также курсы по исторіи Востока, Рима, среднихъ вѣковъ и по объясненію древне-классическихъ авторовъ. Въ I полугодіи 1827 года онъ читалъ «всеобщую статистику» «nach Hassel's Lehrbuch», пять часовъ въ недѣлю.

— *Орестъ* [Михайловичъ] *Сомовъ* — небезызвѣстный писатель (род. 1793, ум. 1833). Яз. имѣетъ въ виду, кажется, не состоявшійся альманахъ Сомова; въ сотрудничествѣ съ Дельвигомъ, Орестъ Сомовъ издавалъ «Сѣверные Цвѣты» (1827—1832) и участвовалъ своими трудами во многихъ альманахахъ 1820-хъ и 30-хъ годовъ.

— *Tennemann, W. G.* Geschichte der Philosophie. I—II. Leipzig. 1798—1819. — Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. Leipzig 1812. 4 Aufl. 1824.

— *Видѣлъ ли ты...* Въ Сынѣ Отечества 1827, № 1, с. 91—102, напечатанъ «Отрывокъ для драматической поэмы: Ижорскій» съ замѣткой: «сообщено отъ неизвѣстнаго». Позднѣе это произведеніе В. К. Кюхельбекера было издано, анонимно же, отдѣльно: Ижорскій. Мистерія. Спб. 1835.

Переводы Мерзлякова: см. прим. къ с. 187.

Стр. 309. Литературный Музеумъ на 1827 годъ, *Владиміра Измайлова.* Изд. А. Ширяева. М. 1827.

Говоря о томъ, что альманахъ этотъ «сильно хвалитъ Сѣверная Пчела», Яз., повидимому, спуталъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1827, №№ 1—5. 7. 10. 12. 14. 15 дѣйствительно помѣщена статья объ альманахъ на 1827 годъ, но объ альманахѣ Измайлова тамъ ничего не говорится; нѣсколько позднѣе, уже послѣ написанія Яз. письма № CLXXXVIII, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, № XI, с. 274—282, была напечатана Погодинымъ очень сочувственная рецензія на «Литературный Музеумъ» Измайлова.

Luden, Heinrich. Die Geschichte des deutschen Volkes. B. 1—12. Gotha 1825—1837.

Стр. 310. *Flögel K. Fr.* Geschichte der Hofnarren. Liegnitz 1789.

— 310, прим. подъ строкою 2. Вотъ содержаніе записки А. Тютчева (см. прим. къ с. 44) къ Н. М. Языкову: «Андромаха есть слабое подражаніе Озерову въ разсужденіи слога. Не знаю, можно ли то же о ней сказать въ разсужденіи плана; ибо не помню вообще плана трагедій Озерова etc. Но она есть вмѣстѣ пасквиль на слогъ Озерова; ибо въ ней разстановка словъ очень худа; въ стихахъ нѣтъ ни обработанности, ни быстроты, ни увлекательнаго краснорѣчія; но сила, кажется, иногда есть. Впрочемъ чрезвычайное множество болѣе уже не употребляемыхъ словъ и выраженій, также словъ своего собственнаго изобрѣтенія, какъ напр.: *Возклики* и т. под.; также нѣкоторая нѣмецкая продолжительность въ изложеніи мыслей, даже въ самыхъ пылкихъ сценахъ. Впрочемъ характеры очень хорошо изображены, особенно *Улиссъ* и *Агамемнонъ. Пирръ* и

Андромаха кажутся мнѣ возмужалыя *Мах* и *Фёкла*. Пылкость и мечтательность юности, одушевляющія *Макса* и *Феклу*, въ нихъ хотя не погасли, но простыли, и осталась твердость, сила и другія подобныя качества. Чувство пылкой любви Феклы замѣнено въ Андромахѣ нѣжною материнскою любовію. Впрочемъ, я не желалъ бы быть авторомъ сей трагедіи по причинѣ слога ея. Даже сноснѣе бы было, естьли бы онъ ее написалъ сильною и краткою *прозою*. Prope et longe tuus A. Тютчевъ».

На оборотѣ этой записки: «Николаю Михайловичу Языкову».

Стр. 311. *Вистенгаузенъ* — вѣроятно Eduard v. Wistenhausen, изучавшій экономическія науки въ Дерптѣ въ 1822—1825 годахъ (Alb. Acad. № 1700).

Стр. 315. *Виньи:* см. прим. къ с. 265.

Стр. 316. *Кольне уже конченъ:* см. прим. къ с. 219.

Стр. 317. *Антологическіе Опыты:* см. прим. къ с. 56.

Стр. 318. *Гнѣдичъ опасно и неисцѣлимо боленъ.* Этотъ слухъ оказался не вполнѣ вѣренъ: Н. И. Гнѣдичъ началъ хворать съ 1809 года; въ 1825 году онъ, по совѣту врачей, ѣздилъ на кавказскія минеральныя воды, но вернулся оттуда съ еще большимъ разстройствомъ; въ августѣ 1826 года онъ отправился ради здоровья въ Одессу и тамъ значительно поправился; ум. 3 февр. 1833 года: *Н. Тихановъ.* Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Спб. 1884, с. 19.

Стр. 319. *Слова изъ второго Соборнаго посланія Іоанна Богослова* — гл. I, ст. 12.

— Сочиненія и переводы въ стихахъ *П. Катенина*, съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній кн. Н. Голицына. 2 части [Изд. Н. И. Бахтина]. Спб. 1832.

Стр. 320. *Меня туда приглашаютъ сильно.* Дѣйствительно, весной 1827 года П. А. Осипова писала Языкову и приглашала его пріѣхать къ нимъ лѣтомъ того года, но Яз. отъ этого уклонился: «Я тяжело виноватъ передъ Прасковьей Александровной — писалъ онъ 19 апрѣля 1827 А. Н. Вульфу —; моя многогрѣшная (добро)застѣнчивость принудила меня не отвѣчать на почтенное письмо, зане стыдилась отвѣчать отрицательно»: Русскій Архивъ 1867, с. 728—729.

Стр. 321. *Замѣтилъ ли ты.* Въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № VIII, с. 313—315, напечатано стихотвореніе *Мих. Дмитріева* «Игра въ вопросы», которое, очевидно, и имѣетъ въ виду здѣсь Языковъ.

— *Булгаринъ, Ѳ.* Сочиненія. 10 частей. Спб. 1827—1828.

— *Ожиданія Катенина.* Свѣдѣнія объ «Андромахѣ» П. А. Катенина (см. прим. къ с. 298), о возлагавшихся на нее надеждахъ и о слабомъ успѣхѣ ея на сценѣ собраны у *С. Бертенсона:* Павелъ Александровичъ Катенинъ. Литературные матеріалы. Спб. 1909, с. 49—51.

Стр. 322. *Что ты мнѣ ничего не написалъ:* см. прим. къ с. 199.

— Въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ было помѣщено только одно стихотвореніе Языкова: «Намъ было весело, друзья...» (с. 50—54).

Стр. 323. *Смѣльскій,* Елеазаръ Никитичъ — видный врачъ, практиковавшій въ Петербургѣ, и ученый авторъ многихъ сочиненій по медицинѣ (1800—1881).

— *Книги для Канцел[яріи]* — т. е. Канцеляріи по принятію прошеній на высочайшее имя, гдѣ служилъ А. М. Языковъ.

Стр. 324. *Адеркасъ,* Фридрихъ-Вильгельмъ, занималъ въ 1819 —

1830 годахъ каѳедру военныхъ наукъ на физико-математическомъ факультетѣ въ Дерптѣ.

— Въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № IX, с. 4—5, напечатано было посланіе Пушкина къ Языкову: «Яз..., кто тебѣ внушилъ твое посланье удалое?», написанное по поводу посланія къ нему Языкова: «О ты, чья дружба мнѣ дороже...» (см. прим. къ с. 269).

— *Фукса мнѣ прислалъ Аладьинъ:* Анекдоты князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, изданные *Е. Фуксомъ* Спб. 1827.

— *Сочиненія Катенина*: см. прим. къ с. 319.

Стр. 326. *Въ отдаленной Болгаріи.* Имѣется въ виду воспоминаніе о древнемъ Болгарскомъ царствѣ, развалины бывшей столицы котораго археологи видятъ возлѣ села Болгары-Успенское, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, недалеко отъ берега Волги.

Стр. 327. *Написалъ я къ тебѣ посланіе.* Имѣется въ виду посланіе къ А. М. Языкову: «Теперь, когда пророчественный даръ...»: Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина. I, с. 148—150.

— *Семенова б.* Вѣроятно, надо читать «большая» (ср. Р. Ст. 1901, № 11, с. 297—298), т. е. Екатерина Семеновна Семенова (см. прим. къ с. 9), въ отличіе отъ сестры ея, пѣвицы Нимфодоры Семеновны Семеновой (1787—1876).

Стр. 329. *Степановъ*: см. прим. къ с. 165.

— *Ѳ. Булгаринъ* началъ печатать съ № 59 (17 мая) 1827 года въ «Сѣверной Пчелѣ» свою «Прогулку по Ливоніи» съ историческими и статистическими извѣстіями объ этомъ краѣ. — Сочиненія графа *Брея* (Comte de Bray, F. G.), касающіяся Ливоніи: Mémoire sur la Livonie [München, 1813]; Essay critique sur l'histoire de la Livonie, suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province. Dorpat 1817; Lettres sur les habitants de la Livonie et de l'Esthonie [1823].

— Отрывокъ изъ «Бориса Годунова» Пушкина былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1827 № I, с. 3—10, но въ цѣломъ видѣ эта трагедія вышла лишь въ 1831 году.

Стр. 330. *Его почтенную супругу*: см. прим. къ с. 300.

Стр. 334. Трудъ проф. В. М. Перевощикова по исторіи русской литературы (ср. ниже, письмо № CCXXXIII) остался неизданнымъ; см. *мое* сочиненіе: Каѳедра русскаго языка и словесности, с. 58—59.

— *Онъ [Пушкинъ] напрасно ждетъ меня въ Тригорское.* Ср. письмо П. къ Языкову отъ 14 іюня [1827]: Переписка, II, с. 30.

Стр. 336. *Урочища Камбійскія* — т. е. деревни Камби, въ 19 верстахъ къ югу отъ Дерпта (см. прим. къ с. 76), не разъ упоминаемой Яз. въ его перепискѣ: см. напр. с. 213. 244. 336. 338. 339.

Стр. 337. *Студентовъ, воспитываемыхъ здѣсь на щетъ Ея Величества.* О студентахъ, учившихся въ Дерптскомъ университетѣ и командированныхъ туда изъ Московскаго и Петербургскаго Воспитательныхъ домовъ, см. въ *моемъ* сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. I, с. 498—502.

— *Письмо отъ Вл. Измайлова и альманахъ:* см. прим. къ с. 309.

Стр. 340. *Переводитъ съ французскаго изъ Герена.* Въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1827, ч. 26. 27. 28, былъ напечатанъ переводъ сочиненія Герена (A. G. Heeren), сдѣланный [А. Н. Очкины]мъ съ французскаго перевода Essais sur l'influence

des Croisades... etc. [въ подл. Versuch e. Entwickelung d. Folgen d. Kreuzzüge für Europa].

— Стихотвореніе «Ручей» было напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина на 1829 годъ, с. 231—232.

Стр. 342. *Посланіе къ Хвостову.* Имѣется въ виду: «Почтенный старецъ Аполлона...» (Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. Суворина, I, с. 145—147).— Графъ Д. И. Хвостовъ, при посылкѣ V-го тома своихъ стихотвореній Н. М. Языкову, писалъ ему (5 августа 1827): «Вы удостоили одно изъ посланій Вашихъ приписать мнѣ. Оцѣняя къ старику, которому въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ минуло 70 лѣтъ, таковую благосклонность вашу, имѣю честь принести совершенную и искреннюю благодарность... Прекраснѣйшіе стихи Ваши... они у меня и въ сердцѣ и въ памяти...» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ]. Отвѣтное посланіе Хвостова къ Языкову напечатано въ «Славянинѣ» А. Воейкова 1827, ч. IV, с. 30. По этому поводу П. А. Катенинъ писалъ Н. И. Бахтину 17 апрѣля 1828: «Переписка графа Хвостова на 71 году отъ рожденія жалка до слезъ: какъ не стыдно сенатору, старику печатать вздорныя посланія къ юношамъ, каковы Языковъ и Дельвигъ» (Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Со вступительною статьею и примѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911, с. 116).

Стр. 343. *Сюда на дняхъ будетъ Жуковскій.* Въ самомъ дѣлѣ, Ж. въ октябрѣ 1827 года пріѣзжалъ въ Дерптъ и пробылъ здѣсь четыре дня: Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. М. 1895, с. 222—223.

— «Стансы» Пушкина («Въ надеждѣ славы и добра...»), помѣченные имъ 22 декабря 1826 года, сдѣлались извѣстны Языкову въ рукописи, такъ какъ въ печати появилось это стихотвореніе лишь въ № I «Московскаго Вѣстника» 1828.

Стр. 344. *Журналъ Калайдовича.* Съ 1828 года К. Ѳ. Калайдовичъ и Д. П. Ознобишинъ стали издавать въ Москвѣ «Русскій Зритель, журналъ исторіи, археологіи, словесности и сравнительныхъ костюмовъ»; изданіе это продолжалось до 1830 года.

— *Послалъ я Аладьину.* Въ «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина на 1828 годъ помѣщены слѣдующія стихотворенія Языкова: «Къ М. Н. Д[ириной]. Не въ первый разъ мой добрый геній...» (с. 15—16); «Къ А. Н. О[чкин]у. Было время, мой пріятель...» (с. 201); «Элегія. Вы не сбылись, надежды милой...» (с. 212); «Прощаніе съ элегіями. Прощайте миленькія бредни...» (с. 329); «Къ П[ельце]ру. Свободны, млады, въ цвѣтѣ силъ...» (с. 332); «Кудесникъ. На мѣстѣ священномъ...» (с. 345—346). Ср. ниже, письмо № CCXVIII.

Стр. 344—346. О празднованіи Дерптскимъ университетомъ 25-лѣтняго своего существованія см. въ *моемъ* сочиненіи: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ, I, с. 455—457. М. М. Сперанскій и С. С. Уваровъ на юбилей не пріѣзжали.

Стр. 346. Поэма Пушкина «Графъ Нулинъ» была въ отрывкѣ напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 № IV, а въ цѣломъ видѣ отдѣльной брошюрой въ Спб. 1827, въ качествѣ особаго оттиска изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1828 годъ.

— Манфредъ. Драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Лорда *Байрона.* Пер. съ англійскаго М. *В[ронченко].* Спб. 1828. — Переводъ «Гамлета», сдѣланный М. П. Вронченкомъ, вышелъ также въ 1828 году.

Стр. 347. *Такъ много изъ моихъ поэтическихъ вздоровъ:* см. прим. къ с. 344.

Стр. 348. Le général comte *Philippe de Ségur*. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris 1824. Éd. 7. Paris 1827. — Дарленкуръ (Vicomte d'Arlincourt, 1789—1856) — французскій романистъ, авторъ «Пустынника» (Le solitaire) и др. весьма популярныхъ сочиненій, переведенныхъ на многіе европейскіе языки: ср. прим. съ с. 120.

— Сочиненіе *Рамзая*, вышедшее въ оригиналѣ въ 1790 году (*David Ramsay*. History of the american revolution, 2 vol.), Яз. имѣлъ, вѣроятно, въ нѣмецкомъ переводѣ: Geschichte der amerikanischen Revolution aus d. Akten des Congresses d. Vereinigten Staaten. Aus d. Englischen von *G. K. Seidel*. Berlin 1794—1795.

— *Взятіе Вендена:* см. прим. къ с. 350.

Стр. 349. *Сильно расхвалили въ С[ѣверной] Пчелѣ.* Имѣется въ виду статья Ѳ. Б[улгарина] объ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты на 1828 годъ», помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828, №№ 1—5, гдѣ дѣйствительно высказано много комплиментовъ по адресу стихотворной части этого альманаха и даже прямо замѣчено: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты есть весьма пріятный подарокъ для читающей русской публики и лучше всѣхъ понынѣ вышедшихъ въ свѣтъ альманаховъ» (№ 5).

— *Вронченко перевелъ Дядовъ Мицкевича.* Переводъ II части «Дзядовъ», сдѣланный М. П. Вронченкомъ (подъ загл. «Праотцы»), напечатанъ въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1829 годъ, с. 134—171.

— Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Соч. *Ив. Козлова.* Спб. 1828.

— Посланіе графа Хвостова «Къ барону А. А. Дельвигу» напечатано въ изданіи: «Драматическій альманахъ для любителей и любительницъ театра на 1828 годъ» *Ардаліона Иванова.* Спб. 1828, с. 301—304.

— *Хрипковъ* — Александръ, изучавшій военныя науки въ Дерптѣ въ 1815—1820 годахъ, живописецъ (Alb. Acad. № 1067).

Стр. 350. *Леманъ* — вѣроятно Adolph Lehmann, изучавшій сначала экономическія науки, а потомъ медицину въ Дерптѣ въ 1823—1828 годахъ (Alb. Acad. № 1815).

— *Виттову книгу:* О распознаваніи и лѣченіи гемороя или почечуя и другихъ, въ тѣсной связи съ нимъ состоящихъ болѣзней. Соч. *Христіана Витта.* Спб. 1819, 3 изд. 1823.

— Гайдамакъ (отрывокъ изъ малороссійской повѣсти). *П. Байскаго*: Сѣверные Цвѣты на 1828 годъ, с. 227—301.

— *Покореніе Вендена.* Имѣется въ виду: Паденіе Вендена. Историческая повѣсть. С. Ц. на 1828 годъ, с. 83—150.

Стр. 351. *Элегія Батюшкова:* «Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...». С. Ц. на 1828 годъ, с. 23.

— IV и V главы «Евгенія Онѣгина» вышли отдѣльно: Спб. 1828.

Аристофана: см. прим. къ с. 293.

Стихотворенія *Евгенія Баратынскаго.* М. 1827.

— *Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ Александрѣ* — дѣйствіе V, явленіе 1: по переводу М. Вронченка, изд. 1828, с. 167.

Стр. 352. *Свитскіе офицеры* — командированные въ 1820-хъ годахъ въ Дерптъ для занятій преимущественно геодезіей у профессора Струве: *Г. В.*

Левицкій. Астрономы Юрьевскаго Университета съ 1802 по 1894 годъ. Юрьевъ 1899, с. 133—134; Біографическій Словарь, I, с. 309.

— *Слова Полеваго обо мнѣ.* Имѣется въ виду статья Н. П[олевого] о новыхъ книгахъ и, между прочимъ, о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ; здѣсь Полевой съ неодобреніемъ усматриваетъ въ стихотвореніяхъ Языкова, напечатанныхъ въ этомъ альманахѣ (см. прим. къ с. 344), «прозаическія напоминанія о Нѣмецкихъ Профессорахъ, восклицанія о винѣ, табакѣ, пуншѣ, студенческихъ бесѣдахъ, стараніе выискать новый оборотъ для старой мысли» (Московскій Телеграфъ 1828, ч. XIX, с. 127).

Стр. 354. *Твоимъ посѣщеніемъ.* Отъ этого посѣщенія Дерпта А. М. Языковымъ сохранилось его письмо къ В. Д. Комовскому (14 марта 1828, Дерптъ), интересное для характеристики взаимныхъ отношеній между братьями и тогдашнихъ плановъ Н. М. Языкова. Вотъ изъ него отрывокъ:

«...Мое пребываніе здѣсь зависитъ отъ пріѣзда брата, отъ котораго не имѣю никакихъ извѣстій; сверхъ того, вообразите испорченность дорогъ, прелесть уединенной и для меня совершенно новой жизни, желаніе утвердить планъ будущей нашей жизни, наконецъ множество сердечныхъ и умственныхъ приманокъ, могущихъ привлечь и задержать человѣка, не только слабаго, усидчиваго, какъ я, но и гораздо мудрѣйшаго и подвижнѣйшаго: и вы не удивитесь, если я замѣшкаюсь здѣсь мало толико; впрочемъ, участь моя теперь совершенно рѣшена, жребій брошенъ, братъ согласенъ идти со мною по одному пути рука объ руку, духъ мой почти совершенно окрѣпъ, надежда быть порядочнѣе, полезнѣе, достойнѣе своего званія — меня живитъ, ободряетъ и т. д. Братъ ничего новаго не написалъ, обѣщаетъ много. Экзаменъ его кончится не прежде осени» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

— *Онъ [Булгаринъ] купилъ деревню возлѣ самого города* — имѣніе Карлово, нынѣ составляющее предмѣстье города Юрьева.

Стр. 355. *Изъ стиховъ къ В[ульфу].* Имѣется въ виду стихотвореніе «Помнишь ли, мой другъ застольный...» (Стих., изд. Суворина I, с. 163). Сообщая это стихотвореніе А. Н. Вульфу въ письмѣ къ нему отъ того же 27 апрѣля 1828, Языковъ прибавляетъ: «Вотъ тебѣ стихи, мой почтеннѣйшій: это первые въ теперешней эпохѣ моей жизни, которая начинается моимъ переѣздомъ на квартиру [ср. письмо № CCXXIV] почти загородную, ту самую, гдѣ нѣкогда жилъ А. Тютчевъ, недалеко отъ Петербургской заставы — помнишь?» (Автографъ Импер. Публ. Библіотеки 1899, № 70. Ср. Русскій Архивъ 1867, с. 738—739).

— *Видѣлъ ли первый* [Аладьинъ] *послѣдняго* [Вронченка]. Въ письмѣ отъ 12 іюня 1828 Аладьинъ писалъ Языкову: «Благодарю Васъ за доставленіе мнѣ знакомства съ Вронченко; онъ очень умный, любезной и добрый малой; теперь я печатаю его Гамлета» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Стр. 356. *Остроградской* — Михаилъ Васильевичъ, знаменитый впослѣдствіи математикъ, академикъ С.-Петербургской Академіи Наукъ (1801—1861). Этимъ сообщеніемъ Языкова исправляется невѣрная дата въ біографіи Остроградскаго, будто онъ прибылъ изъ Парижа въ Петербургъ въ 1827 году [См. *В. Г. Алексѣевъ.* Мих. Вас. Остроградскій. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. VI. 1903, с. 147; Проф. *Бобынинъ.* М. В. Остроградскій — въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ. Обезьяниновъ-Очкинъ. Спб. 1905, с. 453]; какъ оказывается, это случилось въ 1828 году.

Стр. 357. *Облеуховъ* — Дмитрій Александровичъ, писатель переводчикъ (1790—1827). Вскорѣ послѣ его смерти (13 декабря 1827) былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828, № VII, с. 241—289, его переводъ Байронова «Манфреда». О переводѣ М. Вронченка см. прим. къ с. 346; о переводѣ Борга прим. къ с. 207. Переводъ отрывка изъ «Валленштейнова Лагеря» Шиллера, сдѣланный *С. П. Шевыревымъ*, былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 № II, с. 137—148.

Стр. 358. *Оденпё* — эстонское названіе (по-русски: Медвѣжья голова) мѣстечка и стариннаго замка, въ 41 верстѣ отъ Дерпта. Объ этомъ замкѣ и его значеніи въ исторіи Ливоніи см. статью: K. H. v. *Busse*. Die Burg Odenpäh und ihre frühere Bedeutung. Ein historischer Versuch. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausg. von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee-Provinzen. B. VI, S. 323—354.

Стр. 359. *Грамматинъ, Николай.* Слово о Полку Игоревомъ. Историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славянскомъ языкѣ прозой и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присоединеніемъ другаго буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. М. 1823.

— Разсужденіе о древней русской словесности. М. 1809.

Еп. Евгеній. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, съ приложеніемъ росписей Новгородскихъ древнихъ улицъ, монастырей, церквей, пятинъ Новгородскихъ и селеній въ оныхъ. М. 1808.

Митр. Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской іерархіи, съ присовокупленіемъ разныхъ грамматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской и Кіевской Софійской церкви и Ярославова надгробія. Кіевъ 1825.

— Описаніе Кіево-Печерской Лавры, съ присовокупленіемъ разныхъ грамматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ Лавры и обѣихъ пещеръ. Кіевъ 1826.

— *Странствованіе въ Печеры* — т. е. знаменитый Псково-Печерскій Успенскій монастырь, находящійся въ 44 верстахъ отъ Пскова.

— *Тихвинскій* — Александръ Васильевичъ, бывшій учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи, а затѣмъ и лекторомъ того же предмета въ университетѣ: см. *Е. Пѣтуховъ.* Каѳедра русскаго языка и словесности, с. 88—89.

— *Видѣлъ ли ты.* Подробный и неодобрительный разборъ «Сѣверной Пчелы» напечатанъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828, № VII, с. 398—424.

Стр. 362. *Писаревъ*, Александръ Александровичъ, бывшій попечителемъ Московскаго университета и пользовавшійся въ свое время нѣкоторой литературной извѣстностью, умеръ гораздо позднѣе, въ 1848 году; а въ 1828 году скончался другой Писаревъ, Александръ Ивановичъ, извѣстный водевилистъ.

— *Прейсъ* — Петръ Ивановичъ, впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургскаго университета, одинъ изъ первыхъ по времени ученыхъ славистовъ въ Россіи (ум. 1846).

Сообщаю здѣсь нѣкоторыя данныя, на основаніи архивныхъ документовъ, о службѣ П. И. Прейса въ Дерптской Гимназіи.

Отношеніемъ Училищной Комиссіи Дерптскаго Университета отъ

28 апрѣля 1828 года къ директору Гимназіи Розенбергу увѣдомлялось, что д. студ. Петербургскаго Университета Петръ Прейсъ (Peter Preuss) назначается младшимъ учителемъ русскаго языка въ Дерптскую гимназію, съ жалованьемъ 1500 р. въ годъ. Русскаго языка онъ имѣлъ 20 часовъ въ недѣлю; кромѣ того, преподавалъ въ младшихъ классахъ исторію и географію Россіи. Со 2 по 17 апрѣля 1832 года и съ 13 декабря 1833 по 7 января 1834 года ѣздилъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, въ Петербургъ.

Вотъ «аттестатъ», выданный Прейсу при оставленіи имъ службы въ Дерптской гимназіи:

«По указу Е. И. В. данъ сей аттестатъ титулярному совѣтнику Петру Ивановичу Прейсу въ томъ, что онъ русскій подданный, сынъ иностранца, бывшаго учителя музыки; въ службу вступилъ учителемъ русскаго языка при Дерптской Гимназіи 12 мая 1828 года, указомъ Правительствующаго Сената отъ 22 генваря 1834 года за № 276 произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 12 мая 1831 года; за усердіе къ службѣ получилъ благодарность Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа 24 февраля 1837 года; на открывшуюся вакансію помѣщенъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности при Дерптской гимназіи 10 октября 1837 года. Во время службы своей аттестовался всегда способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ; въ штрафахъ, подъ судомъ, въ отпуску и въ отставкѣ не былъ; отъ роду двадцати восьми лѣтъ, холостъ, римско-католическаго исповѣданія. Нынѣ же отъ должности старшаго учителя въ Дерптской гимназіи уволенъ осмнадцатого іюня сего 1838 года для причисленія его, согласно предписанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 10 іюня сего же года за № 6499, къ С.-Петербургскому университету. Во увѣреніе чего и данъ сей аттестатъ за подписью моею и приложеніемъ герба моего печати. Іюня 18 дня 1838 года. Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа Густавъ Крафстремъ».

[Архивъ Юрьевской Гимназіи: Acta des Dorpatischen Gouvernements-Schuldirectorats betreffend. Oberlehrer und Lehrer des Gymnasiums zu Dorpat. Vol. II. Vom Jahre 1828—1829. № 306].

— *Грефе,* Ѳ. Б. — извѣстный филологъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета и академикъ (ум. 1851).

— *Сюда скоро прибудутъ.* Имѣются въ виду члены Профессорскаго Института, основаннаго при Дерптскомъ университетѣ; собранные изъ разныхъ русскихъ университетовъ, они явились въ Дерптъ въ іюлѣ 1828 года: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ, I, с. 485—498.

— *Ждутъ новаго устава о цензурѣ.* Онъ послѣдовалъ уже 22 апрѣля 1828 года, взамѣнъ прежняго цензурнаго устава 10 іюня 1826 года.

— *Выходка Полевого*: см. прим. къ с. 352.

Стр. 363. *Крузе* — Фридрихъ, занимавшій каѳедру всеобщей исторіи въ Дерптѣ въ 1828—1853 годахъ.

— *Фольрафъ* — Карлъ, приглашенный на каѳедру камеральныхъ наукъ, финансовъ и торговли въ Дерптѣ и получившій 4 мая 1828 года утвержденіе министерства, но потомъ отказавшійся принять эту должность; съ 1 ноября 1828 года каѳедра эта была замѣщена Э. Д. Фридлендеромъ.

Стр. 364. Баронъ М. И. фонъ-деръ-Паленъ назначенъ былъ попечителемъ Дерптскаго университета и округа 31 мая 1828 года и оставался въ этой должности до 16 декабря 1835 года. Жилъ онъ во время своего попечительства

не въ Дерптѣ, а въ Ригѣ, бывши вмѣстѣ съ тѣмъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ, I, с. 345.

— *О помолвкѣ Пируши*: см. прим. къ с. 7.

— *Записочка Пушкина* — среди переписки Пушкина не извѣстна. По поводу отъѣзда Н. Д. Киселева, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ и въ стихотворномъ письмѣ къ Языкову 14 іюня [1827] года (см. прим. къ с. 334), онъ написалъ къ отъѣзжавшему Киселеву четверостишіе (14 іюня 1828 года): «Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы...» (Соч., ред. П. А. Ефремова, изд. Суворина, II. 147).

Стр. 365. *Историческій атласъ Керхера*: *Kärcher*, K. Orbis terrarum antiquus et Europa aevi medii. Forma maxima delineatus. 24 Tab. Karlsruhe 1827.

Стр. 366. *Виленскій*, Николай, родомъ изъ Пензы, изучалъ камеральныя науки въ Дерптѣ въ 1826—1830 годахъ (Alb. Acad. № 2213).

Стр. 367. *Кланяется мнѣ отъ Пушкина.* Въ письмѣ Аладьина къ Языкову отъ 19 іюля 1828, читаемъ: «Пушкинъ Вамъ кланяется и проситъ Васъ порядкомъ наложить руку на журналистовъ, особенно на Телеграфъ» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Стр. 368. *Лутковскій* — Николай Петровичъ, собиравшійся издавать на 1829 годъ альманахъ «Душенька»; его письмо къ Языкову отъ 28 іюля 1828, изъ Петербурга, упоминаемое здѣсь, сохранилось въ Языковскомъ Архивѣ [Академія Наукъ].

Стр. 369. *Невскій Альманахъ* на 1829 годъ, изданный *Е. Аладьинымъ*. Спб. 1828. — *Букетъ*. Карманная книжка для любителей и любительницъ театра на 1829 годъ. Изданная *Е. Аладьинымъ*. Спб. 1829.

— *Мейеръ*: см. прим. къ с. 164.

Стр. 370. *Бонстетенъ* (Bonstetten, Carl Victor), извѣстный швейцарскій писатель (1745—1832).

— *Сисмонди*, Жанъ-Шарль — знаменитый историкъ и экономистъ (1773—1842).

Стр. 371. *Здѣшній профессоръ Парротъ* — Іоаннъ-Яковъ, сынъ знаменитаго Г. Ф. Паррота (см. прим. къ с. 58), занимавшій каѳедру физики, освободившуюся послѣ его отца, въ Дерптѣ въ 1826—1841 годахъ. О его путешествіи на Араратъ см. письмо В. Ѳ. Ѳедорова къ Н. М. Языкову: Приложенія № 2.

— *Не позволилъ ихъ напечатать.* Отзывъ Императора Николая I о стихотвореніи Пушкина «Къ друзьямъ» («Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю...») см. Соч. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, изд. Суворина, VII, с. 292.

Стр. 373. *Онѣгина* — вѣроятно VI глава (ср. прим. къ с. 351), изданная отдѣльно: Спб. 1828. — «Черепъ (Посланіе къ Д.)» Пушкина былъ напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ, с. 100—107.

— *Альманахъ Дельвигов.* Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ напечатаны два стихотворенія Языкова: «А. Н. В-фу. Прощай, неси на поле чести...» (с. 65; ср. письмо № CCXXXVIII) и «Барону А. А. Дельвигу. Иные дни — иное дѣло!» (с. 134—137).

Клингерова Фауста: *F. M. Klinger.* Faust's, Leben, Thaten und Höllenfahrt. In fünf Büchern. Königsberg 1815.

Стр. 374. *Въ Альманахъ Аладьина.* Въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1829 годъ помѣщены слѣдующія стихотворенія Языкова: «Развалины. Ночь;

тихи небеса, съ восточнаго ихъ края...» (с. 7—8); «А. Н. С-ву. Прощай на долго, милый мой...» (с. 12—13); «А. Н. В—у. Помнишь ли, мой другъ застольной...» (с. 41—43); «М. Н. Д—й. Счастливый милостью судьбины...» (с. 129—133); «Ручей. Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей...» (231—232); «А—Ѣ. Какъ мысли творческой созданья...» (с. 238); «Романсъ. Конрадъ одѣвается въ латы...» (с. 248—250); «Дѣва ночи. Какъ эта ночь, стыдливъ и томенъ...» (с. 277—278); «Зима пришла. Какъ рада дѣвица краса...» (с. 334—336).

— *Нѣкто Соболевскій* — Сергѣй Александровичъ, извѣстный эпиграмматистъ, библіофилъ и библіографъ (1803—1870). По вопросу объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. біографію Соболевскаго, написанную *Ю. Верховскимъ*: Русскій Біографическій Словарь. Смѣловскій — Суворина. Спб. 1909, с. 39.

— *Поэму Мазепа* — очевидно «Полтава», написанная Пушкинымъ въ октябрѣ 1828 года.

— *Шевыревъ печатаетъ*. Переводъ «Лагеря Валленштейна», сдѣланный С. П. Шевыревымъ, былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828, ч. VII—IX; изданіе этого журнала было закончено М. П. Погодинымъ въ 1830 году.

— *Домъ сумасшедшихъ*. По списку этой знаменитой въ своемъ родѣ «сатиры», опубликованному *П. А. Ефремовымъ*, Гречу и Булгарину посвящено во второй половинѣ ея по одной строфѣ («Вотъ и Гречъ — нахалъ въ натурѣ...» и «Тутъ кто? Гречева собака забѣжала вмѣстѣ съ нимъ: то — Булгаринъ, забіяка...»); изъ женщинъ же попали въ «Домъ сумашедшихъ» Шишкова, Хвостова и Т. В. Вейдемейеръ: Домъ сумасшедшихъ. Сатира *А. Ѳ. Воейкова*. 1814—1838. Спб. 1874, с. 17—19.

— *Петерсонъ* — вѣроятно Александръ Петровичъ (род. 15 ноября 1800, въ Тулѣ), внѣбрачный сынъ П. Н. Юшкова, изучавшій въ Дерптѣ военныя науки (Alb. Acad. № 1368). По рожденію приходился родственникомъ Елагинымъ и Кирѣевскимъ (ср. письмо № CCLI).

Стр. 375. *Картины Кипренскаго*: весьма извѣстный въ свое время профессоръ живописи и портретистъ Орестъ Адамовичъ Кипренскій (1783—1836). О *Хрипковѣ* см. прим. къ с. 349.

— О «русской колоніи» въ домѣ Булгарина (см. прим. къ с. 354) есть свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ» *Юрія Арнольда*. Вып. I. М. 1892, с. 144—145, но тамъ ошибочно указано, будто и Языковъ жилъ у Булгарина: онъ тамъ никогда не жилъ.

— *О смерти Императрицы* — Маріи Ѳеодоровны, супруга Императора Павла I, скончавшейся 24 октября 1828 года.

Стр. 377. *Стихи Жуковскаго* — «У гроба Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ ночи наканунѣ ея погребенія» (нач. «Итакъ твой гробъ съ мольбой объемлю»), написанныя 12 ноября 1828: В. А. Жуковскій. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изд. 10, подъ ред. *П. А. Ефремова*. Спб. 1901, с. 245—246.

— *Яко пруи* — какъ саранча: часто употребляемое выраженіе въ Библіи и въ старыхъ памятникахъ русской литературы, напр. въ Лѣтописи.

Стр. 380. *Моей будущей обители въ Языковѣ*. Языково — село и родовая вотчина Языковыхъ, въ Симбирской губерніи и уѣздѣ, въ одной верстѣ отъ большаго московскаго тракта изъ Симбирска въ Корсунь, на берегу рѣки Уреня. Это имѣніе принадлежало самому поэту Н. М. Языкову и впослѣдствіи было

продано наслѣдниками симбирскому купцу Степанову: *В. Н. Поливановъ.* Село Языково. Къ пятидесятилѣтію кончины поэта Н. М. Языкова, 26 декабря 1896 года. Историческій Вѣстникъ 1896, № 12, с. 987—990. Ср. «Письмо въ редакцію» *Ник. В. Поливанова*: Симбирянинъ, отъ 5 ноября 1911, № 1320.

— *Новыя прибавленія:* см. прим. къ с. 374.

— *Моя рѣшительная воля объ оставленіи Дерпта.* По поводу этого извѣстія Н. Д. Киселевъ, бывшій товарищъ Н. М. Языкова (см. прим. къ с. 25), писалъ ему 19 февраля 1829, изъ Петербурга: «Радуюсь, какъ только можно радоваться, что ты рѣшаешься, наконецъ, оставить Дерптъ, но боюсь твоихъ сборовъ: они еще могутъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, и какое-нибудь неожиданное обстоятельство разрушитъ между тѣмъ благое твое намѣреніе. Избавься скорѣе отъ нѣмцевъ и пріѣзжай къ намъ пожить. Надобно стряхнуть чужеземную ржавщину и снова обратиться къ Баяну и къ предметамъ отечественнымъ. Многіе тебя здѣсь жаждутъ и надѣятся, что, съ возвратомъ твоимъ на родину, возвратятся и прежнія твои вдохновенія. Пушкинъ живетъ въ одномъ домѣ со мною: у Демута. Онъ помышляетъ о напечатаніи Мазепы; но игра занимаетъ его болѣе поэзіи, и одинъ пріѣздъ твой можетъ обратить его на путь истины» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

— *Всѣ стихи мои:* см. прим. къ с. 374.

Стр. 381. *Отрывокъ изъ историческаго романа Пушкина.* Имѣется въ виду напечатанная въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, с. 111—124, IV гл. изъ повѣсти «Арапъ Петра Великаго» подъ заглавіемъ: «IV глава изъ историческаго романа».

— *Сюда пріѣдетъ Императоръ* — проѣздомъ на коронацію въ Варшаву, куда Государь прибылъ 5 мая 1829.

— *Проф. Брёкеръ.* Э. Г. фонъ-Брекеръ занималъ въ Дерптѣ каѳедру мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, въ 1825—1831 годахъ, а потомъ перешелъ на каѳедру положительнаго государственнаго народнаго права и политики (1831—1850).

Стр. 384. *Фридлендеръ:* см. прим. къ с. 363.

— *Rau, K. D.* Lehrbuch der politischen Oekonomie. I Band, Heidelberg 1826; II Band, Heid. 1828.

— *Гартманъ* — книгопродавецъ въ Ригѣ.

Стр. 386. *Adelung Fr.* Die Korsunischen Thüren in der Kathedralkirche zur heil. Sophie in Nowgorod. Berlin 1823. Позднѣе былъ сдѣланъ П. Артемовымъ русскій переводъ этой книги: М. 1834.

К. Калайдовичъ. Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ. Изъ древнихъ русскихъ лѣтописей. М. 1821.

Николай Муравьевъ. Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новагорода. Спб. 1828.

Стр. 387. *Сюда пріѣхалъ Жуковскій.* На этотъ разъ онъ пробылъ въ Дерптѣ недѣлю: см. письмо его къ К. Зейдлицу изъ Дерпта отъ 29 апрѣля 1829: *К. Зейдлицъ.* Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, с. 253; Дневники В. А. Жуковскаго. Съ прим. *И. А. Бычкова*, с. 206.

Воейкова, А. А. — скончалась 16 февраля 1829 года въ г. Пизѣ, въ Италіи.

— Подснѣжникъ на 1829 годъ. Издалъ *Е. Аладьинъ.* Спб. 1829. Тутъ напечатаны стихотворенія Н. М. Языкова: «А. Н. В—фу на отъѣздъ его въ

армію. Еще тебя благословляю...» (с. 160); «Элегія. Мечты любви — мечты пустыя!...» (с. 240—241); «Эпилогъ. Не долго мнѣ подъ этимъ небомъ...» (с. 241—247).

— *Наконецъ, я покинулъ Дерптъ.* Въ Языковскомъ Архивѣ [въ Академіи Наукъ] сохранилась подорожная, выданная «студенту Николаю Языкову до столичнаго города Москвы», помѣченная «Дерптъ, 11 мая 1829 года» и подписанная Рижскимъ военнымъ и Псковскимъ, Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ Генералъ-губернаторомъ, маркизомъ Паулуччи, а также удостовѣреніе отъ 8 мая 1829 года, выданное отъ университета (за подписью ректора Густ. Эверса), о томъ, что «объявитель сего г. студентъ Николай Языковъ отъѣзжаетъ отсюда въ Симбирскъ. Того ради Господа на заставахъ команду имѣющіе благоволятъ пропускать его туда и обратно безъ задержанія». На оборотѣ этого документа есть отмѣтка: «Москва, 23 маія 1829 года Яузской части въ первомъ кварталѣ явленъ».

Изъ писемъ, полученныхъ Н. М. Языковымъ въ послѣднія недѣли и дни его пребыванія въ Дерптѣ, приводимъ здѣсь два, писанныя лицами, близкими Языкову въ дерптскій періодъ его жизни:

Отъ Е. Аладьина къ Языкову:

Вчера писалъ я къ вамъ, почтеннѣйшій Николай Михайловичъ, о смерти любимой и уважаемой всѣми А. А. Воейковой; сегодня долженъ быть снова вѣстникомъ ужаснаго произшествія. Кто изъ насъ не удивлялся и не радовался, что почти всегда слѣпая фортуна улыбнулась, наконецъ, любимцу Музъ, въ короткое время осыпала съ головы до ногъ своими дарами. Я говорю о Грибоѣдовѣ — чины, кресты, деньги, званіе Императорскаго полномочнаго министра и молодая прелестная жена — право не шутка! Но увы! всѣми этими благами онъ наслаждался слишкомъ недолго. Въ Тегеранскихъ гаремахъ томилось много христіанокъ; по прибытіи единовѣрнаго посланника начались побѣги — и домъ его былъ убѣжищемъ несчастныхъ жертвъ насилія; варвары перетолковали это въ дурную сторону и ночью, въ расплохъ, напали на домъ нашего посольства, которое все, начиная съ Грибоѣдова до послѣдняго козака, истреблено; не знаю, какимъ чудомъ спасся секретарь посольства Мальцовъ. Шахъ, узнавъ о семъ произшествіи, тотчасъ приказалъ казнить главныхъ зачинщиковъ. Жена Грибоѣдова оставалась еще въ Тавризѣ и не раздѣлила съ нимъ постигшей его участи.

Вотъ вамъ новости, и, кажется, достойныя вашей Музы. Если что-нибудь напишите, то обяжете присылкой

вашего покорнаго слугу
Егора Аладьина.

16 марта, 1829.
[Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Отъ П. А. Осиповой къ Языкову:

Апрѣля 8. 1829.

Христосъ Воскресъ, Милостивой Государь Николай Михайловичъ! Мой Алексей уѣхалъ 8 числа прошлаго мѣсяца, и с техъ поръ и весточки отъ него нетъ. Онъ облекся въ доломанъ, и гдѣ носятъ его кони, мы не вѣдаемъ Но бывъ теперь лишена удовольствія чрезъ него слышать о васъ, вздумала сама спросить васъ, здоровы ли вы, что вы дѣлаетѣ, не что вы думаете —

а думаетѣ ли иногда о насъ? Когда возвратитесь вы на матушку Русь? и когда направите путь отъ севера къ востоку, то не заглянете ли вы въ семейство друга, которое готово въ васъ встрѣтить родного по сердцу. Вообразите, что пишу къ вамъ изъ хижины, которую величаютъ домомъ, и что снегъ еще на дворѣ лежитъ наравнѣ съ окнами, и что 4 дня тому назадъ былъ морозъ въ 15 градусовъ, и потому цвѣты наши еще не показывались, кромѣ снѣговыхъ бахромъ у оконъ ничего не видать.

Дельвигъ къ Святой Недѣлѣ издаетъ Подснежникъ; вотъ одинъ здѣсь нашла, которой вамъ посылаю, а петербургскіе еще не бывали.

Желаю вамъ всѣхъ благъ возможныхъ и вами желаемыхъ, и нѣжнаго, нѣжнаго дружелюбія къ искренно васъ очень, очень любящей

Прасковьи Осиповой.

С. Малинники.

Будете если ко мнѣ писать, то надписывайте въ г. Торжокъ.

На сибѣ, образующемъ конвертъ:

Въ Дерптъ. Его Высокоблагородію Николаю Михайловичу Языкову.

При семъ письмѣ слѣдуетъ посылка въ ящичкѣ, ценою на шестнадцать рублей подъ литерою O. N. A.

[Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Стр. 388. *XII Карамз[ина]:* см. прим. къ с. 269.

Стр. 389. *Петру Алекс[андровичу]* — Бестужеву, мужу Прасковьи Мих. Языковой: ср. прим. къ с. 7.

— Въ дополненіе къ напечатаннымъ письмамъ присоединяемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Н. М. Языкова къ роднымъ, писанныхъ въ 1830 году изъ Москвы и касающихся его дерптскаго, только что покинутаго, ученья:

Москва 1830, 23 іюля: «У меня все еще продолжается переписка съ Дерптомъ — о присланіи мнѣ аттестата на право здѣсь экзаменоваться: мѣсяца съ два назадъ писалъ я объ этомъ къ Хрипкову, и только на сихъ дняхъ получилъ отъ него отвѣтъ самый неудовлетворительный и ярко свидѣтельствующій, что вопрошаемый не понялъ спрашиваемаго».

Москва 1830, 3 августа: «Я все еще нахожусь въ ожиданіи аттестата отъ Дерптскаго университета; причиною замедленія присылки онаго то, что мои объ немъ письма пришли туда во время каникулъ — 23 прошлаго мѣсяца они окончились; итакъ, на дняхъ я получу и тотчасъ приступлю къ принятію рѣшительныхъ мѣръ: надобножъ хоть чѣмъ нибудь, хоть какъ нибудь и хоть поздно, всетаки лучше нежели никогда, покончить сіе непомѣрно долгое томленіе духа моего, и тѣмъ несноснѣйшее, что дѣло идетъ о пустякахъ!».

Москва 1830, 28 августа: «Наконецъ, я получилъ изъ Дерпта отвѣтъ на мое желаніе получить отъ тамошняго университета аттестатъ на право экзаменоваться здѣсь — и отвѣтъ очень, очень огорчительный, преимущественно для васъ, мои родные братья. Надобно вамъ сказать, что я, отправляясь изъ Дерпта, не отобралъ у профессоровъ, коихъ лекціи слушалъ, записокъ, что слушалъ (и не могъ бы, потому что важнѣйшій мой профессоръ умеръ въ тѣ дни въ Ревелѣ), ободренный словами Эверса, обѣщавшаго мнѣ немедленно прислать все, что потребуется, если вздумаю гдѣ бы то ни было экзаменоваться, а дѣло вотъ въ чемъ. Эверсъ при смерти болѣнъ (у него дѣлается ракъ въ головѣ), и до него никакія дѣла теперь не доходятъ; должность же ректора исправляетъ

другой, человѣкъ характеромъ своимъ очень подобный нашему Перевощикову и вовсе не имѣющій желанія нарушать законныя формы для кого бы то ни было, а безъ означенныхъ записокъ аттестатъ на вышереченное право не выдается. Вотъ и все. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе, что мнѣ хочется здѣлать со мною, ибо теперь лучшій изъ моихъ плановъ, кажется, рушится, потому что въ нѣкоторомъ смыслѣ основывался на моемъ кандидатствѣ» [Языковскій Архивъ, въ Академіи Наукъ].

Приводимъ также три сохранившіяся въ тѣхъ же бумагахъ Н. М. Языкова записки отъ дерптскихъ профессоровъ о слушанныхъ имъ лекціяхъ; двѣ первыя, писанныя по-нѣмецки, представлены тутъ въ тогдашнемъ переводѣ:

Проф. *В. Ф. Клоссіусъ:* «Г. фонъ-Языковъ изъ Симбирска слушалъ у меня съ большимъ усердіемъ европейское международное право. Дерптъ, 18 февраля 1829».

Проф. *Г. В. Еше:* Удостовѣряется, что Языковъ «прилежно и внимательно» слушалъ лекціи «по психологіи, также и по энциклопедіи философскихъ наукъ и богословской философіи (Religionsphilosophie)». Дерптъ, 19 февраля 1829.

Проф. *В. М. Перевощиковъ:* «Г. Языковъ слушалъ мои преподаванія о Исторіи Россійской Словесности. 19 февраля 1829».

Указатель личныхъ именъ

къ тексту писемъ Н. М. Языкова и №№ 1—6 «приложеній»[1]).

Адеркасъ, Ф. В., проф. 324.
Аладьинъ, Е. В. 187. 198. 200. 215. 235. 245. 249. 267. 268. 283. 285. 301. 302. 321. 322. 324. 340. 343. 344. 347. 355. 357. 358. 361. 363. 367. 369. 374. 377. 380.
Аракчеевъ 251.
Альфьери 204.
Арсеньевъ, К. 34. 45. 50. 52. 308. 310.

Байронъ 33. 203. 207. 212. 266. 267. 270. 280. 346. 411.
Баратынскій, Е. А. 27. 31. 138. 161. 243. 351.
Батюшковъ, К. Н. 4. 20. 53. 134. 136. 351.
Бахтинъ, Н. И. 32. 33. 42. 44. 69. 70. 71. 72. 73. 277. 278. 299.
Бенжаменъ Констанъ 192. 211.
Берманъ, Г. 45.
Бестужевъ-Марлинскій, А. 38. 122. 157. 165. 186. 205.
Блеръ 13.
Бонстеттенъ, К. В. 370.
Боргъ, К. Ф. 12. 13. 14. 15. 16. 18. 21. 22. 23. 24. 26. 27. 28. 31. 32. 37. 39. 41. 43. 44. 48. 52. 53. 54. 55. 67. 69. 72. 77. 78. 79. 82. 84. 86. 91. 98. 125. 212. 357.
Булгаринъ, Ѳ. В. 113. 133. 146. 163. 176. 179. 187. 218. 244. 248. 278. 297. 300. 321. 348. 351. 354. 368. 374. 375.
Бунина, А. П. 44. 64.

Валуевъ, А. Д. 6. 11. 23. 41. 102. 133. 136. 150. 154. 163. 174. 195. 247. 293. 325. 408.
Вальтеръ-Скоттъ 14. 19. 20. 26. 50. 78. 83. 85. 99. 104. 212.
Веберъ, Л. 21. 34. 39. 46.
Веневитиновъ, Д. 413.
Висковатовъ, С. И. 204.
Воейкова, А. А. 39. 44. 49. 54. 55. 56. 58. 59. 69. 76. 77. 85. 89. 99. 116. 119. 121. 157. 158. 160. 161. 162. 165. 167. 168. 170. 173. 174. 175. 176. 179. 181. 183. 184. 201. 202. 212. 213. 214. 222. 223. 227. 253. 285. 295. 300. 302. 307. 315. 319. 320. 327. 340. 369. 370. 387. 393. 396. 397. 416.
Воейковъ, А. Ѳ. 14. 15. 16. 19. 21. 22. 26. 29. 32. 35. 37. 41. 43. 55. 65. 68. 81. 82. 91. 93. 95. 99. 112. 118. 132. 133. 176. 212. 221. 369. 374. 380.
Востоковъ, А. Х. 35.
Вронченко, М. П. 346. 347. 349. 351. 352. 353. 355. 357. 358. 400.
Вульфъ, А. Н. 286. 287. 347. 350. 355. 361. 362. 372. 381. 393. 399. 400. 411—414.
Вяземскій, П. А., кн. 31. 113. 118. 122. 137. 185. 187. 294. 321.

Галичъ, А. 234. 410. 411.
Гамсъ, А. 14. 19. 26. 28. 34. 35. 39. 41. 42. 46. 50.
Гете 153. 158. 207. 367. 373.
Гиббонъ 119.
Глинка, Ѳ. Н. 23. 268. 293.
Гнѣдичъ, Н. И. 18. 43. 165. 281. 293. 318. 374. 413.

1) Сюда не вошли: имена самого Н. М. Языкова, его братьевъ, матери, сестеръ, очень часто упоминаемыхъ въ письмахъ; имена авторовъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки въ «приложеніяхъ»; имена авторовъ научныхъ и литературныхъ сочиненій, упоминаемыхъ единично и вполнѣ случайно Языковымъ въ его письмахъ; разныя личныя имена, не могущія имѣть значенія для изученія издаваемыхъ писемъ.

Гольдшмитъ 118.
Гофманъ, А. Л. 14. 19. 22. 25. 29. 32. 39. 42. 127. 184. 191. 192. 195. 294. 321. 351. 353. 355. 356. 358.
Грамматинъ, Н. Ѳ. 204. 358.
Гречъ, Н. И. 23. 36. 43. 97. 163. 244. 279. 356. 374. 375.
Грибовскій, М. 18.
Грибоѣдовъ, А. С. 156. 162. 164. 175. 177. 183. 187. 203. 205. 208. 237. 309. 354.
Грильпарцеръ 207. 211. 217.
Грудевъ 6. 7. 14. 19. 21. 23. 25. 32. 43. 102. 113. 153. 297. 310. 408. 409.

Дельвигъ, А. А. 19. 22. 37. 41. 47. 49. 52. 53. 57. 68. 72. 79. 81. 86. 89. 93. 123. 128. 207. 223. 226. 229. 247. 295. 299. 300. 344. 349. 373. 374.
Денонъ 193.
Державинъ, Г. Р. 33. 39. 111. 145.
Дирина, А. С. 298. 302. 310.
Дирина, М. Н. (въ зам. Ф. Рейцъ) 89. 106. 107. 116. 146. 176. 178. 184. 191. 195. 200. 202. 204. 205. 212. 227. 245. 252. 267. 315. 320. 348. 413. 415—429.
Диринъ, П. Н. 292. 294. 298. 302. 304.
Дмитріевъ, И. И. 23. 113. 122. 245. 292. 345.
Дмитріевъ, М. 187. 296. 321. 336.

Еверсъ (Эверсъ), Г., проф. 71. 80. 88. 97. 105. 111. 120. 142. 151. 184. 192. 193. 199. 211. 267. 293. 304. 345.
Езопъ (Эзопъ) 99. 111.
Енгель (Энгель) 130.
Енгельгардтъ (Энгельгардтъ), М. Ф., проф. 127.
Ердманъ (Эрдманъ), І. Ф., проф. 345.
Еше, Г. В., проф. 214.

Жуковскій, В. А. 43. 49. 54. 56. 58. 59. 61. 65. 69. 70. 98. 102. 116. 118. 124. 128. 134. 136. 181. 185. 216. 221. 224. 229. 249. 250. 321. 343. 347. 349. 354. 377. 387. 413. 414.

Измайловъ, А. 112. 133. 223. 235. 268.
Измайловъ, В. 337. 341.
Ильичевскій, А. Д. 56. 62. 63. 67. 68. 70. 71. 72. 77. 94. 146. 161. 162. 176. 177. 247. 314. 317. 327. 349.
Иммерманъ 211. 251. 307.

Кайдановъ, И. К. 24. 28. 43. 45. 48. 50. 52. 203.
Калайдовичъ, К. Ѳ. 31. 57.
Кальдеронъ 205. 210. 213.
Каменскій (Бантышъ-Каменскій), Д. 31.
Карамзинъ, Н. М. 24. 28. 29. 31. 37. 40. 43. 48. 55. 71. 74. 77. 88. 119. 122. 193. 259. 265. 269. 300. 346.
Каратыгинъ, В. А. 7. 8. 18. 21. 25. 28. 43. 310.
Карнѣевъ, Е. В. 194.
Катенинъ, П. А. 18. 21. 25. 34. 217. 220. 278. 299. 300. 308. 310. 321. 324. 334.
Кеппенъ, П. И. 133.
Кернеръ 17. 25. 30.
Кикинъ, П. А. 72. 124. 141. 152. 153. 254. 279. 281. 302.
Кирѣевскій, И. В. 388.
Киселевъ, Н. Д. 30. 45. 47. 120. 124. 146. 175. 183. 184. 224. 229. 281. 295. 301. 319.
Клингеръ, Ф. И. 373.
Клоссіусъ, В. Ф., проф. 195.
Княжевичъ, В. М. 60. 62. 64. 65. 69. 70. 75. 76. 77. 79. 87. 92. 94. 110. 113. 118. 131. 151. 156. 162. 187. 196. 213. 215. 243. 247. 268. 295. 296.
Козловъ, И. И. 128. 349.
Комовскій, В. Д. 192. 243. 293. 340. 380. 386. 387.
Корнель 13. 15. 34.
Кошанскій, Н. 33. 73.
Крыловъ, И. А. 21. 23. 25. 31. 98. 113. 118. 149. 215. 245. 281.
Куницынъ, А. П. 31. 211.
Кюхельбекеръ, В. К. 197. 205. 207. 220. 307.

Лагарпъ, І. Ф. 13.
Лакруа 28. 38.
Ламартинъ 50.
Лампе, Ф., проф. 96.
Ледебуръ, К. Х., проф. 107. 306. 320.
Лейтанъ, Г. І. 414.
Леманъ, І. Ф. 350. 414.
Лербергъ, А. Х. 142. 148. 151. 193.
Лессингъ 130.
Ливенъ, К. А., кн. 305.
Лобысевичъ, П. 33.
Ломоносовъ 214.
Лукинъ 4. 6. 11. 40. 110. 111. 120. 121. 295.
Лунинъ, М. М. 403—405. 414.
Любарскій, В. В. 5. 9. 10. 11. 12. 14. 16. 20. 22. 25. 29. 32. 33. 36. 39. 45. 47. 48. 58. 62. 64. 65. 72. 85. 97. 153. 155. 237. 250. 327.

Магницкій, М. Л. 250.
Маллетъ 21. 28.
Манштейнъ 81. 97.
Марія Павловна, в. кн. 193. 194.
Мартыновъ, И. И. 99. 203.

Мерзляковъ, А. Ѳ. 186. 188. 308. 310.
Мечниковъ, Е. И. 58. 69.
Мицкевичъ 400.
Мойеръ, И. Ф., проф. 199.
Мойеръ, М. А-на (рожд. Протасова) 59. 61. 65.
Моне 193.
Моргенштернъ, К., проф. 107. 127.
Муравьевъ-Апостолъ, И. М. 128. 193. 196.

Нарѣжный 150.
Наумовъ, П. С. 71. 72. 81. 98. 199.
Наумовъ, В. М. 300. 302. 322. 325. 359. 363. 366. 375. 376. 377. 381. 383. 385. 388. 398.
Нейманъ, І. Г., проф. 151.
Нодье 215.
Норовъ 7.

Озанъ, Г., проф. 104.
Озеровъ, В. А. 18. 33. 310.
Осипова, П. А. 256. 270. 421.
Остроградскій, М. В. 356.
Очкинъ, А. Н. 14. 18. 20. 27. 29. 32. 39. 40. 51. 75. 81. 86. 93. 110. 113. 139. 143. 148. 152. 156. 157. 158. 159. 161. 162. 164. 166. 168. 176. 185. 186. 192. 193. 202. 205. 213. 216. 219. 221. 243. 270. 279. 284. 295. 296. 298. 301. 309. 310. 316. 318. 351. 384. 386. 400.
Очкинъ, П. 38.

Паленъ, М. И. 364.
Парротъ, Г. Ф., проф. 58. 84. 88. 107. 152. 156. 400. 401. 402.
Парротъ, І. Я., проф. 345. 371.
Пельцеръ, К. 288. 355. 412.
Перевощиковъ, В. М., проф. 14. 16. 28. 35. 36. 39. 41. 43. 49. 53. 62. 63. 69. 71. 73. 76. 77. 79. 80. 88. 89. 93. 97. 107. 119. 120. 143. 151. 177. 212. 242. 281. 296. 314. 337. 352. 357. 364. 365. 366.
Пиронъ 51.
Плавильщиковъ, В. А. 18. 32—33. 38. 45. 58.
Плетневъ, П. А. 120. 342.
Погодинъ, М. П. 193. 297. 302. 318. 365. 374.
Погожевъ 14. 15. 19. 20. 22. 23. 25. 27. 30. 31. 32. 34. 35. 37. 38. 39. 41. 45. 47. 48. 52. 54. 55. 64. 65. 68. 73. 75. 78. 79. 81. 100. 102. 110. 116. 120. 132. 143. 146. 153. 156. 158. 164. 177. 192. 193. 198. 213. 295.
Полевой, Н. А. 185. 187. 244. 352.
Прейсъ, П. И. 362.
Протасова, Е. А. 32.
Пушкинъ, А. С. 15. 18. 21. 26. 27. 31. 73. 94. 100. 106. 118. 128. 136. 138. 146. 155. 156. 157. 161. 196. 199. 204. 223. 234. 243. 247. 249. 254. 256. 261. 263. 269. 278. 290. 292. 309. 314. 316. 319. 322. 324. 333. 334. 343. 349. 353. 364. 367. 371. 373. 374. 377. 381. 412. 413. 414. 421.
Пфеффель 63. 68.

Рамбахъ, Ф. Э., проф. 206.
Раупахъ, Э. В., проф. 410.
Раупахъ, К. Э. 395.
Рейцъ, А., проф. 252. 356. 378.
Рихтеръ, А. 33. 200.
Розенкампфъ, Г. А. 31.
Рылѣевъ, К. Ѳ. 163. 197. 249. 266.

Садовниковъ, Д. Н. 393. 406—411. 421.
Свербеевъ, Д. Н. 3. 7. 16. 30. 41. 47. 57. 58. 60. 62. 64. 69. 72. 150. 295. 300. 301. 306. 310. 329. 330. 334.
Сегюръ 57.
Семенова, Е. С. 9. 18. 21. 25. 32. 39. 298. 327.
Семеновъ, С. М. 4. 18.
Серафимъ 15.
Сисмонди 370.
Слёнинъ 23. 52.
Соболевскій, С. А. 374.
Соколовъ, Д. И. 6.
Сомовъ, О. 307.
Спасскій, Г. И. 9. 10. 20. 32. 36. 39. 75. 81.
Сперанскій, М. М. 344.
Станевичъ 198.
Степановъ, А. 329. 357. 359. 360. 362. 364. 367. 368. 374.
Стернъ 71.
Строевъ, П. М. 28.
Сумароковъ, А. П. 310.
Сумароковъ, П. 97.
Сушковъ, Н. В. 9.

Таппе 24. 31.
Татариновъ, А. Н. 303. 321. 324. 325. 326. 332. 338. 341. 342. 366. 383. 393—400. 421.
Татариновъ, Н. И. 209. 219. 220. 221. 237.
Тассо 35. 296.
Теръ 208.
Тибуллъ 199.
Тикъ 206. 207. 210. 281.
Тихвинскій, А. В. 359.
Тредьяковскій, В. К. 12. 34.
Туманскій, В. И. 120.
Тюммель 68.
Тютчевъ, А. Н. 308. 309. 314. 356. 357. 383. 393. 413.

Уваровъ, С. С. 179. 215. 294. 344.

Филаретъ 55. 62. 65. 71.
Фишеръ, Г. И. 9. 10. 11.
Фольграфъ, К., проф. 363.
Франке, І. В., проф. 107.
Френъ 193.
Фридлендеръ, Э. Д., проф. 384. 395.
Фуксъ 324.
Фульда 206. 210.

Хвостовъ, Д. И., гр. 64. 67. 78. 342. 349. 371.
Херасковъ 178.
Хрипковъ, А. 354. 356. 366. 370. 375. 404. 413.

Цертелевъ, Н. А., кн. 31.

Чулковъ 37.

Шаплетъ 216. 219. 221.
Шаховской, А., кн. 8. 293. 308.
Шевыревъ, С. П. 357. 365. 374.
Шекспиръ 205. 207. 281. 296. 307. 349. 400.
Шенье 150.
Шепелевъ, П. Н. 288. 356. 358. 393. 412. 421.
Шиллеръ 53. 62. 64. 68. 69. 81. 118. 120. 145. 150. 158. 207. 411.
Ширинскій-Шахматовъ, С., кн. 196. 197. 198. 205.
Шишковъ, А. С. 35. 135. 184. 188. 189. 302.
Шлецеръ, А. Л. 193.

Эленшлегеръ 213.

Якоби 28.
Якубовичъ, А. И. 266.

Ѳедоровъ, Б. 300.
Ѳедоровъ, В. Ѳ. 400—402.

Замѣченныя погрѣшности при печатаніи:

Стр. 25. Послѣ «Норова» пропущена запятая. — 106. Не все-таки вм. но все-таки. — 123. И[вачевой] вм. И[вашевой]. — 128. Мур[авьева]-Ам[урскаго] вм. Мур[авьева]-Ап[остола]. — 134. Тепершнемъ вм. теперешнемъ. — 142. Пропущено обозначеніе адресата при п. № CXXXV: А. М. Языкову. — 201. Нежелп вм. нежели. — 209. Въ чѣмъ вм. въ чемъ. — 211. Неразобранное можно прочесть: Подъ стать *попу съ рогами*. — 221. Пропущено обозначеніе адресата при п. № LXXVII: А. М. Языкову. — 282. Неохобдимое вм. необходимое. — 300. Schöne вм. Schöne. — 448. А. А. Воейковъ вм. А. Ѳ. Воейковъ.

Цѣна: 2 руб. 25 коп.; Prix: 5 Mrk.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея коммиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasunov et C. Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikov à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.